МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Богомолов Игорь Константинович

Цензура в России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 годов)

Специальность 5.6.1. Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Том 1

Научный консультант:
доктор исторических наук, доцент
Д.А. Андреев

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Том 1

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА 1. ОРГАНИЗАЦИЯ И СТРУКТУРА ЦЕНЗУРЫ В РОССИИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 67

1.1. Разработка Устава о печати в 1912–1914 гг. и довоенные дискуссии о цензурной реформе 67

1.2. Проекты организации военной цензуры в 1904–1914 гг. 81

1.3. Начало Первой мировой войны и формирование военно-цензурной системы 93

1.4. Реформы военной цензуры в 1915 – начале 1917 гг. 133

1.5. Кадровый состав военно-цензурных органов 152

1.6. Женщины в военно-цензурной системе: от «переводчиц» к цензорам 174

ГЛАВА 2. ЦЕНЗУРА ПОЧТЫ И ТЕЛЕГРАФА В 1914 – ФЕВРАЛЕ 1917 гг. 188

2.1. Повседневная работа цензуры писем, телеграмм и посылок 188

2.2. Почтово-телеграфная цензура и общество 207

2.3. Шпионаж, тайнопись и военная цензура 229

2.4. Фронтовая журналистика и цензура 252

2.5. Бытовые условия работы почтово-телеграфной цензуры 261

Том 2

ГЛАВА 3. ЦЕНЗУРА ПЕЧАТИ В РОССИИ (1914 – ФЕВРАЛЬ 1917 гг.) 3

3.1. Инструкции и повседневная работа цензуры книг, газет и журналов 3

3.2. Печать, общество и цензура: взаимодействие и восприятие 37

3.3. «Священное единение», «патриотическая тревога» и военная цензура 52

3.4. Правительство и цензурный вопрос между
думскими сессиями (сентябрь–декабрь 1915 г.) 75
3.5. Цензура печати накануне революции
(январь 1916 – февраль 1917 гг.) 102

ГЛАВА 4. ЦЕНЗУРА ПУБЛИЧНЫХ ЗРЕЛИЩ,
РЕЧЕЙ И ДОКЛАДОВ В 1914 – ФЕВРАЛЕ 1917 гг. 143
4.1. Драматическая цензура: инструкции и повседневная работа 143
4.2. Контроль за кинематографом накануне
и в годы Первой мировой войны 174
4.3. Цензура речей и докладов в 1914 – феврале 1917 гг. 202

Том 3

ГЛАВА 5. ЦЕНЗУРА В РОССИИ
В ФЕВРАЛЕ 1917 – МАРТЕ 1918 гг. 3
5.1. Февральская революция и цензура старого порядка 3
5.2. Цензурная политика Временного правительства
в марте–августе 1917 г. 31
5.3. Попытки реформ военной цензуры в сентябре–октябре 1917 г. 54
5.4. Политика большевиков в области цензуры печати
(октябрь 1917 – март 1918 гг.) 72
5.5. Реформа военного контроля в конце 1917 – начале 1918 г. 85
5.6. Революция и цензура театра и кино 98

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 119
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 128
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 168

ВВЕДЕНИЕ

Научная значимость и актуальность темы исследования. С наступлением эпохи модернизации индустрия средств массовой информации стала важнейшим инструментом воздействия на массовое сознание. Такое воздействие резко усиливалось в ситуациях военных конфликтов и особенно в годы первого масштабного противостояния XX в. – Первой мировой войны. Для противодействия вражеской пропаганде и сохранения собственной военной тайны участники этого конфликта стремились регулировать распространение информации посредством печати, публичных выступлений, а также направленно воздействовать на общественные настроения с помощью культурных предприятий, в том числе театра и кинематографа. Таким регулятором стала цензура, превратившаяся в значимый институт общественно-политической жизни воевавших государств.

Для России Первая мировая война стала сильнейшим потрясением, проверкой на прочность как на поле боя, так и на «внутреннем фронте». Затяжное участие в столь масштабном конфликте требовало наличия эффективных инструментов контроля распространения информации. Революция 1905 г., с одной стороны, привела к формальной отмене цензуры и реформированию надзора за печатью, зрелищами, речами и докладами. С другой стороны, опыт Русско-японской войны свидетельствовал о необходимости подготовки законодательной базы для создания в военное время специальных цензурных органов с чрезвычайными полномочиями. Эта база была создана, но о том, как функционировала военная цензура в последние годы существования императорской России, известно мало.

Такая ситуация, конечно, характерна не только для цензуры. Хотя Первую мировую войну уже нельзя, как раньше, назвать «великой и забытой» российским обществом, многие страницы ее истории по-прежнему остаются вне интереса историков. Одна из главных причин – неразрывная связь Первой мировой войны и революции 1917 г. – важнейшего события

российской истории XX в. Влияние ее на отечественную историографию столь велико, что и сегодня она создает устойчивую иллюзию полного крушения «старых» государственных и общественных институтов и зарождения «новых» без какой-либо «наследственности», на совершенно иных, неповторимых основаниях. Эта точка зрения, основанная на подчас излишней для ученого-историка романтизации и демонизации революции 1917 г., привела на деле к неполной истории и «старого», и «нового». Десятилетиями существуют «серые зоны», остающиеся за пределами повествования. Лишь относительно недавно характерное для зарубежной русистики преодоление «революционного барьера» [1] затронуло и отечественную историческую науку. Развитие институтов, социально-экономических, политических, культурных процессов все чаще рассматривается в общем контексте, без привязки к 1917 г. как к конечной дате или точке отсчета.

Истории русской цензуры 1914–1918 гг. в этом смысле «повезло» меньше других исследовательских направлений. До сих пор сведения о ней обрывочны, а повествование, как правило, ограничивается перечислением дат и основных нормативно-правовых документов. Известно ныне, что в России было введено в действие «Временное положение о военной цензуре», при штабах фронтов и военных округов созданы военно-цензурные комиссии, в провинции работали военные цензоры, просматривавшие печать и почтово-телеграфную корреспонденцию. В ходе революции эта система подверглась реформам сначала Временного правительства, а затем Советской власти. С 1920-х гг. информация о русской цензуре времен Первой мировой войны крайне редко появлялась в исследованиях из-за секретности архивных фондов, гласных и негласных запретов, действовавших вплоть до распада СССР.

---

[1] Подробнее см.: *Богомолов И.К.* Великая российская революция в современной зарубежной историографии // Российская история. 2021. № 5. С. 114–131.

Одним из последствий этих ограничений для современной историографии стало во многом искусственное разделение истории цензуры в России на «до» и «после» 1917 г. Ликвидация Главного управления по делам печати (ГУДП), торжественное упразднение и скорое возвращение цензуры Временным правительством, декрет «О печати» и цензурная политика большевиков в первые месяцы после прихода к власти – все эти события неизменно и вполне заслуженно оказываются в центре внимания историков, но отводят на второй план не менее важные вопросы, на которые до сих пор нет четкого ответа: как функционировала военно-цензурная система до и после Февральской революции, кто в ней работал и какое влияние она оказала на формирование цензуры советской. Исследования этого своеобразного «переходного периода» практически отсутствуют, информация о нем фрагментирована и рассмотрена поверхностно, из-за чего создается впечатление, что ГУДП и военно-цензурные органы, их структурное и идейное наследие безвозвратно канули в лету после издания нескольких документов, а большевики создали свою военно-цензурную систему фактически с чистого листа. История других учреждений раннесоветского периода приводит к мысли, что и в таком важном деле, как цензура, организационный опыт предшественников не был проигнорирован большевиками. Таким образом, на примере истории цензуры в России в 1914–1918 гг. можно проследить, как происходил институциональный транзит в этот переломный период, как функционировала сама эта система регулирования информационной и культурной политики и как она в целом влияла на жизнь общества и страны в годы Первой мировой войны.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является институт цензуры как регулятор общественно-политических и культурных процессов в России в 1914–1918 гг. Предмет исследования – государственная цензурная политика, а также практики цензуры и самоцензуры в России в период ее участия в Первой мировой войне.

Хронологические рамки исследования определяются его проблематикой и связаны с периодом участия России в Первой мировой войне с июля 1914 г. по март 1918 г. Основная нижняя рамка работы связана с введением в действие «Временного положения о военной цензуре» 20 июля 1914 г., на следующий день после объявления Германией войны России, с чего началось формирование военно-цензурной системы на основе существовавших ранее и вновь созданных цензурных органов. Но для раскрытия предыстории вопроса необходимо отодвинуть эту нижнюю хронологическую рамку на десять лет назад, до 1904 г., когда после начала Русско-японской войны стал функционировать военная цензура, которая впоследствии – в реформированном виде – просуществовала до начала Первой мировой войны. Верхняя рамка исследования – март 1918 г., когда после подписания сепаратного Брестского мирного договора Советская Россия вышла из Первой мировой войны. К этому времени в основном завершилось упразднение и переформатирование органов дореволюционной военно-цензурной системы и начался новый этап в истории российской цензуры.

Территориальные рамки исследования связаны с его объектом и предметом и охватывают всю территорию Российской империи в границах 1914 г., на которой после начала Первой мировой войны была введена «полная» или «частичная» военная цензура.

Цель и задачи исследования. Цель работы – комплексно проанализировать государственную цензурную политику и цензурные практики в России в июле 1914 – марте 1918 гг. Для достижения этой цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

– охарактеризовать цензурную политику и практику в России после революции 1905 г. и до начала Первой мировой войны;

– представить подготовку и принятие в 1905–1914 гг. основополагающих документов по организации цензурной системы на случай войны;

– реконструировать формирование военно-цензурных органов, их подчинение, структурные реформы и кадровый состав в июле 1914 – феврале 1917 гг.;

– определить цензурную политику и практику в отношении печати, попытки правительства и командования армии усилить контроль за ней накануне Февральской революции;

– раскрыть повседневную работу цензуры почты и телеграфа, общественное восприятие перлюстрации и задержек в доставке корреспонденции в годы Первой мировой войны;

– выявить особенности работы придворной, драматической, кинематографической цензуры в составе военно-цензурной системы в 1914 – феврале 1917 гг.;

– оценить состояние и повседневную работу цензуры в марте–июне 1917 г., ее преобразования и приспособление к новым политическим условиям после Февральской революции;

– объяснить реформы военной цензуры, предпринятые Временным правительством, а также практику цензуры печати, театра и кинематографа местными властями и Советами в июне–октябре 1917 г.;

– установить особенности цензурной политики большевиков в первые месяцы после прихода к власти, процесса демонтажа старой и формирования новой военно-цензурной системы в октябре 1917 – марте 1918 гг.

Методологическая основа исследования. Понятие «цензура» (от лат. *censere* – оценивать, решать) для настоящего исследования является основополагающим, определяющим цели и задачи. За последние два столетия в определении цензуры сложилось несколько основных подходов.

«Либеральный» подход берет свое начало в эпохе Просвещения и основывается на прогрессистской парадигме поступательного развития человечества через социальные, экономические и политические реформы. Среди многочисленных препятствий на этом пути цензура изначально занимала особое место. В XIX в. действия правительств по ограничению

печати воспринимались либералами как обреченное на поражение в исторической перспективе препятствование развитию общества. Соответственно, всякий цензурный акт в «либеральной» концепции характеризуется как необоснованное и злонамеренное посягательство государства на свободу слова. Цензоры с этой точки зрения стоят вне общественной коммуникации, как *alter ego*, и своим вмешательством наносят вред сложившимся и постоянно развивающимся формам обмена информацией. Цензура, таким образом, есть «принудительное действие, акт произвола власти, посягающий на естественные коммуникативные права индивидов»[2].

Еще в XIX в. марксистская критика этого подхода строилась на отрицании узкого понимания цензуры как репрессивного государственного института. Надо отметить, что ранние произведения К. Маркса вполне укладывались в рамки «либерального» подхода. В «Дебатах о печати» (1842) он критиковал прусскую цензуру, считая, что она «несомненно, нанесла жестокий и непростительный ущерб развитию немецкого духа»[3]. В работе «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» (1842) философ пришел к выводу, что «действительным, радикальным излечением цензуры было бы ее уничтожение, ибо негодным является само это учреждение»[4]. Однако в более поздних трудах Маркса проблема цензуры вышла за рамки жесткой дихотомии государственного контроля и свободы слова. Последняя, как и всякая идеология, рассматривалась им как иллюзия, фикция, скрывающая реальные противоречия буржуазного общества[5]. Здесь учитывалось слабое место «либеральной» концепции – недостаточно четкое определение самого понятия «свобода слова». В «Немецкой идеологии» (1846) Маркс и Ф. Энгельс особое внимание уделили классовому господству

---

[2] *Bunn M.* Reimagining Repression: New Censorship Theory // History and Theory. 2015. Vol. 54. № 1. P. 29, 30.
[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. Т. 1. М., 1955. С. 39.
[4] Там же. С. 27.
[5] Подробнее о марксовом понимании идеологии см.: Ideology / Ed. by T. Eagleton. L., 1994. P. 23–31.

как ключевому фактору ограничения общественных дискуссий. Поскольку индивиды, составляющие господствующий класс, мыслят, они «господствуют также и как мыслящие, как производители мыслей, они регулируют производство и распределение мыслей своего времени»[6]. С этой точки зрения свобода, предоставляемая господствующим классом, по определению свободой не является. «Капиталисты (а за ними, по неразумению или по косности, многие эсеры и меньшевики) называют “свободой печати” такое положение дела, когда цензура отменена и все партии свободно издают любые газеты. На самом деле это не свобода печати, а свобода обмана угнетенных и эксплуатируемых масс народа богатыми, буржуазией», – писал В.И. Ленин в сентябре 1917 г.[7]

В XX в. эта концепция получила развитие в работах ведущих марксистов. А. Грамши считал, что гегемония пролетариата и партии как «авангарда» должна быть основана на моральном лидерстве и нравственном авторитете. Это создает условия для утверждения идеологии господствующего класса, вследствие чего государственная цензура, хотя и продолжает существовать, не является главным регулятором общественной мысли[8]. Основываясь на этой идее, Л. Альтюссер разработал концепцию «репрессивного» и «идеологического» государственных аппаратов. Цензура, наряду с армией и полицией, относилась к первому типу, как один из инструментов силового пресечения распространения тех или иных высказываний. Однако именно «идеологический» аппарат (прежде всего школа, заменившая в модерную эпоху Церковь) играет ключевую роль в минимизации вероятности зарождения мысли, угрожающей классовому господству и устоявшемуся «воспроизводству способов отношений производства»[9].

---

[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. Т. 3. М., 1955. С. 46.
[7] *Ленин В.И.* ПСС. Изд. 5-е Т. 34. М., 1969. С. 209—210.
[8] An Antonio Gramsci Reader: Selected Writings, 1916–1935 / Ed. by David Forgacs. NY, 1988. P. 307.
[9] *Althusser L.* Lenin and Philosophy and other Essays. NY; L., 1971. P. 149.

Марксистская критика «либеральной» теории стала предтечей «новой теории цензуры» (*New Censorship Theory*), получившей развитие с 1980-х гг. Одним из ее основоположников считается М. Фуко, сместивший фокус внимания с идеологии и господствующего класса на «дискурс», реально регулирующий производство и распространение знаний. Логика цензуры, согласно Фуко, основана на вытеснении табуированного прежде всего из публичного обсуждения: «то, чего не существует, не имеет права проявляться даже в речи… а то, о чем нужно молчать, изгнано из реальности»[10]. Государственные цензурные репрессии Фуко рассматривал скорее как дополнение к «дискурсивным практикам», определяющим фактические границы в обсуждениях той или иной темы. С этой точки зрения цензура – не только репрессивная, но и «производительная» сила, которая, если смотреть на нее в исторической ретроспективе, является неотъемлемой частью культурного процесса, способствуя активизации обсуждения запретного и вызывая, по выражению Фуко, «дискурсивный взрыв»[11].

На определяющее влияние дискурса указывал П. Бурдье в своих работах о социальном пространстве как «поле» социальных отношений. Цензура, по его мнению, является структурной предпосылкой производства речи, ограничивающей возможности обсуждения. Самоцензура является более эффективной формой контроля, так как не требует явных, прописанных запретов. Высокая активность «формальных», государственных цензурных органов – скорее показатель несостоятельности попыток навязать социальному агенту «правильную» точку зрения. «Цензура никогда не бывает такой совершенной или незаметной, как тогда, когда каждому агенту нечего сказать, кроме того, что он объективно уполномочен говорить: в этом случае ему даже не нужно быть собственным цензором, потому что он, в некотором смысле, подвергается цензуре раз и навсегда, через формы восприятия и выражения, которые он усвоил и которые накладывают свою

---

[10] *Foucault M.* The History of Sexuality Vol. I: An Introduction. New York, 1978. P. 84.
[11] Ibid. P. 17.

форму на все его выражения», – отмечал Бурдье в книге «Язык и символическая власть»[12].

В 1990–2010-е гг. «новая теория цензуры» подтолкнула междисциплинарные исследования языковых ограничений и регулирования культурных процессов. В исторической науке это направление также обрело популярность, результатом стали работы о «низовых», малоизученных формах цензуры (литературная критика, репрессии местных властей, давление академических институций и корпораций), а также о творческом процессе в условиях различных ограничений[13]. Важное направление – исследование работы цензоров не только как «бездумных» проводников государственной политики, но и как самостоятельных акторов, сыгравших немалую роль в воспроизводстве культурного наследия своей эпохи. По замечанию современного историка Д. Бойера, цензура «больше не рассматривается как абсолютное зло, а анализируется как сложная совокупность ограничительных и продуктивных текстовых практик, опосредованных динамикой социального и исторического контекста»[14].

У этой концепции нашлось немало критиков, указывающих на слишком широкую трактовку понятия «цензура». По мнению Р. Дарнтона, это «ставит историю цензуры перед проблемой. С одной стороны, важно удерживаться от ограничения предмета исследования жесткими рамками, с другой – возникает искушение расширять его до бесконечности»[15]. Политический контекст в этом смысле всегда будет иметь значение, влияя в том числе и на исторические исследования: с понятием «цензура» по-прежнему неразрывно связаны репрессии, а препятствование распространению информации – с государством и политиками, олицетворяющими «зло». Предложение Дарнтона выйти за рамки этой манихейской дихотомии лишь относительно

---

[12] *Bourdieu P.* Language and Symbolic Power. Cambridge, 1991. P. 138.
[13] *Bunn M.* Op. cit. P. 40–41.
[14] *Boyer D.* Censorship as a Vocation: The Institutions, Practices, and Cultural Logic of Media Control in the German Democratic Republic // Comparative Studies in Society and History. 2003. Vol. 45. № 3. P. 512.
[15] *Дарнтон Р.* Цензоры за работой. Как государство формирует литературу. М., 2014. С. 9.

недавно получило отклик в академических исследованиях и вызывает устойчивое сопротивление и критику, прежде всего среди историков. Анализируя историографию цензуры, С. Уортхэм заметил, что «любой отход от представления о цензуре как о “плохом” явлении вызывает беспокойство у современного либерального сознания главным образом потому, что он дестабилизирует оппозиционную логику, которая отождествляет знание с „хорошим“»[16].

И хотя исследование структуры и деятельности цензурных органов никогда не перестанет быть актуальным, тем не менее отождествление цензуры только лишь с государственными институтами искусственно сужает проблематику. Такой *институциональный подход* характерен и для отечественной историографии. Ключевая роль государства подчеркивается в подавляющем большинстве определений цензуры, данных в дореволюционной, советской и постсоветской литературе[17]. М.В. Зеленов и С.А. Куликова отмечают фактическое сращивание в российской исторической науке понятий «цензура» и «цензурные органы», «цензурное ведомство»[18].

При этом встречается *функциональный подход*, согласно которому цензура есть прежде всего вид деятельности, а именно процесс цензурирования («цензирования», «цензурования») текстов и произведений искусства, производимый конкретными людьми. Тем не менее, и такое определение традиционно связывается с государством в целом или с отдельными правительственными учреждениями. Характерны формулировки

---

[16] *Wortham S.* Multiple Submissions and Little Scrolls of Parchment: Censorship, Knowledge, and the Academy // New Literary History. 1997. Vol. 28. № 3. P. 510.

[17] *Зеленов М.В.* Цензура: понятийный аппарат в энциклопедиях и проблемы построения энциклопедии по истории цензуры // История книги и цензуры в России. Вторые Блюмовские чтения: материалы II междунар. науч. конф., посвящ. памяти А.В. Блюма, 21–22 мая 2013 г. СПб., 2014. С. 7–12.

[18] *Зеленов М.В.* Политика аппарата ЦК РКП(б) – ВКП(б) в области цензуры исторической науки в 1919-1929 гг. Дис… д.и.н. Нижний Новгород, 2000. С. 8–11; *Куликова С.А.* Конституционный запрет цензуры в Российской Федерации: содержание и проблемы реализации. Дис… д.ю.н. Саратов, 2018. С. 58–64.

из статьи «Цензура» в «Энциклопедическом словаре» 1903 г.: «1) надзор за печатью с целью предупреждения распространения вредных с господствующей в данное время в правительственных сферах точки зрения произведений печати и 2) то учреждение, которому специально поручен таковой надзор»[19]. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля (1914) цензор – тот, кому «доверено от правительства цензировать… сочинения, одобрять или запрещать печатанье и продажу их»[20].

Последователей институционального и функционального подходов в исследовании российской цензуры М.В. Зеленов определяет как «*государственников*» и относит к ним основную часть историографии дореволюционной и советской цензуры. В противовес им «*общественники*» рассматривают цензуру как инструмент в руках социальных групп, объединений и отдельных людей. Государство, с это точки зрения, лишь один из акторов, ограничивающих свободу слова, подчеркивается недооцененная и не всегда очевидная роль других центров принятия решений, имеющих «силу вмешиваться в творческий процесс»[21]. Это направление получило определенное развитие с 1990-х гг. и было во многом связано с открытием архивов, общим расширением круга источников и, что немаловажно, появлением возможностей для новых интерпретаций тех или иных событий.

Таким образом, определения понятия «цензура» в научной и справочной литературе можно разделить на две основные группы:

1) *Цензура в «узком смысле»* – система специальных государственных органов, предназначенных для контроля над средствами массовой информации, культурой и искусством, речами и докладами.

---

[19] Энциклопедический словарь. Т. XXXVIIA. СПб., 1903. С. 948–962.
[20] Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 4-е изд. Т. 4. М.; СПб., 1914. Стб. 1257.
[21] *Зеленов М.В.* Цензура: подходы к определению понятия // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 1(31). С. 96.

2) *Цензура в «широком смысле»,* то есть ограничения распространения информации, налагаемые государством, социальными институтами и группами, отдельными людьми. Согласно данной точке зрения, цензурой является фактически любое, законное или незаконное ограничение свободы слова. С этим направлением тесно соприкасается понятие *самоцензуры* – сознательных самоограничений человека в творческом процессе, вызванных опасениями перед государственными репрессиями и общественным порицанием.

На современном этапе развития историографии оправдано комбинирование этих определений при формировании проблематики исследования. С одной стороны, практически не рассмотрены повседневная работа и кадровый состав цензурных органов, взгляды цензоров, их образование и роль их деятельности в культурных процессах эпохи. Слабо изучены фактическая цензура со стороны общественных организаций и отдельных индивидов, феномен самоцензуры в различных политических условиях[22]. В России времен Первой мировой войны самоцензура печати и авторов художественных произведений засвидетельствована во многих документах. Надо заметить, что не всегда это было вынужденной мерой и вызвано страхом перед репрессиями. Редакции уверяли власти, что были для себя «лучшими цензорами», доказывая этим свой патриотизм и готовность пойти на жертвы ради победы (не печатать материалы запретные, но интересные читателю). Еще один характерный пример – письма, авторы которых (например, фронтовики) порой прямо в тексте признавались, что не могут написать все, что хотели бы, иначе письмо будет задержано цензурой. С другой стороны, исследование русской цензуры начала XX в. невозможно без учета развития государственного управления, политических процессов, законодательных и правительственных проектов, структуры и полномочий цензурных органов в рассматриваемый период.

---

[22] *Зеленов М.В.* Цензура: понятийный аппарат в энциклопедиях... С. 11.

Исходя из этого в настоящей диссертации *цензура* понимается и как государственный институт, и как деятельность различных акторов, направленная на ограничение свободы слова. Исследование *военно-цензурной системы* как формы организации государственных цензурных органов в России в период Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.) – сопровождается анализом *цензурной политики* – совокупности организационно-правовых документов и фактических решений, принятых государством в области цензуры, а также *практики* их применения в конкретно-исторических условиях.

Вследствие того, что довоенные цензурные органы с июля 1914 г. были включены в военно-цензурную систему и стали частью государственного механизма контроля над печатью, корреспонденцией, театром и кинематографом, речами и докладами, в диссертации понятия «цензура» и «военная цензура» не разделяются по смыслу, являются синонимичными и взаимозаменяемыми.

Исследование базируется на фундаментальных принципах историзма и объективности. Принцип историзма предполагает анализ прошлого как динамики целостных и последовательно сменяющих друг друга событий. Исследование цензурной политики в условиях Первой мировой войны и революции 1917 г. невозможно без понимания политического, социального, культурного контекста развития России начала XX в. Принцип объективности необходим при анализе общественно-политических процессов, личных взглядов и устремлений представителей рассматриваемой эпохи. Он предполагает привлечение соответствующего масштабам темы комплекса источников и его критическое осмысление.

В работе применялись специальные исторические методы исследования. Так, историко-генетический метод, направленный на выявление причинно-следственных связей, необходим для подробного анализа системных факторов в развитии государственной цензурной политики и практики ее реализации в 1905–1914 гг. Проблемы контроля за печатью, театром и

кинематографом приобрели в это время хронический характер, и для исправления ситуации требовалось глубокое реформирование всей цензурной системы, сложившейся после революции 1905 г. Историко-генетический метод позволил выявить не только недостатки довоенной цензуры, но и увидеть причины несовершенства военно-цензурной системы, действовавшей в годы Первой мировой войны.

Применение историко-описательного метода позволило воссоздать в деталях деятельность и процесс развития военно-цензурной системы, действовавшей в России в годы Первой мировой войны. Подробно представлена борьба в правительстве и военном командовании вокруг полномочий цензуры, ее политизации и усиления контроля за печатью. Воссоздана последовательность шагов Временного правительства и советской власти в сфере цензурной политики в феврале 1917 – марте 1918 гг.

С помощью историко-типологического метода определены типы цензуры, действовавшей в России в 1905–1914 гг., до и после Февральской революции, в первые месяцы советской власти. Карательная цензура довоенного периода сменилась предварительной, частично отмененной Временным правительством и вновь введенной большевиками после прихода к власти.

Историко-сравнительный метод позволил выявить отличительные особенности основополагающих документов в сфере цензуры, принятых в 1914–1918 гг. В частности, этот метод применялся для сравнения «Положения о полевом управлении войск» 1890 и 1914 гг., а также вариантов «Положения о военной цензуре», разрабатывавшегося в 1909–1914 гг. Этот метод использовался и при анализе «Перечней» запрещенных сведений, регулярно обновлявшихся с 1912 г., проектов и итоговых документов Временного правительства по реорганизации военной цензуры, контроля за театром и кинематографом, публичными зрелищами, речами и докладами. Сравнению подвергались ключевые параметры цензуры на различных этапах

рассматриваемого периода: структура, кадровый состав, особенности повседневной работы.

Степень разработанности темы исследования. История русской цензуры в годы Первой мировой войны до сих пор не получила достаточно подробного освещения в научной литературе. Корни этой современной ситуации уходят в революционные годы, когда была в значительной степени утрачена историографическая традиция, берущая свое начало еще в 1860-е гг., с появлением труда П.К. Щебальского о цензуре в дореформенный период[23]. Значительный шаг вперед историография цензуры сделала в начале XX в., и особенно после революции 1905 г. В период «обновленного строя» в основном исследуется история цензуры с XVIII в. и до окончания эпохи Николая I[24], хотя в ряде работ затрагивалась современная авторам ситуация, а также проводились сравнения между цензурными системами России и других европейских государств[25].

Февральская революция, казалось, открыла новый этап и новые возможности в исследовании царской цензуры. Уже в марте 1917 г. Временное правительство назначило журналиста и историка цензуры С.П. Мельгунова ответственным за обследование и прием ряда архивов, в том числе архива МВД. 22 марта была создана комиссия по разработке архива политических дел г. Москвы, что давало возглавившему ее Мельгунову доступ к огромному документальному наследию. На этой основе планировалось подготовить многотомную публикацию «Материалов по истории общественного и революционного движения в России». Один из

---

[23] *Щебальский П.К.* Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862.

[24] См., напр.: *Сиповский В.В.* Из прошлого русской цензуры // Русская старина. 1911. № 3. С. 471–484; *Котович А.Н.* Духовная цензура в России (1799–1855 гг.). СПб., 1909: *Дризен Н.В.* Драматическая цензура двух эпох. М., 1916; *Евгеньев В.Е.* И.А. Гончаров как член Совета Главного управления по делам печати (по неизданным рукописям) // Голос минувшего. 1916. № 11. С. 117–156; № 12. С. 140–179.

[25] *Арсеньев К.К., Энгельгардт Н.А*. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703—1903). СПб., 1904; Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. Статьи Вл. Розенберга и В. Якушкина. М., 1905; *Новомбергский Н.Я.* Освобождение печати во Франции, Германии, Англии и России. СПб., 1906.

томов предварительно носил имя «Цензурная политика самодержавия». Однако после прихода большевиков к власти эти исследования не получили логического продолжения[26]. В истории русской цензуры, таким образом, остались значительные пробелы, в том числе период Первой мировой войны и революционная эпоха. На определенное время заниматься этой темой было попросту некому: некоторые историки эмигрировали, некоторые – остались, но уже не разрабатывали эту проблематику.

В советской историографии 1920–1930-х гг. тема царской цензуры поднималась неоднократно, в первую очередь в контексте ограничений распространения в России сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, В.И. Ленина, а также ряда классиков русской и зарубежной литературы XIX – начала XX в.[27] К многочисленным работам по этой тематике привлекались документы ГУДП, Санкт-Петербургского и Московского цензурных комитетов, личные и редакционные фонды из Центрального государственного исторического архива в г. Ленинграде, Центрального государственного архива литературы и искусства, ряда региональных архивов.

История цензурных учреждений в то время исследовалась не столько в научных, сколько в пропагандистских целях – для демонстрации репрессивной внутренней политики царизма. Редкое исключение – работа Н.М. Потапова «Печать и война» (1926), в которой цензура анализируется в контексте управления прессой и общественным мнением в военное время. Автор, в частности, повествует о цензурной системе в Германии, отмечая, что там, как и в России, военная цензура находилась в «хаотическом

---

[26] *Емельянов Ю.Н.* Что мог знать С.П. Мельгунов о германском золоте // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. Сб. ст. М., 1994. С. 275–276.

[27] *Боцяновский В., Голлербах Э.* Русская сатира первой революции 1905–1906 гг. Л., 1925; *Евгеньев-Максимов В.Е.* Очерки из истории социалистической журналистики в России в XIX в. М.; Л., 1927; Сочинения К. Маркса в русской цензуре // Дела и дни. 1920. № 1. С. 321–345; К. Маркс и царская цензура // Красный архив. 1933. № 61. С. 5–32; Царская цензура о произведениях Фр. Энгельса // Историк-марксист. 1935. № 8-9. С. 61–89; Цензурные материалы о Щедрине // Литературное наследство. 1934. Т. 13–14. С. 97–170; и др. См. также: «Красный архив». 1922–1941: Аннотированный указатель содержания. М., 1960. С. 76–87.

состоянии»: несогласованность цензурных отделений, противоречивые решения по одной и той же статье или книге, но главное, что и там оказалось трудно «строго отделить вопросы политического характера от вопросов военных»[28]. Охарактеризовал Потапов и русскую военную цензуру[29], но много внимания ей не посвятил и не внес каких-либо новых материалов.

В 1930-е гг. документы цензурного ведомства неоднократно подвергались научному анализу и описанию. Так, подробный и содержательный обзор фонда ГУДП в 1935 г. составила Л.А. Полянская. Проанализированы структура с состояние фонда, характер документального материала, приведены примеры цензуры сочинений Маркса, Энгельса и Ленина, произведений крупных писателей и поэтов, печати (причем, что ценно – разных политических направлений и жанров) и художественной литературы на языках народов СССР. Автор дал характеристику системе иностранной цензуры, ее повседневной работе, а также достаточно подробно осветила ее историю[30]. Три года спустя Л.И. Полянская опубликовала столь же подробный обзор фонда Центрального комитета цензуры иностранной, открытого в то время для историков[31]. Исследования по истории царской цензуры продолжались весь сталинский период, хотя в основном были посвящены XVIII–XIX в.[32]

Иначе обстояло дело с фондами военной цензуры времен Первой мировой войны, которая с конца 1920-х гг. начала постепенно уходить на второй план. Значительная часть документов стала недоступна исследователям, сократилось количество публикаций документов и научных

---

[28] *Потапов Н.М.* Печать и война. М.; Л., 1926. С. 27, 39, 40.
[29] Там же. С. 46–50.
[30] *Полянская Л.И.* Архивный фонд Главного управления по делам печати: обзор // Литературное наследство. Т. 22–24. М., 1935. С. 603–634.
[31] *Полянская Л.И.* Обзор фонда Центрального комитета цензуры иностранной // Архивное дело. 1938. № 1. С. 62–116.
[32] См., напр.: *Шамрай Д.Д.* Из истории цензурного режима Екатерины II: архивно-библиографические разыскания (1762–1783). Дисс… к.и.н. Л., 1947; *Харатян А.А.* Армянская поэзия в делах Кавказского цензурного комитета, 1848–1905 гг. Дисс... к. филол. н. Ереван, 1950; *Львова М.В.* Революционные демократы и цензурная политика правительства в годы первой революционной ситуации в России. Дисс… к.и.н. Л., 1950.

работ. Фактически единственным полем применения этих документов стали сборники по истории революции, освещавшие репрессии царского правительства и настроения в армии накануне и во время революции [33]. Во вступлении к сборнику 1927 г. «Солдатские письма 1917 года» [34] М.Н. Покровский отмечал, что цензоры в сводках старались создать благостную картину положения на фронте, но «тем ценнее то, что даже в них прорывалось», а именно усталость от войны, голод, холод и недовольство командованием. Сам сборник представляет собой довольно хаотичную выборку писем, место хранения которых (вероятно, фонд Департамента полиции) составители не сочли нужным упомянуть.

«Польза» фронтовых писем как источника, его удобство для демонстрации революционных настроений солдатских масс были вполне оценены историками на рубеже 1920–1930-х гг. Редкий, но характерный пример – изданный в Казани в 1932 г. сборник «Царская армия в период мировой войны и Февральской революции (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны)» [35] . Подготовленная Татцентрархивом и Татистпартом, публикация воспроизводила документы Казанской окружной военно-цензурной комиссии. По словам составителей, приведенные письма иллюстрируют «боевой путь России от векового удушающего рабства к великой социалистической революции»[36]. В нем был собран большой массив задержанной корреспонденции, причем впервые подсчитано количество «патриотических» писем с фронта. Хотя в сборнике приведено множество ранее не публиковавшихся материалов, он выглядит скорее как пропагандистская брошюра, нежели научное издание. Как верно указывала полвека спустя Н.А. Вахрушева, «археографическая обработка

---

[33] Разложение армии в 1917 году. М.; Л., 1925; Мартынов Е.И. Царская армия в Февральском перевороте. М., 1927; *Эйдеман Р., Меликов В.* Армия в 1917 году. М., 1927; *Ахун М., Петров В.* Голоса из окопов. Солдатские письма 1915–1916 гг. // Красная летопись. 1928. № 1. С. 112–118.

[34] Солдатские письма 1917 года. М.; Л., 1927.

[35] Царская армия в период мировой войны и Февральской революции (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны). Казань, 1932.

[36] Там же. С. 3.

документов проведена слабо: отсутствуют исходные данные, иногда выдержки из разных писем объединяются в одно письмо, неверно фиксируются даты написания писем»[37]. Более качественные публикации солдатских писем подготовила в 1934 и 1937 гг. О.Н. Чаадаева, указавшая и фонды (военно-цензурные отделения штабов Северного и Северо-западного фронтов), номера дел и листов[38]. После выхода этих работ солдатские письма и цензорские отчеты не публиковались вплоть до периода «оттепели».

Одним из путей, по которым тема дореволюционной цензуры «прорывалась» в историографию сталинской эпохи, были работы о прошлом большевистской печати. В традиции ее историописания «гнет царизма» занимал важное, хотя и не главное место. Обычно повествовалось о закрытии изданий и преследованиях полиции[39], однако служебная переписка цензурных органов по поводу «Правды» и других большевистских газет практически не использовалась. В брошюре 1937 г., изданной ко Дню печати, отмечалось: «Империалистическая война прервала выход “Правды”. Царское правительство не могло, понятно, допустить существования подлинно рабочей газеты»[40]. В «Кратком курсе» истории ВКП(б) 1938 г. царская цензура упомянута, но тоже только в контексте гонений на «Правду» накануне мировой войны[41]. Чуть подробнее на этом вопросе остановился К. Омельченко, упомянувший об участии в конфискации номеров околоточных

---

[37] *Вахрушева Н.А.* Солдатские письма и цензорские отчеты как исторический источник (1915–1917 гг.) // Октябрь в Поволжье и Приуралье (источники и вопросы историографии). Казань, 1972. С. 71.

[38] *Чаадаева О.Н.* Солдатские письма в годы мировой войны (1915–1917 гг.) // Красный архив. 1934. Т. 65–66. С. 118–163; *Чаадаева О.Н.* Армия в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции // Красный архив. 1937. Т. 84. С. 135–187.

[39] См., напр.: *Вертинский Н.С.* Газета в России и СССР. XVII–XX вв. М.; Л., 1931. С. 119–134; *Дажина И.М.* Нелегальная печать большевистской партии в годы Первой мировой войны (конец июля 1914 – февраль 1917 г.) // Сборник научных трудов кафедр истории КПСС и философии. М., 1957. С. 186, 202, 210.

[40] Большевистская печать. В помощь работникам печати и пропагандистам. М., 1937. С. 12.

[41] История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): Краткий курс. М., 1946. С. 144.

надзирателей и инспекторов книгопечатания и книжной торговли[42]. В 1939 г. подборку документов о преследованиях большевистской печати составил М. Лурье[43]. В послевоенное десятилетие одним из крупнейших исследований дореволюционной московской печати стала работа Б.П. Орлова, который, однако, также рассматривал цензуру сквозь призму гонений на социалистические издания[44].

Драматической цензуре периода Первой мировой войны внимание уделил С.С. Данилов в своих «Очерках по истории русского драматического театра», вышедших в 1948 г.[45] Критикуя «упадочную» драматургию, засилье на сцене порнографии, «символистской зауми и эстетских стилизаций», автор отмечает и основные принципы работы цензоров в этот период: запрет на изображение царствующих особ (ошибочно показан им как нововведение 1914–1917 гг.), ограничение пьес, показывающих «правду» о войне и могущих «нарушить душевное равновесие обывателя». Однако Даниловограничивается словами «цензура», «цензор», без какой-либо конкретики. История предреволюционной драматической цензуры в советское время вообще поднималась редко, ограничиваясь как правило революцией 1905 г. Характерный пример – сборник статей «Театральное наследство» (1956), повествующий о различных сюжетах драматической цензуры строго до 1907 г.[46]

После XX съезда КПСС вновь активизировалось использование массовых источников по истории Российской империи, в частности – революционного движения на фронтах Первой мировой войны. Задержанные цензорами солдатские письма давали для этого богатый материал, весомое подтверждение тезиса о росте антимонархических и антибуржуазных

---

[42] *Омельченко К.* Большевистская печать. М., 1939. С. 67–68.
[43] *Лурье М.В.* Большевистская печать в тисках царской цензуры. 1910–1914. Газеты «Звезда», «Правда». Сб. документов. Л., 1939.
[44] *Орлов Б.П.* Полиграфическая промышленность Москвы: Очерк развития до 1917 г. М., 1953.
[45] *Данилов С.С.* Очерки по истории русского драматического театра. М.; Л., 1948.
[46] Театральное наследство. Сообщения, публикации. М., 1956.

настроений в армии накануне Февральской революции. Первое после долгого перерыва упоминание об этом источнике можно найти в монографии С.Г. Капшукова «Борьба большевистской партии за армию в годы Первой мировой войны» (1957). Автор использовал отчеты военных цензоров, «дававших командованию тенденциозную подборку солдатской корреспонденции и совершенно замалчивавших письма с критикой войны». В качестве обоснования Капшуков подсчитывал проценты писем с определенными настроениями. Отмечая главным образом непонимание солдатами причин и смысла войны, он в то же время признавал, что поначалу они хотели дожить до победы над врагом, хотя «процент “патриотических” писем в первые месяцы войны был невелик. Военные цензоры сообщали, что свыше 50 % писем с фронта совершенно не упоминали о войне». Письма с антивоенными высказываниями «цензура задерживала… и пересылала их командирам» [47]. Статья Ю.И. Кирьянова о революционных настроениях солдат также основана на документах военно-цензурного отделения Юго-западного фронта [48]. В представленной этими авторами картине цензор фактически отсутствовал, не назывались их имена, не упоминалось социальное положение и нужды.

В работах 1950–1960-х гг. именно штабные документы служили главным и самым доступным источником, откуда исследователи могли почерпнуть цензорские отчеты, но на практике они использовались редко. Так, в коллективной монографии 1964 г. о революционном движении в 1917 г. и установлении Советской власти в Молдавии солдатские письма и цензорские отчеты привлечены из фонда штаба 9 армии, воевавшей на Юго-западном фронте, но упомянуты только на одной странице [49]. В

---

[47] *Капшуков С.Г.* Борьба большевистской партии за армию в годы Первой мировой войны. М., 1957. С. 38–39.

[48] *Кирьянов Ю.И.* Солдатские письма как источник для изучения вопроса о союзе рабочего класса с крестьянством в годы Первой мировой войны (по материалам Юго-западного фронта) // История СССР. 1959. № 2. С. 175–183.

[49] Революционное движение в 1917 году и установление Советской власти в Молдавии. Кишинев, 1964. С. 229.

опубликованном в 1966 г. сборнике документов о революционном движении в армии и на флоте в 1914 – феврале 1917 г. упомянут только один цензурный документ – сводка сведений Петроградской военно-цензурной комиссии о настроении солдат в действующей армии с 15 октября по 1 ноября 1916 г., опубликованная по копии, найденной в фонде штаба Северного фронта [50] . В исследовании Д.И. Сойфера о революционном движении солдат в Туркестане (1969 г.) выдержки из писем цитируются, но без указания, что они взяты из цензорских отчетов местной военно-цензурной комиссии в фонде штаба Туркестанского военного округа. Цензуру автор не упоминает, основной упор сделан на беспорядках, недовольстве солдат, муштрой, восстании 1916 г.[51] И.И. Минц в «Истории Великого Октября» (1967) также приводит всего две выдержки из цензорских отчетов, ссылаясь при этом на документы фонда Ставки Верховного главнокомандующего, отчеты цензоров Юго-западного фронта и упомянутый выше казанский сборник 1932 г.[52]

А.А. Мальков в работе о деятельности большевиков среди военнопленных русской армии (1971) вскользь упоминает о цензуре списков книг для военнопленных – запрете «прогрессивной» литературы и навязывании религиозной [53] . Затронут автором и сюжет о «залежах» корреспонденции, задержанной цензурой. По его данным, к концу 1916 г. в петроградской цензуре скопилось 11 млн. непросмотренных писем для пленных из Германии и от пленных из России[54]. Мальков ссылается на книгу Н. Жданова 1920 г. о русских военнопленных в мировой войне, который, в свою очередь, не приводит никаких доказательств своих цифр[55].

---

[50] Революционное движение в армии и на флоте в годы Первой мировой войны. 1914 – февраль 1917: Сб. док. М., 1966. С. 231–234.
[51] *Сойфер Д.И.* Революционное движение солдат в Туркестане. Ташкент, 1969.
[52] *Минц И.И.* История Великого Октября. В 3 т. Т. 1. М., 1967. С. 364, 367.
[53] *Мальков А.А.* Деятельность большевиков среди военнопленных русской армии. Казань, 1971. С. 11
[54] Там же. С. 31.
[55] *Жданов Н.* Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. М., 1920. С. 84.

В 1960 – начале 1970-х гг. вновь обращено внимание на архивы цензурных учреждений, хранившиеся в центральных и республиканских архивах СССР. На основе фондов ГУДП, ПКДП и иностранной цензуры активизировались исследования цензурных гонений на сочинения Маркса, Энгельса, Ленина, русских и зарубежных писателей[56]. Стоит отметить также обзор фонда драматической цензуры, составленной Г.М. Наспером[57]. Как и предшественники, автор дал общую характеристику документов и упомянул главные направления работы цензоров театра (русская и иностранная драматургия, постановки произведений классиков, материалы о народных театрах и др.). Однако основное внимание Наспер уделил цензуре в XIX в., последние предреволюционные десятилетия практически не упомянуты в обзоре.

В исследованиях внешней и внутренней политики России накануне Февральской революции цензурные документы также стали привлекаться как вспомогательный материал. По возможности исследователи упоминали цензуру как важный фактор политических процессов, даже имея ограниченный набор источников. Так, В.С. Дякин опирался на статьи и заметки о цензуре в дореволюционной прессе, ссылался на фонд Ставки и ранее опубликованные документы МВД[58]. А.В. Игнатьев при анализе русско-английских отношений в 1917 г. привлек материалы Петроградской военно-цензурной комиссии, отложившиеся в фонде канцелярии МИД в Архиве внешней политики Российской империи[59].

---

[56] См., напр.: *Ковалев И.Ф.* Борьба царской цензуры с произведениями Л.Н. Толстого // Советские архивы. 1970. № 4. С. 94–98; *Ковалев И.Ф.* Документальные материалы о преследовании царской цензурой произведений К. Маркса и Ф. Энгельса // Советские архивы. 1970. № 6. С. 31–36.

[57] *Наспер Г.М.* Фонды цензурных учреждений // Материалы к истории русского театра в государственных архивах СССР. Обзоры документов XVII век – 1917 г. М., 1966. С. 119–142.

[58] *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. (1914–1917). Л., 1967. С. 102, 129, 184, 276.

[59] *Игнатьев А.В.* Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. (Февраль – октябрь 1917 г.). М., 1966. С. 23, 48, 131, 255; *Игнатьев А.В.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1974. С. 305.

Кратко вопроса о цензуре касались в этот период и специальные исследования печати, в частности – большевистской. Это выглядит нелогично, учитывая роль, которую цензура играла в жизни прессы всех направлений, тем более социал-демократической, находившейся по большей части на полулегальном и нелегальном положении. Авторы монографии «Большевистская печать. Краткие очерки истории. 1894–1917» (1962) несколько раз сослались на документы ГУДП и МКДП[60], но подробности цензурных гонений на «Правду» и другие большевистские издания не привели. В целом, несмотря на послабления периода «оттепели», специальные работы о цензуре по-прежнему были редки и почти не выходили за рамки статейного формата. В библиографическом обзоре по истории русской цензуры (1961) Л.М. Добровольский прямо указал на подготовку ее всестороннего исследования как одну из «очередных задач советской исторической науки и советского литературоведения»[61].

Попытку более подробного анализа цензурных отчетов предпринял в начале 1970-х гг. Л.Г. Протасов в издававшемся в Тамбове сборнике «Источниковедческие работы»[62]. Говоря о важности исследования этих документов, он приводил в качестве аргумента доводы В.И. Ленина в его статье «Учитесь у врагов» (ноябрь 1905 г.): «Ничто не помогает в такой степени уяснению политической сущности явлений, как оценка их противниками (конечно, если эти противники не безнадежно глупые люди)»[63]. Историк отмечает, что ранее цензорские отчеты незаслуженно были в тени других источников. Цензура, по его словам, была «чутким

---

[60] Большевистская печать. Краткие очерки истории. 1894–1917. М., 1962. С. 272, 311, 347, 373.

[61] *Добровольский Л.М.* Библиографический обзор дореволюционной и советской литературы по истории русской цензуры // Труды Библиотеки Академии наук СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. Т. 5. М.; Л., 1961. С. 249.

[62] *Протасов Л.Г.* Важный источник по истории революционного движения в царской армии перед Февральской революцией // Источниковедческие работы. Вып. 1. Тамбов, 1970. С. 3–18.

[63] *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений (ПСС). Изд. 5-е. Т. 12. М., 1960. С. 117.

сейсмографом», улавливавшим усиление недовольства на фронте [64] . В отличие от предшественников, Протасов использовал в работе документы частей и соединений разного уровня. Так, привлечены цензорские сводки из фондов штабов Московского и Кавказского военных округов, штаба Западного фронта, 11-го и 207-го пехотного запасного полка, 8-й пехотной запасной бригады.

Через два года, в очередном выпуске «Источниковедческих трудов», Л.Г. Протасов рассмотрел проблему в более широком контексте[65]. Он подробно остановился на недостатках советского источниковедения, отметив, что большинство работ направлены на «два магистральных направления» – изучение трудов В.И. Ленина и истории партии, на втором плане оставалась история «массового революционного движения в 1917 г., его рабочего, крестьянского, солдатского и национального потоков» [66] . При «неблагоприятных для исторической науки условиях культа личности Сталина» массовые источники привлекались мало, в немногочисленных публикациях использовались в основном документы «нормативного порядка». В последние годы, констатировал Протасов, ситуация сдвинулась с мертвой точки: «Преодоление субъективизма в исторической науке, начавшееся накануне и особенно после XX съезда КПСС, закономерно утвердило в центре внимания историков Октября народные массы, в частности, солдат»[67].

На рубеже 1960–1970-х гг. исследования настроений в русской армии накануне и после Февральской революции значительно активизировались[68], и изыскания Протасова вполне соотносились с общими тенденциями развития историографии. В той же статье 1973 г. он подробно остановился на

---

[64] *Протасов Л.Г.* Важный источник по истории революционного движения... С. 11.
[65] *Протасов Л.Г.* Источниковедческие аспекты истории революционного движения в русской армии в 1917 году // Источниковедческие работы. Вып. 3. Тамбов, 1973. С. 3–32.
[66] Там же. С. 4.
[67] Там же. С. 6–7.
[68] См., напр.: Революционное движение в русской армии. 27 февраля – 24 октября 1917 г. Сб. документов. М., 1968.

статистике просмотренных писем, их типологизации. Упомянул историк и восприятие писем самими военными цензорами, подвергая, естественно, их оценки критике: «…духовная жизнь войск в военно-цензурных отчетах преломляется сквозь призму классовой буржуазно-помещичьей ограниченности. Черты ее видны в идеалистическом делении писем на “бодрые” и “угнетенные”, в бездоказательности выводов, в том, что иные цензоры накануне Февраля попросту “не заметили” революционизирования армии, но в целом военно-цензурная информация очень ценна для исследователя»[69].

К схожим выводам пришла в статье 1972 г. Н.А. Вахрушева. Она отмечает, что в 1950-е гг. «развернулось изучение революционного движения на фронтах и в тыловых округах, а также был поставлен вопрос о необходимости аналитического обзора национально-демократического движения в армии». Используя документы фонда Казанской военно-цензурной комиссии, Вахрушева делает упор именно на отчетах дежурных цензоров. В отличие от отчетов председателя комиссии М.В. Прогнаевского, который давал «уже систематизированное и обработанное соответствующим образом донесение о состоянии духа армии», отчеты дежурных цензоров содержат выдержки из «наиболее характерных писем с сохранением языка и стиля автора». С другой стороны, цензоры «старались приукрасить положение»: в некоторых отчетах патриотические письма достигали 90 %. В этом, считает Вахрушева, «сказывается классовая ограниченность источника, и понятно, что цифровые данные цензорских отчетов должны использоваться критически». С этой точки зрения взгляды цензоров неизбежно должны были отступить на второй план, Вахрушева в основном цитирует самих солдат,

---

[69] *Протасов Л.Г.* Источниковедческие аспекты истории революционного движения в русской армии в 1917 году // Источниковедческие работы. Вып. 3. Тамбов, 1973. С. 22.

заключения цензоров должны были лишь подтвердить основную мысль статьи[70].

Со второй половины 1960-х гг. все чаще становится объектом исследования небольшевистская печать, в частности – сатирические журналы в период «обновленного строя» [71]. Тем не менее, авторы больше ориентировались на изучение литературного наследства журнальной сатиры и не углублялись в вопросы организации цензуры. Одной из крупнейших работ по этой теме в 1970-е гг. стала монография А.З. Окорокова, посвященная политике Советской власти по отношению к оппозиционным изданиям[72]. Автор привлек множество источников о русской печати и ее настроениях в 1917 г., воспроизвел в деталях закрытие газет и журналов. Выдерживая официальную линию («крах» газет как символ торжества революции и партии большевиков), Окороков сумел выстроить подробное и качественное исследование, до сих пор привлекающее внимание специалистов.

Значительным шагом вперед в исследовании дореволюционной печати стали труды А.Ф. Брежного. В 1967 г. выпущена его монография о цензурной политике правительства накануне войны, а в 1975 г. – о легальной печати в 1914–1917 гг. [73] Обе книги весьма информативны и основаны на многочисленных источниках, в том числе фондах ГУДП и Департамента полиции. Показаны в том числе и такие малоизученные сюжеты как правительственная политика в области печати в годы Первой мировой войны. Несомненным новшеством было обращение автора к различным небольшевистским изданиям того времени, подробный анализ их позиций, в том числе по вопросам цензуры и законодательства о печати. В то же время

---

[70] *Вахрушева Н.А.* Солдатские письма и цензорские отчеты как исторический источник (1915–1917 гг.). С. 67–89.
[71] Русская стихотворная сатира 1908–1917-х годов. Л., 1974.
[72] *Окороков А.З.* Октябрь и крах русской буржуазной прессы. М., 1970.
[73] *Бережной А.Ф.* Царская цензура и борьба большевиков за свободу печати (1895–1914). Л., 1967; *Бережной А.Ф.* Русская легальная печать в годы Первой мировой войны. Л., 1975.

при освещении цензурного вопроса допущено несколько ошибок. Так, вернувшийся в 1915 г. на рассмотрение Думы проект Устава о печати 1913 г. претерпел изменения и воплощал уже далеко не только «идеи вождя и идеолога черносотенцев Пуришкевича»[74]. Упрощенным выглядит и тезис, что после 1915 г. военная цензура была передана «в подчинение Департаменту полиции»[75]. Подобные предложения обсуждались, однако формально это не было нигде закреплено и фактически было далеко от исполнения. Наконец, военная цензура рассматривается поверхностно и без ссылок на документы. Тем не менее, монографии А.Ф. Бережного и спустя десятилетия остаются важным трудом для историков русской печати конца XIX – начала XX в.

С середины 1970-х гг. количество исследований дореволюционной цензуры резко сокращается, в особенности это касалось позднеимперского периода. Причины лежали вне плоскости историографического процесса и были связаны с общим усилением идеологического контроля науки и литературы после «пражской весны» 1968 г. О том, что само слово «цензура» в 1970-е гг. вытеснялось из названий и содержания научных работ, говорят воспоминания современников-историков и случаи из их исследовательской практики. Характерный пример – статья В.Ю. Черняева 1976 г. о перлюстрации в дореволюционный период[76]. Автор кратко повествует о структуре и кадровом составе перлюстрации, показывает ее важность для царского правительства в качестве инструмента контроля над обществом. Статья скорее ставила проблему, чем давала новый материал (в том числе и из-за недоступности многих архивных фондов). Однако и этого было

---

[74] *Бережной А.Ф.* Русская легальная печать… С. 54.
[75] Там же. С. 149–150.
[76] *Черняев В.Ю.* К изучению эпистолярных источников начала XX в. (контроль почтовой переписки) // Проблемы отечественной истории. Сб. ст. аспирантов и соискателей. М.; Л., 1976. С. 134–155.

достаточно, чтобы молодому аспиранту «не рекомендовали» дальше заниматься этой темой[77].

О цензурных документах перестали упоминать и те, кто ранее ратовал за активное привлечение этого источника. К примеру, в обзоре историографии революционного движения в армии в годы Первой мировой войны (1981) Л.Г. Протасов и В.И. Миллер ни разу не использовали слово «цензура» и ограничились упоминанием об активизации исследований «социальной психологии революционных масс», в частности через изучение солдатских писем[78]. Редким примером упоминания цензуры в это время были работы В.И. Старцева о внутренней политике в период «обновленного строя» [79]. Одним из первых автор обратил внимание на цензурный фактор в период кризиса власти летом 1915 г., а также на то, что после Февральской революции военная цензура была сохранена[80]. Однако и у него источники по этому вопросу были ограничены перепиской Николая II и Александры Федоровны, а также мемуарами А.А. Поливанова, ссылками на упомянутую работу В.Ю. Черняева. Показательно и то, что в фундаментальной коллективной монографии 1984 г. «Кризис самодержавия в России, 1895–1917»[81] цензура в годы мировой войны не упомянута ни словом, хотя без этого фактора рассмотрение политических процессов предреволюционных лет видится явно неполным.

В отличие от монографий и статей, в диссертациях дореволюционная цензура продолжала упоминаться, прежде всего в контексте борьбы с «передовой мыслью» и национальной литературой XVIII–XIX в.[82] Однако в

---

[77] *Измозик В.С.* «Черные кабинеты». История российской перлюстрации. XVIII – начало XX века. М., 2015. С. 39.

[78] Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1981. С. 170.

[79] *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л., 1977.

[80] *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства. М., 1980. С. 212.

[81] Кризис самодержавия в России, 1895–1917. Л., 1984.

[82] Примечательно, что работы о цензуре защищались в этот период в основном в провинции и в союзных республиках, где цензурная проблематика хорошо подходила как часть общей темы «гнета царизма». См., напр.: *Бутрин М.Л.* Цензурные преследования

виде публикаций эти исследования практически не появлялись, особенно редко упоминалась цензура 1905–1917 гг. Так, ленинградский историк и ученик А.Ф. Бережного Э.В. Летенков в 1974 г. защитил кандидатскую диссертацию о политике самодержавия в области печати после революции 1905 г. [83] Работа основана на вполне стандартном для тех времен источниковом материале, прежде всего на фонде ГУДП. Вместе с тем автор привлек документы Петроградской военно-цензурной комиссии (ПВЦК), найденные им в открытом для исследователей фонде редакции газеты «Петроградский голос» (РГИА, ф. 787).

Э.В. Летенков подробнее своих предшественников и современников осветил подготовку и рассмотрение нового закона о печати в 1912–1914 гг., закона 5 июля 1912 г. «о государственной измене путем шпионства» и «Временного положения о военной цензуре». Бегло, но затронут вопрос о статусе и полномочиях ПВЦК, скрытой борьбе Военного министерства и МВД за влияние на военную цензуру, упомянуто ее использование в политических целях[84]. В заключении констатируется, что в этот период появилась цензура, «стоящая на более высокой ступени, чем предыдущая, более опасная своим скрытым характером, своей большей приспособленностью к новым историческим условиям»[85]. Неудивительно, что текст диссертации не был опубликован. Э.В. Летенков в дальнейшем сосредоточился на исследовании «литературной промышленности» России конца XIX – начала XX в.[86]

украинской литературы в Галиции 70-90 годов XIX века. Дисс... к. филол. н. Львов, 1970; *Болебрух А.Г.* Борьба русского самодержавия с передовой общественно-политической мыслью во второй половине XVIII в.: на материалах деятельности цензурных органов. Дисс… к.и.н. Днепропетровск, 1972.

[83] *Летенков Э.В.* Из истории политики русского царизма в области печати (1905–1917). Дис… к.и.н. Л., 1974.

[84] Там же. С. 16–30.

[85] Там же. С. 71.

[86] *Летенков Э.В.* «Литературная промышленность» России конца XIX – начала XX века. Л., 1988.

Изучение истории русской печати допускалось и достаточно активно развивалось в доперестроечный период. Прежде всего здесь стоит отметить труды Б.И. Есина, В.Я. Лаверычева, А.Н. Боханова, С.В. Смирнова [87]. Большая работа проделана по упорядочению информации о выходивших до 1917 г. газетах и журналах, в том числе в провинции [88]. Но в общей многообразной картине русской «легальной журналистики», деятельности издателей, развития отраслевой печати, взаимоотношений «буржуазной» прессы и капитала всегда не хватало такой важной детали, как контроль государства над печатным словом. Одним из последствий стали неполные и обрывочные данные о цензуре времен Первой мировой войны, а в такой ситуации неизбежны ошибки. К примеру, в статье 1983 г. о взаимоотношениях цензуры и «Русского слова» С.А. Иникова, хотя и использует значительный набор источников, приходит к крайне спорному выводу, что с началом войны газета «была поставлена в такие жесткие рамки, что ей пришлось отказаться от остатков оппозиционности. <…> В эти годы сколько-нибудь серьезных столкновений с цензурой у “Русского слова” не было»[89]. Здесь не учтен ни фактор московской печати как более свободной по сравнению с петроградской, ни факт нахождения Москвы в зоне «частичной» цензуры, ни имевшие место конфликты и сложные взаимоотношения редакции с властями.

---

[87] *Лаверычев В.Я.* По ту сторону баррикад (из истории борьбы московской буржуазии с революцией). М., 1967; *Есин Б.И.* Русская дореволюционная газета. 1702–1917 гг. Краткий очерк. М., 1971; *Белов С.В., Толстяков А.П.* Русские издатели конца XIX – начала XX в. Л., 1976; *Смирнов С.В.* Легальная печать в годы первой русской революции. Л., 1981; *Боханов А.Н.* Буржуазная пресса России и крупный капитал, конец XIX в. – 1914 г. М., 1984.

[88] См., напр.: Русская периодическая печать (Общие и отраслевые библиографические указатели. 1703–1975): Аннотированный указатель. М., 1977; *Спиридонова Л.А.* Русская сатирическая литература начала XX века. М., 1977; *Трубецкой Б.А.* Из истории периодической печати Бессарабии. 1854–1926. Кишинев, 1968; *Сквирская Л.М.* Краткий очерк истории журналистики на Дальнем Востоке в XIX – начале XX века. Владивосток, 1971; *Антюхин Г.В.* Очерки истории печати Воронежского края. 1798–1917. Воронеж, 1973.

[89] *Иникова С.А.* Газета «Русское слово» и цензура (1895–1917 гг.) // Проблемы истории СССР. Вып. 13. М., 1983. С. 256.

Причины замалчивания темы цензуры в позднесоветский период емко охарактеризовала Т.М. Горяева: «Понятно, что в обществе, в котором официально отрицалось наличие цензуры, любые попытки изучения даже дореволюционной истории цензурных органов рассматривались как вероятность возникновения нежелательных аллюзий»[90]. О том же писал известный историк цензуры А.В. Блюм[91], кандидатская диссертация которого о цензуре местной книги в дореформенной России (1965)[92] также не была издана после защиты.

После начала перестройки был фактически снят запрет на исследование дореволюционной цензуры, началось упоминание ее документов в обзорах архивных фондов[93], дальнейшее развитие получили исследования печати накануне и в годы Первой мировой войны[94]. Веянием нового времени стали, в частности, работы Б.И. Колоницкого о цензуре, которую местные советы накладывали на «буржуазную» печать в марте – октябре 1917 г. Анализируя многочисленные резолюции и воззвания, автор показал механизмы ограничений против газет и одним из первых подробно осветил их точку зрения, в частности отношение к новой цензуре как возврату к дореволюционным, «протопоповским» временам[95]. Возобновились в это время и исследования фондов военной цензуры. Так, Ф.Ф. Федоров исследовал настроения солдат русской армии на основе документов военного цензора г. Алатыря (Государственный исторический архив Чувашской

---

[90] *Горяева Т.М.* Указ. соч. С. 23.

[91] «Из приватных бесед со знакомыми редакторами выяснилось, что издательства получили негласное указание вычеркивать слово “цензура” и как можно меньше печатать работ по этой тематике» (*Блюм А.В.* За кулисами «министерства правды»: Тайная история советской цензуры, 1917–1929. СПб., 1994. С. 13).

[92] *Блюм А.В.* Местная книга и цензура дореформенной России (1784–1860). Дис… к. филол. н. Л., 1965.

[93] *Миролюбов А.А.* Документы по истории Департамента полиции периода Первой мировой войны // Советские архивы. 1988. № 3. С. 80–83.

[94] *Махонина С.Я.* Русская дореволюционная печать (1905–1914). М., 1991.

[95] *Колоницкий Б.И.* Борьба с петроградской буржуазной печатью в дни корниловского мятежа // Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 году: Сб. науч. трудов. Л., 1989. С. 297–304; *Колоницкий Б.И.* Советы и контроль над печатью (март–октябрь 1917 г.) // Рабочие и российское общество. Вторая половина XIX – начало XX в. СПб., 1994. С. 151–163.

республики, ф. 496), а также материалов из фонда штаба Казанского военного округа (РГВИА, ф. 1720). Выводы автора не отличались новизной и не выходили за рамки советской историографической интерпретации массовых настроений в армии 1914–1917 гг., однако сам факт обращения к документам военной цензуры для того времени весьма показателен[96].

В 1990–2020-е гг. военно-цензурные документы активно применяли в исследованиях боевого опыта, фронтовой повседневности, чувств и переживаний человека, оказавшегося в эпицентре «мировой бойни». Цензорские отчеты, выдержки из солдатских и офицерских писем оказались для таких работ весьма ценным источником[97]. Материалы цензуры в архивах штабов фронтов и военных округов, Департамента полиции стали важным подспорьем и для исследований политических процессов, настроений в обществе и в армии в революционной России[98]. Цензурные документы привлекаются также к работам по истории печати и книжного дела, журналистики, разведки и шпионажа, театра и кино на рубеже XIX – XX вв.[99]

---

[96] *Федоров Ф.Ф.* Фонд Алатырского военного цензора – исторический источник для изучения настроения солдат русской армии в Первой мировой войне // Чувашия в годы Первой мировой войны. Чебоксары, 1985. С. 25–38.

[97] *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999; *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000; *Волковский Н.Л.* История информационных войн. В 2 ч. Ч. 2. СПб., 2003; *Нарский И.В.* «Я как стал средь войны жить, так и стала мне война, что дом родной…» Фронтовой опыт русских солдат в «германской» войне до 1917 г. // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск, 2007. С. 488–502.

[98] *Николаев А.Б.* Революция и власть: IV Государственная дума, 27 февраля – 3 марта 1917 г. СПб., 2005; *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010; *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010; *Шелохаев В.В.* Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015; *Гайда Ф.А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016.

[99] См., напр.: *Гращенкова И.Н.* Кино Серебряного века: русский кинематограф 10-х годов и кинематограф русского послеоктябрьского зарубежья 20-х годов. М., 2005; *Блохин В.Ф.* Становление и развитие губернской периодической печати в России: вторая треть XIX – начало XX вв. Дис. ... д.и.н. СПб., 2010; *Ковалова А.О.* Кинематограф в Петербурге 1896–1917. Кинотеатры и зрители. СПб., 2011; *Янгиров Р.М.* Другое кино. Статьи по истории отечественного кино первой трети XX века. М., 2011; *Хутарев-Гарнишевский В.В.* Отдельный корпус жандармов и Департамент полиции МВД: органы политического сыска накануне и в годы Первой мировой войны, 1913–1917 гг. Дисс… к.и.н. М., 2012; *Зверев*

Появляются, хотя и редко, работы о кадровом составе военной цензуры, в том числе – о расширении привлечения женского труда, в целом имевшего место в годы Первой мировой войны [100]. Стоит отметить статью И.В. Алферовой, впервые показавшей принципы и масштабы привлечения женщин к работе в военной цензуре 1914–1918 гг.[101]

Особенностью историографии цензуры в первые постсоветские десятилетия стало широкое использование документов региональных архивов, в частности – фондов военно-цензурных комиссий и пунктов, губернских канцелярий и жандармских управлений, охранных отделений, почтово-телеграфных контор. Спустя продолжительное время к цензурным документам вновь обратился Л.Г. Протасов, в совместной с В.Л. Дьячковым статье проанализировавший общественные настроения российского общества накануне 1917 г. Протасов констатировал, что, судя по перехваченным письмам, армия со временем «свыклась с войной, воспринимая ее, с одной стороны, как неизбежность, с другой – все менее замечая ее»[102].

В 2013–2015 гг. вышло множество «юбилейных» монографий и статей, посвященных истории России и ее различных регионов в годы Первой мировой войны. Время от времени в них обращалось внимание на военную цензуру и материалы перлюстрации как на уже традиционный источник для

В.О. Иностранный шпионаж и организация борьбы с ним в Российской империи (1906-1914 гг.). М., 2016; *Кирмель Н.С.* Спецслужбы России в Первой мировой войне 1914–1918 годов. М., 2018; *Бобровиков В.В.* Театр и кино в повседневной жизни населения Петрограда в феврале – октябре 1917 года // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 2 (75). С. 51–59. *Гордеев П.Н.* Общественно-политические процессы в государственных театрах России в марте – октябре 1917 года. Дис… доктора ист. наук. СПб., 2020.

[100] См., напр.: *Крестьянников Е.А.* Женщины-юристы Российской империи накануне и в годы Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. 2023. № 2. С. 68–76.

[101] *Алферова И.В.* Женская история российской военной цензуры периода Первой мировой войны // Российская история. 2024. № 2. С.115–126.

[102] *Дьячков В.Л., Протасов Л.Г.* Великая война и общественное сознание: превратности индоктринации и восприятия // Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного коллоквиума). СПб., 1999. С. 63.

анализа образов войны в сознании современников[103]. Затрагивались вопросы найма и работы местных военных цензоров, дефицита кадров и «залежей» корреспонденции [104] . В некоторых регионах изучение местной цензуры началось еще в середине 1990-х гг. Так, письма фронтовиков, отложившиеся в фонде Вятского военно-цензурного пункта Государственного архива Кировской области, уже тридцать лет привлекаются к работам об общественных настроениях в регионе [105] . Стоит отметить значительно продвинувшиеся исследования военной цензуры в Финляндии, основанные на фондах финских и российских архивов[106].

Широко привлекаются цензорские отчеты в трудах А.Б. Асташова и В.Б. Аксенова, показавших эволюцию фронтовой повседневности, слухов,

---

[103] См., напр.: *Сухова О.А.* «И будут летать огненные скорпионы»: Образы I мировой войны в сознании современников (по материалам Пензенской губернии) // Исторические записки. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 8. Пенза, 2004. С. 237–250; Удмуртский край в годы Первой мировой войны. Ижевск, 2014. С. 139–142; *Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М.* Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Казань, 2015; *Лыкова Д.А., Перегудова З.И.* «Сегодня мы узнали, что Германия объявила войну России». Перлюстрации писем Департаментом полиции МВД Российской империи в 1914 г. // Исторический архив. 2014. № 6. С. 158–173; *Селезнев Ф.А.* Вопрос о сепаратном мире между Россией и Германией в материалах перлюстрации (1916 г.) // Петербургский исторический журнал. 2015. № 4. С. 249–259.

[104] *Кондратеня А.В.* Военные цензоры в Псковской губернии периода Первой мировой войны // Псков. 2014. № 40. С. 185–199.

[105] *Хранилов Ю.П.* «Что им за дело до чужих писем, когда брюхо сыто?». Военная цензура Вятской губернии в борьбе за победу над германцами // Военно-исторический журнал. 1997. № 2. С. 22–29; *Хранилов Ю.П.* Военная цензура // Энциклопедия земли Вятской. В 10 т. Киров, 1995. Т. 4. С. 328–337; *Рябая С.А.* Письма из действующей армии в Вятскую губернию как источник изучения истории Первой мировой войны // Вестник архивиста. 2012. № 3. С. 65–73; *Ничков Е.А.* Отчеты военно-цензурной комиссии Омского военного округа как источник по истории российского плена в 1914–1917 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 6(68). Ч. 2. С. 145–148; *Васильева О.И., Воронцов В.С.* «Могут быть скорые перемены в России»: События 1917 г. в восприятии военнослужащих (по документам старшего военного цензора Казанского военного округа в г. Сарапуле) // Вестник Удмуртского университета. 2017. № 4. С. 597–603.

[106] *Алферова И.В.* Военно-цензурные практики в годы Первой мировой войны (на материалах Великого княжества Финляндского) // Вестник Брянского университета. 2022. № 4. С. 7–15; *Казанцев Д.Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны, 1914–1917. М., 2016; *Дубровская Е.В.* Российские военнослужащие в Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск, 2024.

образов и эмоций в российском обществе времен Первой мировой войны[107]. Выход этих работ стал своеобразным рубежом в многолетнем введении в научный оборот материалов перлюстрации и военной цензуры в постсоветские десятилетия. По инерции эти документы еще используются историками[108], однако в большинстве случаев это уже работа «вхолостую», экстенсивное расширение источниковой базы для демонстрации не всегда имеющих место «региональных особенностей». Некоторые статьи представляют собой компиляцию уже известных фактов, без каких-либо новых документов, а зачастую – и без необходимых сносок для доказательства утверждений и цифр[109]. В других случаях цензура (несмотря на упоминание ее в названии работы) отведена на второй план, а основное внимание уделено сюжетам, напрямую к ней не относящимся (пропаганда, образ врага, финансирование прессы правительством, ссылка этнических немцев и т.п.)[110]. Активно используя цензурные документы, авторы этих работ практически ничего не говорили о самой цензуре, ее структуре, повседневной работе и кадровом составе.

Параллельно развивалась историография дореволюционной цензуры как отдельного института – подхода, основанного на многолетней традиции, заложенной еще до 1917 г. В 1990-е гг. это направление получило мощный импульс развития. В отсутствие запретов к теме цензуры вернулись многие историки и филологи. Прежде всего стоит отметить А.В. Блюма, Г.В.

---

[107] *Асташов А.Б.* Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014; *Аксенов В.Б.* Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции, 1914–1918. М., 2020.

[108] *Цумарева Е.П.* О деятельности военной цензуры Российской империи в сфере перлюстрации писем во время Первой мировой войны // Вестник РГГУ. Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. 2024. № 2. С. 71–86.

[109] См., напр.: *Белькова Г.И.* Петроград – главный центр цензуры в годы Первой мировой войны // Культура. Наука. Образование. 2016. № 2. С. 133–137.

[110] См., напр.: *Семенова Е.Ю.* Периодическая печать и цензура в годы Первой мировой войны как фактор формирования менталитета российского общества (по материалам Поволжских губерний) // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. 2008. № 1. С. 71–85; *Серов Д.В.* Цензура почтовой корреспонденции из действующей армии в годы Первой мировой войны (письма как показатель настроений солдатской массы) // Новые век: история глазами молодых. Сб. науч. тр. Саратов, 2003. С. 219-230.

Жиркова и П.С. Рейфмана, выделивших в своих обобщающих трудах значительное место периоду Первой мировой войны и революции 1917 г.[111] Многочисленные книги и статьи, сборники материалов и научные мероприятия наглядно демонстрируют возросший интерес к изучению ведомственной истории цензуры.

Большой вклад в историографию дореволюционной цензуры внесли работы Н.Г. Патрушевой. С середины 1980-х гг. она подробно рассматривает структуру и кадровый состав ГУДП и местных цензурных учреждений. Велика ее роль в восстановлении биографий множества цензоров, сведений об их повседневной работе, нуждах, отношениях с начальством и с обществом. Логический итог многолетних исследований – монография «Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века» (2013)[112], настоящий кладезь информации о столичной и провинциальной цензуре от Великих реформ до 1917 г. В то же время периоду Первой мировой войны уделяется относительно небольшое внимание, очень кратко освещено введение военной цензуры в 1914 г., ее дальнейшее функционирование и место в изменившейся государственной системе. Практически не привлечены материалы военной цензуры, не затронут и вопрос ее функционирования после Февральской революции. Тем не менее, в том числе благодаря трудам Н.Г. Патрушевой началось углубленное исследование организационно-правовых основ действия цензуры в позднеимперской России[113].

---

[111] *Блюм А.В.* За кулисами «министерства правды»: Тайная история советской цензуры, 1917–1929. СПб., 1994; *Рейфман П.С.* Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России: в 2 т. Т. 1. Вып. 3: 1855–1917 гг. М., 2017.

[112] *Патрушева Н.Г.* Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. СПб., 2013.

[113] *Эльяшевич Д.А.* Правительственная политика и еврейская печать в России, 1797–1917. Очерки истории цензуры. СПб.; Иерусалим, 1999; *Пшеничная М.А.* Государственная политика в области цензуры печати в России XIX – начала XX веков. Дисс… к.и.н. Ставрополь, 2002; *Ячевский С.И.* Цензурная политика царского правительства в пореформенный период: Вторая половина XIX - начало XX вв. Дисс… к.и.н. М., 2002; *Полусмак Т.В.* Цензурное законодательство дореволюционной России Дисс… к.ю.н. Нижний Новгород, 2003; *Москвин В.А.* Цензура и распространение иностранных изданий

В целом в постсоветской историографии сохраняется очевидный крен в сторону периода со второй половины XVIII в. до окончания первой русской революции. Расширение хронологических рамок в названии работы до 1917 г. зачастую не отражает реальной картины: Первая мировая война, российская революция, да и весь насыщенный событиями период «обновленного строя», как правило, оставались на втором плане.

В отличие от цензорских отчетов, делопроизводственная документация из фондов военной цензуры традиционно привлекалась в весьма ограниченном количестве, сначала (в советское время) из-за негласных и прямых запретов, а затем – в силу устоявшегося за многие десятилетия представления, что основные материалы сосредоточены в фондах ГУДП, комитетов по делам печати и Департамента полиции, отчасти – в местных губернских канцеляриях и жандармских управлениях. В том числе и поэтому рассекречивание фондов именно военной цензуры в конце 1980-х гг. прошло фактически незамеченным и не привело к всплеску интереса к теме. Процесс вовлечения этих документов в научный оборот занял длительное время.

Примечательно, что изучение делопроизводственных документов военной цензуры 1914–1918 гг. началось в специализированной литературе по сфрагистике и филателии. Одним из первых подробный анализ почтовой цензуры в Петрограде дал М. Косой в статье для сборника «Советский коллекционер» в 1987 г. Учитывая специфику издания, автор основное внимание уделил развитию штемпелей и технической работы цензоров на почте, использовав для этого, в частности, материалы Петроградского

в Москве: Вторая половина XIX – начало XX в. Дисс… к.и.н. Тверь, 2004; *Бондарь В.О.* Военная цензура периодических изданий в Российской империи в XIX – начале XX века. Дисс… к.и.н., 2012; *Амбросьев А.В.* Организационно-правовые основы деятельности Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел Российской империи: 1865–1917 гг. Дисс… к.ю.н. М., 2012; *Бордаков М.А.* Становление и развитие института цензуры на Дальнем Востоке России в 1901–1917 годах. Дисс… к.и.н. Владивосток, 2018; *Агапов В.Л.* Последняя война: Россия в Первой мировой войне в зеркале дальневосточной прессы. Владивосток, 2018; *Сопова А.П.* Правовое регулирование периодической печати в Российской империи в начале XX века. Дисс… к.ю.н. М., 2021.

почтамта[114]. Возможно, первое упоминание фонда Главной военно-цензурной комиссии (РГВИА, ф. 13835) сделал Д. Иванов в небольшой статье 1998 г. о нагрудном знаке для военных цензоров 1916 г. Автор воспроизвел рисунок знака, а также документ о правилах его ношения[115]. В 2000-е гг. в журнале «Филателист» вышло несколько коротких, но информативных исследований военно-цензурных штемпелей времен Первой мировой войны[116]. П.П. Лаврук в статье 2014 г. обратился к истории ПВЦК, правда осветил ее очень коротко, использовав несколько документов комиссии, отложившихся в фонде ГУДП[117].

Пробелы в истории военной цензуры были частично закрыты в работах П.В. Батулина, в 2000–2010-е гг. обратившего основное внимание именно на ее структуру и подчинение[118]. Важное достижение автора – исследование институциональных изменений военно-цензурной системы накануне и в годы российской революции. Историк рассмотрел основные мероприятия новой власти по созданию собственной цензурной системы, показал преемственность в организации, инструкциях и кадровом составе военной

---

[114] *Косой М.* Военная цензура почтовой корреспонденции Петрограда в период первой мировой войны // Советский коллекционер. Сб. ст. М., 1986. С. 56–74.

[115] *Иванов Д.* Нагрудный знак военных цензоров. 1916 // Военная иллюстрация. 1998. № 1. С. 48.

[116] См.: *Крашенинникова Н.* Цензура Первой мировой войны // Филателия. 2005. № 2. С. 36–37; *Иванов В.* Военная цензура заграничной корреспонденции в годы Первой мировой войны // Филателия. 2007. № 6. С. 41–43; *Иванов В.* О цензуре Первой мировой войны // Филателия. 2008. № 1. С. 41–43.

[117] *Лаврук П.П.* Местная военно-цензурная комиссия Петроградского военного округа: защита тайн в годы Первой мировой войны // Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т. 10. Защита информации. СПб., 2014. С. 365–385.

[118] См., напр.: *Батулин П.В.* Военная цензура в период Первой мировой войны и революции 1917–1918 гг.: проблема сущности и преемственности // Проблемы истории, филологии, культуры. 2006. № 16-3. С. 141–155; *Батулин П.В., Войтиков С.С.* Злоупотребление властью в органах Военного контроля. 1918–1919 // Вопросы истории. 2010. № 8. С. 46–55; *Батулин П.В.* Создание советской военной цензуры в 1918 г. // Военно-исторический архив. 2010. № 2(122). С. 120–137; *Батулин П.В.* Перечни военной цензуры, 1912–1923 гг. // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 4 (30). С. 152–165; *Батулин П.В.* Когда советская почтово-телеграфная цензура стала перлюстрацией? // История книги и цензуры в России. Третьи Блюмовские чтения. материалы. 2014. С. 186–193; *Батулин П.В.* Проблемы реорганизации военной цензуры в период Временного правительства // История книги и цензуры в России. Четвертые Блюмовские чтения. 2018. С. 146–175.

цензуры на стыке двух эпох российской истории. Основной источник Батулина – материалы Главной и местных военно-цензурных комиссий, и большинство из них он привлек впервые. Хотя автор оставил и далеко не завершил работу над этой темой, его статьи по-прежнему имеют большое значение для исследований позднеимперской и раннесоветской цензуры.

К столетию начала Первой мировой войны вышла трехтомная энциклопедия «Россия в Первой мировой войне 1914–1918», где в отдельной статье С.В. Куликов дал достаточно подробную, информативную справку о военной цензуре, затронув в том числе и период Временного правительства[119]. Автор использовал большое количество документальных материалов, хотя уже и опубликованных к тому моменту.

Значительный массив данных о работе военной цензуры накануне и в годы Первой мировой войны проанализировала Е.Г. Кострикова в монографии об информационной политике российского правительства в 1914–1917 гг.[120] Помимо цензурной политики правительства в целом, в ее монографии подробно рассмотрена цензура дипломатических сообщений, которую производил МИД. Впервые рассмотрена деятельность дипломатической цензуры после Февральской революции, шаги Временного правительства по усилению контроля над печатью. Военно-цензурные документы привлечены автором в первую очередь из фондов АВПРИ, где отложилась значительная часть переписки по данном вопросу из Совета министров и Временного правительства. Однако в работе почти не использованы материалы Главной и Петроградской военно-цензурных комиссий, хранящихся в отдельных фондах, вне архивов ГУГШ и Ставки верховного главнокомандующего. Цензура в целом занимает важное, но не главное место в монографии Е.Г. Костриковой: обозначив основные направления и перечислив ключевые документы правительственной

---

[119] *Куликов С.В.* Военная цензура // Россия в Первой мировой войне 1914–1918: Энциклопедия: В 3 тт. М., 2014. С. 382–385.

[120] *Кострикова Е.Г.* Информационная политика российского правительства в годы Первой мировой войны и революции. 1914–1917. М., 2024.

цензурной политики, автор не вдается в подробности кадрового состава (за исключением дипломатической цензуры), финансирования, организационных реформ, повседневной работы цензоров.

Особенности цензурной политики в годы Первой мировой войны частично освещены в монографиях и статьях о «специальных» видах цензуры. Так, в трудах Е.Г. Федяхиной показаны основные принципы, которыми руководствовались цензоры при запрещении пьес[121]. Значительная историография накопилась в постсоветский период и по цензуре кинематографа[122]. 1917 год в обоих случаях остается в стороне, прежде всего из-за недостатка источников, распространенного и ошибочного мнения, что «свобода», наступившая после Февраля, привела к отмене всех цензурных ограничений. Из-за этого слабо освещены попытки Временного правительства настроить регулирование репертуара театров и кинематографов, со времен упомянутых двух статей Б.И. Колоницкого конца 1980-х гг. практически не рассматриваются случаи установления «самовольной» цензуры местными властями в условиях революции.

Особо стоит отметить исследования В.С. Измозика о деятельности «черных кабинетов» в России в XVIII – начале XX вв.[123] Автор подробно анализирует повседневную работу перлюстрации, методы вскрытия писем, судьбы цензоров после революции. Благодаря этой работе ныне известно, например, что вскрытие переписки проводилось сотрудниками отдела цензуры иностранных газет и журналов при Главпочтамте. Тем не менее, историк ограничивается лишь одним «звеном» в общей разветвленной структуре контроля почтово-телеграфной корреспонденции, установившейся в Петрограде в 1914–1918 гг. То же можно сказать о книге С.И. Григорьева – весьма качественном исследовании цензуры Министерства императорского

---

[121] См., напр.: *Федяхина Е.Г.* Драматическая цензура в 1914–1916 гг. // Цензура в России: история и современность: сборник научных трудов. Вып. 8. СПб, 2017. С. 187–196.
[122] *Муравьев А.Л.* Подозрительные ленты. Цензура в раннем русском кино // Мавродинские чтения. Сб. ст. СПб., 2002. С. 235–239.
[123] *Измозик В.С.* Указ соч.

двора и уделов (МИДв)[124]. Показана эволюция цензурных практик с начала XVIII в. и до Февральской революции, затронут и период Первой мировой войны, в частности – контроль над изображением Николая II как Верховного главнокомандующего. В то же время не освещены вопросы взаимодействия придворной и военной цензуры, разграничения полномочий и ведомственные конфликты, возникшие на этой почве.

Зарубежные историки практически не привлекали к работе военно-цензурные документы начала XX в., первостепенное внимание обращалось на цензуру XVIII–XIX в.[125] Наглядный пример – переведенная на русский язык монография М.Т. Чолдин об иностранной цензуре, в которой периоду 1905–1917 гг. уделено минимальное внимание[126]. Характерно также, что в англоязычной «Энциклопедии цензуры» (1990) статья о дореволюционной России заканчивается на революции 1905 г.[127] На общем фоне стоит отметить качественные работы Дж. Дейли о положении и развитии прессы в позднеимперской России, однако и он период 1914–1917 гг. упоминает редко, не вдаваясь в подробности об особенностях военных лет[128].

В конце 1990-х на документы цензуры как источник обратил внимание П. Холквист в исследовании российской «тотальной мобилизации» в 1914–1921 гг. Выдвигая тезис, что в России осведомление как «метод и форма реализации государственной власти» получила развитие еще в предреволюционные годы, он приводит данные перлюстрации и использует, в частности, опубликованные незадолго до того Ю.П. Храниловым

---

[124] *Григорьев С.И.* Придворная цензура и образ верховной власти (1831–1917). СПб., 2007.
[125] См., напр.: *Balmuth D.* Censorship in Russia, 1865–1905. Washington, 1979; *Ruud C.* Fighting words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804–1906. Toronto, 1982; *Foote I.P.* The St. Petersburg Censorship Committee, 1828–1905 // Oxford Slavonic Papers. Vol. 24. 1991. P. 60–120; *Smith-Peter S.* The Russian Provincial Newspaper and its Public, 1788–1864. Pittsburgh, 2008.
[126] *Choldin M.* A Fence around the Empire: Russian Censorship of Western Ideas under the Tsars. Durham, 1985; Чолдин М.Т. Империя за забором: История цензуры в царской России. М.: Рудомино, 2002.
[127] The Encyclopedia of censorship / Ed. By J. Green. New York, 1990. P. 261–266.
[128] *Дейли Дж.* Пресса и государство в России (1906 - 1917 гг.) // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 25–45; *Daley J.W.* Government, press, and subversion in Russia, 1906–1917 // Journal of the Historical Society. 2009. Vol. 9(1). P. 23–65.

документы Вятского военно-цензурного пункта. Цензоры, по верному заключению Холквиста, должны были «не только отслеживать, но также и описывать, а по мере возможности и объяснять настроения среди населения» [129] . У. Розенберг провел более подробное исследование солдатских настроений в русской армии, основываясь прежде всего на отчетах военных цензоров, найденных им в фондах штабов Северного, Западного и Юго-западного фронтов[130].

В статье 2001 г. Дж. Смит впервые в зарубежной историографии достаточно подробно осветил работу русской военной цензуры в 1914 – феврале 1917 гг. и сравнил ее с цензурными системами, установившимися в других воюющих государствах [131] . Тем не менее исследование Смита не привносит большого количества источников, не раскрывает новых сюжетов и неизвестных ранее страниц истории цензуры в России, прежде всего потому, что опирается только на книгу М.К. Лемке и записи А.Н. Яхонтова о заседаниях Совета министров. Исследование Э. Демма также не вносит новых источников, однако в нем проводится качественный компаративистский анализ цензуры и пропаганды в воюющих государствах 1914–1918 гг.[132] Редкий пример привлечения зарубежными исследователями архивов – вышедшая в 2022 г. монография французского историка А. Сюмпфа о российских инвалидах войны в 1904–1921 гг. Анализируя их образ в кино, автор сослался и на документы кинематографической цензуры в Петрограде, хранящиеся в фонде ПВЦК[133].

---

[129] *Холквист П.* Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война (Материалы междунар. науч. коллоквиума). СПб., 1999. С. 93.

[130] *Rosenberg, W.G.* Reading Soldiers' Moods: Russian Military Censorship and the Configuration of feeling in World War I // The American Historical Review. 2014. Vol. 119. № 3. P. 714–740.

[131] *Smith J.T.* Russian Military Censorship during the First World War // Revolutionary Russia. 2014. Vol. 14. № 1. P. 71–95.

[132] *Demm E.* Censorship and Propaganda in World War I. L., 2021.

[133] *Sumpf A.* The Broken Years: Russia's Disabled War Veterans, 1904–1921. Cambridge; New York, 2022.

Можно констатировать, что военная цензура 1914–1918 гг. стала отдельным объектом исследования, за последние годы опубликованы новые данные об особенностях ее работы на местах, об организации и кадровом составе[134]. Однако цензор по-прежнему редко появляется в центре внимания историков. Как верно отметил в 1994 г. О.Р. Хромов, в советских исследованиях «из цензоров возникали монстры, ненавидящие просвещение и свободу, “жалкие рабы самодержавия”, лишенные личной инициативы и мысли»[135]. С тех пор ситуация мало изменилась, несмотря на открытие архивов, постепенное выведение на первый план человека, всестороннее изучение его мыслей и переживаний в разные исторические эпохи.

В целом, историография цензуры в России времен Первой мировой войны сделала за постсоветские десятилетия значительный шаг вперед. После снятия идеологических ограничений для исследователей открыт доступ ко всем цензурным фондам дореволюционного периода. Проведена большая работа по исследованию организационной структуры и полномочий цензуры, ее кадрового состава и повседневности цензоров в военные годы. Однако остаются и значительные пробелы. Почти не исследована работа большинства военно-цензурных подразделений, в частности – на почте и телеграфе. Недостаточно изучена также кинематографическая цензура. Цензор времен Первой мировой войны, его образование, политические взгляды и условия повседневной работы остается в тени цензурных институтов, сведения о которых тоже обрывочны и противоречивы, особенно

---

[134] *Салтык Г.А., Строева А.А.* Первая мировая война: к истории военной цензуры // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3-1. С. 29-33; *Алферова И. В., Блохин В.Ф.* «Гасильник народного духа»: цензурные ограничения в освещении героизма фронтовиков во время Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2017. № 3 (53). С. 63–84; *Гавриков Ф.А. Голованова С.П.* Цензура в городах Курской губернии во время Первой мировой войны // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 4(52); *Блохин В.Ф.* Военная цензура Минского военного округа и начало Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2019. № 3(61). С. 29–43; *Блохин В.Ф.* Периодическая печать Англии и России в условиях Первой мировой войны: сравнительный аспект // Новая и новейшая история. 2025. № 6. С. 91–101.

[135] *Хромов О.Р.* Цензор и религиозный лубок в России // Книжное знание в отечественной культуре XVIII – XX веков. Сб. ст. М., 1994. С. 87.

это касается сложной цензурной структуры Петрограда. Одним из результатов являются периодически встречающиеся ошибки при написании названий цензурных органов, неверные суждения об их полномочиях.

Источниковая база исследования. Для комплексного исследования цензуры в России в годы Первой мировой войны привлечен широкий круг источников, которые можно разделить на следующие группы: нормативно-правовые акты, материалы делопроизводства, справочно-статистические материалы, публицистика и периодика, источники личного происхождения.

Использованные в диссертации нормативно-правовые акты регламентировали работу цензуры в годы Первой мировой войны. Они включают в себя Устав о цензуре и печати 1893 г. [136], формально продолжавший действовать и в 1914–1917 гг., Временные правила о периодической печати от 24 ноября 1905 г. и Временные правила о непериодической печати от 26 апреля 1906 г., согласно которым отменялась предварительная цензура и вводилась цензура «карательная», то есть ответственность авторов и издателей по суду. После революционных событий 1905–1907 гг. правительство старалось усилить контроль за прессой, введя на большей части территории империи режим усиленной (чрезвычайной) охраны на основании «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» 1881 г. При рассмотрении довоенной цензурной политики правительства проанализировано влияние и последствия принятого 5 июля 1912 г. закона «Об изменении действующих законов о государственной измене путем шпионства». Привлечены материалы подготовки в 1909–1914 гг. нового закона о военной цензуре, принятого наскоро из-за приближавшейся войны и ныне известного как «Временное положение о военной цензуре». Причины, по которым его разработка затянулась до последних мирных дней, рассмотрены в контексте общей реформы военного управления в России

---

[136] Устав о цензуре и печати: Настольная справочная книга для авторов, переводчиков, издателей и проч. М., 1896.

после Русско-японской войны. Для исследования этого вопроса привлечено «Положение о полевом управлении войск» 1890 г., проанализированы изменения в организации военной цензуры на театре военных действий в связи с принятием нового варианта этого документа в июле 1914 г.

После Февральской революции перед новой властью стояла задача разработки механизма регулирования печати, театра и кино, а также обоснования дальнейшей работы военной цензуры в изменившихся политических условиях. В диссертации проанализированы принятые Временным правительством 27 апреля 1917 г. постановления «О печати» и «О публичных зрелищах», определявшие порядок выхода в свет произведений тиснения, контроль за кинопрокатом и театральным репертуаром. Провал июньского наступления на фронте и июльский кризис власти подтолкнули Временное правительство к ужесточению цензурной политики, в частности – принятию 14 июля постановления «О воспрещении помещения в печати без предварительного просмотра военной цензурой сведений, касающихся действий и состояния российских армии и флота». Дальнейшее усиление контроля за печатью и корреспонденцией, структурные реформы военной цензуры исследованы на основе утвержденных 22 и 24 июля Временных правил о специальном военном почтово-телеграфном контроле и постановления «О специальной военной цензуре печати».

Приход большевиков к власти ознаменовался очередной кардинальной сменой государственной цензурной политики. К ее исследованию в диссертации привлечены «Резолюция по вопросу о печати», принятая Военно-революционным комитетом (ВРК) 26 октября, декрет Совета народных комиссаров «О печати» от 27 октября, декрет «О печати», принятый Московским ВРК 6 ноября, постановление Комитета обороны Петрограда от 22 февраля 1918 г. о закрытии «контрреволюционной печати». При рассмотрении реорганизации военно-цензурных органов привлекались приказы Наркомата по военным делам «Об упразднении специальной

военной цензуры печати» и «О переименовании Центрального военного почтово-телеграфного контрольного бюро в Военный почтово-телеграфный контроль» (26 января 1918 г.).

Дальнейшая реорганизация и централизация цензуры печати, театра и кино кратко охарактеризована при помощи постановления Московского совета рабочих и красноармейских депутатов «О цензуре над кинематографами» (17 июля 1918 г.), «Обязательного постановления Кинематографического комитета Наркомпроса о цензуре кинопродукции» (6 сентября 1918 г.), декрета Совнаркома РСФСР от 6 июня 1922 г. «Положение о Главном управлении по делам литературы и издательств (Главлит)». Для исследования цензуры в октябре 1917 – марте 1918 гг. использованы сборники декретов советской власти и документов Петроградского военно-революционного комитета, собрания узаконений и распоряжений о цензуре печати и кинематографа в советскую эпоху[137].

Материалы делопроизводства включают официальную переписку министерств и ведомств, журналы заседаний комиссий и комитетов, отчеты, доклады, записки, проекты. Основная часть этих документов не опубликована и ныне хранится в различных федеральных, региональных и зарубежных архивах.

Среди опубликованных делопроизводственных источников важное место в диссертационном исследовании занимают Особые журналы Совета министров [138], позволившие проследить эволюцию цензурной политики правительства в годы Первой мировой войны. Журналы содержат, в частности, объяснения мотивов изменений «Перечня» запрещенных к

---

[137] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. М., 1942; Декреты советской власти. Т. I. М., 1957; Донесения комиссаров Петроградского Военно-революционного комитета. М., 1957; Петроградский Военно-революционный комитет: документы и материалы. В 3 т. Т. 1. М., 1966; Цензура в Советском Союзе. 1917–1991. Документы / Сост. А.В. Блюм. М., 2004; Кино: организация управления и власть. 1917–1938 гг.: документы. М., 2016.

[138] Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1912 год. М., 2004; Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1914 год. М., 2006.

публикации сведений, введения «полной» военной цензуры в Москве. Стенограммы заседаний Государственной думы и Государственного совета за 1914–1917 гг.[139] воспроизводят публичные дебаты по поводу изменения проектов Устава о печати и закона о военной цензуре и в целом – взглядов разных политических сил на цензуру, ее роль и значение в военное время. Стенограммы допросов, производимых в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссией[140], помогли лучше понять особенности работы цензуры накануне Февральской революции. Обсуждения изменений в цензурном законодательстве в феврале – октябре 1917 г. отразились в журналах заседаний Временного правительства и Юридического совещания[141].

Переписка между министерствами и ведомствами по вопросу о военной цензуре накануне и во время Первой мировой войны нашла отражение в фонде Совета министров в Российском государственном историческом архиве (РГИА, ф. 1276). Разработка проектов нового Устава о печати (1913–1914) и нового «Положения о военной цензуре» (1915–1916) исследована на основании материалов комиссии при ГУГШ, отложившихся в документах канцелярии Военного министерства (Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 29), журналов заседаний Комиссии о печати Государственной думы (РГИА, ф. 1278), а также материалов заседаний Постоянного совета Объединенных дворянских обществ (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 434). Процесс реформирования военно-цензурной системы в 1917 г. исследован в том числе благодаря документам канцелярии Временного правительства, Особой комиссии по

---

[139] Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия I. Ч. 1. СПб., 1913; Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия IV-V. Пг., 1916; Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия XII. Пг., 1916.

[140] Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Т. III–V. Л., 1925.

[141] Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VII. Журналы заседаний Временного правительства: Март–октябрь 1917 года. В 4-х т. Т. 1, 3, 4. М., 2001; Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. XIII. Записи хода заседаний Юридического совещания при Временном правительстве. Март–октябрь 1917 года. В 2 т. Т. 1: Март–июнь 1917 года. М., 2018; Т. 2: Июль – октябрь 1917 года. М., 2019.

ликвидации ГУДП и Юридического совещания (ГАРФ, ф. 1779, 1787, 1792). Часть материалов по истории правительственной политики в отношении печати найдена в фондах Б.В. Штюрмера (ГАРФ, ф. 627) и А.А. Поливанова (РГВИА, ф. 89).

Делопроизводственная документация русской военной цензуры 1914–1918 гг. в основном сосредоточена в РГВИА. В исследовании использованы фонды Главной (ф. 13835), Петроградской (ф. 13836), Московской (ф. 13839), Рижской (ф. 13849), Иркутской (ф. 13867) военно-цензурных комиссий. В них найдены журналы заседаний, недельные и месячные отчеты военных цензоров, служебные инструкции, проекты нормативных документов, списки служащих, справки, прошения, расписания работы, личные дела. Ограничения на доступ к этим фондам были сняты только в 1988 г. Комиссией по определению степени секретности документов ЦГВИА СССР. Тем не менее, за прошедшие годы эти фонды крайне редко просматривались, и большинство документов из них в настоящей диссертации впервые вводится в научный оборот.

Документы военной цензуры также почерпнуты из хранящихся в РГВИА фондов Главного управления Генерального штаба (ф. 2000), штаба Верховного главнокомандующего (ф. 2003), штабов Северного, Северо-западного и Юго-западного фронтов (ф. 2019, 2031, 2067). Делопроизводство тыловых военно-цензурных комиссий обычно оставалось в составе фондов окружных штабов, хотя из дел некоторых провинциальных военно-цензурных пунктов были образованы отдельные фонды. Так, привлеченные к исследованию материалы Тифлисской военно-цензурной комиссии содержатся в фонде штаба Кавказского военного округа (ф. 1300), материалы Казанской комиссии – в фонде штаба Казанского военного округа (ф. 1720).

Сведения о цензурных органах в приморских районах и в Финляндии, проекты организации цензуры сведений о флоте и сражениях на море найдены в документах Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГА ВМФ), в фондах штаба начальника сухопутных войск,

подчиненных командующему Балтийским флотом (ф. 353), Морского Генерального штаба (ф. 418), Морского штаба Верховного главнокомандующего (ф. 716), штаба Моонзундской укрепленной позиции (ф. 941).

С началом Первой мировой войны все существовавшие к тому моменту цензурные учреждения были инкорпорированы в общую военно-цензурную систему. Подчинявшиеся МВД главные управления и местные комитеты по делам печати и цензуры иностранной должны были взаимодействовать с военно-цензурными комиссиями, согласовывать допустимость того или иного печатного материала, театральных пьес, кинопродукции. В диссертации широко используются материалы органов довоенной цензуры, продолжившие существовать и вести собственное делопроизводство. Прежде всего стоит отметить обширный фонды ГУДП и военной цензуры при Петроградском комитете по делам печати (ПКДП), хранящиеся в РГИА (ф. 776, 778). Здесь отложилась значительная часть переписки об организации цензуры в империи в 1914–1917 гг., журналы заседаний, списки цензоров, личные дела. Ценны указанные фонды и отчетами местных инспекторов по делам печати, как правило исполнявших в провинции обязанности военных цензоров. В описях 25 и 26 фонда 776 содержатся документы драматической цензуры, в частности – списки пьес, журналы заседаний, отзывы цензоров о прочитанных произведениях. Цензурные экземпляры пьес привлечены к исследованию из фонда «Драматическая цензура» Отдела редкой книги, рукописных, архивных и изобразительных материалов Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки (ОРиРК СПбГТБ).

Для исследования цензуры книг, газет и журналов в годы Первой мировой войны привлечены материалы Московского комитета по делам печати (МКДП) и старшего инспектора книгопечатания и книжной торговли, хранящиеся в Центральном государственном архиве г. Москвы (ЦГА Москвы, ф. 31, 212), а также в фонде Инспекции надзора за типографиями, литографиями и т.п. заведениями в Петрограде в Центральном

государственном историческом архиве г. Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб, ф. 706). Примеры отношений цензуры и печати почерпнуты из фондов газет «Русское слово» и «Русские ведомости» в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ, ф. 595, 1701), а также журнала «Русское богатство», документы которого хранятся в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (РО ИРЛИ, ф. 266). Здесь отложилась переписка редакций с военно-цензурными комиссиями, циркуляры ГУДП и МВД.

Цензура почты и телеграфа в том или ином виде действовала на всей территории империи. Материалы перлюстрации привлечены к исследованию из дел Московского охранного отделения Департамента полиции и Отдельного корпуса жандармов, хранящихся в ГАРФ (ф. 63, 102, 110). Если на театре военных действий почтово-телеграфной цензурой ведали военно-цензурные комиссии и штабные отделения, то в тылу «частичная выемка» отправлений производилась в основном силами местных почтово-телеграфных чиновников, занимавших должность военных цензоров. В связи с этим в диссертации большое внимание уделяется материалам почтово-телеграфных контор и округов. Часть их отчетов, докладов и прочей переписки отложилась в военно-цензурных фондах РГВИА, часть осталась в соответствующих фондах федеральных и региональных архивов. Помимо обширного и ценного фонда Главного управления почт и телеграфов (РГИА, ф. 1289), в работе использованы также фонды почтово-телеграфных контор Эриванской (Национальный архив Армении, ф. 1002), Витебской (Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ), ф. 2619), Белостокской (Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБГр), ф. 1619).

Цензура Министерства императорского двора (МИДв) в годы мировой войны сохранила самостоятельность, но перестала быть единственной инстанцией, оценивающей произведения с упоминанием монарших особ. Изменения в работе придворной цензуры, новые факторы, влиявшие на

принятие МИДв цензурных решений видны по документам из отдельного фонда ведомства в РГИА (ф. 472). После начала войны сократился поток литературы, поступавшей в Россию из-за рубежа, усилился контроль за заграничными книгами и журналами. Изменения политики на этом направлении рассмотрены благодаря переписке и документации, отложившейся в фондах Центрального комитета цензуры иностранной (РГИА, ф. 779) и Московского отдельного цензора по иностранной цензуре (ЦГА Москвы, ф. 2314).

Дипломатическая цензура также действовала автономно, являясь при этом частью общей военно-цензурной системы. Оценка книг и статей на внешнеполитические темы требовала особого подхода, знаний международной обстановки, истории иностранных государств и их языков. МИД подбирал кадры для дипломатической цензуры исходя из собственных оценок и параметров. Принципы назначения дипломатических цензоров, особенности их работы исследованы с помощью документов Отдела печати и осведомления МИД, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ, ф. 140). Материалы о цензурной политике и о работе дипломатической цензуры почерпнуты из собрания документов «Архив “Война”», хранящемся в том же архиве (АВПРИ, ф. 134).

Значительная часть делопроизводственной переписки местных цензурных учреждений найдена в региональных архивах. Контроль за прессой, а также театром, кинематографом, публичными лекциями и народными чтениями производился при активном участии местной гражданской администрации, фонды которых в основном остались в регионах Российской Федерации и столицах бывших союзных республик. В диссертации использованы документы канцелярий губернаторов московского (ЦГА Москвы, ф. 17), тифлисского (Национальный архив Грузии, ф. 17), калужского (Государственный архив Калужской области (ГАКО), ф. Ф-32) гродненского (НИАБГр, ф. 1) и смоленского (Государственный архив Смоленской области (ГАСО), ф. 1), а также

Приамурского генерал-губернатора (РГИА ДВ, ф. 702), Енисейского (Государственный архив Красноярского края (ГАКК), ф. Р-1813) и Тобольского губернских комиссаров Временного правительства (Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ), ф. И722).

Для исследования местной цензуры привлекались фонды Витебского (НИАБ, ф. 2499) и Гродненского (НИАБГр, ф. 954) губернских жандармских управлений. Некоторые документы местной военной цензуры отложились в Национальном архиве Грузии, к исследованию привлечен фонд Тифлисского комитета по делам печати (ф. 480). Работа военных цензоров в тыловых губерниях рассмотрена на примере Владивостокского инспектора по делам печати, фонд которого хранится в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (РГИА ДВ, ф. 24).

Часть материалов перлюстрации почерпнута из собраний, отложившихся в фонде редакции журнала «Красный архив» (ГАРФ, ф. Р6887). Общественное недовольство цензурой как до, так и после Февральской революции рассмотрено благодаря опубликованным материалам меньшевиков, Бунда, Центрального военно-промышленного комитета и Особого совещания по обороне государства, а также документам о положении столичного пролетариата[142]. Привлеченные к исследованию опубликованные материалы о революционном движении в армии и на флоте содержат многочисленные воззвания и письма, касающиеся в том числе вопроса о сохранении цензуры и введении ограничений против «контрреволюционных» изданий[143].

---

[142] Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. 1915–1918: в 3 т. Т. 2. 1916. М., 2013.

[143] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году: Сб. материалов и документов. Л., 1932; Царская армия в период мировой войны и Февральской революции (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны). Казань, 1932; Революционное движение в армии и на флоте в годы Первой мировой войны. 1914 – февраль 1917: Сб. документов. М., 1966; Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г. М., 1982.

Справочно-статистические материалы представлены опубликованными ежегодниками «Статистика произведений печати» за 1913–1916 гг. [144] Приведенные в них данные важны для анализа изменений в тематическом разнообразии выходивших книг, газет и журналов, их количестве и тиражах. Также в эту группу входят адрес-календари «Всеобщий календарь» и «Вся Москва», в которых содержится информация о расположении и сотрудниках цензурных учреждений[145]. Сведения о развитии кинематографа накануне и в годы Первой мировой войны почерпнуты в том числе из справочника «Вся кинематография» за 1916 г. [146] , о законодательном регулировании произнесения речей и докладов – из сборника законов и циркуляров по внешкольному образованию, собранных в 1913 г. В.И. Чарнолуским[147].

В ходе работы над диссертацией широко привлекались материалы публицистики и периодики. В первую очередь стоит отметить газеты «Новое время», «Вечернее время», «Русское слово», «Биржевые ведомости», «Речь», «День», «Утро России», «Русские ведомости», «Петроградский листок», «Московский листок», «Киевлянин», «Колокол», «Свет», «Голос Руси», «Современное слово», «Земщина» а также британская «Таймс», регулярно затрагивавшие цензурный вопрос, в том числе и в общем контексте государственной политики в 1914–1918 гг. Большое значение для анализа драматической и кинематографической цензуры имеет отраслевая печать, в частности журналы «Театр и искусство», «Рампа и жизнь», «Сине-фоно», «Вестник кинематографии». На их страницах активно обсуждались вопросы контроля над сценой и кинопрокатом, составление единых правил цензуры,

---

[144] Статистика произведений печати, вышедших в России в 1913 году. Пг., 1915; Статистика произведений печати, вышедших в России в 1914 году. Пг., 1915; Статистика произведений печати, вышедших в России в 1915 году. Пг., 1916.

[145] Всеобщий календарь на 1915 год. Пг., 1915; Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1916 год. М., 1915.

[146] Вся кинематография: Настольная справочная книга. 1916. М., 1916.

[147] *Чарнолуский В.И.* Настольная книга по внешкольному образованию: полный систематический сборник законов, циркуляров, разъяснений Сената и справочных сведений. СПб., 1913.

проблемы репертуара театров и синематографов после Февральской революции и прихода большевиков к власти.

При анализе возникших в 1915–1916 г. дискуссий и слухов о предстоящей монополизации всего кинопроизводства и кинотеатров привлекалась брошюра В.М. Дементьева, доказывавшего необходимость этой меры в интересах государства[148]. В исследовании цензурной практики и способов обхода цензуры привлечены публицистические труды В.И. Ленина[149].

Источники личного происхождения включают мемуары, дневники и письма. Тема цензуры часто затрагивалась в эпистолярном наследии современников, представителей самых разных слоев российского общества. Отношение общества к цензуре прослежено на основании писем, воспоминаний и дневников из личных фондов Л.П. Меньщикова, П.И. Аверьянова, Н.В. Кончевской (ГАРФ, ф. 1723, 7332, Р6753). Особенности работы военной цензуры в Петрограде во второй половине 1917 – начале 1918 гг. обрисованы в частично опубликованном дневнике цензора В.В. Суханина[150]. Условия работы журналистов на Русском фронте, вопросы информационной политики отражены в письмах американского корреспондента лондонской «Таймс» Стэнли Уошберна из фонда владельца этой газеты Альфреда Хамсворта (лорда Нортклиффа) в Британской библиотеке[151], а также в дневнике В.Э. Грабаря, хранящемся в библиотеке Тартуского университета[152].

---

[148] *Дементьев В.М.* Кинематограф как правительственная регалия. Пг., 1915.
[149] *Ленин В.И.* ПСС. Изд. 5-е. Т. 2, 6, 12, 18, 21, 28, 30, 31, 34, 41. М., 1960–1973.
[150] *Вебер М.И., Суржикова Н.В.* «Особенного ничего не было»: Петроград 1917 года в дневнике военного цензора В.В. Суханина // Уральский исторический вестник. 2017. № 3 (56). С. 41–51.
[151] British Library Archives and Manuscripts. Northcliffe Papers. Vol. CII. Correspondence with Stanley Washburn; 1914–1922.
[152] Tartu ülikooli raamatukogu (Библиотека Тартуского университета). Ф. 38. Д. 50.

Работа цензуры упоминается в опубликованных дневниках и письмах императора Николая II и императрицы Александры Федоровны[153], депутатов, чиновников, журналистов, писателей и поэтов, фронтовиков, гимназистов, учителей, а также самих цензоров[154]. Их порой обрывочные воспоминания и краткие записи не только показывают общественное восприятие цензуры, но и помогают проследить изменения цензурной политики в 1914–1918 гг.

Таким образом, источниковая база диссертации репрезентативна для раскрытия темы диссертации, которая рассматривается по заявленным исследовательским задачам.

Научная новизна исследования. В настоящем исследовании впервые в качестве единого процесса рассматривается цензурная политика и практика в Российской империи периода «обновленного строя» (1905–1917 гг.). Выделены особенности организации цензурного контроля после отмены предварительной цензуры, предпосылки формирования военно-цензурной системы.

Реконструированы история разработки и содержание ключевых нормативно-правовых актов («Временное положение о военной цензуре», «Положение о полевом управлении войск»), а также служебных инструкций

---

[153] Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3. М.; Пг., 1925; Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. М.; Пг., 1927.

[154] *Лемке М.К.* 250 дней в царской ставке (25 сент. 1915 – 2 июля 1916). Пг., 1920; *Гессен И.В.* В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Т. 22. М., 1993; *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991; Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. М., 2008; *Бельгард А.В.* Воспоминания. М., 2009; *Мельгунов С.П.* Воспоминания и дневники. М., 2003; *Гиппиус З.Н.* Синяя книга. Петербургский дневник. 1914–1918. Белград, 1929; *Теляковский В.А.* Дневники директора Императорских театров. 1913–1917. Санкт-Петербург. М., 2017.*Сидоров А.А.* Из записок Московского цензора (1909–1917) // Голос минувшего. 1918. № 1-3. С. 93–114; *Мальков П.Д.* Записки коменданта Кремля. М., 1962; *Дубнова-Эрлих С.* Хлеб и маца: Воспоминания. Стихи разных лет. СПб., 1994; Повседневная жизнь старой русской гимназии. Из дневника словесника Н.Ф. Шубкина за 1911–1915 годы. СПб, 1998; *Архиепископ Никон (Рождественский)*. «Козни врагов наших сокруши...»: дневники. М., 2008; «Господи! Скоро ли кончатся наши муки!..»: дневники прапорщика К. В. Ананьева // Первая мировая: взгляд из окопа. М.; Спб., 2014. *Жданова А.А.* Записки сестры милосердия Анны Ждановой. Тверь: Триада, 2014; Тайны русской души. Дневник гимназистки. М., 2015; *Казанцев Д.Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны, 1914–1917. М., 2016.

и рекомендаций цензорам. Подробно изучены правовые основы функционирования цензуры накануне Первой мировой войны.

На основе новых архивных источников впервые детально воспроизведены организация и структура военно-цензурных органов, их кадровый состав и принципы комплектования. Указаны причины организационных, кадровых, финансовых проблем военно-цензурной системы, в конченом счете повлиявших на ее эффективность, отношение к ней власти и общества.

Развитие военно-политического кризиса в России в 1915–1916 гг. впервые анализируется в контексте попыток правительства и Ставки усилить контроль за прессой и подавить нараставшие оппозиционные настроения в обществе. Показано значение цензуры печати, ставшей значимым и до сих пор недооцененным фактором разрастания кризиса до масштабов революции в феврале 1917 г.

В диссертации впервые предпринято комплексное исследование почтово-телеграфной цензуры в России времен Первой мировой войны. Рассмотрены такие вопросы, как финансово-хозяйственное обеспечение, быт и повседневная работа цензоров, причины массовых задержек корреспонденции и общественное недовольство этим в 1914–1918 гг.

Подробно анализируется деятельность придворной, драматической и кинематографической цензуры как частей общей военно-цензурной системы в 1914 – феврале 1917 гг. Изучение работы указанных видов цензуры значительно дополняет историю отечественного театра и кино начала XX в., показывает с новой стороны их восприятие в обществе и взаимодействие с властями.

В диссертации впервые проведено комплексное исследование цензуры в первые месяцы после Февральской революции, включая не только цензурную политику Временного правительства, но и практику наложения цензурных ограничений в условиях дезорганизации государственного управления. Рассмотрены, в частности, попытки ввести фактическую цензуру

Советами, армейскими комитетами, местными гражданскими и военными властями.

Цензурные реформы Временного правительства анализируются сквозь призму общей непоследовательности внутриполитического курса и кризисов власти. Показано, как возвращение предварительной цензуры сопровождалось дальнейшей децентрализацией контроля за печатью, театром и кинематографом, как увеличивался разрыв между декларативными нововведениями и практикой цензуры на местах.

Цензурная политика большевиков в конце 1917 – начале 1918 г. впервые рассматривается не отдельно от предшествовавшего периода, а в контексте трансформации институтов цензурного контроля, унаследованных еще со времен существования монархии. Констатируется, что упразднение прежней военно-цензурной системы происходило одновременно с формированием советской цензуры, основанной на институциональном, правовом и организационном опыте, полученном в годы Первой мировой войны.

Теоретическая значимость исследования. Предпринятый в ходе работы над диссертацией выход за пределы традиционной периодизации истории дореволюционной и советской цензуры позволил проанализировать их в качестве составных частей единого процесса развития цензуры в России в начале XX в. Привлеченный широкий круг ранее неизвестных архивных источников дополняет сложную и многообразную картину общественно-политической и культурной жизни России в годы Первой мировой войны и революции 1917 г. Предложенный в работе подход может быть распространен на изучение истории других институтов императорской России, трансформированных, но сохранившихся после Февральской революции 1917 г. и даже после установления советской власти.

Практическая значимость исследования. Результаты, полученные при изучении российской цензуры последних лет существования императорской России и первого года после Февральской революции 1917 г., опыта организации военно-цензурной системы, недостатков ее функционирования,

могут быть использованы при дальнейшем исследовании вопросов информационной и культурной политики, а также формирования общественного мнения как властью, так и оппозиционными ей силами в годы Первой мировой войны, в период февраля–октября 1917 г. и после установления власти большевиков. Полученные в ходе работы над диссертацией сведения также могут быть использованы для подготовки учебных пособий, общих и специальных лекционных курсов по истории России конца XIX – начала XX в., истории Первой мировой войны, цензуры и пропаганды.

Достоверность исследования обеспечивается использованием широкого круга опубликованных источников и неопубликованных материалов из архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока, Калуги, Красноярска, Смоленска, Тобольска, Еревана, Гродно, Еревана, Лондона, Минска, Тарту, Тбилиси, проанализированных на основе принципов историзма и объективности.

Апробация результатов исследования. Диссертация прошла обсуждение на кафедре истории России XIX века – начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова и была рекомендована к защите.

Основные результаты диссертации опубликованы в 30 научных работах общим объемом 37,6 п.л., в том числе в 20 статьях общим объемом 17,9 п.л. в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RSCI, и в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В.Ломоносова по группе специальностей 5.6. Исторические науки.

Структура исследования определяется проблемно-хронологическим принципом. Работа состоит из введения, пяти глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы. Общий объем диссертации составляет 664 страницы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. К началу XX в. цензура в России представляла собой разветвленную структуру, предназначенную для контроля за печатью, театром, кинематографом, речами и докладами. Исторически основную роль в области цензуры играло Министерство внутренних дел через его подразделения – Главное управление по делам печати и Центральный комитет цензуры иностранной. Контроль на местах осуществляли цензурные комитеты и инспекторы по делам печати, а также местные власти и полиция. В результате революции 1905 г. предварительная цензура была отменена, однако фактически продолжала существовать, чему в немалой степени способствовало сохранение действия на большей части империи режима усиленной (чрезвычайной) охраны, дававшего местным властям широкие полномочия. Это приводило к непоследовательным и противоречивым решениям, зависевшим не столько от циркуляров МВД, сколько от усмотрения губернатора, полицмейстера и других должностных лиц на местах.

2. Среди недостатков государственного управления, выявленных во время Русско-японской войны, немаловажное место занимала организация военной цензуры. Цензурный контроль был децентрализован, основные полномочия в этом вопросе получили штабы армий. Ошибочность такого подхода стала очевидной к концу первого года войны: печать и фронтовые корреспонденты жаловались на непоследовательность цензоров. Эта проблема учитывалась при разработке нового «Положения о полевом управлении войск» и «Положения о военной цензуре». Однако из-за ведомственных противоречий обсуждение этих документов затянулось до июля 1914 г., они были приняты в спешке и не учитывали особенностей государственного управления империи после начала мировой войны.

3. Введенное в действие 20 июля 1914 г. «Временное положение о военной цензуре» предполагало межведомственный принцип организации цензурного контроля. Однако вопрос централизованного управления так и не был улажен: Главная военно-цензурная комиссия не имела влияния на зону

«полной» военной цензуры (театр военных действий). Основным источником цензурных кадров стали комитеты и инспекции по делам печати, почтово-телеграфные конторы и отделения, уездные исправники, полицмейстеры и жандармы, сохранившие основное место работы и ведомственное подчинение. На практике это стало причиной конфликтов военных и гражданских властей по кадровым, хозяйственным и финансовым вопросам. В целом военно-цензурная система была разбалансирована и децентрализована, и попытки исправить эту ситуацию в годы войны не принесли желаемого результата.

4. Предварительная цензура печати формально вводилась только для контроля материалов о войне, и общество с пониманием отнеслось к этим ограничениям во имя достижения победы. Распространенным было мнение, что военная цензура может и должна быть узкоспециальной, касаться только военных тем и не вмешиваться в обсуждение политических и экономических вопросов. Однако в условиях широкомасштабной войны провести границу между ними оказалось практически невозможно, и правительство не стремилось это сделать, на практике наделив цензуру фактически неограниченными полномочиями. Противоречивые решения цензоров, «белые пятна» на газетных полосах усиливали распространение всевозможных слухов и подрывали доверие к официальной информации.

5. Составители «Временного положения о военной цензуре» недооценивали масштабы работы, которая предстояла цензорам почты и телеграфа. В первые недели войны стала очевидной несостоятельность идеи возложить эти обязанности только на почтово-телеграфных чиновников. Хронический дефицит кадров восполнялся за счет найма гражданских чинов и женщин, однако даже при постоянно растущих штатах удавалось просматривать не более 10–15 процентов всей корреспонденции. Массовые задержки отправлений, перлюстрация писем вызывали широкое общественное недовольство и формировали образ военной цензуры как

неэффективной организации, не охранявшей должным образом военную тайну, но лишь усложнявшей повседневную жизнь.

6. После революции 1905 г. сохранилась предварительная цензура театральных постановок. Остались цензурные полномочия и у Министерства императорского двора, отслеживавшего образы царской семьи в массовой культуре. Драматическая цензура действовала при Главном управлении по делам печати, однако контроль за постановками в провинции находился под сильным влиянием местных властей: губернатор или полицмейстер могли отменить спектакль даже в том случае, если он был разрешен в Петербурге. Такая же ситуация сложилась и в кинематографе, и несмотря на все просьбы представителей отрасли единая киноцензура, определявшая общие правила экспертизы, так и не была создана ни до, ни во время войны.

7. Февральская революция привела к отмене политической цензуры, но военно-цензурная система в основе своей сохранилась. Новые власти и командование армии предпринимали меры по восстановлению контроля за печатью, корреспонденцией, театром и кино. Однако эти действия были противоречивыми и непоследовательными. Понимая, что без цензуры в той или иной форме не обойтись, Временное правительство до поры избегало полного восстановления ее полномочий, опасаясь обвинений в покушении на завоеванные свободы. Советы действовали более решительно, считая себя вправе закрывать «контрреволюционные» издания, регулировать репертуар театра и кино. Распространение низовой, самовольной цензуры на местах отражало общее падение управляемости на фоне разраставшейся революции.

8. Провал июньского наступления на фронте и июльский кризис власти подвигли Временное правительство к активизации цензурных реформ. Восстановление предварительной цензуры печати, закрытие ряда большевистских изданий, появление «белых пятен» на газетных полосах стали неожиданными для общества, видевшего в этом напоминание о, казалось бы, безвозвратно ушедших дореволюционных временах. После корниловского выступления реформы продолжились, разделение на почтово-

телеграфный и печатный контроль предваряло новый этап централизации цензуры, который, однако, не был завершен до октября 1917 г.

9. Цензурная политика большевиков после прихода к власти строилась прежде всего на установлении контроля за средствами печати при формально сохранявшейся свободе слова. Давление на прессу усиливалось сообразно с укреплением нового государственного аппарата, растущими внешними и внутренними угрозами советской власти. Судьба старых органов цензуры оставалась неопределенной вплоть до марта 1918 г. С одной стороны, была очевидна необходимость их упразднения в связи с заключением Брестского мира. С другой стороны, функции, которые они выполняли в предыдущие годы, были востребованы. Основываясь во многом на опыте предшественников, большевики с конца 1917 г. начали создавать новую – уже советскую – систему цензурного контроля.

ГЛАВА 1. ОРГАНИЗАЦИЯ И СТРУКТУРА ЦЕНЗУРЫ В РОССИИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1.1. Разработка Устава о печати в 1912–1914 гг. и довоенные дискуссии о цензурной реформе[155]

К началу XX века цензура в России представляла собой разветвленную и многоуровневую структуру, призванную наблюдать за выходящей в стране периодической печатью, контролировать книгопечатание и книготорговлю, постановки на театральных сценах, кинематограф и публичные выступления. Помимо созданного в 1865 г. Главного управления по делам печати (ГУДП) к 1900 г. действовали Санкт-Петербургский, Московский, Варшавский, Кавказский цензурные комитеты. Обособленными были драматическая цензура, входившая в состав ГУДП, и придворная цензура, подчинявшаяся Министерству императорского двора и уделов (МИДв).

Просмотром зарубежных книг и периодики ведал Центральный комитет цензуры иностранной и местные комитеты в Риге и Одессе, а также отдельные цензоры по иностранной цензуре в Москве, Вильне, Киеве и Ревеле. В крупнейших центрах полиграфической промышленности с развитой сетью книжных магазинов (Петербург, Москва, Варшава, Вильно, Киев, Одесса, Рига, Лодзь, Тифлис) существовал инспекторский надзор за типографиями и книжной торговлей[156]. Однако фактическое количество цензоров было невелико, во всех указанных структурах к 1905 г. работал всего 141 человек. В провинциальных городах (например, в Томске, Владивостоке, Нижнем Новгороде) работал только один цензор. В столице ситуация была лучше (10 цензоров в цензурном комитете и 8 – в

---

[155] При подготовке данного параграфа были использованы материалы из монографий: От имперской к советской и постсоветской государственности: декларируемый разрыв или реальная преемственность? М., 2024; *Богомолов И.К.* Цензура печати в России в годы Первой мировой войны. М., 2026.

[156] *Патрушева Н.Г.* Указ. соч. С. 534–537.

Центральном комитете цензуры иностранной)[157]. Но эти цифры смотрятся гораздо скромнее на фоне рынка печати, который рос, несмотря на давление цензуры, систематическое закрытие властями газет и журналов и искусственно создававшиеся ограничения по финансированию прессы частным капиталом. Отношения властей с журналистами и авторами регулировались устаревшими Временными правилами о печати от 6 апреля 1865 г., не учитывавшими многочисленные изменения, произошедшие за 40 лет.

В этом смысле революция 1905 г. обнажила уже существовавшие до нее проблемы. С трудом успевая и ранее за потоком книг, газет и журналов, цензура в разгар революционных событий не имела возможностей полностью отслеживать изменения на печатном рынке. Стремясь улучшить ситуацию, правительство созвало в январе 1905 г. Особое совещание для пересмотра действующих о цензуре и печати постановлений. К осени 1905 г. оно подготовило проект, предполагавший упразднение предварительной цензуры книг и периодики, как в столицах, так и в провинции. Экземпляр нового издания должен был поступить в цензуру не позднее чем через неделю после выхода. Члены совещания выступили за явочный порядок учреждения газет и журналов, открытия типолитографий, книжных магазинов, библиотек. Предполагалось, что закрытие повременных изданий могло состояться только по суду, министр внутренних дел терял право закрывать их по личному усмотрению. Упразднялись некоторые виды цензуры, к примеру – духовная и медицинская, иностранная отменялась для научных изданий. Такие послабления, однако, лишь усиливали нагрузку на цензуру, так как количество газет и журналов при явочном порядке их регистрации неизбежно должно было увеличиться, а просматривать их должны будут те же немногочисленные штаты цензурных комитетов.

Манифест 17 октября 1905 г. стал поворотным моментом в истории русской цензуры. В разных частях империи он был истолкован по-разному. В

---

[157] Там же.

одних губерниях (например, в Польше) попытки печати освободиться от контроля вызвали жесткий ответ властей, в других (на Кавказе) сами чиновники считали, что явочный порядок *de facto* установлен. В Петербурге ситуация была особенно сложной. Как вспоминал начальник ГУДП в 1905–1912 гг. А.В. Бельгард, столичный цензурный комитет «посменно заседал чуть ли не круглосуточно, и в особенности по ночам, когда полиция обычно доставляла… кипы только что вышедших и отобранных у продавцов или сорванных со стен преступных изданий»[158]. «Была завоевана свобода печати. Цензура была просто устранена. Никакой издатель не осмеливался представлять властям обязательный экземпляр, а власти не осмеливались принимать какие-либо меры», – отмечал В.И. Ленин в январе 1917 г. в «Докладе о революции 1905 года»[159].

Ситуацию частично разрешило вступление в силу 24 ноября 1905 г. новых Временных правил о периодической печати. Согласно им, официально отменялась предварительная цензура повременных изданий, эстампов, рисунков и других изображений. Вводился явочный порядок основания газет и журналов, судебный порядок рассмотрения нарушений печати, отменялись административные взыскания. 26 апреля 1906 г. были изданы Временные правила для непериодической печати, согласно которым устанавливались сроки их выхода после предоставления в цензуру (объемом менее 1 печатного листа – через 2 дня, от 1 до 5 листов – через неделю, более 5 листов – вместе с напечатанием в типографии). Важным моментом реформы стало переименование цензурных комитетов в комитеты по делам печати, вместо отдельных цензоров вводились должности инспекторов по делам печати.

Временные правила 1905–1906 гг. стали, несомненно, значимой вехой для русской печати. Хотя после революции давление на газеты и журналы только усиливалось, их положение уже не было прежним. Явочный порядок

---

[158] *Бельгард А.В.* Воспоминания. М., 2009. С. 259.
[159] *Ленин В.И.* ПСС. Изд. 5-е. Т. 30. М., 1973. С. 321.

давал новые возможности, которыми издатели пользовались, несмотря на все административные препоны и барьеры. Обойти цензуру было вполне возможно даже для крайних левых изданий, находившихся под особым надзором полиции.

Типичный для печати довоенного времени прием на примере «Правды» описывал М.И. Калинин: «Часть партийцев занялась доставкой газеты. Это была очень трудная работа. Как правило, с часу ночи надо было быть в типографии и прямо с машины нести газету на завод. Цензура часто конфисковала номера газеты, и наши товарищи должны были захватывать первые оттиски. Это делалось так: первый отпечатанный лист шел в цензуру, машина же продолжала печатать, не дожидаясь разрешения, а пришедшие за газетой люди забирали и уносили ее к себе. Когда приходил приказ о конфискации номера, часть тиража газеты уже была на квартире у разносчиков. Утром, бывало, читаешь сообщение о конфискации номера и одновременно видишь его в руках рабочих»[160].

В.И. Ленин неоднократно, как до, так и после 1905 г., указывал на возможности для редакций обойти цензуру. В работе «Что делать?» (1902) он отмечал: «Печать давно стала уже у нас силой. <…> И не новость в самодержавной России, что нелегальная печать проламывала цензурные запоры и заставляла открыто говорить о себе легальные и консервативные органы»[161]. В 1912 г. в статье «Значение выборов в Петербурге» лидер большевиков признавал, что организовать полулегальную работу газеты удавалось «при всех отчаянных преследованиях против нее, штрафах и арестах редакторов, при всей непрочности ее положения, при всей цензурной придавленности ее»[162]. Верным оружием были синонимы, непрямые ссылки

---

[160] Цит. по: Большевистская печать. Сб. материалов. М., 1940. С. 183; О путях обхода «Правдой» цензуры см. также: *Андронов С.А.* Большевистская печать в трех революциях. М., 1978. С. 150, 171, 178–179.
[161] *Ленин В.И.* ПСС. Изд. 5-е. Т. 6. М., 1963. С. 89.
[162] Там же. Т. 21. М., 1961. С. 375.

на запрещенные сочинения и обтекаемые, «смягченные» выражения [163]. Известный псевдоним Ленина, «В. Ильин», также использовался для обхода цензуры как наиболее удобный и распространенный на книжном рынке; под ним была издана, например, книга «Материализм и эмпириокритицизм» (1909, изд. «Звено) [164]. Далеко не все попытки Ленина легально опубликоваться были удачными[165], поэтому, например, книга «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916) была, по признанию Ленина, «писана для царской цензуры… с громаднейшей осторожностью, намеками, тем эзоповским – проклятым эзоповским – языком, к которому царизм заставлял прибегать всех революционеров, когда они брали в руки перо для “легального” произведения»[166]. Позднее, в книге «Детская болезнь “левизны” в коммунизме» (1920), Ленин вновь напомнил, что большевистские «легальные ежедневные газеты… умели и при царизме вести борьбу против оппортунизма меньшевиков, проповедовать основы большевизма в надлежащим образом прикрытой форме»[167].

Серьезно затрудняли положение печати вводившиеся в разных губерниях военное положение или положение о чрезвычайной охране. В 1907–1908 гг. были значительно усилены наказания и увеличены штрафы,

---

[163] См, напр.: Там же. Т. 2. М., 1967. С. 583, 584, 586, 588, 604; Т. 16. М., 1973. С. 97, 523.

[164] Фактор цензуры учитывался и при подготовке текста книги. 14 октября 1908 г. Ленин писал сестре А.И. Ульяновой-Елизаровой: «Насчет цензуры… пойду на все уступки, ибо в общем у меня безусловно все легально, и разве отдельные выражения неудобны» (Там же. Т. 18. М., 1968. С. 388). В ряде случаев отстаивались первоначальные формулировки, прежде всего в критике идейных оппонентов. 27 февраля 1909 г. лидер большевиков писал сестре: «Пожалуйста, не смягчай ничего из мест против Богданова, Луначарского и К°. Невозможно смягчать» (Там же. С. 401). Впрочем, и здесь автор шел на компромиссы, если понимал, что высок риск цензурных правок. К примеру, выражение «Луначарский даже “примыслил” себе боженьку» Ленин рекомендовал переделать: «Примыслил боженьку – придется заменить: «“примыслил” себе... ну, скажем мягко, религиозные понятия”, или в этом роде» (Там же. С. 400).

[165] К примеру, тираж книги «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов» (1907) был изъят и уничтожен, но один экземпляр сохранился, благодаря чему после революции работа увидела свет (Там же. Т. 31. М., 1969. С. 517).

[166] Там же. Т. 27. М., 1969. С. 301. Название книги «для цензуры» также подбиралось специально. Ленин предлагал, например, вариант «Основные особенности современного (новейшего, новейшей стадии) капитализма» (Там же. Т. 28. М., 1962. С. 207).

[167] Там же. Т. 41. М., 1963. С. 28.

массовый характер приобрели запрещения и конфискации книг и брошюр, закрытия периодических изданий[168]. Несмотря на это, к 1908 г. в России выходило уже 794 газеты и 1234 журнала, а в 1914 г. – 1293 и 1818 соответственно[169].

Контроль над этим растущим потоком был тем сложнее, что реформы 1905–1906 гг. и многочисленные циркуляры ГУДП почти не затрагивали кадровый вопрос. В послереволюционные годы ситуация мало изменилась к лучшему. А.В. Бельгард вспоминал, что при рассмотрении в III Думе сметы Министерства внутренних дел смета ГУДП имела «очень второстепенное значение»[170], причем министр еще в 1906 г. запрашивал его о возможностях уменьшить расходы на цензуру[171]. В целом до Первой мировой войны они росли стабильно, но медленно, и прибавки всегда оказывались ниже запрашиваемых. В 1905 г. было выделено 330680 руб., в 1911 г. – 472880 руб., в 1913 г. – 491852 руб.[172] Доходы цензоров росли еще медленнее, как в номинальном, так и в реальном выражении, при этом нагрузка росла во всех видах цензуры. Так, за 1914–1916 гг. в ГУДП было рассмотрено 11294 драматических произведения, из них 4453 – в 1914 г., 3597 – в 1915 и 3244 – в 1916 г.[173]

С 1907 г. правительство стремилось если не восстановить предварительную цензуру, то максимально усилить контроль и свести к минимуму возможности для выражения оппозиционных настроений в прессе. Решительных мер от власти требовали правые и консервативные круги. «Величайшею ошибкою правительства было дарование в самый разгар революционной смуты наскоро выработанного закона о свободе печати, которою наши революционеры и инородцы воспользовались для самого

---

[168] *Патрушева Н.Г.* Указ. соч. С. 343.
[169] *Жирков Г.В.* Журналистика России: от золотого века до трагедии. 1900–1918 гг. Ижевск, 2014. С. 115.
[170] *Бельгард А.В. У*каз. соч. С. 345.
[171] *Патрушева Н.Г.* Указ. соч. С. 406.
[172] Там же.
[173] *Федяхина Е.Г.* Драматическая цензура в 1914–1916 гг. // Цензура в России: история и современность. Вып. 8. СПб., 1917. С. 188.

беззастенчивого политического и полового развращения русского народа», – заявил 29 октября 1907 г. председатель Киевского отдела Русского Собрания Б.М. Юзефович[174].

Приемы, с помощью которых удавалось обойти цензуру, были хорошо известны всем, кто так или иначе был знаком с работой печати. Член Объединенного дворянства В.Н. Снежков в брошюре «Доклад о печати» (1908) признавал, что «существующие законы… никакого серьезного значения не имеют, над этими законами революционеры открыто глумятся (вместо запрещенного органа печати выходит на другой же день тот же орган при том же составе редакции с измененным лишь заголовком, наемные фиктивные редакторы отбывают арест за выдаваемое им из революционных фондов вознаграждение и т.п.)»[175]. В том числе благодаря этим приемам мнение о «распущенности» печати разделяли представители самых разных слоев общества. Архиепископ Никон (Рождественский) писал в дневнике в 1914 г.: «Печати теперь дана полная свобода: лги, сколько хочешь, подкапывайся под веру Христову, расхищай душу народную, сей отраву полною рукою – все позволено! Правда, есть статьи закона, коих нарушение влечет иногда наказание, но эти статьи так легко обойти, что не стоит много и думать о том»[176].

Николай II также считал важнейшей задачей правительства усиление контроля над прессой, учитывая непрекращающиеся нападки газет на власть и, в частности, на царскую семью[177]. Уход А.А. Макарова с поста министра внутренних дел в декабре 1912 г. стал в том числе результатом его неспособности справиться с печатью как с возрастающим фактором общественно-политической жизни. Император признавался В.Н. Коковцову,

---

[174] ГАРФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 154. Л. 1, 4об.
[175] Там же. Л. 11об., 12об.
[176] *Архиепископ Никон (Рождественский)*. «Козни врагов наших сокруши...»: дневники. М., 2008. С. 779.
[177] *Сопова А.П.* Правовое регулирование периодической печати в Российской империи в начале XX века. Дисс… к.ю.н. М., 2021. С. 79.

что Макаров «распустил» печать и медлил с ужесточением цензуры[178]. От нового министра, Н.А. Маклакова, царь ждал решительных действий на этом направлении. В июле 1912 г. газета «Право» утверждала, что «вопрос о введении в России нового закона о печати поставлен Министерством внутренних дел на первую очередь». Разработку его поручили графу С.С. Татищеву, сменившему на посту начальника ГУДП А.В. Бельгарда, также не оправдавшего ожиданий Николая II в вопросе «обуздания» печати.

Проект предполагалось разрабатывать «с исключительной интенсивностью» и возможно скорее направить в IV Думу[179]. Его подготовка шла на фоне усиления критики депутатами фактического возвращения цензуры и административного произвола на местах. На заседании 3 декабря 1912 г. член конституционно-демократической партии М.С. Аджемов отмечал, что свобода печати утеряна за «лесом обязательных постановлений местных губернаторов». Формально цензуры нет, но «нет зато и какого-либо закона», который заменили «личное усмотрение и обида того или иного власть имущего человека»[180]. По словам А.Ф. Керенского, «свобода печати» привела к исчезновению в деревне даже «самых обыкновенных» газет[181]. Меньшевик Р.В. Малиновский на заседании 7 декабря заявил, что для рабочей печати якобы отмененная цензура стала еще хуже, чем официально существовавшая до 1905 г. «Верните старый порядок – предварительную цензуру – он был для нас удобнее», – с иронией просил депутат[182].

Во многом ответом на эти выступления стала думская речь председателя Совета министров В.Н. Коковцова 5 декабря 1912 г. Одним из ключевых направлений работы правительства он назвал обеспечение «прав личности», в том числе – «правильное развитие свободы слова». Коковцов дал понять, что правительство осознает «всю желательность замены административных

---

[178] *Гайда Ф.А.* Указ. соч. С. 220.
[179] *Сопова А.П.* Указ. соч. С. 80.
[180] Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия I. Ч. 1. СПб., 1913. Стб. 169.
[181] Там же. Стб. 423.
[182] Там же. Стб. 318.

репрессий судебным порядком преследования правонарушений в области печатного слова». Вместе с тем новый закон должен был дать «гарантии» ограждения государственного и общественного порядка от «посягательств» и «злоупотреблений» разных лиц с помощью печати[183].

Наработки, сделанные в ГУДП, обсуждались в Комиссии о печати при Совете объединенных дворянских обществ. Идею создания комиссии высказал В.М. Пуришкевич во время выступления 9 марта 1912 г. на заседании VIII съезда уполномоченных дворянских обществ. По его словам, с 17 октября 1905 г. «правительственная власть одна, без общества и дворянства сейчас ничего сделать не может, не в состояний победить ту гидру, которая растет с каждым днем, и, отрубая голову этой гидре, мы видим, как на место одной вырастает пять, десять или больше»[184]. Депутат считал, что левая печать, в отличие от правой, имела деньги и влияние, зачастую большее, чем у местных властей. «Никакими силами и средствами, никакими тюремными заключениями вы не можете парализовать тлетворного влияния левой революционной прессы в настоящее время, – утверждал Пуришкевич. <…> Печатаются лишь опровержения административной власти посредством Главного управления по делам печати, причем их печатают не на том месте, где они должны быть, а почти рядом с “Шустовским коньяком”»[185]. В связи с этим он предложил избрать комиссию, которой следовало поручить представить на следующем съезде доклад с указанием мер, которые должны быть приняты «русским обществом, а не правительством в ограждение народа от анархии, чинимой путем так называемой свободы слова»[186].

Комиссия о печати при Совете объединенных дворянских обществ была создана 14 апреля 1912 г. и провела 9 заседаний, в разное время в ее работе

---

[183] Там же. Стб. 267–268.
[184] Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. В 3 т. Т. 2. 1909–1912 гг. Кн. 2. М., 2001. С. 434.
[185] Там же. С. 439. Имеется в виду – на последних полосах номера, рядом с рекламой.
[186] Там же. С. 448.

участвовали А.В. Бельгард, К.Ф. Головин, Ф.И. Гредингер, барон Р.А. Дистерло, Н.А. Зверев, С.А. Панчулидзев, В.М. Пуришкевич, А.К. фон-Резон, а также граф С.С. Татищев[187]. Предложения комиссии нашли отражение в проекте нового Устава о печати, вынесенного Н.А. Маклаковым на обсуждение Совета министров. В пояснительной записке он подчеркивал, что принятие Манифеста 17 октября было «умышленно истолковано некоторыми общественными кругами как упразднение всех узаконений, в чем-либо стеснявших устное и печатное слово». В этих условиях печатный станок превратился в «орудие для возбуждения населения к ниспровержению религиозных начал, существующего государственного и общественного уклада». Последовавшие за этим издания местными властями постановлений на основании Положения об усиленной и чрезвычайной охране министр назвал «исключительными мероприятиями», которые правительство планировало постепенно отменять. Назрела необходимость в «нормальном законе, который определял бы права и обязанности печати, порядок надзора за нею и ответственность ее перед судом»[188].

Проект Н.А. Маклакова предусматривал фактическое восстановление предварительной цензуры: типографии отныне должны были предоставлять властям первые экземпляры повременных изданий «немедленно по их напечатании», до рассылки по подписке и отправки на продажу. Это, по мысли Маклакова, позволяло предотвратить распространение газет и журналов до ареста тиража. Министр внутренних дел мог отменить публикацию материалов, которые он считал недопустимыми к обнародованию. Расширены запреты на разглашение в печати всего, что происходило на закрытых заседаниях законодательных и правительственных учреждений. Стенограммы Думы допускалось воспроизводить в сокращенном виде, но запрещалось выделение отдельных фраз и предложений, могущих повлечь «неполное или превратное представление о

---

[187] Материалы заседаний см.: РГИА. Ф. 434. Оп. 1. Д. 181. Л. 76–185об.
[188] РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 492. Л., 27об., 34.

том, что происходило в Думе» и стать «безнаказанным способом преступной пропаганды»[189]. Сохранялись драматическая и придворная цензура, к ним добавлялось фактическое восстановление цензуры духовной через предоставление Синоду права издавать тексты Священного Писания, православных служебных книг и молитвенников, а также священные изображения.

Проект вызвал острую критику в печати, даже среди правых у проекта оказалось немного сторонников [190] . «Свет» назвал его «высиженным канцелярским путем» и оторванным от жизни, а «Русское знамя» – очередным ударом по правой печати, особенно в провинции[191]. «Киевлянин» также выступил против возвращения «скрытой» предварительной цензуры и переложения ответственности на издателя[192], но был мягче в своих оценках, отметив хотя бы попытку отказаться от «пестрой смеси вымирающих статей» Устава о цензуре и печати 1890 г., законов 1905–1906 гг. и административных распоряжений на местах[193].

Много критических замечаний проект вызвал и в правительстве. Так, Министерство финансов увидело в нем возвращение предварительной цензуры, но «в наихудшем виде»[194]. Совет министров не поддержал целый ряд положений проекта, в первую очередь фактический возврат духовной цензуры, что «затруднило бы, несомненно, появление в свет философских сочинений на религиозные темы». «Серьезным отступлением» от указа 24 ноября 1905 г. признано предложение наделить министра внутренних дел правом запрещать издание газет и журналов в местах, где не было органов надзора за печатью. Не нашла поддержки правительства и идея перенесения ответственности в периодических изданиях с редактора на издателя.

---

[189] Там же. Л. 51.
[190] *Гайда Ф.А.* Указ. соч. С. 249–254.
[191] Цит. по: Законопроект о печати // Киевлянин. 1913. 11 мая.
[192] Главный дефект проекта Устава о печати // Киевлянин. 1913. 13 мая; Ответственный издатель // Киевлянин. 1913. 25 мая.
[193] Законопроект о печати // Киевлянин. 1913. 11 мая.
[194] *Сопова А.П.* Указ. соч. С. 84.

Усиление в проекте административных и уголовных кар встретило, напротив, положительную реакцию, «ибо проводимый в проектируемом уставе принцип судебной ответственности за преступления печати может упрочиться в нашем отечестве только в том случае, если ответственность эта станет действительно серьезною и устрашающею»[195].

Параллельно с Объединенным дворянством и МВД проекты закона о печати разрабатывали думские фракции. 23 марта 1913 г. в Думу поступил проект конституционно-демократической партии 29 марта – проект правых (первая подпись – В.М. Пуришкевич) и отдельно В.В. Шульгина, 2 мая – проект октябристов и 24 июня – проект прогрессистов[196]. На общем фоне кадетский вариант выглядел самым радикальным. Главным его отличием была не только декларативная отмена цензуры, но и вполне конкретный шаг в этом направлении – упразднение ГУДП и передача дел печати на рассмотрение судов. Другие проекты допускали больше компромиссов не только с проектом от МВД, но и с системой контроля, сложившейся после 1905 г. Схожим с кадетским по смыслу и духу стал проект прогрессистов, однако он, как и другие проекты, предусматривал сохранение ГУДП, местных комитетов и инспекторов, а также внесудебного порядка ответственности по делам печати в местностях, объявленных на военном положении. Общим для всех проектов, кроме правых, стало подчеркивание ответственности только по действующему закону и по приговору суда.

Самым умеренным проектом был проект октябристов, предполагавший относительно мягкий вариант явочного порядка для открытия издания (только в городах с населением более 10 тыс. чел.), срок давности по делам печати (до 6 месяцев), возможность обжаловать решение об аресте издания и возмещения государством издателю понесенных убытков. Как и в проекте правых, вариант октябристов предполагал отправку номеров газет

---

[195] Там же.
[196] Там же. С. 87.

немедленно после их выпуска из типографии[197]. Октябристы не включили в число не подлежащих оглашению сведения о ходе законодательных и правительственных комиссий, а также секретную переписку органов власти [198] . Иностранная цензура как институт отменялась, досмотр прибывших из-за рубежа произведений печати доверялся местным властям[199]. При этом иностранное издание могло запрещаться особым постановлением Совета министров, а отдельные номера повременных изданий – личным решением министра внутренних дел [200] . Одобрялось предложение МВД вернуть духовную цензуру, причем толкование ее было более широким. Синод, согласно проекту, мог печатать книги, «предназначенные для употребления при православном богослужении, а также признанные Церковью вероучительными (символическими)» [201] . В правительственном варианте октябристы изложили и пункт о придворной цензуре[202].

Думский законопроект Устава о печати вырабатывался специально созванной комиссией о печати в марте 1913 – апреле 1914 гг. Первоначально она включала 33 депутатов из разных фракций: 8 – от октябристов, 7 – от националистов, по 4 – от кадетов, прогрессистов и правых, 2 – от фракции центра, по 1 – от мусульман, польского коло, трудовиков и социал-демократов [203] . При обсуждении в большинстве случаев принимались формулировки либо правительственного, либо октябристского варианта. Кадеты и прогрессисты оспаривали большинство статей, однако почти всегда оказывались в меньшинстве. В некоторых случаях возникали оживленные споры, как, например, при принятии статьи об ограничениях на занятие должности ответственного редактора. МВД и октябристы предлагали ввести образовательный ценз и обязательное русское подданство. Несмотря на

---

[197] Там же. С. 88.
[198] РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 492. Л. 263.
[199] Там же. Л. 286.
[200] Там же. Л. 295.
[201] Там же. Л. 257.
[202] Там же. Л. 258.
[203] *Лихоманов А.В.* Борьба вокруг нового закона о печати в Государственной думе IV созыва // Книжное дело в России в XIX — начале XX века. СПб., 2006. С. 16.

сопротивление оппозиции, этот вариант был принят комиссией с минимальным перевесом голосов.

Среди немногочисленных уступок можно назвать принятие нового варианта статьи о перепечатках стенограмм Думы и Государственного совета. Кадеты и прогрессисты, ссылаясь на прецеденты арестов депутатов за напечатание своих речей, предложили распространить «иммунитет печатного слова» также на стенограммы думских комиссий и отдельные издания речей. С.С. Татищев считал, что этим открывается возможность «одностороннего и тенденциозного освещения» заседаний. Тем не менее было одобрено предложение Э.П. Беннигсена, позволявшее перепечатывать полностью или частично речи, уже изданные канцеляриями Думы и Государственного совета [204] . Исключена и статья, позволявшая министру внутренних дел, военному министру, наместнику на Кавказе и варшавскому генерал-губернатору «указывать местным начальствам» произведения, которые не могут быть допускаемы в народные читальни, закрывать публичные библиотеки и кабинеты для чтения[205].

Хотя дальнейшее рассмотрение Думой проекта нового Устава о печати так и не состоялось из-за начавшейся мировой войны, нет сомнения, что его принятие встретило бы серьезное сопротивление социал-демократов, прогрессистов и кадетов, а также части октябристов и националистов. Как бы то ни было, сам факт появления проекта Н.А. Маклакова говорил о направлении цензурной политики. На этом пути были возможны определенные уступки и послабления, однако общий правительственный курс в любом случае предполагал усиление контроля над печатью и публичными зрелищами. Содержание проекта показывает и основное намерение составителей: найти возможности фактически, а не официально восстановить предварительную цензуру, не нарушив основ Манифеста 17 октября.

---

[204] РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 492. Л. 177об.
[205] Там же. Л. 181об.

1.2. Проекты организации военной цензуры в 1904–1914 гг.[206]

Одним из последствий Русско-японской войны было переосмысление значения печати и публичных выступлений для охраны государственных и военных тайн. Пресса, телеграф и телефон становились важнейшим фактором противостояния, должный контроль над ними обеспечивал секретность и, в конечном счете, успех военных операций. Опыт этой войны также наглядно продемонстрировал необходимость единых правил и централизованного управления военно-цензурными учреждениями.

Принятое в 1890 г. «Положение о полевом управлении войск в военное время» не предусматривало создание цензурных отделений ни на одном уровне управления армией, и русскому военному командованию пришлось решать эти вопросы уже в ходе боевых действий. 3 февраля 1904 г. при Главном штабе была образована особая цензурная комиссия, 5 и 13 февраля 1904 г. наместник на Дальнем Востоке Е.И. Алексеев распорядился ввести цензуру всех известий и статей, касавшихся действий армии и флота, а также частных телеграмм. В следующие два месяца такие же комиссии были образованы в Хабаровске, Харбине, Ляояне, Владивостоке, Порт-Артуре, Инкоу и на Сахалине. При штабах 1, 2 и 3 Маньчжурских армий создавались военно-цензурные отделения. Первоначально предполагалось, что такая структура позволит распределить нагрузку между цензорами, однако к осени 1904 г. вскрылись многочисленные факты пропуска секретных сведений в телеграммах и письмах. Только после назначения А.Н. Куропаткина главнокомандующим в октябре 1904 г. был поднят вопрос об объединении всех цензурных учреждений. 6 февраля 1905 г. были упразднены военно-

---

[206] При подготовке данного параграфа были использованы материалы статей: *Богомолов И.К.* Временное положение о военной цензуре: Проект 1910 г. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2022. № 3. С. 7–24; *Богомолов И.К.* Накануне войны: проект «Положения о военной цензуре» 1912 г. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2022. № 4. С. 48–64.

цензурные комиссии при штабах армий и образовано особое Цензурное отделение при управлении генерал-квартирмейстера[207].

Потребовалось время и для организации цензуры печати. Лишь в мае 1904 г. был опубликован «Перечень сведений, касающихся военных действий и не подлежащих оглашению в печати», состоявший из 15 пунктов. К началу 1905 г. он пополнился еще шестью пунктами, помимо которых цензорам еще давались многочисленные и нередко противоречившие друг другу распоряжения. Их обилие приводило к непоследовательным решениям, которые, в свою очередь, вызывали недовольство командования, авторов писем и телеграмм, фронтовых корреспондентов. Причина недовольства была при этом разной. Главный штаб считал цензуру на театре военных действий недостаточно строгой и слишком осторожной, вследствие чего телеграммы журналистов с Дальнего Востока подвергались вторичной цензуре уже в Петербурге. Неудивительно, что в таких условиях корреспонденты и редакции газет и журналов, считали, что цензура инеобычайно строга, вычеркивает безобидные статьи и заметки и только вредит делу армии[208].

Дополнительную сложность вызывало разное понимание допустимости того или иного материала к публикации. К примеру, Главный штаб предписывал вычеркивать в корреспонденциях критику распоряжений и действий начальствующих лиц. Цензурное отделение при штабе А.Н. Куропаткина считало, что на практике «точное выполнение этих требований невозможно. Действительно, с одной стороны иногда самое изложение фактов уже является критикой, с другой – соответствующий подбор фактов, освещение их, сгущение красок и способ описания говорят больше, чем критика…»[209].

---

[207] Отчет о применении цензуры на театре войны. Харбин, 1905. С. 1–3.
[208] Там же. С. 16-29.
[209] Цит. по: Там же С. 26.

Стремясь избежать цензуры, журналисты передавали свои корреспонденции через иностранные (прежде всего китайские) почтовые и телеграфные отделения, прибегали к услугам возвращавшихся в тыл фронтовиков, железнодорожников, местных жителей. Командование армии в ответ усиливало контроль телеграфа, переписки и посылок, направлявшихся из армии. Однако основное внимание уделялось письмам и телеграммам, направлявшимся в Японию и США, значительная часть корреспонденции (особенно внутрироссийской) оставалась вне поля зрения цензоров. Результатом были многочисленные случаи публикации в русской и иностранной печати секретных сведений, включая приказы армейского командования, списки раненых и убитых, данные о ходе мобилизации, составе и расположении отдельных частей[210].

Итоги Русско-японской войны стали поводом для масштабных реформ управления армии, в том числе и подходов к организации военной цензуры. В межвоенный период (1906–1914 гг.) Военное и Морское министерства последовательно выступали за усиление ответственности печати за распространение секретной и чувствительной информации. 5 июля 1912 г. был принят закон «Об изменении действующих законов о государственной измене путем шпионства»[211], значительно усиливавший ответственность за сбор, передачу и разглашение сведений о состоянии русской армии и флота, «секретных изобретений или усовершенствований по военной обороне государства, военным сооружениям и боевой подготовке вооруженных сил»[212].

На основании закона 5 июля был утвержден также «Перечень сведений по военной и военно-морской частям, оглашение коих в печати воспрещается». Его разработка началась еще весной 1912 г., первый вариант

---

[210] *Афонасенко И.М.* Россия и Япония: война разведок в начале XX в. М., 2008. С. 47, 65, 117.
[211] Подробнее о принятии и содержании закона см.: *Зверев В.О.* Иностранный шпионаж и организация борьбы с ним в Российской империи (1906-1914 гг.). М., 2016. С. 213–219.
[212] Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1912 год. М.., 2004. С. 110.

был принят Советом министров 5 декабря 1912 г. К разглашению в печати запрещались сведения о боеготовности армии и флота; качествах и ремонте кораблей; количестве боезапасов и работах на заводах по исполнению военных заказов; о крепостях и базах поверочных мобилизациях, о прекращении увольнений в отпуск, запас, о движении войск, сборах, военных мероприятиях за границей[213].

В ноябре 1913 г. думская комиссия при рассмотрении предложенного МВД нового варианта Устава о печати обратила внимание на статью 50, которая давала министру внутренних дел возможность воспрещать на неопределенный срок сообщения в печати, касающиеся «внешней безопасности России или вооруженных сил ее, или сооружений, предназначенных для военной обороны страны»[214]. Докладчик комиссии гр. Э.П. Беннигсен считал, что такая формулировка даст возможность такого же «распространительного толкования», как закон 5 июля 1912 г. В.М. Пуришкевич поддержал сохранение этой статьи в целях упреждения «разнузданного поведения» печати, через которую иностранные державы якобы постоянно узнают военные секреты России. П.Н. Милюков предложил, чтобы право запрещать такие сведения могло быть только в военное время и только у председателя Совета министров, однако поддержки не нашел. В итоге комиссия приняла [215] версию статьи, изложенную в проекте В.В. Шульгина и повторяющую по смыслу статью в правительственном варианте, но более кратко[216].

Параллельно разрабатывались организационные основы военной цензуры как части общего управления армией. Начавшаяся еще в 1902 г. и прерванная войной разработка нового Положения о полевом управлении

---

[213] *Батулин П.В.* Перечни военной цензуры 1912–1923 гг. // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 4. С. 152–165.
[214] РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 492. Л. 15.
[215] Там же. Оп. 5. Д. 581. Л. 24об.
[216] «Министру внутренних дел предоставляется с соблюдением порядка, определенного в учреждении Совета министров, воспрещать на неопределенный срок сообщения сведений о передвижении войск или морских сил и о средствах обороны» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 492. Л. 242об.).

войск возобновилась в 1906 г. В 1910–1914 гг. Военное министерство разработало вариант, ощутимо отличавшийся от версии 1890 г. Одним из изменений стало появление военно-цензурных отделений в структуре штабов фронтов и армий. Военно-цензурное отделение штаба фронта включало начальника (полковник Генерального штаба) и двух его помощников-офицеров, в отделение при штабе армии командировались офицер Генерального штаба и его помощник. За исполнением военными цензорами своих обязанностей предписывалось наблюдать и начальнику штаба корпуса[217]. Отметим, что военно-цензурное отделение не предполагалось в структуре штаба Верховного главнокомандующего, то есть руководство военной цензурой вновь, как и в годы Русско-японской войны, предполагалось разместить в Петербурге.

Согласно Положению о полевом управлении войск 1914 г., структура и функции военной цензуры должны были быть прописаны в «особых положениях»[218], которые следовало разработать отдельно. Непосредственная работа в этом направлении началась в 1909 г., с созданием специальной межведомственной комиссии. В нее входили представители министерств Военного, Морского, иностранных дел, юстиции и финансов. МВД делегировал представителей от ГУДП и Главного управления почт и телеграфов (ГУПТ). Председателем комиссии был назначен генерал-квартирмейстер ГУГШ генерал-майор Ю.Н. Данилов[219].

В 1910–1912 гг. комиссия подготовила два варианта «Положения о военной цензуре». В Петербурге при Главном управлении Генерального штаба создавалась Главная военно-цензурная комиссия (ГВЦК). Согласно проекту 1912 г., она управляла военно-цензурными комиссиями и военными цензорами только «во внутренних областях империи». На театре военных действий цензурой ведали отделения при штабах главнокомандующих

---

[217] Положение о полевом управлении войск в военное время. СПб, 1914. С. 14–15, 56–57, 66.
[218] Там же. С. 15.
[219] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4895. Л. 1–3.

фронтами, штабах армий, флота и военных округов. Местные комиссии имели двойное подчинение: в общем порядке службы – главному начальнику военного округа, а в специальном отношении – председателю ГВЦК. Просмотру подлежали все произведения печати, «всякого рода иллюстрации, карикатуры, рисунки, лубочные картины и пр.», а также все письма, телеграммы, посылки, бандероли. Впервые был отдельно прописан порядок цензуры речей и докладов. Если в проекте 1910 г. (и в установившейся практике в годы Первой мировой войны) допускалось отправлять телеграммы и письма при условии удаления и затушевывания мест с запрещенными сведениями, то ст. 28 проекта 1912 г. предписывала задерживать даже те телеграммы, где есть «недопустимые с точки зрения военной цензуры слова и фразы». Отметим оборот «с точки зрения», потенциально дававший цензорам право вычеркивать фактически все, что они считали нужным и не допускать телеграмму к отправке. Примечательно также, что проект 1910 г. позволял военным цензорам руководствоваться при отборе на просмотр внутренней корреспонденции своими правилами, к примеру – выбирать 5 или 10 писем из 100[220].

Самым значимым отличием проекта 1912 г. от введенного два года спустя «Временного положения о военной цензуре» является состав военно-цензурных комиссий: в них не включались представители установлений по надзору за печатью и вообще чины МВД, военными цензорами могли быть только офицеры. При этом ст. 20 проекта 1912 г. допускала возложение цензорских обязанностей на гражданских чинов, предполагалось и совмещение службы в цензуре с основным местом работы[221]. Во «Временном положении» 1914 г. это противоречие было убрано, более того – служащие комитетов по делам печати и инспекций по надзору за печатью, почтовые чиновники играли важнейшую роль в просмотре газет, журналов, телеграмм, писем и посылок.

---

[220] *Богомолов И.К.* «Временное положение о военной цензуре»: проект 1910 г. С. 17.
[221] *Богомолов И.К.* Накануне войны: проект «Положения о военной цензуре» 1912 г. С. 57.

К марту 1913 г. наметились основные параметры будущего «Положения о военной цензуре». В пояснительной записке по итогам работы отмечалось, что военную цензуру следует рассматривать как «меру исключительную, вызываемую чрезвычайными обстоятельствами военного времени». Совещание сошлось во мнении, что военную цензуру следовало установить в полном объеме только на театре военных действий, в тылу могла вскрываться только международная корреспонденция, а также часть внутренних писем, «когда это будет признано военным ведомством необходимым». В противном случае цензорам предстояло просматривать огромный объем переписки – «до полутора миллиарда писем и до ста пятидесяти миллионов телеграмм в год»[222]. Предварительная цензура газет и журналов на всем пространстве империи признавалась нецелесообразной, так как требовала больших финансовых и кадровых ресурсов. Кроме того, эту меру «едва ли можно считать... полезной для государства»: сильное давление на печать в условиях большого к ней внимания «разрушит то единение между правительством и народом, которое столь необходимо государству во время войны» [223] . Непосредственное руководство военной цензурой изначально предполагалось децентрализовать, дав командующим и начальникам военных округов возможность самим решать кадровые и организационные вопросы, издавать инструкции и принимать решения в спорных ситуациях.

Представители почтово-телеграфного ведомства на заседаниях совещания высказывали сомнения в правомерности введения предварительной цензуры где бы то ни было, в том числе и на театре военных действий. Однако другие участники не видели в этом проблемы, потому что, во-первых, нарушение нормальной жизни прифронтовых территорий неминуемо, а цель – победа – важнее, чем нарушение работы почты и телеграфа. Во-вторых, военная цензура, как мера исключительная и

---

[222] РГВИА. Ф. 29. Оп. 7. Д. 312. Л. 25об.
[223] Там же. Л. 24.

временная, не означает отмены Манифеста 17 октября, тем более что предварительный характер цензуры духовной, придворной и театральной сохранялся и после 1905 г. В-третьих, возможность пресечь распространение секретной информации было важнее, чем возможные случаи злоупотребления доступа к тайне переписки[224].

Совещание признало важным при военной цензуре почтовых отправлений соблюдать правила, установленные международными соглашениями. При этом делалось несколько «отступлений». Так, запрещались телеграммы на условном и шифровальном языке, за исключением телеграмм правительственных учреждений и иностранных дипмиссий (только на бланках с печатями). С почтового ведомства снималась ответственность за доставку почтовых отправлений, если таковые конфискованы на основании постановлений о военной цензуре. Представитель ГУПТ отметил, что такая мера вызовет недовольство населения, особенно деловых кругов, сократит использование почты и, таким образом, снизит доходы казны[225].

Просмотр конспектов речей предполагалось возложить на военных чинов из штабов фронтов, армий, флота и военных округов, а наблюдение за их прочтением на различных лекциях, концертах и вечерах – на полицию. В тылу такие меры признавались нецелесообразными, так как «вполне возможны на практике случаи наложения запрета на такие сведения, необходимость запрета коих может быть подвергнута большому сомнению», что вызовет «нежелательное недовольство в обществе»[226].

Будущий объем работы военных цензоров совещание явно недооценивало, полагая, что самоцензура населения, страх конфискации отправления освободят от необходимости увеличивать штат по просмотру корреспонденции. Считалось, что с этой работой справятся местные

---

[224] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 118. Л. 124–147.
[225] Там же. Л. 146.
[226] РГВИА. Ф. 29. Оп. 7. Д. 312. Л. 25.

должностные лица, наблюдающие за печатью, количество которой вряд ли будет увеличиваться в военное время. Допускалось расширение штатов за счет чинов в отставке, например – «местных помещиков и городских обывателей»[227]. Помощник 1-го обер-квартирмейстера ГУГШ Н.А. Монкевиц считал, например, что опасение «недостатка в потребном числе компетентных лиц для выполнения цензорских обязанностей не должно иметь места, так как потребность в этих лицах не настолько значительна, чтобы фактически нельзя было удовлетворить ее»[228].

Дискуссионным оставался вопрос быстрого введения военной цензуры, чтобы не повторить неудачный опыт 1904–1905 гг. Одни участники совещания, считали, что приступать к активным действиям следовало с началом «подготовительного к войне периода, что согласовывалось бы и с высочайше утвержденным положением Совета министров сего года, на основании коего военная цензура отнесена к числу мероприятий, вводимых в названный период». С другой стороны, военная цензура не могла быть введена без обнародования, а это «послужило бы нашим противникам указанием на принятие нами чрезвычайных военных мер, предшествующих войне»[229].

17 декабря 1912 г. начальник Генерального штаба Я.Г. Жилинский сообщил начальнику канцелярии военного ведомства Н.А. Данилову, что совещание предложило ввести военную цензуру «одновременно с объявлением мобилизации армии, а в случае необходимости – и в предмобилизационный период, причем действие ее, конечно, необходимо распространить не только на театр военных действий, но и на всю империю». Так как документ «в некоторых статьях предусматривает ограничение свободы слова и печати и нарушение права собственности», Жилинский считал нужным реформировать цензурное законодательство, чтобы с

---

[227] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 118. Л. 129об.
[228] РГВИА. Ф. 29. Оп. 7. Д. 312. Л. 23об.
[229] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 118. Л. 135.

объявлением войны не возникло правовой коллизии. Однако, продолжал он, такие изменения могут быть проведены лишь «в общем законодательном порядке, что неминуемо отсрочит осуществление этого мероприятия на весьма продолжительное время. Между тем настоящая политическая обстановка настоятельно требует скорейшего утверждения положения о военной цензуре с тем, чтобы таковая могла быть применена своевременно в предмобилизационный период»[230].

Обсуждение и редактирование текста «Положения о военной цензуре» продолжилось вплоть до лета 1914 г. Это было связано в том числе и с задержкой принятия ключевого документа – Положения о полевом управлении войск. По свидетельству генерала Ю.Н. Данилова, основная работа по нему завершилась уже к январю 1913 г., но проект встретил «много возражений, преимущественно со стороны ведомств…, желавших видеть своих представителей в более самостоятельном положении, чем это было определено общей схемой». Уже накануне войны рассмотрение было ускорено и закончено «в одном ночном заседании»[231]. Генерал Ф.Ф. Палицын отмечал впоследствии, что о документе «вспомнили» только 15 июля и уже на следующий день «повезли государю на утверждение»[232].

Одновременно должны были утверждаться и другие положения, в том числе и о военной цензуре. Однако к тому моменту до сих пор не было ясно, каким образом вводить его в действие. Судя по сопроводительной записке, подписанной начальником Генерального штаба Н.Н. Янушкевичем, «Положение о военной цензуре» предполагалось направить на рассмотрение законодательных учреждений [233] . Быстрое ухудшение международной обстановки заставило военное командование ускорить процесс. 15 июля

---

[230] РГВИА.Ф. 2000. Оп. 1. Д. 129. Л. 111.
[231] *Данилов Ю.Н.* Россия в мировой войне, 1914–1915 гг. Берлин, 1924. С. 52.
[232] Цит. по: *Козлов Д.Ю.* Стратегическое руководство вооруженными силами России в Первой мировой войне: достижения и проблемы // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.). М., 2014. С. 36.
[233] РГВИА. Ф. 29. Оп. 7. Д. 317. Л. 1.

ГУГШ выслал начальнику штаба Санкт-Петербургского военного округа три экземпляра документа, утверждение которого ожидалось в «течение ближайших дней» [234]. Одновременно типографии Главного штаба было предписано «весьма срочно» отпечатать 500 экземпляров «Положения о военной цензуре» и прислать их в особое делопроизводство ГУГШ не позднее 10 часов утра 17 июля [235]. 16 июля вечером и.д. генерал-квартирмейстера ГУГШ Н.А. Монкевиц передал управляющему делами Совета министров И.Н. Лодыженскому 6 экземпляров, сообщив, что «большего числа не имеется»[236].

Приложенный Монкевицем документ включал подготовленный к тому времени проект «закона о военной цензуре», а также правки, внесенные С.С. Татищевым. В частности, был значительно изменен предваряющий документ текст высочайшего указа Правительствующему сенату. Именно после правки Татищева проект был назван «Временным положением о военной цензуре». Первоначально предполагалось, что военный министр получит право, «по соглашению с министром внутренних дел», воспрещать во время войны сообщение в печати, речах и докладах сведения, касающиеся внешней безопасности России и ее вооруженных сил. Татищев вычеркнул военного министра и оставил только речи и доклады, разграничив, таким образом, сферу ответственности: МВД по-прежнему должно было контролировать программу речей и докладов, но не заниматься предварительной цензурой печати [237]. Здесь, однако, возникло противоречие со статьями 63 и 64, согласно которым речи и доклады не могли быть разрешены без «разрешительной надписи военной цензуры», а контроль возлагался «на военно-цензурные установления и на чинов отдельного корпуса жандармов и общей полиции»[238].

---

[234] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 4. Л. 8.
[235] Там же. Л. 250
[236] РГИА Ф. 1276. Оп. 10 Д. 1089. Л. 1.
[237] Там же. Л. 2.
[238] Там же. Л. 8об.

В сам текст «Временного положения» Татищев вносил точечные, но зачастую немаловажные изменения. Так, он исключил издания «ученых обществ и установлений» из числа тех, что не подлежали действию военной цензуры [239] . Право не согласовывать с цензурой речи и доклады, «произносимые во исполнение долга службы или обязанностей звания», начальник ГУДП хотел оставить только за правительственными чиновниками, но в итоге пункт 6 статьи 4 остался без изменений[240].

Ощутимо изменена была и статья 23, изначально предполагавшая, что суточное жалование за работу военным цензором не могли получать служащие в установлениях по делам печати и по цензуре иностранных газет и журналов. В первом случае Татищев, очевидно, усмотрел неравноправие инспекторов и членов комитетов по делам печати и, например, почтово-телеграфных чиновников, которых тоже предполагалось привлечь к военной цензуре за дополнительную плату сверх положенного по основной работе жалования. Упоминание цензуры иностранных газет и журналов явно было связано с продолжением работы скрывавшейся за этой вывеской службы перлюстрации: жалование ее сотрудников состояло из нескольких частей и финансировалось дополнительно из сметы расходов МВД[241]. Убрав эти два исключения[242], Татищев уравнял в выплатах всех потенциальных военных цензоров, при этом хотел убрать ограничение в 3 руб. в сутки, однако в итоговом тексте оно осталось.

Статья 41 в первоначальном проекте предполагала, что «срочные» издания должны были быть просмотрены «всех поспешнее» и с таким расчетом, чтобы выход их в свет не был задержан. Татищев убрал это

---

[239] Там же. Л. 3.
[240] Там же. Л. 3об.
[241] *Измозик В.С.* «Черные кабинеты». История российской перлюстрации. XVIII – начало XX века. М., 2015. С 330.
[242] РГИА Ф. 1276. Оп. 10 Д. 1089. Л. 5.

предложение, но оставил предельные сроки рассмотрения: за 3 часа до выхода в свет повременного и за 1 час – до выхода вечернего издания[243].

Судя по многочисленным подчеркиваниям и отметкам, у начальника ГУДП еще оставались вопросы и замечания, однако проводить более глубокую переработку текста уже не было времени. Практически все внесенные Татищевым правки были добавлены в окончательный вариант «Временного положения». Получив его, Н.Н. Янушкевич 17 июля просил председателя Совета министров И.Л. Горемыкина о «скорейшем проведении» закона[244]. На следующий день Н.А. Монкевиц телеграфировал в штабы военных округов о необходимости «срочно установить цензуру телеграмм, отправляемых [в] Западную Европу»[245]. На копии, переданной начальнику штаба Варшавского округа, он от руки приписал: «Постановлено немедленно приступить к формированию органов по военной цензуре»[246].

1.3. Начало Первой мировой войны и формирование военно-цензурной системы[247]

Фактическое введение военной цензуры в России произошло за два дня до начала мировой войны. Особое внимание обращалось на крупнейший в империи столичный телеграф[248]. С 17 июля начались массовые задержки телеграмм, направленных за рубеж, в первую очередь – из западных губерний. 18 июля ГУПТ предписало задерживать на трое суток все

---

[243] Там же. Л. 6об.
[244] Там же. Л. 254.
[245] Там же. Л. 18.
[246] Там же. Л. 5.
[247] При подготовке данного параграфа были использованы материалы из статей: *Богомолов И.К.* Цензура печати в Москве в годы Первой мировой войны // Цензура в России: история и современность. Вып. 9. СПб, 2019. С. 178–196; *Богомолов И.К.* Государственная дума и цензурная политика в годы Первой мировой войны // Российская история. 2022. № 4. С. 96–117; *Богомолов И.К.* Архивные документы к биографии представителя «цензорской династии» М.А. Лагодовского // Отечественные архивы. 2022. № 4. С. 54–61.
[248] Там же. Л. 30–31.

телеграммы, идущие за границу, а также частные внутренние отправления, зашифрованные или написанные на немецком и «условном» языке[249]. Мера эта не сообщалась населению, что видно и из распоряжений местных почтовых властей. Начальник Гродненского почтово-телеграфного округа телеграфировал в Варшаву 18 июля, что в следующие трое суток отделения прекратят передачу частных телеграмм за границу, «не отказывая, однако, подавателям в приеме». О том же сообщил начальник Белостокской почтово-телеграфной конторы, приписав, что «эта мера публике неизвестна»[250].

19 июля ГУГШ сообщало в штаб Петербургского военного округа о необходимости «срочно установить цензуру телеграмм, отправляемых в Западную Европу, затребовав у почтово-телеграфных округов перечень станций, отправляющих таковые телеграммы и назначив военных чинов для их просмотра» [251] . Приходящие из-за границы телеграммы также задерживались и передавались на просмотр военным [252] . Одновременно начались проверки возможностей обхода цензуры через Болгарию, Румынию и Китай[253].

Ограничительные меры в отношении печати также принимались заблаговременно, в первую очередь – в западных губерниях и в Финляндии. 15 июля главнокомандующий штаба Санкт-Петербургского военного округа великий князь Николай Николаевич приказал комендантам крепостей Выборг и Свеаборг и финляндскому генерал-губернатору «открыть... действия органов военной цензуры и воспретить прессе в районе крепости сообщать сведения о войсках, флоте и крепостях»[254]. Последствия для печати проявились незамедлительно. 16 июля в газете «Helsingen Sanomat» появилась заметка о мобилизационных мерах, предпринимаемых на финляндских железных дорогах. Власти предупредили редакцию, что в

---

[249] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 5. Л. 1, 9; НИАБГр. Ф. 1702. Оп. 1. Д. 3. Л. 132.
[250] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 5. Л. 39, 40.
[251] Там же. Д. 4. Л. 29.
[252] Там же. Л. 39, 40, 44.
[253] Там же. Л. 22.
[254] Там же. Д. 773. Л. 2-3.

следующий раз за такую публикацию редактор будет предан суду, а газета – закрыта[255].

19 июля «Временное положение о военной цензуре» было утверждено Советом министров и 20 июля введено в действие указом Николая II Правительствующему Сенату[256]. 22 июля копии были разосланы в Военное и Морское министерства, МВД, МИД и Министерство юстиции[257]. Документ опубликовали в «Собрании узаконений и распоряжений правительства» и издан отдельными брошюрами. 86 статей «Временного положения» были поделены на 9 глав. В первой главе перечислялись произведения печати и корреспонденция, освобождавшиеся от военной цензуры[258], устанавливалась степень ее строгости в прифронтовых («театр военных действий») и тыловых районах империи. На территории «полной» военной цензуры вводился предварительный просмотр всех газет и журналов, фотографий и рисунков, внутренней и международной корреспонденции. «Частичная» цензура касалась только международных телеграмм и писем[259].

В главах 2 и 3 описывались организация военной цензуры и ее обязанности. Устанавливался состав Главной и местных военно-цензурных комиссий, создававшихся при штабах военных округов. В Главную комиссию входили представители военного и морского ведомств, МИД и Министерства юстиции. Наибольшее представительство имело МВД, командировавшее членов от ГУДП, ГУПТ и Департамента полиции. Тем не менее комиссия состояла при ГУГШ, назначавшем ее председателя из штабных офицеров званием не ниже генерал-лейтенанта. Состав местных

---

[255] Там же. Л. 6.
[256] РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 1089. Л. 15, 16.
[257] Там же. Л. 27, 28.
[258] От военной цензуры освобождались: все издания правительства, Академии наук, высших учебных заведений; книги на древних и классических языках и их переводы; публичные речи, произносимые «во исполнение долга службы или обязанностей звания»; почтовые отправления особ императорской фамилии, правительственных учреждений, главнокомандующих и командующих отдельными армиями, дипломатов (Временное положение о военной цензуре. Одесса, 1914. С. 6).
[259] Временное положение о военной цензуре. С. 7.

комиссий формировался схожим образом, но обычно ограничивался представителями военного ведомства и МВД. Главы комиссий должны были «разъяснять» военным цензорам их обязанности, а председателю Главной комиссии предоставлялось право разработки «проектов об изменении подробных правил» по работе своих подчиненных[260].

Главы 4–7 описывали процесс работы «полной» военной цензуры на театре военных действий: время предоставления гранок редакторами изданий, срок их рассмотрения цензорами, порядок открытия и работы типографий, литографий и металлографий, предварительный просмотр конспектов речей и докладов. Полномочия цензоров не ограничивались прифронтовыми губерниями. Так, ст. 31 давала им возможность не допускать в печать сведения, которые могут, по их мнению, оказаться «вредными для военных интересов государства»[261]. Комиссия приняла эту формулировку «ввиду трудности дать исчерпывающий перечень сведений, не подлежащих оглашению и распространению на основании положения о военной цензуре»[262].

Чины полиции получали право прервать лекцию в случае отклонения выступающего от заранее согласованной программы. Фактически безграничными оказались и возможности выемки корреспонденции. Так, в «отдельных случаях и по распоряжению главных начальников военных округов» цензор в районах вне театра военных действий мог просматривать и внутреннюю переписку[263].

Главы 8 и 9 устанавливали порядок обжалования действий военной цензуры и ответственность за распространение секретных и запрещенных сведений. Так, за их разглашение во время доклада могли оштрафовать на сумму от 100 до 2 тыс. руб. Для печати устанавливалась градация штрафов по значимости опубликованной информации: от 100 до 2 тыс. руб.

---

[260] Там же. С. 8–11.
[261] Там же. С. 12.
[262] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 118. Л. 140об.
[263] Временное положение о военной цензуре. С. 7.

выплачивали виновные (автор, издатель, типографщик, книгопродавец) в размещении любых сведений без разрешения военной цензуры. Если же информация касалась «внешней безопасности России и вооруженных ее сил», то штраф составлял от 500 до 10 тыс. руб. (предусматривалось также тюремное заключение на срок до одного года). Жалобы следовало подавать командующим армиями, главным начальникам военных округов и военно-цензурным комиссиям в течение трех дней после вынесения постановления о наказании. Решения главнокомандующих и Главной военно-цензурной комиссии считались в этом случае окончательными[264].

Вместе с «Временным положением» 20 июля вышел и «Перечень сведений и изображений», не подлежавших оглашению и распространению в печати, речах и докладах. В нем были значительно расширены и дополнены пункты о боевой готовности, комплектовании и довольствии армии и флота, предположениях об их действиях в России и за рубежом, о передвижении частей и соединений, ходе мобилизации, работах в крепостях и укреплениях, состоянии дорог и линий связи, содержании писем, потерях в личном составе, волнениях, катастрофах, эпидемиях на фронте и в занятых областях[265]. «Перечень» устанавливался на год и в дальнейшем дополнялся и расширялся. К примеру, уже в ноябре 1914 г. был добавлен запрет на разглашение сведений о «предположениях, постановлениях и мероприятиях Совета министров, связанных с чрезвычайными расходами на потребности военного времени, а равно как и вызываемых военными обстоятельствами»[266].

Составленное в спешке, «Временное положение о военной цензуре» лишь в общих чертах обрисовало будущее межведомственное взаимодействие в этой области. Военно-цензурная комиссия изначально задумывалась как коллегиальный орган, разрабатывающий руководящие документы и служебные инструкции, наблюдающий за работой цензоров и

---

[264] Там же. С. 19–22.
[265] *Батулин П.В.* Перечни военной цензуры 1912–1923 гг. С. 155.
[266] Временное положение о военной цензуре. С. 27.

рассматривающий жалобы на их деятельность. Председатели и члены военно-цензурных комиссий, как правило, оставались на своих прежних должностях, либо (что реже) продолжали работу только в цензуре. Председатель непосредственно участвовал в составлении инструкций для цензоров, следил за порядком их работы, решал спорные вопросы. Председатель находился на связи с цензурными подразделениями и дежурными цензорами фактически в круглосуточном режиме[267]. Каждый день он получал предписания и распоряжения от своего непосредственного начальства, которые должен был оперативно доносить до подчиненных. Члены комиссий также по большей части не занимались непосредственной цензурой, продолжая числиться по своим гражданским и военным должностям. Дежурные цензоры и переводчицы – основа кадрового состава – имели самый разный распорядок дня, зависевший от подразделения и присущих ему особенностей работы.

О каких-либо «низовых» органах и структурных подразделениях во «Временном положении» не упоминается. Вероятно, составители рассчитывали, что с задачами справятся комитеты и инспекторы по делам печати и почтово-телеграфные конторы, для контроля над которыми и создавались межведомственные военно-цензурные комиссии. Однако масштабы предстоящей работы оказались неизмеримо больше, чем предполагалось. Тысячи газет и журналов, писем и телеграмм становились сферой ответственности чиновников, которых даже в «мирные» времена не всегда хватало для эффективного контроля над печатью и нормальной работы почты и телеграфа.

Не менее важным был и вопрос специализации новоявленных цензоров. Изначально речь шла о цензуре печати и корреспонденции, однако язык письма или телеграммы, ее направление (внутреннее или международное),

---

[267] К примеру, председатель Московской ВЦК А.Н. Гадзяцкий в конце августа 1914 г. для постоянной связи с цензорами установил телефонный аппарат у себя дома (ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 3. Д. 1872. Л. 162).

политический спектр и языковое разнообразие газет и журналов необходимо было учитывать при организации работы.

Вопрос подчинения военных цензоров также не был до конца прояснен во «Временном положении». Формально члены комитетов, инспекторы по делам печати и почтово-телеграфные чиновники оставались в составе МВД, МИД и других ведомств, но фактически руководство военной цензурой переходило к военным: ГУГШ в Петрограде, командованию фронтов и штабам военных округов. Изначально создалась ситуация «двойного подчинения», не раз приводившая в годы войны к трениям, а иногда и открытым конфликтам.

Структурная и организационная неопределенность проявлялась и в столице, и в провинции. Характерный пример – состав и руководство центральных цензурных учреждений. По «Временному положению», возглавлять военно-цензурные комиссии должны были генерал-лейтенанты или генерал-майоры, однако найти подходящие кандидатуры в условиях массовой мобилизации военных чинов оказалось непросто. В результате председатель Главной военно-цензурной комиссии (ГВЦК) был утвержден в должности только 15 августа. Им стал А.И. Звонников – генерал-лейтенант, начальник Военно-юридической академии [268] . В течение войны ГВЦК работала по адресу Литейный проспект, д. 21, кв. 16, а к началу 1917 г. переехала в дом № 1 по Невскому проспекту[269].

Особенностью столицы с начала войны стало появление двух «центров» – Главной и Петроградской военно-цензурных комиссий (ГВЦК и ПВЦК). Кандидатура председателя ПВЦК также была подобрана не без труда. С 20 по 31 июля первым руководителем комиссии был полковник А.К. Лисенко. Его сменил отставной генерал-лейтенант П.Н. Воронов, однако уже через две

---

[268] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 7. Л. 55. В январе 1917 г. А.И. Звонникова сменил генерал-лейтенант Ф.В. Рубец-Масальский, проработавший на этой должности до Февральской революции.

[269] Почтовая аккуратность // Вечерняя газета Время. 1917. 11 февраля.

недели он попросил освободить его от должности «по личной просьбе»[270]. На его место назначили генерал-майора Д.П. Струкова, начальника Артиллерийского музея[271]. Первоначально ПВЦК располагалась в штабе военного округа, затем – на Миллионной ул., д. 26[272].

Формально находясь в статусе «местной», ПВЦК получила широкие полномочия и фактически не зависела в своей повседневной работе от ГВЦК. Находясь в подчинении ГУГШ, ГВЦК и ПВЦК на практике почти не пересекались. Более того, Главная комиссия имела крайне ограниченный штат и аппаратный вес, ее полномочия не выходили за пределы раздачи рекомендаций для отдаленных тыловых цензурных учреждений. ПВЦК же комплектовалась на уровне «главной». В отличие от других «местных» комиссий, в ее работе участвовали (при необходимости) представители МИДа, Министерства юстиции и других ведомств. Незнакомые с этими управленческими коллизиями, цензоры на местах, редакции газет и журналов обращались к А.И. Звонникову по разным вопросам со всех концов империи, и даже присылали ему лично гранки статей для просмотра. Генерал в течение всей войны многократно отвечал, что зона «полной» цензуры контролируется не им и рекомендовал обращаться в штабы фронтов и округов и местные комиссии, в частности — в ПВЦК[273]. Здесь также проявлялись межведомственные трения: Звонников нередко указывал Струкову на пропуски в столичной печати тех или иных запрещенных сведений[274].

Петроградская цензура с первых месяцев войны представляла собой сложный конгломерат структур, имевших разные направления работы и, что немаловажно, разное подчинение. К началу 1917 г. военная цензура действовала при ГУДП, Петроградском комитете по делам печати (ПКДП),

---

[270] Там же. Д. 6. Л. 7, 61.
[271] Там же. Д. 7. Л. 48.
[272] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 108. Л. 158; Там же. Д. 128. Л. 88.
[273] Там же. Д. 35. Л. 176; Д. 54. Л. 166; Д. 773. Л. 96.
[274] Там же. Д. 5. Л. 104.

Главном телеграфе, Главном почтамте, Петроградском телеграфном агентстве, Министерстве иностранных дел, на Финляндском вокзале и при Петроградской портовой таможне. В подчинении ПВЦК действовали цензура кинематографических лент, Военно-полевая цензура, Транзитный отдел.

В течение июля-августа 1914 г. «полная» военная цензура была введена во всех прифронтовых губерниях, включая Петербургскую, Эстляндскую, Лифляндскую, Новгородскую и Архангельскую [275] . К маю 1916 г. в Петроградской и Новгородской губерниях цензура действовала при почтово-телеграфных конторах в Новгороде (9 цензоров), Красном Селе (18), Нарве (8), Новой Ладоге (7), Гатчине (7), Ораниенбауме (5), Старой Руссе (5), Царском Селе (3), Тихвине (3), Боровичах (3), Бологом (2), Сестрорецке (2), Стругах (2), Павловске (2), Петергофе (2), Луге (2), Ямбурге (2), Стрельне (1), Чудово (2), Сергиевой пустыни (1), Лигово (1), Сиверской (1), Колпино (1), Усть-Ижоре (1), Шлиссельбурге (1), Больше-Парголово (1), Уторгоше (1)[276]. Всего к апрелю 1917 г. в Петроградской и Новгородской губерниях действовало 29 цензурных пунктов с общим числом 232 цензора, больше всего – 44 – было в Новгороде, 35 – в Юрьеве, по 20 – в Царском Селе и Гатчине, 18 – в Нарве, 14 – в Старой Руссе[277].

Проследить изменения штатов в петроградской цензуре особенно сложно, прежде всего из-за «текучки» кадров в течение всей войны. Однако ряд упоминаний в отчетах и иногда составлявшиеся списки дают общее представление. Согласно докладу Д.П. Струкова, к январю 1916 г. численность цензоров в столице составляла около тысячи человек[278], а к сентябрю 1916 г., согласно представленных отделениями списков – около 1300[279]. К маю 1917 г. в петроградской цензуре работало около 2200 человек, включая персонал и помощников, напрямую не относившихся к цензуре:

---

[275] Там же. Д. 19. Л. 69; Д. 773. Л. 16.
[276] Там же. Д. 108. Л. 284.
[277] Там же. Л. 704.
[278] Там же. Д. 44. Л. 97.
[279] Подсчитано по: РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 50. Л. 170–212.

канцелярия, «работницы», «помощники», уборщики, заклейщики конвертов и др.[280]

Цензурой печати и корреспонденции занимались также местные полицейские и жандармские управления, приставы участков, уездные исправники[281]. К примеру, назначенный военным цензором Новоладожский уездный исправник Г.Л. Балашев еженедельно подавал отчеты, где сообщал о просмотре местных газет, спектаклей и киносеансов, разрешении афиш, наблюдении за двумя городскими типографиями и торговлей печатью[282]. Смоленский губернатор советовался с исправниками по кандидатурам на должности цензоров и спрашивал, не могут ли сами занять эту должность без ущерба для основной деятельности. Вяземский, Дорогобужский и Духовщинский исправники согласились быть цензорами, Гжатский и Поречский – нет. Сычевский исправник отметил, что хотя эти 3 руб. в сутки «конечно, оказали бы большую помощь моей семье при существующей дороговизне жизни», но тоже отказался, так как боялся не справиться и не имел должностных инструкций[283]. Нагрузка действительно предстояла большая и могла сказаться на основной работе. Так, привлечение жандармов к военной цензуре приобрело большие масштабы и вызывало нарекания руководства ОКЖ, считавшего, что это отвлекало их от основного места службы[284].

Открытки и письма военнопленных поступали в столичную цензуру из Российского общества Красного Креста (РОКК), эвакопунктов, этапов и госпиталей. Направлялись они и из ГВЦК, обычно это были собрания писем, поступавших из штабов армий. Штаб Петроградского военного округа

---

[280] Подсчитано по: Там же. Д. 101. Л. 1–19об.
[281] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 220. Л. 16, 17, 108, 518.
[282] Там же. Д. 764. Л. 24, 51, 52, 109 и др. Правда, за всю войну в отчетах Балашева не упомянуто ни об одном происшествии или нарушении.
[283] ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 916. Л. 3, 11–14, 17, 21.
[284] *Хутарев-Гарнишевский В.В.* Отдельный корпус жандармов и Департамент полиции МВД: органы политического сыска накануне и в годы Первой мировой войны, 1913–1917 гг. Дисс… к.и.н. М., 2012. С. 243.

высылал в ПВЦК подборки писем, полученных местными военными цензорами, начальниками гарнизонов, уполномоченными РОКК[285].

Изначально задуманная как коллегиальный совещательный орган, ПВЦК быстро превращалась во влиятельный центр, регулировавший работу не только цензуры, но и заведений книгопечатания и книготорговли, иностранной и драматической цензуры, кинопроката, почтового и телеграфного обслуживания населения. При этом органы, руководившие этими направлениями до войны, по большей части были сохранены и формально по-прежнему подчинялись МВД, местной администрации и другим министерствам и ведомствам. Это отражало общий процесс перераспределения полномочий между гражданскими и военными властями и одновременно создавало почву для межведомственных трений, причем не только в прифронтовых губерниях, но и в тылу.

Важно отметить, что ПВЦК курировала работу только тех сотрудников указанных подразделений, которые имели статус военного цензора. Не все почтово-телеграфные чиновники или члены комитетов по делам печати получали этот статус, при этом на практике работа у них и военных цензоров была практически идентичной: просматривая газеты и журналы, письма и телеграммы, они могли обнаружить недопустимые, по их мнению, сведения. Однако здесь нередко возникала коллизия, которую из-за разного ведомственного подчинения сотрудников решать было непросто. С.С. Татищев в письме Д.П. Струкову от 22 января 1915 г. отмечал, что переводчики с инородческих языков К.Г. Дишлер, М.И. Реммик, М.И. Пукитс и А.Л. Грейс наблюдали в Петроградском комитете по делам печати (ПКДП) за выходящими в столице изданиями на латышском, эстонском и «еврейском» языках. Но не имея звания военных цензоров, они не могли самостоятельно не допускать к печати запретные сведения. О таких материалах им приходилось сообщать военным цензорам при ПКДП, которые и ставили соответствующие штампы о просмотре. Такой порядок

[285] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 220. Л. 69, 85, 107, 111, 131, 526, 402, 403 487 и др.

задерживал цензуру газет и вынуждал цензоров ставить штампы на гранках, которые они даже не читали. В связи с этим Татищев просил назначить указанных лиц военными цензорами[286].

Проблемы возникали и с непосредственным руководством военными цензорами. Для контроля над их работой распространилась практика назначения «старших» военных цензоров, которые, однако, далеко не всегда обладали достаточным авторитетом, а по «гражданской» должности могли быть ниже, чем их подчиненные. В том числе и на это в своем рапорте указывал уволившийся в сентябре 1914 г. из военной цензуры при Главном телеграфе подпоручик Г. Хитрово. Назначение «старшего», писал он, не было предусмотрено «Временным положением», и потому его распоряжения имели «относительную силу», давать их по закону могла только военно-цензурная комиссия. Сомнения бывшего цензора вызывало и назначение «старшим» на Главный телеграф К.Е. Кометса, который «хотя и член комиссии, как гражданский чин невысокого класса, в глазах военных цензоров не может обладать достаточным авторитетом»[287].

Так как Петроград был включен в зону «полной» цензуры, то и ПВЦК подчинялась командованию Санкт-Петербургского (Петроградского) военного округа. Однако параллельно, согласно Положению о полевом управлении войск 1914 г., было создано военно-цензурное отделение (ВЦО) при штабе располагавшейся в округе 6 армии [288], которое проявляло самостоятельность при принятии решений по цензуре писем и телеграмм, влияло на печать и кадровые вопросы, зачастую – без уведомления о том ПВЦК[289].

В 1914 г. был создан провинциальный отдел, которому подчинялись все цензоры, работавшие в Петроградском военном округе, но за пределами столицы. Отдел действовал без оглядки на ПВЦК, получая от цензоров

---

[286] Там же. Д. 72. Л. 385.
[287] Там же. Д. 4. Л. 100.
[288] Располагалось на наб. р. Мойки, д. 8, кв. 10 (РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 108. Л. 227).
[289] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 19. Л. 39, 40; Там же. Д. 75. Л. 4об.;

местных почтово-телеграфных контор и военно-цензурных пунктов отчеты о просмотре печати и корреспонденции, давая им инструкции и указания. Такая самостоятельность нередко вызывала конфликты. В июне 1915 г. начальник Петроградского почтово-телеграфного округа писал начальнику отдела полковнику Перцову: «Некоторые чины, исполняющие обязанности военных цензоров в учреждениях Петроградской и Новгородской губерний, позволяют себе отлучаться из мест, в которых они состоят цензорами, причем объясняют, что имеют на это Ваше разрешение, о котором мне ничего не известно». Струков, получив такой же запрос, ответил, что отлучки недопустимы и об этом распоряжении Перцова ему ничего не известно[290].

Руководящие документы и инструкции цензоры начали получать в августе – сентябре, как правило – только «Временное положение» и «Перечень» запрещенных к публикации сведений, чего в реальной практике уже осенью 1914 г. было недостаточно. Зачастую цензоры не знали, где теперь находится их руководство и с кем вести переписку. Первоначальный организационный хаос иллюстрирует письмо начальника Смоленского почтово-телеграфного округа в Петроград 30 июля. Он сообщал, что на него возложили обязанность организовать военную цензуру почты и телеграфа в Витебской губернии, однако он не получил ни распоряжений, ни инструкций. На это ему ответили из ПВЦК, что Витебская губерния не входит в Петроградский военный округ, и следовало обратиться в другую инстанцию[291].

Особенно сложным было подчинение местных военно-цензурных пунктов, находившихся на границах губерний, военных округов, в зоне ответственности фронтовых и армейских штабов. Характерный пример – Юрьевский военно-цензурный пункт. Старший военный цензор отмечал, что в первый год войны пункт постоянно передавался разным инстанциям: губернатор, начальник почтово-телеграфного округа, штаб Петроградского

---

[290] Там же. Д. 108. Л. 5, 6.
[291] Там же. Д. 12. Л. 4, 5.

военного округа, ПВЦК. Заведующий пунктом отмечал, что в этих условиях он «не в состоянии был разобраться в этом хаосе всевозможных распоряжений, в большинстве случаев неясных и одно другому противоречащих. От этого получалось, что цензура существовала только на бумаге, а на деле ее не было». С октября 1915 г. пункт подчинили штабу 6 армии, после чего работа наладилась, «стал замечаться успех». В январе 1917 г. пункт перешел в ведение ПВЦК, но сразу после Февральской революции его переподчинили штабу Двинского военного округа. Описав эту трехлетнюю историю, цензор просил оставить пункт в ведении ПВЦК как наиболее стабильной и компетентной структуры[292].

В августе 1914 г. в Гельсингфорсе была создана Финляндская особая военно-цензурная комиссия (ФВЦК)[293]. Председателем комиссии работал сначала подполковник К.М. Белостоцкий, а с 18 ноября 1914 г. – подполковник А.А. Гольмберг[294]. Согласно «Временным правилам о военной цензуре в Финляндии», она первоначально подчинялась штабу 22 армейского корпуса, командир которой получил право налагать взыскания и приостанавливать повременные издания и передачу почтовых отправлений и телеграмм[295]. Однако близость Финляндии к Петрограду значительно усложняла работу комиссии, долгое время было неясно, кому она подчиняется. Служивший в это время в великом княжестве полковник Д.Л. Казанцев вспоминал, что в конце августа 1914 г. штаб 22 корпуса был выдвинут на фронт, и военная цензура «осталась без ближайшего руководителя, так как хотя и был сформирован нештатный штаб войск, но его обслуживало всего два офицера, и естественно, что при всей массе работы, выпавшей на его долю, они не могли уделять времени на военную цензуру, да, кроме того, не было ясных указаний, кому, собственно, военная цензура в Финляндии должна подчиняться. Ни штаб 6-й армии, ни штаб

---

[292] Там же. Д. 108. Л. 792–793.
[293] Там же. Д. 755. Л. 61.
[294] *Алферова И.В.* Военно-цензурные практики в годы Первой мировой войны... С. 9, 10.
[295] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 5. Л. 20.

командующего фронтом, ни штаб Свеаборгской крепости ни разу до весны 1915 года в работу комиссии не вмешались. Руководящих указаний никаких не поступало, за исключением списков германских шпионов и наших сотрудников за границей, привезенных из Петрограда камергером Горловым»[296].

В ходе реформы столичной цензуры в сентябре 1915 г. ФВЦК была переподчинена штабу 6 армии[297]. К началу 1917 г. ей были подотчетны 10 военно-цензурных пунктов, печать и внутренние телеграммы цензуровались в Гельсингфорсе, Выборге, Торнео и Улеаборге. Все телеграммы, адресованные в Финляндию и оттуда за границу, отправлялись на цензуру в Петроград. В Торнео также досматривался ручной багаж пассажиров, прибывавших из-за границы и покидавших Россию[298]. Для проверки багажа здесь работал офицер, прошедший курс обучения проявления невидимых чернил[299]. Взаимодействие с петроградской цензурой оставалось тесным: Финляндская и Петроградская комиссии регулярно запрашивали друг у друга помощь с переводом писем и телеграмм с различных «редких» языков[300]. В сферу влияния ФВЦК не входил г. Або, подчинявшийся командующему Балтийским флотом, а работавшие там военные цензоры отчитывались перед штабом Або-Оландской укрепленной позиции[301].

В отличие от Петроградской, Московская губерния и Москва не были включены в зону «полной» военной цензуры, поэтому формально здесь не было предварительного просмотра печати и «выемки» внутренней корреспонденции. На деле же Москва привлекала повышенное внимание военных и гражданских властей. Город имел развитую полиграфическую

---

[296] *Казанцев Д.Л.* Указ. соч. С. 221. Имеется в виду Н.Н. Горлов, в то время – директор канцелярии финляндского генерал-губернатора.
[297] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 90. Л 26–30; Там же. Д. 108. Л. 95.
[298] Там же. Д. 660. Л. 15.
[299] *Алферова И.В.* Военно-цензурные практики в годы Первой мировой войны... С. 11.
[300] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 60 Л. 114, 209, 324; Там же. Д. 220. Л. 115; Там же. Д. 255. Л. 251.
[301] РГА ВМФ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 76. Л. 39об.

промышленность и крупный печатный рынок [302], служил важной передаточной станцией для огромного количества писем и телеграмм, являлся крупнейшим центром театральной жизни и киноиндустрии.

Для усиления контроля над печатью в июле 1914 г. была создана Московская военно-цензурная комиссия (МВЦК). Первоначально ее возглавил Генерального штаба генерал-майор в отставке А.Н. Гадзяцкий[303], а с октября 1914 и до февраля 1917 г. – ординарный профессор Александровской военной академии в Петрограде генерал-майор А.М. Добровольский [304]. МВЦК располагалась в здании штаба Московского военного округа (ул. Пречистенка, д. 7)[305].

К 1917 г. московская военная цензура состояла из: 1) Международного отдела при Главпочтамте, просматривавшего всю международную корреспонденцию; 2) Отдела корреспонденции военнопленных; 3) Отдела корреспонденции из действующей армии; 4) Отдела цензуры при Московском комитете помощи военнопленным; 5) Отдела цензуры на Московской таможне; 6) Цензуры телеграфа [306]. Просмотр печати производился при МВЦК, которой также были подотчетны военно-цензурные пункты в Харькове, Екатеринославе, Курске, Мариуполе, Бахмуте, Луганске, Дебальцево, Юзовке, Ярославле и Рыбинске[307].

Значение Москвы отражалось на функциях московской цензуры на почте и телеграфе, которая изначально получила (в нарушение «Временного положения о военной цензуре») право предварительно просматривать любые поступавшие письма и телеграммы. Уже на первом заседании комиссии 28 июля признавалось необходимым «для предупреждения возможного шпионства в тылу армии расширить... частичную цензуру с предоставлением

---

[302] К примеру, в 1914 г. из 3111 периодических изданий 330 выходили в Москве (Статистика произведений печати, вышедших в России в 1914 году. Пг., 1915. С. 101).
[303] ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 3. Д. 1872. Л. 28.
[304] Там же. Д. 1873. Л. 140об.; РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 31. Л. 7, 8об.
[305] ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 3. Д. 1872. Л. 24.
[306] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 97. Л. 174.
[307] Там же. Л. 170, 170об.

права выемки и просмотра также внутренней почтово-телеграфной корреспонденции, если таковая по тексту, месту назначения или адресу покажется подозрительной опытному глазу назначенных для сего… чиновников»[308].

Московская печать с начала войны пользовалась своим особым положением в зоне «частичной» цензуры и размещала материалы, попадавшие под запрет на театре военных действий. Это создавало конкурентные преимущества, о чем редактор столичных «Биржевых ведомостей» М.М. Гаккебуш сообщил на заседании военной цензуры при ПКДП 14 августа 1914 г.[309]

ГВЦК в циркуляре псковским цензорам (январь 1915 г.) отмечала, что в Москве предварительная цензура хотя и не введена официально, но «принятыми мерами местная печать поставлена почти в одинаковые условия с печатью в Петрограде»[310]. 27 января 1915 г. генерал-квартирмейстер Северо-западного фронта М.Д. Бонч-Бруевич писал начальнику Двинского военного округа, что «хотя на основании указаний Главной военно-цензурной комиссии в Москве на практике установлена предварительная военная цензура периодических изданий, тем не менее неоднократно оказывалось нахождение в газетах, вышедших в... Москве, особенно в газете “Русское слово”, статей со сведениями, не подлежащими оглашению». В связи с этим Бонч-Бруевич предложил не делать послаблений и просматривать предварительно все газеты, поступающие на фронт из районов «частичной» цензуры[311]. В свою очередь главнокомандующий Северо-западного фронта Н.В. Рузский приказал, «не стесняясь с расходами», проводить полный предварительный просмотр всех изданий, идущих из

---

[308] ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 3. Д. 1872. Л. 68об.
[309] РГИА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 2. Л. 15об.
[310] РГВИА. Ф. 13849. Оп. 1. Д. 4. Л. 18.
[311] Там же. Л. 19.

тыловых губерний[312]. Однако на практике сохранялась существенная разница в цензуре петроградских и московских газет и журналов.

Как и в других случаях, в Москве был сохранен комитет по делам печати (МКДП), члены которого в большинстве своем стали военными цензорами. Отношения между «старыми» и «новыми» цензурными органами изначально были натянутыми: МВЦК позиционировала себя как отдельную структуру, не зависящую в своих действиях и решениях от МКДП[313]. Будучи военными цензорами, члены комитета продолжали рассматривать поступавшие произведения печати и выносить решения об их допустимости к продаже.

В прифронтовых и тыловых губерниях основу новой цензурной системы составляли довоенные органы контроля над печатью и почтово-телеграфные конторы. Расположение военно-цензурных пунктов, их численность и состав менялись сообразно с военными обстоятельствами (например, отступление из Царства Польского), экономическими и цензурными соображениями. Местные военно-цензурные комиссии были созданы, помимо Петрограда и Москвы, при штабах фронтов и в центрах военных округов – Вильно, Киеве, Одессе, Тифлисе, Казани, Омске, Ташкенте, Иркутске, Хабаровске, а также в Динабургской крепости (центр образованного с началом войны Двинского военного округа).

Позже других, в марте 1915 г. была создана Рижская военно-цензурная комиссия, хотя «полную» цензуру в Прибалтийском крае ввели с начала войны. Цензорами здесь были назначены в основном служащие МВД, уездные начальники и их помощники. Организацию цензуры усложняло пограничное положение прибалтийских губерний. К примеру, разные части Лифляндской губернии подчинялись цензурным органам Петроградского и Двинского военных округов. 17 сентября 1914 г. помощник уездного начальника Вейсенштейнского уезда Леонович писал в ПВЦК, что вступил в исполнение обязанностей военного цензора, но не имел на руках ни

---

[312] Там же. Л. 29.
[313] ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 3. Д. 1872. Л. 106.

инструкций, ни распоряжений начальства. Он не знал, входит ли уезд в зону «полной» цензуры, нужно ли ему просматривать издания, вышедшие до войны[314].

В сентябре 1914 г. была учреждена должность старшего военного цензора, коим стал генерал-майор Л.М. Хмелевский, призванный из запаса на службу в ополчение. С 15 ноября 1914 г. военные цензоры региона подчинены генералу П.Г. Курлову, особоуполномоченному по гражданскому управлению Прибалтийским краем с правами генерал-губернатора. Вследствие роста нагрузки на цензоров, а также «особенностей характера населения Прибалтийского края, национальную вражду его», Курлов ходатайствовал об учреждении Рижской ВЦК. 17 апреля 1915 г. Хмелевский был назначен ее председателем, членом от военного министерства и делопроизводителем – подполковник Отдельного корпуса жандармов А.И. Пападжанов[315].

По соглашению главнокомандующих Северо-западного фронта и 6 армии Рижской комиссии были подчинены Эстляндская (кроме крепостного района Морской крепости Петра Великого), Курляндская (кроме крепостного района Усть-Двинской крепости) и Лифляндская губернии[316]. Военная цезура произведений печати сосредоточилась в Рижском комитете по делам печати, члены которого также были назначены военными цензорами, а председатель – Б.А. Петкович – старшим военным цензором[317]. При почтово-телеграфных учреждениях Эстляндской и Лифляндской губерний к сентябрю 1915 г. числился 41 военный цензор[318], в Курляндской – 24[319].

Цензоры, работавшие в городах и почтово-телеграфных конторах на территории крепостных районов, подчинялись соответствующим штабам,

---

[314] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 755. Л. 126.
[315] РГВИА. Ф. 13849. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
[316] Там же. Л. 2.
[317] Там же. Л. 249.
[318] Там же. Д. 5. Л. 69–74.
[319] Там же. Д. 7. Л. 30–31.

получая от них приказы и инструкции [320]. Так, штабу Моонзундской укрепленной позиции (часть крепости Петра Великого) подчинялись цензоры при Аренсбургской, Кертельской и Гапсальской почтово-телеграфных конторах, а также военные цензоры по делам печати в Аренсбурге и Гапсале [321]. Руководящие указания и инструкции цензорам укреппозиции давало цензурное отделение штаба крепости императора Петра Великого.

С первых месяцев работы Л.М. Хмелевский жаловался, что довольствие цензоров «оставляет желать много лучшего», а отпуск денег постоянно задерживался. Это происходило из-за сложившейся в крае схемы подчинения: требовательные ведомости отправлялись в Петроград Д.П. Струкову, деньги на довольствие поступали П.Г. Курлову, но тот направлял их не в комиссию, а непосредственным начальникам цензоров: в штабы армий, губернаторам, почтово-телеграфные отделения, губернские жандармские управления. Летом 1915 г. в связи с неоднократными задержками среди цензоров усилилось недовольство[322].

На фоне «великого отступления» русской армии и подготовки к эвакуации правительственных учреждений из Риги управленческий хаос в местной цензуре только усиливался. В июле 1915 г. Рижская ВЦК была эвакуирована в Юрьев и была подчинена штабу Северного фронта [323]. 18 августа 1915 г. П.Г. Курлов был освобожден от обязанностей по управлению Прибалтийским краем, а заведывание местной цензурой перешло к Д.П. Струкову [324]. Л.М. Хмелевский, остававшийся председателем ВЦК, безуспешно пытался наладить работу. В рапорте генерал-квартирмейстеру Северо-западного фронта 25 августа он просил прояснить, «кто в конце концов является начальствующим лицом по назначению военных цензоров, так как во многих пунктах необходимо увеличить штат их. С апреля месяца

---

[320]См., напр.: РГА ВМФ. Ф. 941. Оп. 1. Д. 171. Л. 12–17, 25, 27.
[321] Там же. Л. 4, 4об.
[322] РГВИА. Ф. 13849. Оп. 1. Д. 4. Л. 233.
[323] Там же. Л. 188, 189, 248, 268.
[324] Там же. Л. 243.

по сему вопросу идет переписка. Генерал Курлов делал представления в штаб армии, оттуда, по-видимому, передавали в штаб округа, штаб округа передавал Струкову, но ответа не получено ни от кого, а между тем дело от этого страдает»[325].

После эвакуации в сентябре 1915 г. остававшиеся в Риге военные цензоры фактически перестали вести отчетность[326], а их число сократилось настолько, что штаб 12 армии запрашивал Хмелевского, кто из них являлся в городе старшим [327]. В результате 18 сентября приказом Ставки Рижская ВЦК была расформирована, ее дела перешли штабу 6 армии[328]. Рижский комитет по делам печати был эвакуирован в Москву[329]. В феврале 1917 г. была также упразднена ВЦК Двинского округа, все ее функции были переданы в ВЦО штаба округа[330].

Своеобразное «двоевластие» (комитет по делам печати и военно-цензурная комиссия) в зоне «полной» цензуры образовалось в *Киеве, Вильно и Одессе*. Комиссии в этих городах имели право получать весь материал, который редакция газеты или журнала планировала напечатать в ближайшем номере или выпуске. Это создавало большую нагрузку на местных цензоров: количество печатных изданий на западных окраинах империи было значительно больше, чем в восточных регионах. Увеличилось количество работы и у почтово-телеграфных чиновников, ставших военными цензорами: через Одессу, Вильно, Киев и другие крупные западные города и после начала войны продолжало поступать огромное количество телеграмм и писем. К примеру, в Одессе цензуровалась большая часть корреспонденции из Швеции, Дании и Норвегии, шедшей в обход установленных Германией ограничений. Здесь же просматривались внутренние отправления, а также

---

[325] Там же. Л. 260.
[326] Там же. Л. 417.
[327] Там же. Л. 413.
[328] Там же Л. 528.
[329] Там же. Л. 544; Д. 5. Л. 24.
[330] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 311. Л. 158об.

посылки из близлежащих губерний (в частности, Таврической и Херсонской)[331].

Особая ситуация сложилась в Варшаве. Местный комитет по делам печати с XIX в. имел сильные позиции в системе местной власти, выполняя важную задачу наблюдения за прессой в самом западном регионе империи. Кадры комитета еще до войны предполагалось привлечь к военной цензуре. В июне 1914 г. его председатель М.А. Лагодовский испросил отпуск на один месяц для поездки за границу[332]. Однако уже 17 июля С.С. Татищев рекомендовал ему вернуться «ввиду настоящего тревожного положения»[333].

С началом войны остро встал вопрос организации военной цензуры на всем театре военных действий, и Варшава в этом смысле оказалась важнейшим стратегическим пунктом. 23 июля 1914 г. штаб главнокомандующего армиями Северо-западного фронта поручил Лагодовскому «принять на себя обязанности по военной цензуре в г. Варшаве»[334]. 21 августа он был назначен членом военно-цензурной комиссии при штабе 9 армии, с 24 сентября – при штабе 2 армии[335].

М.А. Лагодовский ставил под сомнение необходимость создавать в городе параллельную структуру, фактически дублирующую работу комитета. В докладной записке начальнику штаба Северо-западного фронта В.А. Орановскому 3 сентября 1914 г. он отмечал, что даже после начала войны в Варшаве издавалось 14 газет на русском и польском, а также 3 – на идише («еврейском»), 12 из них выходили 2 раза в день. Также регулярно печаталось 12 еженедельников, большое количество книг, брошюр и листков. В связи с этим запланированный штабом полный перевод членов комитета на военно-цензорскую работу Лагодовский считал неверным решением,

---

[331] *Миронова И.С.* Военная цензура почтовой корреспонденции Одесского почтово-телеграфного округа в период Первой мировой войны // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 1. С. 55.
[332] РГИА. Ф. 776. Оп. 23 (1911 г.). Д. 52. Л. 166.
[333] Там же. Л. 169.
[334] РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 715. Л. 56.
[335] РГИА. Ф. 776. Оп. 23 (1911 г.). Д. 52. Л. 192 об.

допуская лишь их редкие командировки в штабные и окружные комиссии[336]. Доводы были услышаны, и в штабе фронта решили сохранить комитет, а его членов – не отправлять в командировки в другие города[337]. Командование рассматривало Варшавский комитет как «совокупность военных цензоров, но с подчинением военно-цензурной комиссии, т.е. собственно штабу армии, в состав или, вернее, в район которой входит гор. Варшава»[338].

Тем не менее, в начале 1915 г. штаб Северо-западного фронта сформировал Варшавскую ВЦК, сохранив при этом и комитет. М.А. Лагодовский был членом комиссии и даже на короткий период возглавил ее, однако просуществовала эта структура недолго: в июле 1915 г., накануне отступления из Варшавы, все правительственные учреждения были эвакуированы, в том числе и цензурные органы. Лагодовский сообщал Татищеву, что эвакуация «производилась без всякой системы, за недостатком времени, причем и текущая переписка не была закончена»[339]. Оставаясь во главе комитета, который фактически прекратил существование, Лагодовский переехал в Петроград и вплоть до Февральской революции работал в ГУДП[340]. В Москву были также переведены Е. Гребенец и Л. Герлях, работавшие в военной цензуре иностранных газет и журналов[341].

Конфигурация «тыловой» цензуры во многом зависела от установившихся до 1914 г. отношений внутри власти на местах. Немалую роль играли личные качества и амбиции командования военных округов (командующего и начальника штаба). Их реальная власть с началом войны заметно усилилась, в том числе и за счет создания подчиненных только им органов. Цензурную работу организовывали, как правило, местные окружные

---

[336] РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 716. Л. 112–114
[337] Там же. Л. 91–92, 119–119об., 133.
[338] Цит. по: *Богомолов И.К.* Архивные документы к биографии представителя «цензорской династии» Российской империи М.А. Лагодовского // Отечественные архивы. 2022. № 4. С. 57.
[339] РГИА. Ф. 776. Оп. 23 (1911 г.). Д. 52. Л. 187.
[340] *Богомолов И.К.* Архивные документы к биографии представителя «цензорской династии» Российской империи М.А. Лагодовского. С. 57.
[341] РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 285. Л. 14об.

штабы, дававшие по этому поводу распоряжения гражданским властям, полиции и жандармским управлениям.

Расположение цензурных пунктов и их штат определялись исходя из численности населения города, его стратегической и политической значимости, развитости в нем печати, почтового и телеграфного сообщения. В подборе кадров важную роль играл национальный состав, распространенные в регионе языки, экономические и культурные особенности. Увеличение нагрузки на восточные и южные почтово-телеграфные отделения в связи с перекрытием устоявшихся каналов связи через Европу вынуждало увеличивать штат цензоров, что не всегда было возможно из-за недостатка кадров и финансирования. Пункты могли закрывать, а штат – переводить в другие города и даже регионы, где до того контроль над почтой и телеграфом отсутствовал вовсе[342].

Казанский военный округ стал одним из первых, где командование начало организовывать работу цензуры. В конце июля была образована местная военно-цензурная комиссия, председателем которой стал подполковник М.В. Прогнаевский. К 14 августа военные цензоры были назначены в Казани, Оренбурге, Симбирске, Вятке, Сарапуле, Саратове, Челябинске, Екатеринбурге, Уфе, Златоусте, Сызрани, Самаре, Царицыне, Астрахани, Перми, Пензе, Уральске[343]. К 7 ноября 1914 г. из 39 работавших на тот момент в округе цензоров 11 находились в Казани, 4 – в Саратове, 3 – в Самаре, по 2 – в Оренбурге, Симбирске, Вятке, Уфе, Царицыне, Златоусте, по 1 – в Астрахани, Перми, Пензе, Уральске, Челябинске, Екатеринбурге, Сызрани, Сарапуле и на Ижевском оружейном заводе[344].

---

[342] К примеру, в июле 1917 г. Председатель Приамурской ВЦК получил разрешение учредить военно-цензурный пункт с одним цензором в посту Александровском на Сахалине за счет сокращаемого числа военных цензоров в других пунктах. (РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 97. Л. 157, 158).

[343] *Богомолов И.К.* Цензура в Казанском военном округе в 1914 – феврале 1917 гг. // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Сб. ст. М., 2023. С. 168.

[344] Там же.

На первой встрече комиссии с редакторами казанских газет были установлены «необходимые положения о порядке цензирования известий с театра военных действий и по поводу их». Отмечалось, что Казань является «центром духовной жизни мусульман Поволжья, и последние чутко прислушиваются к голосу Казани, где издается много татарских газет». Татары, «среди интеллигенции коих заметно развивается пантюркистское течение, относятся с большим сочувствием к туркам, которых считают за братьев по крови и вере. Поэтому теперь, когда Турция занимает достаточно неясное положение относительно воюющих сторон и может примкнуть к Германии и Австрии, следить за корреспонденцией мусульманского населения округа является настоятельною необходимостью, дабы не пропускать... таких сведений, которые могли бы настраивать инородцев во враждебном для России направлении». В Оренбурге назначили двух цензоров, из которых один знал восточные языки. Этот город расценивался как «центр киргизской жизни, где издается... ярко прогрессивного пантюркского направления татарская газета “Вакт”, имеющая очень большое распространение между мусульманами России». В пределах округа цензоры должны были просматривать международные и внутренние письма и телеграммы, адресованные в редакции газет, а также на адреса всех иностранных подданных и военнопленных[345].

Тифлисская военно-цензурная комиссия была создана в августе 1914 г. Председателем ее назначили состоящего в распоряжении главнокомандующего войсками Кавказского военного округа полковника Тумановского, военными цензорами также стали члены местного комитета по делам печати, инспекторы в Баку и Эриване[346]. В сентябре 1914 г. Кавказский округ вошел в зону «полной» военной цензуры[347], что повысило

[345] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 7. Л. 62.
[346] Национальный архив Грузии. Ф. 480. Оп. 2. Д. 964. Л. 4, 7, 45.
[347] РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1582. Л. 21.

роль местных цензурных установлений. Для нужд ВЦК комитет выделил три комнаты из своего помещения в Тифлисе на ул. Петра Великого, д. 12[348].

Как и в других крупных городах, в Тифлисе комитет по делам печати не был упразднен, работая по установленному до войны порядку и при этом активно участвуя в военной цензуре [349] . За 1915 г. члены комитета рассмотрели 316 сочинений на русском языке (книги, календари, учебники, музыкальные произведения, научные сочинения), на грузинском – 191, армянском – 108, персидском – 9, арабском – 23, татарском – 37[350]. В феврале 1916 г. 8 цензоров просматривали выходившие на тот момент в Тифлисе 32 газеты[351].

В марте 1915 г. Тифлисская ВЦК была упразднена, ее функции были переданы в военно-цензурное отделение штаба Кавказского военного округа [352] . Председатель Тифлисского комитета по делам печати В.И. Колобов в апреле 1915 г. в докладе начальнику округа выступал за объединение органов цензуры под началом ГВЦК. В другой записке в мае 1915 г. он отмечал, что из-за упразднения местной военно-цензурной комиссии нарушилась связь с комитетом и нормальный ход работы[353].

К апрелю 1916 г. на телеграфе и почтамте в Тифлисе работало 12 цензоров, 11 – в Екатеринодаре, по 7 – в Новороссийске, Армавире и Грозном, по 6 – в Ставрополе, Владикавказе, Темир-Хан-Шуре и Баку, 5 – в Кутаисе, по 4 – в Батуме и Кисловодске, 3 – в Эриване, по 2 – в Джульфе, Пятигорске, Майкопе и Карсе, по 1 – в Сухуме, Александрополе и Ейске. Наибольшее число цензоров (15) было назначено в хуторе Тихорецком – крупном железнодорожном узле и почтово-телеграфной станции, принимавшей корреспонденцию в том числе и из-за рубежа[354].

---

[348] Национальный архив Грузии. Ф. 480. Оп. 2. Д. 964. Л. 50.
[349] Там же. Л. 23, 25.
[350] Там же. Д. 1193. Л. 21, 49, 68, 69, 70, 75.
[351] Там же. Д. 107. Л. 22.
[352] Там же. Л. 39.
[353] Там же. Д. 964. Л. 67, 71–73.
[354] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 53. Л. 57–66.

Военно-цензурные пункты в Омском военном округе к апрелю 1917 г. располагались в Омске (37 цензоров), Томске (8), Тюмени (4), Тобольске (3), Петропавловске (3), Семипалатинске (3), Новониколаевске (2), Барнауле (2), Бийске (2) и Кургане (2). Омскую ВЦК возглавляли полковник Богдашевский (август 1914 – декабрь 1915 г.) и полковник Козлов (январь 1916 – ноябрь 1917 г.)[355]. В пунктах, где имелось несколько военных цензоров, на одного из них возлагались обязанности по просмотру вскрываемых почтовых отправлений на основании ст. 51-й «Временного положения» (составление актов), а также прием корреспонденции с почты, выдача для цензуры, прием ее от цензоров и дальнейшая отправка по адресу[356].

Как и в других военных округах, здесь большую роль играли местные гражданские чиновники, передававшие в Омскую ВЦК письма, телеграммы, газеты и журналы. Сообщали они и о пропусках цензурой запрещенных сведений. К примеру, в июне 1916 г. выходившая в Перми газета «Уральская жизнь» опубликовала заметку «Взбунтовавшиеся китайцы», не представив ее уполномоченному губернатора Пермской области, а также военному цензору Екатеринбургского военно-цензорского пункта, за что был оштрафован на 1000 рублей[357].

Военно-цензурная комиссия в Иркутском военном округе была создана в августе 1914 г., в течение всей войны ее возглавлял полковник К.Ф. Дубовик, помощник военного прокурора Иркутского военно-окружного суда. К 26 апреля 1917 г. комиссии подчинялись военные цензоры в Иркутске (66 цензоров), Красноярске (2), Верхнеудинске (1) Троицкосавске (1), Чите (1) и

---

[355] *Ничков Е.А.* Отчеты военно-цензурной комиссии Омского военного округа как источник по истории российского плена в 1914–1917 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 6(68). Ч. 2. С. 146.

[356] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 97. Л. 179.

[357] Китайские рабочие на Урале в годы Первой мировой войны. Документы и комментарии. Екатеринбург, 2010. С. 282.

при Маньчжурской почтово-телеграфной конторе (4). В Иркутске цензура была установлена, помимо почтамта и телеграфа, при таможне[358].

В Области войска Донского на 19 апреля 1917 г. военно-цензурные пункты располагались в Ростове-на-Дону (8), Новочеркасске (3), Таганроге (1), Александровск-Грушевске (1)[359]. С точки зрения цензуры Ростов-на-Дону играл в регионе особую роль: здесь, наряду с Тифлисом, просматривались транзитные телеграммы из Персии и Индии[360].

В Туркестанском военном округе основная работа была сосредоточена в Ташкенте, где просматривалась вся корреспонденция военнопленных, международная (из Швеции и США и обратно) и из действующей армии, кроме кавказской из персидской (просматривались в Асхабаде). В областных городах (Самарканде, Скобелеве и Верном) просматривалась корреспонденция до востребования, в крепости Кушка – письма «лиц, имеющих сношение с Афганистаном». К маю 1917 г. в Ташкенте работало 114 цензоров, в Асхабаде – 4, Самарканде, Скобелеве, Верном и Кушке – по 1[361].

11 августа 1914 г. в штабе Приамурского военного округа состоялось заседание по вопросам кадрового состава цензоров телеграмм и печати. Решалось также, в каких пунктах должна быть сосредоточена цензура и какие меры следовало предпринять для контроля корреспонденции на станциях КВЖД. Окружная военно-цензурная комиссия состояла из 6 членов – трех от военных по назначению штаба и трех от гражданского управления края (представители администрации и почтово-телеграфного округа, а также наблюдающий за повременными изданиями). Предлагалось подключать к работе и дипломатического чиновника М.П. Куренкова. Комиссию возглавлял полковник Б.В. Оверин[362]. К маю 1917 г. наибольшее количество

---

[358] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 97. Л. 180.
[359] Там же. Л. 181.
[360] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 224. Л. 44.
[361] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 97. Л. 192.
[362] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 488. Л. 4.

цензоров (15) работало во Владивостокской почтово-телеграфной конторе. Там, а также в Пограничной почтовой конторе (3 цензора) просматривались международные отправления, в Харбине (1) – бланки денежных переводов. В Петропавловске-Камчатском (1) была установлена военная цензура радиотелеграмм, приходивших с острова Иезо (Япония). В Шанхайской заграничной почтовой конторе 2 цензора просматривали все почтовые отправления в Россию и из России. Внутренняя корреспонденция просматривалась в Благовещенске (7 цензоров), Хабаровске (5), Никольск-Уссурийске (4)[363]. К октябрю 1915 г. цензура заграничных телеграмм была установлена во Владивостоке (просматривались телеграммы из Маньчжурии и Китая, а также на японском) и Петропавловске-Камчатском (только на русском)[364].

В тыловых округах «двоевластие» военно-цензурных комиссий и комитетов по делам печати усложнялось наличием сильной местной гражданской власти, сохранявшейся благодаря действовавшему и в годы войны положению о чрезвычайной охране. Губернатор и полицмейстер могли, как и до войны, оценивать и решать судьбу репертуара театра и кино, закрывать газеты и журналы, влиять на их редакционную политику и содержание материалов. Получившие широкие полномочия, военные цензоры не всегда согласовывали свои действия с администрацией и полицией.

Острый конфликт разгорелся по этому поводу во Владивостоке между местным инспектором по делам печати Н.В. Дюфуром и губернатором Приморской области А.Д. Сташевским. В декабре 1915 г. Дюфур при просмотре газеты «Далекая окраина» пропустил статью о Г. Распутине, хотя еще 28 ноября министр внутренних дел А.Н. Хвостов в циркуляре предписывал не разрешать в печати какие-либо упоминания о «старце»[365].

---

[363] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 97. Л. 190.
[364] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 224. Л. 44.
[365] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 488. Л. 157.

Возмущенный губернатор ходатайствовал в ГУДП с просьбой сместить цензора с должности и назначить лицо, могущее «нелицемерно стоять на страже местной печати». Дюфур, по его словам, ни разу не явился к нему с докладом, хотя имел для этого назначенный день и час. Инспектор в резкой форме ответил, что обязан являться и докладывать только по официальному требованию[366].

Стремление местных властей не уступать контроль над «своей» территорией проявлялось и в кадровых вопросах. Составители «Временного положения» попытались учесть этот момент. Согласно статье 20, назначение военных цензоров предоставлено распоряжению главных начальников военных округов по согласованию с подлежащими ведомствами[367]. Однако недопонимания возникали регулярно. К примеру, в сентябре 1914 г. в Иркутске начальник местной почтово-телеграфной конторы уволил своего подчиненного, работавшего одновременно военным цензором, но не согласовал этот шаг с председателем военно-цензурной комиссии. Конфликт, разгоревшийся по этому поводу, в итоге дошел до Петрограда[368].

В губерниях на театре военных действий местные власти также могли проявить инициативу, не согласовывая решения с фронтовыми штабами. Характерный случай произошел в Гродненской губернии, где местный губернатор В.Н. Шебеко, не получив никаких инструкций, сам их назначил военных цензоров числа жандармов и почтово-телеграфных чиновников, без согласования назначал и отстранял их, что вызвало недовольство штаба Двинского военного округа[369].

Заведующие почтовых отделений продолжали ставить во главу угла свои прямые обязанности, и военная цензура воспринималась ими скорее как малоэффективная надстройка, только усложнявшая движение корреспонденции. Зачастую они игнорировали выделение для военной

---

[366] Там же. Д. 495. Л. 440, 447.
[367] Временное положение о военной цензуре. С. 9–10.
[368] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 5. Л. 175, 184, 208, 210.
[369] НИАБГр. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1881. Л. 9, 19, 33, 89, 120.

цензуры опытных чинов, не предоставляли помещений для военной цензуры и не выделяли ей канцелярские принадлежности[370]. Столичный военный цензор прапорщик Калантаров отмечал, что все требования цензоров, обращенные к администрации Главпочтамта, «встречают систематическое пассивное сопротивление», его администрация «совершенно не в состоянии оценить значение» военной цензуры и «видит в ней лишь неприятную обузу»[371].

Далеко не все, кто выполнял цензорскую работу, числились военными цензорами, а значит и не получали положенных суточных денег. Характерный случай произошел во Владивостоке. В августе 1915 г. упомянутый выше Н.В. Дюфур пожаловался, что с начала войны, будучи по факту военным цензором, так как просматривал заграничные издания, а с марта 1915 г. – еще и издания, посылавшиеся на имя военнопленных, получал меньше, чем числившиеся военными цензорами почтовые чиновники. В результате длительной переписки Дюфур с 4 ноября 1915 г. был зачислен военным цензором при Владивостокском военно-цензурном пункте с выплатой 3 руб. в сутки, причем получил всю полагавшуюся сумму с 14 августа 1914 г.[372]

На этом, однако, конфликты инспектора не закончились. Став официально военным цензором, Дюфур с декабря 1915 г. перестал подчиняться наблюдавшему за цензурным пунктом профессору Е.Г. Спальвину, не предоставляя отчеты и докладывая в штаб Владивостокской крепости помимо него[373]. Дюфур также ходатайствовал о «совершенном отделении» группы цензоров, просматривавших письма и телеграммы, от тех, кто цензуровал газеты и журналы. Явно намекая на Спальвина, он писал, что вмешательство «необлеченных определенными правами лиц в сферу, в которой ответственным являюсь я, не может вызвать ничего, кроме

---

[370] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 461. Л. 310–312.
[371] Там же. Д. 224. Л. 86.
[372] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 488. Л. 224, 231, 372.
[373] РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 37. Л. 2, 3.

нежелательных недоразумений»[374]. При этом Оверин был на стороне Спальвина, приказав руководствоваться его распоряжениями[375].

Контроль ввозимой в Россию литературы в годы Первой мировой войны по-прежнему осуществлял Центральный комитет цензуры иностранной, а также местные комитеты в Варшаве, Риге и Одессе. Отдельные цензоры по иностранной цензуре продолжали работать в Москве, Киеве, Вильне, Ревеле и Юрьеве. В столичном Центральном комитете, помимо председателя, работали 5 старших и 5 младших цензоров, а также по 4 старших и младших помощника цензора[376]. В Москве просмотр иностранных изданий осуществлял не только отдельный цензор, но и один из членов местного комитета по делам печати, а также помощник отдельного цензора[377]. В Киеве, Риге и Вильне старший цензор по иностранной цензуре являлся одновременно и председателем местного временного комитета по делам печати, в Ревеле и Юрьеве – одновременно и инспектором по делам печати[378]. В Одессе комитет цензуры иностранной и местный комитет по делам печати были «фактически объединены в одно учреждение общей канцелярией и личным составом»[379].

Принцип работы иностранной цензуры в 1914–1917 гг. практически не изменился. Пришедшие из-за рубежа книги поступали из таможни и почтово-телеграфных контор в комитеты и инспекторам по делам печати. В стандартном отношении указывался вес, количество ящиков (коробок, укладок) и адрес, кому книги выдать, «если они окажутся дозволенными». Время от времени Центральный комитет цензуры иностранной задерживал с ответом, о чем таможни напоминали комитету отдельным отношением, так как были заинтересованы быстрее выслать лежащие у них книги. Цензоры просматривали произведения печати на предмет наличия в них запрещенных

---

[374] Там же. Д. 39. Л. 3.
[375] Там же. Д. 37. Л. 6.
[376] *Патрушева Н.Г.* Указ. соч. С. 320.
[377] Там же. С. 328.
[378] Там же. С. 313–316, 323–324.
[379] Там же. С. 370.

политических идей и теорий, призывов к свержению самодержавного строя, а также материалов, представлявших угрозу «нравственным устоям» общества.

Обычной практикой оставалось наведение справок в Центральном комитете, была ли ранее запрещена та или иная книга, и если да, то по каким причинам. Комитеты и отдельные цензоры регулярно, раз в несколько дней высылали в столицу список «новых, нерассмотренных цензурою книг». Киевский цензор, например, отправлял обычно книги на украинском и польском, изданные в Австро-Венгрии (Львов) и Германии (Познань)[380]. Центральный комитет сообщал, какие издания дозволены полностью, какие могли быть допущены с исключениями, а какие – запрещены. Не вызывавшие замечаний книги возвращались в таможню, которая отправляла книги вслед за хозяином, чтобы он мог получить их уже на месте. Срок возврата составлял от двух дней до двух недель. С началом войны схема осталась прежней, не поменялся и срок рассмотрения[381].

Комитеты и отдельные цензоры формально не пересекались с военно-цензурными комиссиями, оставаясь в подчинении МВД и не командируя своих представителей. В то же время часть цензоров, особенно старших, числилась членами комитетов и инспекторами по делам печати, из-за чего им приходилось работать не только с иностранной, но и с «внутренней» печатью. Однако в условиях нехватки цензоров, знавших иностранные языки, их привлечение к военной цензуре на практике было очень широким, повышая и без того большую нагрузку.

Нагрузка на иностранную цензуру оставалась высокой, несмотря на падение ввоза печати в Россию. В Петрограде, например, большие объемы проходили через портовую таможню, и работавшие там цензоры зачастую просматривали иностранные издания на месте. Особенно напряженной работа была в крупных провинциальных центрах, куда направлялся традиционно большой поток иностранной литературы, но штаты оставались

---

[380] РГИА. Ф. 779. Оп. 3 (1914 г.). Д. 45. Л. 54.
[381] Там же. Д. 42. Л. 4; Д. 43. Л. 22.

на уровне 1865 г. и давно нуждались в усилении. К примеру, московский отдельный цензор по иностранной цензуре в 1914 г. просмотрел 6991 издание на иностранных языках, из них 1290 – на немецком, 1170 – на французском, 1797 – на английском, 1642 – на скандинавских языках. В результате 6252 издания разрешены, 468 запрещены, еще в 271 сделаны купюры[382].

Во многих случаях местные цензоры не принимали самостоятельных решений, последнее слово оставалось за Центральным комитетом. Обычно эта ситуация случалась с немецкими изданиями, которые, несмотря на запрет, регулярно и разными путями попадали в Россию. Тот же московский цензор регулярно отправлял издания в Петроград, прежде всего на немецком, датском и шведском языке, а также зарубежные издания русских писателей (например, сочинения Л.Н. Толстого)[383].

Инспекторский надзор в сфере книгопечатания и книжной торговли в годы Первой мировой войны оставался в подчинении МВД, работая в тесной связке с цензурными органами и полицией в борьбе с распространением запрещенных изданий, закрытии типографий, литографий и т.п. заведений. После 1905 г., в условиях «карательной» цензуры, работы у инспекций заметно прибавилось: типографии после напечатания литературы перемещались в другое место, постоянно меняли имена заведующих, зачастую работали без получения разрешений. Быстрое увеличение количества запрещенной литературы требовало постоянного и активного контроля над содержанием библиотек и читален[384].

На этом фоне остро стоял кадровый вопрос. В столице штат инспекторов был установлен еще в 1871 г., в совершенно других условиях развития полиграфической промышленности. К 1916 г. в одном только Петрограде работало 360 типолитографий, 40 словолитен и фотоцинкографий, 379 книжных магазинов, лавок и складов, 163 библиотеки, 559 мест для продажи

---

[382] Там же. Оп. 3 (1915 г.). Д. 90. Л. 8.
[383] ЦГА Москвы. Ф. 2314. Оп. 1. Д. 394. Л. 175, 195.
[384] См. примеры инспектирования библиотек: ЦГИА СПб. Ф. 706. Оп. 1. Д. 754. Л. 111–111об.

открыток с рисунками, календарей, детских и народных книг (канцелярские магазины, магазины игрушек, табачные, рамочные магазины и др.), 251 фотография [385] . За всем этим разнообразием заведений наблюдали 5 инспекторов, не считая старшего. Схожей была ситуация в Москве, Одессе, Киеве, Риге, Варшаве и Лодзи, где также был установлен инспекторский надзор. Инспекторы жаловались на быстро возраставшую нагрузку, недостаток кадров и финансирования, неэффективность мер по борьбе с нелегальной печатью[386].

Проект Устава о печати Н.А. Маклакова предполагал в том числе и увеличение штата инспекций, расширение полномочий инспекторов. Однако из-за начала мировой войны законопроект отложили, в связи с чем не были решены основные структурные, кадровые финансовые вопросы функционирования инспекторского надзора. Тем не менее, его функционал начал меняться с фактическим установлением предварительной цензуры с июля 1914 г.

Общественный интерес к теме войны в первые месяцы выразился в том числе и в быстром распространении незаконной печати. Желая заработать на «патриотическом подъеме», многие типолитографии печатали различные брошюры, открытки, лубки и сразу выставляли на продажу, минуя и военную цензуру, и комитеты по делам печати, в нарушение ст. 1012 Уложения о наказаниях. К примеру, 4 ноября 1914 г. МКДП сообщил старшему инспектору книгопечатания и книжной торговли в Москве Б.Б. Шереметеву, что издательством «Сегодняшний лубок» были впущены 4 поименованные картины, отпечатанные в типолитографии С.М. Мухарского (Б. Никитская, д. 22). Лубки работы А. Лентулова и К. Малевича, снабженные стихами В. Маяковского («Сдал австриец русским Львов, где им зайцам против львов...»; «Эх и грозно, эх и сильно жирный немец шел на Вильно...»; «Масса немцев, пеших, конных едут с пушками в вагоне...»; «В славном лесе Августовом

---

[385] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 333. Л. 63.
[386] *Патрушева Н.Г.* Указ. соч. С. 393–400.

битых немцев тысяч сто вам») не поступили на рассмотрение в военную цензуру, в связи с чем комитет просил принять «законные меры». Инспектор сообщил об этом мировому судье Александровского участка Москвы, который 25 ноября оштрафовал Мухарского «в доход казны на пятьдесят рублей с заменой при несостоятельности арестом на две недели»[387]. Картинки, тем не менее, уже появились к тому моменту в продаже и в годы войны разошлись во множестве копий, некоторые из которых ныне хранятся в государственных и частных коллекциях.

Ст. 1012 в редакции от 20 июля 1914 г.[388] предусматривала штраф от 50 до 500 руб., и Мухарскому присудили минимальное наказание. Однако и такие случаи были редкостью, чаще всего к ответственности привлекались виновные за незаконную («без надлежащего разрешения») торговлю печатью. Штраф варьировался от 25 копеек до 1 руб., с заменой при несостоятельности заключением на один день[389]. О незаконной торговле печатью инспекторам часто сообщали дворники, ловившие уличных торговцев, полицейские и жандармерия на железнодорожных станциях[390].

Литература, поступавшая в лазареты, проходила цензуру, и запрещенные издания изымались жандармами и полицией[391]. Наложение или снятие арестов по делам о незаконном распространении печати сообщалось Окружным судом или Судебной палатой в комитеты и инспекторам по делам печати, которые, в свою очередь, сообщали об этом старшему инспектору типографий, а тот – инспекторам участков. Сами инспекторы признавали эту систему неэффективной. Старший инспектор в Петрограде докладывал в ГУДП, что за 1915 г. к незаконной уличной торговле печатью к

---

[387] ЦГА Москвы. Ф. 212. Оп. 2. Д. 288. Л. 305, 323.
[388] Временное положение о военной цензуре. С. 4.
[389] ЦГА Москвы. Ф. 212. Оп. 2. Д. 288. Л. 280.
[390] Там же. Л. 412.
[391] *Лаптев А.К.* Деятельность полиции и жандармерии Смоленской губернии в годы Первой мировой войны (июль 1914 – март 1917 гг.). Дис... к.и.н. Смоленск, 2018. С. 155–156.

ответственности были привлечены 1116 человек, однако мировые суды в большинстве случаев налагали штрафы, не превышавшие 1 руб.[392]

В годовых отчетах старшие инспекторы сообщали не только об открытиях и закрытиях заведений, но и характере их работы, типах выпускаемых изданий, масштабе производства, используемом оборудовании[393]. Особое внимание обращалось на работу типографий, замеченных ранее в печати противоправительственных газет и листков. К примеру, в 1914 г. московский старший инспектор писал, что типография А.И. Поплавского «совершенно изменила свой характер, будучи в 1905–1906 гг. одной из главных, где производилось печатание тенденциозных, а подчас и нелегальных брошюр, она в настоящее время работает главным образом для надобностей парфюмерной фабрики Остроумова, за год ею напечатано только 75 брошюр»[394].

О том, имеет ли право человек открыть типолитографию, старший инспектор запрашивал также у фабричного инспектора, который давал справку, можно ли работать в помещении и оборудована ли она надлежащим образом «в техническом отношении»[395]. К письму часто прилагался план помещения и расположения оборудования. Иногда старший фабричный инспектор сообщал, что по произведенным обмерам обнаружены несоответствия, например – ширина дверей[396].

Продолжала инспекция рассматривать и прошения на учреждение, перенос в другие помещения и закрытие книжных лавок, магазинов, библиотек, читален. К примеру, в Москве прошение подавалось на имя градоначальника, из канцелярии которого пересылалось инспектору книгопечатания и книготорговли. Тот, в свою очередь, делал секретные запросы в охранное отделение на предмет «политической благонадежности»

---

[392] *Патрушева Н.Г.* Указ. соч. С. 393.
[393] ЦГИА СПб. Ф. 706. Оп. 1. Д. 1617. Л. 9.
[394] ЦГА Москвы. Ф. 212. Оп. 2. Д. 304. Л. 8.
[395] Там же. Д. 291. Л. 19.
[396] Там же. Л. 34.

заявителя и в сыскную полицию, чтобы узнать, «не привлекался ли к суду и следствию и вообще не был ли замечен в каких-либо проступках компрометирующего характера» [397] . Так, в разрешении на открытие фотографии В.К. Буллой в ноябре 1914 г. отмечалось, что Виктор Карлович «поведения, образа жизни и нравственных качеств хороших, суду... не подвергался» [398] . Разрешение выписывалось по-прежнему на основании Устава о цензуре и печати 1890 г., его получение занимало в среднем не менее месяца (часто – больше) и проходило 3-4 инстанции.

Следует выделить прошения о разрешении торговать печатью ввиду крайне бедственного положения, например – помогать главе семьи в его торговле («газетная стоянка работает так слабо, что нанять мальчика не можем. Мужу приходится работать с четырех часов утра, ходить по редакциям за газетами»[399]). В другом случае рабочий литографии, уже после начала войны, потерял работу ввиду того, что литографские работы «в это тяжелое время» были практически полностью прекращены, в связи с чем просил разрешить открыть стоянку для торговли печатью[400].

Не все подобные прошения одобрялись, рассмотрение часто затягивалось, что было связано в том числе и с фактическим переподчинением инспекций военной власти, особенно на территории «полной» цензуры. В отчете столичного инспекторского надзора за 1915 г. отмечалось, что разрешение на открытие типолитографий, фотографий и т.п. заведений фактически перешло штабу военного округа, из-за чего положительные разрешения были крайне редки [401] . Подобная ситуация сложилась и в Москве. Такое замедление было критично в условиях массового ухода мужчин на фронт, отсутствия работы и быстрого роста цен. Московская мещанка З.Н. Соболь просьбу открыть стоянку для торговли

---

[397] Там же. Д. 292. Л. 84, 87, 165.
[398] ЦГИА СПб. Ф. 706. Оп. 1. Д. 1653. Л. 4об.
[399] ЦГА Москвы. Ф. 212. Оп. 2. Д. 292. Л. 372.
[400] Там же. Л. 375.
[401] *Патрушева Н.Г.* Указ. соч. С. 393.

печатью объясняла так: «Я нахожусь без всяких средств, у меня есть ребенок... и сейчас я беременна. У меня нет никакого выхода в жизни, если не торговля открытками, то мой ребенок должен умереть с голоду... Если Ваше превосходительство не разрешите, то я вынуждена покончить самоубийством и убить ребенка»[402].

С началом войны торговля открытками действительно получила новый импульс в связи с расширением тематики картинок за счет «патриотических» сюжетов. На этом фоне начался рост числа точек продажи открыток, и торговцы рассчитывали получить доход в первую очередь благодаря «военной» тематике. К примеру, крестьянин д. Глинищи Клинского уезда просил московского градоначальника разрешить производить торговлю «со столика открытыми письмами на военные сюжеты, картинами на те же сюжеты, альбомами деятелей войны, журналами и картами военных действий в электрическом театре под названием “Селект”, что на Большой Дмитровке, дом № 26». 10 % выручки он обещал передавать в пользу раненых «в Общеземскую организацию»[403].

Новой функцией инспекции книгопечатания в годы войны стал контроль предоставления повременных изданий на предварительный просмотр военной цензуры. В Петрограде инспекторы должны были наблюдать за типолитографиями, чтобы они рассылали произведения печати одновременно в военно-цензурные комиссии, комитетам и инспекторам по делам печати. Они же приводили в исполнение распоряжения военных властей и следили, чтобы на продаваемых изданиях имелось «военно-цензурное дозволение» [404] . На инспекторах лежало также исполнение предписаний о наложениях арестов, объявлении распоряжений, производству расследований, привлечению виновных к ответственности за нарушение военной цензуры.

---

[402] ЦГА Москвы. Ф. 212. Оп. 2. Д. 292. Л. 376.
[403] Там же. Л. 464.
[404] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 333. Л.63.

В случае если редакция не реагировала на предписания военной цензуры, инспекторы проводили проверку и имели право закрыть заведение. 11 декабря 1914 г. МКДП просил инспектора «обязать типолитографию т-ва И.Н. Кушнерева и К-о, в которой печатается журнал “Неделя”, своевременно и аккуратно представлять в комитет как рисунки для просмотра, так и номера журнала». Типография в ответе 19 декабря обещала предоставлять гранки не только в военно-цензурную комиссию, но и в комитет по делам печати «не позже как за 24 часа до выхода журнала в свет»[405]. Здесь проявилась характерная для военных лет несогласованность цензурных органов: комитеты по делам печати по-прежнему воспринимались как заведения «карательные», наказывающие постфактум, в отличие от новой военной цензуры. В этом смысле инспекция типографий и книготорговли зачастую играла роль связующего звена, донося «вниз» указания и распоряжения, некоторые из которых вышли задолго до проведения проверки, но либо игнорировались, либо вообще оставались неизвестными представителям печати.

Инспекции имели значительные компетенции и сферу ответственности, однако, как и комитеты и инспекторы по делам печати, хронически недополучали финансирование. Первая мировая война формально не внесла в установившийся до войны порядок контроля. В случае если срочно следовало изъять тираж книг или номеров газет и журналов из продажи, МВД, а иногда и сам министр, телеграфировали на места. В телеграммах сообщалось о наложенном аресте решением комитета или инспектора по делам печати. В остальных случаях полицмейстерам, уездным исправникам, начальникам ГЖУ регулярно рассылались отпечатанные списки запрещенных изданий[406].

В то же время на практике значительно усложнилось подчинение из-за неопределенных отношений между гражданскими и военными властями.

---

[405] ЦГА Москвы. Ф. 212. Оп. 2. Д. 292. Л. 406, 407.
[406] См., напр.: ГАКО. Ф. Ф-32. Оп. 2. Д. 1765. Л. 355, 359, 362 и др.; Д. 1811. Л. 1–5.

Мнение последних, в том числе и в тыловых губерниях, стало решающим фактором при разрешении торговли и книгопечатания. В условиях нараставшего экономического кризиса и роста цен замедление в выдаче разрешений наносило урон полиграфической промышленности и негативно влияло на благосостояние не только владельцев типолитографий, но и многочисленных уличных торговцев и книгонош, не позволяло открыть свое предприятие. Урон наносился и библиотекам, которые в годы войны пополнялись с большим трудом. Все это, однако, не означало исчезновение подпольной печати. Напротив, многочисленные примеры (прежде всего, распространение незаконно напечатанных оттисков думских речей) свидетельствовали о постепенной утере контроля государства над книгопечатанием и книжной торговлей.

В целом, структура сформированной в 1914 г. военно-цензурной системы переняла общие недостатки государственного управления в России в годы Первой мировой войны. Участие в работе цензуры разных ведомств на деле лишь усложняло задачу создания эффективной военной цензуры. Неурегулированность отношений военных и гражданских властей приводила на практике к конфликтам и затрудняла работу цензоров. Руководство военной цензуры и командование армии видело эти проблемы и предпринимало попытки исправить ситуацию.

1.4. Реформы военной цензуры в 1915 – начале 1917 гг.

Непосредственным поводом для переоценки эффективности работы военной цензуры, ее структуры и кадрового состава стал военно-политический кризис лета 1915 г. Наиболее ярко это проявилось в Петрограде, где «великое отступление» стало началом цензурных реформ. Первым шагом стало сосредоточение всей столичной военной цензуры в

руках штаба 6 армии. Основной причиной были участившиеся случаи противоречивых решений цензоров[407].

В начале июля 1915 г. Д.П. Струков проехал по провинциальным пунктам, отметив среди прочего, что местная военная цензура «лишена какого-либо объединяющего начала и руководствуется почти исключительно указаниями местной административной власти». Личный состав не соответствовал масштабам стоящих задач и объемов корреспонденции, отсутствовал инструктаж и общие служебные документы. Некоторые отделения руководствовались инструкциями из пяти штабов и отделений. Ненормальным Струков считал и частое возложение обязанностей цензоров на уездных воинских начальников, и так перегруженных работой[408].

Общее положение военной цензуры в Петрограде Д.П. Струков обрисовал в докладе штабу Петроградского военного округа 9 июля 1915 г. Председатель ПВЦК отметил «разбросанность и разобщенность управления военно-цензурными установлениями» и прямо указывал на ключевые организационные проблемы: «Крайняя недостаточность личного состава военных цензоров в соответствии с сотнями, а в иных пунктах и с тысячами ежедневной подачи на цензуру корреспонденции, почти во всех означенных военно-цензурных установлениях дает возможность просматривать последнюю лишь частично, на выборку, в количестве нескольких сот отдельных почтовых отправлений в день». Далеко не полностью контролировалась входящая корреспонденция из-за рубежа, «без всякого просмотра» оставались письма из действующей армии и внутрироссийские. Налицо было «решительное несоответствие личного состава военных цензоров по отношению к подлежащему военно-цензурному просмотру материала», в связи с чем «неизбежны большие погрешности в постановке дела, чему имеются уже печальные примеры».

---

[407] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 150. Л. 3, 9, 13. В декабре того же года ПВЦК вновь была подчинена штабу Петроградского военного округа.
[408] Там же. Д. 150. Л. 33–36.

В качестве «решительных мер» Струков предлагал в первую очередь «полное объединение всех отдельных военно-цензурных установлений, с подчинением их единым и общим для всех указаниям и распоряжениям особо назначенного лица», подчиненного ГВЦК. Вторым важным шагом Струков считал отмену «военной цензуры на выдержку и неотложное установление полноты цензуры всех видов корреспонденции и во всех военно-цензурных пунктах». В Петрограде он предлагал сосредоточить цензуру всей заграничной корреспонденции, в провинции – всей внутрироссийской. Из этого логически исходило кардинальное увеличение личного состава военной цензуры, по подсчетам Струкова – на 450 человек. «Значительное усиление» требовалось, по его мнению, для Рижской и Финляндской ВЦК. Финансовые расходы на это кадровое усиление он оценивал в 75 тыс. рублей[409].

Одним из итогов письма Струкова стало подчинение провинциального отдела ПВЦК[410]. Согласно «Правилам по организации и исполнению военной цензуры в пределах Северного фронта» от 30 сентября 1915 г., ПВЦК разделялась на два отдела: собственно столичный (в пределах Петрограда) и провинциальный. Первый отдел подчинялся штабу 6 армии по вопросам цензуры почтовых отправлений, по всем прочим вопросам указания давала ГВЦК[411]. На практике, однако, Главная комиссия по-прежнему почти не вмешивалась в дела петроградской цензуры, даже имея на то основания и полномочия.

Провинциальный отдел также был разделен на две части: находившаяся на территории «полной» цензуры подчинялась штабам соответствующих армий, другая, «тыловая» – штабу Петроградского военного округа и председателю ПВЦК. Струкову отныне были подотчетны цензоры в 27 почтово-телеграфных конторах Петроградской и Новгородской губерний, а

---

[409] Там же. Л. 16–19.
[410] Там же. Л. 9.
[411] Там же. Л. 68–72; Там же. Д. 90. Л. 26–30.

также 13 отдельных военных цензоров в Гатчине, Гдове, Луге, Нарве, Новой и Старой Ладоге, Царском Селе, Новгороде, а также в Новгородском, Боровичском, Тихвинском, Крестецком, Валдайском, Старорусском уездах[412].

Личный состав военных цензоров предполагалось пополнять, как и прежде, за счет привлечения почтово-телеграфных чиновников (с разрешения их начальников работать в цензуре) и офицерских чинов, признанных негодными к строевой службе. На каждом пункте устанавливалась должность старшего военного цензора[413].

Ряд структурных изменений произошел и в провинции. С 28 сентября 1915 г. Харьковский военно-цензурный пункт, для усиления полномочий цензоров, был переведен в подчинение от Московского к Киевскому военному округу, относившемуся к театру военных действий[414]. 26 июня 1915 г. в Архангельске состоялось совещание с участием Д.П. Струкова и местного генерал-губернатора А.М. Валуева. Обсуждались меры по усилению цензуры во всем приморском районе ввиду установления здесь в недалеком будущем международного почтового сообщения. В архангельском порту и вокзале был усилен досмотр багажа и документов всех прибывающих пассажиров, постановлено просматривать всю корреспонденцию, кроме иностранной, которая отправлялась в Петроград[415]. Согласно высочайшему повелению 25 июля 1915 г. Архангельск был изъят из района 6 армии и передан в ведение главноначальствующего Архангельска и района Белого моря. 27 августа была создана Архангельская военно-цензурная комиссия, с которой отныне должны были работать цензоры при Архангельской и Александровской почтово-телеграфных конторах [416].

---

[412] Там же. Д. 108. Л. 103–104.
[413] Там же.
[414] Там же. Д. 218. Л. 25.
[415] Там же. Д. 108. Л. 34–35.
[416] Там же. Л. 69.

ГВЦК и ПВЦК предпринимали шаги к упорядочению работы своих подчиненных. Предполагалось увеличить количество внезапных проверок военно-цензурных пунктов. 27 сентября 1915 г. начальник штаба 6 армии приказал ПВЦК, чтобы все вопросы по военной цензуре рассматривались обязательно в общем собрании членов комиссии, а не решались только председателем, и чтобы в комиссиях велся журнал заседаний с изложением обсуждения вопросов и фиксацией принятых постановлений[417].

9 октября была принята разработанная штабом 6 армии «Временная инструкция старшим военным цензорам». Согласно ей, цензоры должны были подчиняться старшему военному цензору даже в случае если тот был ниже по чину. В местах, где работала цензура печати, старшему военному цензору назначался помощник. Старший цензор получал руководящие указания из штаба армии и обязан был немедленно сообщать о них подчиненным, предоставлял отчетность о работе пункта. Если полученная корреспонденция была написана на незнакомом старшему цензору языке, он должен был отправлять ее в ПВЦК, если возникали подозрения в шпионской переписке – в военно-цензурное отделение штаба армии. Конфискованная корреспонденция и «секретные списки» должны были храниться в запертом ящике и раз в три месяца предоставляться в цензурное отделение штаба армии. Старший цензор следил за расписанием и порядком работы подчиненных.

Устанавливалась инструкцией и норма на одного дежурного – 200-300 закрытых писем в день. Для ее выполнения пункт мог привлекать дополнительные кадры, но они должны были работать не менее 3 часов в день. Заграничные письма и телеграммы предписывалось задерживать не менее чем на 1 неделю. Исключения допускались для срочной коммерческой корреспонденции, особенно связанной с военными поставками, но лишь под личной ответственностью старшего цензора и когда исключалась любая возможность переписки шпионского характера. По всем хозяйственным

[417] Там же. Д. 224. Л. 46.

вопросам старший цензор должен был обращаться в штаб округа, туда же надлежало отправлять ежемесячно требовательные ведомости на денежное довольствие, не позднее 10 дней до срока уплаты[418].

В течение 1915 г. критика в адрес военной цензуры прежде всего касалась организационной неразберихи, которая лишь усилилась после «великого отступления». М.К. Лемке писал в дневнике 23 октября 1915 г.: «Сегодня наше продолжавшееся совещание было посвящено вопросу о военной цензуре на театре военных действий. Здесь хаос и неурядица прямо потрясающи! <…> Губернаторы, начальник Главного управления по делам печати и многие другие предписывают военным цензорам всякие стеснения, ежедневно отменяют закон и пр. Начальники цензоров, бывшие у нас, сразу согласились со мной, что гражданские власти явно прячутся за их спину в массе своих беззаконий, и потому вполне одобрили мою мысль организовать при Ставке центральный по управлению военной цензурой орган, который точно проводил бы закон о военной цензуре, но ничего больше, не входя ни в какие политические соображения»[419].

Власти также не видели должной отдачи от разраставшегося цензурного механизма. Он требовал много ресурсов, но едва просматривал и десятую часть писем и телеграмм, множество проблем возникало в цензуре печати, театра, кинематографа. К осени 1915 г. правительство и Ставка сходились во мнении, что за счет увеличения кадрового состава и выделения дополнительных средств вполне возможно просматривать по крайней мере всю международную корреспонденцию, эффективно контролировать газеты и журналы. Однако для этого нужно было повысить эффективность военно-цензурных органов, и в этом смысле доверие к их руководству за полтора года войны было изрядно подорвано.

К концу 1915 г. ощутимо ослабели позиции Д.П. Струкова как председателя ПВЦК. Лишь в декабре комиссия, по поручению штаба 6 армии,

---

[418] Там же. Л. 53–54.
[419] *Лемке М. К.* Указ. соч. С. 175.

возобновила регулярные еженедельные заседания, на которых обсуждались пути улучшения работы цензуры. На заседаниях 5, 12 и 19 декабря Струков предложил переработать все служебные инструкции, установить «особый инспекторский орган», необходимый ввиду «обильного увеличения количества военных цензоров и переводчиц»[420]. Однако эти заседания ПВЦК стали последними под его председательством: 14 января 1916 г. он был уволен и в тот же день написал прощальное письмо сотрудникам военной цензуры[421]. Перемены в ПВЦК не остались без внимания столичных газет. К примеру, «Голос Руси» и «Свет» опубликовали одинаковые короткие заметки по этому поводу: «Д.П. Струков пользовался всеобщими симпатиями в журнальных кругах и уход его вызывает искреннее сожаление. На посту председателя военно-цензурной комиссии Д.П. Струков проявил себя несомненным другом печати»[422].

Одновременно с увольнением Струкова штаб главнокомандующего Северным фронтом поручил выработать меры по реорганизации постановки военной цензуры в Петрограде и Петроградском военном округе. Руководящую роль в этом процессе получил новый временно исполнявший должность председателя ПВЦК генерал-майор М.А. Адабаш. Во время мобилизации 1914 г. он был назначен начальником бригады ополчения, но не смог отправиться к месту назначения, так как комиссия врачей при Николаевском военном госпитале признала его, по болезни сердца, подлежащим совершенному освобождению от военной службы [423] . В столичную цензуру Адабаш пришел в ноябре 1914 г. по рекомендации Струкова[424]. В ноябре 1915 г. он руководил цензурованием военных обзоров

---

[420] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1198. Л. 2.
[421] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 44. Л. 97.
[422] Там же. Д. 306. Л. 66.
[423] Там же. Д. 49. Л. 356.
[424] Там же. Л. 362.

в петроградских газетах, смотрел все технические издания и «сумел находить время для работы по борьбе с германским шпионажем»[425].

15 января 1916 г. Адабаш созвал из военных цензоров при ПКДП особую комиссию, которая должна была проверить, как велось делопроизводство в предыдущие полтора года. Выяснилось, что ПВЦК не собиралась с 9 августа 1914 г. по 5 декабря 1915 г., из чего был сделан вывод, что Д.П. Струков «по преимуществу действовал единолично, так как первые два заседания комиссии в 1914 г. были до вступления его в должность председателя». Некоторым чинам ПВЦК «не был указан круг их обязанностей и инструкций не было выработано вовсе». Струков, как оказалось, время от времени запрашивал справки и документы из дел и не возвращал обратно, «в канцелярии не было заведено никаких руководящих законоположений, секретные бумаги подшивались к общим делам». С приходом нового руководства секретные дела были выведены в особую опись и алфавит, хранились под замком, а секретная переписка находилась в одном деле и бумаги к нему подшивались только в присутствии делопроизводителя ПВЦК[426].

Во время проверки вскрылись факты задержки суточных выплат цензорам в августе-октябре 1915 г., вызванные общим беспорядком денежной части: не было ответственного лица, денежной книги, должного хранения и учета казенных сумм. Не держались в порядке и документы. Так, бордеро частных страховых обществ несколько месяцев «лежали на полу». Особая комиссия «удостоверилась, что ныне действующий временный штат военно-цензурной комиссии и отпускаемые на канцелярские расходы суммы совершенно не отвечают ни особой сложности, ни большому объему дела. <...> Председатель, делопроизводитель, секретарь и два писаря совершенно не в состоянии вести дело, даже при условии прикомандирования, как теперь, значительного количества военных цензоров, так как все они исполняют

---

[425] Там же. Д. 304. Л. 143.
[426] Там же. Д. 776. Л. 16–22об.

лишь отдельные поручения, большая же часть работы ложится совершенно непосильным бременем на председателя и прочих двух штатных чинов». В делах ПВЦК было найдено много черновиков, написанных Струковым, что отвлекало его от «надлежащего руководства комиссиею»[427].

На заседании 22 января М.А. Адабаш заявил, что бывший председатель лично распоряжался о приеме на работу переводчиц, при этом «о благонадежности их далеко не всегда делались запросы», и они могли оказаться не теми, за кого выдавали себя по документам. Решено было «безотлагательно проверить документы военных цензоров и переводчиц», обязав их предоставить свои фотокарточки для личных дел[428].

После окончания работы особой комиссии штаб Северного фронта начал подыскивать кандидатов на пост председателя ПВЦК. В январе 1916 г. главнокомандующий А.Н. Куропаткин предложил эту должность генерал-лейтенанту П.П. Любомирову, до того руководившему эвакуацией Риги. Начальник штаба фронта М.Д. Бонч-Бруевич предупредил его, что дела ПВЦК «в огромном беспорядке, при полном отсутствии организации»[429].

В рапорте начальнику штаба Петроградского военного округа от 12 апреля 1916 г. Любомиров отмечал, что военная цензура нуждалась в особом положении с достаточными штатами и финансированием. Вступив в должность 4 февраля, он сообщал в штаб округа о «невозможном состоянии и условиях службы» . За насколько дней он «увидел, что такое положение вещей сильно расстраивает службу почты и телеграфа столицы, [а] в смысле военном для обороны приносит сомнительную пользу». После двух месяцев «тяжелого труда от 10 до 12 час[ов] в сутки» генерал «почти не получил никакой ни нравственной, ни материальной поддержки со стороны высшего начальства», коим было утверждено только увеличение штата канцелярии, но

---

[427] Там же.
[428] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1198. Л. 22. О недостаточной проверке кандидатов в июне 1916 г. сообщал Адабашу и начальник штаба Петроградского военного округа (РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 311. Л. 71).
[429] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 393. Л. 3.

с основным составом цензоров были большие проблемы. Ежедневно председатель комиссии получал «разные распоряжения об откомандировании в строй здоровых офицеров, которые уже много месяцев проработали в комиссии и освоились с делом». Взамен, как правило, он получал «больных или калек, неспособных к тяжелому труду в канцелярии и совершенно неопытных в этой работе». Хронические трудности доставляло недофинансирование, усугублявшееся быстрым ростом цен. К примеру, на канцелярию отпускалось 30 руб. в месяц, а пишущая машинка стоила 525 руб. С большим трудом на эти цели удалось получить из «экстраординарных сумм» 2 тыс. руб.[430]

Однако главные претензии Любомирова касались самой сути цензурной работы, не получившей, по его мнению, должной оценки ни со стороны общества, ни со стороны власти. В рапорте 12 апреля он писал: «Я вношу своей цензурой огромный развал на почте и телеграфе и служу скорее на пользу нашим врагам. <...> Я имею в составе старых генералов или чиновников и неопытных переводчиц, в большинстве – без должного сознания служебного долга. Есть и хорошие работники, но их очень мало и не хватает даже на самые ответственные места». Генерал отмечал «упреки со стороны армии и публики из-за задержек почты, замечания от начальства и упреки, с изощрениями якобы даже в остроумии» с думской трибуны. После ухода с должности начальника дивизии материальное положение Любомирова, по его признанию, заметно ухудшилось, при том что работа в цензуре была несравненно тяжелее, а жизнь в Петрограде в целом дороже. Он считал, что столичная цензура не оправдывала тратившихся на нее денег (около 200 тыс. одних только суточных цензорам и переводчицам) и служила «скорее во вред государству своим неустройством». В связи с этим он просил отставку, которая была принята[431].

---

[430] Там же. Л. 3–6.
[431] Там же. Л. 6.

В марте 1916 г. председателем ПВЦК был назначен М.А. Адабаш. Первыми его шагами на новом посту стала переработка руководящих документов и служебных инструкций. К 1 марта 1916 г. было завершено составление инструкций цензорам на Главпочтамте и Главном телеграфе[432]. Важным документом стали «Правила составления меморандумов», законченные к июню 1916 г. и призванные упорядочить вынесение решений по задержке почтовых отправлений. Согласно им, цензор, решив задержать письмо, передавал его со своим меморандумом руководителю отделения для окончательного решения. Меморандумы писались на четверти листа, «чернилами, ясно и возможно подробно», с указанием места отправления и назначения, причины задержания, фамилии составителя меморандума и руководителя отделения[433].

Остро стоял вопрос оплаты труда. Цензоры в Петрограде, например, часто жаловались на задержку выплат и надбавок, иногда – на месяц и более[434]. За декабрь не было выплачено 8235 руб.[435] В условиях дороговизны предусмотренные «Временным положением» 3 руб. в сутки не удовлетворяли «даже самым скромным требованиям» [436]. Дестабилизирующим фактором служила разница в жаловании между дежурными цензорами, которая зачастую была вызвана формальными различиями между работниками, а не их реальным вкладом и трудозатратам. Работавшие в цензуре отставные чины считались состоящими по вольному найму и помимо суточных получали только пенсию. В то же время призванные на действительную службу из ополчения, но оставленные работать в цензуре, получали сверх суточных жалованье и квартирные

---

[432] Там же. Д. 390. Л. 1.
[433] Там же. Д. 437. Л. 9.
[434] Там же. Д. 385. Л. 326, 335.
[435] Там же.
[436] Там же. Д. 393. Л. 7–10.

деньги по чину, а состоящие в добровольном ополчении – пенсию и квартирные деньги[437].

М.А. Адабаш пытался уравнять в правах столичных цензоров, а также выпрашивал повышение им жалования. Предполагалось установить председателю содержание в 10 руб., двум его помощникам и 14 делопроизводителям – по 6, секретарю – 5, цензорам-женщинам, заведовавшим отделениями – по 5, их помощницам – 4[438]. На заседании ПВЦК 22 октября 1916 г. Адабаш предложил назначить себе 15 руб. из-за постоянных разъездов по Петрограду и провинциальным пунктам[439]. 14 октября комиссия постановила увеличить на 1-2 руб. суточное вознаграждение дежурных цензоров. 5 руб. получали цензоры, работавшие с «секретными списками» и заказной корреспонденцией, а также служившие в транзитном, международном и контрольном отделах. Старшие военные цензоры получали 10 руб., их помощники – 8, делопроизводители – 7[440]. Однако по тем временам это также был сравнительно скромный заработок.

Важной задачей М.А. Адабаш считал облегчение труда самой военно-цензурной комиссии. Председатель должен был, по его мнению, иметь двух помощников, одного следовало назначить делопроизводителем, что, правда, противоречило «Временному положению», по которому он сам должен был исполнять эти обязанности. Адабаш предложил совершенно освободить от цензорской работы членов ПВЦК, так как они являлись «лишь связующим элементом между комиссией и своим министерством». С октября они получали те же суточные, что и старшие военные цензоры. При этом значительно увеличивалась частота заседаний комиссии (2-3 раза в неделю). Заведующий химическим кабинетом с октября получал 6 руб., два его помощника – по 5 руб. Тогда же комиссия приняла предложение Адабаша об

---

[437] Там же. Д. 465. Л. 14–16.
[438] Там же. Д. 311. Л. 63, 85.
[439] Там же. Д. 333. Л. 358.
[440] Там же. Л. 155.

увеличении числа чинов МВД в комиссии до четырех за счет введения в состав представителей Главпочтамта и Главного телеграфа[441].

Изменился и порядок заседаний комиссии. Журналы второй половины 1915 г. были заполнены сообщениями о пропусках и ошибках цензоров, в том числе и о неправомерных вычеркиваниях материалов. С весны 1916 г. эта многословность уменьшилась, обсуждения тех или иных спорных вопросов были выведены на ежедневные совещания военных цензоров в подразделениях[442].

Проектировавшееся увеличение штатов предполагалось согласовывать с подразделениями и их руководителями. Циркуляр председателя ПВЦК от 30 января 1917 г. предписывал старшим цензорам направлять сравнительные таблицы с данными о численности личного состава и желаемых изменениях. К примеру, в инспекторском отделе наблюдения за заведениями тиснения, книжной торговлей и библиотеками в Петрограде к 1 января 1917 г. было 6 цензоров, а по проекту предполагалось 27. Жалование должно было возрасти с 3 до 6-10 руб. (10 – старшему инспектору, по 6 – инспекторам типографий). Кроме того, предполагалось добавить пятерых инспекторов по делам фотографий (жалование – 6 руб. в сутки)[443]. На 19 цензоров по проекту должен был увеличиться отдел почтовой, транзитной и телеграфной международной корреспонденции. Примечательно, что постоянный запрос был не только на новых цензоров, но и на различный обслуживающий персонал[444].

Реорганизация петроградской военной цензуры в 1915–1916 г. осложнялась постоянными внутренними и межведомственными трениями по поводу подчиненности и разделения сфер ответственности. Старший военный цензор на Главном телеграфе К.Е. Кометс жаловался на затруднения в работе, вызванные разным подчинением цензоров и целых подразделений.

---

[441] Там же.
[442] Там же. Д. 21. Л. 289–291.
[443] Там же. Д. 765. Л. 1.
[444] Там же. Л. 13.

В ноябре 1915 г. он докладывал Д.П. Струкову, что канцелярские принадлежности и мебель можно было бы закупать быстрее без постоянного согласования кредитов с ГУПТ[445]. Конфликты «всплыли» и во время работы особой комиссии. На заседании ПВЦК 8 февраля 1916 г. Кометс отметил, что после ухода С.Е. Виссарионова, совмещавшего посты председателя ПКДП и старшего военного цензора, председатель комитета стал рядовым военным цензором, получавшим указания от своего же подчиненного. Старший цензор стал «передаточной инстанцией» между ПВЦК и ПКДП, из-за чего бумаги пересылались из комнаты в комнату под записи в канцелярских книгах, что сильно замедляло процессы. Комиссия пошла на очередное дробление функций, назначив в ПКДП сразу двух старших цензоров – военного и гражданского чина[446], что не придало цензурной структуре стройности и не исключило подобные конфликты в дальнейшем.

В 1915-1916 гг. так и не были до конца урегулированы отношения между ПВЦК и военно-цензурным отделением штаба Петроградского военного округа. За полгода работы на посту председателя комиссии у М.А. Адабаша накопилось немало претензий к ВЦО. 10 сентября 1916 г. в докладе новому генерал-квартирмейстеру штаба Северного фронта В.Г. Болдыреву[447] он заявил, что отделение «ставит себя в положение начальства, контролирующего и наблюдающего..., чем создаются излишняя переписка, задержки и ненужные трения». ВЦО «засыпает комиссию массой мелких, совершенно несущественных запросов по поводу личного состава и... делает распоряжения о назначении военных цензоров помимо председателя комиссии». Особенное раздражение Адабаша вызывали задержки с рассмотрением кандидатур цензоров, иногда – до 3,5 месяцев, одним из последствий чего стали «залежи» в 4 млн. писем, образовавшиеся летом 1916 г. Не было нормального взаимодействия в вопросах выделения денег на

---

[445] Там же. Д. 224. Л. 78–81.
[446] Там же. Д. 333. Л. 38об.
[447] Назначен на эту должность 8 сентября 1916 г., сменив Н.Э. Бредова.

канцелярские нужды, реквизиции помещений для расширявшегося состава цензуры, оборудования химического кабинета. Попутно критике подверглось и ГУПТ, которое «скрывает от военной цензуры такие почтовые отправления, досмотр которых настоятельно необходим в целях борьбы с шпионажем». Адабаш в связи с этим просил переподчинить ПВЦК штабу Северного фронта с предоставлением ей более широких полномочий[448].

В качестве оснований для такого расширения полномочий ПВЦК предъявляло результаты служебных проверок почтово-телеграфной цензуры, периодически проводившиеся в 1916 г. Так, в октябре был вскрыт один из мешков с корреспонденцией. Проставленные на письмах из него цензорские штампы отличались формой и надписями, что затрудняло контроль правильности просмотра и прохождения корреспонденции. Часть писем была пропущена вообще без штампов[449]. В другом мешке из Москвы практически все письма не были вскрыты [450] . Доставка писем с Главпочтамта шла неаккуратно: утром обычно только к 10 часам, а цензоры являлись в 9 и целый час сидели без работы[451].

В ноябре 1916 г. Совет министров по ходатайству МВД увеличил финансирование ПВЦК[452]. В том же месяце М.А. Адабаш предпринял новую попытку усилить позиции комиссии. В докладной записке в штаб Петроградского военного округа от 23 ноября он констатировал, что деятельность столичной цензуры не отвечает предъявляемым к ней требованиям в силу того, что ПВЦК «не имеет ни власти, ни целесообразной организации, ни средств, а председатель ее лишен всякой самостоятельности и поэтому не может выполнять руководящую роль». Он предлагал установить единоначалие над всеми военно-цензурными установлениями

---

[448] РГВИА. Ф. 13836. оп. 1. Д. 393. Л. 11–15.
[449] Там же. Д. 590. Л. 142.
[450] Там же. Л. 149.
[451] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 101. Л. 10.
[452] Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1917 год . М., 2009. С. 217.

столицы [453] . Это прошение отражало затяжные трения и конфликты, периодически разгоравшиеся между ПВЦК, ГУДП и ГУПТ по поводу подчинения цензоров, оплаты их труда, бытовых и хозяйственных вопросов. Однако изменить эту сложную конструкцию «двойного подчинения» на деле было непросто, так как могло обострить и без того непростые отношения военной и гражданской власти.

Инициативу в реформировании столичной цензуры проявлял и штаб Северного фронта. В ноябре 1916 г. помощник генерал-квартирмейстера фронта полковник С.Г. Лукирский направил В.Г. Болдыреву «Записку к проекту штатов Петроградских и Финляндских военно-цензурных установлений». К тому моменту в столице выходило 39 газет и 490 журналов, через нее проходило 1,6 млн. почтовых отправлений, 50 тыс. телеграмм, 20 тыс. посылок, 1,7 млн. писем военнопленных. В Финляндии выходило 122 газеты и 362 журнала. Лукирский отмечал, что включение лишь части территории Петроградского военного округа в зону театра военных действий привело к «крайне нежелательному наслоению здесь органов, заведующих делом военной цензуры». Он предлагал сохранить сложившуюся в столице цензурную структуру, но развить ее, привести к тем масштабам, которые перед ней стоят. Прежде всего, председатель ПВЦК должен принимать решения самостоятельно и напрямую сноситься со Ставкой, товарищами министров, начальниками главных управлений военного министерства. ПВЦК – совещательный орган, куда входят «особо компетентные представители» тех же министерств. Как и М.А. Адабаш, он предложил увеличить число представителей МВД до четырех (за счет членов комиссии от Главпочтамта и Главного телеграфа отдельно). Выдвинута также идея создания в структуре ПВЦК архивно-статистического бюро, необходимого для обработки добытых в ходе военно-цензурного досмотра сведений, «получающих важное значение для правительствующей власти или как исторический материал особого интереса». Сюда входили, например, данные

[453] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 158. Л. 18, 19.

о настроении различных слоев общества, о нуждах населения, о пропаганде, зловредной и преступной деятельности[454].

Для улучшения условий работы цензоров Лукирский предложил создать административно-хозяйственный совет, призванный разрабатывать и утверждать правила внутреннего распорядка, распределять нагрузку по отделам, регулировать денежное вознаграждение, составлять сметы хозяйственных и канцелярских расходов. Необходимо было исключить совместительство работы, военная цензура «не должна носить побочный характер и быть как бы приватной и доброхотной, а должна приравниваться к службе определенной и государственной, вызванной и обусловленной обстоятельствами военного времени».

Чинов цензуры Лукирский предлагал разделить на старших и младших. Старшие – председатель и члены комиссии, заведующие отделениями и отделами, их помощники. Младшие – непосредственные исполнители работ по военной цензуре. Начальники «крупных» цензурных пунктов должны были получать 10 руб. суточных, столько же – заведующий химической лабораторией. 7 руб. получали начальники «средних» военно-цензурных пунктов, старшие цензоры в отделениях столичной цензуры, лаборанты и фотографы, а также цензоры, знавшие несколько иностранных или инородческих языков. 5 руб. получали начальники «малых» пунктов, а также цензоры, владевшие одним иностранным или инородческим языком, руководители групп цензоров в «крупных» пунктах и отделениях столичной цензуры. Плата остальных цензоров, согласно проекту Лукирского, оставалась неизменной – 3 руб. в сутки[455]. Похожая схема (чем больше цензор знал языков, тем больше получал жалование) предлагалась и в Финляндии.

Идеи, предложенные Лукирским, легли в основу проекта, который главнокомандующий Северным фронтом генерал Н.В. Рузский направил 9

---

[454] Там же. Д. 393. Л. 19–26.
[455] Там же.

ноября 1916 г. в Ставку на имя М.В. Алексеева. Дежурный генерал при верховном главнокомандующем П.К. Кондзеровский 25 ноября направил генерал-квартирмейстеру М.С. Пустовойтенко отзыв. По его мнению, проект противоречил «Временному положению», так как наделял ПВЦК полномочиями, выходящими далеко за рамки «местной» комиссии. Содержание председателя ПВЦК выходило «значительно выше» содержания председателя ГВЦК, что противоречило закону и самой логике организации цензуры. Излишним признано сохранение пенсий за отставными военными чинами, так как это несправедливо будет по отношению к другим, лишенным этих пенсий по возвращении на службу. Критику Кондзеровского вызвало и выделение для комиссии двух автомобилей[456].

В письме генералу М.А. Беляеву от 18 января 1917 г. помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего В.Н. Клембовский также подверг проект критике, отметив, что в силу исключительного положения Петрограда вопросы организации столичной цензуры должны решаться в Совете министров. Согласно ст. 14 «Временного положения», начальник штаба верховного главнокомандующего не имел права вносить изменения в штаты военно-цензурных учреждений за счет чинов других ведомств без их согласия. Клембовский также указал на предполагавшийся «почти тождественный» состав ПВЦК и ГВЦК, что противоречило субординации. Проект предполагал включение в ПВЦК представителя судебного ведомства, что прямо запрещалось ст. 18 «Временного положения». При этом Клембовский понимал, что рассмотрение проекта в «обычном законодательном порядке» займет много времени и предложил провести проект по 87-й статье Основных законов, в обход Думы[457].

На все возражения Н.В. Рузский ответил письмом от 23 января 1917 г. на имя М.В. Алексеева. Генерал вновь подчеркнул, что петроградская цензура исключительна по своим масштабам и важности, а ее состав «совершенно не

---

[456] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 762. Л. 3–4об.
[457] Там же. Л. 402–403об.

соответствует тем исключительным условиям, при которых выполняется дело военной цензуры в столице и Финляндии». Вознаграждение за этот труд «ничтожно», между тем «спрос на интеллигентный труд вообще громадный, и становится положительно невозможным удержать несущих службу в цензурных учреждениях от ухода… в другие, в коих труд оплачивается значительно лучше». Рузский был уверен, что его проект не противоречит «Временному положению», а вносимые изменения вызваны «насущнейшею и неотложною потребностью» [458]. Те же доводы были приведены в телеграмме в Ставку от 10 февраля [459]. В тот же день начальник штаба Северного фронта генерал Ю.Н. Данилов в письме начальнику военной охраны Петрограда М.И. Занкевичу отмечал появление за 2 года войны огромного числа разнообразных инструкций цензорам и предлагал издать общий сборник[460].

Тем не менее проект Рузского не вышел за пределы штабной переписки и делопроизводства Совета министров. 6 февраля 1917 г. Петроградский военный округ был выделен из состава Северного фронта, в связи с чем С.С. Хабалов получил самостоятельность в военно-цензурных вопросах[461]. ПВЦК и до того действовала во многом независимо, а в новой конфигурации ее рекомендации по военно-цензурным вопросам выходили далеко за пределы Петрограда. Ставка на это смотрела с явным раздражением. Не случайно 28 февраля генерал-квартирмейстер при верховном главнокомандующем А.С. Лукомский сообщал в штаб Петроградского военного округа, что в последние месяцы участились случаи отдачи распоряжений по военной цензуре ГУГШ или председателя ПВЦК непосредственно начальнику штаба Минского военного округа или начальнику штаба армий Западного фронта, без уведомления об этом Ставки. Лукомский просил пресечь эту практику и

---

[458] Там же. Л. 404, 404об.
[459] Там же. Л. 419.
[460] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 97. Л. 24.
[461] *Куликов С.В.* Военная цензура. С. 385.

обращаться к ней только в случае крайней необходимости[462]. Переписку по вопросу о подчинении петроградской цензуры на время прервала Февральская революция.

1.5. Кадровый состав военно-цензурных органов

Статьи 20 и 21 «Временного положения о военной цензуре» предполагали привлечение к цензорской работе в первую очередь «должностных лиц, наблюдающих за печатью» и почтово-телеграфных чиновников. В «необходимых случаях» цензорами могли быть офицеры действительной службы, чины военного и других ведомств, кроме судебного [463] . Следовательно, на практике цензурой мог заниматься фактически любой человек, и так как формальных критериев отбора не было дано, подходящих кандидатов определяли руководители местных цензурных установлений. При выборе они зачастую исходили из собственных представлений о необходимом количестве и личных качествах сотрудников. Тем не менее за годы войны сформировались общие правила приема в цензуру, зафиксированные в распоряжениях, приказах и негласных рекомендациях.

Численность военной цензуры быстро росла с первых дней войны как в столице, так и в провинции. К 24 июля 1914 г. в Петрограде было 20 цензоров[464], к 16 августа – 89[465], а к началу сентября – уже 123[466]. В основном это были гражданские чины [467] . Исключение составляла военно-морская цензура: в октябре 1914 г. в Петрограде работало 10 морских цензоров, в декабре – 12, и все они были действующими офицерами[468].

---

[462] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 97. Л. 54.
[463] Временное положение о военной цензуре. С. 9–10.
[464] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 6. Л. 50.
[465] Там же. Л. 302.
[466] Там же. Л. 315–317.
[467] Там же. Д. 12. Л. 34, 36.
[468] Там же. Д. 19. Л. 86; Д. 72. Л. 38.

Среди поступивших в цензуру в июле-сентябре 1914 г. были представители дворянских родов (Лорис-Меликовых, Остен-Сакенов и др.[469]), а также старшие офицеры. Генерал-квартирмейстер штаба 6 армии Б.П. Баженов писал Д.П. Струкову в сентябре 1914 г., что генералов, желавших работать в цензуре, «очень много»[470]. В большинстве своем они были уже отставными, как, например, генерал-лейтенант А.Н. Елагин, генерал-майор князь А.Н. Трубецкой, генерал-майор Л.Х. Грейфман[471]. Некоторые видели в цензорской работе свой вклад в общее дело, как отставной подполковник М.В. Ливенсон, желавший «в настоящий момент быть по мере сил полезным родине» и поработать в цензуре до получения листка явки по ополчению[472]. В течение войны цензура была очевидным и доступным вариантом для русских чиновников, уехавших из вражеских государств и эвакуировавшихся из западных губерний в крупные тыловые города. Так, в цензуру при Финляндском вокзале поступил 51-летний бывший секретарь консульства в Праге, который до апреля 1915 г. находился в австрийском плену[473]. После эвакуации Рижской ВЦК ее сотрудники работали в Москве, Петрограде, Петрозаводске и других городах[474]. К примеру, Б.А. Петкович в августе был переведен в столичную цензуру иностранных газет и журналов, ввиду призыва нескольких цензоров в армию[475].

При отборе кандидатов военно-цензурные комиссии исходили в первую очередь из их уровня образования и знания иностранных языков. Не всегда, однако, даже эти минимальные критерии имели значение, особенно в начале войны. В этот период соискатели часто пытались таким образом остаться в Петрограде. Прямо об этом в ходатайстве написал, например, князь П.Л.

---

[469] Там же. Д. 49. Л. 11, 36.
[470] Там же. Д. 12. Л. 88.
[471] Там же. Д. 19. Л. 1, 29, 31, 36.
[472] Там же. Л. 83.
[473] Там же. Д. 752. Л. 45.
[474] РГВИА. Ф. 13849. Оп. 1. Д. 4. Л. 544; Д. 5. Л. 24.
[475] РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 284. Л. 1–3.

Урусов[476]. Товарищ прокурора Петербургского окружного суда Н.С. Бехтеев призван был как прапорщик запаса, но хотел устроиться в цензуру[477]. Прапорщик артиллерии И.Х. Завриев, присяжный поверенный Петербургской судебной палаты, был призван 18 июля 1914 г., но до назначения пытался получить должность цензора, в чем и преуспел[478].

Кадровую основу цензуры вне крупных городов составляли местные гражданские чиновники, представители полиции и жандармерии. В первые дни войны назначения цензоров зависели, как правило, от командования военных округов и местных губернаторов. В прифронтовых губерниях инициатива была чаще у военных властей, фактически взявших на себя кадровые назначения и перемещения почтово-телеграфных чиновников, представителей установлений по делам печати и типографий. Однако и в этих регионах мнение губернаторов и гражданской администрации было важно, так как они зачастую знали кандидатов на должность цензоров еще по их довоенной работе. Двух таких претендентов губернатор Эстляндской губернии И.В. Коростовец описывал генералу П.Г. Курлову в мае 1915 г. По его мнению, чиновники Андрексон и Лутум не достойны должности цензора, «принимая во внимание невысокий уровень умственного кругозора... и отсутствие у них, вследствие некультурности... сколько-нибудь серьезного понимания задач военной цензуры». Тем не менее, начальник Рижского почтово-телеграфного округа назначил их цензорами при Вейсенштейнской и Тапской почтово-телеграфных конторах. Проработали они там, правда, недолго и были уволены в том же месяце[479].

Одним из главных условий поступления в цензуру было поручительство за кандидата, желательно – от какого-либо известного лица или крупного чиновника. В первые недели войны ходатайства были частью помощи кандидатам, желавшим с помощью работы в цензуре остаться в столице.

---

[476] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 6. Л. 223.
[477] Там же. Л. 188.
[478] Там же. Л. 362.
[479] РГВИА. Ф. 13849. Оп. 1. Д. 5. Л. 15, 16, 28.

Одобрить ту или иную кандидатуру просили, например, и.д. генерал-квартирмейстера ГУГШ Н.А. Монкевиц, генерал-лейтенант В.К. Витковский, генерал-майор А.В. Воейков (просил за своего дядю, ротмистра в отставке В.В. Воейкова), генерал А.А. Мосолов, будущий военный министр А.А. Поливанов, член Государственного совета А.Ф. Трепов[480]. Большое желание служить в петроградской цензуре проявил прапорщик ополчения А. Дорлиак, неоднократно просивший о переводе в цензуру и готовый для этого представить рекомендацию великого князя Андрея Владимировича[481]. Граф В.В. Келлер приложил к ходатайству рекомендацию В.Ф. Джунковского, благодаря чему стал цензором на Главпочтамте[482]. За брата своего погибшего на войне сослуживца, А. фон Боммера, ходатайствовал через адъютанта великий князь Михаил Александрович. Фон Боммер знал несколько иностранных языков, но был глуховат, и из-за этого его направили в нестроевую часть, откуда затем по протекции он и попал в столичную цензуру[483].

Во многих случаях причиной поручительства были семейные обстоятельства кандидата, его важные в тылу профессиональные навыки. Председатель правления Русского для внешней торговли банка просил начальника мобилизационного отдела ГУГШ С.К. Добровольского назначить заведующего товарным отделом К.И. Лансдорфа в «одно из военных учреждений Санкт-Петербурга», чтобы избежать призыва, который нанес бы банку значительный ущерб[484]. Капитан в отставке Г.Д. Ермолинский с началом войны был зачислен в ратники ополчения, но по протекции был пристроен в цензуру из-за оставшейся в Петрограде больной матери[485]. В частной переписке и дневниках некоторые кандидаты откровенно

---

[480] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 6. Л. 169, 253, 294, 343; Д. 49. Л. 6; Д. 72. Л. 94.
[481] Там же. Д. 6. Л. 218, 245. В итоге Дорлиаку удалось устроиться цензором на Главпочтамте.
[482] Там же. Д. 19. Л. 2.
[483] Там же. Д. 224. Л. 135.
[484] Там же. Д. 6. Л. 317, 318.
[485] Там же. Л. 184.

признавались, что хотели остаться в тылу, так как не испытывали никакого патриотизма, к тому же в случае их гибели семья оставалась без кормильца[486].

Офицер действительной службы на цензорской работе редко встречался и в столице, в провинции же таких кадров почти не было. За исключением Владивостока, где военным цензором в 1915 г. был назначен местный инспектор по делам печати Н.В. Дюфур, в других дальневосточных городах за печатью наблюдали начальники полиции: в Благовещенске – вице-губернатор Е.Ф. фон Бодунген, в Хабаровске – делопроизводитель губернской канцелярии В.И. Лавров[487]. Телеграммы на японском и китайском языках просматривали помощник инспектора по делам печати Занковский, в его отсутствие – профессор Восточного института Е.Г. Спальвин[488]. В Финляндии штабом 6 армии была выработана особая форма для проверки потенциальных работников военной цензуры и выявления тех, кто был женат или замужем за иностранным подданным, учился в Германии или проживал там долгое время. Образование требовалось не ниже среднего[489].

Прошения о зачислении в цензуру подавались по примерно схожей для всех форме: рапорт, справка о службе и карьере, знании иностранных языков и опыте работы, желательно – в цензурных органах. Последний пункт почти не встречается, редкий пример – статский советник А.П. Пассек, служивший до войны в цензуре иностранной (Д.П. Струков считал его назначение «крайне желательным»[490]). Несколько заявителей работали в цензуре в годы Русско-японской войны[491]. Отставной прапорщик А.Ф. Кирхлер упомянул в ходатайстве свое знакомство с иностранной деловой корреспонденцией, так

---

[486] См., напр.: *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию. М., 2015. С. 150–151.
[487] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 488. Л. 31.
[488] Там же. Л. 48.
[489] *Алферова И.В*. Военно-цензурные практики в годы Первой мировой войны... С. 10.
[490] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 19. Л. 25, 26.
[491] Там же. Д. 6. Л. 246, 248, 282.

как работал на Санкт-Петербургской бирже. В результате он был назначен цензором на Главпочтамт[492].

К 28 сентября 1914 г. о зачислении в столичную военную цензуру ходатайствовали 13 человек (среди них – член Госсовета граф О.Л. Медем), все знали как минимум два языка[493]. В июле 1914 г. в петроградской цензуре начал работать А.Г. Лубенцов, бывший вице-губернатор Енисейской губернии, владевший немецким, польским, французским и английским[494]. Бывший таврический вице-губернатор Н.П. Стремоухов приложил к ходатайству список из 20 языков, которые он знал в той или иной степени (включая несколько восточных), и в результате был назначен цензором на Главпочтамте[495]. Тем не менее, многие вакансии не закрывались подолгу. К примеру, в апреле 1916 г. даже в Петрограде не имелось переводчика с венгерского языка[496].

Составлялись списки из тех, кого «признается желательным назначить», но можно было пригласить на работу позже, в случае надобности[497]. В приоритете были знавшие редкие иностранные и инородческие языки. Подходящие для цензора навыки были, например, у прапорщика запаса В.Г. Семирадского. Ходатайствовавший за него ректор Александровского лицея В.А. Шильдер отмечал, что Семирадский – единственный сын «знаменитого нашего художника» Г.И. Семирадского (1843–1902), по окончании лицея в 1907 г. служил в Измайловском полку, но никогда призвался на сборы, потому «судите сами, что он как офицер знает». Особо подчеркивалось знание Семирадским в совершенстве шести языков. Однако начальник Петроградского военного округа Н.П. фон Ашенберг отказал в прошении, сославшись на распоряжение великого князя Николая Николаевича «не

---

[492] Там же. Л. 198, 216, 218.
[493] Там же. Д. 19. Л. 295–296; Д. 49. Л. 42.
[494] Там же. Д. 6. Л. 56.
[495] Там же. Д. 19. Л. 118, 120.
[496] Там же. Д. 255. Л. 563.
[497] Там же. Д. 19. Л. 53.

отвлекать молодых офицеров от строевой службы»[498]. Отказ получил и поручик 341-й дружины ополчения Ковалевский. Причиной Ашенберг назвал распоряжение об отчислении офицерских чинов, занимавших нестроевые должности, в дружины ополчения, где офицеров не хватало[499].

Командование военных округов постоянно интересовалось, кто ходатайствует за того или иного кандидата, опасаясь проникновения шпионов в госучреждения[500]. К примеру, в октябре 1914 г. в ГУГШ попали «весьма неблагоприятные сведения» о военном цензоре при ПКДП, отставном генерале Л.Х. Грейфмане. Он был замечен в сношениях с «лицами, основательно заподозренными в шпионстве, а кроме того, он издавна отличается крайним русофобством»[501]. 29 октября 1914 г. Н.А. Монкевиц сообщал Д.П. Струкову, что, по негласным сведениям ГУГШ, в военной цензуре работали скрытые германофилы. Приводились примеры, когда некоторые цензоры удаляли заметки с описанием немецких зверств. В одном случае в фразе «подлецы немцы» первое слово было зачеркнуто. Монкевиц просил принять меры, так как это «вызывает понятное раздражение в обществе и в печати»[502].

В приеме в цензуру отказывали также немцам и евреям. 1 октября 1914 г. член военного совета И.М. Поволоцкий просил назначить цензором некого Г.В. Ландау. Однако Д.П. Струков отказал, так как тот скоро долен был быть призван нижним чином и «по состоянию его в иудейской религии»[503]. Тем не менее, и здесь встречались исключения. К примеру, на Главном телеграфе служил прапорщик М.Э. фон Вульф – прибалтийский немец, цензор газетных телеграмм[504]. Другой причиной участившихся отказов стал слишком быстрый рост личного состава цензуры. 19 декабря 1914 г. Струков отметил

---

[498] Там же. Л. 153–156.
[499] Там же. Л. 285.
[500] Там же. Л. 54.
[501] Там же. Д. 46. Л. 102.
[502] Там же. Л. 124.
[503] Там же. Л. 355, 357.
[504] Там же. Д. 752. Л. 182–193.

«обильное увеличение количества военных цензоров и переводчиц... и возрастающее осложнение деятельности военной цензуры в Петрограде»[505].

В ходе реформ петроградской цензуры в 1915–1916 гг. большое внимание руководство стало уделять экзаменационным испытаниям. На заседании ПВЦК 27 января 1916 г. М.А. Адабаш отметил, что «с начала войны почему-то совершенно неосновательно отнеслись к делу военной цензуры, не с должным вниманием. Теперь же надо отрешиться от столь неправильного взгляда на военную цензуру. Привлекать... надо не тех лиц, кои остались в жизни за флагом, а лучшие силы, с известным уровнем образования и познаниями». Генерал предложил активнее привлекать эвакуированных офицеров и гражданских лиц, знавших языки, благонадежных и действительно желавших работать в цензуре[506].

В августе 1916 г. начальник штаба Петроградского военного округа в письме М.А. Адабашу указывал на большое количество ошибок, что связывал с недостатком инструктирования и «личными качествами» самих цензоров. Он предложил проводить предварительные экзамены для кандидатов[507]. На заседании ПВЦК 17 августа обсуждалась программа и порядок испытаний. Сложности возникли из-за разной специализации и разных требований в подразделениях. Военный цензор при Главном телеграфе генерал-лейтенант И.В. Карпов считал, что ключевым условием должно являться знание иностранных языков. Он напомнил, что к просмотру телеграмм допускались «лишь лица, вполне правильно переводившие и понимавшие текст». После этого цензоры помещались в одну из смен, к опытным цензорам, для ознакомления с инструкциями и ходом работы. Затем ему давали на пробу смотреть телеграммы на других языках. Первое время он работал под наблюдением опытных коллег. Периодически цензорам на телеграфе читались лекции по всем вопросам исполнения цензуры, о

---

[505] Там же. Д. 9. Л. 37об.
[506] Там же. Д. 303. Л. 15–19.
[507] Там же. Д. 469. Л. 1, 2.

технике обмена телеграмм, описывались ошибки и недоразумения, возникавшие обычно в работе[508].

Председатель ПКДП Н.И. Левицкий и цензор генерал-лейтенант Ф.А. Миловзоров докладывали, что военной цензуре печати в силу специфики знание иностранных языков требовалось не всегда, новички в первые 2 недели знакомились прежде всего с особенностями работы с газетами и журналами. Генерал-лейтенант К.В. Шпигель привел в пример кандидатку, которая показала слабое знание заявленного английского, а на экзамены по другим языкам так и не явилась. Он отмечал, что такие испытания могут отпугнуть кандидатов. К тому же для знающих языки работа в цензуре «едва ли явится большим соблазном». М.А. Адабаш согласился оставить этот порядок и не вводить в этой цензуре экзамены. Помимо языков, обсуждалось введение проверки знания основных документов и служебных инструкций. Последние предлагалось не показывать на экзаменах, чтобы их содержание не разглашалось теми, кто не прошел испытания[509].

В результате комиссия постановила, что экзамены должны были сдавать все женщины, а также мужчины со средним образованием и никогда не бывшие на государственной службе. Проверка знания языков должна была происходить в виде прочтения писем и составления подробных меморандумов и обзоров со своими заключениями, как следует поступать с тем или иным письмом или телеграммой. Экзамены проходили по самым разным языкам – от французского и немецкого до латышского и эстонского [510] . Экзаменационная комиссия заседала в ПВЦК под председательством М.А. Адабаша и при участии представителей штаба Петроградского военного округа и старших военных цензоров[511].

Осознав масштаб работы (тысячи выходящих книг, газет и журналов, миллионы писем и телеграмм, в то числе значительная часть – с фронта),

---

[508] Там же. Л. 5.
[509] Там же. Л. 7–11.
[510] Там же. Л. 28, 36, 47.
[511] Там же.

военное командование постоянно увеличивало штаты цензурных учреждений, особенно в крупных центрах полиграфической промышленности и почтово-телеграфного сообщения. Это хорошо видно по статистике столичной цензуры в 1914–1916 гг. Так, к 16 августа 1914 г. на Главном телеграфе работало 38 цензоров[512], а 19 октября 1915 г. – уже 53[513]. Цензура печати также прирастала кадрами каждый месяц. Если в октябре 1915 г. при ПКДП состояло 55 цензоров, то в декабре – 78, а в мае 1916 г. – уже 90[514]. Наиболее заметен был рост на Главпочтамте: 51 цензор в августе 1914 г. и 168 – к концу 1915 г. [515] Постоянная «текучка» кадров и отсутствие полной статистики по ряду подразделений не позволяют дать полной картины, однако известно, что к 10 декабря 1916 г. в ведомости выдачи штампов столичным военным цензорам значилось 2089 фамилий[516]. Учитывая данные, приведенные Д.П. Струковым (около тысячи сотрудников к концу 1915 г.), можно сказать, что эта цифра отражает реальную численность цензоров в Петрограде, выросшую за 1916 г. в два раза.

Несмотря на стремительное расширение кадрового состава, рефреном во всех отчетах цензурного начальства звучали жалобы на недостаток «рядовых» цензоров. 29 июля 1914 г. заместитель директора канцелярии финляндского генерал-губернатора отмечал, что предварительная цензура печати в великом княжестве трудновыполнима. На тот момент в Финляндии выпускалось около 425 газет, «некоторые – в маленьких городишках и заячьих забегах». Так как печать до сих пор вела себя «прилично», а финны «сами боятся помещать неудобные вещи», чиновник предложил пока оставить «карательную» цензуру[517].

---

[512] Там же. Д. 19. Л. 70–73.
[513] Там же. Д. 752. Л. 10–21.
[514] Там же. Д. 415. Л. 127.
[515] Там же. Д. 751. Л. 53–62.
[516] Там же. Д. 307. Л. 159–214.
[517] Там же. Д.5. Л. 21.

Одной из основных причин кадрового дефицита был призыв цензоров-офицеров (например, в качестве переводчиков[518]), который начался уже в сентябре-октябре 1914 г. [519] Цензурное начальство было вынуждено перестраховываться от внезапной потери работника, начав запрашивать у претендентов дополнительные документы. Так, вместе с прошением о приеме на работу необходимо было приложить и заключение о негодности к строевой службе[520]. С уже назначенными офицерами, нижними чинами и даже ратниками ополчения расставались с большой неохотой[521]. 13 октября 1915 г. Д.П. Струков согласился на перевод в штаб 6 армии гвардии капитана Оноприенко, который, по его словам, «выделялся исключительным трудолюбием, глубоким знанием дела, любовью и интересом к нему и по многим вопросам правильной постановки деятельности военных цензоров проявил личную полезную инициативу»[522].

Несмотря на сопротивление военно-цензурных комиссий, мобилизация их подчиненных лишь усиливалась. В рапорте в штаб Петроградского военного округа 27 ноября 1914 г. председатель ПВЦК сообщил, что из-за мобилизации к тому моменту из цензуры уволилось около ста офицеров. Между тем нагрузка продолжала возрастать. Свою роль, отмечал Д.П. Струков, сыграло вступление Турции в войну, из-за чего были прерваны почтовые сообщения через Одессу и другие южные города, а потоки корреспонденции перенаправили в Петроград. В связи с этим председатель ПВЦК составил список из 37 офицеров, которые несли «наиболее ответственные и специальные обязанности» и которых следовало освободить от призыва [523] . Схожие процессы происходили и в провинции, где мобилизация в цензурных учреждениях продолжалась в течение всей войны. К примеру, в 1915 г. в ряды ополченцев призвали уфимского земского

[518] Там же. Д. 49. Л. 162.
[519] Там же. Д. 19. Л. 302–303, 348, 354, 358.
[520] Там же. Д. 72. Л. 534.
[521] Там же. Д. 277. Л. 226, 231.
[522] Там же. Д. 219. Л. 55.
[523] Там же. Д. 49. Л. 414.

учителя С.Ш. Абдусаттарова, не успевшего и неделю проработать военным цензором [524] . 3 января 1916 г., на основании телеграммы Ставки, штаб Северо-Западного фронта распорядился отправить часть состоящих при нем офицеров на театр военных действий, в том числе и чинов столичной цензуры [525].

Успешность попыток освободить цензора от призыва зависела от их навыков, а также важности того или иного подразделения в цензурной системе. Читавших на языках, распространенных в Петроградской губернии, Финляндии и Прибалтике, брали на работу особенно охотно и при необходимости успешно ходатайствовали об их брони[526]. К примеру, за Г.К. Гампена, знавшего скандинавские языки, лично ходатайствовал Н.А. Монкевиц[527]. Понимая, что владение языками является преимуществом, в цензуру нередко пытались устроиться малоопытные чиновники и даже студенты, как, например, В.В. Блюмгардт, знавший грузинский язык[528].

Руководителям «специальных» видов цензуры в большинстве случаев удавалось уговорить военное начальство освободить от мобилизации своих сотрудников за неимением достойных замен. Благодаря этому, например, состав дипломатической цензуры на Главном телеграфе сохранялся вплоть до Февральской революции. Сложнее было с массовыми видами цензуры, прежде всего – просмотром корреспонденции, однако и там оставались служить старшие военные цензоры и те из «рядовых», кого начальству удалось отстоять[529].

Для привлечения большего числа цензоров последовательно снижались требования к кандидатам. 7 сентября 1914 г., по докладу военного министра В.А. Сухомлинова, Николай II разрешил занимать цензорские должности

---

[524] *Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М.* Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Казань, 2015. С. 51.
[525] АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 912. Л. 12.
[526] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 19. Л. 58, 65, 66.
[527] Там же. Л. 124–125, 129. В итоге Гампена командировали на Главпочтамт.
[528] Там же. Л. 299.
[529] Там же. Д. 545. Л. 16–19.

лицам, на военной службе не состоящим[530]. Хотя, как отмечалось выше, статьи 10 и 11 «Временного положения» уже позволяли принимать в цензуру гражданских чинов, это разрешение позволило снять негласные ограничения и принимать в цензуру фактически любых лиц, в том числе и не имевших чина. Одним из последствий стало ощутимое смягчение требований к кандидатам, в том числе к их состоянию здоровья[531]. Устроившиеся в столичную цензуру генералы, адмиралы и другие старшие офицеры в подавляющем большинстве были людьми пожилыми[532], неспособными выдерживать ежедневную цензорскую нагрузку[533]. Характерный пример – кадровый состав военной цензуры печати при ПКДП. К концу 1916 г. в ней работало 90 цензоров – 47 гражданских чинов и 43 военных. Из последних 28 состояли в ополчении, 15 – в отставке, возраст колебался от 26 до 77 лет. Самыми молодыми были офицеры, имевшие проблемы со здоровьем, полученные либо до войны, либо во время нее (ранения, контузии и т. п.). Иная картина складывалась среди гражданских чинов: 43 из 47 имели высшее образование, только двое были в отставке, а средний возраст составлял 35 лет[534]. Те же тенденции наблюдались и в военной цензуре при Главпочтамте. К декабрю 1915 г. в ней работало 168 человек, из них 43 – военные чины, и только четверо состояли на действительной службе[535].

Часть кандидатур отсеивалась по этой причине на стадии собеседования и освидетельствования, как было с капитаном Майсаровым, который подходил по формальным критериям, однако ему отказали вследствие его полной глухоты[536]. Но чаще всего проблемы вскрывались уже в процессе работы. Цензор С.П. фон-Швенцон просил перевести его в газетный или

---

[530] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1488. Л. 159.
[531] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 72. Л. 300.
[532] К примеру, ходатайствовавшему о приеме в цензуру барону Анатолию Андреевичу Врангелю (1849–1931) в 1914 г. было уже 65 лет (Там же. Д. 49. Л. 270, 271).
[533] Там же. Д. 72. Л. 400, 440, 476, 478 и др.
[534] Там же. Д. 465. Л. 17–18.
[535] Там же. Д. 751. Л. 53–62.
[536] Там же. Д. 49. Л. 189.

кинематографический отдел, так как у него ухудшалось зрение [537] . Упомянутый выше М.В. Ливенсон был командирован в Главпочтамт, как знавший несколько языков, однако уже через месяц попросился в цензуру при Главном телеграфе ввиду слабости зрения[538].

Нужно отметить, что телеграф часто указывался как предпочтительное место устройства: просмотр телеграмм считался более легкой работой, чем чтение писем, особенно написанных от руки и на иностранных языках[539]. Однако и с ней многие кандидаты не справлялись. К примеру, отставной подполковник Ю.В. Тарновский успешно устроился в цензуру, так как хорошо знал английской, французский и немецкий. Тарновского командировали на телеграф, однако 25 августа он был отчислен как «внезапно заболевший при исполнении служебных обязанностей психическим нервным расстройством»[540]. В апреле 1915 г. генерал-майор М.В. Линдестрем просил Струкова о нескольких выходных днях «вследствие обострения болезни печени и полного переутомления»[541].

Для Петрограда с его огромным рынком печати и массой корреспонденции вопрос кадров стоял особенно остро. В августе 1914 г., даже на фоне притока претендентов на должность цензора, руководство столичной цензуры просило помощи. Старший военный цензор на Главном телеграфе К.Е. Кометс писал Д.П. Струкову 21 августа 1914 г., что его подчиненный «при усиленном занятии в течение восьмичасового дежурства» может просмотреть не более 600–750 телеграмм, тогда как из Прибалтийских губерний и Финляндии приходило до 16,5 тыс. в сутки. Телеграммы из других городов проходили вообще без цензуры, в связи с чем Кометс просил дополнительно направить в телеграфную цензуру не менее 12 сотрудников[542]. К январю 1916 г. в Финляндии по оценке местной ВЦК дефицит кадров

---

[537] Там же. Д. 72. Л. 489.
[538] Там же. Д. 6. Л. 89.
[539] Там же. Л. 160.
[540] Там же. Л 38, 39.
[541] Там же. Д. 74. Л. 336.
[542] Там же. Д. 4. Л. 173.

составлял 70 цензоров[543]. Наиболее сложной была ситуация в местных почтово-телеграфных конторах, где помимо цензорской работы чиновники должны были выполнять свои прямые обязанности. Так, при конторе в Стругах к январю 1917 г. служил только 1 военный цензор, что было совершенно недостаточно для работы с увеличивавшимся объемом писем и телеграмм[544]. Остро не хватало и технического персонала. Центральное справочное бюро о военнопленных просило ПВЦК выделить им двух запаковщиков писем, по возможности – грамотных. Струков ответил, что таковых в резерве не имеется и предложил привлечь вольнонаемных лиц[545].

Кадровые проблемы беспокоили руководство цензуры, видевшей именно в военных чинах наиболее подходящих кандидатов для оценки материалов, посвященных обстановке на фронте и на морских театрах. В отчете военной цензуры при ПКДП за 1916 г. указывалось, что «слишком преклонный возраст большинства цензоров военного и морского ведомства не может не отражаться вредно на цензурной работе, требующей большой затраты умственной и нервной энергии, тем более что наиболее ответственная и спешная работа должна производиться в ночные часы»[546].

Для привлечения новых сотрудников военно-цензурные комиссии размещали в печати специальную рекламу. В сентябре 1914 г. Д.П. Струков обратился к С.С. Татищеву с просьбой распространить через Осведомительное бюро заметку с сообщением, что отныне на работу цензорами могут быть привлечены лица, не состоящие на военной службе, имеющие общеобразовательный ценз не ниже средних учебных заведений и знающие иностранные языки. Последнее условие уже с конца 1914 г. являлось желательным, но не обязательным. Частыми были примеры, когда

---

[543] *Алферова И.В.* Военно-цензурные практики… С. 12.
[544] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 108. Л. 483.
[545] Там же. Д. 12. Л. 82, 84.
[546] Там же. Д. 465. Л. 17–18.

успешно устроившийся в цензуру претендент не знал языков вовсе или знал их «поверхностно» или «теоретически»[547].

Еще одним источником пополнения кадров цензуры потенциально могли стать раненые и больные офицеры, вернувшиеся с фронта и негодные к строевой службе[548]. В дальнейшем они привлекались в цензуру, однако такие случаи не были массовыми и наибольшее распространение получили в прифронтовых губерниях. К 1917 г. при Гельсингфорсской почтово-телеграфной конторе военными цензорами работали 17 раненых офицеров, которые к тому же нуждались в присмотре и уходе. При этом офицеры действительной службы не могли получать 3 руб. в сутки одновременно с положенными им порционными, из-за чего теряли интерес к этой работе[549].

Кадровый дефицит усугублялся распространенной практикой совмещения. Большинство заявителей рассматривали цензорскую работу скорее как вечернюю подработку. Далеко не все были готовы работать смену за весьма скромные суточные, которых не хватало на жизнь, тем более в условиях быстрого роста цен в военное время. Часто нежелание претендента работать полный день обнаруживалось уже после его зачисления в цензуру. Менее месяца прослужил в цензуре дворянин Г.Г. Пенгу, так как эта работа требовала от него «полного присутствия»[550]. Военный цензор Евстафьев отмечал в рапорте, что не может «по семейным обстоятельствам» находиться на службе днем и просил перевести его на вечернюю смену[551]. Занятость в цензуре зачастую вызывала недовольство руководителей на основном месте работы. Характерна запись В.А. Теляковского в дневнике 23 июня 1916 г.: «Посникову я поручил узнать, сколько часов в дне заняты граф Ростопчин и [П.С.] Архипов в военной цензуре, ибо, по слухам, они мало там занимаются,

---

[547] Там же. Д. 72. Л. 122, 123, 277, 278, 285 и др.
[548] Там же. Д. 29. Л. 1–2.
[549] *Алферова И.В.* Военно-цензурные практики… С. 11.
[550] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 49. Л. 36, 37.
[551] Там же. Л. 335.

а у нас, пользуясь окладом и квартирой, ходят даже в театр, но в конторе совсем не занимаются»[552].

Цензурное начальство могло пойти навстречу и разрешать совмещение и изменение графика[553], особенно если кадр был ценным (например, знал редкие языки). Допускались и пропуски по болезни в случае предъявления справок[554]. Часто цензоры нарушали данное ими слово. Так, в феврале 1915 г. цензор Прозоров сообщил о смерти своей тетки и предупредил, что на службу не придет несколько дней. После этого прошло 12 дней, но он так и не явился на работу и был отчислен[555]. Одним из результатов были срывы процессов и задержки корреспонденции. 24 февраля 1915 г. Министерство финансов пожаловалось в ПВЦК, что цензор, назначенный для просмотра посылок военнопленным, 5 дней не появлялся на рабочем месте в отделении таможни, из-за чего скопилось более 2 тыс. отправлений[556]. Цензоры регулярно отчислялись за «небрежное отношение к службе»[557]. Нередкими были ситуации, когда взятый в цензуру кандидат ни разу не являлся на работу[558].

Цензоры на местах брались далеко не за всякую работу, высказывая предпочтения по времени, авторам, языкам. Начальник Архангельского почтово-телеграфного округа, например, считал это одной из главных причин образования «залежей». В письме Струкову от 19 июня 1915 г. он сетовал, что цензоры Палибин и Кулаков соглашались просматривать только корреспонденцию на английском языке, а третий, Горанский, заявил, что не располагает свободным временем и может приходить на дежурство только после 10 вечера[559]. Сказывалась и занятость по основной работе. Начальник Витебской конторы в январе 1915 г. начальнику Смоленского почтово-

---

[552] *Теляковский В.А.* Указ. соч. С. 541.
[553] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 49. Л. 214.
[554] Там же. Д. 74. Л. 222, 230, 231, 232 и др.
[555] Там же. Л. 247.
[556] Там же. Л. 165.
[557] Там же. Д. 72. Л. 313; Д. 74. Л. 24, 50.
[558] Там же. Д. 49. Л. 120, 182.
[559] Там же. Л. 9.

телеграфного округа, что на него ложится вся нагрузка по военной цензуре, хотя официально он цензором не числился и суточных за это не получал. Помимо него цензорами являлись два офицера полицейской стражи и два жандарма. Один из полицейских недавно был послан для инспектирования уездных исправников, другой заболел. В целом они посещали контору только в свободные часы и по прибытии почты[560].

Актуальные списки цензоров фиксировались нерегулярно и не всегда имели дату составления. В архивах петроградской цензуры редкий список не содержал вычеркнутой фамилии. В провинции найм производился исходя из текущих потребностей (например, для ускорения разбора завалов корреспонденции), и далеко не всегда новые сотрудники добавлялись в списки. Председатель Казанской ВЦК сообщал в Петроград в апреле 1917 г.: «Количество имеющихся на военно-цензорских пунктах военных цензоров и переводчиков определяется количеством поступающей на данный пункт корреспонденции, вследствие чего строго определенного штата личного состава пунктов не ведется»[561].

Уход мог быть связан с самыми разными причинами и жизненными обстоятельствами, чаще всего – после того как они смогли найти стабильную и более высокооплачиваемую работу. Однако главной причиной «текучки» была недооценка кандидатами масштабов работы: столкнувшись с тысячами писем и телеграмм, ожидавших проверки, вновь назначенные цензоры увольнялись в первые недели и даже дни. Наибольшие проблемы это доставляло при взаимодействии военной цензуры и контрразведки. На заседании ПВЦК 22 января 1916 г. полковник А.П. Фалк отмечал, что к работе с шпионской корреспонденцией «надо привыкать не менее трех месяцев, а между тем личный состав меняется довольно часто. Это

---

[560] НИАБ. Ф. 2619. Оп. 1. Д. 27. Л. 11.
[561] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 97. Л. 177.

ненормально. Надо прямо удивляться, как вообще что-либо получается по спискам при… столь частых отчислениях и перемещениях цензоров»[562].

В сохранившихся списках рядом с зачеркнутой фамилией обычно кратко описывалась и причина увольнения: «долгое отсутствие», «отъезд на долгий срок», «отказалась», «вследствие получения неблагоприятных сведений», «безнадежная болезнь» и др.[563] Впрочем, встречаются и примеры повторного зачисления в цензуру, особенно если причиной была болезнь или семейные обстоятельства. Прогулы также не всегда были основанием для увольнения, если на то были свои специфические причины. 12 мая 1916 г. М.А. Адабаш сообщал петроградскому градоначальнику, что переводчицы часто подвергаются нападениям хулиганов в вечернее время в районе Садовой и Сенной, из-за чего старались уходить с работы раньше или вовсе сменить место службы[564].

При прошении отпустить на лечение цензоры заранее просили принять их обратно после возвращения[565]. Со временем это привело к затруднениям в определении количества людей, работавших в цензуре. Неслучайно с марта 1916 г. в «интересах своевременного удовлетворения военных цензоров и переводчиц суточными деньгами» старшим военным цензорам предписывалось не позже 16 числа каждого месяца направлять в ПВЦК именные алфавитные списки подчиненных[566]. Однако и после этого строгий учет сотрудников производился не всегда.

Одной из главных причин увольнений были ошибки в работе и злоупотребления должностными полномочиями. Растущая нагрузка на цензоров приводила к непоследовательным решениям и пропускам запрещенных или секретных материалов. К примеру, в январе 1915 г. по ходатайству вице-адмирала А.И. Русина из цензуры уволили контр-адмирала

---

[562] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1198. Л. 21.
[563] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 414. Л. 137, 284 и др.
[564] Там же. Д. 415. Л. 88.
[565] Там же. Д. 414. Л. 113, 271.
[566] Там же. Д. 771. Л. 1.

А.К. Деливрона за пропуск статьи «Военный флот» в «Новом времени»[567]. Другой цензор при вскрытии письма забыл обратно положить вексель и потом вложил его в первый попавшийся открытый конверт[568]. Повсеместно встречались случаи потери цензорских штампов[569]. Уволенные цензоры не сдавали, как это было положено, служебные инструкции, унося с собой в том числе и секретные приказы и распоряжения[570].

Злостные нарушения нередко становились причиной для внутренних расследований. В декабре 1915 г. цензор В. Ваксман был уволен за то, что предлагал пленным чехам за деньги пропускать их письма на родину без цензуры[571]. В сентябре 1916 г. несколько цензоров на Главпочтамте попались на том, что вместо аккуратного вскрытия посылок «просто-напросто ломали ящики, выбрасывали доски, а все содержимое в посылках высыпали на обшивку и в такой... упаковке отправляли... по назначению»[572]. В том же месяце у американки Э.Л. Гартц при приезде в Петроград отобрали два альбома со старыми открытками и не отдавали вплоть до распоряжения цензурного начальства[573]. Несколько жителей г. Ямбурга доносили в ПВЦК, что местный цензор Маурер «не держит в секрете содержание писем частного характера»[574].

Среди случаев злоупотреблений наиболее частыми были кражи ценностей. Несмотря на неоднократные запреты и предупреждения военных и гражданских властей[575], солдаты и офицеры продолжали вкладывать деньги и другие ценные вещи в письма и посылки, что стало поводом к множеству краж со стороны цензоров. Яркий пример – дело В.К. Гаупта. Отставной

---

[567] Там же. Д. 72. Л. 233, 234.
[568] Там же. Д. 255. Л. 517, 518.
[569] Там же. Л. 30; Д. 311. Л. 37.
[570] Там же. Д. 108. Л. 211–215; Д. 776. Л 57.
[571] Там же. Д. 304. Л. 82–82об.
[572] Там же. Д. 414. Л. 346.
[573] Там же. Д. 306. Л. 319.
[574] Там же. Д. 108. Л. 221.
[575] Там же. Д. 461. Л. 288. Распоряжения о том, что делать с найденными деньгами, зачастую были противоречивы, и цензоры просили пояснений (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 69. Л. 7–8).

коллежский асессор, магистр фармации, Гаупт был зачислен в военную цензуру при Главпочтамте в октябре 1914 г. Поручение за него давал полковник Генерального штаба Б.М. Стахович (позже, правда, уверял, что Гаупта не знает и не мог его рекомендовать). 20 октября инженер-технолог П.С. Философов отправил заказной пакет с вложением документов и 150 руб. в Швецию, для передачи его брату, находившемуся в плену в Германии. Спустя месяц ему пришло уведомление, что пакет получен, но денег в нем не оказалось. По сообщению получателя на пакете стоял штамп русской цензуры. Выяснилось, что посылка была досмотрена Гауптом, который похищал из подобных отправлений небольшие суммы. Всего с 11 по 27 октября он украл таким образом около 300 руб., за что в июне 1915 г. был приговорен Петроградским военно-окружным судом к 6 годам заключения[576].

Карая нерадивых сотрудников, цензурное руководство заботилось в то же время и об их награждениях. Следует отметить, что большинство цензоров не скрывало своего места работы, напротив, упоминания о нем постоянно встречаются в различных персональных документах. Цензоры, как правило, рассматривали свою деятельность как специфическую, но государственную службу, «место», наподобие других учреждений и ведомств.

На этой же логике основывались прошения и решения о награждении цензоров. К примеру, 3 марта 1915 г. Д.П. Струков представил к наградам 23 военных цензора, двух членов ПВЦК, а также секретаря комиссии[577]. Как и в других учреждениях, поощрение наградами рассматривалось как неотъемлемая часть жизни чиновника, формальный повод для признания его заслуг и желания начальства удержать его на службе. Характерно в этом смысле письмо Н.И. Левитского П.П. Любомирову от 12 марта 1916 г. с просьбой наградить 24 цензоров: «Вашему превосходительству известна та напряженная атмосфера, при которой работают, не зная ни дня ни ночи, г[оспода] военные цензоры, среди необыкновенной ответственности перед

---

[576] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–5; Д. 131. Л. 40, 95–97.
[577] Там же. Д. 74. Л. 236.

военными и гражданскими властями за каждый свой шаг, и среди крайне враждебного отношения к ним со стороны печати и общества. При крайне скудном вознаграждении пожалование высочайшими наградами является единственною мерою поощрения этих тружеников, а также одним из верных средств привлечения и удержания их на трудной военно-цензурной службе»[578].

Далеко не всегда такие прошения удовлетворялись, что становилось причиной для недовольства. Особенно это касалось работавших в цензуре гражданских чинов, на контрасте с которыми военные, служившие в цензуре, получали награды исправно: в 1914–1916 гг. было награждено 72 офицера[579]. В упомянутом выше письме Любомирову Левитский посетовал, что в отличие от чинов тыловых учреждений армии военные цензоры гражданского ведомства только раз были пожалованы орденами. Секретный приказ главнокомандующего 6 армии от 25 апреля 1915 г. не был опубликован, вследствие чего ГУДП ордена не признало, и цензоры их не получили. Левитский также напомнил, что 15 сентября 1915 г. Д.П. Струков ходатайствовал о награждении 7 цензоров гражданского ведомства, но и эта просьба хода не получила, и теперь просил исправить эту несправедливость[580].

Тем не менее примеры награждений цензоров – гражданских чинов встречались. К примеру, А.И. Звонников в апреле 1916 г. был награжден орденом св. Владимира 2 ст.[581] С.В. Недачин был награжден орденом св. Анны 3 ст. (дважды в 1914–1915 гг.) и св. Станислава 2 ст. (1916) «за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий»[582]. Военного цензора г. Юрьева в октябре 1916 г. представили к ордену св. Анны 3 ст. «за отлично-усердную службу по военной цензуре и

---

[578] Там же. Д. 275. Л. 8.
[579] Там же. Д. 303. Л. 23–32.
[580] Там же. Д. 275. Л. 8.
[581] Русский инвалид. 1916. 10 апреля.
[582] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 753. Л. 23об.

необычайно ревностное отношение к этому делу»[583]. Награждались и цензоры-жандармы, причем в их случае обоснование было более весомым: раскрытие шпионской переписки и помощь в отслеживании и поимке вражеских агентов. Особо были выделены заслуги помощника начальника жандармского управления г. Одессы полковника Г.И. Штандаренко, раскрывшего шпионскую деятельность ряда лиц в пользу Австро-Венгрии[584]. В его наградном листе отмечалось: «Продуктивная деятельность полковника Штандаренко как военного цензора, владеющего в совершенстве французским и немецким языками, проявилась в обнаружении сношений бывшего австро-венгерского вице-консула Тумчука с сестрой милосердия Елизаветой Щербаковой. <…> В числе задержанных подполковником Штандаренко писем обращают на себя внимание письмо на немецком языке на имя некоего Иоганна Заклинского в г. Львове, содержащее сведения о положении неприятельских войск…»[585]. Штандаренко, а также ротмистр Исаков (за «выдающиеся труды по должности военного цензора»[586]) были представлены в мае 1916 г. к награждению орденом св. Владимира 4 степени.

1.6. Женщины в военно-цензурной системе: от «переводчиц» к цензорам

Вопрос привлечения к цензорской работе женщин был поднят уже в первые месяцы войны. Формального запрета на такие назначения не существовало: «Временное положение о военной цензуре» не содержало никаких упоминаний про пол кандидата. На деле же военно-цензурные комиссии, штабы фронтов и армий, местные военные власти в основном скептически оценивали способность женщин работать в цензуре. Еще в декабре 1914 г. Д.П. Струков сообщал начальнику городских телеграфов в

---

[583] Там же. Л. 59об.
[584] *Кирмель Н.С.* Спецслужбы России в Первой мировой войне... С. 172.
[585] ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 3718. Л. 97.
[586] Там же. Л. 94об.

Петрограде, что устройство женщин обсуждалось ранее и было признано «безусловно недопустимым»[587].

Однако продолжавшийся призыв мужчин на фронт и общий дефицит кадров вынуждали цензурное руководство пересматривать свою позицию. Разрешение Николая II допускать в цензуру не только военных чинов воспринималось частью цензурного руководства как фактическая возможность привлекать к работе женщин. В марте 1916 г. А.И. Звонников в письме генерал-квартирмейстеру штаба Северо-Западного фронта Н.Н. Духонину отметил, что в высочайшем разрешении от 7 сентября 1914 г. не было «никакого указания относительно пола лиц, допускаемых к занятиям по военной цензуре» [588] . Знаковым стало решение главнокомандующего 6 армией генерала Н.В. Рузского увеличить с июня 1915 г. состав военной цензуры на Главпочтамте на 100 человек, и в первую очередь – за счет «переводчиц»[589].

Появление термина «переводчицы» отражало стремление властей, с одной стороны, обойти ограничения «Временного положения» (не предусматривавшего никого кроме цензоров), а с другой – найти компромисс с многочисленными противниками привлечения женщин. Изначально переводчицы рассматривались как помощницы цензоров в просмотре огромного количества корреспонденции фронтовиков и военнопленных – работе трудоемкой, но наиболее простой и понятной, не связанной с какими-либо военными тайнами. В упомянутом выше письме генералу Духонину А.И. Звонников уточнял, что переводчицы могли просматривать корреспонденцию «не иначе как под руководством и ответственностью тех военных цензоров, в помощь коим они назначаются». Подчеркивалось при

---

[587] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 72. Л. 77.
[588] Цит. по: *Алферова И.В.* Женская история российской военной цензуры... С. 120.
[589] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 74. Л. 446.

этом, что переводчицы должны были получать те же суточные деньги, что и цензоры[590].

В течение первого года войны официальная позиция Ставки по этому вопросу так и не была сформулирована, что приводило к дискуссиям между инстанциями. К примеру, генерал-квартирмейстер штаба 6 армии Б.П. Баженов считал допуск в цензуру женщин «излишним». Проблему, по его мнению, можно было решить за счет привлечения чиновников, в большом количестве эвакуированных из занятых немцами местностей. В письме Д.П. Струкову 23 сентября 1915 г. он отмечал, что провинция отнесется к устройству в цензуру женщин «безусловно отрицательно», особенно в «маленьких городах с их дрязгами и сплетнями»[591].

Важной причиной смягчения позиции командования стали «залежи» корреспонденции, проблема которых приобрела огромные масштабы уже осенью 1914 г. и в последующие годы только нарастала. Потеря части западных губерний летом 1915 г. привела к уменьшению количества почтово-телеграфных контор, часть работавших в них чиновников смогла устроиться в эвакуации, однако совладать с растущей нагрузкой на Петроград и ближайшие губернии это не помогло [592].

На фоне «великого отступления» и распространения шпиономании Ставка рассматривала разные варианты усиления контроля над печатью и корреспонденцией. В июле 1915 г. великий князь Николай Николаевич предложил просматривать все без исключения внутренние почтовые отправления, и особенно те, что поступали в действующую армию[593]. Эта идея вызвала много сомнений и вопросов, особенно в случае с сильно загруженными конторами. К примеру, на участке Петроград-Псков был всего один пункт просмотра – Струги, в который ежедневно поступало от 4 до 6 тыс. отправлений, из которых успевали просмотреть до 900. С 1 июня 1915 г.

---

[590] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1488. Л. 159об.
[591] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 108. Л. 245.
[592] Там же. Д. 333. Л. 24.
[593] Там же. Д. 108. Л. 27.

были установлены пункты в Гатчине, Сиверской и Луге, что позволило совладать с ежедневным потоком, но лишь на время [594]. Начальник Новгородской почтово-телеграфной конторы отмечал, что ежедневно получает от 2 до 3 тыс. писем, отправляла контора еще больше – от 3 до 4 тыс. Если на каждого цензора рассчитать по 300 отправлений в день, то потребовалось бы 20 цензоров, а не 2, как было у него в подчинении на тот момент[595]. В сентябре 1915 г. председатель Рижской ВЦК Л.М. Хмелевский для улучшения работы предложил учредить 40 новых цензурных пунктов в Лифляндской и 26 – в Эстляндской губерниях. Для их полноценной работы требовалось нанять 85 цензоров (от 1 до 4 на каждый пункт)[596]. Военно-цензурные комиссии зачастую шли навстречу и просили прислать список потенциальных цензоров, однако найти подходящие кандидатуры среди мужчин, особенно в провинции, было крайне затруднительно.

Видя эти кадровые проблемы, Д.П. Струков последовательно выступал за привлечение женщин и одобрял прошения об их назначении. В отстаивании своей позиции он мог опираться на прецеденты в других городах, например – в Благовещенске[597]. Свою роль сыграли и структурные изменения в столичной цензуре. 30 сентября 1915 г. приказом главнокомандующего Северным фронтом провинциальный отдел был подчинен ПВЦК, в связи с чем Струков распорядился расширить сеть цензурных пунктов в Петроградской и Новгородской губерниях. Личный состав предполагалось пополнять за счет почтово-телеграфных чиновников и офицерских чинов, признанных негодными к строевой службе. Если же таковых подыскать было невозможно, разрешалось приглашать в качестве переводчиц женщин, имевших «ближайших кровных родственников в действующей армии или на военной службе» [598]. По этому пути пошли

---

[594] Там же. Л. 50.
[595] Там же. Л. 28.
[596] РГВИА. Ф. 13849. Оп. 1. Д. 4. Л. 538.
[597] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 488. Л. 293.
[598] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 108. Л. 103–104.

основные подразделения столичной цензуры, в первую очередь на почте и телеграфе. В ноябре 1915 г. старший военный цензор при Главном телеграфе К.Е. Кометс ввиду установления полной цензуры телеграмм ходатайствовал о назначении помимо 6 мужчин-цензоров еще и 49 женщин[599].

16 ноября 1915 г. в записке генерал-квартирмейстеру 1 армии Д.П. Струков сообщал, что опыт привлечения женщин в качестве переводчиц оказался весьма удачен, во многих случаях их продуктивность была выше, чем у мужчин, с которыми они поначалу работали в разных помещениях[600]. В апреле 1916 г. ПВЦК разрешила нанимать женщин не только переводчицами, но и военными цензорами[601]. С лета 1916 г. в делопроизводственных документах военной цензуры разделение на «цензоров» и «переводчиц» исчезло окончательно[602].

Привлечение женщин в цензуру вызывало много скептических отзывов в том числе и из-за якобы «женских» черт характера, в первую очередь – «болтливости» и неумения сохранять в тайне секретные сведения[603]. 19 февраля 1916 г. военный цензор на Главном телеграфе Н. Иванов докладывал М.А. Адабашу, что секретные распоряжения правительства «могут стать и в действительности становятся достоянием посторонних лиц, кои употребляют знание таких распоряжений во вред». В качестве примера он привел думскую речь депутата А.А. Бубликова. Как считал Иванов, ее разгласили, «несомненно, служащие на городской телефонной станции лица женского пода (слушающие и слышащие абонентов)», ибо кроме них и начальника, давшего секретное предписание по телефону, никто не имел доступа к разговору[604]. 26 мая 1916 г. был установлен факт выноса переводчицами корреспонденции на дом «для ознакомления с содержанием таковой

---

[599] Там же. Д. 224. Л. 2.
[600] Там же. Д. 128. Л. 462.
[601] Там же. Д. 400. Л. 21.
[602] Там же. Д. 108. Л. 288.
[603] Там же. Д. 255. Л. 323.
[604] Там же. Д. 277. Л. 304.

посторонних цензуре лиц»[605]. Один из чинов цензуры сообщил руководству, что присутствовал при разглашении переводчицами «во всеуслышание, в вагоне трамвая, содержания просматриваемых ими писем»[606]. Одной из мер борьбы стал введенный 15 августа 1916 г. запрет выдавать цензорам на дом распоряжения и циркуляры[607].

Трудовая дисциплина женщин также неоднократно вызывала вопросы у цензоров-мужчин. В докладных записках они подчеркивали специфичность сформировавшихся в цензуре больших женских коллективов. На заседании ПВЦК 30 сентября 1916 г. генерал-лейтенант К.В. Шпигель отметил, что среди женщин-цензоров, «впервые находящихся на службе и потому не имеющих понятия о служебной дисциплине, замечаются постоянные ссоры, главным образом, на почве ложного самолюбия». По его словам, они «не желают… получать указания от руководителей» и в случае недоразумений обращаются к «высшему начальству с жалобами и заявлениями, пользуясь имеющейся у них протекцией. Такое положение создает очень тяжелую атмосферу в среде военной цензуры»[608].

Проверка работы ПВЦК в марте 1916 г. выявила, что к тому моменту в общей цензуре писем военнопленных работало много весьма юных девиц, «вряд ли отдающих себе отчет в важности порученного им дела. <…> Свойственная женщинам болтливость, особенно запрещенных каких-нибудь сведений, вряд ли может оправдать такой значительный контингент женщин-переводчиц (около 700)». Один цензор был явно «не совсем равнодушен к военной переводчице». Создававшиеся «любовные треугольники» вызывали «ревность, донос, анонимные письма и желание подвести соперницу»[609].

На заседании Двинской ВЦК 15 мая 1916 г. было рассмотрено заявление бывшего военного цензора при Великолукском цензурном пункте В.

---

[605] Там же. Д. 771. Л. 3.
[606] Там же.
[607] Там же. Д. 311. Л. 90.
[608] Там же. Д. 333. Л. 150.
[609] Там же. Д. 776. Л. 294–301.

Католинской о «крайне неудовлетворительной постановке дела военного досмотра в названном пункте, о неправильном распределении старшим военным цензором коллежским советником Ливанским работы между военными цензорами и о фиктивности составляемых названным старшим цензором ежемесячных статистических сведений о количестве просмотренной военными цензорами почтово-телеграфной корреспонденции». Заявление было оставлено без последствий: выяснилось, что Католинская таким образом перенесла личный конфликт на служебную почву[610].

Сторонники привлечения женщин в цензуру соглашались с тем, что критерии отбора кандидаток должны быть особыми, основываться на устоявшейся практике, учитывать экономическое и семейное положение женщин. В последнем случае речь шла не только о решении проблемы дефицита кадров, но и об устройстве на работу многочисленных жен офицеров, вдов и сирот. С уходом на фронт, смертью и тяжелыми ранениями мужей, братьев и отцов многих из них привлекала возможность устроиться в цензуру и получать хоть и небольшие, но деньги. Помимо знания иностранных языков, необходимого для чтения писем военнопленных, основными критериями стали политическая благонадежность (справки запрашивались в ГЖУ[611]) и рекомендации от «лиц, занимающих более или менее видное служебное и общественное положение». Допускались только русские подданные или (с особого разрешения) представительницы союзных и дружественных России стран.

Приоритет изначально отдавался сиротам, женам, дочерям и сестрам офицеров-фронтовиков, в первую очередь – погибших и раненых[612]. Так, в списке кандидаток на прием в столичную цензуру за 30 октября 1915 г. значилось 159 человек, в двух списках за август 1916 г. – 26 и 103

---

[610] Там же. Л. 500.
[611] Там же. Д. 16. Л. 70.
[612] Там же. Д. 128. Л. 468.

соответственно. Во всех трех случаях указаны исключительно жены и дочери военных и врачей, у каждой на войне или в плену были родные, погибшие, пропавшие без вести[613]. При рассмотрении кандидатур учитывался также боевой путь и награды родственников[614]. В ряде случаев сами цензоры пристраивали своих жен переводчицами[615].

Множество прошений было связано с эвакуацией из западных губерний и попытками беженок найти работу. Полковник В.В. Рогальский просил М.А. Адабаша пристроить в цензуру дочь, отметив, что его семья потеряла все имущество при отступлении армии из Митавы, бежала сначала в Ригу, а затем в Петроград[616]. Учительница В.Ф. Рульковиус была эвакуирована из Полоцка вместе с учебными заведениями города. В прошении она указала, что владеет в совершенстве тремя языками, и ходатайствовавший за нее инспектор классов 1 кадетского корпуса предположил, что Рульковиус «могла бы оказать большую пользу в военной цензуре»[617].

Прошение переводчиц о приеме на работу содержало ряд стандартных пунктов: подданство, вероисповедание, возраст, знание языков, образование, местожительство и номер телефона, рекомендации, информация о родственниках в армии[618]. В некоторых случаях к прошениям кандидатки прикладывали свои фотокарточки[619]. При поступлении на работу в цензуру давалась подписка с обязательством «сохранять в совершенной тайне содержание всей корреспонденции (писем, телеграмм и проч.)… какого бы существа она ни была, [а] равно не открывать посторонним лицам, кем и кому корреспонденция была направлена»[620].

Вместе с письменным прошением требовались две рекомендации. Кандидатки обращались к знакомым и родственникам, занимавшим какое-

---

[613] Там же. Д. 16. Л. 11–12, 161; Д. 223. Л. 2–6; Д. 313. Л. 51, 85; Д. 374. Л. 37, 526.
[614] Там же. Д. 374. Л. 80.
[615] Там же. Д. 218. Л. 172.
[616] Там же. Д. 374. Л. 90.
[617] Там же. Л. 60.
[618] Там же. Д. 16. Л. 29.
[619] Там же. Л. 14,15, 60 и др.
[620] Там же. Л. 14.

либо положение, имевшим чин или должность. Обычно это были чиновники невысокого класса, родственники и друзья родителей, знавшие кандидатку с раннего детства [621] . Встречались среди просителей и бывшие вице-губернаторы, отставные генералы, ученые и общественные деятели. В октябре 1915 г. академик В.И. Вернадский ходатайствовал о приеме в цензуру В.С. Лисовской, которая «аккуратно и хорошо работает в Геологическом музее Императорской Академии наук с 1911 года... очень добросовестно исполняла все поручавшиеся ей письменные работы и обладает хорошим знанием иностранных языков»[622]. За Е.В. Лунину просил генерал-квартирмейстер Генерального штаба М.Н. Леонтьев [623] . За дочь лейтенанта флота Н.А. Окрашевскую ходатайствовал вице-адмирал в отставке М.Н. Коландс. Помимо качеств самой кандидатки, он упомянул геройскую гибель ее отца, спасавшего людей с судна в зимний шторм и впоследствии умершего от простуды[624].

Ответа на прошения приходилось ждать долго, иногда – месяцами, между тем многие просительницы оставались после потери на войне мужа, отца или других родственников без средств к существованию [625] . Из-за дороговизны на пособия прожить было нельзя и приходилось идти на службу[626]. Писательница Е.А. Шабельская-Борк ходатайствовала о приеме в цензуру барышни Давыдовой, оставленной родственниками без денег[627]. Н.Е. Судейкина в январе 1916 г. вернулась в Россию после работы в Сербии в отряде Петроградского Славянского благотворительного общества. При отступлении сербской армии осенью 1915 г. она спасалась «пешком» через Албанию. Владея французским, немецким и «немного» английским, Судейкина настойчиво просилась на работу в цензуру, куда в итоге и

---

[621] Там же. Д. 223. Л. 117.
[622] Там же. Л. 295.
[623] Там же. Л. 307.
[624] Там же. Л. 361.
[625] Там же. Д. 313. Л. 128.
[626] Там же. Д. 16. Л. 38.
[627] Там же. Д. 217. Л. 8.

устроилась, но добивалась этого месяц[628], как и Ф.Я. Сипягина, пятеро сыновей которой ушли на фронт[629].

Нуждавшиеся женщины обращались в военно-цензурные комиссии, особо настойчивые писали председателям личные письма и добивались приема. Е.Н. Кржелинская, дочь командира 9-го Сибирского стрелкового полка, полтора месяца ждала ответа на прошение поступить на службу в столичную цензуру. Ее мать, Н. Кржелинская, писала М.А. Адабашу: «Обратите внимание на то, что я ежеминутно могу лишиться мужа и остаться с семьей без средств в такое тяжелое время. Вся надежда на Вас, генерал, войдите в положение семьи человека, все время жертвующего собой для блага родины. Я просила Вас об этом лично вчера, и Вы были так добры, что обещали оказать содействие и поторопить назначение, выразив при этом желание, чтобы просьба моя была изложена письменно и служила Вам как бы напоминанием обо мне»[630].

Без рекомендаций прием на работу (и не только в цензуру) был крайне затруднен, что можно увидеть на примере Е.Ф. Ивановой, в годы войны – слушательницы высших женских курсов в Петрограде. До начала 1916 г. ее учебу оплачивали два брата, но после их призыва девушка осталась без поддержки. В мае 1916 г. в письме верховному начальнику санитарной и эвакуационной части принцу А.П. Ольденбургскому она отмечала: «Я уже два месяца стучусь во все двери и до сих пор ничего не нашла. Обращалась я и в Государственный банк, и в Союз городов, и в Комитет великой княгини Татьяны Николаевны, и в военную цензуру, но везде был один и тот же вопрос: “Кто вас рекомендует, есть ли у вас рекомендательные письма?”. А у меня здесь никого нет, кто бы меня мог знать и рекомендовать. Вчера я вышла от председателя военной цензуры в ужасном состоянии: он потребовал от меня даже два рекомендательных письма». По ее словам, идея

---

[628] Там же. Л. 437, 438, 441.
[629] Там же. Л. 470, 471.
[630] Там же. Д. 16. Л. 342.

написать принцу Ольденбургскому пришла ей на Невском проспекте, где она увидела его портрет. В итоге ее пригласили в ПВЦК для повторного собеседования[631].

Ситуация, когда значительная часть кандидаток устраивалась «по протекции», нравилась далеко не всем. В феврале 1916 г. военно-морской цензор на Главном телеграфе капитан Н.Н. Былим-Колосовский в записке М.А. Адабашу указывал на обилие шпионов и недоверие к личному составу цензуры, в которую легко проникнуть с помощью рекомендаций: «Известно, как эти рекомендации получаются. Является какой-нибудь знакомый к его… превосходительству и просит дать ему его визитную карточку племяннице или товарищу, очень милой особе, надежной, бедной, желающей поработать на пользу родины и т.д. Чем выше лицо, тем более просьб и надоеданий; часто его превосходительству неудобно отказать, еще чаще желание отделаться от надоевших просителей заставляет его дать свою визитную карточку с рекомендацией особе, которую он совсем не знает. <...> Карточка с рекомендацией передается знакомым его превосходительства своему товарищу, а тот – своему знакомому, для которого эти просьбы, в сущности, и были»[632].

В списках цензоров, особенно в Петрограде, можно увидеть немало представительниц дворянских родов: графиня Е.Б. Де-Тулуз-Лотрек, баронесса Н.В. фон Медем, баронесса В.Э. Энгельградт, графиня С.Н. Ростопчина, княжна В.И. Оболенская и др.[633] Образование заявительницы получали в самых разных учебных заведениях: Парижский университет, Петроградское Владимирское училище, Мариинская женская гимназия, Московская женская гимназия, Закавказский девичий институт, Одесский институт благородных девиц, Благовещенская гимназия, Иркутский институт императора Николая I, Орловский Александринский институт, Литейная

---

[631] Там же. Л. 177, 180.
[632] Там же. Д. 776. Л. 312.
[633] Там же. Д. 50. Л. 93–98, 194–199.

гимназия и др. Домашнее образование встречается лишь в одном случае[634]. К сентябрю 1916 военные цензоры при Главпочтамте (мужчины и женщины) знали около 40 языков, чаще всего немецкий, французский, английский, польский, итальянский, чешский[635].

Разрешение устраивать женщин без каких-либо ограничений привело в течение 1916 г. к ощутимым изменениям в кадровом составе цензуры. Главной причиной было то, что переводчиц привлекали к самой массовой и масштабной работе – просмотру корреспонденции фронтовиков и военных. Для охвата хотя бы части этого огромного массива требовались тысячи сотрудников, владевших языками и обладавших усидчивостью и внимательностью. Рост количества женщин в годы войны виден по составу практически всех цензурных учреждений. К декабрю 1916 г. цензорами при Главном телеграфе работали 291 женщина и 86 мужчин[636]. Военно-полевая цензура, просматривавшая письма с фронта, практически полностью состояла из женщин[637]. В отделе почтовой транзитной и телеграфной международной корреспонденции на 1 января 1917 г. работало 19 мужчин и 79 женщин[638], при портовой таможне – 4 и 22 соответственно[639]. Схожая картина складывалась в провинции. К декабрю 1916 г. при Царскосельском военно-цензурном пункте работало 12 человек, из них лишь 3 мужчин[640], при Гатчинской почтово-телеграфной конторе – 3 мужчин и 5 женщин[641], при Петергофской – 3 мужчин и 3 женщины[642]. Следует учитывать также быстрое разрастание вспомогательного персонала, комплектовавшегося в основном

---

634 Там же. Д. 51. Л. 25–29.
635 Там же. Д. 274. Л. 146.
636 РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 50. Л. 50–56.
637 Там же. Л. 4, 13–16; Д. 51. Л. 170–177.
638 РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 765. Л. 13.
639 Там же. Л. 4.
640 Там же. Д. 108. Л. 347.
641 Там же. Л. 379.
642 Там же. Л. 386.

женщинами: сортировщицы, машинистки, заклейщицы конвертов, уборщицы, прислуга[643].

Несмотря на быстрый рост доли женщин, в целом при решении кадровых проблем в цензуре соблюдался определенный баланс, негласные правила и рекомендации. В ряде подразделений женщины практически не привлекались, прежде всего там, где их не было и до войны: драматическая, иностранная, придворная, кинематографическая цензура[644]. Не участвовали женщины в цензуре газет и журналов, телеграмм ПТА и зарубежных корреспондентов, военно-морской цензуре[645]. Доступ к «секретным спискам» и вообще к контрразведывательной информации получали предпочтительно мужчины (в первую очередь офицеры), хотя к 1917 г. из-за недостатка кадров и здесь приходилось привлекать женщин[646]. Сохранялось и распределение ролей: даже на Главпочтамте, где доля женщин была велика, старшими военными цензорами и главами крупных внутренних подразделений почти неизменно назначались мужчины. Среди женщин при этом тоже существовала своя субординация: наиболее опытные и авторитетные становились заведующими групп и отделений, наблюдали за работой «рядовых» переводчиц[647].

***

Незавершенность разработки «Положения о полевом управлении войск» в течение всей Первой мировой войны негативно сказывалась на государственном управлении. Организации военной цензуры это коснулось в полной мере. Составленное в спешке, «Временное положение о военной цензуре» лишь в общих чертах обрисовало структуру, полномочия и

---

[643] К примеру, среди 119 сортировщиков при Главном телеграфе в декабре 1915 г. было лишь 15 мужчин (РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 50. Л. 30).
[644] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 50. Л. 27, 36.
[645] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 12. Л. 45; Д. 19. Л. 86; Д. 72. Л. 38.
[646] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 50. Л. 159; Д. 101. Л. 3.
[647] Там же. Д. 51. Л. 8–13.

подчинение цензурных органов, что уже в годы войны вызвало межведомственные трения, иногда перераставшие в конфликты. Попытки структурных реформ начались лишь в 1916 г. и сводились к усилению полномочий ПВЦК, выделению ей особого положения в военно-цензурной системе, увеличению штатов и финансирования. В условиях затяжного и вялотекущего конфликта между гражданской и военной властью вопрос о цензуре решался медленно, так как любое изменение сложившейся конфигурации означало покушение на прерогативы и полномочия тех или иных ведомств. Лишь в условиях политического кризиса конца 1916 г. активизировались попытки Ставки и штаба Северного фронта начать глубокую реформу столичной цензуры для стабилизации обстановки в тылу и установления реального контроля над прессой. Переписку и обсуждение проектов реформы на время прервала Февральская революция.

ГЛАВА 2. ЦЕНЗУРА ПОЧТЫ И ТЕЛЕГРАФА В 1914 – ФЕВРАЛЕ 1917 ГГ.

2.1. Повседневная работа цензуры писем, телеграмм и посылок

Согласно «Временному положению о военной цензуре», почтамты, телеграфы и местные почтово-телеграфные конторы встраивались в единую военно-цензурную систему, однако на практике руководствовались своим распорядком дня, своими служебными инструкциями и учитывали в своей работе политические, национальные, языковые, культурные особенности.

Самой масштабной и многочисленной была военная цензура на Главном телеграфе и Главном почтамте в Петрограде. Первое собрание распоряжений и рекомендации для цензоров на Главном телеграфе было составлено 25 июля 1914 г.[648], в дальнейшем появилось множество вариантов инструкций, регламентировавших работу во всех подразделениях столичной цензуры[649].

К марту 1917 г. Петроград был одним из самых загруженных телеграфных узлов в мире. На Главный телеграф поступало около 80 тыс. телеграмм в сутки, из них 10-12 тыс. составляли международные и транзитные. Полученные телеграммы собирались специальными курьерами и доставлялись на центральную сортировку в аппаратной главной конторы телеграфа. С телеграммами круглосуточно работали 4 смены цензоров. В целях большей производительности каждая смена разделялась на 4 группы, которые специализировались на просмотре телеграмм определенных государств. Наиболее интенсивно телеграфная цензура работала в ночные часы, когда просматривались одновременно и агентские телеграммы для периодических изданий, и оставшиеся частные. После некоторого спада с 4

---

[648] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 4. Л. 36.
[649] См., напр.: Там же. Д. 218. Л. 239; Д. 333. Л. 87–109.

до 8 утра нагрузка вновь возрастала за счет многочисленных международных и транзитных сообщений[650].

К марту 1917 г. военная цензура на Главном телеграфе состояла из 10 отделов.

Инспекторский отдел контролировал правильность поступления и обработки телеграмм, подлежащих цензуре. Вся масса телеграмм предварительно рассортировывалась по категориям. Правительственные, шифрованные, дипломатические, посольские, консульские, министерские выделялись как не подлежащие просмотру, остальные распределялись по соответствующим отделам. На смене работали дежурный инспектор и его помощник, 4 человека – на регистрации дипломатических телеграмм, 13 – на отборе и сортировке, 4 – на отправке, 8 – на обмене телеграмм с Датской кабельной станцией, 7 – на копировании. Всего к марту 1917 г. в отделе работало 153 цензора (включая заведующего отделом), по 38 на смену[651].

В отдел секретных списков (Особая цензура) поступали телеграммы от адресатов, которые, как предполагалось, могли участвовать в шпионской переписке. Все телеграммы, проверенные по русскому «секретному списку», сначала передавались сортировщицам и отбирались по отдельным государствам, после чего распределялись по соответствующим группам для чтения. При работе цензоры должны были пользоваться «секретными списками» русской, английской и французской цензуры, а также архивом транзитного отдела. К работе с «секретными списками» старались подключать мужчин (в первую очередь офицеров), хотя ввиду недостатка кадров активно привлекались и женщины, пользовавшиеся «особым доверием». Телеграммы, не подлежавшие конфискации либо намеренно пропущенные в целях отслеживания шпионажа, поступали в другие отделы

---

[650] Там же. Д. 333. Л. 25об.
[651] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 101. Л. 2об, 3.

по принадлежности. Всего в отделе к марту 1917 г. работало 54 цензора (16 офицеров и 38 женщин), 4 смены дежурили круглосуточно по 10 человек[652].

В отделе внутренних телеграмм наибольшее внимание обращалось на корреспонденцию из губерний, примыкавших к театру военных действий, а также с Дальнего Востока, Персии и Финляндии. Всего в отделе было 72 цензора (включая руководителя и его помощника), по 16 человек в каждой смене[653].

Отдел международных телеграмм и транзитной корреспонденции основное внимание обращал на сообщения между нейтральными и союзными России государствами. Каждая страна обычно вверялась конкретному цензору, хорошо знавшему язык и особенности местной переписки. К марту 1917 г. в отделе дежурило 72 цензора, по 18 в четырех сменах[654].

В отдел банковской и коммерческой корреспонденции привлекались цензоры, знакомые с работой коммерческих и финансовых предприятий и в совершенстве знавшие иностранные языки, в первую очередь английский, на котором тогда велась основная часть международной деловой переписки. Этот отдел был важен для предотвращения экономического ущерба, который телеграммы могли нанести государству. Для цензоров здесь составлялись специальные инструкции, они были ознакомлены с кодами и шифрами, которые банки использовали в платежных и переводных телеграммах. Все подозрительные сообщения заносились в особые ведомости, часть могла затем попасть в «секретные списки» для дальнейшей работы контрразведки. В отделе состояло 16 военных цензоров, работавших по 4 человека на смене[655].

Отделы телеграмм действующей армии и военнопленных ведали поступавшими только на Главный телеграф сообщениями из армии и от

---

[652] Там же. Л. 3.
[653] Там же. Л. 3об.
[654] Там же.
[655] Там же. Л. 4об.

военнопленных, как вражеских, так и своих, из-за рубежа. В этих отделах состояло 24 военных цензора, по 6 на смене[656].

Отдел газетных и корреспондентских телеграмм просматривал сообщения ПТА, русских и иностранных корреспондентов газет в России и на театре военных действий. Главная задача отдела – предупреждать оглашение в печати военных тайн и всякого рода сведений, могущих неблагоприятно отразиться на ходе военных действий и нанести вред государству. Хотя газетные материалы затем просматривались военной цензурой при ПКДП, этот отдел был нужен как дополнительная гарантия, что та или иная недопустимая телеграмма не проникнет в печать. Цензоры отдела также были призваны заблаговременно осведомлять правительство о возникающих в России беспорядках, наблюдать за «правильным освещением» за границей происходящих в стране событий. Сотрудники должны были в совершенстве знать иностранные языки (прежде всего английский, немецкий, французский и итальянский), хорошо разбираться в военном деле. Работа требовала напряженного внимания и «глубокого проникновения в суть сообщений для избежания возможного оглашения» секретных сведений. В отделе с начала войны дежурило всего 4 офицера, опыт и знания которых давали «полную гарантию правильному и строгому пониманию ими своих сложных и ответственных обязанностей»[657].

В отдел телеграмм по военно-морским вопросам поступали все сообщения на военно-морскую тематику. В отделе посменно дежурило 5 офицеров, назначенных морским Генеральным штабом[658].

Цензоры контрольного отдела проверяли работоспособность, добросовестность и точность исполнения цензуры в отделах. Сюда назначались особо ответственные цензоры, знавшие в совершенстве

---

656 Там же.
657 Там же. Л. 5.
658 Там же. Л. 5об.

иностранные языки и обладавшие «служебным и житейским опытом». Всего здесь работало 25 человек, по 6 на смене[659].

Архивно-справочный отдел вел регистрацию телеграмм от лиц, за которыми было установлено наблюдение, снимал копии с международных сообщений, наводил и давал справки адресатам, ведал архивом военной цензуры на Главном телеграфе. Здесь работало 14 человек, по 4–5 в каждой смене, не считая руководителя и его помощника[660].

Прошедшие цензуру телеграммы подлежали пропуску, временной приостановке или конфискации. С сообщений последних двух групп снимались три копии, из которых одна направлялась в соответствующее учреждение (например, в контрразведывательное отделение, находившееся, как правило, при ВЦО штаба округа [661]), одна – для использования в цензурной работе и одна – в архив[662].

Огромные объемы работы и дефицит кадров на Главном телеграфе приводили к многочисленным задержкам и организационным трудностям, путанице в рассортировке, конфликтам между цензорами и другими сотрудниками. 29 ноября 1915 г. Д.П. Струков предложил следующий порядок: задерживаемые телеграммы дежурный военный цензор оставляет у себя до окончания дежурства. Затем они складывались в отдельный конверт и с надписью на конверте «Задержано военным цензором...», по окончании дежурства сдавались старшему военному цензору, а затем направлялись в ПВЦК [663]. Старший военный цензор при почтово-телеграфных конторах должен был составлять еженедельные ведомости движения корреспонденции и отчеты, содержавшие краткий обзор сведений в уничтоженных и задержанных телеграммах [664]. Собственный график сложился у пяти дипломатических цензоров на Главном телеграфе. Они дежурили в две

---

[659] Там же.
[660] Там же. Л. 6.
[661] *Кирмель Н.С.* Указ. соч. С. 458.
[662] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 752. Л. 1, 1об.
[663] Там же. Д. 777. Л. 1.
[664] Там же. Д. 108. Л. 171.

смены, с 11 утра до полуночи с дневным перерывом, когда поток телеграмм временно сокращался [665].

Особое положение занимали конторы и телеграфные станции, находившиеся вблизи границы и в соседних государствах. Так, в течение всей войны важным передаточным звеном между Россией и государствами Европы была Датская кабельная станция, располагавшаяся в г. Нюстаде (Финляндия). Принятые с ее аппаратов телеграммы направлялись на сортировку, где выделялись не подлежавшие цензуре правительственные и дипломатические телеграммы, остальные поступали в военную цензуру. При задержании телеграмм возвращался только служебный заголовок, необходимый для бухгалтерских расчетов[666].

Передача сведений по Датскому кабелю всегда вызывала подозрения ПВЦК. На заседании комиссии 1 февраля 1916 г. было обращено внимание на деятельность 125 иностранцев «Северной датской телеграфной компании», в основном датчан. При «фиктивном контроле с нашей стороны» они контролировали кабель в Данию. М.А. Адабаш отметил: «Появляющиеся в германских газетах телеграммы со сведениями из России давно уже заставляли предполагать, что дела с датским кабелем... обстоят неблагополучно». В отличие от постоянно портившегося кабеля в Александровске-на-Мурмане, этот практически не выходил из строя. Более того, немцы не мешали его чинить. Вероятно, благодаря этому кабелю они получали копии телеграмм, полученных из России и направлявшихся в Россию. Адабаш предложил заменить всех датских телеграфистов русскими, тем более что эта замена не причинит неудобств[667]. К июлю 1916 г. на Датском кабеле работало пять русских военных цензоров, под наблюдением которых и происходила передача телеграмм[668].

---

[665] Там же. Л. 3, 3 об.
[666] Там же. Д. 390. Л. 2–6.
[667] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1198. Л. 9, 11об., 12.
[668] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 588. Л. 36; Д. 333. Л. 112; Д. 776. Л. 294–301.

Военная цензура почтовых отправлений организовывалась, как правило, непосредственно в почтово-телеграфных конторах и отделениях. Основная часть писем и посылок просматривалось в Петрограде – крупнейшем в империи центре почтовых сообщений. Как отмечал в апреле 1917 г. председатель ПВЦК генерал-майор В.Н. Зайцев, Петроград в годы войны стал «единственным клапаном, через который вся Россия, а также транзитным путем страны Востока, имеют почтово-телеграфные сношения с союзными и нейтральными странами Западной Европы и большей части Америки»[669].

На основании ст. 51 «Временного положения о военной цензуре» составлялся акт о вскрытии, в котором указывалось, кому и куда адресовано почтовое отправление, кто автор, какие в нем вложения[670]. Цензоры писали меморандумы о причинах задержания. Особо подозрительные и спорные отправления пересылались в военно-цензурную комиссию, которая принимала окончательное решение об их дальнейшей судьбе[671].

Военная цензура при Главпочтамте состояла из 11 отделов.

Канцелярия руководила делами, отбирала корреспонденцию по «секретным спискам», наводила справки по заказным и простым почтовым отправлениям, просматривала и направляла в ПВЦК меморандумы и ежемесячные отчеты, переписывалась с военно-цензурными комиссиями и Главпочтамтом по делам личного состава, организационным и хозяйственным проблемам. Здесь работали 8 цензоров и представитель Главпочтамта[672]. За порядком работы цензоров наблюдал отдел контроля, в котором числилось 18 сотрудников[673].

Отдел просмотра корреспонденции по «секретным спискам» занимался отборкой писем от адресатов, заподозренных в шпионаже, и передаче их в

---

[669] Там же Д. 101. Л. 6.
[670] Там же. Д. 149. Л. 76; Д. 255. Л. 87–89.
[671] Там же. Д. 255. Л. 266.
[672] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 101. Л. 6об.
[673] Там же. Л. 8об.

контрразведывательное отделение. В отделе к февралю 1917 г. отделе работали 42 военных цензора[674].

Отделы просмотра простых и заказных международных почтовых отправлений просматривали, как правило, письма из провинции на редких языках. В отделе заказных отправлений (193 военных цензора) работали отделения: а) по просмотру корреспонденции заказной, абонементных ящиков и до востребования; б) по просмотру простых бандерольных отправлений, идущих за границу от редакций газет; в) по просмотру бандерольных отправлений военнопленных; г) по просмотру посылок до востребования; д) по просмотру страховой корреспонденции. К февралю 1917 г. сюда поступало около 4 тыс. международных заказных и 33 тыс. простых почтовых отправлений в день. Отдел простых отправлений (256 военных цензоров) состоял из отделений: а) по приему и выдаче простой корреспонденции; б) по разборке простой корреспонденции по языкам[675]. Простую международную корреспонденцию также просматривал соответствующий отдел исключительно вечерних занятий. К февралю 1917 г. здесь работало 95 военных цензоров, ежедневно поступало около 5 тыс. почтовых отправлений[676].

В отдел просмотра простой корреспонденции абонементных ящиков и корреспонденции до востребования ежедневно поступало около 1,3 тыс. почтовых отправлений в день и около 300 писем до востребования. Здесь работало 23 военных цензора[677].

Отдел по надзору при разделке и отправке корреспонденции на экспедициях почтамта контролировал досмотр поступающих мешков и пакетов на предмет контрабанды, а также писем и произведений печати. В

---

[674] Там же. Л. 6об., 7.
[675] Там же. Л. 7, 7об.
[676] Там же. Л. 8.
[677] Там же.

отделе работали 6 военных цензоров, по три человека в утреннюю и вечернюю смену[678].

При Главпочтамте также работал отдел просмотра корреспонденции военнопленных. В феврале 1917 г. сюда поступало в среднем около 220 тыс. почтовых отправлений в день. 457 военных цензоров просматривали всю исходящую корреспонденцию и небольшую часть (2-3%) входящей. Остальное (прежде всего открытки) подвергалось «поверхностному наружному просмотру», штамповалось и после обязательных двух недель задержки передавалось для отправки по назначению[679]. В Петрограде просматривалась корреспонденция, направлявшаяся в Петроградскую, Псковскую, Эстляндскую, Лифляндскую, Витебскую, Олонецкую, Вологодскую, Архангельскую, Тверскую, Новгородскую губернии. В губернских центрах цензуровались отправления в Казанскую, Пермскую, Вятскую, Харьковскую, Киевскую, Саратовскую, Самарскую, Астраханскую губернии. В центрах военных округов (Ростове, Одессе, Ташкенте, Москве, Омске, Томске, Иркутске) цензуровалась корреспонденция, направлявшаяся в близлежащие губернии.

Отделы просмотра простых и заказных международных почтовых отправлений, а также корреспонденции военнопленных делились на две группы и работали в 2 смены – утренняя (с 9:00 утра до 15:00) и вечерняя (с 16:00 до 22:00). Цензоры остальных отделов при Главпочтамте занимались с 10:00 до 16:00. Отдел исключительно вечерних занятий работал с 17:00 до 23:00. Обед у цензоров продолжался с 13:00 до 14:00. Каждый четвертый день они получали выходной, нерабочими были также дни Рождества, Нового года и Пасхи. С декабря 1915 г. в Петрограде в канун Рождества и Нового года вечерние смены заканчивались в 21:30 вместо 23:30, а цензоры

---

[678] Там же. Л. 9.
[679] Л. 8, 8об.

могли дежурить в половинном составе группы при условии, что это не повредит отправке корреспонденции[680].

Отдельно стоит отметить службу перлюстрации – секретного отделения, работавшего в начале XX в. под прикрытием отдела цензуры иностранных газет и журналов. Помещения этой цензуры находились на третьем этаже Главпочтамта и делились на две части: в первой, официальной половине работали цензоры газет и журналов. В кабинете заведующего, М.Г. Мардарьева, находился секретный вход во «вторую половину» – четыре комнаты, где занимались перлюстрацией писем людей из заранее подготовленных списков, где упоминались в том числе представители высшей бюрократии империи, члены Думы и Государственного совета, политические, общественные и культурные деятели. Полученная информация передавалась председателю Совета министров и рассылалась в МВД, министерства Военное, Морское и иностранных дел[681].

Формально перлюстраторы являлись и военными цензорами, подчинявшимися ПВЦК, а сама служба перлюстрации продолжала свою деятельность и в годы Первой мировой войны. Ежедневно сюда доставлялось около 2 тыс. заграничных изданий, в дни почты из США (два раза в неделю) – до 6 тыс., адресованных на имя различных учреждений и лиц. Издания просматривались лишь с «внешней стороны», на предмет надписей, проколов, вложений, тайной переписки и других способов передачи шпионских сведений. Задерживались газеты и журналы из Германии и Австрии на имя вражеских военнопленных в России[682].

К концу 1915 г. отдел состоял из 21 цензора, из них трое были военными чинами. В начале 1916 г. один из них был мобилизован на фронт, и в целом в течение года состав уменьшился до 17 сотрудников[683], однако Мардарьев не попросил усиления состава, в отличие от большинства других старших

---

[680] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 108. Л. 338, 344; Д. 277. Л. 63.
[681] *Измозик В.С.* Указ. соч. С. 200–201, 220.
[682] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 101. Л. 15, 15об.
[683] Там же. Д. 51. Л. 4–5.

военных цензоров. В мае 1916 г. он сообщал в ПВЦК, что сотрудники отдела «настолько свыклись с своею работой и просмотр иностранной печати идет настолько быстро, что не представляется необходимости замещать вакансию»[684].

Возглавляя перлюстрацию, Мардарьев тем не менее активно работал и над цензурой печати, найденной в почтовых отправлениях. В записке в ГУПТ (конец декабря – январь 1917 г.) он отмечал, что Германия и Австрия ведут пропаганду с помощью пересылки своей печати через Россию, а по факту – и в саму Россию. Один из главных и наиболее успешных способов – вкладывать воззвания и листовки в пересылаемые журналы [685] . С упразднением цензуры иностранных газет и журналов (10 июля 1917 г.) были уволены 38 перлюстраторов, из них 16 – в Петрограде, 9 – в Москве, 6 – в Варшаве, 4 – в Одессе, 3 – в Киеве[686].

Военно-полевая цензура работала отдельно от Главпочтамта и Главного телеграфа. Здесь к 1 марта 1917 г. работало 502 цензора. Во главе стоял старший военный цензор, связанный по вопросам техники пересылки почты со старшим военным цензором при Главпочтамте. Главная задача отдела – прочтение корреспонденции, адресованной как в действующую армию, так и следующей оттуда в Петроград. На сменах работало около 300 цензоров, просматривавших ежедневно 40-45 тыс. закрытых писем. За недостатком помещений отдел разделялся на 2 группы, по очереди работавшие утром (с 9:00 до 15:00) и вечером (с 16:00 до 22:00). Прочитанные письма в тот же день (в 15:00 и в 22:00) направлялись по адресу. В отдельные помещения складывалась задержанная корреспонденция[687].

Обособленно работал и Транзитный отдел столичной военной цензуры, просматривавший и письма, и телеграммы, и посылки, шедшие через территорию России. Главные задачи отдела: 1) Пресечение попыток

---

[684] Там же. Д. 415. Л. 112.
[685] Там же. Д. 90. Л. 141.
[686] *Измозик В.С.* Указ. соч. С. 260.
[687] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 101. Л. 10.

германских торговых фирм и частных лиц сноситься через Россию с немцами в Китае, Японии, Сиаме, США. Как отмечал генерал-майор В.Н. Зайцев, попытки эти стали «особенно настойчивыми и трудноуловимыми после установления англичанами строгого контроля на водных путях между Германией и вышеназванными странами» [688] . 2) Использование обнаруженных в переписке ценных сведений о попытках завоза в Германию продуктов и вывоза ненужных ей товаров (предметы роскоши, краски и др.). Эти сведения передавались англичанам и французам для пресечения каналов поставок. 3) Выявление в корреспонденции материала, представляющего интерес для правительства, в частности – о внутреннем положении Германии, настроениях населения, военных и торгово-промышленных кругов, Рейхстага и др.

Мешки с корреспонденцией доставлялись в Транзитный отдел ежедневно и сдавались под расписку почтовому чиновнику. Затем они вскрывались помощником заведующего, который, совместно с иностранными офицерами, бегло просматривал и отбирал письма, адресаты которых были в «черных списках» союзников. Далее письма сортировались по языкам и раздавались цензорам. На прочитанные письма они накладывали свой штамп и сдавали в контрольное отделение. Задержанные отправления сдавались руководителям групп, которые разбивали их на подлежащие конфискации и представляющие интерес для России и союзников. Иностранные офицеры периодически предоставляли обновленные «черные списки» адресов и адресатов, составленные в Лондоне и Париже. Для наблюдения за деятельностью подозрительных коммерсантов устанавливался особый рабочий список, называвшийся «дневным». Имена коммерсантов, скомпрометированных перепиской с германскими фирмами, вносились в «русский телеграфный список», сведения из которого также отправлялись союзникам. Из бандеролей с газетами и журналами изымались немецкие и австрийские издания как «орудие пропаганды». Личной цензуре

[688] Там же.

заведующего отделом и союзных офицеров подлежали телеграммы с малопонятным содержанием и вообще все подозрительные отправления[689].

Для улучшения работы почтово-телеграфной цензуры в 1915–1916 гг. проводились организационные реформы. Энергично взялся за дело новый председатель ПВЦК М.А. Адабаш. Еще до своего назначения, на заседании комиссии 20 января 1916 г. он указал на неудовлетворительную работу столичной цензуры и заявил: «Время не ждет. Мы накануне оживления грандиозных военных событий. Нужны энергичные меры для почтовой цензуры, не теряя ни одной минуты»[690].

Для введения цензуры в полном объеме и просмотра всего потока число цензоров на Главном телеграфе предполагалось довести с 91 до 427 человек, не считая 56 нижних чинов (рассыльных, сторожей, прислуги, вестовых)[691]. 1 февраля 1916 г. Адабаш докладывал в штаб Северного фронта, что с 14 января установлена полная цензура всей корреспонденции до востребования и по условным адресам. Увеличен и контроль переписки между действующей армией и тылом: «В самое ближайшее время через военную цензуру в Петрограде будет проходить не менее 30 % корреспонденции этого рода». Предполагалось также исключить частые случаи двойной цензуры телеграмм на Главном телеграфе и в военной цензуре при ПКДП [692] . Для перераспределения нагрузки было предложено увеличить просмотр заграничных телеграмм за счет просматривавших внутренние[693].

К 1914 г. через Финляндский вокзал ежедневно проходило около 7,5 тыс. посылок, в том числе из-за рубежа[694]. В годы войны этот поток постоянно рос, и для его контроля штаб Петроградского военного округа в январе 1916 г. учредил на вокзале специальный военно-цензурный отдел[695]. Рабочий день

---

[689] Там же. Л. 11–12.
[690] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 303. Л. 8.
[691] Там же. Д. 333. Л. 27об., 28.
[692] Там же. Л. 28.
[693] Там же. Л. 29.
[694] Там же. Л. 45–47об.
[695] Там же. Д. 277. Л. 126.

его сотрудников продолжался с 9:00 до 22:00, однако нередко дежурства начинались с 7:00 и заканчивались за полночь. В одной смене были заняты 15 цензоров, не считая многочисленный вспомогательный персонал (распаковщики, «работницы»). Одновременно на вокзале работали чины Отдельного корпуса жандармов, имевшие подробные инструкции по досмотру багажа. На заседании ПВЦК в феврале 1916 г. возглавлявший отдел при Финляндском вокзале полковник Н. Горленко предложил организовать три смены: одна должна была работать от 7 до 10:30 утра, вторая – с 10:30 до 17:00, третья – с 17:00 до 1 часа ночи и позднее. Для этого необходимо было нанять еще двух цензоров, желательно – знавших скандинавские языки[696].

Отдел досматривал посылки, прибывшие по железной дороге со всей России, адресованные на имя военнопленных и не досмотренные на местах, посылки частным лицам в Финляндии, отправления в нейтральные и союзные страны. Досматривался также пассажирский багаж. Пассажир мог взять с собой до 500 руб., запрещалось вывозить золото, серебро и медь, различные ценные материалы (кожа, резина и др.). Запрещенные вложения возвращались обратно с актом, где объяснялись причины отказа отправлять посылку. Всякого рода корреспонденция (записные книжки, заметки, листки и рукописи, печать на иностранных языках) могла быть изъята и передана заведующему жандармским надзором. Цензоры часто разрезали и распаковывали хлеб, сухари, сало, масло и другие продукты, в которых могли содержаться секретные послания. Тяжелый багаж должен был просматриваться «самым тщательнейшим образом» станционным унтер-офицером в присутствии владельца и двух железнодорожных служащих. На каждом отобранном предмете помещались сведения о хозяине. Почти все посылки приносились публикой с ненадписанными адресами, для их подписи на вокзале действовало специальное отделение. Все адреса проверялись, так

---

[696] Там же. Д. 461. Л. 285–287.

как нередко предпринимались попытки отправить посылки германским и австрийским подданным, что было запрещено[697].

При отделе состояла комиссия по опросу инвалидов, прибывших из вражеского плена, производился их досмотр на предмет ценных вещей (оставались на хранении в 108 сводно-эвакуационном госпитале). Опрос производился добровольно и обычно включал следующие вопросы: где и когда они были взяты в плен; где содержались, как их кормили, какое к ним было отношение властей и населения; если бежали, то когда и как; каким подвергались наказаниям, были ли проявления к ним и другим пленным особой жестокости; что замечали, проезжая через вражеские местности; не были ли свидетелями склонения евреев, мусульман, малороссов к сотрудничеству. Если цензор убеждался, что предоставленные сведения интересны и достоверны, он вносил их в специальный протокол. Один экземпляр направлялся в Чрезвычайную следственную комиссию для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками, еще два – в ГУГШ и ПВЦК. Особое внимание обращалось на рассказы об экономическом положении Центральных держав[698].

При расследовании деятельности ПВЦК в марте 1916 г. цензура на Финляндском вокзале получила положительные отзывы: «Дело поставлено серьезно, досмотр производится жандармскими унтер-офицерами в присутствии военного цензора более чем тщательно, весь материал предоставляется ими военным цензорам. <...> Видна постоянная работа и желание достичь идеала»[699]. Тем не менее М.А. Адабаш считал, что предпринятых усилий было недостаточно, особенно учитывая относительно низкую загруженность цензоров на вокзале. По его словам, условия службы там военной цензуры «настолько отличаются от условий службы в других

---

[697] Там же. Д. 333. Л. 48–51.
[698] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 101. Л. 16–18об.
[699] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 776. Л. 294–301.

отделах военной цензуры, что вызывают... вполне справедливые нарекания». Дежурство там занимало меньше времени, а оплата в некоторых случаях превышала 3 руб. в сутки. Эти льготы вызывали «недовольство и брожение в других отделах»[700].

Необходимость более строгого контроля над грузами, проходившими через Петроградский порт, ПВЦК осознала лишь к концу первого года войны. С декабря 1914 г. и до 2 июня 1915 г. в портовой таможне работал лишь один цензор, поручик М.В. Гусаров. Ему в помощь иногда командировался военный цензор для просмотра посылок вражеским военнопленным. 2 июня 1915 г. был прикомандирован Ю.И. Вилленц, ставший после мобилизации Гусарова в июле старшим военным цензором. Досмотр посылок в это время осуществлялся на нижнем этаже и на чердаке порта. В 1915 г. ввиду эвакуации ряда городов на западных окраинах империи нагрузка на петроградскую таможню значительно возросла, справляться с потоком становилось все труднее. Не помогло и прикомандирование двух дополнительных цензоров. В январе 1916 г. в таможню ежедневно поступало 2-3 тыс. посылок, а просматривалось 7-10% от этого количества[701]. К февралю 1916 г. в таможне лежало около 20 тыс. недосмотренных посылок, еще около 100 тыс. отправлений из Швеции находилось в Архангельске[702]. Большой проблемой была транзитная корреспонденция. 14 декабря 1916 г. Вилленц просил Адабаша перевести ее в Транзитный отдел, так как ему было негде хранить растущие «залежи» посылок[703].

Главная цель портовой цензуры заключалась в обнаружении тайной переписки и недопущении сведений, запрещенных «Перечнем». Таможенный досмотр производился ежедневно, на двух этажах, где работали по 9-12 контролеров, еще двое досматривали особые посылки, по каким-либо причинам не доставленные получателю и направленные обратно. На каждом

---

[700] Там же. Д. 333. Л. 152.
[701] Там же. Л. 57–63.
[702] Там же.
[703] Там же. Д. 364. Л. 590.

этаже присутствовал особый руководитель по военно-цензурным вопросам[704]. Если к началу марта 1916 г. в военной цензуре при портовой таможне работало 10 человек (9 мужчин-цензоров и одна переводчица), то 9 апреля – 17 (14 и 3 соответственно). В дальнейшем штат увеличивался в основном за счет переводчиц: к июлю численность стабилизировалась на 30-31 человеке, из них только 8 были мужчинами. Раз в 4-5 дней отдыхали 2-3 человека, хотя часто бывали исключения. Например, цензор Н.Ф. Мосолов работал 2 недели подряд и только затем взял выходной. Один из цензоров работал в ночную смену с 2 до 7 утра, остальные – с 10:00 до 16:00, в некоторых случаях – с 9:00 до 14:00 и с 9:00 до 19:00[705]. Большинство цензоров ничем не выделялись среди других работников таможни. Вилленц в связи с этим докладывал Адабашу в апреле 1916 г., что цензоров «зачастую смешивают со служащими таможни и упаковщицами, и тем самым не достигается моральное воздействие военной цензуры на окружающих». Для «должного поддержания авторитета» он предложил вариант нарукавной повязки для цензоров и переводчиц, на что получил одобрение[706].

За годы войны в цензуре при портовой таможне установился свой порядок работы. Вначале посылки просматривались на предмет вложений – писем, газет, журналов, драгоценностей и материалы, запрещенных к вывозу из России. Циркуляры МВД от 13 января и 3 февраля 1915 г. предупреждали о пересылках революционной литературы и листовок в посылках с двойным дном и в подкладах одежды. В документах перечислялись книги, журналы, воззвания, запрещенные к пересылке в Россию[707]. Консервы фабричной запайки пропускались без досмотра, ручной – вскрывались и досматривались, даже если там были скоропортящиеся продукты (масло, варенье и т.п.), а затем запаивались обратно[708]. В июне 1915 г. запрещена была и пересылка за

---

[704] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 101. Л. 14об., 15.
[705] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 364. Л. 9.
[706] Там же. Л. 147–150.
[707] *Измозик В.С.* Указ. соч. С. 527–528.
[708] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 622. Л. 12, 17.

границу предметов в запаянных герметических коробках, а также посылки военнопленным из любого металла[709].

Часть содержимого пересылалась в другие цензурные подразделения: печать и граммофонные пластинки направлялись в ПКДП, киноленты – группе цензоров под управлением полковника Г.К. Ерошевича[710]. Перед этим цензорам предписывалось проводить «строгий наружный досмотр», обращая особое внимание на различные проколы, надписи, пустые страницы и т.п. [711] Отправители и получатели часто жаловались на задержки таможенной цензуры[712].

Летом 1915 г. штаб 6 армии провел ревизию военно-цензурных пунктов Петроградской (22 пункта), в Эстляндской (6), Лифляндской (12) губерний. В пунктах Петроградской губернии работали почтово-телеграфные чиновники, исполнявшие обязанности военных цензоров при конторах. В двух других губерниях их функции, как правило, возлагались на начальников контор и их помощников, у которых и без того было много работы: «Организация занятий при почтово-телеграфных конторах совершенно случайная и в этом смысле определенных часов для работы нигде не установлено. Происходит это вследствие того, что начальники... контор и их помощники… обременены своими прямыми обязанностями и могут заниматься цензурой лишь в зависимости от свободного времени». Продуктивность цензоров в местных конторах была «весьма разнообразной» и составляла от 100 до 300 почтовых отправлений в день. Конторы «настолько удалены друг от друга, что хотя по закону почта и не должна миновать цензурного пункта, но на практике это, вероятно, часто случается». Штампы цензуры ставились без фамилий и только с номерами, так как цензоры боялись «мести со стороны всесильных баронов». Выяснилось также, что в Везенберге на двух цензоров приходился только один штамп, хотя у каждого должен был быть свой. Обычно в пункте

---

[709] От Главного управления почт и телеграфов // Речь. 1915. 9 июня.
[710] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 364. Л. 176.
[711] Там же. Л. 494.
[712] Там же. Л. 202.

имелся цензор, знавший местные языки, и второй, знавший также немецкий, «иногда» – французский. Значительная часть цензоров знала только русский и по возможности «сваливала» письма на иностранных языках в другие конторы или в Петроград. Кроме того, обнаружилось, что в предыдущие 3 месяца военные цензоры не вели никакой отчетности, хотя обязаны были предоставлять еженедельно в штаб армии сведения по установленной форме. С мая 1915 г. генерал П.Г. Курлов отменил отчетность, так как она, по его мнению, «однообразна и неинтересна»[713].

Надо отметить, что Курлов был в этом мнении не одинок. В сентябре того же года председатель Иркутской ВЦК полковник К.Ф. Дубовик просил цензоров прикладывать к отчетам «только интересные в каком-либо отношении для отчета» письма[714]. 27 января 1916 г. М.А. Адабаш в письме старшему военному цензору Шлиссельбургской почтово-телеграфной конторы отмечал, что его обзоры писем «очень незначительны», и просил сообщать о посмотренном более подробно[715].

Как в Петрограде, так и в провинции доля просмотренных писем по-прежнему редко превышала 10 %. К примеру, со 2 по 9 января 1916 г. в Петроградском почтово-телеграфном округе было просмотрено 143309 отправлений из поступивших 1 115 936, или 13,3 %. Среди лидеров была контора в Сергиевой пустыни, просмотревшая около 63% поступавшей корреспонденции, в то время как в Гатчинской и Царскосельской – около 8 %. Однако и нагрузка была разной: в первую поступило 3625 простых отправлений, а в другие две – 57014 и 97232 соответственно. При этом в Сергиевской конторе работал один цензор, а в Гатчинской и Царскосельской – по 3, и в среднем на одного цензора нагрузка была сопоставимой: 2080 и 2611 в Гатчинской и Царскосельской и 2289 – в Сергиевской. На этом фоне наибольшую нагрузку испытывала Лужская контора, где три цензора

---

[713] Там же. Д. 108. Л. 85–87.
[714] РГВИА. Ф. 1468. Оп. 6. Д. 8. Л. 9.
[715] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 108. Л. 235.

просмотрели за указанную неделю 13172 письма – всего 14 %[716]. Значительную долю составляли письма из частей, расквартированных в прифронтовых губерниях. Гатчинская контора с 16 по 22 января 1916 г. просмотрела 1790 писем из 17000 поступивших, то есть около 10 %. Корреспонденция из запасных батальонов, маршевых рот и других тыловых частей просматривалась во вторую очередь: из поступивших 36 тыс. писем за тот же период было просмотрено 1180[717]. Такая ситуация неминуемо должна была привести к задержкам писем и телеграмм, а значит и к общественному недовольству.

2.2. Почтово-телеграфная цензура и общество

Будучи структурой по своей сути карательной и имеющей доступ к секретной информации, цензура, тем не менее, позиционировала себя как государственное учреждение, выполняющее свои специфические функции. Не были секретом адреса цензуры и ее руководители[718], свободно распространялись «Временное положение» и «Перечень» запрещенных сведений, а сотрудников, как уже отмечалось, искали в том числе с помощью объявлений в газетах. Цензоры не скрывали своего места работы, напротив, упоминания о нем постоянно встречаются в различных справочниках[719] и персональных документах. К примеру, в метрической записи о женитьбе студента Московского университета 24 января 1916 г. одним из поручителей был указан писарь Московской военно-цензурной комиссии[720]. Сохранилось

---

[716] Там же. Д. 312. Л. 394.
[717] Там же. Л. 74.
[718] См., напр.: Всеобщий календарь на 1915 год. Пг., 1915. С. 535, 572. Благодаря справочникам было известно, например, что МКДП находился в Малом Кисельном пер., д. 11, кв. 4. Указан телефон, часы работы и полный список сотрудников (Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1916 год. М., 1916. С. 52).
[719] Известны были, например, личные адреса и телефоны Алексея Алексеевича Круглого и Аркадия Алексеевича Альфонского – помощников московского цензора по иностранной цензуре (Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1916 год. М., 1916. С. 745, 994).
[720] ЦГА Москвы. Ф. 2121. Оп. 3. Д. 154. Л. 72.

и несколько групповых фотографий сотрудников столичной цензуры. Сами цензурные учреждения вели достаточно открытую деятельность, не только не скрывая, но с готовностью показывая результаты своей работы. ПВЦК, например, приняла активное участие в выставке «Печать и война» в ноябре 1914 г., представив подробные статистические данные о количестве просмотренных изданий и корректурных полос за прошедшие месяцы[721]. Участвовала военная цензура и в помощи фронту, больным и раненым воинам. Так, 9 января 1917 г. состоялся благотворительный концерт, организованный ПВЦК для сбора средств на подарки нижним чинам 5 армии[722]. Сохранилось также несколько групповых фотографий, сделанных сотрудниками столичной военной цензуры[723].

При этом в обществе по-прежнему доминировало представление о цензуре как о препятствии, усложняющем коммуникацию, издательский и творческий процесс, финансовые и торговые операции. Авторы, как правило, считали, что для цензурных запретов их писем не было никаких причин. В первую очередь это коснулось фронтовиков. Резкие перемены в повседневной жизни после мобилизации, тяжелый и однообразный быт вызывали естественное желание новобранцев постоянно делиться своими впечатлениями с родными. «Солдаты очень любят писать письма – благо за марки платить не нужно», – отмечал в дневнике офицер 429 пехотного Рижского полка Я.Ф. Кравченко[724].

Письма стали частью повседневности и писались при первой возможности. Маршал Советского Союза Г.К. Жуков вспоминал о начале своей службы в императорской армии в 1915 г.: «Дни потянулись однообразные, как две капли воды похожие один на другой. Подошло первое воскресенье. Думали отдохнуть, выкупаться, но нас вывели на уборку плаца

---

[721] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 773. Л. 258; НИАБГр. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1881. Л. 222.
[722] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 784. Л. 62.
[723] ЦГАКФФД СПб. Фотодокументы. Оп. 1Е-3. Ед. хр. 2786; Оп. 1Ж-1. Ед. хр. 477, 478.
[724] Первая мировая война 1914–1918 гг. в дневниках и воспоминаниях офицеров Русской императорской армии: Сб. документов. М., 2016. С. 136.

и лагерного городка. Уборка затянулась до обеда, а после “мертвого часа” чистили оружие, чинили солдатскую амуницию и писали письма родным. Ефрейтор предупредил, что жаловаться в письмах ни на что нельзя, так как цензура все равно не пропустит»[725]. Частая в тех условиях задержка письма цензурой, как правило, встречала непонимание. Солдат М. Якупов писал семье в Челябинск 5 января 1915 г.: «Неужели письма не доходят, ведь я и писал-то самую пустяковину. А ведь как хочется с кем-нибудь поделиться переживаемым, здесь не с кем»[726].

Понимая, что цензоры скорее всего вымарают все запретные мысли и рассуждения, нижние чины в основном затрагивали нейтральные темы (здоровье, погода, мелочи быта и др.), однако зачастую не могли не намекнуть, что на бумаге им нельзя выразить всего увиденного. «Впечатлений масса, – писал солдат 98-го пехотного запасного батальона своим знакомым, – но, увы, – все или почти все они составляют область цензурного вмешательства» [727] . «Много дум навевают совершающиеся события, одна другой хуже. Да всего не выскажешь: за спиной стоит цензор»[728]. Письма из тыла также проходили проверку. Новости, могущие вызвать у фронтовиков удручающее впечатление («мать больна», «жена бросила дом и неизвестно куда ушла», «брат расхищает имущество», «сын скончался», «приезжай для раздела», невыдача казенного пайка и др.[729]), цензурovались особенно внимательно и, как правило, вычеркивались.

Наиболее очевидным следствием медлительности цензуры и почты стали «залежи» непросмотренной почтовой корреспонденции. Уже 22 июля 1914 г. ГУГШ сообщало в штаб столичного военного округа, что на Главном телеграфе скопилось «громадное количество телеграмм, подлежащих военной цензуре», и просило выделить офицеров, знавших иностранные

---

[725] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 1. М., 1986. С. 48.
[726] Цит. по: *Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М.* Указ. соч. С. 121–122.
[727] Цит. по: *Шайпак Л.А.* Борьба политических партий России за армию в начале XX века: на материалах Среднего Поволжья. Дисс... д.и.н. Чебоксары, 2015. С. 266.
[728] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1049. Л. 161.
[729] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 778. Л. 7–9; Д. 764. Л. 29.

языки [730] . О масштабных задержках корреспонденции местные власти сообщали со всех концов империи[731].

Появлению «залежей» способствовали прежде всего меры военных властей по борьбе с шпионажем. В сентябре 1915 г. штаб Петроградского военного округа потребовал, чтобы вся заграничная корреспонденция и телеграммы из России за границу просматривались цензурой полностью. Считалось, что это позволит прервать получение иностранными тайными агентами шпионской информации из России. Признавалось даже желательным задерживать корреспонденцию на 1-2 недели вне зависимости от скорости просмотра ее цензором [732] . Важным фактором являлись многомесячные простои частей в тылу и бесплатная пересылка писем, вследствие чего солдаты и офицеры писали домой весьма часто. Один из нижних чинов сообщал родителям 12 декабря 1914 г.: «Я высылаю вам в последнее время массу писем: штук 8-10 в месяц, но не увидел, что вы их получаете» [733] . 10 октября 1915 г. начальник Новгородской почтово-телеграфной конторы писал Д.П. Струкову, что после массового притока в губернию беженцев и увеличения числа военных корреспонденция «страшно увеличилась». Из одного только 177 запасного батальона ратников 2 разряда в день исходило около 20 тыс. писем, и для их полного просмотра следовало нанять до 200 цензоров. Писали нижние чины зачастую «безграмотно, почерком, трудно поддающимся чтению»[734].

Особенно сложной была ситуация в Петрограде. 21 августа 1914 г. на совещании под председательством начальника ГУПТ В.Б. Похвистнева было решено немедленно опубликовать в печати сообщение о совершенной невозможности доставить корреспонденцию во вражеские страны. Для установления цензуры переписки с нейтральными и союзными державами

---

[730] Там же. Д. 6. Л. 12.
[731] Там же. Д. 4. Л. 44; Д.5. Л. 38.
[732] Там же. Д. 224. Л. 46.
[733] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 53.
[734] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 108. Л. 105.

совещание выделило особые цензурные пункты по главным путям следования таких отправлений. Тогда же было принято разделение корреспонденции на иностранную и внутреннюю. Последнюю разделили на идущую в армию и из армии, а также «чисто внутреннюю», тыловую, которую, как признавалось, невозможно было полностью контролировать без «колоссального замедления», да и «едва ли в этом встречается особая необходимость»[735].

Осенью 1914 г. проблема «залежей» усугубилась в связи с уменьшением числа станций, через которые можно было переслать корреспонденцию, а также быстро растущим потоком переписки с армией. К 26 ноября в Петрограде «залежи» составляли 259,6 тыс. простых отправлений, заказных – 1740, к 1 декабря – 299,8 и 1725 соответственно[736]. Обострилась ситуация и в Псковской губернии, где при ежедневном поступлении 10 тыс. почтовых отправлений просматривалось не более 10 %, и местные военные цензоры просили увеличения штатов за счет найма свободных почтово-телеграфных чиновников и «посторонних» лиц[737]. Д.П. Струков в одном из докладов подчеркивал, что эти проблемы вызваны «отчислением и перемещением офицерского состава военных цензоров и заменой их... менее опытными военными цензорами»[738].

Другие цензоры указывали на необходимость совершенствования процесса работы. 4 декабря 1914 г. цензор А.Н. Баумгарт сообщил председателю ПВЦК, что в цензуре при Бюро военнопленных скопилось более 200 тыс. непрочитанных писем. По его мнению, при «полной усидчивости и более чем интенсивном труде» цензор может просмотреть не более 500 отправлений в день, не считая заказных и писем военнопленных, которые обычно были большими, подробными и написанными мелким

---

[735] Там же. Д. 4. Л. 161, 167.
[736] Там же. Д. 60. Л. 50, 68.
[737] *Кондратеня А.В.* Военные цензоры в Псковской губернии периода Первой мировой войны // Псков. 2014. № 40. С. 186.
[738] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 60. Л. 6.

почерком. Баумгарт отмечал, что запретные сведения встречаются не более чем в 2-3 % корреспонденции. По большей части это были преувеличения количества взятых в плен, изредка указывались названия частей и сведения, которые фактически уже не являлись секретом: многое было передано вернувшимися с фронта домой, распространялось в виде слухов на вокзалах, в лазаретах и других общественных местах. В связи с этим цензор предлагал все письма русских военнопленных, присланных до 1 ноября, пропустить без цензуры [739]. Подобные просьбы шли и от других начальников почтово-телеграфных контор.

Корреспонденция поступала в столицу «волнами», загрузка телеграфа и почты зависела от времени суток, года, приближения праздников. Традиционно напряженными были последние дни перед Новым годом[740]. В любой сезон много проблем доставляла корреспонденция военнопленных. 21 октября 1914 г. заведующий военной цензурой при Центральном справочном бюро о военнопленных М.В. Линдестрем сообщал Струкову, что сосланные в северные губернии германские и австрийские военнообязанные пишут «обширные письма (иногда на 16 страницах почтовой бумаги большого формата), главным образом сентиментального характера». Цензор «при самой усидчивой семичасовой работе» мог просмотреть самое большее 200 писем в день, из-за чего «залежи» к тому моменту достигли 50 тыс. отправлений[741]. Неразборчивый почерк также задерживал процесс. Один из военнопленных получил открытое письмо из-за границы с надписью: «Скажите спасибо за то, что мы пропустили эту открытку, так как она написана неясно и нечетко»[742].

17 января 1915 г. А.И. Звонников просил Д.П. Струкова довести до военнопленных мысль, что их пространные письма на родину будут просматриваться очень долго, и в их интересах писать более лаконично, либо

---

[739] Там же. Л. 71.
[740] Там же. Д. 598. Л. 42.
[741] Там же. Д. 60. Л. 9.
[742] Там же. Д. 274. Л. 265.

же отправлять открытки. В связи с этим председатель ГВЦК предложил просматривать в приоритетном порядке именно открытые письма, даже если какие-то из них пришли в цензуру позже закрытых[743]. Еще одним способом решить проблему «залежей» было ограничение количества отправлений одним гражданским лицом. Генерал-квартирмейстер штаба 6 армии в докладе 9 ноября 1915 г. в штаб Северного фронта напоминал, что это ограничение «между прочим давно уже введено в Германии». Само письмо должно было быть, по его мнению, не более двух листов, написано «четким и достаточно крупным почерком». Запрещалось писать поперек написанного, сохранять между строчками пространство, оставлять конверты незаклеенными, использовать конверты с подкладкой, вкладывать приложения в виде вырезок из газет[744].

Скорость просмотра сильно зависела от языка, на котором было написано письмо. В провинции не хватало людей, знавших даже распространенные французский или немецкий, не говоря уже о японском или китайском. Крайне редко встречались переводчики с венгерского. Сравнительно медленнее шел разбор писем, например, на чешском: к декабрю 1915 г. таковых не было просмотрено около 900 тыс.[745] Чешские пленные жаловались на долгую доставку корреспонденции из дома[746], в связи с чем ПВЦК выдвигала идею пропускать эти письма без цензуры[747]. Такие же меры предлагались и в отношении писем на датском вследствие крайне малого числа лиц, знавших этот язык[748]. М.А. Адабаш не соглашался, напоминая, что они могли быть специально написаны на редком языке, чтобы провезти в Россию прокламации и воззвания[749].

---

[743] Там же. Д. 60. Л. 223.
[744] Там же. Д. 224. Л. 61–63.
[745] Там же. Л. 18.
[746] Там же. Л. 20, 24.
[747] Там же. Д. 274. Л. 20, 24.
[748] Там же. Д. 598. Л. 63.
[749] Там же. Д. 333. Л. 70об.

Количество непросмотренных отправлений неуклонно росло вместе с новыми волнами мобилизации и быстрым увеличением количества пленных. В январе 1915 г. на Главпочтамте оставалось без движения 479,2 тыс. посылок. Ситуацию усугубило отсутствие альтернатив столице: то, что раньше проходило через приграничные почтово-телеграфные конторы, ныне, как правило, пересылалось через Петроград[750].

В провинции ситуация с «залежами» варьировалась от сложной до критической и во многом зависела от географического положения почтово-телеграфной конторы или военно-цензурного пункта. Далеко не всегда передаточный узел обладал достаточным кадровым составом, что особенно заметно на примере небольших пунктов вблизи театра военных действий. К примеру, с 18 июля по 11 сентября 1915 г. в Тихвинскую почтово-телеграфную контору поступило 147134 письма, из которых двумя военными цензорами было просмотрено 45718[751]. Шлиссельбургская контора с 3 по 10 января 1916 г. просмотрела 960 писем в армию из поступивших 2465, Царскосельская (с 3 по 9 января) — 4983 из 38387[752]. При этом задержки по каким-либо подозрениям были редким явлением. Так, в Лужской конторе (работало 3 цензора) из поступивших за 17-23 января 1916 г. 77440 писем и телеграмм было задержано только 55[753].

Удаленные восточные регионы империи, куда направлялись военнопленные, сильнее всего ощутили рост нагрузки на почтовое сообщение. Иркутский цензор Авакумов докладывал полковнику К.Ф. Дубовику, что с 16 ноября по 1 декабря 1915 г. были просмотрены 4862 посылки, из которых с запада для военнопленных предназначалось 4589. В связи с этим временно разрешалось пропускать без просмотра часть корреспонденции, которая «не внушает никаких подозрений». Внутреннюю корреспонденцию цензоры могли просматривать только «в тех случаях,

---

[750] Там же. Д. 74. Л. 125–127.
[751] Там же. Д. 108. Л. 76.
[752] Там же. Д. 312. Л. 30, 31.
[753] Там же. Л. 83.

когда это ими будет признано необходимым». «Под личной ответственностью цензоров» разрешалось пропускать без просмотра письма нижних чинов из Сибири в расположение войск в Манчжурии. Если до 21:00 не удавалось посмотреть все, то остаток пропускался со штампом «Дозволено цензурой»[754].

Сложной была ситуация и во Владивостоке, куда поступали международные отправления с Дальнего Востока и из Северной Америки. 27 ноября 1915 г. начальник местной почтово-телеграфной конторы Радецкий сообщал в ГУПТ, что в конторе накопилось 846 посылок с рождественскими подарками и 52 мешка бандеролей на имя военнопленных: «Образовался завал, хранить негде», возник риск задержки на месяцы, что «неминуемо вызовет нарекания на ведомство и запросы правительству со стороны дипломатии»[755]. 24 декабря военный губернатор Амурской области В.А. Толмачев в письме приамурскому генерал-губернатору Н.Л. Гондатти предложил увеличить число военных цензоров с трех до пяти, так как «даже при существующей работе военные цензора с трудом заканчивают за сутки просмотр телеграмм и писем, идущих из армии при содействии трех цензоров почтово-телеграфного ведомства». При этом он не считал возможным привлекать к цензуре лиц, не состоявших на государственной службе, так как «политическая благонадежность их мне совершенно неизвестна и уверенность в соответствии их требует продолжительной проверки»[756]. На соответствующий запрос Гондатти командующий войсками Приамурского военного округа генерал А.Н. Нищенков ответил 15 января 1916 г., что увеличение штата возможно только за счет уменьшения количества цензоров где-либо еще. По его словам, согласование кадровых

---

[754] РГВИА. Ф. 1468. Оп. 6. Д. 8. Л. 2, 17, 23, 24, 47.
[755] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 488. Л. 238.
[756] Там же. Л. 288.

вопросов с ГВЦК – небыстрый процесс, и для этого нужны «основательные данные»[757].

Между тем ситуация на владивостокской почте усложнялась буквально с каждым днем. 21 января 1916 г. местный инспектор по делам печати Н.В. Дюфур сообщил Н.Л. Гондатти, что к тому моменту ожидали рассмотрения около 600 отправлений, доставленных в цензуру, около 600 посылок с теплыми вещами и книгами, находящимися на почте и до 400 пудов книг (100 ящиков) для военнопленных. Еженедельно прибывало до 900 отправлений, а просматривать Дюфур мог не более 600, даже при условии «затраты личных средств»[758]. 28 января Гондатти писал Дюфуру, что на него жалуются за задержку отправлений, на что тот напомнил о своих просьбах выделить ему помощников[759]. В результате в помощь ему был назначен студент Восточного института Э. Лабербис, и 11 февраля Дюфур докладывал, что скопление 1300 посылок было благодаря этой мере ликвидировано[760].

Не имея возможности просмотреть большую часть поступающей корреспонденции, начальники почтово-телеграфных контор старались перебрасывать потоки. Очевидным вариантом была отправка писем на «непонятных языках» в столицу[761]. Так, большое количество писем в Петроград пересылалось из Выборга, цензоры которой не знали прибалтийские языки[762]. ПВЦК зачастую отказывало, ссылаясь на собственную перегруженность, но даже если соглашалось, то процесс мог затянуться на месяцы. Авторы писем знали об этой особенности цензуры и по возможности старались писать по-русски. Один из них, Н. Янсон, писал 8 января 1915 г. в Иркутскую губернию ссыльнопоселенцу, эстонцу А. Куллю: «Теперь, в военное время, письма могут быть подвергаемы просмотру,

---

[757] Там же. Л. 292.
[758] Там же. Л. 297.
[759] Там же. Л. 301, 302.
[760] Там же. Л. 303, 304.
[761] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 149. Л. 7, 45; Д. 220. Л. 106, 127; Д. 108. Л. 90.
[762] Там же. Д. 220. Л. 249.

причем чиновник, встретив незнакомый язык, может письмо просто уничтожить»[763].

«Перекидывание» корреспонденции стало хронической проблемой, вызывавшей время от времени конфликты между военно-цензурными комиссиями. 6 октября 1915 г. полковник К.Ф. Дубовик сообщал в штаб Приамурского ВО, что в Иркутскую почтовую контору в последнее время с востока поступила «масса заграничных почтовых отправлений, не просмотренных военной цензурой». Эту массу иркутские цензоры должны были просматривать сами, и Дубовик неоднократно просил принять меры[764]. В том же месяце председатель Омской ВЦК полковник Богдашевский сообщал начальнику Томского почтово-телеграфного округа, что в последнее время «вследствие массового поступления посылок за границу, адресуемых нашим военнопленным, военно-цензурные пункты Омского округа лишь с крайним напряжением рабочих сил справляются с просмотром этих посылок». Между тем многие почтовые отделения Енисейской губернии отправляли непросмотренные на местах посылки в Омский военный округ, цензурные органы которого не справляются и отправляют их в Петроград, что «является совершенно непроизводительным движением грузов». Богдашевский предложил непросмотренную корреспонденцию отправлять сразу в Петроград, минуя Омск. Дубовик ответил, что в Иркутске просматривается вся корреспонденция, поступающая в Иркутский военный округ, за остальные письма и посылки он ответственности не несет[765].

В 1916 гг. предпринимались многочисленные попытки решить проблему «залежей». В апреле начальник управления городских телеграфов в Петрограде просил ПВЦК присылать из цензуры просмотренные телеграммы малыми партиями, равномерно, чтобы не заваливать в один момент телеграф

---

[763] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1004. Л. 4.
[764] РГВИА. Ф. 1468. Оп. 6. Д. 8. Л. 8, 48, 49, 51.
[765] Там же. Л. 38, 39

работой[766]. Однако борьба шла не столько с причинами проблемы, сколько с ее последствиями. Об этом красноречиво свидетельствуют и статистика. К 13 сентября 1916 г. в Петрограде «залежи» достигли 6,2 млн. писем, к 21 сентября – 8,9 млн.; каждый день к этой цифре прибавлялось 200-300 тыс.[767] К 22 ноября из корреспонденции военнопленных непросмотренными оставались около 7,7 млн. писем[768].

Недовольство долгим сроком доставки выражали с первых дней войны и обыватели в тылу, и фронтовики, и военнопленные. М. Горький писал И.М. Касаткину из финской деревни Мустамяки 20 августа 1914 г.: «До меня письма идут долго, проходят военную цензуру, – этим объясняется мой запоздалый ответ»[769]. Несмотря на запрет критики цензуры, сообщения о ее медлительности появлялись в печати. К. Валишевский на страницах «Нового времени» сетовал: «Русские газеты приходят во Францию только через две недели, если вообще приходят. Письма же идут больше шести недель. Между прочим: военная цензура, разумеется, необходимость. Но неужели тоже необходимо, чтобы в Петрограде она работала так медленно?»[770].

В армии, по подсчетам А.Б. Асташова, озабоченность медлительностью почты «возросла за время войны почти в 9 раз по сравнению с ее началом»[771]. К примеру, офицер 1-го Туркестанского армейского корпуса писал жене почти ежедневно, однако писем она не получала больше месяца[772]. В докладе от 5 декабря 1915 г. К.Е. Кометс сообщал, что в последнее время на Главном телеграфе участились визиты людей, желавших навести справки о прохождении поданных ими телеграмм. Цензоры вынуждены были отвлекаться от работы и разъяснять, что справок не дают[773]. На этом фоне

---

[766] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 778. Л. 41.
[767] Там же. Д. 333. Л. 147.
[768] Там же. Д. 461. Л. 342.
[769] *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма в 24 т. Т. 11. М., 2004. С. 121.
[770] *Валишевский К.* Письма с Запада // Новое время. 1916. 18 мая.
[771] *Асташов А.Б.* Фронтовая повседневность российских солдат, август 1914 – февраль 1917 г. Дисс… д.и.н. М., 2018. С. 111–112.
[772] РГВИА. Ф. 1468. Оп. 6. Д. 8. Л. 45.
[773] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 277. Л. 32.

масла в огонь общественного недовольства подливали случаи разглашения информации из личных писем. Один из жителей Петрограда сообщал в ПВЦК, что его письмо после просмотра цензурой «сделалось по своему содержанию известным в обществе»[774]. Постоянными были жалобы на повреждение писем и их плохую заклейку[775]. Цензоры часто не заделывали конверты, переносили почту из одного помещения в другое, уносили письма домой[776].

Проблема медлительности почты и «залежей» обсуждалась и в Думе при подготовке нового закона о военной цензуре в 1915 г. П.Н. Милюков предложил установить недельный срок просмотра корреспонденции, так как длительные задержки и изъятия, ставшие обыденностью, вызывали массовые нарекания. Д.П. Струков ответил, что в Петрограде скопились огромные «залежи» корреспонденции и, чтобы справиться с её растущим потоком, необходимо увеличить количество цензоров с 200 до 450. Депутат П.В. Герасимов поддержал Милюкова, отметив, что затруднения цензуры не должны служить поводом для отказа от предельных сроков рассмотрения. В.П. Шеин возразил, что эта мера едва ли поможет, а возможно, сделает хуже, так как почтово-телеграфное ведомство «из опасения нарушить срок будет пропускать письма без всякой цензуры». Тем не менее недельный срок установили, но только для открыток на русском языке. Закрытые письма могли пробыть в цензуре не более месяца[777]. Однако из-за того, что рассмотрение законопроекта затянулось и он не был принят до Февральской революции, данные правила так и не вступили в силу.

Особенно часто критиковалась цензура столичная. В октябре 1916 г. в письмах военнопленных неоднократно отмечалось, что московская цензура работает быстрее и исправнее, чем петроградская[778]. При просмотре

---

[774] Там же. Д. 12. Л. 78.
[775] Там же. Д. 277. Л. 323–324; НИАБ. Ф. 2619. Оп. 1. Д. 27. Л. 44.
[776] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 255. Л. 747, 748; НИАБГр. Ф. 954. Оп. 1. Д. 3. Л. 141.
[777] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 582. Л. 37–37об.
[778] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 79. Л. 47.

отправлений цензоры часто не составляли акты о вскрытии. Посылки военнопленных, в которых были найдены какие-либо незаконные вложения, нередко выбрасывались полностью, вместе с продуктами[779]. Проблема дошла и до Особого совещания по обороне государства. На заседании 5 ноября 1916 г. член Государственного совета С.И. Тимашев обратил внимание на желательность «устранения задержек по отправке посылок пленным с Петроградской станции Финляндской жел[езной] дороги, вызываемых формальностями введенной в последнее время для означенных посылок цензуры, а также упрощения приемов цензуры, при которой посылаемые съестные продукты подвергаются порче вследствие их изрезывания»[780].

Медлительность почты, методы ее работы отразились в это время в письмах и на страницах дневников людей разных сословий. Николай II писал Александре Федоровне 19 сентября 1916 г.: «Фред[ерикс] перед отъездом прислал мне целую пачку писем графа [К.К.] Палена к жене, в которых он в очень резких выражениях осуждает военную цензуру, тыл и т.д.»[781]. М.К. Лемке отмечал 14 января 1916 г.: «До сих пор никакой регистрации не существует, и при старательности почтовой цензуры писем вы можете месяцами не знать, где лежит дорогой вам раненый»[782]. В. Нейман сетовал, что пришедшее ему письмо вскрыто военной цензурой, а в тексте вымараны цены на продукты[783]. 18-летний студент А. Беймельбург 4 июня 1916 г. записал в дневнике: «...от Нинуси очень долго не было писем, все благодаря цензуре. Измучился я страшно. Наконец, стали приходить письма. Какую

---

[779] Там же. Д. 303. Л. 9–14.
[780] Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. 1915–1918: в 3 т. Т. 2. М., 2013. С. 606.
[781] Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. М.; Пг., 1927. С. 42.
[782] *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 461.
[783] *Щапов Н.М.* Я верил в Россию... Семейная история и воспоминания. М., 1998. С. 311.

радость они мне доставляли. Я разрывал конверты совершенно. Они одни поддерживали меня»[784].

Впрочем, отправители находили возможности избежать цензуры письма. Проще это было сделать вне пределов Петроградского военного округа и в целом театра военных действий. Вскрывались практически все письма, шедшие в Финляндию через Выборг, поэтому, например, М. Горький в конце 1914 – начале 1915 гг. советовал писать ему в Петроград на адрес И.П. Ладыжникова (Гонорин пер., д. 1), А.Н. Тихонова (Кронверкская ул., д. 20, кв. 8) или в редакцию журнала «Современник» (Басков пер., д. 19)[785].

На фронте попытки обойти цензуру также были массовыми и небезуспешными. Участник Первой мировой войны капитан Чернышев записал в дневнике 25 июня 1916 г.: «С Сергеем Михайловичем послал простое письмо, которое он бросит в Москве в почтовый ящик и таким образом оно дойдет до Натали и минует цензуру»[786]. В воспоминаниях о работе в санитарном отряде князь В.А. Оболенский описал самый очевидный и распространенный тогда прием: «В свободные от чаепития часы [санитар Хаим] Брейдо и сестры садились за писание писем неграмотным солдатам. Целые вороха этих писем ежедневно сдавались на почту, минуя полковую цензуру, в которой залеживались неделями. Быстрота общения с родными и близкими особенно ценилась солдатами» [787].

Сами фронтовики в своих попытках обойти просмотр письма повторно использовали конверты с разрешительной печатью цензуры, зачеркивали якобы ошибочно написанный адрес и вписывали новый, или ставили пометку, что письмо уже посмотрел их командир[788]. В связи с этим ГУПТ предписало

---

[784] Дневник А.А. Беймельбурга // Прожито [Электронный ресурс]. URL: https://corpus.prozhito.org/person/870 [дата обращения – 05.05.2025].
[785] *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма в 24 т. Т. 11. М., 2004. С. 138, 156, 173, 177.
[786] Дневник капитана Чернышева // Прожито [Электронный ресурс]. URL: https://corpus.prozhito.org/person/1846 [дата обращения – 07.05.2025].
[787] *Оболенский В.А.* Моя жизнь и мои современники. Воспоминания 1869–1920. Т. 2. М., 2017. С. 117.
[788] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 564. Л. 16; Там же. Д. 598. Л. 28.

почтовым отделениям обязательно задерживать и повторно предоставлять в военную цензуру письма с исправленными адресами[789]. Военнопленные также пользовались услугами местных жителей для быстрой передачи писем, о чем сообщал, например, вятский полицмейстер[790].

Цензоры успевали просматривать далеко не все письма и телеграммы, в том числе и в прифронтовых губерниях. «Читала Ваше письмо и трепетала. Вы знаете, что письма, идущие в Финляндию, проходят через военную цензуру, но к счастью Ваше письмо не вскрыли, а то могли быть большие неприятности…», – писала одна из респонденток в 1915 г.[791] Полковник К.Ф. Дубовик в сентябре 1915 г. сообщал начальнику Иркутской почтово-телеграфной конторы об обнаружении случаев получения военнопленными писем без просмотра их цензурой[792]. До адресатов, к примеру, постоянно доходили письма солдат-крестьян, запрещавших своим семьям платить подати, описывавших фронтовую жизнь и жаловавшихся на командиров[793]. По рукам матросов ходили письма с положительными оценками условий в германском плену[794].

Сложным и чувствительным в годы войны оставался вопрос цензуры писем высших сановников и военачальников империи. «Временное положение о военной цензуре» ограничивало круг лиц, письма которых не подлежали вскрытию, особами императорской фамилии, главнокомандующими и командующими отдельными армиями, правительственными учреждениями и должностными лицами (при условии наличия соответствующей печати) и дипломатическими и консульскими представителями иностранных государств. Согласно «Инструкции по исполнению военной цензуры телеграмм на Главном телеграфе в Петрограде» (ноябрь 1915 г.), без задержек пропускались телеграммы особ

---

[789] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 598. Л. 5; НИАБ. Ф. 1388. Оп. 1. Д. 1. Л. 22.
[790] *Хранилов Ю.П.* «Что им за дело до чужих писем, когда брюхо сыто?»… С. 29.
[791] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1008. Л. 5.
[792] РГВИА. Ф. 1468. Оп. 6. Д. 8. Л. 14.
[793] *Капшуков С.Г.* Указ. соч. С. 78; *Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М.* Указ. соч. С. 38.
[794] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 60. Л. 103.

императорской фамилии, главнокомандующих и командующих отдельными армиями, начальников штаба Верховного главнокомандующего; всех правительственных учреждений и должностных лиц «за присвоенною сам учреждениям и лицам печатью»; дипломатических и консульских представителей союзных государств: членов Думы и Государственного совета, а также чинов первых 4 классов, при условии указания в адресе служебного положения лица [795]. 22 января 1916 г. главный начальник Петроградского военного округа приказал корреспонденцию чинов первых 4-х классов отделять и цензуру ее поручать «особо назначенным цензорам, могущим разобраться в корреспонденции настолько, чтобы не порождать этим никаких недоразумений»[796].

Тем не менее, лица, формально не попадавшие в эти исключения, но относившиеся к властным верхам или армейскому командованию, неоднократно выражали недовольство действиями цензуры [797]. Особенно частыми были жалобы со стороны высших офицеров. ПВЦК в таких случаях отвечала, что эта переписка являлась частной, а не официальной и не сопровождалась казенными печатями[798]. 29 апреля 1916 г. Ставка по этому поводу указала, что переписка высших должностных лиц армии, не упомянутых во «Временном положении», должна просматриваться «лишь в случае ее подозрительности», и о каждом случае вскрытия следовало доносить «с указанием обстоятельств, вызвавших подозрение цензора»[799].

На практике исключений почти не делалось, а объяснения причин вскрытия цензоры почти никогда не предоставляли. 16 мая 1916 г. генерал-майор Б.П. Баженов в письме М.А. Адабашу сообщил о вскрытии писем командующего 6 армией генерала В.Н. Горбатовского и высказал мнение, что это делается в целях «совершенно праздного и даже вредного

---

[795] Там же. Д. 9. Л. 73–77.
[796] Там же. Д. 254. Л. 121.
[797] Там же. Д. 306. Л. 207.
[798] Там же. Д. 255. Л. 331, 332.
[799] Там же. Л. 716.

любопытства». Адабаш ответил, что на присланных конвертах стоит лишь имя генерала Горбатовского. Письма были направлены в штаб армии, что и стало основанием для их просмотра[800]. 19 мая 1916 г. М.С. Пустовойтенко сообщил начальнику штаба Северного фронта, что генерал М.В. Алексеев, «не находя возможным возбуждать вопрос об изменении ст. 4 “Временного положения о военной цензуре”…, просит указать военно-цензурным органам на театре военных действий на желательность более быстрого просмотра всякого рода корреспонденции, адресованной на имя высших должностных лиц действующей армии, если на корреспонденции должность этих лиц вполне точно обозначена»[801].

Часто вскрывались письма особ императорской фамилии, причем зачастую это были сознательные действия цензоров. В ноябре 1915 г. «черному кабинету» при тифлисской почтово-телеграфной конторе были выделены дополнительные средства на перлюстрацию писем наместника на Кавказе великого князя Николая Николаевича, а также его окружения[802]. В марте 1916 г. сообщалось о вскрытии писем на имя Николая II[803], румынских короля и королевы[804]. Список лиц, чьи письма Департамент полиции в 1915–1916 гг. подвергал перлюстрации, включал высших сановников и военачальников – Б.В. Штюрмера и других членов Совета министров, чинов МИДв, депутатов Думы и др.[805]

Множество коллизий возникло с корреспонденцией дипломатов нейтральных государств. Цензоры зачастую не пропускали эту переписку и вскрывали конверты, причем сами дипломаты без труда могли заметить следы вскрытия. Перлюстратор В.И. Кривош (псевдоним – С. Майский) вспоминал, что «с дипломатической корреспонденцией, вследствие спешки и

---

[800] Там же. Л. 715, 720, 739об.
[801] Там же. Д. 771. Л. 11.
[802] *Измозик В.С.* Указ. соч. С. 185–186.
[803] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 311. Л. 51.
[804] Там же. Д. 255. Л. 217.
[805] *Измозик В.С.* Указ. соч. С. 192–193.

связанной с ней нервностью работы, часто происходили такие курьезы, благодаря которым провал угрожал всему делу перлюстрации»[806].

Проблема вышла на уровень Совета министров. На заседании 13 сентября 1915 г. С.Д. Сазонов негодовал из-за вскрытия частной переписки французского посла М. Палеолога, а А.В. Кривошеин просил И.Л. Горемыкина прекратить «это безобразие»[807]. 17 декабря 1915 г. товарищ министра иностранных дел А.А. Нератов просил Д.П. Струкова, чтобы исходящими телеграммами МИД считались все телеграммы, шифрованные и нешифрованные, на все без исключения адреса, если на них стоит печать канцелярии МИД и подпись одного из чинов министерства (список прилагался). Также Нератов просил предоставить МИД возможность во всех случаях, когда оно сочтет нужным, беспрепятственно и без цензуры передавать за границу всякого рода телеграммы, официальные или частные, с любой подписью. Ходатайствовал он и об освобождении от цензуры переписку иностранных послов, прежде всего испанского «в связи с принятой на себя испанским правительством защитой наших интересов в Германии и Австрии»[808].

Со вступлением новых стран в войну на стороне Антанты (как в случае с Португалией) «льготы» распространялись и на их представительства в Петрограде[809]. Цензорам также сообщали об изменениях в личном составе посольств и консульств, чтобы корреспонденция новых сотрудников не подвергалась цензуре. Однако это не предотвратило случаи вскрытия писем дипломатов не только нейтральных (например, Бельгии и Аргентины[810]), но и союзных стран[811]. В январе 1916 г. письмо французского военного атташе в Петрограде подполковника Верлена было вскрыто военной цензурой и

---

[806] Цит. по: Там же. С. 222.
[807] Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. СПб., 1999. С. 272.
[808] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 777. Л. 3–5.
[809] Там же. Д. 771. Л. 28.
[810] Там же. Д. 590. Л. 308, 414, 439.
[811] Там же. Д. 224. Л. 22.

пролежало там 17 дней[812]. Выяснилось также, что одна из переводчиц вскрыла письмо английского посла Дж. Бьюкенена[813]. 30 апреля 1916 г. старший военный цензор при Главпочтамте сообщал в ПВЦК, что вскрытое письмо на имя американского посольства в Гааге было запечатано сургучной печатью и подано по всем правилам. Когда на несколько таких случаев в первые месяцы войны пожаловались американские дипломаты, А.И. Звонников и Д.П. Струков говорили о «досадных ошибках», вызванных неопытностью и загруженностью цензоров. Посольство США в ответ выражало «надежду, что указанные действия... были совершены несогласны» с намерениями русского правительства[814].

Многочисленные случаи просмотра цензорами дипломатической почты могли вызвать осложнения в отношениях с союзниками и нейтральными странами, однако сама необходимость перлюстрации таких писем не ставилась под сомнение. В докладе в ПВЦК 21 июля 1916 г. М.Г. Мардарьев предлагал расширить досмотр дипломатической корреспонденции, включая запломбированную и закрытую в мешках и ящиках. Для этого предполагалось привлечь новых сотрудников, знавших все основные и редкие иностранные языки, приобрести новое оборудование для вскрытия и фотографирования. Пункты перлюстрации дипломатической переписки Мардарьев планировал развивать в тех же основных центрах – Петрограде, Москве, Тифлисе, Киеве, Одессе и, после войны, в освобожденной Варшаве. Проект был представлен товарищу министра внутренних дел А.В. Степанову и директору Департамента полиции А.Т. Васильеву, однако в декабре 1916 г. его отложили «ввиду военного времени и действия военной цензуры»[815].

Военно-цензурные комиссии неоднократно отмечали излишнюю придирчивость цензоров, задерживавших из-за этого работу почты. В сентябре 1914 г. Д.П. Струков просматривал письма, цензурованные в

---

[812] Там же. Д. 254. Л. 138.
[813] Там же. Д. 771. Л. 2.
[814] Там же. Д. 4. Л. 301.
[815] Цит. по: *Измозик В.С.* Указ. соч. С. 241.

Старорусской почтово-телеграфной конторе, и сообщил подчиненным, что многие места можно было не замарывать, так как никакой угрозы эта информация не несла. Из 30 задержанных писем только 7 оказались «недопустимыми», остальные носили «домашний характер» и их можно было отправлять. Указал он и на технические ошибки: ни на одном из задержанных писем не было подписи военного цензора, на некоторых не стоял даже штамп[816]. Неоднократно высказывалось предложение прекратить практику вымарывания и вырезания строк из писем, так как вымаранное можно проявить разными способами, а вырезание лишь отнимает у цензоров время. Он отмечал пример Японии, где цензура уничтожала все письмо вне зависимости от того, одна там строчка была зачеркнута или половина письма[817].

Усиление контроля над цензорами и распоряжения просматривать за день больше писем и посылок имели и оборотную сторону. На заседании ПВЦК 22 января 1916 г. полковник А.П. Фалк отметил, что продуктивность работы цензоров снизилась, так как они «очень осторожно стали просматривать корреспонденцию, опасаясь что-либо не досмотреть»[818]. Решение этой проблемы власти видели в расширении штатов, в том числе и в провинции. 7 сентября 1915 г. генерал-майор Б.П. Баженов просил главного начальника Петроградского военного округа увеличить в ряде почтово-телеграфных контор (Пернов, Валка, Лайсгольм, Тапса, Вейсенштейн, Везенберг) количество военных цензоров не менее как на 2-3, а также об усилении цензурных пунктов в Эстляндской и Лифляндской губерниях. Состав предполагалось набирать из эвакуированных чиновников Курляндской губернии[819]. В ноябре 1915 г. Баженов повторил прошение, отметив, что увеличение штата цензоров в Петрограде имеет свои пределы. По его подсчетам, каждый столичный цензор за 7-часовой рабочий день мог

---

[816] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 5. Л. 203.
[817] Там же. Д. 224. Л. 64.
[818] Там же. Д. 303. Л. 9–14.
[819] Там же. Д. 108. Л. 82, 84.

просматривать около 200 писем, и для просмотра всего объема требовалось 465-520 человек, а чтобы они работали с перерывами и в три смены – 620-690 человек, еще 270 нужно было бы для просмотра всех писем в армию. Чтобы избежать такой «огромной организации», Баженов предложил разгрузить Петроград, перекинув часть потока в крупные провинциальные города[820].

Начальники местных почтово-телеграфных контор также регулярно просили увеличить штат из-за растущего потока корреспонденции и, главное, растущего числа отправителей и получателей. К примеру, старший военный цензор при Старорусской почтово-телеграфной конторе сообщал Струкову 23 октября 1915 г., что в городе к тому моменту действовало 6 полевых госпиталей (развертывалось еще 6), эвакопункт, расквартирован 178 пехотный запасной батальон (около 20 тыс. человек) и находилось большое количество беженцев [821] . В том же месяце старший военный цензор Ямбургской конторы Маурер докладывал в ПВЦК, что в город прибыл 125 запасной маршевый батальон, и 2 цензора не могли справиться со столь большой нагрузкой. На вопрос, кого назначить, Маурер порекомендовал двух гражданских чинов, особенно одного из них – Лийма, так как он знал эстонский[822].

Источником новых кадров были, как правило, почтово-телеграфные чиновники, рассматривался вопрос о назначении цензорами чинов таможни[823]. В связи с этим начальник ГУПТ В.Б. Похвиснев 28 июля 1915 г. даже просил начальника штаба Петроградского военного округа прикратить назначать цензорами начальников почтово-телеграфных контор, так как они «и без того уже ныне перегружены своими прямыми обязанностями»[824]. Для эффективной цензуры необходимо было не только количество, но и качество

---

[820] Там же. Д. 224. Л. 61–63.
[821] Там же. Д. 108. Л. 121–122.
[822] Там же. Л. 132, 163.
[823] Там же. Л. 33.
[824] Там же. Л. 56.

кадрового состава, особенно когда речь шла о пресечении шпионажа и раскрытии тайных посланий.

2.3. Шпионаж, тайнопись и военная цензура[825]

Особое внимание военная цензура обращала на досмотр корреспонденции лиц, заподозренных в шпионаже, а также агентов, ведущих секретную переписку с русской разведкой и контрразведкой. «Секретные списки» таких лиц составлялись в тесной связке с контрразведывательными отделениями ГУГШ, армий и фронтов. К примеру, в Петрограде этой работой руководил полковник В.А. Ерандаков, с 1914 г. – начальник КРО ГУГШ. Перед контрразведкой стояла сложная задача противостоять многочисленным и весьма изощренным попыткам обойти цензуру держав Антанты.

Так как речь шла о шпионаже и секретной информации, предполагался особый отбор кандидатов на эту работу. Однако из-за дефицита кадров и общей организационной неустроенности цензуры просмотр по «секретным спискам» нередко находился в ведении обычных дежурных цензоров, разбиравших эту корреспонденцию наравне с «обычной». Секретность в таком случае была весьма условной, на что во время войны указывали многие причастные к цензуре и контрразведке. Так, в сентябре 1914 г. Ерандаков писал в ПВЦК с просьбой цензорам не вскрывать переписку, идущую к нему, чтобы фигуранты «секретных списков» не узнали, что они замечены[826]. В том же месяце А.И. Звонников указывал Д.П. Струкову на

---

[825] При подготовке данного параграфа были использованы материалы из статьи: *Богомолов И.К.* «При просмотре корреспонденции следует обращать внимание...». Инструкции военным цензорам Петрограда по обнаружению тайной переписки. 1916 г. // Исторический архив. 2022. № 4. С. 177–184.

[826] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 5. Л. 79.

частые случаи, когда цензоры оставляли на конвертах надписи, открыто адресующие письмо «в разведывательное отделение»[827].

В провинции подобные случаи повторялись очень часто. По свидетельству Д.Л. Казанцева, в ноябре 1914 г. председатель ФВЦК подполковник А.А. Гольмберг «увидел на стене сортировочной те секретные списки, которые [подполковник К.М.] Белостоцкий рассылал в ноябре 1914 года всем почтовым конторам, хотя и в секретном порядке. Позже оказалось, что эти же списки находились на стенах почтовых вагонов, находившихся в обращении по всем дорогам края вплоть до государственной границы. <…> Весьма возможно допустить, что при таком способе хранения списки сотрудников и иностранных шпионов оказались известными нашим врагам, а наши агенты – проваленными, что вскоре и подтвердилось путем сделанной проверки»[828].

Уволившийся из столичной цензуры в сентябре 1914 г. Г. Хитрово считал, что в основе такого халатного отношения лежало отсутствие надлежащих инструкций и фактическое поощрение начальством «цензорского, вполне естественного произвола». Без усиленной регламентации этой работы «шпионаж, несомненно существующий, всецело ускользает от усмотрения военной цензуры». В Петрограде, по его словам, «все лица, поименованные в особом списке... совершенно, за самыми редкими исключениями, прекратили всякую корреспонденцию... или изменили подписи и адреса – очевидно, тяготеющее над ними подозрение стало им известным»[829]. Сохранению секретности не способствовало и вмешательство в дела цензуры губернских жандармских управлений, сотрудники которых часто просматривали и правили списки[830].

Работу контрразведки усложняла распространенная в годы войны шпиономания, зачастую отвлекавшая сотрудников от действительно важной

---

[827] Там же. Л. 104.
[828] *Казанцев Д.Л.* Указ. соч. С. 222.
[829] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 4. Л. 100–101.
[830] Там же. Д. 150. Л. 33–36.

работы. В одном из писем в ПВЦК в октябре 1915 г. сообщалось: «Следите за перепиской из Петрограда на имя Ян в Стокгольм и из Стокгольма в Петроград на имя Герцфельд, адрес коего, к сожалению, неизвестен. Я хорошо знаю, что они в письмах своих шпионят на немцев. Верный источник Иванова»[831]. Досмотр корреспонденции и поиск немецких шпионов мог использоваться и для сведения счетов. Витебский губернский тюремный инспектор в письме губернатору М.В. Арцимовичу от 9 июня 1915 г. сообщал о получении письма на немецком и считал это провокацией. По его словам, анонимный автор «мог надеяться, что оно попадет в военную цензуру, и [как] по содержанию, так и по шрифту… зародит подозрения о каких-то моих нелегальных отношениях и тем дискредитировать мое доброе имя». Губернатор распорядился провести расследование по этому письму, «похожему на провокационный прием»[832].

Другой характерный пример – преследование А.В. Даттана, предпринимателя немецкого происхождения, совладельца торгового дома «Кунст и Альберс» во Владивостоке. Его жена была застигнута войной в Германии и, боясь быть интернированной, решилась написать письмо брату кайзера, принцу Генриху Прусскому, который в ответном письме заверил, что Даттан известна ему «как фактическая верноподданная Германии, хотя ее мужу и пришлось по соображениям коммерции принять во Владивостоке российское подданство». Обрадованная таким исходом, Даттан подробно сообщила об этом мужу в письме во Владивосток 22 августа, приложив еще и вырезки из немецкой печати, подтверждавшие слова принца. Это и другие письма стали основой для подозрений в отношении Даттана, его ареста и окончательной высылки с Дальнего Востока в январе 1915 г. [833] На заседании ПВЦК 20 января 1916 г. Даттана упомянули в числе лиц, письма которых

---

[831] Там же. Д. 219. Л. 77.
[832] Беларусь в годы Первой мировой войны (1914–1918): Сб. док. Минск, 2014. С. 51.
[833] Цит. по: *Деег Л.* Кунст и Альберс Владивосток: История немецкого торгового дома на российском Дальнем Востоке (1864–1924 гг.). Владивосток, 2002. С. 253–254.

поначалу опрометчиво не просматривались из-за его принадлежности к первым четырем классам[834].

Для упорядочения работы по «секретным спискам» цензурное руководство и КРО предприняли ряд мер, первой из которых стало усиление контроля над деловой перепиской. 9 сентября 1914 г. Д.П. Струков сообщил министру внутренних дел, что в первые недели войны во вражеские и нейтральные страны пересылалось множество сообщений под видом перечня страховых рисков (бордеро). В том же месяце этот вопрос обсуждался на заседании Особого присутствия по делам страхования и противопожарных мер. Констатировалось, что бордеро «содержат также целые ряды цифр, в коих легко могут быть зашифрованы любые секретные сведения». Они пересылались за границу также комиссионными конторами, посредством коих общества обыкновенно перестраховывали свои риски. Эти конторы зачастую принадлежали иностранцам – людям неизвестным и неподведомственным страховому надзору. ПВЦК считало необходимым установить цензуру бордеро, причем не только во вражеские, но и в нейтральные страны, так как через них фактически шла пересылка германским и австрийским адресатам. Скрепление бордеро директорами страховых обществ или их помощниками, людьми, пользующимися доверием и хорошо известными, устраняло бы сомнение военной цензуры.

Представители страхового рынка отвечали, что в бордеро давались только общие, формальные сведения (номер полиса, местонахождение риска, страхователь и предмет страхования и др.). Лишь наличие «злой воли» могло способствовать включению в эти данные шпионских сведений. С другой стороны, отмечал представитель Министерства торговли и промышленности, все бордеро проверить невозможно, их слишком много, поэтому решено было дать ПВЦК право просматривать лишь некоторые из них и отслеживать сообщения наиболее подозрительных страховых обществ[835].

---

[834] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 303. Л. 1–8.
[835] Там же. Д. 59 Л. 1–3об.

В течение сентября–октября 1914 г. решался вопрос о том, не запретить ли вовсе пересылку бордеро, чтобы исключить любую возможность их использования шпионами. Представители страховых обществ заявили, что для них этот запрет будет серьезным ударом и просили обсудить вопрос на съезде страховых обществ 8 октября[836]. Особое присутствие на заседании 28 октября, рассмотрев еще раз все доводы, признало, что пересылку бордеро следует приостановить на время войны, по всем направлениям, кроме союзных России государств[837]. В дальнейшем правления страховых обществ предоставляли образцы подписей лиц, уполномоченных подписывать перестраховочные бордеро и ответственных за их содержание. Отдельные цензоры просматривали деловую переписку страховых обществ и направляли отчеты в ПВЦК[838].

Цензура деловой переписки приводила к замедлению процессов и, как следствие, убыткам фирм. Так, торговый дом «Павел Форостовский» (Петроград) отсылал свои телеграммы в отделения, в том числе во Владивосток, но шли они более двух недель[839]. 9 ноября 1914 г. владелец пароходной конторы А.Э. Стельп обратился в ПВЦК с просьбой быстрее доставлять его телеграммы[840]. 5 января 1917 г. была послана, но не дошла до адресата телеграмма в Петроград от Сормовского завода[841]. Причины задержек назывались разные, в основном – перегруженность телеграфа, хотя негласно упоминались и другие. В отчете по расследованию деятельности ПВЦК в марте 1916 г. была дана характеристика старшего военного цензора на Главном телеграфе К.Е. Комета. Авторы признавали, что Кометс – «знаток и специалист дела», но ходили слухи, что он пользовался своим положением

---

[836] Там же. Л. 4–6об.
[837] Там же. Л. 7–10об.
[838] Там же. Л. 37–49, 75.
[839] Там же. Д. 778. Л. 64.
[840] Там же. Д. 46. Л. 186.
[841] Там же. Д. 778. Л. 358.

для задержания телеграмм некоторых фирм и, как комиссионер, пользовался этим к своей выгоде[842].

Фирмы мотивировали просьбы ускорить пересылку не только своими интересами, но и тем, что они работают на оборону[843]. Зачастую их прошения удовлетворялись, однако порядок работы военной цензуры был таков, что в следующие разы телеграммы вновь задерживались, а фирмам приходилось писать новые прошения об ускорении. Оборонные заводы предоставляли справки от военного и морского министерства, что они действительно производят оружие и строят корабли для нужд армии[844]. Так, американский бизнесмен М. Смит просил ПВЦК облегчить цензуру деловой переписки его фирмы, поставлявшей вагоны в Россию[845]. Некоторые промышленники и финансисты прибегали к нарочным как к «первобытному», но единственно возможному варианту быстро обмениваться сообщениями[846].

Доходило и до попыток игнорировать цензуру. 9 июня 1916 г. военный цензор на Главном телеграфе Н. Иванов сообщал М.А. Адабашу, что банк «Лионский кредит» систематически уклоняется от присылки в цензуру своих доверенных, обязанных объяснять состав шифров телеграмм. Обыкновенно, «после продолжительных пререканий по телефону, названный банк присылает один-два раза своего доверенного, после чего снова наступает посылка им шифрованных депеш. <...> Если подобное привилегированное положение станет известно и другим банкам, то [это]... даст им логичный прецедент также не во всей полноте подчиняться требованиям военной цензуры»[847]. В итоге представитель банка обязался в будущем присылать доверенных лиц, однако подобного рода конфликты случались и в дальнейшем.

---

[842] Там же. Д. 776. Л. 294–301.
[843] Там же. Д. 255. Л. 705.
[844] Там же. Д. 46. Л. 208, 209, 210.
[845] Там же. Д. 255. Л. 361–362.
[846] Там же. Д. 778. Л. 307.
[847] Там же. Л. 108, 109.

Особенно сложной была пересылка деловой корреспонденции в другие государства. 2 мая 1915 г. «Петроградский курьер» сообщил, что на имя министра торговли и промышленности князя В.Н. Шаховского поступила жалоба русско-английской палаты, отмечавшей что задержки составляли недели, а иногда и месяцы. Главной причиной авторы считали недостаток цензоров, просматривавших деловую переписку. Количество торгово-промышленных отправлений в день составляло примерно 150 тыс., в то время как штат столичной цензуры мог просмотреть 10–13 тыс. Шаховской, судя по заметке «Петроградского курьера», сообщил о проблеме Н.А. Маклакову и В.А. Сухомлинову и просил «принять меры»[848]. 21 октября 1915 г. посланник в Стокгольме А.В. Неклюдов писал товарищу министра иностранных дел А.А. Нератову, что шведская фирма «Гаделиус и Ко» ввозит в Японию сталь, необходимую для производства оружия для России, в связи с чем просил ускорить цензуру транзитных телеграмм этой фирмы в Токио[849].

В защиту интересов промышленности выступали и другие ведомства. 7 декабря 1915 г. петроградский почт-директор Н. Менделеев в письме обратил внимание Д.П. Струкова на задержку корреспонденции союзных государств на 2 недели. Это могло иметь «крайне нежелательные последствия, особенно в деле спешных и срочных заказов в Англии и Франции предметов, необходимых для войны»[850]. На эти последствия неоднократно указывал и МИД. В письме в ГУГШ в ноябре 1916 г. министерство отмечало, что одной из причин медленного прохождения грузов из Швеции в Россию являлась военная цензура, просматривавшая переписку между Финляндией и правлением Стокгольмского акционерного общества «Транзито» [851] . В декабре 1916 г. министр финансов П.Л. Барк писал военному министру Д.С.

---

[848] Там же. Д. 126. Л. 2. Заметка в итоге была вычеркнута военной цензурой.
[849] Там же. Д. 255. Л. 141.
[850] Там же. Д. 254. Л. 69.
[851] Там же. Д. 461. Л. 325.

Шуваеву, что цензоры задерживают «обычную периодическую отчетность» и просил указать им не мешать деловым операциям[852].

Тем не менее задержки продолжались все военные годы. Командование армии видело в деловой переписке один из способов передачи шпионских сообщений, тем более что об этом время от времени приходила оперативная информация. К примеру, сообщалось о предполагаемой связи вятского отделения Русского для внешней торговли банка с банком «Ганшоу» в Кенигсберге через условные знаки в газетных объявлениях[853]. Кроме того, с помощью торговых сообщений отслеживались подозрительные финансовые и банковские операции. Неслучайно генерал-квартирмейстер штаба Северного фронта Н.Э. Бредов в письме 18 января 1917 г. начальнику штаба Петроградского военного округа М.И. Тяжельникову просил не вносить какие-либо исключения в просмотр деловой переписки и не делать послаблений для предприятий, работавших на оборону[854]. В июле 1916 г. был составлен обзор способов обхода банками цензуры для перевода русской валюты за границу[855].

Цензуру по «секретным спискам» планомерно усиливали кадрами и финансами. 4 марта 1916 г. ПВЦК постановила назначить заведующих всех почтово-телеграфных отделений Петрограда военными цензорами, повысив им жалование на 1,5 руб. в сутки и поручив им в том числе просмотр корреспонденции по «секретным спискам». Отныне они подчинялись не старшему военному цензору в отделении, а непосредственно ПВЦК[856]. В октябре того же года отдел «секретных списков» стал одним из немногих в петроградской цензуре, где суточное жалование цензорам подняли до 5 руб.[857] Для организации просмотра банковской и коммерческой транзитной

---

[852] Там же. Л. 1–7.
[853] *Хранилов Ю.П.* «Что им за дело до чужих писем, когда брюхо сыто?»… С. 28.
[854] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 461. Л. 292.
[855] Там же. Д. 661. Л. 160.
[856] Там же. Д. 333. Л. 69об.
[857] Там же. Л. 155.

корреспонденции в феврале 1917 г. предполагалось направить в Россию пятерых цензоров-англичан[858].

Параллельно принимались меры по улучшению повседневной работы цензуры. Основой стали распоряжения цензурного руководства 1915–1916 гг., а также «Краткие правила и указания для отдела отборки почтовой корреспонденции по секретным спискам в Петроградской военной цензуре», утвержденные 20 января 1917 г. Кадры для нее назначались личным распоряжением председателя ПВЦК. Они работали в отдельном помещении, вход в которое остальным цензорам был воспрещен. Для наблюдения за правильностью отборки корреспонденции к цензору приставлялся помощник[859]. Все телеграммы, приносившиеся в транзитный отдел и уже проверенные по русскому «секретному списку», сверялись также со списками цензуры союзных стран[860]. Усиливалось и взаимодействие в этом направлении с английской и французской цензурой[861].

Отобранная корреспонденция в специальных пакетах под сургучной печатью направлялась в канцелярию старшего военного цензора. Запрещено было делать выписки из писем и выносить их из помещения[862]. Списки хранились в особом сундуке за сургучными печатями. Пометки или поправки в них могли делать только старшие цензоры и заведующие отделами. На пропускаемую корреспонденцию цензор ставил квадратный штамп с присвоенным ему номером. Штампы хранились в запечатанном сундуке и выдавались цензорам в руки от заведующего или его помощника, а после занятий отбирались и пересчитывались[863]. Списки постоянно обновлялись, старые варианты подлежали уничтожению, хотя часть их копий отложилась в архивных делах цензуры.

---

[858] Там же. Д. 598. Л. 109.
[859] Там же. Д. 771. Л. 54.
[860] Там же. Д. 752. Л. 1.
[861] Там же. Д. 598. Л. 56.
[862] Там же. Д. 771. Л. 58–59.
[863] Там же. Д. 614. Л. 2–4.

В 1915–1916 гг. цензурное руководство пыталось улучшить цензуру транзитных телеграмм, особенно учитывая их большое значение для финансовых операций вражеских государств. Перехваты такой корреспонденции начались с первых недель войны, и на этом направлении достигались определенные успехи. К примеру, 2 января 1915 г. цензоры вскрыли пакет, адресованный в Копенгаген фирмой «Карловиц и Ко» (Шанхай). Благодаря этому были раскрыты схемы доставки в Германию грузов, в том числе военных, с помощью скупленных немцами нейтральных судов. Информация была передана в британское адмиралтейство[864].

На заседании ПВЦК 5 декабря 1915 г. Д.П. Струков предложил пересмотреть инструкции, которые во многом уже не соответствовали реальной работе и стоящим перед цензурой задачам. Комиссия единогласно «признала полезным, чтобы все члены комиссии в течение предстоящей недели ознакомились на месте со всеми учреждениями военной цензуры в Петрограде, так как только путем личного осмотра можно составить себе наглядное представление о современной деятельности и состоянии означенных учреждений» [865] . 29 декабря состоялось совещание по организации работы ПВЦК, чтобы она обеспечивала «возможно более полным и целесообразным образом военную цензуру и интересы армии». Предполагалось обсудить, в частности, порядок просмотра корреспонденции, ход проверки писем и телеграмм по «секретным спискам»[866].

После смены руководства ПВЦК обсуждения ее реформирования значительно активизировались. Насущным вопросом было улучшение связки военной цензуры с контрразведкой и союзниками России. На заседании ПВЦК 12 февраля 1916 г. докладывавший о постановке цензуры транзитных телеграмм поручик Назаров отмечал, что «теперь, когда вполне определился характер войны на истощение противника, становится очевидным, что

---

[864] Там же. Д. 255. Л. 146–147.
[865] Там же. Д. 9. Л. 14.
[866] Там же. Д. 224. Л. 143, 144.

рационально поставленная транзитная цензура может нанести германской торговле не менее решительный удар, чем морская блокада». Для этого необходима была тесная связь телеграфной цензуры России, Англии и Франции. Назаров также предложил увеличить штат цензоров: до 16 человек – просмотр телеграмм общего характера и коммерческих и технических телеграмм, до 4 человек – просмотр банковских телеграмм. На Главный телеграф он предложил назначить английских и французских цензоров для передачи опыта союзников. Предложения были одобрены ПВЦК[867].

Большое внимание уделялось также попыткам шпионажа через посылки, в том числе и в приграничных портах и вокзалах. 26 июня 1915 г. в Архангельске состоялось совещание с участием Д.П. Струкова и архангельского генерал-губернатора А.М. Валуева. Обсуждались меры по усилению цензуры во всем приморском районе ввиду установления здесь в недалеком будущем международного почтового сообщения. В архангельском порту и вокзале был установлен строгий досмотр багажа и документов всех прибывающих пассажиров, постановлено просматривать всю корреспонденцию, кроме иностранной, которая отправлялась в Петроград[868].

Понимая, какие масштабы приняла шпионская переписка, правительство, военное командование и цензурное руководство шло в ряде случаев на крайние меры. 12 июня 1916 г. вышло постановление министра внутренних дел, запрещавшее подачу и прием всех отправлений «до востребования», за исключением тех, где указано имя адресата[869]. В июне 1915 г. распоряжением министра внутренних дел запрещалось использование немецкого языка в международных и транзитных телеграммах, а также отправления с каким-либо надписями на немецком языке. Исключение сделано для сообщений РОКК [870] . На борьбу со шпионажем было направлено и обязательное

---

[867] Там же. Д. 333. Л. 53–58об.
[868] Там же. Д. 108. Л. 34–35.
[869] Там же. Д. 274. Л. 125.
[870] От Главного управления почт и телеграфов // Речь. 1915. 5 июня; Корреспонденция с текстом и надписями на немецком языке // Речь. 1915. 7 июня.

постановление главнокомандующего Северным фронтом Н.В. Рузского от 2 декабря 1915 г., согласно которому воспрещались почтовые, телеграфные и телефонные сношения на немецком, выпуск на этом языке каких бы то ни было периодических изданий[871]. Неоднократно указывалось как в прессе, так и в цензурной переписке на необходимость борьбы с газетными объявлениями, которые использовались шпионами для передачи сведений.

Правительство и военные власти с первых месяцев войны обращали особое внимание на цензуру посылок на предмет поиска тайных вложений. При расследовании деятельности ПВЦК весной 1916 г. выяснилось, что на Главпочтамте цензоры просматривали в основном только печатные произведения, практически не трогая остальные вложения в посылках [872]. В связи с этим цензурное руководство неоднократно ставило в пример цензуру союзников, относившуюся к досмотру гораздо более внимательно. 22 января 1916 г. на совещании с представителями Главпочтамта Адабаш отметил, что в Англии есть даже отдельный музей уловок немцев по обходу цензуры[873].

Цензура посылок для военнопленных (как русских, так и вражеских) просматривалась отдельно и предполагала подробный осмотр всех вложенных вещей. Однако картина, показанная в отчете расследования работы ПВЦК (март 1916 г.) была далека от идеала. Автор отчета сообщал, что посылки в целом просматривались «слишком поверхностно, некоторые сложенные предметы одежды даже не разворачиваются. <...> Поинтересовавшись уже осмотренной посылкой, которую собирались вновь затюковать, я открыл жестяную коробочку с какой-то мазью и извлек оттуда сложенный печатный листок»[874].

При просмотре переписки военнопленных изначально отсутствовало единообразие. Каждый пункт фактически самостоятельно делал себе штампы, нередко они были примитивными, плохо пропечатывались и со временем

---

[871] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 277. Л. 116.
[872] Там же. Д. 776. Л. 294–301.
[873] Там же. Д. 303. Л. 9–14.
[874] Там же. Д. 776. Л. 294–301.

стирались, из-за чего цензоры ошибочно полагали, что письмо или посылка не просмотрены. Другая проблема – отсутствие у ПВЦК монополии в этом вопросе: до военной цензуры часто не проходила корреспонденция, уже просмотренная в благотворительных и общественных учреждениях. Письма и посылки просматривали Центральное справочное бюро о военнопленных (Петроград, Инженерная ул., д. 4, музей Александра III), Союз городов и Особый комитет помощи военнопленным под покровительством императрицы Александры Федоровны. Для согласования работы представители этих организаций были приглашены на заседание ПВЦК 12 мая 1916 г. Представитель Союза городов сообщил, что все посылки предварительно просматриваются, и подозрительные предметы обнаруживаются редко. Он просил не дублировать эту работу военной цензурой, так как это могло сильно замедлить отправку[875].

Однако доверия к этим организациям у цензурного руководства не было. В расследовании работы ПВЦК просмотр писем в Бюро военнопленных назван «фикцией»: от Главпочтамта туда были командированы два цензора, но они работали «без всякого контроля, один завел даже собственные штампы»[876]. В связи с этим комиссия в мае 1916 г. решила командировать больше военных цензоров в благотворительные учреждения для наблюдения за запаковкой и отправкой посылок[877]. 19 августа 1916 г. ПВЦК запретила пересылать военнопленным все книги, запрещенные к продаже в России и изданные после 1 января 1914 г. Не допускались также издания «в духе немецкой пропаганды», способствующие шпионажу и повествующие о способах тайнописи[878]. С января 1917 г. бандероли с книгами для русских и вражеских военнопленных пересылались в Книжный отдел Особого комитета помощи военнопленным (Петроград, ул. Николаевская, д. 55)[879].

---

[875] Там же. Д. 333. Л. 76об.
[876] Там же. Д. 776. Л. 294–301.
[877] Там же. Д. 333. Л. 76об.
[878] Там же. Л. 133.
[879] Там же. Л. 33.

Контроль над отправкой писем военнопленных также вызывал множество нареканий. 6 февраля 1916 г. старший военный цензор при московском почтамте В.М. Яблочков рапортовал в МВЦК о многочисленных пробелах, «коими изобилует установленный у нас порядок корреспондирования военнопленных и благодаря которым далеко не исключена возможность проникновения во враждебные страны всевозможных сведений». Необходимо было просматривать «не только содержание, а, что главное, вникать и проникать во все секретные, замаскированные и условные приемы передачи всяких сведений, и дешифровать и проявлять всякие знаки, отметки и невидимые тексты. Как бы не был богат опыт цензуры в этом направлении, но изобретательность корреспондирующих всегда будет опереживать (так в тексте. – И.Б.) этот опыт». Яблочков перечислил основные приемы тайнописи: 1) Невидимые чернила, «самый опасный способ, требующий проявления едва ли не каждой открытки». 2) Иносказательная передача сведений в словах, смысл которых «совершенно отличен от их истинного значения». 3) Использование имен для «передачи определенных понятий». 4) «Пользование характерными, малоизвестными немецкими оборотами речи и поговорками (напр[имер,] Шмальганц Кюхмейстер здоров или Шмальганц Кюхмейстрер кланяется и т.д., что означает “голодание”»). 5. Подчеркивание определенных букв («способ, конечно, наиболее наивный»). 6. Вставка в текст отдельных букв, знаков и символов, точек и других отметок. 7) Условная передача сведений путем расстановки черточек в разных местах, например – у краев почтовой карточки. 8) Написание текста вдоль открытки или поперек. 9) Обозначение месяцев арабскими или римскими цифрами[880].

В этом же рапорте Яблочковым отмечены основные недостатки в работе цензуры: 1) Фактическое отсутствие контроля над процессом написания и сбора писем военнопленных. Для сравнения, в Германии письма собирались в определенные дни и места, допускались только определенные чернила. 2)

[880] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 97. Л. 103, 103об.

Отсутствие на письмах внешних признаков, что оно принадлежит военнопленному, а не частному лицу. 3) Отсутствие подробного адреса военнопленного, что не дает возможности принять меры против автора. 4) Свободное право военнопленных писать на различной бумаге, различного качества и формата и цвета, что позволяло писать невидимыми чернилами и использовать цвета бумаги для передачи сведений. 5) Отсутствие ограничений в количестве отправлений. Формально он вводился в разных местностях (например, в Москве согласно приказу командующего Московским военным округом от 25 мая 1915 г. разрешалось отправлять в месяц 4 открытки и 2 письма), но на практике никто его не соблюдал. Выявлялись случаи предоставления одним военнопленным сотен открыток, написанных за месяц[881].

Для решения этих проблем автор доклада предлагал разрешить отправлять не более 8 открыток в месяц, либо 4 открытки и 2 письма, и не более 4 страниц текста в письме. После написания корреспонденция должны были направлять напрямую в цензурное отделение. Предлагалось разрешить пленным писать только чернилами, только вдоль открытки и только на проклеенной белой бумаге, на которой любые невидимые жидкости оставляют след. Для ограничения количества текста необходимо было ввести специальный тип открытки определенного формата и с пролинованной строкой для текста, а на оборотной стороне запретить оставлять что-либо кроме адреса. Обязательно следовало задерживать письма военнопленных на 10 дней, как было принято в цензуре других воюющих государств[882].

Помимо введения специальных форм, ограничивавших количество слов и поднимавшихся тем, цензура начала вымарывать и имена отправителей письма. В январе 1917 г. германское правительство через американское посольство в Петрограде выразило протест, пригрозив, что если до 1 февраля не будет дано ответа, то в Германии будут применяться ответные репрессии

---

[881] Там же. Л. 104, 104об.
[882] Там же. Л. 105, 105об.

по отношению к русским военнопленным. Цензорам было предписано прекратить замарывать имена[883].

Конфискованные цензурой отправления часто содержали сведения о совершенных преступлениях, незаконных финансовых операциях, злоупотреблениях на производствах, попытках и способах избежать мобилизации. Дисциплинарные, а также уголовные наказания за распространение секретных сведений не были редкостью. К примеру, прапорщика Кудрявцева (431 Тихвинский пехотный полк) заключили за это под стражу на 7 суток[884].

Задерживались также письма иностранных военных на русской службе с жалобами на дурное обращение командования, рассказы о побеге из германского плена, о покупке нижними чинами для офицеров спиртного, о случаях самоубийств начальствующих лиц и др.[885] Особенный интерес вызывала критика власти, авторы наиболее жестких выпадов позднее разыскивались и привлекались к ответственности. Прапорщик К.В. Ананьев писал в дневнике 31 декабря 1916 г.: «В штаб полка пришло письмо, вскрытое военной цензурой и с официальными бумажками из штаба корпуса и дивизии: “Отыскать автора”. Письмо было адресовано на имя одного из солдат: “Я служу в 405 полку во 2-й роте, мы сходимся с противником, они дают нам ром, сигары, а мы им хлеб, сахар. Они говорят, что ваши правители с нашими пьют вино. Недовольны Вильгельмом. В [Государственной] думе одна буржуазия. Все новые налоги будут драть с нас же. В России какой-то..., а в Петрограде живут одни...”. Подпись: Андрей Васильев»[886].

Отдельным и большим направлением работы было обнаружение тайнописи и скрытых посланий в письмах, посылках и бандеролях. За годы войны было разработано большое количество способов «тайного письма»,

---

[883] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 598. Л. 16, 18.
[884] *Бондарева В.В.* Повседневная жизнь 431-го Тихвинского пехотного полка в годы Первой мировой войны. Дис… к.и.н. СПб., 2022. С. 143.
[885] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 582. Л. 95; Д. 564. Л. 23.
[886] «Господи! Скоро ли кончатся наши муки!..»: дневники прапорщика К.В. Ананьева // Первая мировая: взгляд из окопа. М.; СПб., 2014. С. 202–203.

использовались многочисленные условные знаки и символы, принципы расстановки букв, знаков между строк и даже почтовых марок. К январю 1916 г. цензуре было известно уже свыше 80 рецептов невидимых чернил[887].

Разрабатывались и дополнялись руководящие документы, составлялись и дополнялись перечни способов тайнописи. Так, в «Инструкции по проявлению секретных письменных знаков» (автор – заведующий кабинетом научно-судебной экспертизы при прокуроре Петроградской судебной палаты А.Н. Попов) перечислялись наиболее распространенные и эффективные приемы выявления, такие как «окуривание йодом», смачивание водой с добавлением поваренной соли, проглаживание утюгом и др.[888] Цензоры находили послания в скорлупе грецкого ореха, в запеченном хлебе, шоколаде, шерсти, закрутках сигарет, банках варенья, мундштуках, клубках ниток и т.п.[889] Сохранялись и каналы передачи корреспонденции за границу через различных посредников[890].

В августе того же года были составлены «Практические указания военным цензорам для обнаружения тайной и условной переписки». Согласно ей, внимание цензора должно быть обращено, кроме текста «также и на все особенности, могущие встретиться в письме»: подчеркивание слов или отдельных букв, пометки в виде точек или других значков и прокалывания бумаги, зачастую видные только в увеличительное стекло. Имел значение цвет чернил, прямой или косой почерк, наличие пустых мест и расстояния между строк. Для вложения или написания секретных посланий часто использовались оборотные стороны марок, места нанесения сургучных печатей[891]. В растворах для тайнописи применялись помимо соли также

---

[887] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 219. Л. 198.
[888] Там же. Д. 771. Л. 20–21.
[889] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 255. Л. 533; Ф. 13836. Оп. 1. Д. 590. Л. 491; Ф. 1468. Оп. 6. Д. 8. Л. 3; НИАБ. Ф. 2619. Оп. 1. Д. 27. Л. 316.
[890] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 60. Л. 433.
[891] Там же. Л. 8.

молоко, лимон, крахмал, слюна, сахар, мыло, аптекарские препараты, мундштуки, клубки ниток и т.д.[892]

Уже в первый год войны стало очевидно, что цензура не поспевает за растущим числом способов тайнописи и зачастую не имеет технических средств для ее обнаружения. Между тем советы по тайнописи давались прямо в письмах. Осенью 1916 г. находившийся в Сретенске австрийский военнопленный поручик Ганс сообщал в задержанном на почте письме родственникам: «Так как русская цензура отдельные открытки подогревает, то отныне пишите фенолфталеином, разведенным в чистом алкоголе. Шрифт проявляется красным цветом, если его намочить нашатырем»[893].

Разные способы тайнописи применялись и в русской армии. Распространенной практикой были договоренности с родственниками об условных знаках, словах и шифрах, расположении слов и т.д. В большинстве случаев эти приемы разгадывались цензорами, но попытки солдат написать что-то «скрытное» продолжались всю войну. В приказе по 7 армии от 19 декабря 1916 г. отмечалось, что «за последнее время замечено довольно частое поступление писем, которые частью или полностью написаны шифром, состоящим из цифр и условных знаков или малозаметной для глаза жидкости. Подобный способ переписки избирается преимущественно нижними чинами, несмотря на то что на театре военных действий условная переписка запрещена и вся полностью конфискуется»[894].

В январе 1916 г. цензор Г.С. Долгоруков в докладе в ПВЦК отмечал наличие у союзников лабораторий для работы с тайными письмами и призвал создать такую же в России[895]. На отсутствие химического кабинета указывал в мае того же года М.А. Адабаш. По его словам, германцы и австрийцы хорошо осведомлены об организации петроградской цензуры, в частности –

---

[892] *Богомолов И.К.* «При просмотре корреспонденции следует обращать внимание...»: Инструкция военным цензорам Петрограда по обнаружению тайной переписки. 1916 г. // Исторический архив. 2022. № 4. С. 177–184.
[893] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 60. Л. 22.
[894] Цит. по: *Бондарева В.В.* Указ. соч. С. 201–202.
[895] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 254. Л. 200.

об отсутствии у нее технических возможностей для обнаружения тайной переписки. Составы, выработанные неприятелями, «настолько совершенны, что при самом внимательном рассмотрении невооруженным глазом корреспонденции с тайнописью не представляется возможным обнаружить даже следы таковой». В таких условиях создание химического кабинета он считал задачей первостепенной важности. В короткий срок были подобраны кадры. Адабаш сообщал в ПВЦК, что после переговоров А.Н. Попов «любезно предоставил возможность нескольким выбранным мною военным цензорам и переводчицам, знакомым с химией, работать в своей лаборатории для ознакомления с научными усовершенствованными приемами в деле обнаружения и проявления тайнописи». К этой работе привлекли четырех цензоров (поручик Будзко, отставной военврач Карпович, студент-химик Котов и переводчица Орлова)[896].

Остро стоял вопрос досмотра найденных в посылках непроявленных пленок и фотокарточек. С ноября 1916 г. к этой работе в петроградской военной цензуре привлекался известный фотограф С.М. Прокудин-Горский. Поначалу он работал вне штата и выполнял заказы по досмотру задержанных в порту и на Финляндском вокзале посылок с кинолентами, светочувствительными пластинками и бромосеребряной бумагой. После проверки в лаборатории Прокудина-Горского [897] ленты и пластинки направлялись либо в жандармское управление (если содержимое казалось подозрительным), либо в городские почтовые отделения [898] . Создание химического кабинета и организация досмотра кинолент в портовой таможне помогли увеличить число раскрытых тайных сообщений в письмах, в том числе о новых способах тайнописи, а также о совершенных преступлениях[899].

20 апреля 1916 г. М.А. Адабаш докладывал в штаб Петроградского военного округа, что досмотр посылок на вокзале совершенно не

---

[896] Там же. Л. 342–344.
[897] Находилась по адресу: Петроград, Волоколамский переулок, д. 1, кв. 12.
[898] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 519. Л. 6, 23, 29.
[899] Там же. Д. 5. Л. 225; Д. 304. Л. 70.

организован и проводился «поверхностно». По его словам, из России ежедневно уходили «тысячи[900] посылок, в которых каждый желающий, даже в Петрограде, мог при помощи подкупа обслуживающих... лиц, свободно пересылать в нейтральные страны и в Германию всякого рода вложения со сведениями секретного характера». Почти вся корреспонденция из Москвы и соседних с ней городов отправлялась за границу без просмотра военной цензуры. Адабаш считал необходимым тщательно просматривать все посылки без исключения, в том числе отправления дипломатов нейтральных государств. Для этого нужно было увеличить штат до 65 цензоров (150-200 посылок в сутки на одного). 5 человек назначались для наблюдения за заделкой мешков с письмами и посылками военнопленных. Необходимо было также найти для них новое, более просторное помещение, для чего предполагалось реквизировать одну из комнат на самом вокзале[901]. Часть этих мер была реализована, однако за годы войны так и не удалось добиться полного контроля над содержимым посылок и писем, проходивших через Финляндский вокзал и портовую таможню, незначительно улучшился и досмотр в Москве.

Вопрос о прослушивании телефонных разговоров для их цензуры впервые был поднят в январе 1916 г. Новое руководство ПВЦК стремилось не только усилить цензуру печати и корреспонденции, но и закрыть все «лазейки», которые могли быть использованы для передачи шпионской информации и которые до того никак не контролировались. В конце 1915 – начале 1917 г. контрразведкой Двинского военного округа было налажено прослушивание телефонных разговоров в крупных городах. Как отмечает Н.С. Кирмель, за это время при прослушивании звонков в Витебске удалось выявить «целый ряд злоупотреблений по снабжению и продовольствию

---

[900] В докладе в штаб Петроградского военного округа 16 мая 1916 г. М.А. Адабаш отмечал, что ежедневно русским военнопленным в Германии пересылалось через Финляндский вокзал от 6 до 8 тыс. посылок, которые практически не просматривались (РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 254. Л. 342–343).

[901] Там же.

войск, спекуляции на повышение цен, укрывательству от воинской повинности, дезертирству, тайной торговле спиртными напитками», но «не удалось обнаружить ни одной шпионской организации»[902].

Эксперименты проводились и в других прифронтовых районах. Так, 3-5 января 1916 г. в Риге был опробован формат прослушивания нескольких телефонных разговоров на выборку. Дежурные цензоры на телефонной станции указывали время разговора, адрес телефонного аппарата и по возможности имена собеседников. В одном из отчетов цензор докладывал: «Разговаривали дама и мужчина. Мужчина предполагает завтра утром поехать в Петроград, а дама его просит отвезти туда целую пачку писем, которую она вложит в книгу, утешая при этом господина, что она много места не займет. Господин взялся исполнить поручение. <...> Полагаю, что содержание писем такого рода, что даже желательно, чтобы они не проходили через военную цензуру». В другом случае особое внимание в отчете цензор обратил на использование немецкого языка: «Говорили две дамы на смешанном русско-немецком языке, о каком-то русском. <…> Одна из дам... плохо говорящая по-русски, употребляла немецкие выражения. <…> Барышня справлялась о каком-то другом прапорщике, называя его по имени и отчеству. <...> После этого перешли на пустую болтовню, болтая минут 25»[903].

Хотя первые опыты показали малую эффективность прослушивания телефонных разговоров, проблема их контроля не сходила с повестки. В январе 1916 г. М.А. Адабаш запрашивал старших военных цензоров в городах о возможности и способах установить цензуру телефона[904], на что получил сдержанные ответы. Старший военный цензор при Ямбургской почтово-телеграфной конторе отметил, что цензоры не будут иметь никаких доказательств разговора, так как он нигде не записывался. Возникнут, по его

---

[902] *Кирмель Н.С.* Указ. соч. С. 265.
[903] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 599. Л. 116.
[904] Там же. Д. 108. Л. 205–209.

мнению, и организационные сложности: при каждой центральной станции следовало устроить цензурный пункт с назначением не менее двух дежурных[905]. Цензор при Царскосельской конторе докладывал, что к тому моменту в его городе было около 800 абонентов, их обслуживали три смены по 8 телефонисток в каждой. По его расчетам, для прослушивания такого количества разговоров нужно было нанять не менее 30 человек, причем они должны были постоянно ждать соединения и внимательно прослушивать все разговоры от начала до конца. Оптимальным вариантом цензор считал наблюдение за номерами только «известных лиц» и «только разговоров Царского Села с Петроградом», для чего, как он считал, потребуется нанять 6 человек[906]

О результатах экспериментов с телефонной цензурой Адабаш докладывал в штаб Петроградского военного округа 4 февраля 1916 г. Признавая, что организовать прослушивание всех телефонных разговоров невозможно, он предложил делать «хотя бы выборку» из общего числа абонентов[907]. К тому же масштабный контроль над телефонной связью был чреват скандалом: в конце февраля 1916 г. в печать проникли сведения о предоставлении столичной цензуре списка абонентов Петрограда для прослушивания их разговоров[908]. Вопрос обсуждался на заседаниях ПВЦК в апреле и октябре 1916 г.[909], однако дальше отдельных экспериментов дело не пошло, и в дореволюционный период телефонная цензура установлена не была.

Предпринимались попытки организовать и цензуру грампластинок. Еще в 1912 г. в печати появлялись сообщения, что ввести такой вид цензуры предложил товарищ министра внутренних дел И.М. Золотарев[910]. В годы мировой войны эта идея пришла уже не от чиновника, а от представителя

---

[905] Там же. Л. 825.
[906] Там же. Л. 830об., 831.
[907] Там же. Д. 599. Л. 118.
[908] Цензура телефонов // Новое время. 1916. 28 февраля.
[909] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 277. Л. 520; Там же. Д. 333. Л. 163.
[910] Русская стихотворная сатира 1908–1917-х годов. Л., 1974. С. 65.

отрасли. В письме в ПВЦК от 11 февраля 1916 г. редактор-издатель журнала «Граммофонный мир» Д.А. Богемский настаивал на скорейшей организации предварительного прослушивания цензурой всех пластинок, особенно поступающих из-за рубежа, и прямо предложил свою кандидатуру на должность военного цензора. Он отмечал, что основная их часть выпускалась на германских фабриках, в Скандинавии этого производства нет, поэтому немцы могли использовать пластинки для распространения в России антивоенной пропаганды[911].

Вероятно, М.А. Адабаш посчитал идею заслуживающей внимания. Докладывая в штаб округа в мае 1916 г., он выступал за прослушивание пластинок не только зарубежного, но и российского производства. По его мнению, не все поднятые там темы были уместны исходя из текущей обстановки на фронте (например, песни о скором взятии русской армией Вены, Кракова или Берлина). Недопустимыми он считал также «некоторые песни в виде новых “дубинушек”, “Материнских слез”, “Горькой доли солдата” и т.п., рисующих войну лишь с отрицательной и мрачной стороны». Полагая, что в данном случае вполне возможно установить эффективный предварительный контроль, Адабаш предложил командованию округа обязать производителей представлять в военную цензуру при ПКДП пробный оттиск пластинки, а цензуре – закупить два граммофона и выделить помещение для этого вида цензуры[912]. В это время проблема провоза немецких пластинок получила освещение и в печати. «Коммерсант» сообщал в августе 1916 г. о прибытии в Петроград из Швеции партии пластинок якобы с различными музыкальными произведениями, а на деле – с «лживыми сообщениями германских фабрикантов, касающихся событий на фронте»[913]. После этого случая предполагалось ускорить создание специального вида

---

[911] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 254. Л. 356–358.
[912] Там же. Л. 354–355.
[913] Цензура граммофонных пластинок // Коммерсант. 1916. 17 августа.

цензуры, однако в годы Первой мировой войны реальные шаги на данном направлении так и не были предприняты.

2.4. Фронтовая журналистика и цензура[914]

События на фронтах, в стане вражеских, союзных и нейтральных государств с первых дней войны привлекали огромное внимание русского общества. В одном из редакционных документов «Русских ведомостей» отмечалось: «В условиях переживаемого совершенно исключительного времени пульс политической жизни заметно понизился и все важнейшие вопросы внутренней политики… отошли в сторону не только в нашем отечестве, но и во всей Европе»[915]. Интерес к международным делам был настолько велик, что в первые дни войны «многочисленная толпа буквально вырывала из рук газетчиков» свежую прессу [916] . Работа собственных корреспондентов и Санкт-Петербургского телеграфного агентства в эти дни была крайне напряженной. В номере «Русского слова» за 20 июля 1914 г. (включая двухполосный экстренный выпуск, вышедший в ночь на 21 июля) были напечатаны 82 заграничные телеграммы, тогда как в недавние мирные дни этот показатель был в среднем в 2–2,5 раза ниже.

В этих условиях газеты для сохранения читательской аудитории и опережения конкурентов должны были расширять круг источников эксклюзивной информации в России, за рубежом и, в особенности, на фронте. Главным препятствием была цензурная политика всех воюющих государств. Еще накануне войны началось замедление телеграфного сообщения,

---

[914] При подготовке данного параграфа были использованы материалы из статей: *Богомолов И.К.* Американский журналист Стэнли Уошберн на Русском фронте Первой мировой войны // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2020. № 3. С. 78–99; *Bogomolov I.K.* Bernard Pares as a British War Correspondent on the Russian Front in 1914 // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2020. № 3. С. 119–139; *Богомолов И.К.* Первая мировая война в воспоминаниях американского журналиста Стэнли Уошберна // Новая и новейшая история. 2021. № 3. С. 115–129.

[915] РГАЛИ. Ф. 1701. Оп. 2. Д. 4. Л. 1.

[916] Русское слово. 1914. 3 августа. Экстр. прил. к № 166.

вводилась фактическая военная цензура писем и телеграмм. С ее официальным началом противники незамедлительно принялись обрывать телеграфные связи[917], стремясь максимально усложнить выход секретной информации за свои пределы. Введенные для борьбы со шпионажем, эти меры сильно ударили по информированности печати, ее зарубежным источникам. Если 20 июля в «Русском слове» было напечатано 8 прямых телеграмм из Берлина, то на следующий день – только две, и те дошли до Петербурга через Копенгаген и Константинополь.

Большие трудности возникли и с допуском корреспондентов на театр военных действий. Изначально Ставка заняла в этом вопросе предельно жесткую позицию, отталкиваясь в том числе и от опыта Русско-японской войны. После 1905 г. в военных кругах был популярен взгляд на печать как на деструктивную силу, склонную только критиковать армию, принижая ее успехи. А.Н. Куропаткин отмечал в воспоминаниях: «Некоторые корреспонденты с театра войны, плохо осведомленные о наших действиях, и еще хуже – о японских, часто на основании не виденного, а только услышанного, из источников недостаточно компетентных, увеличивали смуту в умах, раздувая значение той или другой из наших неудач»[918].

Стоит отметить, что недоверие к журналистам в целом было характерно для армий того времени. Британское военные, например, не забыли «вредную» деятельность журналистов-соотечественников во время англо-бурской войны[919]. Неудивительно, что военный министр лорд Г. Китченер в начале мировой войны не допускал в расположение армии представителей печати, официальную аккредитацию они получили только в марте 1915 г. Непосредственной причиной этой уступки послужили неудачи британских войск в битве при Нев-Шапель, скудное освещение которой вызвало

---

[917] Подробнее см.: *Winkler J.* Information Warfare in World War I // Journal of Military History. 2009. Vol. 73. № 3. P. 846–857.
[918] *Куропаткин А.Н.* Русско-японская война: итоги войны. СПб., 2002. С. 10.
[919] *McLaughlin G.* The War Correspondent. London, 2002. P.57

недовольство в английском обществе и усилило дебаты о значимости фронтовых корреспондентов[920].

М. Суини и Н.Т. Рольсгор верно называют войну 1904–1905 гг. концом «золотого века фронтовой журналистики»[921]. Растущие возможности и скорость передачи информации подвигали правительства западных стран, Японии, а затем и России усилить контроль над работой корреспондентов на театре военных действий, создать четко очерченные границы, в которых они могли действовать. В 1912 г. было утверждено «Положение о военных корреспондентах в военное время», регламентировавшее работу журналистов на фронте, их ответственность за разглашение военных тайн, проникновение на запретные объекты, отклонение от заранее согласованной программы. Все материалы корреспондентов подлежали предварительной цензуре[922]. Свою роль в установке строгих ограничений играла и личная позиция великого князя Николая Николаевича, считавшего любые появления журналистов на расположении армии «несвоевременными»[923].

В первые недели войны редакции газет посылали в Ставку многочисленные запросы по поводу допуска корреспондентов на фронт, однако неизменно получали отказ. А.С. Серафимович вспоминал, что когда обратился в редакцию «Русских ведомостей» с просьбой послать его на фронт, ему отказали, заявив: «Вас все равно не пустят»[924]. На театр военных действий не смогли попасть и опытные журналисты, такие как В.И. Немирович-Данченко, работавший корреспондентом еще в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

---

[920] Ibid. P. 59, 60.
[921] *Rolesgaard N.T., Sweeney I.S.* Journalism and the Russo-Japanese War: The End of the Golden Age of Combat Correspondence. Lanham, 2019.
[922] Подробнее см.: *Гужва Д.Г.* Российская военная периодическая печать в годы Первой мировой войны 1914 – 1918 гг. Дисс… к.и.н. М., 2008. С. 20; *Бондарь В.О.* Военная цензура периодических изданий в Российской империи в XIX – начале XX века. Дисс… к.и.н., 2012. С. 115.
[923] *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 134.
[924] Цит. по: *Бережной А.Ф.* Русская легальная печать... С. 22

Изменить отношение Ставки к журналистам вынудила обстановка на фронте. Поражения в Восточной Пруссии в августе 1914 г. произвели ошеломляющее впечатление в России. Короткие и сухие по стилю официальные сообщения только усиливали подозрения и панику. Общество в целом слишком мало знало о положении на фронте, о быте армии, ее героях и подвигах. Животрепещущим был и вопрос об обнародовании потерь. Характерны в этом смысле дневниковые записи юриста Владимира Эммануиловича Грабаря, брата художника Игоря Грабаря, с августа 1914 по май 1915 гг. прикомандированного к дипломатической канцелярии МИД при Ставке. 16 августа вечером он «застал оживленную беседу по вопросу о цензуре». Приехавший из столицы полковник А.Н. Нерике «с жаром доказывал необходимость осведомлять население о потерях, публиковать списки убитых и раненых, как это делают немцы. В СПб возмущение заведенными порядками. Глав[ный] штаб прямо штурмуют. Множество запросов приходят письменно. Заведен штемпель: “пока сведений не имеется”. Возмущаются и тем, что о потерях привилегиров[анных] особ конногвард[ейского] полка печатались сведения и служились панихиды, о прочих смертных ничего. Надо стоять было к жизни, нельзя закрыться от нее стеной. Необходимо более подробно осведомлять о воен[ных] действиях и публиковать списки, иначе скоро будет бунт. [М.А.] Свечин и [П.Л.] Ассанович весьма хладнокровно заявили, что [заявители] могут подождать месяц. Оказывается, ген[ерал]-квартирмейстер [Ю.Н.] Данилов дал распоряжение не сообщать ничего в [Главный] штаб, и штаб не имеет никаких сведений»[925].

Настойчивыми были и просьбы союзников допустить на фронт иностранных журналистов. Предложения кандидатур начали поступать из Лондона и Парижа уже в начале августа 1914 г., однако поначалу

---

[925] Tartu ülikooli raamatukogu (Библиотека Тартуского университета). Ф. 38. Д. 50. Л. 7об. За документ выражаю огромную признательность своему коллеге Дмитрию Валерьевичу Мазарчуку.

положительных решений не было. Так на фронт не попал и уехал из России ни с чем корреспондент «Дейли ньюз» Фрэнсис Маккалла, передававший репортажи из русской армии в 1905 г. и издавший о своей работе в России отдельную книгу[926]. С конца августа Ставка начала рассматривать варианты ограниченного допуска отобранных журналистов. Изначально предполагалось допустить по одному от каждой страны, однако и здесь были исключения. К примеру, американский журналист Стэнли Уошберн был допущен на фронт только благодаря настойчивым просьбам министра иностранных дел С.Д. Сазонова, считавшего весьма важным создание положительного образа России в США[927].

После длительных согласований корреспондентам было разрешено приехать в Ставку 26 сентября 1914 г. В состав группы входили Уошберн, Бернард Пэрс (Англия), Людовик Нодо (Франция), Какасаки Оба (Япония) и фотограф Джордж Мьюз. Командование не исключало и расширения «квоты». Ю.Н. Данилов недоумевал, почему Роберт Вильтон, ходатайствовавший за Уошберна и Мьюза, сам не стремится своими глазами увидеть фронт[928]. Несколько смягчил свою позицию и великий князь Николай Николаевич. Еще недавно наотрез отказывавшийся видеть журналистов на фронте, он теперь лично принимал их, уверял, что «высоко ценит» значение печати во время войны[929].

По поручению верховного главнокомандующего корреспондентам были предоставлены «наиболее возможные удобства» при следовании вдоль фронта. Штабы армий должны были всячески содействовать группе журналистов и допускать их в районы военных действий[930]. Накануне отъезда все корреспонденты подписали обязательство строго соблюдать

---

[926] *McCullagh F.* With The Cossacks. Being The Story Of An Irishman Who Rode With The Cossacks Throughout The Russo-Japanese War. London, 1906.
[927] Подробнее см.: *Богомолов И.К.* Американский журналист Стэнли Уошберн на Русском фронте Первой мировой войны // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2020. № 3. С. 82–85.
[928] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1442. Л. 19об.
[929] Там же. Л. 35.
[930] Там же. Л. 56, 76.

правила и «подчиняться всем требованиям, которые сверх того могут быть предъявлены»[931]. Маршрут поездки был заранее согласован и включал несколько основных прифронтовых городов: Ровно, Броды, Львов, Рава-Русская, Сокаль, Владимир-Волынский, Ковель. По прибытии во Львов маршрут несколько расширился, были включены Галич, Городок, Кельцы, Козеницы[932]. Журналисты были под бдительным присмотром специально прикомандированного к ним полковника П.Л. Ассановича, который сообщал буквально о каждом шаге группы[933].

Формально Ассанович был единственной цензурной преградой для корреспондентов: при наличии отметки о его просмотре все материалы должны были беспрепятственно попадать на страницы печати[934]. Однако даже столь конкретное указание не помешало местным военным цензорам часто вмешиваться в процесс. 12 октября 1914 г. Ассанович телеграфировал в Ставку с просьбой содействовать в ускорении отправки телеграмм[935]. Зорко следили за отправленными материалами и в самой Ставке: любые «неправильные» толкования и суждения журналистов ставились на вид Ассановичу. Так, 14 октября ему сообщили, что помещенная днем ранее в «Новом времени» корреспонденция Н.И. Кравченко из Львова содержит мысли о «неопытности нашей гражданской власти, вызывающей своими распоряжениями недовольство, и рисует мрачные картины управления». Ю.Н. Данилов в связи с этим предписал Ассановичу установить «более строгий и тщательный надзор» за его подопечными[936].

Самой строгой цензурой были заранее спланированные и ограниченные по времени поездки. Практически сразу недовольство выразил Пэрс, считавший, что этот формат не позволит ему полноценно работать. Еще в пути он попросил Н.Н. Янушкевича и С.Д. Сазонова перевести его на работу

---

[931] Там же. Л. 25.
[932] Там же. Л. 37, 41.
[933] Там же. Л. 46.
[934] Там же. Л. 42.
[935] Там же. Л. 69.
[936] Там же. Л. 74, 74об.

в Красный Крест[937]. Таким путем Пэрс пытался законно остаться на фронте, и это ему удалось: из России он уехал уже когда Красная Армия была близка к победе в Гражданской войне[938].

После окончания первой поездки 26 октября журналисты были принуждены вернуться в Петроград и ждать новых разрешений посетить фронт. При помощи чинов МИДа это удалось сделать Уошберну, который в ноябре посетил Варшаву, в январе 1915 г. побывал в полевом лазарете, а также поучаствовал в объезде фронта группой военных агентов – представителей союзных России держав. В последующие два года он побывал на основных полях сражений Русского фронта, познакомился с крупными военачальниками и дважды переговорил с Николаем II[939]. Такое же «особое» отношение (прежде всего, индивидуальный допуск на фронт) было и к французскому журналисту Л. Нодо[940]. Несмотря на это, их сообщения также цензурovались весьма дотошно, из-за чего частыми были задержки. 3 декабря 1914 г. Уошберн писал своему шефу, владельцу лондонской «Таймс» А. Хамсворту (лорду Нортклиффу): «Я только сегодня утром вернулся из поездки в Варшаву. Обнаружил, что могу без особого труда получать там много новостей, но из-за совершенно глупой и безответственной цензуры оказалось, что материал, отправленный в субботу по телеграфу, который принес бы большую пользу русскому делу, был задержан и не дошел до Петрограда даже сегодня (в среду)»[941].

Отношение фронтового командования к журналистам емко выразил член Военного совета генерал Ф.К. Гершельман. В статье в «Русском инвалиде» он писал: «Присутствие известного числа корреспондентов в армии неизбежно, так как нельзя не удовлетворить потребности публики… в

---

[937] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1442. Л. 62–67; АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 23. Л. 59–62.
[938] Подробнее см.: *Bogomolov I.K.* Bernard Pares as a British War Correspondent on the Russian Front in 1914. С. 119–139.
[939] Подробнее см.: *Богомолов И.К.* Первая мировая война в воспоминаниях американского журналиста Стэнли Уошберна // Новая и новейшая история. 2021. № 3. С. 115–129.
[940] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 2443. Л. 376.
[941] British Library Archives and Manuscripts. Northcliffe Papers. Vol. CII. Correspondence with Stanley Washburn; 1914–1922 (Add MS 62254). Л. 3.

постоянном получении известий с театра войны». В то же время фронтовыми журналистами могли стать «по возможности лица известные, и должно остерегаться допускать в армию всяких проходимцев, людей ненадежных». Корреспонденты должны быть «ограничены в своих сообщениях до крайних пределов. Они пишут лишь о событиях, уже имевших место, притом пишут глухо, не называя по имени частей войск, начальников, места их расположения и направления их движения, даже не называя по именам тех пунктов, о которых пишут; не дают сведений о количестве потерь, равно не сообщают об убитых и раненых офицерах»[942].

Тем не менее журналисты стремились попасть на фронт, преодолевая многочисленные согласования и строгую цензуру. В 1915–1916 гг. установилась практика подачи прошений в штабы фронтов, и в большинстве случаев разрешение давалось при условии предварительного просмотра текстов и фотографий[943]. Цензуру выполняли чины Ставки, в случае с зарубежными корреспондентам подключались представители союзных миссий[944]. Корреспонденты (например, Р. Вильтон) для ускорения писем и телеграмм просили направлять их напрямую в ГУГШ[945]. Чаще всего, однако, первичный просмотр статей, фотографий и кинохроники производился штабами фронтов[946]. В октябре 1915 г. «Роберту Альфредовчу Вильтону» было выдано удостоверение, разрешающее ему пребывать в районе действий Гвардейского корпуса, штаб которого имел право первичной цензуры сообщений британца[947].

В ряде случаев проверку и даже цензуру корреспонденций осуществлял сам М.В. Алексеев. Так, глава французской военной миссии при Ставке генерал М. Жанен просил начальника штаба Верховного главнокомандующего предварительно посмотреть заметку побывавшего на

---

[942] *Гершельман Ф.К.* Досужие мысли // Русский инвалид. 1916. 1 июня.
[943] См., напр.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1443. Л. 87–92.
[944] Там же. Л. 197, 233.
[945] Там же. Л. 418.
[946] Там же. Л. 201, 405.
[947] Там же. Л. 421.

Русском фронте французского журналиста Мериндоля. Алексеев заметку одобрил, но вместо фразы «Противник почти всюду перешел к обороне» написал на полях, что немец «лишился возможности проявлять свободу действий; он с большими усилиями собирает крупные силы для атаки в избранном направлении, как ныне на Балканах»[948].

Такой порядок соблюдался не всегда, и зачастую результаты контроля могли не устроить Ставку. Посетивший фронт в августе 1916 г. французский журналист Клод Ане (Шопфер) в одной из статей отметил «сдержанный» характер своей встречи с генералом Н.В. Рузским и общее «недоверие» русского командования к корреспондентам[949]. В свою очередь, чины Ставки отметили поведение Шопфера, который «ничего не телеграфировал, задавал весьма серьезные вопросы по части устройства тыла, новых ж[елезных] дорог и т.п. и старался разговорами с офицерами восполнять то, что показывалось». В связи с этим дальнейшее допущение Шопфера на фронт было признано «нежелательным»[950].

В целом, цензура писем и телеграмм фронтовых корреспондентов происходила фактически в индивидуальном порядке. Значение имела личность самого корреспондента и отношение к нему командования, дотошность и строгость штабных офицеров, как правило выступавших цензорами для статей и докладов фронтовых журналистов. Однако первоначальное неприятие присутствия корреспондентов на театре военных действий быстро уступило место пониманию необходимости подробного освещения хода войны, в том числе для поддержания «бодрого» настроения в тылу и улучшения образа русской армии в союзных и нейтральных странах. В этом смысле контроль над журналистами был гибким и учитывал общий военно-политический контекст.

---

[948] Там же. Л. 365.
[949] Там же. Л. 132об.
[950] Там же. Л. 125.

2.5. Бытовые условия работы почтово-телеграфной цензуры

«Временное положение о военной цензуре» задавало рамку работы цензоров, но никак не освещало организацию их труда. С началом войны военным и гражданским властям пришлось оперативно решать вопросы не только кадрового, но и хозяйственно-бытового обеспечения цензуры, оборудования рабочих мест для тысяч людей. Здания и пространства, которые до войны занимали почтово-телеграфные конторы, изначально не были рассчитаны на такое количество сотрудников. И если военно-цензурные комиссии располагались обычно в зданиях штабов[951], то рядовым цензорам приходилось работать в тесноте, зачастую в совсем не приспособленных помещениях. Старший военный цензор на Главном телеграфе докладывал, что здание учреждения «далеко не соответствовало требованиям службы», а начавшаяся еще до 1914 г. его перестройка по обстоятельствам военного времени обещала затянуться надолго[952].

Схожей была ситуация и на Главпочтамте. Петроградский почт-директор Н. Менделеев в начале 1915 г. писал в ПВЦК, что особенно тесно было к концу года, когда быстро росло количество поздравительной корреспонденции. В такие дни «положительно невозможно пройти по помещению, не рискуя разорвать платье о расставленные всюду корзины с корреспонденцией или задеть таковую, находящуюся на столах, и уронить ее на пол». В день раскрывалось до 700 мешков с письмами, из-за чего в комнате стояла пыль[953]. В мае 1915 г. Д.П. Струков сообщал в штаб округа о недостатке стульев. Необходимо было больше умывальников для поддержания гигиены и сохранения здоровья цензоров, которые вскрывали и читали письма, написанные болеющими людьми[954]. Регулярно возникали

---

[951] Например, ПВЦК первоначально располагалась в штабе военного округа, затем – на Миллионной ул., д. 26 (РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 108. Л. 158; Там же. Д. 128. Л. 88).
[952] Там же. Д. 333. Л. 22об.
[953] Там же. Д. 518. Л. 33.
[954] Там же. Д. 74. Л. 356.

задержки с доставкой дров, в помещениях часто стояли холод и духота, засорялись каминные трубы и канализация, недоставало уборных. 14 апреля 1917 г. в здании на Морской ул., д. 56 произошел пожар, сгорело 2 мешка с конфискованными письмами[955].

Цензоры регулярно жаловались на отсутствие карандашей и ручек, пишущих машинок, рассыльных и разносных книг и телефонов, не говоря о специальных приспособлениях, как, например, машинки для плавления сургуча[956]. Первое время, в сентябре–ноябре 1914 г., они на свои средства приобретали канцелярские принадлежности. 17 мая 1916 г. К.Е. Кометс сообщал в ПВЦК, что имевшиеся у цензоров на Главном телеграфе каучуковые штемпеля были заказаны и оплачены ими самими[957].

По мере увеличения состава цензуры приобреталась мебель, кровати, матрасы, подушки, буфет, чайная и столовая посуда, электрическое освещение, телефонные аппараты, справочники [958]. В августе 1916 г. на нужды ПВЦК было закуплено 13 икон, два портрета царя, а также сотни различных канцелярских принадлежностей, мебель, предметы утвари для буфета и кухни [959]. Однако из-за растущего дефицита и дороговизны проблемы со снабжением сохранялись все военные годы, что заставляло военно-цензурные комиссии закупаться впрок [960]. В январе 1917 г. петроградский почт-директор пожаловался в ГУПТ, что почтово-телеграфное ведомство доставляло канцелярские принадлежности в цензуру «крайне небрежно»: еще не были получены некоторые заказы, сделанные в начале 1916 г.[961]

В условиях роста цен и дефицита весьма чувствительным был вопрос доступа цензоров к товарам с интендантских складов. В ноябре 1916 г.

---

[955] Там же. Д. 98. Л. 35.
[956] Там же. Д. 74. Л. 57, 61.
[957] Там же. Д. 778. Л. 275.
[958] Там же. Д. 333. Л. 23, 23об.
[959] Там же. Д. 400. Л. 43.
[960] Там же. Д. 254. Л. 342–343.
[961] Там же. Д. 587. Л. 7.

старший военный цензор в Петергофе просил разрешить шестерым его подчиненным отовариваться в петроградском магазине вследствие «дороговизны продуктов первой необходимости, а нередко и неимения их в продаже», на что получил согласие [962] . Для урегулирования вопросов снабжения 18 января 1917 г. был создан продовольственный комитет при ПВЦК, чтобы все отделы и сотрудники «при настоящих трудных условиях получали бы продукты первой необходимости из складов интендантства». Сюда входили как военные, так и гражданские чины[963].

В провинции ситуация была схожей из-за малого фонда административных площадей, которые можно было бы использовать. Зачастую речь шла о зданиях почтово-телеграфных контор, и до того не отличавшихся простором. Старший военный цензор в Петергофе 4 июля 1916 г. просил отдельного помещения для трех цензоров, которые до того делили комнаты с другими почтовыми чиновниками, а ему самому приходилось работать в аппаратной. Ходатайство было отклонено[964]. 11 декабря 1916 г. старший цензор Царскосельской конторы просил улучшить положение с дровами, которые в то время весьма трудно было найти, да и денег на них выделялось недостаточно [965] . Местные власти неохотно шли навстречу в вопросах снабжения и поддержания помещений в приемлемом состоянии. Так, Петроградская городская управа отказалась привести в порядок помещения в Военно-полевой цензуре (Екатерингофский пер., д. 3), а без ремонта в нем невозможно было работать[966].

Запрашивая усиление кадрами, старшие военные цензоры лишь во вторую очередь говорили об улучшении бытовых условий. Старший цензор Лужской конторы сообщал, что ввиду увеличения числа цензоров помещение

---

[962] Там же. Д. 447. Л. 2, 10.
[963] Там же. Д. 545. Л. 126.
[964] Там же. Д. 108. Л. 289, 325.
[965] Там же. Л. 393.
[966] Там же. Д. 333. Л. 150.

стало тесным, комната не имеет форточки для проветривания[967]. 18 июня 1916 г. старший цензор при Новгородской конторе сообщал М.А. Адабашу, что если до апреля, при 25 сотрудниках, места в специально отведенной для них в конторе комнате хватало, то сейчас, при 40, «ощущается большой недостаток воздуха и теснота настолько ощутительна, что невозможно повернуться». Однако найти подходящее помещение было трудно из-за расквартирования в городе частей и наплыва беженцев. И хотя Адабаш согласился оплатить аренду нового помещения, его сначала следовало найти, а потом уже получить деньги. Владельцы квартир на эту схему не соглашались, требуя задаток. В результате в октябре ходатайство о подыскании казенного помещения было отклонено начальником Петроградского почтово-телеграфного округа[968].

Сложностей добавляли военные условия: цензурные отделения перемещались со штабами, подчас без каких-либо установленных мест для эвакуации. В июле 1915 г. Рижская ВЦК после переезда в Юрьев работала сначала в студенческом общежитии местного университета (офицеры разместились на частных квартирах), а с 1 сентября получила отдельное помещение на Ивановской ул., д. 14.

К началу 1916 г. ситуация с помещениями стала близка к критической. Весной один из военных цензоров докладывал в ПВЦК: «Существующая обстановка совершенно не удовлетворяет настоящим требованиям канцелярии, так, в приемной совершенно отсутствуют столы, стулья и др[угие] принадлежности; штор на окнах не имеется совершенно во всех помещениях канцелярии, работа же без них, ввиду наступления солнечных дней, крайне затруднительна»[969]. В мартовском отчете по расследованию деятельности ПВЦК особое внимание было обращено на необходимость помещения, отвечающего «хотя бы элементарным требованиям гигиены, так

---

[967] Там же. Д. 108. Л. 390.
[968] Там же. Л. 285, 316, 318.
[969] Там же. Д. 761. Л. 5–8.

как при условиях существующих не только работать нельзя, но можно даже заболеть»[970]. В декабре старший военный цензор в Петроградской портовой таможне писал М.А. Адабашу, что беспрерывная работа в течение целого месяца в «такой негигиеничной обстановке, где в помещении от постоянной распаковки более тысячи поступающих ежедневно посылок стоит постоянная, как туман, пыль, естественно может отразиться неблагоприятно на здоровье (глаза, легкие) интеллигентных женщин, каковыми являются жены и дочери офицеров, что может повлечь за собою уход их из цензуры». Узнав о возможности работы и по воскресеньям (просмотр накопившихся залежей), переводчицы заявили, что в таких условиях и при такой плате они будут вынуждены уволиться. Цензору удалось их успокоить, заверив, что воскресенье останется выходным[971].

Не все пункты были в плохом состоянии, многое зависело от старшего цензора. Так, Псковский цензурный пункт заслужил похвалу ревизоров от Двинской ВЦК в апреле 1916 г., т.к. благодаря старшему цензору князю Вадбольскому, «с любовью относящемуся к вверенному ему делу и отдающему последнему всю свою энергию и все свое время» пункт «должно признать в отличном состоянии: снабженное необходимою мебелью помещение пункта, содержимое в чистоте и порядке, производит впечатление уюта; военные цензора и переводчики относятся к исполнению своих обязанностей весьма добросовестно, аккуратно являясь в установленные часы на занятия и работая не за страх, а за совесть»[972]. Однако такие отзывы и такие пункты были скорее исключением из правила.

Начальство прислушивалось к жалобам с мест и по возможности доносило о проблемах военной цензуры в штаб округа. На заседании 5 сентября 1916 г. М.А. Адабаш отметил неудовлетворительное состояние оборудования, помещения находились «в антигигиеничных условиях, полное

---

[970] Там же. Д. 776. Л. 294.
[971] Там же. Д. 364. Л. 594.
[972] Там же. Д. 776. Л. 505об.

отсутствие вентиляции (зимою были случаи обморочных состояний), всюду сквозняки, плохое состояние печей и пр. Из-за отсутствия должных помещений приходится вести занятия в две смены, нет соответствующих помещений для нижних чинов. <...> Нет столовой для получения горячей пищи»[973].

Быстро накапливавшиеся «залежи» корреспонденции не только не успевали просмотреть, но и не знали, где хранить. Увеличение пересылок почты через Петроград вызвало расширение Главпочтамта[974]. Н. Менделеев отмечал в феврале 1915 г., что работа цензуры сопряжена с «затяжными сложными обрядностями, требующими не только времени и излишних передач корреспонденции в цензуру и обратно, но и очень много места». Из-за хранения «залежей» часть помещений самого Главпочтамта была вынесена в другой дом и «далее расширяться уже нет никакой возможности» [975]. При этом переезд в другие районы столицы Менделеев считал плохим вариантом: в этом случае пришлось бы организовать ежедневную доставку туда из Главпочтамта тысяч отправлений. Грузы к тому моменту стали очень тяжелы, «лошади измучены, экипажей недостаточно, а грузовые автомобили уже отслужили свой срок». Решением проблемы чиновник считал аренду пустующего этажа и нескольких квартир в соседнем с Почтамтом доме № 11 по Почтамтской улице (доходный дом А.К. Папмеля), «а то и купить, за счет военного фонда, весь дом, который, кстати, продается» [976].

Поначалу идея арендовать или даже реквизировать помещения не показалась цензурному руководству привлекательной. Д.П. Струков ответил Менделееву, что такие вопросы решаются на уровне Совета министров, чьи постановления должны быть высочайше утверждены [977] . Тем не менее ухудшение бытовых условий вынуждало искать варианты. Так, в аренду

---

[973] Там же. Д. 333. Л. 143.
[974] Там же. Д. 128. Л. 380.
[975] Там же. Д. 74. Л. 125.
[976] Там же. Л. 125.
[977] Там же. Л. 127.

были взяты два этажа того же дома № 11 на Почтамтской, с октября 1915 г. – весь второй этаж дома № 56 по Большой Морской ул., а с 7 декабря 1916 г. – 6 комнат на его первом этаже. В этих помещениях могли разместиться 75–80 цензоров, что было мало в условиях растущего потока заграничной корреспонденции. Обсуждалась возможность реквизировать оставшуюся часть дома 56, занятую конторой Г. Гинзбурга[978]. Но и в этом случае здания рядом с Главпочтамтом были более предпочтительным вариантом. На совещании 22 января 1916 г. ПВЦК решила вновь поднять вопрос о реквизиции дома № 11, а если будет необходимо – и дома № 13. М.А. Адабаш поддержал это предложение, учитывая планы по дальнейшему расширению цензуры[979].

Конкретные шаги по реквизиции домов на Почтамтской ул. начали предпринимать только осенью 1916 г., на фоне быстрого роста завалов непросмотренной корреспонденции: к 3 декабря они составили около 4,5 млн. отправлений[980]. Ежедневно на просмотр поступало 175,5 тыс. открытых и около 6 тыс. закрытых писем. По оценкам цензуры на Главпочтамте, для просмотра всего потока нужно было увеличить количество цензоров с 561 до 748, из которых на чтение писем на русском планировалось привлечь 336, на немецком – 204, на чешском – 126. Для размещения пополнения требовались новые помещения. Уже были расписаны площади еще не занятого дома Папмеля, а также дома Юзефовича на Ново-Исаакиевской ул., д. 14[981].

28 октября М.А. Адабаш докладывал в штаб Петроградского военного округа, что для просмотра корреспонденции военнопленных количество цензоров необходимо было увеличить с 360 до 748, соответственно следовало расширить и помещения[982]. 2 ноября Н. Менделеев напомнил председателю ПВЦК, что в выборе помещений цензура ограничена статьей

---

[978] Там же. Д. 518. Л. 29.
[979] Там же. Д. 303. Л. 9–14.
[980] Там же. Д. 518. Л. 31.
[981] Там же. Л. 3–5, 7, 8.
[982] Там же. Л. 11–12.

50 «Временного положения о военной цензуре», согласно которой просмотр почтовых отправлений должен был производиться «исключительно в помещениях учреждений почтово-телеграфного ведомства»[983]. Тем не менее по этому параметру дома Папмеля и Юзефовича вполне подходили, так как были близко (не надо тратиться на перевозку писем, да и перевозочных средств было крайне недостаточно), между ними можно было устроить «внутреннее сообщение» и в них имелось достаточно места – около 6,3 тыс. кв. м.[984]

Реквизиция представлялась цензурному и почтовому начальству вполне реальной, так эти дома на тот момент были выставлены на продажу. 3 декабря 1916 г. Адабаш просил прислать представителя от почтамта по приему помещений[985]. Однако не был учтен фактор квартиронанимателей, не пожелавших покидать обжитые места. В начале декабря они подали заявления в штаб округа и в управление заведующего разгрузкой Петроградского узла, отметив, что никаких распоряжений о реквизиции от «высшего начальства» не поступало. В результате назначенная на 6 декабря реквизиция была отложена на месяц[986]. 4 января 1917 г. был составлен акт об отводе в порядке платной реквизиции обоих домов. К этому моменту в доме Пампеля частными лицами было занята 21 квартира, им был дан месячный срок для подыскания нового жилья[987]. 11 января Адабаш сообщал Н. Менделееву о скором очищении квартир в двух домах от «частных вещей» и начале распределения помещений для отделов военной цензуры.

Однако у этих планов было множество препятствий, как административных, так и финансовых. Сопротивление оказывали прежде всего владельцы доходных домов. Так, владелец дома № 13 по Почтамтской ул. требовал заплатить ему за занятые военной цензурой помещения. ПВЦК

---

[983] Временное положение о военной цензуре. С. 17.
[984] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 518. Л. 14.
[985] Там же. Л. 18.
[986] Там же. Л. 22–23.
[987] Там же. Л. 38.

посчитала его запрос 24 тыс. руб. в год завышенным[988]. Жильцы также не торопились покидать свои дома, пытаясь через различные ходатайства отменить или отложить реквизицию. Статский советник С.А. Дельсаль в личном письме просил Адабаша освободить его квартиру от реквизиции, так как она едва ли будет по своей планировке удобна цензуре. К тому же он и его жена давно снимали эту квартиру, много вложили в нее, и переезд нанесет им материальный ущерб[989].

Одним из жильцов дома № 14 оказался военный цензор при Главном телеграфе, прапорщик С.К. Шварсалон. Новость о реквизиции поставила его в «крайне тяжкое положение»: найти другую квартиру ему было трудно по состоянию здоровья[990]. Из того же дома выселяли и переводчицу Е.М. Энгель, отмечавшую, что найти зимой в Петрограде хорошее жилье на семью из 6 человек «положительно невозможно», она в этом случае оставалась «буквально на улице с двумя малолетними детьми». Как и Шварсалон, Энгель отметила, что двум жильцам дома, состоящим на службе в ПТА, разрешено оставаться, она просила и для себя исключение, или хотя бы оттянуть решение до мая, пока она будет искать новую квартиру[991]. Об отмене реквизиции дома Юзефовича ходатайствовала находившаяся в нем французская гимназия через своего влиятельного соотечественника, военного агента в Петрограде[992]. Наконец, за жильцов квартир 8 и 10 ходатайствовал сам почт-директор Н. Менделеев[993].

Прошения, по-видимому, возымели действие, и 16 января 1917 г. главный начальник Петроградского военного округа С.С. Хабалов отменил реквизицию дома Юзефовича и предложил М.А. Адабашу поискать другое помещение. 20 января отменена была и реквизиция дома Папмеля[994]. Адабаш

---

[988] Там же. Д. 587. Л. 89, 90.
[989] Там же. Д. 518. Л. 40.
[990] Там же. Л. 42.
[991] Там же. Л. 44.
[992] Там же. Л. 62.
[993] Там же. Л. 53.
[994] Там же. Л. 63.

в связи с этим докладывал в штаб округа, что в таком случае следует забрать для нужд цензуры квартиру 1 в доме № 56 по Большой Морской ул., хотя и здесь были препятствия: квартиру занимала личная секретарша британского посла Э.И. Генлей и тоже сопротивлялась реквизиции[995].

В январе 1917 г. подыскивались альтернативные варианты расширения площадей столичной цензуры, в частности, за счет номеров гостиниц «Англетер» (Исаакиевская пл.), «Гранд-отель» и «Париж» (ул. Гоголя, д. 18 и 23)[996]. Выяснилось, что из 65 номеров «Парижа» только 5 двойных и «более или менее приличных», комнаты маленькие и по большей части темные, отопление печное и в целом гостиница «в довольно запущенном состоянии». Комнаты в «Англетере» не были соединены сквозными проходами, что делало их малопригодными для цензуры. В хорошем состоянии был лишь «Гранд-отель», но в номерах долгое время проживали постояльцы, зачастую – состоятельные люди и высокие сановники[997]. Осматривались также помещения в здании Биржи, театра «Миниатюр» (Садовая, 12), кинематографа по Невскому, д. 27, Благородного собрания (Итальянская ул., д. 27/2), театра и меблированных комнат на Караванной ул. д. 14 и театра на углу Лермонтовского проспекта и Садовой. Во всех случаях была недостаточная площадь, мало отдельных комнат и мало света[998]. Пригодными были признаны только помещения ресторана на ул. Большой Морской, д. 16[999].

Февральская революция прервала процесс расширения военной цензуры в целом и поиска для нее новых помещений. Формально не отменялась и реквизиция дома Папмеля: 17 января Хабалов в письме Адабашу уточнил, что реквизиция дома не отменяется, а откладывается до 15 мая 1917 г.[1000] Но в изменившихся условиях эта мера уже потеряла актуальность. 16 апреля

---

[995] Там же. Л. 55, 58, 59.
[996] Там же. Л. 69.
[997] Там же. Л. 75–76.
[998] Там же. Л. 79, 85, 108; Там же. Д. 589. Л. 116.
[999] Там же. Л. 95.
[1000] Там же. Л. 65, 66.

1917 г. председатель ПВЦК сообщил начальнику ГУПТ, что ходатайство петроградского почт-директора о скорейшей реквизиции дома Папмеля вызвано было почти полным прекращением с последних чисел февраля разборки и отправки корреспонденции. Он отметил, что реквизиция может применяться только в случае «исключительной надобности», и расширение работы цензуры «едва ли служит основанием к подобной реквизиции». В связи с этим даже если бы почт-директор прислал 15 мая новое ходатайство, оно осталось бы без удовлетворения[1001]. 26 мая ПВЦК вновь обратился в штаб военного округа по поводу реквизиции домов Пампеля и Юзефовича, но положительного ответа не получил[1002].

***

Цензура почты и телеграфа в 1914–1918 гг. отличалась масштабами и сложностью структуры: сотни сотрудников в десятках отделов просмотрели за годы войны миллионы писем и телеграмм. С этим видом цензуры сталкивалась значительная часть российского общества. Горожане, сельские жители, фронтовики и военнопленные искали способы обойти цензуру, сообщив тайнописью сокровенные мысли или запрятав различные вещи в посылках. Возможности цензуры не позволяли контролировать огромный поток почтово-телеграфной корреспонденции, а вместе с ним – и значительную часть шпионской переписки.

[1001] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 461. Л. 65–66.
[1002] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 97. Л. 126, 159.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Богомолов Игорь Константинович

Цензура в России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 годов)

Специальность 5.6.1. Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Том 2

Научный консультант:
доктор исторических наук, доцент
Д.А. Андреев

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Том 2

ГЛАВА 3. ЦЕНЗУРА ПЕЧАТИ В РОССИИ (1914 – ФЕВРАЛЬ 1917 гг.) 3
3.1. Инструкции и повседневная работа цензуры книг, газет и журналов 3
3.2. Печать, общество и цензура: взаимодействие и восприятие 37
3.3. «Священное единение», «патриотическая тревога» и военная цензура 52
3.4. Правительство и цензурный вопрос между думскими сессиями (сентябрь–декабрь 1915 г.) 75
3.5. Цензура печати накануне революции (январь 1916 – февраль 1917 гг.) 102

ГЛАВА 4. ЦЕНЗУРА ПУБЛИЧНЫХ ЗРЕЛИЩ, РЕЧЕЙ И ДОКЛАДОВ В 1914 – ФЕВРАЛЕ 1917 гг. 143
4.1. Драматическая цензура: инструкции и повседневная работа 143
4.2. Контроль за кинематографом накануне и в годы Первой мировой войны 174
4.3. Цензура речей и докладов в 1914 – феврале 1917 гг. 202

ГЛАВА 3. ЦЕНЗУРА ПЕЧАТИ В РОССИИ (1914 – ФЕВРАЛЬ 1917 гг.)

3.1. Инструкции и повседневная работа цензуры книг, газет и журналов[1003]

«Временное положение о военной цензуре» возлагало обязанности цензоров на «должностных лиц, наблюдающих за печатью», а также «лиц других ведомств, кроме судебного»[1004]. Таким образом, все члены комитетов и инспектора по делам печати, а также уездные земские начальники и жандармы назначались военными цензорами, имевшими право предварительного просмотра гранок всех изданий, выходящих в их местности. В крупных городах наиболее интенсивная и напряженная работа шла в вечерние и ночные часы, в период подготовки популярных и востребованных утренних изданий. В провинции газет было меньше, а интенсивность работы – ниже, однако и там зачастую (особенно в случае с частными изданиями) военные цензоры просматривали гранки вечером и ночью.

На общем фоне, естественно, выделялся масштаб работы столичной военной цензуры. При ПКДП к февралю 1916 г. работало 80 цензоров. Все основные столичные газеты выходили утром, в остальное время выпускались либо малотиражные издания, либо вечерние выпуски крупных газет

[1003] При подготовке данного параграфа были использованы материалы из статьи: *Богомолов И.К.* Письмо Н.И. Левитского А.И. Лысаковскому о представителях МИД в Петроградской военно-цензурной комиссии. 1916 г. // Вестник архивиста. 2021. № 2. С. 581–592; *Богомолов И.К.* Служебные инструкции Московской военно-цензурной комиссии (1914–1916 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал "История". 2021. Т. 12. № 4 (102). URL: https://sochum.ru/s207987840006230-2-1/ [дата обращения – 27.08.2025]; *Богомолов И.К.* К истории публикации брошюры Н.И. Кареева «Южные славяне и Италия на Адриатике», 1916 г. // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 172–183; *Богомолов И.К.* Придворная цензура в России в годы Первой мировой войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. № 12-1 (146). URL: https://sochum.ru/s207987840033774-0-1/ [дата обращения – 27.08.2025].

[1004] Временное положение о военной цензуре. С. 9, 10.

(«Биржевые ведомости», «Вечернее время») [1005] . Ежедневно в комитет поступало более 1 тыс. газетных и журнальных гранок, около 30 рукописей[1006]. В 1915 г. просмотрены номера 381 журнала[1007]. В том же году задержано около 154 тыс. номеров иностранных газет и журналов, цензоры вымарали на страницах зарубежной прессы около 3 млн. мест[1008].

Первая смена военной цензуры при ПКДП начинала работу в 5 утра. Примерно до 7:00 в комитет доставлялись газеты в окончательно отпечатанном виде. Утренняя смена прочитывала все газеты, после чего дежурные цензоры-объединители докладывали о результатах чтения: гражданский – председателю ПКДП, военный – председателю ПВЦК. Вторая смена работала с 11:00 до 19:00. Наиболее интенсивен ее труд был до часу дня, до просмотра всех гранок дневных газет. В 19:00 заступала третья смена. Вместе с дежурными цензорами на работе должны были присутствовать цензоры-объединители, гражданский и военный. Они распределяли газетный материал, давали указания в спорных ситуациях и следили за тем, чтобы не было несогласованности в работе и не вычеркивалось то, что ранее было пропущено в другом издании. Наибольший наплыв гранок наблюдался в первые два часа суток, поэтому до 3 часов ночи смена обычно работала без перерыва[1009]. Цензор обязан был дежурить один раз в три дня, цензуровать за смену одну рукопись и один еженедельный журнал, а также посещать несколько раз в неделю заседания ПКДП, чтобы узнать новые инструкции[1010].

Местные военные цензоры отчитывались о просмотре печати еженедельно, как правило – в свободной форме. К примеру, тихвинский исправник в отчете за 20 декабря 1914 г. сообщал, что за неделю им просмотрены книги и журналы, передаваемые местными жителями для

[1005] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 304. Л. 8.
[1006] Там же. Д. 333. Л. 40об.
[1007] Там же. Д. 776. Л. 247об.
[1008] Там же. Д. 309. Л. 1.
[1009] Там же. Д. 333. Л. 39об.
[1010] Там же. Д. 776. Л. 247об.

раненых и больных воинов, периодические издания не выходили, в книжных магазинах «ничего предосудительного не замечено»[1011].

В тыловых губерниях, где была установлена «частичная» цензура, просмотр газет возлагался в основном на гражданских чиновников, военные на этой работе встречали редко. Более того, военные власти старались перебросить ответственность за цензуру печати на местную администрацию. 13 ноября 1915 г. председатель Омской ВЦК напомнил тобольскому губернатору, что в Омском военном округе эти обязанности должны исполняться «надлежащими учреждениями и властями»[1012].

Помимо организационных аспектов, служебные инструкции военным цензорам содержали также указания о допустимости в печати тех или иных сюжетов, фактов, суждений. Разнообразие вводимых негласных запретов изначально выходило за рамки «Перечня» запрещенных сведений, несмотря на его постоянное расширение в годы войны. Ст. 31 «Временного положения о военной цензуре» давала для этого полномочия и открывала широкий простор для «усмотрения» цензоров. Такой настрой на работу цензуры шел как от правительственной, так и от военной власти.

Ставка стремилась монополизировать право освещать ход войны, обстановку на фронте, технические характеристики вооружений, оценку тактики и стратегии противников и союзников. С первых недель войны предпринимались попытки перекрыть любые неофициальные и неконтролируемые каналы получения информации с фронта. 7 августа 1914 г. ГУГШ сообщило ГВЦК, что отныне все сведения о ходе военных действий официально будут даваться только Ставкой и ГУГШ, войсковым начальникам запрещалось рассказывать печати о ходе боевых действий[1013].

Одним из первых распоряжений, не имевших прямую отсылку к «Перечню» запрещенных сведений, стал введенный 25 июля 1914 г. запрет

[1011] Там же. Д. 54. Л. 158.
[1012] ГАТ. Ф. И152. Оп. 28. Д. 111. Л. 10.
[1013] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 773. Л. 11.

сообщать о недостатках вооружений противника. В этот день Санкт-Петербургское телеграфное агентство сообщило, что «трубки некоторых германских снарядов, упавших в Либаве, при исследовании оказались неудовлетворительными и не взрывались». Считалось, что публикация таких сведений поможет противнику исправить свою стрельбу и оружие[1014]. В то же время цензура не допускала и излишнее восхваление силы противника, сообщения о появлении у него новых видов оружия, развитости его промышленности, железных дорог и иной инфраструктуры[1015]. Поначалу запрещались, например, любые сведения о реальном действии применявшихся немцами удушливых газов[1016].

На наложение новых запретов влияла обстановка на фронте. Так, наметившийся уже осенью 1914 г. переход к «окопной войне» стал причиной распоряжения ПВЦК от 7 октября не допускать «возбуждение в читающей публике слишком оптимистических ожиданий... а также чрезмерного обесценивания действительного значения сил противника»[1017]. Одновременно цензорам предписывалось, «дабы сохранить настроение общества», вычеркивать статьи, «сосредоточивающие внимание на картинах тяжелых событий, например, похорон, рисующие сцены испытываемых при этом мучительных душевных переживаний и производящие на читателей гнетущее впечатление»[1018]. Также запрещались «яркие описания разрушений, истязаний и паники населения в занятых неприятелем наших областях», психических заболеваниях в армии[1019]. Учитывался и возможный эффект от публикуемой новости, на первый взгляд не содержавшей ничего противоправного. Так, в ноябре 1914 г. на заседании ПВЦК цензоры предписывалось не допускать сообщений, «сгущающих краски о создающих

[1014] Там же. Л. 12–14.
[1015] Там же. Д. 126. Л. 105; Д. 18. Л. 41.
[1016] РГВИА. Ф. 13839. Оп. 1. Д. 5. Л. 8об.; Д. 3. Л. 19.
[1017] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 18. Л. 9.
[1018] Там же. Д. 775. Л. 48.
[1019] Там же. Д. 18. Л. 8, 16.

впечатление будто бы со стороны военных властей... не приняты надлежащие ... меры и будто солдаты предоставлены на произвол судьбы»[1020].

Схожие рекомендации давались и для просмотра художественных произведений. К примеру, цензоры должны были строго следить за содержанием татарской поэзии (баитов). По отзывам цензоров, они были, как правило, составлены в «слезливом тоне», описывали «лишения и ужасы войны», а авторы не надеялись вернуться живыми. Тем не менее «с точки зрения уголовных законов, относящихся к делам о печати, в содержании их не представляется чего-либо преступного», поэтому цензоры не могли запретить издание баитов[1021]. Тем не менее, в печати упоминания затяжного характера войны, трудной фронтовой повседневности и желания солдат вернуться домой встречались часто. 20 марта 1916 г. главнокомандующий Северного фронта А.Н. Куропаткин в письме начальнику штаба Петроградского военного округа заметил, что в № 4 журнала «Лукоморье» от 23 января того же года помещен был рисунок с «нежелательной» надписью: «Холодно на дворе, хочется спать, а ехать надо. Эх, да скоро ли конец?»[1022].

Самоцензура зачастую играла не меньшую роль, чем красный карандаш цензора. Понимая, что «тяжелые» сюжеты могут привести к запрету всего произведения, авторы зачастую перестраховывались. Характерный пример – рассказ А.С. Серафимовича «На побывке» (1915). По сюжету, солдат на короткое время приехал в родную деревню, а когда пришла пора возвращаться на фронт, вышел на полпути из подвозивших его саней, зашел в ближайший лес и повесился. В версии рассказа, опубликованной в «Русских ведомостях», солдат вышел, «обернулся назад, перекрестился на невидимую церковь и долго стоял и жадно смотрел на сизо-подернувшийся лесок, потом ввалился в заскрипевшие сани» [1023] . Позже Серафимович

[1020] Там же. Л. 13.
[1021] *Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М.* Указ. соч. С. 123.
[1022] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 776. Л. 339.
[1023] *Серафимович А.* На побывке // Русские ведомости. 1915. 21 июля.

вспоминал: «По условиям цензуры я не мог тогда дать рассказу такой определенный конец, какой хотел (зарезали бы весь рассказ)»[1024].

Тем не менее, страх перед цензурой не всегда и не для всех являлся главной причиной для самоограничений и умалчивания о «тяжелых» картинах фронтового быта. Здесь можно согласиться с современным исследователем А.И. Ивановым, считающим, что «смягчение облика войны, более яркое высвечивание героического в газетных материалах – это не только следование жестким требованиям военной цензуры, редакционной позиции солидной газеты, но это и этика военного времени – стремление нравственно поддержать воюющую нацию»[1025]. В этом смысле граница между излишне благостной, либо наоборот – слишком «мрачной» картиной военной действительности оставалась размытой, а решения по соответствующим материалам – целиком на усмотрении цензора. Противоречивым было, например, отношение к статьям о положении русских военнопленных. В предписаниях и инструкциях запрещалось пропускать сведения о хорошем к ним отношении со стороны врагов, «в виду возможного соблазнительного воздействия на других»[1026]. Однако часто не допускались и статьи, слишком ярко описывающие ужасы плена[1027].

Взгляды и текущее настроение (в прямом смысле) цензора часто отводилось на второй план исследователями, увлекавшимися их классовой принадлежностью или необоснованно идеализировавшими их строгое следование служебным инструкциям и правилам. На практике можно найти бесчисленное множество примеров, когда одни и те же строчки мог оставить один цензор и зачеркнуть другой – исходя из собственных представлений об общественном благе. Показательна цензура поэмы В.В. Маяковского «Облако в штанах», которую издавали до революции, но со значительными

[1024] Цит. по: *Бережной А.Ф.* Русская легальная печать в годы первой мировой войны. С. 100.
[1025] *Иванов А.И.* Первая мировая война в русской литературе, 1914–1918 гг. Тамбов, 2005. С. 175.
[1026] РГВИА. Ф. 13839. Оп. 1. Д. 5. Л. 8об.
[1027] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 18. Л. 22об.

купюрами. В тексте, опубликованном в сборнике стихотворений «Простое как мычание» (1916 г.), удалены только примеры богохульства и упоминания библейских сюжетов, но оставлялись и намеки на последствия войны, и даже рассуждения, которые могли вызвать сомнения у других цензоров. Приведем пример из 4 главы поэмы (зачеркнуты места, удаленные в 1916 г.):

Мария!
Поэт сонеты поет Тиане, а я –
весь из мяса,
человек весь –
тело твое просто прошу,
~~как просят христиане —~~
~~«хлеб наш насущный даждь нам днесь».~~

Мария – дай!
Мария!
Имя твое я боюсь забыть,
как поэт боится забыть
какое-то
в муках ночей
рожденное слово,
величием равное ~~Богу~~.
Тело твое я буду беречь и любить,
как солдат,
обрубленный войною,
ненужный,
ничей,
бережет свою единственную ногу.

Мария – не хочешь?

Не хочешь!
Ха![1028].

При рассмотрении материалов, где описывались быт и повседневность на фронте, цензоры не имели фактически никаких границ: любые детали могли быть восприняты как раскрытие военных тайн, восхваление или излишнее принижение противника, создание «мрачной» картины. Однако и здесь были общие правила, особенно при упоминании отдельных лиц или учреждений. Так, не допускались ирония и насмешки над представителями офицерства, критика решений и действий отдельных военачальников[1029]. Строго запрещалась критика сестер милосердия, любые намеки на их распутство, тщеславие или непрофессионализм[1030]. Табуированной была и тема возможных «хороших» отношений между противниками, случаи общения между окопами, получения от неприятеля прокламаций[1031].

Одним из наиболее критикуемых учреждений было почтовое ведомство, «всякие нападки» на которое были запрещены и в письмах, и в печати[1032]. Эта же мера касалась и военной цензуры. Редактор газеты «Петроградский курьер» сообщал военному министру А.А. Поливанову, что по поручению А.И. Звонникова прапорщик Гришковский явился в редакцию газеты и «в очень резкой форме» потребовал не печатать статьи с «нападками» на военную цензуру[1033].

Сведения о расположении и передвижениях частей, их номерах, потерях заштриховывались столь же часто, как и «неуместные сообщения и сетования на плохую обувь, недостаточную выдачу довольствия», случаи «проявленной в бою трусости ратников и выдачи негодных берданок»[1034].

[1028] *Маяковский В.В.* Простое как мычание. Пг., 1916. С. 8.
[1029] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 18. Л. 21; Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1500. Л. 119.
[1030] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 18. Л. 25об.
[1031] Там же. Л. 21.
[1032] Там же. Л. 16.
[1033] Там же. Д. 35. Л. 11–13.
[1034] Там же. 1. Д. 93. Л. 175.

Начальник санитарной и эвакуационной части принц А.П. Ольденбургский просил ПВЦК не допускать статьи об эпидемических заболеваниях как на фронте, так и в тылу[1035].

Вводившиеся запреты, как правило, отражали распространявшиеся в обществе слухи и толки о ходе войны. Цензорам запрещалось допускать в печати указания на «недостаточную энергию борьбы с врагом» союзников России «и вообще порицание их действий». Запретили, например, издание книги Н. Суханова «Почему мы воюем?», где, в частности, указывалось, что Россия была вовлечена в борьбу с Германией в интересах Франции и Англии[1036]. Не на пустом месте появился запрет рассуждений, «будто бы мы ведем борьбу лишь с незначительной частью германских вооруженных сил»[1037]. При этом не допускались и предположения, что Россия своими наступлениями «спасла» союзников. 16 апреля 1916 г. М.В. Алексеев писал начальнику Генерального штаба М.А. Беляеву, что в русских газетах сообщалось о спасении Вердена прибывшими русскими войсками. Необходимо было «принять меры, чтобы такого рода крайне неделикатные и нежелательные статьи безусловно не допускались в печать»[1038].

Строго запрещались слухи о скором мире, а также произведения пацифистского характера[1039]. В изданном в мае 1915 г. сборнике «Эти дамы» было напечатано стихотворение «Мир во что бы то ни стало». Узнав об этом уже после выхода книги, ПВЦК постановила изъять сборник из продажи[1040]. Значительно усилился надзор за печатью евангельских христиан (газета «Утренняя звезда», журналы «Христианин» и «Слово истины»). 1 августа 1915 г. Д.П. Струков ходатайствовал о предоставлении всего материала этих изданий на предварительный просмотр[1041].

[1035] Там же. Д. 774. Л. 309.
[1036] Там же. Д. 127. Л. 396.
[1037] РГВИА. Ф. 13839. Оп. 1. Д. 5. Л. 8–8об.
[1038] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 57. Л. 28.
[1039] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 18. Л. 20; Д. 774. Л. 305; Д. 254. Л. 52.
[1040] Там же. Д. 127. Л. 21.
[1041] Там же. Л. 76, 78.

Под подозрением были и рассуждения в прессе о природе войны, ее причинах и характере. Так, в декабре 1914 г. военный цензор С.В. Недачин не разрешил статью в № 47 журнала «Новое звено». В ней война определялась как явление «жестокое и возмутительное по отношению к личностям, местностям и классам». Автор, по мнению Недачина, «определяет войну не как явление сознательное, направляемое волею разумных полководцев к высоким целям страны, а считает ее лишь слепым орудием, простым сдвигом для человечества в деле завоевания новых идей и форм. <...> Такое определение природы войны, как явления бессознательного, совершенно противоречит правовым взглядам на вопросы войны и мира, решение коих по российским законам принадлежит лишь самодержцу всероссийскому»[1042].

Регулярно повторялись в различных приказах и распоряжениях требования офицерам и солдатам не раскрывать секретную информацию, не упоминать в переписке названия населенных пунктов и номера частей[1043]. Особенно строго следовало относиться к публикации рассказов раненых, не дозволяя «явно вымышленных описаний»[1044]. Однако сведения и слухи о положении на фронте все равно попадали в тыл через анонимные рассказы газетным корреспондентам, которые, в свою очередь, продолжали готовить аналитические материалы о ходе военных действий[1045]. 13 ноября 1914 г. председатель МВЦК А.М. Добровольский предписал цензорам обращать особое внимание на статьи корреспондента «Утра России» В. Филатова, систематически оглашавшего запрещенные сведения. В декабре Добровольский повторно обратил внимание на статью Филатова «Адские дни» в той же газете. За ее пропуск предупреждения были вынесены цензорам Александрову и Цурпалеву[1046].

[1042] Там же. Д. 773. Л. 270.
[1043] Там же. Д. 93. Л. 175; РГИА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 2. Л. 80.
[1044] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 18. Л. 9.
[1045] РГВИА. Ф. 13849. Оп. 1. Д. 4. Л. 70.
[1046] Там же. Д. 3. Л. 14.

В апреле 1915 г. Ставка обратила внимание, что «в настоящее время свобода, с которой печать обсуждает военные события, далеко выходит за пределы первоначально установленной программы. В частности, особенно нежелательным является то, что, не ограничиваясь обсуждением уже свершившихся событий, газетные обозреватели высказывают свои предположения о будущем развитии операции. Этим противник ориентируется в наших общественных стремлениях, а в нашем обществе возбуждается предвзятость мысли и возбуждается излишнее нетерпение». Оговаривалось, что новые ограничения печати не нужны, стоит лишь «поставить военных критиков в более тесные и согласованные с первоначальной программой рамки»[1047].

Однако именно эти «рамки» и не были заданы достаточно конкретно и нарушались прежде всего самим военным командованием. Здесь не следует искать только злой умысел: провести границу между «военными» и «невоенными» сюжетами, создать «неполитизированную» цензуру на практике оказалось практически невозможно. Сказывался и межведомственный характер военно-цензурных комиссий, предполагавший в том числе и участие в предварительной военной цензуре тех, кто занимался цензурой политической, и нередко – еще до 1905 г. Комитеты по делам печати и другие чины МВД, встроенные в военно-цензурную систему, по-прежнему искали политическую угрозу от оппозиционной прессы. Неслучайно на заседании ПВЦК 24 февраля 1915 г. С.Е. Виссарионов особо выделял газету «День», которая «усиленно стремится провести, а иногда и проводит статьи, проникнутые искусно выраженным, но все же достаточно определенным крайне оппозиционным, противоправительственным направлением». По этой причине он выступал за закрытие издания, о чем разговоры шли еще до войны[1048].

[1047] РГИА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 7. Л. 160.
[1048] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 18. Л. 29.

О важности учета «политической целесообразности» той или иной публикации военно-цензурные комиссии говорили регулярно с первых дней войны. Так, уже в августе 1914 г. поднималась проблема «белых пятен» – мест на газетных полосах, где должны были находиться запрещенные цензорами материалы. На заседании ПВЦК 19 августа военный цензор генерал Л.Л. Драке отметил, что «читающая публика будет видеть в таких пробелах сокрытие от нее каких-то важных сведений»[1049]. На справедливость этих предположений указывают письма современников. М. Горький писал Е.П. Пешковой и М.А. Пешкову 5 декабря 1914 г.: «Дорогие мои, в “Дне” напечатано: “Холерные заболевания в Москве”, умная наша цензура вычеркнула заметку, а заголовок – остался. То, что текст заметки вычеркнут, невольно заставляет думать о серьезности его содержания. Уж вы, пожалуйста, остерегайтесь, очень прошу – не ешьте немытых фрукт и вообще будьте поосторожнее»[1050].

ПВЦК, несмотря на предостережения от самих цензоров, продолжила руководствоваться указанием, данным редакторам начальником ГУДП 14 августа о допустимости пробелов[1051]. Со временем их становилось все больше, что бросалось в глаза читателям. Сестра милосердия А.А. Жданова записала в дневнике 21 июля 1915 г.: «Нынче по газете ясно видно, что начало действовать положение о цензуре, и действовать очень энергично. Везде досадные пробелы, даже в таком ничтожном сообщении, как депутация Тучкова»[1052]. Неоднократно эта тема поднималась и в поэзии. М.Я. Пустынин написал следующий шуточный стих:

Нам цензор встарь давал «уроки»,
Но как бы цензор ни был строг –
В статьях обычно были строки,

[1049] Там же. Л. 2.
[1050] *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма в 24 т. Т. 11. М., 2004. С. 139.
[1051] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.
[1052] *Жданова А.А.* Записки сестры милосердия Анны Ждановой. Тверь, 2014. С. 119.

И мы читали между строк.
Теперь беру газет я груду,
Но в них зияют «островки»:
Как между строк читать я буду
Статью, в которой – ни строки?..[1053]

Стихотворение Д. Бедного «Строки» (1916) также начиналось с упоминания этого сюжета:
Люблю «читать» газеты ныне:
За белой полосой белеет полоса...[1054]

Одним из главных сюжетов, скрывавшихся за «белыми пятнами», была критика представителей власти. Первые попытки запретить их были предприняты одновременно с ограничением критики представителей командования военных округов, в том числе тыловых.[1055]. Согласно постановлению архангельского губернатора от 29 июля 1914 г., запрещалось «оглашение или публичное распространение каких-либо статей или иных сообщений, возбуждающих враждебное отношение к правительству», в том числе – «ложные слухи» о его деятельности[1056]. Статья в «Вечернем времени» с критикой коменданта Владивостокской крепости в ноябре 1914 г. была запрещена, так как порочила имя военного чина «при исполнении долга службы»[1057]. Та же газета не представила в цензуру гранки статьи с критикой военного начальства за беспорядок в выдаче справок об убитых и раненых, за отмену бесплатного проезда в городском транспорте для нижних чинов и за изменение порядка экзаменов для вольноопределяющихся.

[1053] Цит. по: Цензура в Советском Союзе. Документы. С. 6.
[1054] *Бедный Д.* Сочинения в 5-ти т. Т. 1. М., 1953. С. 300.
[1055] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 18. Л 6.
[1056] Там же. Д. 1. Л. 6.
[1057] Там же. Д. 18. Л. 15.

Главный начальник Петроградского военного округа генерал П.А. Фролов признал недопустимым появление в прессе заметок, носящих характер критики распоряжений военного начальства[1058]. В декабре того же года ПВЦК запретила любые указания в прессе на «лишения» солдат и офицеров, вызванные нерадивостью и воровством чиновников[1059]. 9 декабря 1914 г. председатель ПКДП С.Е. Виссарионов на заседании ПВЦК обратил внимание на статью в «Дне», содержавшую «глумление и издевательство над губернаторами тамбовским и курским по поводу недопущения ими целого ряда книг для библиотек для раненых»[1060].

Важным шагом к ограждению верховной власти от критики стало внесение в ноябре 1914 г. в «Перечень» запрета публиковать сведения о «возникших в среде Совета министров разномыслиях по отдельным вопросам» [1061] . В «Особом журнале» Совета министров за 4 ноября отмечалась роль в этом деле столичной печати, на которую ориентировалась и провинциальная пресса. Нередко «добытые нелегальными путями сведения относятся к первоначальной стадии движения данного дела, впоследствии получившего иное направление, и читатели, а также заинтересованные лица вводятся в невольное заблуждение»[1062].

На рубеже 1914–1915 гг. цензоры получили установку не допускать в печати разглашение «слухов о взаимоотношениях Совета министров и законодательных установлений, а равно – официально не обоснованных сообщений о возможных перемещениях в составе членов Совета министров с суждениями о вероятных кандидатах на якобы освобождающиеся министерские посты»[1063]. В том же журнале указывалось, что «едва ли было бы справедливым придавать вышеприведенному запрету слишком широкое

[1058] Там же. Д. 773. Л. 150–152, 154об.
[1059] Там же. Л. 19.
[1060] Там же. Д. 18. Л. 18.
[1061] РГВИА. Ф. 13839. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.
[1062] Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1914 год. М., 2006. С. 481.
[1063] РГВИА. Ф. 13839. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.

толкование» и признавалось желательным предоставить возможность «осведомления русского общества о деятельности правительства»[1064].

В январе 1915 г. в инструкциях цензоров появился запрет на «разглашение в печати сведений о находящихся в производстве Совета министров правительственных предположениях в области окраинных, инородческих, вероисповедных и других однородных вопросов» [1065] . Доказывая необходимость этого запрета, И.Л. Горемыкин отмечал в письме В.А. Сухомлинову, что разглашение правительственных проектов раньше времени может поставить правительство «в затруднительное положение и возбудить среди заинтересованных кругов населения либо несбыточные надежды, либо нежелательные с политической точки зрения разочарования, а в некоторых случаях – повлечь за собой обострение национальной розни и вражды» [1066] . Следствием стали запреты на обсуждение послевоенного решения польского, армянского и еврейского вопросов, политики русификации Финляндии[1067].

Пристально за освещением «национальных вопросов» следили и местные власти на окраинах империи. В конце 1914 г. комендант и начальник войск Тифлисского района сообщал в местную ВЦК, что печать Тифлиса излишне резка в своих суждениях, что может привести к конфликтам на национальной почве[1068]. В феврале 1915 г. на проблему статей, разжигающих межнациональную рознь, обратил внимание начальник штаба Кавказского военного округа А.З. Мышлаевский[1069]. В марте того же года такие статьи были пропущены цензурой в газетах «Ахали Азри» и «Закавказская Речь»[1070].

[1064] Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1914 год. М., 2006. С. 482.
[1065] РГВИА. Ф. 13839. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.
[1066] Падение царского режима. Т. 3. С. 321.
[1067] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 18. Л. 17; Ф. 13839. Оп. 1. Д. 3. Л. 49; Там же. Д. 14. Л. 73.
[1068] РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1500. Л. 141.
[1069] Там же. Л. 156.
[1070] Там же. Л. 177.

Крайне правая печать регулярно получала от цензуры выговоры за антисемитские материалы[1071]. 29 августа 1914 г. Д.П. Струков в письме начальнику морского Генерального штаба вице-адмиралу А.И. Русину посетовал, что в газете «Русское знамя» разжигаются антиеврейские настроения. Это, по его словам, «обратило на себя особо строгое внимание военного министра, затребовавшего от меня объяснений об обстоятельствах пропуска упомянутой статьи военною цензурою». Выяснилось, что статью пропустил капитан второго ранга Л.Э. Остен-Сакен. Ему был объявлен выговор, и только по ходатайству Струкова он избежал увольнения из цензуры[1072].

Противоречивым было отношение цензуры к немецкому вопросу и обсуждению его на страницах печати. С одной стороны, не допускались рассуждения об общей тяжелой доле русского и немецкого солдата, воспринимавшиеся как протест против войны. Запрещена была, например, статья М. Горького «Несвоевременное» для газеты «День», написанная в декабре 1914 г. В ней писатель полемизировал с рассуждениями Ф. Сологуба, А.И. Куприна, М.П. Арцыбашева и Л.Н. Андреева, разжигающих, по мнению автора, ненависть к немецкому народу. Наиболее опасными и недопустимыми цензор признал следующие строки статьи: «Беспристрастие обязывает грамотного человека знать, что на войне все солдаты – немцы, французы и другие – с одинаковым усердием жгут и уничтожают все, что можно уничтожить и сжечь. Война – безумие, это кара людям за их жадность. Жадничает, как известно, не народ, войну затевают не нации. Немецкие мужики точно так же, как и русские, колониальной политикой не занимаются и не думают о том, как выгоднее разделить Африку»[1073].

[1071] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 774. Л. 226.
[1072] Там же. Д. 773. Л. 57, 58.
[1073] *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма в 24 т. Т. 11. М., 2004. С. 388. Гранка статьи с пометками цензора была обнаружена в фонде ПКДП в 1931 г. См.: Запрещенная цензурой статья М. Горького // Красный архив. 1931. Т. 45. С. 81–85.

Поэтесса С. Дубнова-Эрлих вспоминала о рассмотрении военной цензурой ее стихотворения «Сыну» из сборника «Мать» (1916):

Лишь жестокий безгневен ныне,
Слишком много в мире скорбей.
Сын, суровой служи святыне:
Если нужно – убей.
Светел мести клич непреложный,
Но напрасным убийцей не будь:
Вспомни, как ты сосал бестревожно
Материнскую теплую грудь.

По словам Дубновой, в редакцию журнала «Летопись» гранка с этим стихотворением пришла «резко перечеркнутой накрест», и чтобы исправить ситуацию, заведовавший отделом поэзии А. Тихонов просил ее «съездить в это звериное логово и переговорить с цензором с глазу на глаз». Встречу Дубнова описывала так: «Сухонький старичок в опрятном мундире встрепенулся, узнав о цели моего посещения, и сразу принялся меня увещевать. <…> Рванув у меня из рук корректуру, он принялся тыкать в нее карандашом: “Вот тут, глядите: “Напрасным убийцей не будь...”. Это в вашем журнале что же такое может означать? А очень просто: немца не тронь, он ведь тоже в младенчестве материнскую грудь сосал”»[1074].

С другой стороны, цензура печати регулярно вычеркивала статьи, побуждающие вражду по отношению к немцам. Так, на заседании ПВЦК 21 октября 1914 г. постановлено не допускать «огульные обвинения в измене всего немецкого населения России»[1075]. 16 декабря 1914 г. комиссия признала недопустимыми призывы в печати ликвидировать губернии Остзейского края

[1074] *Дубнова-Эрлих С.* Хлеб и маца: Воспоминания. Стихи разных лет. СПб., 1994. С. 162–163.
[1075] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 18. Л. 11.

и немецких колоний, что могло вызвать беспорядки на аграрной почве. 20 января 1915 г. вычеркнута статья с описанием перехода солдата-колониста на сторону немцев[1076]. 25 июня 1915 г. был опубликован приказ Верховного главнокомандующего, согласно которому в печати запрещались необоснованные обвинения лиц, «носящих нерусские фамилии и честно несущих службу царю и родине»[1077]. 30 июня 1915 г. Д.П. Струков распорядился не допускать в прессе нападки на фирмы немецкого происхождения, работавшие на нужды обороны[1078].

Пропаганда «немецких зверств» начального периода войны создала у многих современников представление, что иначе о враге нельзя было писать. Член Государственного совета князь А.Д. Оболенский писал кн. Е.Н. Трубецкому 15 января 1916 г.: «…цензуре строго-настрого запрещено пропускать что-либо могущее свидетельствовать о некоторой человечности у немцев, когда одни лишь зверства, предательства и мерзости могут быть печатаемы о немцах»[1079]. В действительности таких запретов в цензурных документах не найдено. Как в публицистике, так и в художественной литературе цензура не лишала «немца» человеческих черт, не затрагивались сцены проявления жалости к врагу на фронте и в тылу.

Гораздо вероятнее был запрет общих антивоенных рассуждений, указания на большие и бессмысленные потери[1080]. Характерна в этом смысле цензорская правка рассказа В.В. Вересаева «Марья Петровна», изданного в 4 выпуске сборника «Слово» в 1915 г. По сюжету, главная героиня узнает, что потеряла на фронте сына. Выйдя на улицу и встретив конвой с ранеными пленными австрийскими солдатами, она пожалела их, «припала губами к курчавой голове венгерца и целовала ее, и плакала, – о сыне своем плакала, об иззябшем венгерце, обо всех этих искалеченных людях. И больше не было

[1076] Там же. Л. 11, 19, 23.
[1077] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 57. Л. 20.
[1078] Там же.
[1079] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1049. Л. 107.
[1080] ГАТ. Ф. И152. Оп. 28. Д. 111. Л. 53.

в душе злобы»[1081]. Цензор оставил рассказ почти нетронутым, удалив лишь указание на большие потери («Господи, сколько народу перепорчено – молодого, здорового!») и последнее предложение: «Было ощущение одного общего, огромного несчастья, которое на всех обрушилось и всех уравняло»[1082].

Несмотря на введенные запреты, со временем тема «немецкого засилья» все шире обсуждалась в печати, причем в нежелательном для власти тоне. «Вообще наша цензура совершенно нелепая, и правительство не осознает, что, поощряя травлю немцев известного рода газетами, оно играет в опасную игру чисто демагогического свойства, забывая, что палка о двух концах», – писал в своем дневнике граф И.И. Толстой[1083].

Пагубность такой ситуации вполне осознавалась властями и командованием армии. В июне 1915 г. Особое совещание по усилению артиллерийским снабжением действующей армии «признало нужным снестись с министерством внутренних дел о необходимости принять меры, дабы в периодической печати были прекращены нападки на фирмы, хотя бы и внушающие подозрения в германском происхождении, но работающие для нужд государственной обороны и принять меры к хранению складов этих предприятий»[1084]. 17 апреля 1916 г. председатель Совета министров Б.В. Штюрмер писал военному министру Д.С. Шуваеву, что в печати «не прекращаются нападки на лиц, состоящих на государственной службе и носящих немецкие фамилии», в связи с чем запрет таких нападок был введен отдельным приказанием военного министра. Шуваев ответил Штюрмеру, что в местностях вне театра военных действий предотвратить появление таких статей может лишь «влиятельное содействие» местных властей[1085].

[1081] Слово. М., 1915. С. 292.
[1082] *Вересаев В.В.* Собрание сочинений в 5 т. Т. 4. М., 1961. С. 124.
[1083] Цит. по: *Аксенов В.Б.* Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции, 1914–1918. М., 2020. С. 328.
[1084] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 57. Л. 38–39.
[1085] Там же. Л. 20–23.

Внимательно за этой темой наблюдала и придворная цензура, в первую очередь из-за распространявшихся слухов о предательстве и шпионаже царицы-«немки». С МИДв согласовывались печатные материалы о царской семье. В частности, был наложен запрет на статьи с указанием, что немцы испортили портреты Николая II и Александра I, но не тронули портрет Александры Федоровны[1086].

В январе 1917 г. внимание императрицы привлекла заметка в «Русском слове» о помощи германским и австрийским военнопленным. Генерал П.И. Аверьянов, бывший тогда начальником Генерального штаба, вспоминал, что в ней «приводились действительные факты, но освещались они тенденциозно и истолковывались ложно и с намерением выставить государыню сильно симпатизирующей немцам». Придя на совещание к военному министру М.А. Беляеву, Аверьянов застал его «в сильном волнении», так как незадолго до того ему позвонил секретарь Александры Федоровны граф Я.Н. Ростовцев и передал, что императрица «очень огорчена столь тенденциозным и злостным извращением… ее заботливости о военнопленных» и просила не допустить перепечатки заметки в петроградских газетах. Беляев, по словам Аверьянова, «метался по обширному кабинету…, хватался за голову и восклицал: “И это случилось через несколько дней после моего вступления в должность военного министра! Хороша же военная цензура! О чем думает [И.И.] Мрозовский в Москве? Что там делает военный цензор? Какие инструкции дает главный военный цензор, генерал Звонников?»[1087].

Председатель ГВЦК был вызван к телефону, Аверьянов потребовал от него и М.А. Адабаша не допустить перепечатки, однако на следующий день она дословно была повторена «Новым временем». М.А. Беляев потребовал от П.И. Аверьянова «бросить все дела» и произвести дознание этого случая. Звонников заявил, что говорил по телефону с Адабашем и передал приказание. Последний же уверял, что по телефону ни с кем не говорил, хотя

[1086] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 18. Л. 22.
[1087] ГАРФ. Ф. 7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 120–122.

находился на дежурстве до 23:00. На следующий день Беляев, вернувшись из Царского Села, распорядился освободить Звонникова от должности председателя ГВЦК и дать в газеты опровержение заметки[1088].

МИДв в целом оставалось значимым факторов в работе цензуры печати. Во вступившем в силу 20 июля 1914 г. «Временном положении о военной цензуре» придворная цензура не упомянута ни единым словом, и этим признавалось сохранение ее особого положения, обособленности как от старых «гражданских», так и от новых «военных» органов цензуры. Как и до войны, прямых полномочий запрещать то или иное произведение придворная цензура не имела, однако ее слово было весомым и для военных цензоров. Б.И. Колоницкий отмечал, что придворная цензура «пыталась выступать в роли своеобразного фильтра, оказывая влияние на образы императорской власти, рождавшиеся и тиражировавшиеся в ходе реализации различных коммерческих проектов» [1089] . Несмотря на потерю монополии на репрезентацию образа царской семьи в 1914–1917 гг., МИДв вплоть до Февральской революции сохранял полномочия ведомственной цензуры, имевшей если не решающее, то весомое слово. Получившая значительные права, военная цензура в годы войны учитывала мнение министерства при цензуре материалов, так или иначе упоминавших или изображавших императора Николая II, его семью, а также других членов Дома Романовых.

Работа придворной цензуры касалась в основном хроники поездок особ императорской фамилии. Так, 23 сентября 1915 г. было запрещено опубликование новостей о пребывании императора в Царском Селе, «кроме сведений, объявляемых министерством Двора»[1090]. 2 октября 1915 г., ввиду указания Николая II на нежелательность оповещения публики о его приездах в Царское Село, ведомство распорядилось впредь не поднимать

[1088] Там же. Л. 123–126.
[1089] *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика». С. 16.
[1090] РГИА. Ф. 472. Оп. 49. Д. 1443. Л. 45.

императорский штандарт над Зимним дворцом при посещении его царем[1091]. Сообщения о поездках писали и проверяли лично министр В.Б. Фредерикс и церемониймейстер императорского Двора Р.А. фон Штакельберг [1092] . Рассылать и разрешать эти сообщения могла только канцелярия МИДв, печатать их можно было только полностью и без каких-либо изменений[1093]. Перепечатки в других газетах (после «Правительственного вестника» и «Нового времени») передавались в канцелярию на контрольное чтение на предмет выявления каких-либо отклонений от первоначального варианта[1094]. Военные цензоры при наличии каких-либо сомнений посылали материал в МИДв, используя особый штемпель «Требуется предварительное разрешение придворной цензуры»[1095].

Естественно, в этом порядке регулярно возникали нарушения и упущения, причем нередко в официальных и официозных изданиях. 28 сентября 1914 г. в «Правительственном вестнике» без предварительного согласования было опубликовано сообщение о приеме Николаем II в Царском Селе французского посла М. Палеолога. При разбирательстве выяснилось, что прислала сообщение Церемониальная часть МИДв, но номер газеты прошел проверку общей цензуры. С этого времени установился порядок цензуры подобных сообщений: сначала они просматривались ГУДП, затем придворной цензурой, и только затем, при необходимости – военной[1096]. Часть газетных материалов рассматривалась из-за этого значительно дольше. К примеру, 2 ноября 1915 г. «Новое время» представило в придворную цензуру статью «Посещение государем императором Рижского фронта». Цензоры обратили внимание на «некоторые подробности, коих в официальной телеграмме не имеется, и приводятся подлинные слова Его величества, которые канцелярии неизвестны». В течение нескольких дней

[1091] Там же. Л. 54.
[1092] Там же. Л. 108.
[1093] Там же. Л. 173.
[1094] Там же. Л. 171а.
[1095] См., напр.: РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 599. Л. 25.
[1096] РГИА. Ф. 472. Оп. 49. Д. 1322. Л. 88.

решался вопрос, разрешить ли публикацию, либо послать статью в Вояжную канцелярию, чтобы удостовериться в подлинности сказанных царем слов[1097].

Значительное внимание уделялось упоминаниям цесаревича Алексея. Так, целая переписка завязалась в МИДв о статье генерал-майора Д.Н. Дубенского «Наследник цесаревич в царской ставке». Часть строк, например – характеристики Алексея, решили убрать и оставить для будущей книги. Несколько фраз и слов сняла лично Александра Федоровна, которая в целом активно участвовала в цензуре материалов о своем сыне[1098]. Посещения Ставки самой императрицей редко публиковались в печати, так как в годы войны приобрели политический подтекст. Распространившиеся в обществе слухи о «царице-немке», которая передает военные секреты в Германию, сказывались и на работе придворной цензуры.

Учитывались и другие политические факторы предреволюционных лет. Так, при просмотре кинохроники 17 ноября 1915 г. цензор МИДв отметил, что название выдает посещение Александрой Федоровной Ставки, на что разрешение не давалось. Вероятно, как и в официальных сообщениях для печати, информацию об этих посещениях старались лишний раз не разглашать во избежание нежелательных слухов[1099]. 24 июля 1916 г. заместитель начальника канцелярии МИДв А.В. Суслов должен был передать прессе сообщение о прибытии Александры Федоровны в Ставку, но перед тем спросил свое начальство, не было бы правильным «лишний раз не подчеркивать» этот визит. Он отметил, что это его «совершенно частные соображения». Ему ответили, что сообщение о приезде будет напечатано, если в Ставке это «признают нужным»[1100].

Необходимость присылать в придворную цензуру любые тексты о царской семье побуждала редакции газет и журналов перестраховываться даже при перепечатке официальных документов. В октябре 1915 г. журналу

[1097] Там же. Д. 1465. Л. 68.
[1098] Там же. Л. 76, 78.
[1099] Там же. Л. 84, 84об.
[1100] РГИА. Ф. 472. Оп. 49. Д. 1443. Л. 117, 118.

«Огонек» было разрешено напечатать факсимиле высочайшего приказа армии и флоту от 23 августа 1915 г. о возложении Николаем II на себя верховного главнокомандования[1101]. Это же касалось и зарубежных газет и журналов, присланных в Россию. 28 октября 1915 г. МИДв допустил в обращение рекламный прейскурант автомобильной фирмы «Delaunay Belleville» с изображением на первой странице Николая II, одним из персональных автомобилей которого в 1908–1916 гг. был «Delaunay-Belleville 70CV»[1102].

В случае упоминания других членов императорской фамилии разрешение на публикацию согласовывалось либо с ними лично, либо с их канцеляриями. 31 октября 1915 г. великие князья Борис и Андрей Владимировичи разрешили статью «Иск к конторе великого князя Андрея Владимировича», напечатанную в «Вечернем времени»[1103]. В ноябре 1915 г. канцелярия великого князя Николая Николаевича не разрешила публикацию заметки «Нового времени» о его денежном содержании в бытность наместником на Кавказе [1104] . Воспоминания чиновников периода царствования Александра III проходили цензуру императрицы Марии Федоровны и ее канцелярии. В декабре 1915 г. редакция журнала «Русская старина» ходатайствовала о разрешении напечатать записки генерала Н.О. фон Розенбаха, туркестанского генерал-губернатора в 1884–1889 гг., члена Военного совета и Государственного совета в 1890-е гг. Разрешение было запрошено у Марии Федоровны, но она посчитала публикацию «преждевременной». Правда, через месяц она все же разрешила напечатать записки, вычеркнув при этом несколько десятков строк и слов[1105]. В январе 1916 г. журнал «Исторический вестник» просил разрешить статью Е. Каменского «От детства до присяги» с воспоминаниями о детях Александра

[1101] Там же. Д. 1465. Л. 1.
[1102] Там же. Л. 47.
[1103] Там же. Л. 39.
[1104] Там же. Л. 94–95.
[1105] Там же. Л. 193–196.

II[1106]. Канцелярия Марии Федоровны ответила, что печатать можно, за исключением нескольких мест, например: «Кучер финн привез великого князя Александра Александровича и его спутников в баню, в которой, кажется, была только одна женская прислуга»[1107].

Внимательно отслеживались изображения царствующих особ в карикатурах. Картинки, высмеивавшие монархов вражеских государств, нередко подвергались критике МИДв. Далеко не все карикатуры доставлялись в придворную цензуру, однако те, что доходили, неизменно запрещались по единственной причине — насмешка и умаление достоинства монарха, пусть и неприятеля. Эта позиция вполне соотносилась с установками общей цензуры, запрещавшей в печати антимонархические выпады под видом критики властей Центральных держав. Характерно в этом смысле отношение придворной цензуры к изображениям Вильгельма II, карикатуры на которого нередко просматривались и цензуровались на самом высоком уровне. Так, в апреле 1915 г. Николай II лично запретил публиковать в «Вечернем времени» карикатуру «Суд над Вильгельмом, Францем-Иосифом и кронпринцем», взятую из английской газеты[1108].

То же касалось и монархов нейтральных государств, слывших «германофилами». К таковым относили, например, греческого короля Константина. 16 июля 1916 г. «Новое время» опубликовало статью «Греческие посланцы», где в очередной раз раскритиковали внешнюю политику Афин и лично короля Константина, занявшего по отношению к Антанте позицию враждебного нейтралитета[1109]. Уже после Февральской революции газета опубликовала присланную в тот же день в редакцию телеграмму греческой королевы Ольги Константиновны, где та называет

[1106] *Каменский Е.* «От детства до присяги» (из жизни августейших детей императора Александра II) // Исторический вестник. 1916. № 1. С. 99–125.
[1107] РГИА. Ф. 472. Оп. 49. Д. 1465. Л. 312.
[1108] Там же. Д. 1457. Л. 342.
[1109] Греческие посланцы // Новое время. 1916. 16 июля.

статью «беззастенчивой гнусной ложью и клеветой»[1110]. 17 июля 1916 г. М.А. Адабаш обратился к редакторам столичных газет с просьбой не допускать о короле Константине «неодобрительных и критических отзывов»[1111], 19 июля министр внутренних дел А.А. Хвостов разослал соответствующий циркуляр местным властям[1112]. На допросе Чрезвычайной следственной комиссии 14 июня 1917 г. Б.В. Штюрмер показал, что инициатором запрета критики греческого короля был Николай II[1113]. После этого «Новое время» было вынуждено не упоминать персон и использовать обобщения вроде «афинские правители»[1114].

Большое внимание МИДв в годы войны обращал на образ царской семьи на фотографиях. Не разрешались слишком старые, неактуальные снимки, сопровождавшие статьи на современные темы. Фотокарточки рассматривались и с художественной точки зрения: оценивались позы, движения, свет и цвет снимка, величина изображения в сравнении с текстом и другими фотографиями и рисунками на полосе или журнальной странице[1115]. Важное место занимал контекст: в каком издании, по какому случаю и вместе с каким текстом публикуется карточка. Для оценки этих факторов придворная цензура запрашивала не только портрет, но и все издание, по крайней мере – страницы или полосы. Учитывалась и местность, где была сделана фотография, поэтому после придворной цензуры они сопровождались резолюцией «разрешено при условии разрешения военной цензуры»[1116]. В массовых личных вещах для нижних чинов изображения царствующих особ как правило запрещались, что видно на примере

[1110] Сарабанда // Новое время. 1917. 8 июня.
[1111] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 54. Л. 318; ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 101. Л. 1.
[1112] ГАТ. Ф. И152. Оп. 28. Д. 111. Л. 60.
[1113] Падение царского режима. Т. 5. М.; Л., 1926. С. 185.
[1114] Сарабанда // Новое время. 1917. 8 июня.
[1115] Там же. Д. 1456. Л. 505.
[1116] РГИА. Ф. 472. Оп. 49. Д. 1455. Л. 153–154.

солдатских записных книжек, на которых придворная цензура запретила печатать портрет царя[1117].

Б.И. Колоницкий отмечает, что многие изображения в виде открыток не доходили до придворной цензуры, которая в 1914–1917 гг. «потеряла свое монопольное положение контролера царской репрезентации в общей системе цензурных ведомств»[1118]. В условиях войны контроль над изображениями был действительно ослаблен, участились случаи несогласованной публикации не только снимков монарха, но и, например, фронтовой хроники. Однако и преувеличивать эту тенденцию не стоит. Значительная часть снимков царской семьи, в том числе и публичных, по-прежнему производилась придворными фотографами (например, А.К. Ягельским), согласовывавшими результаты своей работы с МИДв. Как и ранее, активное участие в цензуре фотографий принимали особы императорской фамилии, нередко – сами Николай II и Александра Федоровна. Так, в декабре 1915 г. В.Б. Фредерикс представил на суд царя 25 фотоснимков князя А.В. Барятинского[1119]. В отчете отмечалось, что «государь, просматривая снимки за столом, нашел некоторые из них не так удачными и написал на них “Нет”»[1120].

Освещение печатью международной обстановки, оценка ею внешней политики России и других стран обращали большое внимание правительства еще до 1914 г. С началом войны контроль над публикациями о международных отношениях стал одним из важнейших направлений – неслучайно в состав ГВЦК по проекту должен был входить и представитель

[1117] См. рекламу этих книжек: Русский инвалид. 1917. 24 февраля. С. 6.
[1118] *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика». С. 92.
[1119] В 1897 г. царь не разрешил Барятинскому брак с оперной певицей Линой Кавальери, так как за год до этого его младший брат Владимир уже вызвал скандал в семье, женившись на актрисе Л.Б. Яворской. В 1901 г. А.В. Барятинский женился на княжне Е.А. Юрьевской, дочери Александра II от морганатического брака с княжной Е.М. Долгоруковой.
[1120] РГИА. Ф. 472. Оп. 49. Д. 1465. Л. 366.

МИД. Им стал дипломат Ю.А. Нелидов, назначенный с первых дней войны членом ГВЦК, а затем представлявшим свое ведомство и в ПВЦК[1121].

Поначалу взаимодействие военной цензуры и МИД ограничивалось отдельными запросами по поводу допустимости того или иного сочинения, освещавшего международные события, историю отдельных стран и народов. Представители МИД (в частности, товарищ министра А.А. Нератов) активно участвовали в заседаниях ПВЦК и военной цензуры при ПКДП. Так, уже на заседании ПВЦК 19 августа 1914 г. было принято решение не допускать в печать карикатуры на нейтральные и союзные государства и «относиться строже» к критическим выпадаем прессы в их адрес[1122].

В течение войны, однако, этот вопрос не сходил с повестки, так как в печати критика союзников и «нейтральных стран появлялась слишком часто, и не всегда дипломатическая цензура за ней успевала. В пьесе А.А. Щеглова «Внимая ужасам войны» (1914) были удалены монологи «Румынки», настроение которой, по мысли автора, символизировало общее направление румынской внешней политики. Один из вычеркнутых стихов звучал так:

У румынки круглый год
Праздник беззаботный.
Рада я идти в поход
За кого угодно.
С немцем tete-a-tete,
Но вражды и к русским нет.
Я продаться всем могу, но об этом ни гу-гу...[1123]

Указания цензорам по вопросам внешней политики давал управляющий Отдела печати и осведомления МИД[1124]. К примеру, 28 октября 1914 г. было

[1121] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 19. Л. 70–73; Д. 277. Л. 140.
[1122] Там же. Д. 18. Л. 2об., 37об.; Д. 771. Л. 40; Д. 774. Л. 235, 333, 336; РГИА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 2. Л. 21об.; Д. 7. Л. 4.
[1123] СПбГТБ ОРиРК. Ф. «Драматическая цензура». № 51666. Л. 17.

решено не допускать «указаний на необходимость автономного устройства Армении в случае включения ее в состав Российской империи»[1125], 11 ноября – исключать в статьях о внешней политике «особо резкие нападки на нашу дипломатию» [1126] . 16 декабря внимание цензуры привлекла статья в «Земщине», содержащая критику главнокомандующего французской армией генерала Ж. Жоффра [1127] . Строго цензура следила и за обсуждениями послевоенного решения польского и еврейского вопросов[1128].

Статьи и брошюры на внешнеполитические темы обычно направлялись в Отдел печати и осведомления МИД. К примеру, в июне 1916 г. председатель ПКДП Н.И. Левитский послал в МИД статью о возможном русско-японском союзе (признана МИД «несвоевременной»)[1129], а в феврале 1917 г. – брошюру о перспективах послевоенного раздела Турции (не встретила возражений) [1130] . Внимательно прочитывали дипломаты и речи депутатов Думы, оказывая влияние в том числе и на публикацию стенограмм. Так, 12 марта 1916 г. генерал П.П. Любомиров сообщал Звонникову, что по указанию МИД «желателен пропуск в печати без сокращений текст речи г-на Милюкова во время вчерашнего заседания Государственной думы» [1131] . В этой речи лидер кадетов, помимо прочего, обрушился с критикой на «циммервальдцев», выступал за продолжение войны до полного крушения германского милитаризма, а также упомянул об оформленном в марте-апреле 1915 г. Англо-франко-русском соглашении, решавшем Восточный вопрос и передававшем России Константинополь и Проливы[1132].

[1124] *Кострикова Е.Г.* Указ. соч. С. 184.
[1125] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 18. Л. 12.
[1126] Там же. Л. 14.
[1127] Там же. Л. 19.
[1128] Там же. Л. 39; РГИА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 2. Л. 43об.
[1129] АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 910. Л. 20.
[1130] Там же. Л. 76, 77.
[1131] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 774. л. 222.
[1132] Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия IV. Пг., 1916. Стб. 3236–3262.

К декабрю 1915 г. уже существовала дипломатическая цензура при Главпочтамте, на Главном телеграфе и в военной цензуре при ПКДП. По состоянию на январь 1916 г. дипломатическими цензорами числились прапорщик ополчения П.П. Вейнер, Ю.А. Нелидов (старший военный цензор), прапорщик ополчения М.С. Плаутин и прапорщик запаса С.К. Шварсалон [1133] . Их задачей была цензура книг, брошюр, статей об иностранных (в особенности – союзных и нейтральных) государствах, о положении дел в международной политике, о руководителях зарубежных правительств, президентах и монархах. В ведении трех дежурных цензоров были все «исходящие» из России газетные телеграммы, внутренние и внешние газетные телеграммы на темы международной политики, все транзитные телеграммы, идущие через Петроград, а также переписка иностранных корреспондентов, работавших в России [1134]. Группа цензоров в ПКДП работала с 9 вечера до трех часов ночи[1135].

Под запрет могли попасть сочинения, не имевшие каких-либо нарушений военной цензуры, но показавшиеся цензору «неуместными» в контексте политической и международной обстановки. Так было с брошюрой Н. И. Кареева «Южные славяне и Италия на Адриатике» 1916 г. В ней, в частности, затрагивались вопросы этнического состава итальянских территорий, истории их в составе других государственных образований. Товарищ министра иностранных дел А. А. Нератов рекомендовал отложить публикацию как неуместную: ее появление могло вызвать недовольство итальянских союзников России. Лишь после обращения к начальнику второго департамента Министерства иностранных дел барону Б. Э. Нольде

[1133] РГВИА. Ф. 13836. Оп.1. Д. 19. Л. 70–73; Д. 751. Л. 69.
[1134] АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 912. Л. 2.
[1135] *Кострикова Е.Г.* Указ. соч. С. 191.

Карееву удалось изменить мнение дипломатов, и брошюра была разрешена [1136].

В целом, из-за необходимости переписки между ведомствами дипломатическая цензура могла растянуться на месяцы, а «подвисшие» вопросы решались зачастую только благодаря прошениям на имя крупных чиновников МИД, МВД и других ведомств. Л. 32. Так, 14 декабря 1915 г. редакция «Нового времени» обратилась к Адабашу с просьбой еще раз посмотреть и восстановить вычеркнутую ранее статью «Секретное англо-датское соглашение»[1137].

Как и в других случаях, дипломатическая цензура в годы Первой мировой войны стала фактически разновидностью цензуры политической, с той разницей, что дипломатические цензоры должны были опираться не только на предписания цензурного начальства, но и на текущую международную обстановку, состояние отношений России с той или иной страной, внутриполитический контекст. Это давало больше свободы в интерпретации материалов, уместности запрета той или иной информации, методов работы цензуры в целом[1138]. Одним из спорных моментов стало, например, отношение к цензуре дипломатической переписки.

Другие ведомства часто шли навстречу пожеланиям МИД, прислушивались к его советам. К примеру, МИДв советовалось о допустимости издания брошюры о «польских делах» в контексте воззвания великого князя Николая Николаевича «К полякам» 1 августа 1914 г.[1139] На заседании ПВЦК 18 августа 1915 г. было специально оговорено, что статьи о внешней политике могли подвергаться цензуре только в случаях, когда «затронутые в них вопросы имеют отношение к ходу военных событий».

[1136] Подробнее см.: *Богомолов И.К.* К истории публикации брошюры Н. И. Кареева «Южные славяне и Италия на Адриатике». 1916 г. // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 172–183.
[1137] АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 901. Л. 32.
[1138] *Кострикова Е.Г.* Указ. соч. С. 198. Подробнее о воззвании см., напр.: *Селезнев Ф.А.* Воззвание великого князя Николая Николаевича к полякам 1(14) августа 1914 года // Славяноведение. 2017. № 5. С. 28–41.
[1139] АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 901. Л. 10.

Такие статьи «обычно находятся под наблюдением» МИД, поэтому предписывалось избегать их цензурирования»[1140].

В 1916 г. количество статей на внешнеполитические темы существенно увеличилось, в связи с чем встал вопрос о дальнейшем расширении дипломатической цензуры, ее большей вовлеченности в работу столичных цензурных органов. Кроме того, нерешенным остался вопрос о привлечении к цензуре только дипломатов и чиновников МИД. Конкретные шаги в этом направлении руководство цензуры начало принимать только накануне Февральской революции. В письме управляющему Отделом печати и осведомления МИД А.И. Лысаковскому от 22 декабря 1916 г. Левитский отмечал: «Ввиду усиливающейся важности политического момента вообще, и дипломатической его стороны в частности (заинтересованность нейтральных держав в мирных переговорах, постоянные попытки Германии подготовить общественное мнение противной стороны [в] бесполезности дальнейшего ведения войны и т.д.) и вообще в виду преобладающего за последнее время общего количества статей по внешней политике и калейдоскопности международных событий, напряжение коих к концу войны, несомненно, будет еще сильнее – полагал бы своевременным именно теперь приступить к разработке указанного мною проекта постоянного участия дипломатических чиновников в работах военной цензуры»[1141].

Принятую в то время форму взаимодействия (консультации по телефону и переписка) Левитский считал несостоятельной. Отсылка гранок статей в МИД была неудобной и задерживала материал на сутки, тогда как установленная законом норма – не более двух часов. Задержка на больший срок вызывала «беспрестанные жалобы» прессы, «тем более что очень часто дипломатический материал бывает тесно перемешан или с военным, или с общеполитическим, где требуется одновременно компетенция и подпись

[1140] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 18. Л. 59.

[1141] Цит. по: *Богомолов И.К.* Письмо Н.И. Левитского А.И. Лысаковскому о представителях МИД в Петроградской военно-цензурной комиссии. 1916 г. // Вестник архивиста. 2021. № 2. С. 587–588.

нескольких цензоров по специальности». Как решение проблемы Левитский предлагал постоянное ночное дежурство специально прикомандированных из МИД цензоров. Каждый из них по очереди дежурил с 21:00 до 3 часов утра, всего таких цензоров требовалось, по расчетам Левитского, 4-5 человек с дежурством каждого через 3-4 суток[1142].

Идея была одобрена Лысаковским, который в письме М.А. Адабашу 20 января 1917 г. сообщил о прикомандировании к ПКДП цензоров М.С. Горяинова, В.В. Николаева, В.К. Рихтера, В.Н. Дмитриева и Б.А. Чемерзина[1143]. Один из них должен был присутствовать в ПКДП не только ночью, но и утром (с 11 до 14 часов) для просмотра гранок вечерних газет[1144]. К этому моменту на Главном телеграфе уже работало трое цензоров, еще столько же продолжали работать при МИД[1145], фактически сохраняя второй «центр» дипломатической цензуры и основу для появления «недоразумений» в будущем. Обособленность этих цензоров выражалась и в оплате труда: МИД выделил дополнительно каждому из них по 100 рублей на повышение суточных сверх положенных цензорам трех рублей[1146]. Однако проработать в новом формате дипломатическим цензорам довелось недолго: уже 28 февраля военная цензура при ПКДП фактически прервала работу, а 26 марта 1917 г. они были откомандированы от ПВЦК, оставаясь при этом в штате МИД[1147].

Цезура сведений о различных персонах оговаривалась отдельно и зависела от политического контекста. Особого внимания удостаивался Г. Распутин, упоминания о котором в прессе в первый год войны формально не запрещались. При Щербатове это фактическое ограничение было вовсе отменено, хотя уже вскоре вновь начало действовать, согласно специальной телеграмме нового министра внутренних дел А.Н. Хвостова в декабре 1915 г.

[1142] АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 914. Л. 8–10.
[1143] Там же. Л. 2, 2об.
[1144] Там же. Л. 7.
[1145] Там же. Л. 4.
[1146] Там же. Л. 6.
[1147] Там же. Л. 17, 19.

Как вспоминал А.А. Сидоров, противиться этому запрету пытался генерал И.И. Мрозовский, однако и ему пришлось уступить «петроградским требованиям»[1148].

Нередко материалы о Распутине вычеркивались без какого-либо объяснения, не допускались в том числе и комплиментарные отзывы о нем. В ноябре 1915 г. на рассмотрение военной цензуры при ПКДП поступила брошюра «Правда о старце крестьянине Тобольской губернии Григорье Ефимовиче Распутине». По отзыву цензора Н.П. Кузнецова, она «по существу направлена на защиту Г.Е. Распутина от возводимых на него неосновательных обвинений», но содержит все же намеки на его влияние в «том обществе, где можно исходатайствовать облегчение участи крестьянства». В целом брошюра, по его мнению, может «вновь поднять шум вокруг имени Г.Е. Распутина и вызвать новую травлю», поэтому решение было оставлено за Н.И. Левитским и М.А. Адабашем. Последний, согласившись с мнением Кузнецова, публикацию брошюры не одобрил[1149].

Пристально военная цензура следила и за публикациями по различным социально-экономическим вопросам. Стремясь не допустить распространения «беспочвенных слухов» о продовольственном положении, нападок на власти и критики их политики, цензура в то же время не стремилась полностью контролировать освещение этой темы. Так, в ноябре А.И. Звонников в циркуляре местным ВЦК подчеркнул, что «военная цензура не имеет оснований препятствовать борьбе прессы с экономическим засильем банков и разоблачению фактов, доказывающих ажиотажное участие кредитных учреждений в повышении цен на продукты первой необходимости»[1150].

Последовательно запрещались материалы, освещавшие конфликты между рабочими и работодателями. С подозрением относились цензоры и к

[1148] *Сидоров А.А.* Указ. соч. С. 107.
[1149] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 776. Л. 172, 173.
[1150] ГАТ. Ф. И152. Оп. 28. Д. 111. Л. 13.

статьям о развитии кооперативного движения. На заседании ПВЦК 14 апреля 1915 г. постановлено запрещать статьи в оппозиционных газетах о кооперативном движении и создании кооперативного союза, организации, которая «по силе своего значения и по влиянию на широкие круги населения не уступала [бы] авторитету правительства»[1151]. Запрещались, в частности, статьи, в которых указывалось на выгодность вложения в кооперативы по сравнению с государственными сберкассами[1152]. 31 декабря 1915 г. генерал-квартирмейстер штаба Северного фронта просил начальника штаба Петроградского военного округа о внимательном отношении к письмам Московского центрального кооперативного комитета, рассылавшего во все кооперативные организации воззвания с резкой критикой правительства[1153].

3.2. Печать, общество и цензура: взаимодействие и восприятие

Введенные с началом войны цензурные ограничения печать поначалу комментировала скупо и избегала давать какие-либо оценки. Помимо общего патриотического подъема и призывов к «священному единению» перед лицом внешнего врага, немалую роль в этом молчании сыграло закрытие в первый же день войны газеты «Речь» распоряжением великого князя Николая Николаевича. Во время июльского кризиса газета выступала против вмешательства России в австро-сербский конфликт, грозивший перерасти в общеевропейскую войну[1154]. «Пресса настроена единодушно, хотя, может быть, и не совсем искренно, боясь того же, что уже сделано вел. кн. Николаем Николаевичем с “Речью”», – писал 21 июля 1914 г. М.К. Лемке[1155]. Общий настрой осени 1914 г. выразил в одном из писем Л.Н. Андреев.

[1151] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 18. Л. 10
[1152] Там же. Л. 39об.
[1153] Там же. Д. 311. Л. 43.
[1154] *Котов Б.С.* Газета «Речь» в дни июльского кризиса 1914 г. // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 4(37). С. 9–16.
[1155] *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 10.

Правительство, по его словам, «под шумок уже загибает салазки, арестует и сажает… и цензура жестоко режет»[1156].

Хотя очевидной причиной закрытия «Речи» явилась, по выражению П.Н. Милюкова, «известная оппозиция войне», для редакции это распоряжение стало неожиданностью[1157]. И.В. Гессен вспоминал, что оно вызвало «немалое смущение и в правительственных кругах. Не говоря о бурно возмущавшемся Родзянко, которому Милюков еще ночью об этом сообщил, и Кривошеин, игравший тогда первую скрипку в Совете министров, ахнул от неожиданности и даже видавший (и делавший) виды Горемыкин, на которого набросился председатель Думы, пожимал плечами и обещал на предстоявшем провозглашении манифеста в Зимнем дворце “переговорить. Но поручиться за результат нельзя. Вы же знаете вел[икого] князя”. Через день запрещение было отменено под условием, однако, что в газете будет напечатано объяснение, комментировавшее эту меру[1158].

Репрессии против «Речи» стали сигналом для других изданий, выступавших с антивоенных позиций и вообще с критикой правительства. С.П. Мельгунов писал П.А. Кропоткину 30 сентября 1914 г.: «Сейчас нельзя сказать того, что хочется. Даже у таких органов, как “Рус[ские] вед[омости]”, потеряно чувство меры и критики, а малейшая попытка сказать спокойное заканчивается остановкой “Русского богатства”»[1159].

Некоторые издания были закрыты за «крайне вредное направление», как, например, нарвская газета на эстонском языке «Joo Kur»[1160]. В сентябре 1914 г. Ставка обратила внимание на телеграммы «Русского слова» из Ковно и Осовца, в которых заключались «сведения, не подлежащие оглашению, [о] действиях наших войск». С.С. Татищев в связи с этим вызвал редактора газеты А.В. Руманова и зачитал ему категорическое требование

[1156] Цит. по: *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию. С. 159.
[1157] *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 390.
[1158] *Гессен И.В.* В двух веках. Жизненный отчет. С. 327.
[1159] ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 458. Л. 196.
[1160] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 773. Л. 10.

командования армии не допускать оценки хода военных действий «с указанием видов на будущее». Руманов в письме в редакцию привел в пример газету «Биржевые известия», которая, «доверившись “Русскому слову”», напечатала телеграмму из Ковно и за это была закрыта. По его словам, ныне «рекомендуется величайшая и исключительная осторожность, ибо это может грозить существованию самой газеты»[1161]. Год спустя редактор «Биржевых известий» И.М. Эн-Янков в письме командующему 6 армией просил разрешить выпуск газеты. Он уверял, что закрытие газеты произошло по случайности: гранку с перепечаткой из «Русского слова» мальчик-курьер потерял по дороге в цензуру и не признался в этом, два дня не приходя на работу. Однако председатель ПКДП С.Е. Виссарионов считал, что утверждения редактора «голословны» и посоветовал отказать в ходатайстве, что и было сделано[1162].

Попытки наладить диалог печати и цензуры предпринимались и поначалу были небезуспешными. 14 августа 1914 г. состоялось заседание ПКДП, на которое пригласили и представителей столичной прессы, получивших возможность высказать накопившиеся претензии и задать вопросы. Б.А. и М.А. Суворины привели пример разного решения цензоров по одному и тому же материалу, поданному в «Новое время» и «Вечернее время». С.М. Проппер жаловался на задержку телеграмм из армии, уже прошедших полевую цензуру. Присутствовавший на заседании С.С. Татищев признавал недостатки работы цензуры и заверил, что они будут устранены. Совещание в целом прошло доброжелательно, представители печати даже благодарили цензоров за быструю работу и стремление выслушать другую сторону[1163].

Тем не менее, ошибки и недопонимания множились с каждым месяцем, и далеко не все противоречия удавалось разрешить на совещаниях и личных

[1161] РГАЛИ. Ф. 595. Оп. 1. Д. 12. Л. 19, 23.
[1162] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 126. Л. 201–203.
[1163] *Кострикова Е.Г.* Указ. соч. С. 37.

встречах. Основная часть жалоб на цензуру была связана с ее противоречивыми решениями и неоправданной строгостью. Яркий пример – политика в отношении сообщений ПТА. «Временное положение» не освобождало телеграммы агентства от цензуры, и в сентябре 1914 г. генерал Ю.Н. Данилов подтвердил в письме генералу В.А. Орановскому, что на театре военных действий для них исключений не будет[1164].

Четких указаний, тем не менее, не было, и судьба агентских телеграмм во многом зависела от настроений и взглядов местных цензоров. В Минусинске в октябре 1914 г. местный исправник Сосновский потребовал присылать ему лично все без исключения телеграммы, которые газета «Минусинский край» намеревалась публиковать. Редакция обратилась енисейскому губернатору И.И. Крафту, и тот подтвердил, что телеграммы ПТА не должны подвергаться цензуре. Однако Сосновский фактически проигнорировал предписание высшей власти и продолжил блокировать выход «Минусинского края» до тех пор, пока весь газетный материал не будет им просмотрен[1165]. Председатель Двинской ВЦК обращался по этому поводу к губернаторам, прося повлиять на подчиненных и разъяснить, что сообщения ПТА цензуровать не нужно[1166]. Издатели воспринимали их как правительственную информацию, не нуждающуюся в проверке. Так, редакция газеты «Архангельск» не высылала в цензуру экстренные прибавления, полностью состоявшие из агентских телеграмм[1167].

Из-за цензуры возникало и множество технических накладок и задержек, влиявших на продажи газет. В сентябре 1914 г. тираспольская «Наша почта» жаловалась в ПТА, что его сообщения поступают к ней лишь за 2-3 часа до прихода одесских газет, в которых эти телеграммы уже напечатаны. Причина замедления была в том, что агентские телеграммы предварительно просматривались местным военным цензором, который дежурил только

[1164] РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 716. Л. 58.
[1165] Из печати // Сибирская жизнь. 1914. 30 сентября.
[1166] РГВИА. Ф. 13849. Оп. 1. Д. 4. Л. 125.
[1167] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 75. Л. 12.

между 8 и 9 часами утра и после 17:00[1168]. На то же жаловалась редакция екатеринославской газеты «Приднепровский край». «Сплошь и рядом получается так, – писал в ПТА ее редактор П. Безобразов, – что телеграммы получаются у нас одновременно с харьковскими газетами, в которых те же сообщения уже напечатаны. <...> Телеграмма приходит в Екатеринослав примерно в час ночи; цензор уже спит; принятые ночью агентские циркуляры лежат на телеграфе до утра; затем, к 8 часам утра эти циркуляры отправляются с телеграфа на просмотр к цензору и к 10 1/2 часам поступают в редакцию»[1169].

Случаи задержки гранок повторялись ежемесячно. Редактор харьковской газеты «Южный край» в марте 1916 г. просил местного старшего военного цензора, чтобы дежурные приходили на службу вовремя и перестали задерживать сдачу утренних номеров. Он также высказал пожелание, чтобы материалы, отправленные на просмотр в 7-8 часов вечера, не откладывались на ночь[1170]. Жалобы на несоблюдение цензорами суточного срока просмотра гранок принимались к рассмотрению, однако военно-цензурные комиссии признавали, что просмотреть все к положенному сроку было физически невозможно[1171].

Проблема вызывала озабоченность директора ПТА О.И. Ламкерта. 14 сентября 1914 г. он просил об изъятии из цензуры телеграмм агентства, однако начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Н.Н. Янушкевич подтвердил, что и для них не должно быть исключений[1172]. В октябре 1914 г. Ламкерт значительную часть доклада И.Л. Горемыкину посвятил притеснениям, которые агентство испытывает от местных цензоров. Особо он отметил работу Двинской и Одесской ВЦК, мешавших работе

[1168] Там же. Д. 7. Л. 7.
[1169] Там же. Л. 23–23об.
[1170] Там же. Д. 218. Л. 84.
[1171] Там же. Д. 7. Л. 14.
[1172] Там же. Л. 19.

корреспондентов ПТА и запрещавших нередко даже официальные сообщения от государственных учреждений[1173].

В том же месяце о послаблении цензуры агентских телеграмм ходатайствовал начальник ГУДП граф С.С. Татищев, но А.И. Звонников повторил, что от цензуры они освобождались только вне театра военных действий[1174]. Генерал Ю.Н. Данилов, в связи с неоднократными запросами ПТА и ГВЦК, нашел нужным возложить цензуру телеграмм ПТА на петроградскую цензуру. Он отметил, что этот просмотр должен сопровождаться «особым условным знаком или словом, при наличности которого телеграммы агентства должны быть освобождены от представления в военную цензуру на местах их получения»[1175]. Тем не менее, «усмотрение» цензора по-прежнему имело решающее значение.

Печать, особенно в провинции, старалась избегать проблем с цензурой, высылая ей материалы и согласовывая публикации. Так, редакция газеты «Иркутская жизнь» в январе 1915 г. просила разрешить напечатать заметки «Призыв ратников», «Враг в тылу» и «Письма с войны»[1176]. Жалобы редакторов в основном касались непоследовательности цензоров при определении судьбы того или иного материала. Обычной была ситуация, когда телеграмма, статья или заметка запрещалась в одной газете и разрешалась в другой, нередко – в изданиях из одного города[1177]. Так, в сентябре 1914 г. редакторы столичных газет сообщали Д.П. Струкову, что одним разрешили печатать фото крейсера Магдебург, а другим – нет[1178]. Свою роль здесь зачастую играл личностный фактор, прежде всего строгость и внимательность местных чиновников, наделенных цензорскими полномочиями. Редактор газеты «Просветы» (Полтавская губ.) писал В.Г.

[1173] *Морев Е.А.* Санкт-Петербургское (Петроградское) телеграфное агентство (1902–1917). Дисс … к.и.н. СПб., 2024. С. 208–210.
[1174] Там же. Л. 22.
[1175] Там же. Л. 28, 30.
[1176] РГВИА. Ф. 1468. Оп. 6. Д. 1. Л. 5, 11.
[1177] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 18. Л. 20; Д. 219. Л. 272; Д. 21. Л. 308об.
[1178] Там же. Д. 18. Л. 4.

Котельникову 16 ноября 1915 г.: «Военный цензор – новый исправник – пропускает все, что ни подать. Не то, что бывший исправник, конфисковавший на улице и в помещении редакции (а на почте забыл и подписчики получили) № 6-й газеты за текущий год, за шесть слов в военном обозрении, которые он, цензор, вычеркнул, а из набора не вынули»[1179].

Наиболее сильно цензурные ограничения влияли на содержание местных новостей. Многие из них не имели отношения к войне, но просматривались цензорами особенно пристально. Как правило, не допускались статьи и заметки о хозяйственных, экономических, социальных проблемах во всех регионах империи. Понимая, какое количество подобных новостей ежедневно запрещалось, М. Горький накануне выпуска первого номера журнала «Летопись» рассылал в крупные провинциальные издания прошение предоставить ему непропущенный материал «обо всех тех явлениях местной жизни, которые отрицательно или положительно рисуют степень общественной культуры, препятствия, встречаемые стремлением общества к самодеятельности и расширению гражданских прав, помехи в деле исполнения личностью ее гражданских обязанностей»[1180].

Противоречивые решения обычно не зависели от политического направления издания или взглядов редакторов. Регулярно на цензурный произвол указывали, например, правые, считая это частью заговора против них. 20 сентября 1914 г. редактор «Земщины» С.К. Глинка-Янчевский жаловался Д.П. Струкову на цензора Козлова, который «до такой степени бракует заметки, заимствованные из других и даже официальных газет, что получается множество пробелов, и читателям может казаться, что “Земщина”, рекомендованная в войска, пытается оглашать секретные известия или проповедовать антигосударственные соображения. <...> Ни одна самая

[1179] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1009. Л. 18.
[1180] *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма в 24 т. Т. 11. М., 2004. С. 219, 472.

оппозиционная газета не подвергается такому беспощадному кромсанию, как “Земщина”»[1181].

В жалобах на цензуру правые пытались дойти до самых «верхов». В письме И.Л. Горемыкину 3 декабря 1915 г. издатель «Московских ведомостей» К.Н. Пасхалов сообщал о «пристрастном, если не сказать – притеснительном отношении одесского генерал-губернатора генерала [М.И.] Эбелова и военно-цензурной комиссии к местным монархическим организациям. Так, воспрещая Союзу русских людей в своих собраниях касаться политических вопросов, обсуждаемых там с точки зрения исторических устоев Русской Державы, он допускает беспрепятственно резкие политические статьи в левых одесских газетах, а при указании ему на такую непоследовательность отвечает, что статьи подвержены военной цензуре, а речи – нет. Однако следов такой цензуры не заметно: в одесских газетах постоянно печатались статьи против правительства и даже против верховной власти. Но газетные статьи имеют гораздо большее распространение, чем речи в закрытых собраниях монархистов, поэтому и влияние их должно быть признано более вредным» [1182] . На эту же непоследовательность указывал в письме Б.В. Штюрмеру историк Д.И. Иловайский: благодаря «усердию» военной цензуры общество не знает истинного положения на фронте, но при этом беспрепятственно печатается «зловредная болтовня крайних левых депутатов»[1183].

Представление о плохой работе военной цензуры как части «заговора» встречается в самых разных документах. В ноябре 1914 г. председатель ВЦК при штабе Кавказского военного округа сообщал А.И. Звонникову, что в военно-цензурных комиссиях появляются «лица явно германофильского направления», которые якобы не допускают к печатанию заметки о немецких

[1181] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 773. Л. 105–106.
[1182] Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы. В 2 т. Т. 2. М., 1998. С. 522.
[1183] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1049. Л. 150об.

зверствах[1184]. 30 декабря 1914 г. князь Э.Э. Ухтомский писал Д.П. Струкову, что при столкновении с цензурой «иногда изумлению нет предела». В частности, он удивлялся вычеркиванию цитат из выступлений князя Е.Н. Трубецкого, уже неоднократно опубликованных в печати. Он был убежден, что такие вырезки делал конкретный цензор с немецкой фамилией, якобы удалявший все противогерманские высказывания. Здесь и в других случаях знание фамилии цензора приводило к подозрениям в предвзятости и скрытом германофильстве[1185]. На это в своем письме председателю ПВЦК 23 декабря 1915 г. намекал, например, художник Н. Кравченко, считавший, что «только сторонники Германии и немцы» могли зачеркивать в прессе информацию о страданиях пленных в германских лагерях[1186].

Наибольшее раздражение вызывали запреты обсуждать на страницах прессы животрепещущие социально-экономические и политические вопросы. 9 декабря 1915 г. редактор «Нового времени» сетовал в письме в ПВЦК, что цензор своими вычеркиваниями в одной из статей «выступил в защиту бездеятельности гражданской власти... в области борьбы с дороговизной»[1187]. Писательница Е.А. Шабельская-Борк, редактировавшая газету «Свобода и порядок», не раз писала Струкову о цензурном произволе. По ее словам, многие люди и она сама с подозрением относились к цензурной политике, так как вычеркивалось все, что могло успокоить читателя, и не верилось, что это могли быть спонтанные действия[1188]. Подобного рода недоверие осталось в памяти современников, видевших в Февральской революции операцию, устроенную врагами России. В «Очерках русской смуты» А.И. Деникин намекал, что нерасторопность цензурных органов в решительные дни переворота была неслучайной и играла на руку немецким агентам[1189].

[1184] РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1500. Л. 83.
[1185] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 773. Л. 370.
[1186] Там же. Д. 251. Л. 243.
[1187] Там же. Д. 224. Л. 101.
[1188] Там же. Д. 217. Л. 7.
[1189] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1. Париж, 1921. С. 46.

Заинтересованные в привлечении читателя и опережении конкурентов, газеты, естественно, пытались разными путями обойти цензуру. Значение имел и отправитель материала. К примеру, редактор «Вечернего времени» Б.А. Суворин и сотрудник редакции одновременно, не зная того, направили в один день в цензуру рисунок. В итоге разрешили только тот вариант, что отправил Суворин. Д.П. Струкову пришлось извиняться за «недоразумение»[1190].

За годы войны редакции выработали несколько приемов, позволявших с той или иной вероятностью опубликовать материал. Военно-цензурные комиссии знали большинство таких «уловок», встречая нарушения и в собственной жизни. 30 мая 1915 г. Д.П. Струков, проходя по Невскому проспекту, увидел в руках газетчика свежий номер журнала «Евреи и Россия», который, как потом он выяснилось, не поступал в цензуру[1191]. Этим «грешили» практически все издания безотносительно их политического направления[1192]. Несколько раз на этом попадался, например, «Русский инвалид»[1193]. Редакции также изменяли заголовки и текст, подавали материалы на следующий день в небезосновательной надежде, что в этот раз дежурный цензор их пропустит[1194].

Несмотря на строгие цензурные правила, в столице установилась практика, когда газеты (за редким исключением) сами по своему выбору присылали гранки с военными сведениями, остальное же печатали без предварительного просмотра. Однако с первых месяцев войны стало ясно, что полного доверия здесь быть не могло. В одном из отчетов ПВЦК отмечалось, что газеты «позволяли себе слишком резко нарушать требования закона и помещали... статьи, недопустимые по обстоятельствам военного времени». В основном это касалось бульварной прессы, привлекавшей

[1190] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 773. Л. 102, 104.
[1191] Там же. Д. 127. Л. 25.
[1192] *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 276, 293.
[1193] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 773. Л. 177, 214.
[1194] Там же. Д. 21. Л. 309об.; Д. 12. Л. 76; Д. 773. Л. 242.

читателя сенсационными заголовками. Крупные издания тоже использовали упомянутые уловки (прежде всего — непредоставление гранок в цензуру и публикация без согласования статей на «острые» политические темы), но действовали более осторожно, по возможности избегали прямых нарушений и конфликтов с цензурой. Они редко публиковали сенсационные новости, справедливо полагая, что это уронит их в глазах читателей. В том же отчете отмечалось, что «Новое время» и «Биржевые ведомости» часть своего военного материала печатали без цензуры, но «за немногими исключениями они успевали осуществлять это без прямого нарушения закона»[1195].

За несоблюдение цензурных правил редакторы получали крупные штрафы, зачастую – без каких-либо предупреждений «на первый раз». К примеру, редактор «Газеты-Копейки» М. Городецкий был оштрафован на 3 тыс. руб. за то, что его издание не предоставило в цензуру заголовки материалов из нескольких своих приложений, в частности – слухи об освобождении русскими войсками Ковно и овладении Дарданелл Черноморским флотом[1196]. 15 мая 1915 г. «Петроградский курьер» напечатал без согласования заметку «Письма из армии», а также исключенные военной цензурой строки в статье «Среди коек». 19 мая главному редактору газеты Н.А. Нотовичу присудили штраф 1 тыс. руб. Нотович оправдывался, что все произошло «по техническому недосмотру, вполне понятному при спешной ночной работе и без всякого умысла со стороны редакции». Однако С.Е. Виссарионов не считал такие ошибки безобидными, поэтому рекомендовал оставить штраф в силе [1197] . Подобные «сенсации» действительно не проходили бесследно для общественного сознания. Л.А. Тихомиров с раздражением писал в своем дневнике 11 августа 1915 г.: «Разумеется, никаких Дарданелл не взяли. Это выдумала какая-то поганая газета (вечерняя), которая всполошила Москву, вызвала демонстрации,

---

[1195] Там же. Д. 333. Л. 41.
[1196] Там же. Д. 127. Л. 80, 85.
[1197] Там же. Л. 1, 9, 10, 11.

столкновения с полицией, аресты и т.п. Вот тебе и военная цензура! Как могут выходить такие скандалы?»[1198].

Наказание в этих случаях должно было быть чувствительным, но итоговое решение зачастую зависело от мнения цензурного начальства и репутации газеты. М.К. Лемке утверждал, что «Новое время» находилось под личным контролем А.И. Звонникова и было «изъято от общей цензуры»[1199]. Суворинские издания действительно находились на особом счету, и военные годы не стали исключением[1200]. 9 августа 1914 г. в «Вечернем времени» был опубликован приказ командующего 1 армией П.К. Ренненкампфа от 8 августа, причем указывалось, что генерал находился в Вильне[1201]. Однако строгого наказания за выдачу такой информации не последовало, во многом благодаря знакомству редактора издания Б.А. Суворина с главным начальником Петроградского военного округа генералом П.А. Фроловым. Последний разрешил обращаться «непосредственно... в случае недоразумений с военной цензурой». Суворин пользовался этим, пожаловавшись, например, на запрещение заметки «В немецкой паутине», где шла речь о «немецком засилье». Фролов не увидел здесь никакого нарушения цензурных правил и разрешил ее публикацию[1202].

30 мая 1915 г. Б.А. Суворин сообщил Д.П. Струкову, что часть его брошюры «До войны» была запрещена, хотя она до того была без проблем напечатана в «Вечернем времени». Струков ответил, что очерк, содержавший «недопустимую критику» распоряжений главного начальника Петроградского военного округа, не был предоставлен в цензуру. Штаб 6 армии хотел привлечь Суворина к ответственности, но благодаря

[1198] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. М., 2008. С. 97.
[1199] Падение царского режима. Т. 4. С. 421.
[1200] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 12. Л. 98.
[1201] Там же. Д. 4. Л. 55.
[1202] Там же. Д. 773. Л. 168, 170.

«привходящим обстоятельствам» было решено наказанию его не подвергать, а очерк «предать забвению»[1203].

16 июня 1915 г. «Вечернее время» не предоставило на предварительный просмотр гранку статьи «Русско-американское пароходство». ПКДП высказался за присуждение Б.А. Суворину штрафа 500 руб., однако Д.П. Струков в ответном письме отметил «общее значение» этого издания, «проникнутого духом глубокого патриотизма», и просил штаб 6 армии о «снисходительном взыскании» в виде предостережения, на что получил согласие[1204]. В августе того же года П.А. Фролов вызвал Б.А. Суворина на беседу и указал ему на «неосторожность некоторых статей», в частности на заметку об исчезновении в столице разменной монеты. И в этом случае обошлось без штрафа[1205], однако терпению тоже был предел. Так, за критику правительства по поводу роспуска Думы в передовице «Вечернего времени» за 25 ноября 1915 г. Суворину назначили штраф 3 тыс. руб., а газету обязали предоставлять на предварительный просмотр все гранки[1206].

Введение «полной» предварительной цензуры по отношению к отдельным газетам и журналам было своеобразным наказанием, хотя и не предотвращавшим новых нарушений[1207]. Решение могло быть изменено после достижения негласных договоренностей и «примерного» поведения издания[1208]. Так, «полная» цензура была снята с «Вечернего времени» уже спустя месяц (правда, 4 января 1916 г. введена вновь)[1209]. Такому же наказанию в сентябре 1916 г. была подвергнута «Речь», однако уже через месяц решение отменили. Подобные репрессии осуществлялись в отношении «Дня», «Колокола», «Маленькой газеты» и «Российского гражданина»[1210]. В

[1203] Там же. Д. 126. Л. 80, 82.
[1204] Там же. Д. 127. Л. 71, 74.
[1205] Там же. Л. 96, 102.
[1206] Там же. Л. 260.
[1207] Там же. Д. 333. Л. 137об.
[1208] Там же. Д. 126. Л. 65,66.
[1209] Там же. Д. 127. Л. 277.
[1210] Там же. Л. 356, 365, 376, 379.

то же время с «Биржевых ведомостей» «полная» цензура, введенная 30 декабря 1916 г., не была снята вплоть до Февральской революции[1211].

В случае предоставления доказательств перепечаток и ошибок редакционных сотрудников с газет зачастую снимали обвинения и штрафы. К примеру, возложенный на «Речь» штраф 1 тыс. руб. за перепечатку сообщения из «Правительственного вестника» был отменен после ходатайства редакции [1212] . Смягчили и наказание «Русского знамени», поместившего заметку со слухами о перестановках в правительстве без предоставления в цензуру. Изначально назначенный штраф 500 руб. был отменен после того, как редактор А.И. Дубровин объяснил это «ошибкой» его заместителя[1213].

Ссылки на «неопытность» подчиненных (редакторов, курьеров, вестовых и т.д.) часто сопровождали подобные прошения. В июне 1916 г. редактор «Голоса Руси» сообщал, что его сотрудник забыл отправить в цензуру заметку «В Таврическом дворце» – именно ту, которая, вероятно, и вызвала бы у цензоров вопросы[1214]. Тем не менее для изменения решения о штрафе было достаточно, чтобы статью или заметку посмотрел старший военный цензор или члены ПВЦК. С.Е. Виссарионов, как правило, пересылал спорные материалы на просмотр Д.П. Струкову для вынесения окончательного решения[1215]. Зная это, редакторы регулярно обращались в военно-цензурные комиссии, и зачастую им удавалось развернуть ситуацию в свою пользу[1216]. К примеру, редакция «Известий Центрального военно-промышленного комитета» в сентябре 1916 г.с помощью ходатайства А.И. Звонникову избежала перевода на «полную» цензуру[1217].

[1211] Там же. Л. 424.
[1212] Там же. Л. 132, 135.
[1213] Там же. Л. 244.
[1214] Там же. Л. 339.
[1215] Там же. Д. 251. Л. 63, 102, 111, 118.
[1216] Там же. Л. 40, 115, 125, 139, 143, 158; Д. 251. Л. 167, 175.
[1217] Предварительная цензура // Сибирская жизнь. 1916. 24 сентября.

В новом обличии военная цензура воспринималась как наследница цензуры старого порядка, существовавшего до 1905 г. З.Н. Гиппиус записала в своем дневнике 28 апреля 1915 г.: «У нас цензура сейчас – хуже николаевской раз в пять. Не “военная” – общая. Напечатанное месяц тому назад перепечатать уже нельзя. Рассказы из детской жизни цензурует генерал [Л.Л.] Драке... Очень этичен и строг»[1218]. Схожие оценки давали и некоторые цензоры. В отчеты полиции попало письмо, датированное сентябрем 1914 г.: «Я все еще в цензуре, переменил там ряд обязанностей; к сожалению, здесь никто не влиятелен в ее направлении, и приходится участвовать в массе дикостей, вызывающих общественное недовольство. Курьезно, что мой взгляд разделяют и власть имущие, например [А.В.] Кривошеин, уговаривающий меня быть более снисходительным»[1219].

В целом в журналистской среде господствовало представление о военной цензуре как о практически бесполезной структуре, борющейся по большей части с тем, что «уже давно известно русскому обществу не только из газет, но и из официальных сообщений» [1220] . Военная цензура воспринималась как одно из многочисленных и наиболее значимых трудностей, преодоление которой станет частью возврата к мирной жизни и символизирует общие большие перемены, которых ждали с окончанием войны. Характерно, что такие настроения высказывали представители разных краев политического спектра. В рекламе подписки на «Земщину» на 1915 г. отмечалось, что после войны газета, «получив свободу слова, не связанного военной цензурою, опять посвятит себя борьбе за исконные права русского народа»[1221]. Схожие по смыслу слова М.В. Родзянко «Утро России» процитировало из интервью председателя Думы журналисту британской «Daily Chronicle»: «После войны установится полная свобода слова, которую власть так же бессильна удержать, как и шлюзы бессильны противостоять

[1218] *Гиппиус З.Н.* Синяя книга. Петербургский дневник. 1914–1918. Белград, 1929. С. 21.
[1219] Цит. по: *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика». С. 26.
[1220] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 224. Л. 97.
[1221] Волынские епархиальные ведомости. 1915. № 12–13.

напору бешеных вод»[1222]. Этот неблагоприятный фон во многом определял ход дискуссий о реформе цензуры, ее целях и задачах в условиях войны.

3.3. «Священное единение», «патриотическая тревога» и военная цензура[1223]

Быстрая «политизация» военной цензуры вызывала недовольство в думских кругах, но в первый год войны оно не проявлялось открыто. В августе 1914 г. на заседании ЦК конституционно-демократической партии А.С. Изгоев предложил заявить «о замечающихся безобразиях в санитарной части, о необходимости отмены военной цензуры, под покровом которой скрываются эти безобразия» [1224] . 9 ноября он указывал, что цензура возвращается «в прежнем виде, установлен даже прежний штат цензоров»[1225]. В.И. Вернадский на том же заседании высказал мнение, что «сейчас еще совершенно невозможно делать выступления по поводу… цензурных репрессий; широкие слои просто не поймут, что эти репрессии делаются не во имя потребностей военного времени; станут указывать, что и в газете “Temps” также много белых, не пропущенных цензурою полос» [1226] . П.Б. Струве соглашался, что вычеркивание «внутренних известий» не имеет смысла, но, по его мнению, «выходки» русских социал-демократов в Думе могли нанести еще больший вред и «только доставить удовольствие Германии»[1227].

К цензуре думских речей во время январской сессии 1915 г. власть готовилась заранее. Цензорам предписывалось не допускать в печати никаких комментариев по поводу обсуждения в бюджетной комиссии сметы

[1222] Цит. по: М.В. Родзянко о свободе печати // Сибирская жизнь. 1916. 25 февраля.
[1223] При подготовке данного параграфа были использованы материалы из статьи: *Богомолов И.К.* Государственная дума и цензурная политика в годы Первой мировой войны // Российская история. 2022. № 4. С. 96–117.
[1224] Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. 1905 – середина 1930-х гг. В 6 т. Т. 2. М., 1997. С. 372.
[1225] Там же. С. 427.
[1226] Там же. С. 430.
[1227] Там же. С. 432.

военного и морского ведомств, дозволяя лишь краткие сообщения о том, что заседание состоялось. С.Е. Виссарионов распорядился не допускать передачи речей социал-демократов «в ином изложении, чем то, которое разрешено будет к опубликованию председателем Государственной думы»[1228].

Впрочем, вопрос о военной цензуре большинство фракций поначалу поднимало только в кулуарах. Наиболее резко и открыто критиковали цензуру левые. На заседании Думы 27 января 1915 г. Н.С. Чхеидзе зачитал заявление социал-демократической фракции, в котором, в частности, указывалось: «Взрыв шовинистических страстей широко используется в целях травли российских граждан немецкой национальности. Под предлогом сохранения военной тайны восстановлена предварительная цензура и задушено всякое свободное независимое слово»[1229].

Другую тактику избрали кадеты. Отмечая неоправданную строгость цензуры, они говорили о ней мимоходом, как о вопросе второстепенном. Неудивительно, что к моменту созыва Думы в январе 1915 г. внятных предложений они не подготовили. П.Н. Милюков сетовал, что этот вопрос «пришлось поднять в частной беседе, потому что вопросы в комиссии остаются без ответа». Представители правительства, по его словам, «увертываются от ответов, в частности на вопросы о цензуре»[1230]. Павел Николаевич, вероятно, имел в виду встречу депутатов с министрами 25 января, на которой он затронул эту проблему. В отчете о деятельности фракции за эту короткую сессию отмечалось: «Вынужденное молчание прессы роняет ее авторитет и лишает ее возможности играть регулирующую роль в поддержании общественного настроения, так ярко проявившегося в начале войны»[1231].

[1228] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 774. Л. 290.
[1229] Меньшевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 гг. М., 1996. С. 374.
[1230] Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. Т. 3. М., 1998. С. 9.
[1231] IV Государственная дума. Фракция народной свободы. «Военные» сессии. 26 июля 1914 г. – 3 сентября 1915 г. Пг., 1916. С. 12.

К тому времени претензий к военной цензуре накопилось немало, в том числе благодаря письмам в Думу из разных городов. К примеру, редактор газеты «Пятигорское эхо» А.И. Попов жаловался депутатам, что местными цензорами «выбрасывается все, что указывает на пульсацию общественной жизни», включая заметки и статьи «самого невинного характера». Запрещались материалы о гастрических заболеваниях в Георгиевске и о количестве кроватей в местных лазаретах, не допущена перепечатка статьи о подвигах солдат на фронте, а списки убитых удалось опубликовать только после особого разрешения Тифлисского комитета по делам печати[1232].

В правительстве прекрасно понимали, что военная цензура нуждается в улучшении. Министр торговли и промышленности князь В.Н. Шаховской в мемуарах оценивал «Временное положение» критично, отметив, что оно «совершенно не предусматривало каких бы то ни было ограничений общеполитического характера». Он привел в пример французскую и английскую цензуру, которая позволила правительствам эффективно контролировать печать[1233].

Проблемы видели и военные. В.А. Сухомлинов уже в сентябре 1914 г. в письмах Н.А. Маклакову и И.К. Григоровичу сообщал, что рассмотрение жалоб редакторов на цензуру «является почти всегда бесцельным, так как разрешение… не может последовать с той быстротой, какая, по условиям газетного дела, необходима для восстановления нарушенных интересов издания»[1234]. В том же месяце и.д. начальника Генерального штаба генерал М.А. Беляев писал Сухомлинову: «Главные начальники военных округов нередко возлагают на военную цензуру чересчур обширные задачи по просмотру почтовой и телеграфной корреспонденции, совершенно непосильные для военной цензуры по ее составу, что ведет к задержке... сообщений и вызывает в населении ропот и нарекания. <...> Местные военно-

---

[1232] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 584. Л. 59–59 об.
[1233] *Шаховской В.Н.* «Sic transit gloria mundi» (Так проходит мирская слава). 1893–1917 гг. Париж, 1952. С. 152.
[1234] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 5. Л. 129–130.

цензурные комиссии, ввиду совершенной новизны дела, обнаруживают не вполне ясное понимание возложенных на них задач, недостаточно умелое руководство деятельностью находящихся в их ведении военных цензоров, особенно в тех городах, где военной цензуре приходится иметь дело с повременной печатью и с международной корреспонденцией»[1235].

При организации военной цензуры правительству и командованию приходилось считаться и с формально-юридическими тонкостями. Согласно ст. 87 Основных законов, действие «Временного положения» прекращалось через два месяца после окончания последней сессии Думы, если военный министр не предоставит на ее рассмотрение новый законопроект о военной цензуре. «Было ясно, что издавать новый закон по 87-й статье невозможно, так как Государственная дума, при первом же созыве, его отменила бы», – вспоминал В.Н. Шаховской[1236]. Поскольку заседания Думы прервались 27 января 1915 г., то крайним сроком стало 27 марта. По утверждению М.К. Лемке, «когда приближался и, наконец, наступил [этот] день… буквально никто из состава правительства и верхов армии не вспомнил, что... автоматически прекратилось действие Временного положения о военной цензуре»[1237].

Однако Лемке прав лишь отчасти: к наступлению этого дня правительство готовилось, хотя и не собиралось предлагать что-либо новое. В.А. Сухомлинов направил законопроект о военной цензуре в канцелярию Думы в крайний срок, 27 марта. В сопроводительной записке излагалась предыстория разработки «Временного положения» накануне войны и отмечалась необходимость «сохранить его и на будущее время» [1238] . Единственное значимое изменение в тексте Совет министров допустил 29 мая 1915 г., постановив освободить от цензуры корреспонденцию

[1235] Там же. Л. 138–139.
[1236] *Шаховской В.Н.* Указ. соч. С. 152.
[1237] *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 387.
[1238] РГИА. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 398. Л. 3–4.

представительств союзных держав и усилить контроль над телеграммами и письмами дипломатов нейтральных государств[1239].

При всем несовершенстве «Временное положение о военной цензуре» давало власти эффективный и гибкий инструмент влияния на печать. Правительство предпочитало действовать распоряжениями и «рекомендациями», тем более что статьи документа давали Главной и местным военно-цензурным комиссиям такую возможность. Вероятно, весной 1915 г. расчет делался на выполнение формальных правил внесения законопроектов и получение от Думы одобрения на продление действия военной цензуры. Однако по мере того, как ухудшалась обстановка на фронте и накалялась внутриполитическая атмосфера, усиливалась и критика военной цензуры высшими сановниками и военачальниками. Весной и в начале лета 1915 г. нарастало понимание, что плохо работающая цензура создает не только военные, но и политические риски.

Активизации обсуждения этой проблемы способствовали и перестановки в правительстве, прежде всего – назначение 5 июня 1915 г. нового министра внутренних дел князя Н.Б. Щербатова. Редакторы газет «Речь», «День», «Биржевые ведомости», «Новое время» и «Вечернее время» направили ему записку, в которой сетовали, что петроградская печать с первых дней войны «взята была под строгую и тяжелую опеку». По их словам, еще в начале войны между представителями власти и прессы состоялось «неформальное соглашение» о том, чтобы в цензуру подавались только материалы военного характера. На практике, однако, «эта грань с первых же дней оказалась угрожающе подвижной в сторону сужения прав печати. Если бы власть действительно пожелала провести эту грань ясно и прочно, то достаточно было бы поручить цензурование исключительно военным чинам, которые и рассматривали бы материал с чисто военной точки зрения. Но военная цензура была организована при комитете по делам

[1239] Особые журналы Совета министров Российской империи 1909–1917 гг. 1915 год. М., 2008. С. 267–268.

печати и неофициально делится на военную и гражданскую». В результате «чуть не ежедневно посылаются циркуляры, запрещающие повременным изданиям касаться того или другого вопроса внутренней жизни, никакого отношения к ходу военных действий не имеющего. Помимо циркуляров, все чаще и чаще в редакции передаются безответственные распоряжения по телефону и, наконец, цензура руководствуется еще какими-то инструкциями». Авторы просили облегчить положение столичной прессы, перед которой по-прежнему имели преимущество московские издания[1240].

Наметившиеся перемены оппозиция почувствовала с первых дней после отставки Н.А. Маклакова. 7 июня на конференции конституционно-демократической партии П.Н. Милюков отмечал: «Несколько недель назад нельзя было говорить о созыве Государственной думы, и цензура грозила закрытием газет, которые станут требовать созыва. Теперь, оказывается, лед прорван, и завтра же в совещании съехавшихся членов Думы вопрос этот очутится в новом положении»[1241].

11 июня Н.Б. Щербатов дал интервью петроградским и московским изданиям. Помимо прочего, он отметил необходимость военной цензуры и пообещал сделать все от него зависящее для улучшения ее взаимодействия с прессой[1242]. Журналист «Колокола» привел цитату из речи министра: «За печатью я признаю огромное общественное значение. Хотя в то же время должен сказать, что у печати я никогда не заискивал и не буду заискивать» [1243] . «День» передал слова Щербатова по поводу цензуры думских речей: «Это дело прошлого. Я на своем посту всего два дня, но

[1240] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 158. Л. 43. См. также: *Гессен И.В.* Внутренняя жизнь // Ежегодник газеты «Речь» на 1916 год. Пг., 1916. С. 207–208; *Гессен И.В.* В двух веках. Жизненный отчет. С. 336.

[1241] Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905–1920 гг. В 3 т. Т. 3. Кн. 1. 1915–1917 гг. М., 2000. С. 125.

[1242] Беседа с министром внутренних дел кн. Н.Б. Щербатовым // День. 1915. 12 июня; Беседа с князем Н.Б. Щербатовым // Новое время. 1915. 12 июня; Беседа с кн. Н.Б. Щербатовым // Русское слово. 1915. 12 июня.

[1243] Прием министром внутренних дел князем Н.Б. Щербатовым представителей русской печати // Колокол. 1915. 12 июня.

теперь вы сможете сообщить все, что я говорил вам о Гос[ударственной] думе»[1244].

В целом либеральная пресса высказывалась об этом интервью с осторожным оптимизмом, основанным и на более ранних наблюдениях за цензурной политикой. «Речь» отмечала, что разрешение нового министра печатать сведения о созыве Думы не исполнялось в ряде провинциальных городов, прежде всего в Киеве[1245]. Однако 22 июня газета все же признавала, что «пределы дозволенного» расширяются «с каждым днем, по мере того как на практике выясняется очевидная польза более свободного обсуждения государственных вопросов»[1246]. Критикуя работу цензуры в первый год войны, «Современное слово» в то же время надеялось, что «новый курс... Н.Б. Щербатова даст русской печати возможность исполнить в эти великие дни свой гражданский долг»[1247]. По оценке «Русских записок», новый министр на встречах с представителями печати смог взять «среднюю и притом извилистую линию, мягко соприкасающуюся со всеми представленными направлениями и нигде не соприкасающуюся с ними»[1248].

Циркулировавшие в «верхах» слухи также вселяли надежды. 20 июня «Петроградский курьер» сообщал: главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин заявил одному из членов Думы (вероятно, А.И. Савенко), что правительство «намерено воспользоваться временем, остающимся до начала сессии законодательных палат и поставить печать в более благоприятные условия»[1249]. А.А. Поливанов в своих мемуарах упомянул свою встречу с представителями печати в июне 1915 г., на которой выступил за реформирование военной цензуры, считая ее «инстанцией,

---

[1244] Беседа с министром внутренних дел кн. Н.Б. Щербатовым // День. 1915. 12 июня.
[1245] Сказки действительности // Речь. 1915. 19 июня.
[1246] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 126. Л. 133.
[1247] Гражданская цензура // Современное слово. 1915. 20 июня.
[1248] Цит. по: *Бережной А.Ф.* Русская легальная печать в годы Первой мировой войны. С. 55.
[1249] А.В. Кривошеин о положении печати // Петроградский курьер. 1915. 20 июня.

ограждающей военные тайны»[1250]. По утверждению В.Н. Шаховского, Поливанов указал представителям военного министерства в этом вопросе «идти на всякие уступки» Думе[1251].

Логическим продолжением «потепления» в отношениях с печатью стало интервью А.А. Катенина 20 июня. Возглавивший ГУДП 30 апреля 1915 г., он впервые на новом посту провел развернутую беседу с представителями прессы. Катенин признал факт некоторого «страдания газет» от цензурных условий. Причина – в отсутствии порядка и единообразия в действиях отдельных цензоров. Устранить их он предлагал с помощью особого наблюдения за работой цензоров, отметив их нелегкий труд. Часто они были вынуждены читать гранки поздно ночью, из-за чего и происходили многие ошибки. Однако главной проблемой начальник ГУДП считал проведение четкой границы ответственности военной цензуры – проблемой, решить которую многим цензорам оказалось не под силу[1252].

Предложения Катенина были встречены печатью без энтузиазма. «День» скептично оценивал идею назначить наблюдающими над цензорами. Получалось, что «и над наблюдателями нужно, в свою очередь, наблюдение, и тогда получается весьма сложный аппарат»[1253]. «Речь» считала нереалистичными и несвоевременными призывы начальника ГУДП «освещать государственные и общественные вопросы в бодром и объективном духе» и оставить на послевоенное время «личные счеты и раздражительную полемику»[1254]. Из правого лагеря также раздавалась критика, но уже за излишний «либерализм». «Русское знамя» считало, что своим интервью начальник ГУДП дал повод для оппозиционной прессы

[1250] *Бей Е.В.* Военный министр А.А. Поливанов – «генерал от политики». М., 2020. С. 280.
[1251] *Шаховской В.Н.* Указ. соч. С. 152–153.
[1252] А.А. Катенин о цензуре и ближайших задачах печати // Бирж. ведомости. 1915. 20 июня; Еще о цензуре // Биржевые ведомости. 1915. 23 июня; Печать // Голос Москвы. 1915. 24 июня.
[1253] Петроград, 22 июня // День. 1915. 22 июня.
[1254] Петроград, 21 июня // Речь. 1915. 21 июня.

«выступить с поучением о том, какова должна быть цензура». Поучения эти «направлены, конечно, на достижение самых злостных намерений»[1255].

Главное, что пресса вынесла из интервью Н.Б. Щербатова и А.А. Катенина – надежда, что цензура отныне не будет вмешиваться в «политические» вопросы. Многие редакторы считали, что проблема цензурного произвола крылась не в организационных моментах, а в желании правительства контролировать печать. Следовало, как им казалось, просто отделить «военные» вопросы от «невоенных». Тон здесь задала статья П.Н. Милюкова в «Речи» 16 июня. Он отмечал, что во Франции и Англии комиссии о печати признавали важность военной цензуры, но призывали ограничить ее только военной тематикой. Кроме того, французская комиссия рекомендовала разрешить перепечатку уже напечатанных статей, не запрещать освещать открытые заседания органов власти и представительных учреждений, привлекать к цензуре лиц, знакомых с печатью, уважать право на критику, в том числе и правительства. Такие действия, признавал Милюков, «не могут быть без поправок и дополнений прилагаемы к русской действительности. Но напомнить о них нам казалось небесполезным в виду того совещания с редакторами, о котором новый министр обещал подумать»[1256].

В сжатом виде эту точку зрения выразил 23 июня «Петроградский курьер», считавший, что необходимо «провести точную грань между тем, за чем цензура должна следить, и тем, что совершенно не должно подлежать ее контролю. Точнее: ведению цензуры могут подлежать только вопросы военных событий, которые облечены разумною тайной»[1257]. 7 июля 1915 г. редактор газеты Н.А. Нотович в письме А.А. Поливанову предложил несколько шагов для улучшения работы цензуры: 1) Увеличение личного состава. Его недостаток вел к «переобременению цензоров материалом и к

[1255] Вредные суррогаты // Русское знамя. 1915. 25 июня.
[1256] Печать и война // Речь. 1915. 16 июня.
[1257] Еще о печати // Петроградский курьер. 1915. 23 июня.

неизбежному запаздыванию просмотром последнего», из-за чего и появлялись «белые пятна», волнующие читателя «несуществующей и мнимо-опасной тайной». 2) Включение в военно-цензурные комиссии лиц, «более подготовленных к столь ответственным обязанностям», добросовестных и авторитетных в глазах общества и власти. 3) Увеличение оплаты труда цензоров, что даст возможность привлечь к цензуре «более полезные силы»[1258].

Схожие мысли выражал и «День»: «Мы прекрасно понимаем необходимость военной цензуры. Однако все то, что выходит из пределов военной тайны, не может быть опасным, не может мешать армии, не может препятствовать нашей победе. Наоборот, только полное знание действительности и свободное обсуждение всех наших нужд могут гарантировать моральную организацию тыла, а это – залог победы»[1259]. И.В. Гессен, признавая, что грань между военными и невоенными материалами «представляется неопределенной», считал, что печати следует проявлять больше доверия, и она ответит большей сознательностью, строже отбирая материалы и не публикуя то, что может нанести ущерб военным интересам государства[1260].

Н.Б. Щербатов во многом разделял это мнение, стремясь восстановить доверие и ограничить цензуру разумными пределами. В письме Н.Н. Янушкевичу он подверг критике разделение военной цензуры на «полную» и «частичную», что на практике давало преимущества московской и провинциальной прессе в обсуждении, например, еврейского вопроса и послевоенного устройства Польши и Армении. Ст. 31 «Временного положения», по его мнению, не столько расширила полномочия цензоров, сколько усилила противоречия и непоследовательность в их работе. Местные

[1258] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 35. Л. 11–13. Поливанов оставил резолюцию на полях: «Вопрос о военной цензуре, вероятно, возникнет при созыве Г. Думы. Прошу переговоров(?). Роль генерала Звонникова?» (Там же. Л. 11).
[1259] Петроград, 22 июня // День. 1915. 22 июня.
[1260] *Гессен И.* Печать и военная цензура // Речь. 1915. 22 июня.

военно-цензурные комиссии держали себя «совершенно особняком» от установлений по надзору за печатью. Щербатов предложил разделить сферы ответственности: ГУГШ давало бы рекомендации по военной части цензуры, МВД – по «вопросам, непосредственно к войне не относящимся». Для устранения несогласованности следовало объединить «всех лиц военного и гражданского ведомств, на которых возложен просмотр произведений печати, в одном учреждении». Министр считал целесообразным введение одинаковой цензуры на всей территории империи, о чем «давно уже ходатайствуют начальники некоторых военных округов (Московского, Казанского)»[1261].

Н.Н. Янушкевич скептически отнесся к идеям Н.Б. Щербатова, прежде всего к объединению военной цензуры под властью одного учреждения. Упразднение «частичной» цензуры он считал неуместным с политической точки зрения, так как это «фактически было бы началом возвращения на всей территории империи к принципу предварительной цензуры», против чего «некоторые министерства» категорически возражали[1262]. В целом же он защищал «Временное положение», признавая лишь определенные кадровые и организационные недостатки. В его письме читается критика в адрес МВД, которое якобы не помогало совершенствовать работу военно-цензурных комиссий, не работало над улучшением кадрового состава цензоров, для чего имело больше возможностей. В письме новому военному министру А.А. Поливанову Янушкевич сетовал на смешение военной и политической цензуры. Одним из результатов, по его мнению, стало появление «белых пятен» в московских газетах, хотя Москва не входила в театр военных действий и ее печать не должна была проходить предварительный просмотр. Выход он видел в ограничении военной цензуры «Перечнем», который,

---

[1261] *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 392–394.
[1262] Там же. С. 394–395.

«весьма возможно, требует пересмотра» и которому цензоры должны следовать «с полною твердостью»[1263].

Признаком перемен стали решения военной цензуры, которые нельзя было представить еще весной 1915 г. С назначением Н.Б. Щербатова печать свободно обсуждала не только сроки созыва Думы, но и предстоящую повестку. «Щербатов дает печати слишком большую свободу – Маклаков был гораздо строже; результат теперь таков, что все слишком волнуются и говорят про Думу, что совсем нехорошо», – писала Александра Федоровна Николаю II 22 июня[1264]. Готовясь к критике правительства с думской кафедры, ПВЦК тем не менее неоднократно указывала цензорам, что речи депутатов цензуре не подлежат[1265]. 19 июля 1915 г. А.И. Звонников по телефону передал распоряжение, чтобы все стенографические отчеты пропускались цензорами «без всяких исключений», так как они предварительно уже будут просмотрены им самим. В августе 1915 г. стенограммы поступали к Звонникову, который просматривал их в здании Думы. Затем отчеты выдавались редакциям газет для напечатания. На практике оказалось, что газеты печатали не эти отчеты, а те, что составлялись корреспондентами и не представлялись в цензуру. В результате 18 августа Д.П. Струков сообщил редакторам, что отныне речи в каком бы то ни было виде будут печататься лишь после их предварительного просмотра цензором[1266].

Противоречивой была позиция власти по поводу критики самой цензуры. Она действительно начала проникать в печать, зачастую – в виде анекдотов и юморесок, показывавших цензоров как недалеких и глуповатых людей. Особенно часто высмеивалась провинциальная цензура, ведомая местными чиновниками-«самодурами», которые якобы сами не осознавали, насколько нелепы их решения. 23 июня «День» сообщал, что в одном из южных

[1263] Там же. С. 404.
[1264] Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3. М.; Пг., 1925. С. 238.
[1265] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 18. Л. 52.
[1266] Там же. Д. 774. Л. 295.

городов власти предписали предоставлять на предварительный просмотр телеграммы Ставки[1267]. Хотя даже сама газета подчеркивала, что это только слух, представления о методах и эффективности военной цензуры уже устоялись. В «Речи» высмеивалось решение киевской цензуры не публиковать статьи о приезде в Киев французского генерала По, в то время как его приезд в Петроград освещался открыто. Перечислялись и недостатки цензоров, один из которых был глухим, другой – «мелким почтово-телеграфным чиновником»[1268]. А.И. Звонников считал, что авторы подобных статей позволяют себе «недопустимое осуждение действий военной цензуры и даже глумление над нею». Генерал был столь возмущен, что предложил Д.П. Струкову перевести «Речь» на полную предварительную цензуру, причем, «конечно, никакие суждения о действиях военной цензуры не могут быть разрешены»[1269]. Струков, однако, напомнил председателю ГВЦК, что всякие запреты на критику цензоров отменены[1270].

Редакторы пытались показать цензурному руководству, что такие образы их подчиненных не рождались на пустом месте. В июне 1915 г. редактор газеты «Свобода и порядок» Е.А. Шабельская-Борк в письме Д.П. Струкову спрашивала, почему была запрещена публикация речи митрополита Макария, упоминавшего о недавних московских беспорядках: «Что же, запрещением писать вы прекратите разговоры? Только сплетни усилите – и теперь уже плетут ужасы, примешивая самые светлые и дорогие имена к списку друзей Германии. Вот что делает насильственное молчание»[1271]. На волне этой критики участились случаи непредоставления гранок в цензуру, в том числе в Петрограде и других губерниях театра военных действий[1272].

[1267] Сказки действительности // День. 1915. 23 июня.
[1268] Соперники // Речь. 1915. 21 июня
[1269] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 126. Л. 116.
[1270] Там же. Л. 56.
[1271] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 126. Л. 76, 77.
[1272] Там же. Д. 18. Л. 57.

Представители власти признавали, что попытки газет обойти цензуру были вызваны в том числе и ее несовершенством. На заседании ПВЦК 1 июля 1915 г. А.А. Катенин отметил, что ему «непрестанно» приходилось слышать от редакторов о разном подходе к просмотру материалов. Цензоры, по его словам, недостаточно часто обращались к альбомам с примерами исключенных ранее статей и заметок. Начальник ГУДП констатировал, что «раздающиеся постоянно жалобы имеют опасный характер. Раздражая прессу, цензура вооружает ее против правительства. Это – опасно, и так как озлобление имеет под собой почву, то надо устранить всякое к тому основание»[1273].

Думские фракции также обсуждали вопрос о цензуре, хотя для них он не был первостепенным. Показателен в этом смысле доклад князя Д.И. Шаховского на заседании ЦК конституционно-демократической партии 16 июня 1915 г. В предложенной программе он не затронул проблему положения печати, как предлагали А.Я. Ефимович и В.А. Степанов[1274]. Тем не менее, в публичной плоскости этот вопрос кадеты начали озвучивать открыто. На партийной конференции 6-8 июня 1915 г. М.М. Винавер зачитал доклад, в котором обрушился с критикой на правительство за усиление репрессий и рост подозрительности к евреям. Помимо прочего, он упомянул и работу цензуры. С первых дней войны она «устраняла из газетных столбцов решительно все, что свидетельствовало о храбрости евреев, о даруемых евреям знаках отличия, о производстве евреев в прапорщики и пр. Редакции петроградских прогрессивных газет (“Речи”, “Дня”, “Биржевых ведомостей” и “Петрогр[адского] курьера”) обладают большим архивом зачеркнутых красными чернилами гранок с сведениями этого рода»[1275].

[1273] Там же. Л. 47–48.
[1274] Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 114.
[1275] Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905–1920 гг. Т. 3. Кн. 1. М., 2000. С. 73.

По мере приближения созыва Думы усиливалась и критика «цензурной вакханалии»[1276], перекликавшаяся с общей критикой правительственного курса. Наиболее часто эту тему поднимали представители национальных фракций и объединений, в том числе и нелегальных. Июльская декларация Центрального комитета Бунда гласила: «Между тем печати зажат рот, военная цензура свирепствует, и насилия над евреями происходят в атмосфере общественного молчания и позорного равнодушия со стороны либеральных русских кругов»[1277].

В первый день новой думской сессии тема цензуры заняла видное место в речах депутатов всех фракций. И.Н. Ефремов, говоря о недостатках снабжения армии, отмечал «чрезмерную строгость» цензуры, из-за которой печать «создавала даже ложное представление о наших силах и силах противника»[1278]. П.Н. Милюков указывал на практику «цензурных изъятий, вызываемых чисто политическими соображениями, а иногда и простым недомыслием неопытного персонала цензоров». По его мнению, это создавало почву для «всевозможных слухов и толков», с которыми власть теперь вынуждена бороться[1279]. М.А. Караулов подчеркнул пагубность пустых газетных полос, которые в народном сознании «заполняются в избытке слухами, рассказами самого нелепого содержания». Его призыв «освободить» печать сопровождался рукоплесканиями на всех скамьях[1280]. Огласку получил также скандал из-за сокращения стенограмм речей А.Ф. Керенского и Н.С. Чхеидзе[1281].

Вопрос о реформе военной цензуры поднимался на заседании 20 июля. И.В. Годнев заявил, что «никакого действующего положения о военной цензуре нет», так как военный министр якобы не внес законопроект до

[1276] *Волковский Н.Л.* История информационных войн. В 2 ч. Ч. 2. СПб., 2003. С. 49.
[1277] Бунд: Документы и материалы, 1894–1921. М., 2010. С. 1035.
[1278] Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия IV. Пг., 1916. Стб. 88.
[1279] Там же. Стб. 98.
[1280] Там же. Стб. 143.
[1281] Там же. Стб. 196, 197.

27 марта, а думская канцелярия получила пакет с документами только 3 апреля. Депутат призвал рассмотреть и принять законопроект в семидневный срок, а до этого формально печать «ничем не будет стеснена». Дума одобрила это предложение, тем более что следующую неделю планировалось посвятить работе в комиссиях[1282]. Первоначально разработку проекта закона предполагалось поручить комиссиям о печати и по военным и морским делам[1283], однако 1 августа эта задача была возложена только на комиссию о печати[1284]. На ее первом заседании 22 июля председателем с минимальным перевесом (9 против 8 голосов) был избран Н.П. Шубинской, его главный конкурент И.Н. Ефремов стал заместителем, докладчиком в Думе назначили графа Д.П. Капниста[1285].

Второе заседание комиссии состоялось только 2 августа 1915 г. На него пригласили А.И. Звонникова, генерала М.А. Беляева, Д.П. Струкова, А.А. Катенина, и.о. председателя ПКДП А.М. Андрияшева, вице-директора первого департамента Министерства юстиции А.В. Лядова. Однако уже через 20 минут заседание было закрыто вследствие того, что член комиссии прогрессист Н.И. Гродзицкий заявил, что не получил повестку на 22 июля и не смог поучаствовать в выборах председателя. Ефремов уклончиво ответил, что если факт неполучения будет признан, то, возможно, потребуются новые выборы. Другие кадеты в комиссии поддержали эту идею. П.В. Герасимов считал, что в данной ситуации целесообразно проводить заседание под председательством заместителя. Милюков призвал приостановить работу комиссии «в виду предстоящего 3 августа переизбрания ее состава», с чем согласился и правый депутат В.Н. Снежков. Предложение приняли единогласно[1286].

[1282] Там же. Стб. 205, 207, 208.
[1283] РГИА. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 398. Л. 2, 21.
[1284] Там же. Л. 22; Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 243.
[1285] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 582. Л. 1об., 2.
[1286] Там же. Л. 4–5. Капнист на заседании Думы 3 августа просил не избирать постоянную комиссию о печати, чтобы не терять времени на выборы председателя и ускорить работу

На заседании комиссии 4 августа присутствовали те же гражданские и военные чины, за исключением А.М. Андрияшева и А.В. Лядова. К работе присоединились и представители Морского министерства капитаны Б.И. Доливо-Добровольский и М.И. Дунин-Барковский. Во вступительном слове Д.П. Капнист отметил, что «Временное положение» фактически не работало, его «суровость» избирательна и непоследовательна. Комиссии, по мнению докладчика, предстояло «точно определить… как пространство, на котором должна действовать военная цензура, так и объем восходящего на ее рассмотрение печатного материала»[1287].

Лишь правые депутаты Г.А. Шечков и С.Н. Алексеев полагали, что с неизбежными неудобствами печать должна мириться «ради высшей цели – блага армии». Другие члены комиссии были настроены изменить порядок работы военной цензуры и ограничить ее полномочия. В.А. Маклаков считал, что прежде всего необходимо «освободить» законопроект от понятия «театр военных действий» и составить общие для всей страны правила. По его мнению, военной цензурой должны заведовать «лица военные», оценивающие материалы «исключительно со своей военной точки зрения». Для этого нужны специальные органы цензуры, не зависящие от установлений по надзору за печатью, которые «не в состоянии отрешиться от прежних традиций». А.А. Катенин встал на защиту своих подчиненных, объяснив их ошибки тем, что на практике бывает крайне трудно провести грань между «специально военными интересами и общими интересами государства». М.А. Беляев высказался в гораздо более благожелательном для оппозиции тоне. Он согласился с тем, что термин «театр военных действий» скорее ухудшил положение печати, а «внутриполитические» вопросы следовало изъять из ведения военной цензуры[1288].

над проектом (Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 358).

[1287] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 582. Л. 9об.

[1288] Там же. Л. 9 об.–12 об.

С 5 по 9 августа 1915 г. комиссия обсуждала законопроект постатейно. Работа шла напряженно, редактура многих статей вызывала дискуссии и споры. Член комиссии князь С.С. Волконский писал 7 августа врачу А.П. Губареву: «Заседания комиссии о печати идут ежедневно по шесть часов, и то подряд. Когда члены комиссии расходятся, и не в законном составе мы все-таки продолжаем заседание на свой страх, и это удается»[1289].

Наибольшие споры и сомнения вызвало предложение отказаться от разделения цензуры на «полную» и «частичную». В качестве компромисса В.А. Маклаков и П.В. Герасимов предложили оставить за Советом министров право устанавливать «полную» цензуру в определенных районах, но комиссия их не поддержала[1290]. Несмотря на возражения А.И. Звонникова, были вычеркнуты и статьи, позволявшие военному и морскому министрам издавать «подробные правила» по применению военной цензуры. Полностью удален раздел о цензуре речей и докладов. Д.П. Капнист объяснял это тем, что вблизи фронта публичные выступления в принципе маловероятны, а контроль над ними в тылу может «крайне ограничить обмен мнений», ибо «невозможно предварительно требовать даже конспектов от лиц, возражающих докладчику»[1291].

В новом варианте законопроекта отдельно подчеркивалось, что просмотру военной цензуры подлежат только материалы из «Перечня». О его содержании в комиссии также возникли споры. В.А. Маклаков и А.И. Савенко выступили за выработку исчерпывающего «Перечня», что облегчило бы работу редакциям. А.И. Звонников парировал, что в этом случае цензоры будут вправе отказаться просматривать статьи, «за помещение которых редактор может подвергнуться ответственности»[1292]. В итоге «Перечень» в законопроекте все же упомянули, но оставили возможность его изменения

[1289] Цит. по: Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 441.
[1290] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 582. Л. 18–18 об.
[1291] Там же. Л. 14 об.
[1292] Там же. Л. 15 об.

Советом министров с условием внесения нового варианта на рассмотрение Думы. При этом серьезных поправок в него комиссия не внесла. Наиболее заметная из них – снятие по предложению Н.Д. Крупенского, М.И. Гродзицкого и П.Н. Милюкова запрета на оглашение сведений о железнодорожных катастрофах, если они не касаются перевозки войск и военных грузов[1293]. Кроме того, комиссия вывела из-под действия цензуры перепечатки из правительственных изданий, книги на древних и классических языках, а также стенограммы речей членов Думы и Государственного совета. Милюков настоял на формулировке, позволявшей газетам публиковать части стенограмм, так как редакции обычно не имели возможности поместить на своих полосах полные отчеты [1294]. В число источников информации, на которые не распространялась военная цензура, было включено Петроградское телеграфное агентство[1295].

Заметно изменялся состав Главной и местных военно-цензурных комиссий: из них исключались представители МВД. Примечательно, что комиссия поддержала это предложение без какого-либо сопротивления. Лишь А.А. Катенин указал, что в вопросах цензуры «едва ли удастся обойтись» без почтово-телеграфного ведомства [1296]. В итоге осталась оговорка о возможности приглашать на заседания ВЦК представителей других ведомств, а также печати. Другое важное нововведение: цензорами могли назначаться в первую очередь военные чины (при цензуре печати – офицеры), и лишь за их недостатком – гражданские, тогда как в правительственном варианте «Временного положения» было наоборот. Цензором мог стать человек с образованием не ниже среднего, его максимальное вознаграждение повышалось с 3 до 5 руб. в сутки.

Комиссия стремилась урегулировать отношения цензуры и редакций. Так, ежедневные утренние газеты Петрограда и Москвы получили

[1293] Там же. Л. 30–30 об.
[1294] Там же. Л. 17.
[1295] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 959. Л. 183.
[1296] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 582. Л. 22.

возможность предоставлять гранки в цензуру за 2 часа до выхода номера. В прочих местностях империи вводился фиксированный срок предоставления – с 6 часов вечера до 1 часа ночи. Всем ежедневным вечерним изданиям полагалось предоставлять гранки с 8 часов утра, но не позже, чем за 2 часа до выхода номера. Цензоры обязывались рассмотреть гранки ежедневных газет через 2 часа после их получения, еженедельных изданий – не позже, чем через сутки, ежемесячных – не позже, чем через трое суток.

Облегчая условия работы редакций, новое «Положение о военной цензуре» усиливало ответственность за разглашение военных тайн. Так, виновный за помещение в каком-либо издании сведений без разрешения военной цензуры, мог быть заключен в тюрьму на срок от одного года и четырех месяцев до двух лет (ранее – от двух месяцев до года). Увеличивался штраф за публикацию сведений вопреки запрету военной цензуры – от 1 до 10 тыс. руб. (ранее – от 500 до 10 тыс.). Отклонено предложение Герасимова понизить размер минимального штрафа до 100 руб.[1297] При этом комиссия приняла предложение В.П. Шеина упомянуть о возможности изъятия уже проданных номеров с запрещенными сведениями и об ответственности лиц, которые будут распространять указанные издания[1298]. Несмотря на эти ужесточения, утверждался судебный порядок производства дел о нарушении постановлений о военной цензуре, на чем настаивали П.В. Герасимов и В.А. Маклаков[1299].

Таким образом, комиссия о печати сумела рассмотреть законопроект за положенные 7 дней. Текст был роздан депутатам 13 августа и заявлен «со спешностью» 18 августа, но очередь до него дошла только через неделю[1300]. На заседании Думы Д.П. Капнист выступил с докладом, отметив, что комиссия «пришла к единогласному заключению о необходимости полного

[1297] Там же. Л. 39–39 об.
[1298] Там же. Л. 41.
[1299] Там же. Л. 38–38 об.
[1300] Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 858, 997.

перестроения» законопроекта[1301]. Н.Е. Марков заявил, что правые поддержат его, хотя и упрекнул правительство за «поспешное» ослабление цензуры в угоду Прогрессивному блоку. Он привел в пример союзные страны, где под действие цензуры попадали и политические новости[1302]. П.Н. Милюков также отметил существование жесткой цензуры в Англии и Франции, но добавил, что в России ее злоупотребления «принимают особый характер, так как они развиваются на основе старых привычек»[1303]. А.И. Савенко привел множество примеров «химически чистого произвола» цензуры в отношении провинциальной, в частности киевской печати. Он отметил, что и прошлый вариант «Временного положения» не был плох, проблема заключалась в «исполнителях», работу которых и следовало упорядочить[1304]. В.И. Хаустов и А.Ф. Керенский обратили внимание на тяжелое положение рабочей печати, приведя в пример газету «Утро», закрытую после выхода двух номеров[1305]. М.И. Скобелев назвал законопроект попыткой сохранить в руках правительства контроль над печатью и заявил, что в таком виде социал-демократическая фракция его «отвергает»[1306]. За дебатами в Таврическом дворце в эти дни следили и в «верхах». «То, что эти дураки так нападают на военную цензуру, только доказывает, насколько она необходима», – писала Александра Федоровна Николаю II 27 августа[1307].

Подробное обсуждение законопроекта продолжилось 28 августа. А.С. Суханов, М.С. Аджемов, М.Х. Бомаш и В.В. Шульгин привели многочисленные примеры «удушения» печати в целях борьбы с обсуждением рабочего, еврейского и других вопросов[1308]. М.И. Гродзицкий от лица прогрессистов раскритиковал идею распространения военной цензуры на

[1301] Там же. Стб. 1009.
[1302] Там же. Стб. 1041, 1045–1046.
[1303] Там же. Стб. 1056–1057.
[1304] Там же. Стб. 1015–1016.
[1305] Там же. Стб. 1082, 1084.
[1306] Там же. Стб. 1036–1039.
[1307] Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3. М.; Пг., 1925. С. 272.
[1308] Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 1130–1134.

всю территорию империи, посетовав на усиление кар для редакторов и неизбежный рост расходов на контроль всей прессы. Он считал, что «не в исполнителях причина зла, а в самой системе, ибо военная цензура есть часть военного строя и несовместима с элементами правового строя»[1309]. А.Ф. Керенский не преминул в связи с этим раскритиковать своих оппонентов: «Второй день уже занимаемся... общими прениями по законопроекту о военной цензуре, и ораторы центра один за другим разоблачают то зло, которое цензура творила в продолжение года войны. Мне хотелось бы им задать вопрос: где же были эти радетели интересов народного дела полгода назад? В бюджетной комиссии 15 января я был один, который поднял вопрос о безобразиях военной цензуры. Где были тогда эти великие молчальники?». Он утверждал, что оказался тогда единственным, кто критиковал военную цензуру, правда, только в бюджетной комиссии[1310].

В.А. Маклаков выступил с защитой проекта, напомнив, что в основе несвободы печати лежало принятие Думой в июле 1912 г. закона «об изменении действующих законов о государственной измене путем шпионства». Одна из его статей давала министру внутренних дел право «воспрещать сообщение в печати сведений, касающихся внешней безопасности России». Депутат оценил это как фактический запрет сообщать любые военные сведения, а редакторы должны были бы «притворяться, что войны не существует»[1311]. Этот фактор, по словам В.А. Маклакова, заставил кадетов выступить за принятие законопроекта. Присутствовавший на заседании А.А. Катенин признал ошибки цензоров, но выступил против предложения И.В. Годнева и В.А. Маклакова лишить министра внутренних дел права издавать обязательные постановления о печати и запрещать публиковать сведения, касающиеся «внешней безопасности России»[1312]. Д.П.

[1309] Там же. Стб. 1103–1110.
[1310] Там же. Стб. 1134.
[1311] Там же. Стб. 1117–1120.
[1312] Там же. Стб. 1171.

Капнист в заключительном докладе остался недоволен заявлением Катенина, отметив, что тот не выражал свои претензии на заседаниях комиссии[1313].

Слухи о скором перерыве в работе Думы ставили вопрос о судьбе многих законопроектов, в том числе и о военной цензуре. Его стремились обсудить как можно быстрее, чтобы успеть до конца сессии и ввести новые правила регулирования печати. Ускорению работы способствовал и Государственный совет, в котором законопроект рассматривали военно-морская и законодательная комиссии. 25 августа в Мариинском дворце состоялось их соединенное заседание, решившее, что проект имеет технические недостатки и нуждается в редактуре. Однако ввиду неотложности дела и нежелания создавать согласительную комиссию (что затянуло бы разрешение законопроекта) члены комиссий допускали возможность принять думский вариант без существенных замечаний и планировали составить по этому поводу доклад общему собранию Госсовета[1314].

Постатейное обсуждение законопроекта планировалось провести 3 сентября 1915 г., однако на нем депутаты узнали о перерыве в работе Думы. Тем не менее консенсус по вопросу о реформе военной цензуры сложился, большая часть думцев закон поддержала бы, предварительное согласие на думский вариант давали и комиссии Государственного совета. Только социал-демократы и трудовики высказывались резко против, нарекания звучали и со стороны прогрессистов. В целом почти все выступавшие на заседаниях Думы 25 и 28 августа говорили не столько о законопроекте, сколько о цензурном произволе и подспудно искали виноватых в сложившемся положении. Как и во многих других случаях, нашелся удобный повод для критики власти и оппонентов [1315] . Председательствующие неоднократно просили Н.Е. Маркова и П.Н. Милюкова «вернуться к

[1313] Там же. Стб. 1174.
[1314] АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 109. Л. 3.
[1315] *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. С. 164.

спешности», но те вновь и вновь уходили от проблемы военной цензуры, обсуждая финансирование «Земщины» из «рептильного фонда» и получение лидером кадетов 250 тыс. руб. от Финляндии [1316]. А.Ф. Керенский в выступлении 25 августа практически не упомянул законопроект, и после нескольких замечаний его лишили слова[1317].

Несмотря на это, определенная тактика в обсуждении военной цензуры все же присутствовала. Представители Прогрессивного блока стремились вывести из-под удара военных – своих потенциальных союзников, обрушивая всю критику на МВД за «политизацию» военной цензуры. М.И. Скобелев по этому поводу не без иронии заметил: «Комиссия [о] печати с миной сострадания спешит защитить от скорпионов Министерства внутренних дел печать в тылу и призывает на помощь военное ведомство. <…> Вам может показаться, г[оспода], что все противники политической цензуры в лице военного ведомства могут найти надежного соратника. Но я, к сожалению, должен разочаровать». Далее он привел выдержки из неизвестно как им полученной переписки ГУГШ с главным начальником Петроградского военного округа о недопустимости распространения среди солдат газет «День», «Сеятель» и «Утренняя звезда» [1318]. Впрочем, это выступление оказалось исключением из общего взгляда на офицеров как на *a priori* лучших военных цензоров, чем чины МВД.

3.4. Правительство и цензурный вопрос между думскими сессиями (сентябрь–декабрь 1915 г.)[1319]

[1316] Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 1071, 1072, 1074.
[1317] Там же. Стб. 1085–1086.
[1318] Там же. Стб. 1032.
[1319] При подготовке данного параграфа были использованы материалы из статьи: *Богомолов И.К.* Государственная дума и цензурная политика в годы Первой мировой войны // Российская история. 2022. № 4. С. 96–117; *Богомолов И.К.* «Обратить печатное слово в мощного союзника…»: проект премьер-министра И.Л. Горемыкина по преобразованию военной цензуры (1915) // Вестник Северного (Арктического)

Летом 1915 г. в контроле над прессой произошли некоторые послабления. Председатель МКДП А.А. Сидоров впоследствии вспоминал, что Н.Б. Щербатов и товарищ министра князь В.М. Волконский, «видимо, хотели изменить положение печати». Снимались наиболее одиозные запреты, например, на упоминание Г. Распутина[1320]. Кадеты публично отмечали эти улучшения, прозрачно намекая на благотворную роль А.А. Поливанова. «В последние недели мы присутствуем при попытке ввести цензуру в рамки строго военных потребностей», – заявлял П.Н. Милюков на заседании Думы 25 августа[1321]. Редактор «Речи» И.В. Гессен констатировал в конце 1915 г., что печать «получила возможность полнее освещать вопросы внутренней политики, пределы действия военной цензуры стали сокращаться. Этому способствовали больше всего именно военные власти»[1322].

Командование армии действительно внесло весомую лепту в дискуссии о военной цензуре. 23 июля 1915 г. Н.Н. Янушкевич в письме А.А. Поливанову отмечал недостатки работы цензуры, запрет многих «политических» тем и при этом увеличение количества пропусков в печать военной информации. Он предложил ограничить полномочия военной цензуры только «Перечнем» и указал на необходимость «более детального руководства органами военной цензуры со стороны Главной военно-цензурной комиссии»[1323]. Косвенным свидетельством активности начальника штаба Верховного главнокомандующего в цензурном вопросе служит письмо Александры Федоровны Николаю II от 25 августа 1915 г. В нем императрица упоминала о прошедшей «месяц тому назад» встрече Янушкевича в Ставке с

федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2023. № 6. С. 5–16.

[1320] *Сидоров А.А*. Указ. соч. С. 106.

[1321] Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия IV. Пг., 1915. Стб. 1069.

[1322] *Гессен И.В.* Внутренняя жизнь. С. 208. Примечательно, что Поливанов привел в своих воспоминаниях пространную цитату из статьи Гессена (*Бей Е.В.* Указ. соч. С. 392).

[1323] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 29. Л. 54–57.

редакторами петроградских газет, на которой «дал им инструкции», не уточнив, правда, какие именно[1324].

Знаковой и идущей фактически вразрез со всей правительственной политикой стала циркулярная секретная телеграмма Н.Н. Янушкевича № 2883 от 31 июля 1915 г. В ней отмечалось, что Верховный главнокомандующий обратил внимание на «участившиеся случаи неправильных действий военной цензуры, указывающие на то, что далеко не все военные цензоры осведомлены о своих обязанностях и правильно их понимают, причем зачастую допускают произвол в своих отношениях к печати». Подчеркивалось, что они должны руководствоваться только пределами «Перечня». Особенно осторожное обращение с печатью «должно быть проявляемо ныне, когда вся Россия воодушевлена общим патриотическим настроением и готова сплотиться в общей совместной работе для достижения полной победы над врагом. Военной цензуре следует стремиться избегнуть нареканий, которые часто весьма справедливы»[1325].

А.Н. Яхонтов позднее утверждал, что об этой телеграмме Совет министров узнал только 9 сентября, да и то «случайно», из письма А.А. Поливанова. Решение было принято «без предварительного соглашения» с И.Л. Горемыкиным. «Отрицательные результаты этого распоряжения не замедлили сказаться. Почувствовав ослабление цензурных преград в области общеполитических вопросов, радикальная печать и ее подголоски подняли безудержную пропаганду противоправительственного направления», – писал Яхонтов. По его словам, после обнаружения этой телеграммы Горемыкин начал ходатайствовать перед императором о ее отмене и общем усилении цензурного контроля[1326]. Однако на деле борьба председателя Совета министров с «разнузданностью» печати началась задолго до 9 сентября.

[1324] Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3. М.; Пг., 1925. С. 263.
[1325] Там же. Д. 35. Л. 115.
[1326] *Яхонтов А.Н.* Первый год войны (июль 1914 – июль 1915 г.). Записи, заметки, материалы и воспоминания бывшего помощника управляющего делами Совета

Основные положения телеграммы Янушкевича – контроль только над военными материалами и невмешательство в «политические» вопросы – изначально наталкивались на сопротивление самой цензуры. Редакторы, особенно в провинции и особенно в отношении думских речей, не чувствовали никакого «ослабления цензурных преград» и зачастую говорили об обратном. В письме А.И. Звонникову от 23 июля 1915 г. редактор «Одесских новостей» М. Жуковская жаловалась, что местная ВЦК запретила печатание «всех безусловно речей депутатов левее октябристов», даже переданных ПТА[1327]. На те же проблемы обращали внимание «Волго-Донский край», «Кавказское слово» и другие издания[1328]. Звонников, как правило, становился на сторону редакций, указывая на их законную возможность публиковать как думские стенограммы, так и телеграммы ПТА. Подобные случаи повторялись и во второй половине 1915 г., хотя уже не так часто. А.Ф. Бережной верно замечал, что цензура «по-прежнему продолжала вершить свои дела. Но действовать ей приходилось все же более осторожно. Дальнейшие шаги правительства по пути усиления цензуры и давления на печать характеризовались весьма искусной демонстрацией видимости расширения возможностей прессы»[1329].

Н.Б. Щербатов в августе-сентябре 1915 г. занимал по вопросу о цензуре неопределенную позицию. 2 августа, на фоне резкой критики военной цензуры в Думе и прессе, А.А. Поливанов направил министру внутренних дел письмо, где констатировал, что военная цензура «вышла из означенных пределов, требуя к своему рассмотрению и налагая запрещение на статьи, в коих обсуждались вопросы, относящиеся к внутренней политике государства и совершенно не затрагивающие его военных интересов». Поливанов

министров. Публ. Р.Ш. Ганелина, М.Ф. Флоринского // Русское прошлое. 1996. № 7. С. 309–310.

[1327] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 35. Л. 48.

[1328] Там же. Л. 119, 141.

[1329] *Бережной А.Ф.* Русская легальная печать в годы Первой мировой войны. С. 55.

предложил четко обозначить пределы ответственности военной цензуры и вывести из-под ее действия статьи по политическим вопросам[1330].

Ответ пришлось ждать долго, и таковым можно считать письмо от 20 августа. В нем Н.Б. Щербатов (ошибочно назвав Поливанова «Александром Алексеевичем») упомянул об идее И.Л. Горемыкина усилить взаимодействие между «органами военной цензуры и гражданскою властью», то есть более активно привлекать к цензуре МВД, а также МИД. «Всецело разделяя мнение Совета министров о необходимости принятия мер к прекращению дальнейшего агитационного влияния прессы на население и принимая во внимание, что учреждения военной цензуры находятся в ведении военного министерства», Щербатов предложил созвать межведомственное совещание с участием представителей Морского министерства, МИД и МВД для обсуждения более эффективного контроля над прессой [1331] . Поливанов отметил, что такое совещание должно быть собрано при МВД, так как, согласно телеграмме начальника № 2883, военная цензура «ограничивается исключительно вопросами, упомянутыми в перечне» [1332] . Щербатов согласился, чтобы совещание состояло при МВД, и представителем от Военного министерства был назначен А.И. Звонников[1333].

Не желая открыто выступать инициатором ужесточения цензуры, министр внутренних дел старался решать такие вопросы коллегиально, вместе с военной властью. Яркий пример – присланная А.И. Звонникову через А.А. Катенина просьба Щербатова принять меры против газеты «Утро России» за ряд «политических» материалов. В письме министру внутренних дел от 28 августа Звонников сообщил, что у военной цензуры нет конкретных поводов к наказанию и закрытию «Утра России». Признавая газету «безусловно вредной и даже нетерпимой по соображениям внутренней политики», председатель ГВЦК считал, что наказание на нее могут

[1330] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 35. Л. 100.
[1331] Там же. Л. 170.
[1332] Там же. Л. 193.
[1333] Там же. Д. 37. Л. 21.

накладывать только органы гражданского управления в установленном порядке [1334] . Вместе с черновиком этого письма Звонников направил Поливанову записку, в которой признавал, что «осторожнее было бы… этого письма не посылать. Мин[истр] вн[утренних] дел желает иметь это письмо как камень за пазухой против воен[ного] мин[истра] при суждениях в Сов[ете] министр[ов]. Следует принять во внимание, что кн. Щербатов из увертливости и чтобы не высказать твердо своего взгляда на задачи воен[ной] цензуры, уже в течение месяца не дает ответа на письмо[1335] по этому вопросу воен[ному] мин[истру] и, очевидно, совесть его не дает. Нужно к тому же иметь в виду, что и об “Утре России” кн. Щербатов предпочел не писать, а только поручил Катенину вмешать нас в это дело, считая, очевидно, и себя, и Катенина умными и тонкими дипломатами, а нас всех – простаками»[1336].

А.А. Поливанов вспоминал впоследствии, что по поводу военной цензуры в Совете министров летом-осенью 1915 г. шли «очень большие споры почти в каждом заседании»[1337]. И.В. Гессен оценивал настроения в правительстве иначе. Щербатов, по его словам, изначально выступал за ужесточение цензуры и в первое время только прикрывался «либеральной» риторикой. То же касалось и других министров, часто споривших друг с другом по иным вопросам: «Разноголосица… сменялась унисоном, в котором каждый старался взять более высокую ноту: Горемыкин делал вступление указанием, что “печать черт знает что себе позволяет”, джентльмен Щербатов предлагал “удар в морду”, но опасался “протестов, запросов и скандалов в Думе”, [П.А.] Харитонов уверял, что правые органы не лучше левых, что нужно закрыть те и другие, чтобы “дать почувствовать на собственном кармане”, [А.Н.] Хвостов рекомендовал воздействовать на банки, “от которых зависит большинство независимых газет”»[1338].

[1334] Там же. Д. 35. Л. 198.
[1335] Имеется в виду упомянутое выше письмо Поливанова Щербатову от 2 августа 1915 г.
[1336] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 35. Л. 197–197об.
[1337] Падение царского режима. Т. 7. М.; Л., 1927. С. 77.
[1338] *Гессен И.В.* В двух веках. Жизненный отчет. С. 336–337.

Записи А.Н. Яхонтова в целом подтверждают, что в правительстве по вопросу о печати царило практически полное единомыслие, и И.Л. Горемыкин был здесь лишь одним из инициаторов. А.А. Поливанов отмечал, что «более близкие отношения» у него были только с С.Д. Сазоновым[1339], однако и тот высказывался вполне однозначно. На заседании 26 августа министр иностранных дел привел в пример пропуск в печать сообщения о покушении на великого князя Николая Николаевича [1340] , назвав это «подлейшим подвохом». Он отметил, что в Германии «широко понимают» военную цензуру и в этом соглашался с Горемыкиным, который считал, что «политика от военного дела неотделима», а цензоры «не могут оставаться равнодушными к газетам, если они волнуют армию и создают смуту в стране»[1341].

Н.Б. Щербатов считал, что во избежание подобных «недосмотров» следовало объединить военную цензуру и подчинить единому центральному органу в Петрограде для рассылки указаний по всей империи. Гражданская цензура, по его словам, имеет право только карать, что лишь усиливает «популярность запретного». Горемыкин намекнул главному начальнику Петроградского военного округа генералу П.А. Фролову, что после пропуска таких новостей как покушение на великого князя, он наживет «неприятности» и рекомендовал «вычеркивать побольше». Фролов согласился оштрафовать «Вечернее время», напечатавшее эту заметку, но оставался непреклонен в том, что военная цензура создана для защиты именно военных интересов государства. Поливанов на том же заседании

[1339] Падение царского режима. Т. 7. М.; Л., 1927. С. 77.

[1340] Слух об этом императрица Александра Федоровна передавала мужу в письме от 25 августа 1915 г.: «В газетах была статья о том, что поймали около Варшавы двух мужчин и одну женщину, намеревавшихся сделать покушение на Николашу. Говорят, что Суворин выдумал это ради сенсации (цензор сказал А. [Вырубовой], что все это утки)» (Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3. М.; Пг., 1925. С. 263).

[1341] Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. СПб., 1999. С. 250.

заявил, что «политика» – не дело военного министра, и он должен строго следовать букве закона о военной цензуре[1342].

Другие члены правительства, считавшие важным тесное взаимодействие с Думой, склонялись к «расширительному» толкованию военной цензуры. На заседании 28 августа А.В. Кривошеин заявил, что в отличие от думских речей газеты «будоражат» общество каждый день. Он считал, что контроль над прессой, «роль блюстителя» должен был взять на себя начальник ГУДП. Очевидное для него решение – установление единой политической предварительной цензуры – наталкивалось на сопротивление генералов: «Мы говорим, желаем, а военные плюют»[1343].

Князь В.Н. Шаховской считал, что А.А. Поливанову, искавшему «популярности… в широких либеральных кругах и даже в самых левых слоях», представлялось более выгодным взаимодействовать с Думой, нежели искать союзников в правительстве. По его мнению, военный министр находился в «молчаливой оппозиции» Совету министров, считавшему необходимым «установление согласованной работы военной и общеполитической цензуры под военным флагом» [1344] . Фактически противопоставив себя правительству, Поливанов, тем не менее, в конфликты и пререкания не вступал, ограничиваясь замечаниями и короткими фразами. «Открыто в заседаниях Совета [министров] он не возражал, наоборот, как бы соглашался, но когда дело подходило к осуществлению, то им употреблялись все усилия, чтобы возможно затянуть дело», – вспоминал Шаховской[1345]. Сам Алексей Андреевич на допросе Чрезвычайной следственной комиссии в 1917 г. подчеркивал, что конфликт был более открытым: «…у меня лично была борьба с статс-секретарем Горемыкиным на почве военной цензуры. Эта

[1342] Там же. С. 251.
[1343] Там же. С. 257.
[1344] *Шаховской В.Н.* Указ. соч. С. 152.
[1345] Там же. С. 153.

борьба происходила и письменно, и словесно, причем вызывала с моей стороны в высокой степени резкую отповедь»[1346].

С начала сентября распространялись небезосновательные слухи о скором введении предварительной цензуры. 2 сентября Н.Б. Щербатов в письме С.Д. Сазонову просил командировать представителя МИД для работы в межведомственном совещании по вопросу об организации предварительного просмотра печати «не только военных цензоров... но также чинов ведомства внутренних дел, с привлечением к этому делу и представителей Министерства иностранных дел» [1347] . Правительство все больше консолидировалось в этом вопросе, несмотря на сопротивление военных и разногласия по другим вопросам внутренней политики.

Сведения о скором обсуждении и принятии правительством решений по поводу цензуры быстро появились в прессе и отразились в свидетельствах современников. З.Н. Гиппиус писала в дневнике 4 сентября: «У цензуры пока заметны признаки острого помешательства, но вскоре она просто все закроет, и когда на улицах будут расстрелы – газеты запишут усиленно о театре»[1348]. 12 сентября она упомянула об этих слухах с еще большей уверенностью: «Уж и [П.Н.] Дурново умер и, мертвый, торжествует больше, чем когда-либо. Вводится предварительная цензура»[1349]. Запись основана на опубликованных в этот день в газетах сведениях о предстоящем рассмотрении Советом министров вопроса о введении предварительной цензуры. «Вечернее время» сообщило, что соответствующий проект было поручено разработать С.Е. Виссарионову[1350]. Осведомленный о возможных шагах правительства, совет общества редакторов уже 11 сентября обратился к Н.Б. Щербатову с

[1346] Падение царского режима. Т. 7. М.; Л., 1927. С. 76.
[1347] АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 109. Л. 7, 7об.
[1348] *Гиппиус З.Н.* Указ. соч. С. 38.
[1349] Там же. С. 40.
[1350] Проект введения предварительной цензуры // Вечернее время. 1915. 12 сентября.

просьбой их принять по вопросу об «изменении к худшему положению печати», но ответа не получил, как и на следующий день[1351].

13 сентября об аудиенции Щербатова просили кадеты Ф.И. Родичев и А.И. Шингарев. В печати появилась информация, что они были приняты, но уже «непосредственно перед заседанием Совета министров»[1352]. Позже, на совещании в кадетском ЦК депутаты сообщили, что Щербатов «старался успокоить депутацию… в том смысле, что проект не будет осуществлен, указывая, что сам он не является его сторонником, но жалуясь при этом на излишества, допускаемые печатью». Наибольшее сопротивление проекту, по словам Родичева, оказывали А.А. Поливанов и С.Д. Сазонов, «защищали только [С.В.] Рухлов, [В.Н.] Шаховской и, с оговорками, [А.Д.] Самарин»[1353].

Записи А.Н. Яхонтова подтверждают, что у столичных газет были надежные источники. На заседании Совета министров 13 сентября Н.Б. Щербатов выступил за введение в Москве и провинции предварительной цензуры, отметив, что без нее не справиться: «Не могу получить гранки и не могу фактически ничему помешать». Он намекнул, что военную цензуру следовало «подкрепить гражданскими», с чем согласился и В.Н. Шаховской. А.В. Кривошеин считал, что усиления цензуры можно достичь «не законом, а политикой и лаской», то есть надавить на газеты через их хозяев. И.Л. Горемыкин отметил, что в этом случае не обойдется «без насилий», но Кривошеин настаивал на решительных действиях и предлагал закрыть «хотя бы» «Вечернее время»[1354].

Каких-либо дополнений о поднятом вопросе в записях Яхонтова не было, но газеты на следующий день в подробностях обсуждали правительственный проект. «К десятилетию отмены предварительной цензуры готовится ее восстановление. <…> Предварительная цензура – это

[1351] АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 109. Л. 11.
[1352] Там же.
[1353] Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 172.
[1354] Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. СПб., 1999. С. 272–273.

лучший венок реакции на могилу П.Н. Дурново», – иронизировал «День». Издание при этом было уверено, что печать не удастся «вновь загнать в тиски», а «венок скоро завянет и ветер унесет его стебли и цветы»[1355]. «Тяжелыми слухами» назвало проект «Новое время», считавшее, что «лишить русское общество свободного слова – значит… дать лишь новое оружие в руки врагов России»[1356]. В целом, подавляющее большинство газет выступили с осуждением планов правительства, за исключением «Земщины»[1357].

Эффект от этой новости был столь сильным, что ГУДП выступило 15 сентября с опровержением, заявив, что сведения о введении предварительной цензуры и обсуждении ее на заседании Совета министров не соответствуют действительности[1358]. Однако такие оправдания вызывали лишь открытые насмешки печати и усиливали раздражение в правых кругах. Н.А. Маклаков писал в связи с этим Н.Ф. Бурдукову 22 сентября: «Посмотрите, как власть презренно себя держит. Разрабатывают законопроект о предварительной политической цензуре и отрекаются, когда поднимается шум…»[1359].

14 сентября «Новое время» сообщило, что Совет министров отказался от проекта введения политической цензуры, отметив, что в его пользу не раздалось «ни одного сочувственного голоса»[1360]. Появились в прессе и подробные отчеты о прошедшем заседании. По сведениям «Петроградского листка», 11 сентября А.А. Катенин был с докладом у Н.Б. Щербатова. На следующий день министр поручил С.Е. Виссарионову составить, «не теряя ни минуты и во всяком случае не позже утра 13-го сентября», проект предварительной цензуры. В помощь ему были привлечены члены ПКДП А.М. Андрияшев, М.С. Вержбицкий, С.В. Недачин и (по версии «Биржевых ведомостей») Н.В. Лебедев, объяснительную записку составил К.Н.

[1355] Петроград, 13-го сентября // День. 1915. 13 сентября.
[1356] Тяжелые слухи // Новое время. 1915. 13 сентября.
[1357] Печать // День. 1915. 14 сентября.
[1358] От Главного управления по делам печати // Петроградский листок. 1915. 15 сентября.
[1359] ГАРФ. Ф. Р6887. Оп. 1. Д. 119. Л. 87.
[1360] Петроград, 13 сентября // Новое время. 1915. 14 сентября.

Богданович. Проект состоял из 32 статей. Согласно ему, на всей территории империи вводилась предварительная цензура изданий объемом более 5 печатных листов. Совет министров получал право запрещать обсуждение в печати любых вопросов. За публикацию материалов без предварительного просмотра цензурой предполагался штраф 3 тыс. руб. либо тюремное заключение редактора на 3 месяца.

По словам источников столичных газет, составители проекта исходили из того, что большинство правительства принципиально выступит за его принятие и проведение по 87 статье Основных законов. Но и они понимали, насколько сильным будет недовольство общества возвратом полной предварительной цензуры. А.А. Катенин, по сообщению «Петроградского листка», считал, что уже принятые за годы войны правительством решения по цензуре политических вопросов необходимо ввести в официальные рамки: «Хорош ли, или плох закон, но лучше какой-либо закон, чем чувствовать каждую минуту, что прибегаешь к произволу»[1361].

Однако ожидания составителей не оправдались. По информации «Дня», вопрос был поднят по окончании официальной части, «никакого проекта не рассматривалось, а происходил просто частный обмен мнений на основании тех заявлений, которые были сделаны… кн. Н.Б. Щербатовым и… А.А. Катениным» [1362] . «Биржевые ведомости» сообщали, что проект и пояснительная записка не только не обсуждались 13 сентября, но и не были даже оглашены, так как большинство министров, включая И.Л. Горемыкина, высказались против восстановления предварительной цензуры. Щербатов, по сведениям издания, «совершенно не отстаивал проект», а Катенин ожидал за дверью, но так и не был приглашен на заседание[1363].

[1361] Проект восстановления предварительной цензуры // Петроградский листок. 1915. 14 сентября.
[1362] Вопрос о предварительной цензуре в Совете министров // День. 1915. 14 сентября.
[1363] Как это было // Биржевые ведомости. 1915. 15 сентября. См. также: *Гессен И.В.* В двух веках. Жизненный отчет. С. 336.

Перипетии вокруг проекта предварительной цензуры отразились в письмах и дневниках современников. А.В. Орешников записал в дневнике 13 сентября: «Хотят опять ввести предварительную цензуру; с точки зрения полезности для войны, может быть, и хорошо, но боязно, что опять будут большие стеснения для литературы и науки»[1364]. Но уже на следующий день он узнал, что «проект предварительной цензуры не встретил одобрения в Комитете министров; судя по газетам, даже Горемыкин против (?)»[1365].

Хотя печать праздновала промежуточную победу[1366], распространенным было и понимание, что эта «атака» далеко не последняя. «Вопрос о печати остался висеть в воздухе, как и раньше. Что будет дальше? С уверенностью можно сказать, что новая попытка ввести предварительную цензуру не повторится. Но меры, направленные против печати, к глубокому прискорбию, встречают сочувствие», – констатировала «Речь». В той же статье газета выгораживала Н.Б. Щербатова, заявив, что данный проект – не более чем его уступка под давлением «ответственных и безответственных лиц», а сам министр якобы относился к введению предварительной цензуры «совершенно отрицательно»[1367]. Уже после отставки в беседах с другими чиновниками и журналистами он категорически отрицал свое участие в подготовке этого проекта[1368]. Материалы заседаний Совета министров показывают, что его позиция была совсем не так однозначна. Вплоть до своего увольнения 26 сентября он пытался лавировать между общественностью и правительством – не конфликтовать по цензурному вопросу с И.Л. Горемыкиным и правительственным большинством, но при этом сохранить реноме «умеренного» министра, не чуждого либеральным идеям.

[1364] *Орешников А.В.* Дневник. 1915–1933: в 2-х кн. Кн. 1. М., 2010. С. 44–45.
[1365] Там же. С. 45.
[1366] Итоги шквала // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. 15 сентября.
[1367] АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 109. Л. 13.
[1368] К уходу кн. Н.Б. Щербатова // Сибирская жизнь. 1915. 7 октября.

Обсуждение вопроса о цензуре продолжилось на заседании правительства 23 сентября. Газеты сообщили только об официальной части, посвященной ликвидации немецкого землевладения[1369]. Между тем, судя по записям А.Н. Яхонтова, дебаты и в этот день были весьма оживленными. А.А. Поливанов по-прежнему считал, что у военной цензуры есть пределы, и распространение ее на тыл будет означать необходимость нового закона, где само слово «военная» станет «равно фиговому листу», с чем согласился и И.Л. Горемыкин, не видевший, правда, в этом никакой проблемы.

А.А. Катенин на этот раз был приглашен на заседание. Он отметил бесполезность большинства карательных мер: не могли помочь ни репрессии против редакторов («при высылке появляются заместители»), ни запреты провоза печати из тыла на театр военных действий. Реально повлиять могло только предоставление Совету министров права вводить «полную» цензуру в любых местностях, а также «единообразное толкование» статьи 31 «Временного положения». А.В. Кривошеин предложил не доходить до принятия по 87-й статье в обход Думы «одиозного» закона и ограничиться введением «полной» цензуры в Москве через объявление там военного положения. А.А. Поливанов возразил, что такое распоряжение охватит весь Московский военный округ, то есть «глубокий тыл», но другие министры считали, что это в его власти как начальника снабжения тыла, решившего якобы усилить контроль над московскими оборонными заводами[1370]. В итоге 29 сентября Совет министров одобрил объявление Москвы на военном положении[1371]. Решение прошло в печати совершенно незамеченным на фоне неожиданного назначения А.Н. Хвостова министром внутренних дел.

Временное отступление от цензурного вопроса не означало, что правительство не рассматривало возможности «обуздать» прессу, тем более что поводов для этого становилось все больше. Недовольство в Совете

[1369] В Совете министров // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. 15 сентября.
[1370] Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. С. 275–277.
[1371] Там же. С. 282.

министров вызвала, например, заметка в «Новом времени» «Кто готовит нам кредитки?», автор которой намекал на подделки немцами кредитных билетов, особенно образца 1898 г. Министр финансов П.Л. Барк считал, что это угрожает стабильности всей финансовой системы: «У нас вся война идет на кредитки». А.Н. Хвостов предложил обратиться к начальнику Петроградского военного округа князю Н.Е. Туманову [1372] и пригрозить редакции закрытием газеты до конца войны. Туманов ответил, что военная цензура ему не подчинена, он мог только налагать взыскания[1373].

С оценкой положения печати выступил и МИД. В записке, поданной после заседания Совета министров 23 сентября, отмечалось, что «общая ориентировка» газет по вопросам внешней политики может быть признана правильной. Введение предварительной цензуры «оказало бы несомненно неблагоприятное влияние на отношение к нам общественного мнения как в союзных с нами, так и в нейтральных странах. Мера эта была бы понята на Западе как торжество реакции и доказательство ненормальности нашего внутреннего положения. Она облегчила бы работу наших противников, пользующихся всяким удобным случаем, чтобы вселить в либерально настроенное западное общественное мнение недоверие к нашему правительству и вызвать опасения за будущее мирное развитие России».

При этом отмечены и отрицательные моменты в деятельности газет. В пример приведены «крайне неуместные и бестактные нападки» на союзников в «Вечернем времени» и «Русском инвалиде» во время отступления русской армии летом 1915 г. Упомянута и «кампания» против МИД в «Новом времени». Тем не менее в большинстве подобных ситуаций ведомство предлагало ограничиться «известными мерами». Это предпочтительнее, тогда как усиление общей цензуры приведет к непосредственному участию в ее работе МИД. Если об этом станет известно за границей, то все публикации

[1372] Н.Е. Туманов был назначен главным начальником округа 14 сентября 1915 г. вместо генерала П.А. Фролова.

[1373] Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. С. 291, 293.

в печати по внешней политике будет сочтены официозными и получившими одобрение. МИД и зарубежные посольства уже не могли бы ссылаться на давление общественного мнения, что ранее «являлось сильным аргументом в руках нашей дипломатии»[1374].

Значимую роль играла позиция Николая II, также считавшего совершенно неприемлемой «разнузданность» газет. Еще в середине августа 1915 г. император сказал генералу П.А. Фролову: «Бог знает, что теперь пишут в газетах, надо их хорошенько образумить, нельзя спокойно драться на позициях, когда каждый день это спокойствие отравляется невероятными слухами о положении внутри»[1375]. 23 августа 1915 г. он принял на себя звание Верховного главнокомандующего, что в перспективе означало усиление давления на прессу уже со стороны военной власти. Подтверждения тому не заставили себя долго ждать. 25 августа император прочитал заметку в «Новом времени» о назначении начальником военно-походной канцелярии флигель-адьютанта Н.П. Саблина. Царь, по словам В.Б. Фредерикса, выразил «крайнее неудовольствие» и повелел принять «самые серьезные меры к недопущению в печати на основании слухов известий о произведенных им назначениях»[1376]. Министр внутренних дел сообщил Фредериксу, что высочайшее повеление было передано к исполнению генералу П.А. Фролову[1377]. Газета была оштрафована на 3 тыс. руб.[1378]

17 сентября, вскоре после того, как замялся скандал с проектом введения предварительной цензуры, Николай II отменил действие телеграммы № 2883[1379], поддержав таким образом позицию И.Л. Горемыкина о необходимости участия в военной цензуре МВД. Для усиления контроля над военными новостями в печати в то время были основания: газеты часто публиковали сведения, запрещенные «Перечнем». 22 октября царь

[1374] АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 109. Л. 42–46.
[1375] Цит. по: *Куликов С.В.* Указ. соч. С. 384.
[1376] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 37. Л. 210.
[1377] Там же. Л. 209.
[1378] Оштрафование «Нового времени» // Сибирская жизнь. 1915. 17 сентября.
[1379] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 37. Л. 136.

телеграфировал А.А. Поливанову: «Приписываю вам произвести расследование, каким образом в “Новом времени” могло появиться сообщение о мнимой высадке наших войск у Варны и строжайше наказать виновных»[1380]. В итоге одного из цензоров уволили, а на другого наложили взыскание[1381].

Недовольство императора военной цензурой слухи также связывали с тем, что в печати вновь началось обсуждение личности и действий Г. Распутина. На это 29 августа обратил внимание в дневнике французский посол М. Палеолог: «В первый раз Распутин стал предметом обсуждения в печати. До нынешнего дня цензура и полиция предохраняли его от всякой критики в газетах. Поход ведут “Биржевые ведомости”. Все прошлое этого лица, его низкое происхождение, его кражи, его развращенность, его кутежи, интриги, весь скандал его сношений с высшим обществом, высшей администрацией и высшим духовенством – все выставлено на свет. Но очень искусно, не сделано ни малейшего намека на его близость к государю и к государыне»[1382]. Последней, однако, не нравилось то, что позволяла себе пресса, до нее доходили сведения о готовящемся запросе депутатов по поводу деятельности Распутина[1383]. 28 августа императрица писала Николаю II: «Проклятая цензура – позволяет печатать всякую мерзость»[1384]. Через печать слухи о Распутине быстро расходились в обществе. «Всевозможные варианты по поводу распутинского влияния проникали на фронт, и цензура собирала на эту тему громадный материал даже в солдатских письмах из действующей армии», – вспоминал А.И. Деникин[1385].

А.А. Поливанов на допросе Чрезвычайной следственной комиссии в 1917 г. также упоминал о публикации в «Биржевых ведомостях», характеризующей деятельность «старца». После этого, «не называя повода,

---

[1380] Там же. Л. 216.
[1381] Там же. Л. 228.
[1382] *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 204.
[1383] *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. С. 173.
[1384] Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3. М.; Пг., 1925. С. 279.
[1385] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1. С. 17.

тщательно избегая произнести слово Распутин, председатель Совета министров разными способами пытался даже и помимо меня, как будто через Министерство внутренних дел, воздействовать на цензуру»[1386]. 14 августа во время личной аудиенции Горемыкин потребовал от Поливанова усилить военную цензуру[1387]. Вероятно, отголоском публикаций о Распутине стало письмо А.А. Катенина Д.П. Струкову по поводу растущей оппозиционности «Биржевых ведомостей». Начальник ГУДП предлагал лишить газету «льготы» предоставлять в цензуру только избранные редакцией военные материалы. Струков ответил, что командующий 6 армией генерал Н.В. Рузский приказал «повременить» с этой мерой. Катенин после беседы с главным редактором М. Гаккебушем тоже склонился к этому решению[1388].

Слухи о попытках запрета упоминания Распутина выходили за пределы властных «верхов». В.А. Теляковский 22 августа записал в своем дневнике ходившее по гостиным мнение, что пропуск в печать этих материалов – инициатива командующего Отдельным корпусом жандармов В.Ф. Джунковского, и не только его: «Говорят, что будто [В.Н.] Воейкову после появления первой статьи было приказано передать Джунковскому, чтобы он запретил печатать, но Воейков, умышленно или нет, не сказал этого. Но все это догадки»[1389]. В сентябре-октябре подобные разговоры лишь усилились на фоне ужесточения цензурной политики правительства. С.П. Мельгунов, например, был уверен, что Николай II соглашался и на введение предварительной цензуры в сентябре, лишь бы газеты перестали писать о Распутине[1390].

Политизация военной цензуры проявлялась осенью 1915 г. во многих сюжетах. 9 сентября А.А. Поливанов в письме Н.Б. Щербатову упомянул о просьбе начальника ГУДП А.И. Звонникову не допускать публикации

[1386] Падение царского режима. Т. 7. М.; Л., 1927. С. 76.
[1387] *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. С. 158.
[1388] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 126. Л. 205–206, 208, 209.
[1389] *Теляковский В.А.* Указ соч. С. 375.
[1390] *Мельгунов С.П.* Воспоминания и дневники. М., 2003. С. 264.

резолюций и речей московских съездов Земского и Городского союзов, «если они будут радикальнее постановлений московской думы»[1391]. 21 сентября ГВЦК разослала цензорам указание не пропускать «всякие сведения (информации, статьи, перепечатки и пр.) как о фактах приема 19 сего сентября г. министром внутренних дел депутаций Всероссийского земского и городского Союзов в Москве, так и по существу данных депутациям разъяснений»[1392]. На вопрос Поливанова, как это соотносится с «Временным положением о военной цензуре», Щербатов ответил, что ст. 2 и 31 дают широкий простор для действия, а речи на московских съездах «должны быть признаны в высшей степени вредными именно для военных интересов государства», они «затрудняют деятельность в тылу и часто вовсе дезорганизуют ее», поселяют тревогу в армии, «отнимая у нее доверие к работе тыла». Цензоры, по его мнению, за год накопили достаточно опыта и смогут разобраться в ситуации[1393].

Среди причин запретов указывались и внешнеполитические соображения. Так, И.Л. Горемыкин на одном из заседаний правительства обратил внимание на заметку «В Совете министров», опубликованную в «Речи» 17 октября 1915 г. В ней упоминалось «не соответствующее действительности» решение по делу общества Винтервикенс, что могло вызвать «нежелательные толки в Швеции, поддержание добрососедских отношений с которой представляется вопросом существенной государственной важности»[1394].

Хотя попытка ввести предварительную политическую цензуру в сентябре не удалась, последовавшие вскоре перестановки в правительстве не сулили улучшений в положении печати. Комментируя недавний скандал и предчувствуя перемены к худшему, годичное собрание Всероссийского общества редакторов ежедневных газет единогласно приняло 16 сентября

[1391] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 37. Л. 44.
[1392] РО ИРЛИ. Ф. 266. Оп. 1. Д. 15. Л. 1
[1393] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 37. Л. 152–153, 201–201об.
[1394] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 219. Л. 110.

резолюцию, в которой заявляло, что «введение предварительной цензуры угрожает самому существованию печати и является мерой противогосударственной»[1395].

Публично за ужесточение цензуры вновь назначенные представители власти не высказывались. Назначенный товарищем А.Н. Хвостова С.П. Белецкий вспоминал впоследствии, что благодаря своим связям ему удалось, «путем просьбы, ослабить тон статей» по поводу назначения нового министра и «посоветовать ему лично поговорить с советом редакторов, заранее обдумав и взвесив все, на чем он желает остановить внимание прессы, и заняться урегулированием отношений общей и военной цензуры, которая не была спаяна единством преследуемых задач»[1396].

В результате интервью Хвостова петроградским и московским газетам 27 сентября получилось вполне конструктивным. Он, в частности, назвал предварительную цензуру «абсурдом», сравнив ее введение с возвращением к крепостному праву[1397]. М.К. Лемке утверждал, что в начале октября министр нанес визиты редакторам «Биржевых ведомостей» и «Вечернего времени», пообещав, помимо прочего, «убрать Катенина (что и сделал[1398]) и назначить на его место… того, кого ему укажут газеты. Вообще, Хвостов заигрывает с печатью»[1399]. В итоге отзывы газет об интервью и о самом Хвостове были вполне благожелательные, некоторым казалось, что даже слишком. С.П. Мельгунов в связи с этим писал в дневнике 11 октября 1915 г.:

[1395] Всероссийское общество редакторов ежедневных газет // Новое время. 1915. 16 сентября.
[1396] Падение царского режима. Т. 4. Л., 1925. С. 125.
[1397] У нового министра // Биржевые ведомости. 1915. 27 сентября.
[1398] Хвостов действительно сдержал обещание уволить Катенина, чему в немалой степени способствовала неудача с проведением проекта о предварительной цензуре. Вскоре после назначения Хвостова министром внутренних дел бывший начальник ГУДП на полтора месяца был выслан из Петрограда. Из опалы Катенин возвратился уже при Б.В. Штюрмере, а в январе 1917 г. решением А.Д. Протопопова вновь возглавил ГУДП. См.: А.А. Катенин // Русское слово. 1917. 29 января.
[1399] *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 85.

«“Биржевые ведомости”… поют дифирамбы… Хвостову. Ведь это тоже разложение»[1400].

А.А. Поливанов считал, что назначение А.Н. Хвостова «не усилило реакционного направления Горемыкина. Напротив, очень замкнутый Алексей Хвостов как будто иногда даже был способен противоречить Горемыкину»[1401]. Однако он не отрицал реальную роль нового министра внутренних дел в проектах ужесточения цензуры, что было вполне справедливо. Хвостов горячо поддержал идею ввести в Москве военное положение «не ради политических соображений», а якобы для «обеспечения работы заводов», что было в итоге поддержано Советом министров[1402]. «Все говорило о том, что Горемыкин, Хвостов и Белецкий хотят сильно сжать печать, и что они считают деятельность военной цензуры недостаточно ограждающей интересы политики. Смягченный при кн. Щербатове нажим на военную цензуру со стороны Министерства внутренних дел при Хвостове усилился в пределах, превосходивших эти пределы при Маклакове», – вспоминал впоследствии А.А. Сидоров[1403].

Последние месяцы 1915 г. петроградская и московская пресса провела в ожидании новых ограничительных инициатив правительства. С.П. Мельгунов упомянул о прошедшем в октябре собрании Общества деятелей периодической печати, главной темой которого стала возможность скорого введения предварительной цензуры: «Выступил и я, указав, что сама печать виновата, сама стала посылать в цензуру, чтобы обезопасить себя. Указывал на общее понижение морального уровня печати. Совершенно неожиданно литературная шпана яростно мне аплодировала»[1404]. Среди редакторов газет росло недовольство тем, что недостатки военной цензуры, якобы осужденные представителями военной и гражданской власти, продолжали

[1400] *Мельгунов С.П.* Указ. соч. С. 262.
[1401] Падение царского режима. Т. 7. М.; Л., 1927. С. 77.
[1402] Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. С. 282.
[1403] *Сидоров А.А.* Из записок московского цензора. С. 107.
[1404] *Мельгунов С.П.* Указ. соч. С. 262.

проявляться в повседневной работе. Б.А. Суворин в письме Д.П. Струкову сетовал на повторение случаев телефонных звонков от цензоров и требовал присылки в редакцию только письменных распоряжений[1405].

В отсутствие официальной информации газеты активно собирали всевозможные слухи. В частности, выражалась уверенность, что думский законопроект о печати будет в итоге значительно ужесточен. Разговоры об этом участились после заседания Совета министров 23 октября, на котором А.Н. Хвостов просил взять законопроект из Думы [1406], вероятно – для дальнейшего рассмотрения уже в МВД. 14 ноября «Русские ведомости» сообщали, что «на днях должно последовать окончательное заключение – нуждается ли законопроект в переработке или он удовлетворяет требованиям настоящего курса внутренней политики» [1407]. Эти ожидания разделяло и осведомленное «Новое время»: в номере от 5 декабря утверждалось, что «в ближайшем времени по инициативе Министерства внутренних дел будет введена предварительная цензура для всей периодической печати империи»[1408].

Заручившись поддержкой императора, И.Л. Горемыкин усилил давление на А.А. Поливанова. Еще 9 сентября председатель Совета министров напомнил ему в письме о повелении царя не допускать в печати слухи о предлагаемых им назначениях[1409]. 7 декабря Горемыкин направил Николаю II всеподданнейший доклад, где отстаивал необходимость политизации цензуры. Согласно его предложениям, министр внутренних дел получал право сообщать начальнику штаба Верховного главнокомандующего: «а) вопросы и сведения, не подлежащие, по общеполитическим соображениям, допущению военною цензурою к оглашению в печати, и б) пожелания о

[1405] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 126. Л. 270.
[1406] Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. С. 293.
[1407] Цит. по: *Бережной А.Ф.* Русская легальная печать в годы Первой мировой войны. С. 54.
[1408] Предварительная цензура // Новое время. 1915. 5 декабря.
[1409] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 35. Л. 202.

применении к тому или иному, проявляющему несовместимое с особыми условиями переживаемого времени направление, изданию репрессивных мер в виде приостановления этого издания, закрытия типографии или высылки издателя, редактора либо сотрудника из района театра военных действий». Это относилось и к территории «частичной» военной цензуры. Важным новшеством стало наделение министра внутренних дел правом вносить изменения в «Перечень» запрещенных сведений «в целях согласования его с изменившимися условиями в связи с нарождением отражающихся и на военных интересах затруднений в продовольствии, топливе, снабжении заводов сырьем и т.п.». К цензуре, согласно предложениям Горемыкина, следовало активнее привлекать чинов не только МВД, но и других заинтересованных ведомств[1410].

8 декабря Николай II оставил резолюцию на докладе: «Поручаю председателю Совета министров условиться о нужных мерах с начальником моего штаба и доложить мне о последовавших по подлежащим ведомствам распоряжениях. Придаю значение также и более близкому участию Мин[истерст]ва внутренних дел в работе военной цензуры»[1411]. В этом деле А.Н. Хвостов выступал последовательным союзником премьер-министра. 11 декабря он сообщил Горемыкину, что его доклад по цензурному вопросу «не приведен в исполнение военным ведомством»[1412], после чего председатель Совета министров начал давление с другого фланга и попытался заручиться поддержкой Ставки. 14 декабря он направил генералу М.В. Алексееву письмо, в котором «во исполнение таковой монаршей воли» предложил ему более тесно взаимодействовать с МВД в вопросах военной цензуры[1413].

Алексеев скептически воспринял письмо Горемыкина. На его полях он 16 декабря отмечал: «Ни слова нет о нравственном взаимодействии на печать,

---

[1410] Там же. Д. 53. Л. 3–8об.
[1411] Там же. Л. 12.
[1412] Там же. Д. 35. Л. 203. Поливанов написал на полях: «Что значит – не приведен в исполнение?».
[1413] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 35. Л. 12–15.

об обращении большей ее части в мощную союзницу. Средства для этого имеются большие»[1414]. Иными словами, генерал не считал усиление цензуры выходом из сложившейся ситуации и выступал за другие варианты. Однако Горемыкин, действовавший в тесной связке с МВД, уже не оставил начальнику штаба Верховного главнокомандующего пространства для маневра и времени для дискуссий.

18 декабря в Ставку пришла подготовленная С.П. Белецким записка, повествующая о несовершенствах «Временного положения о военной цензуре» и путях улучшения контроля над печатью. Среди основных проблем товарищ министра внутренних дел назвал «белые пятна» на газетных полосах, двойное подчинение петроградской цензуры и, главное, ограничение полномочий военных цензоров исключительно пунктами «Перечня». Белецкий сообщал М.В. Алексееву, что 23 сентября Совет министров постановил собрать особое совещание при ГУДП. Он писал об этом совещании именно как о «частном», состоявшем фактически только из чинов МВД: представителей Петроградского, Московского и Варшавского комитетов по делам печати, а также помощника управляющего делами Совета министров. Совещание, по словам Белецкого, было призвано выработать меры к «прекращению дальнейшей агитационной деятельности в повременной печати». Автор записки не скрывал и даже подчеркивал, что в совещании не участвовали чины военного ведомства ввиду «ярко определившегося отрицательного отношения военной власти» к политизации цензуры [1415]. Критике подверглись действия бывшего начальника штаба Верховного главнокомандующего Н.Н. Янушкевича, отношение которого к политическим вопросам «ставило правительство в тяжелое положение и еще более усиливало начавшуюся распущенность в некоторой части периодической прессы». Особую роль, по словам Белецкого, сыграла

[1414] Цит. по: *Куликов С.В.* Указ. соч. С. 384.
[1415] Цит. по: *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 428.

телеграмма № 2883, которую он расценивал как личную инициативу Янушкевича[1416].

По результатам совещания МВД ожидаемо было признано «наиболее компетентным ведомством в деле признания какого-либо политического вопроса вредным к опубликованию». Министр внутренних дел, согласно проекту, получал право сообщать командующему военным округом, армией или фронтом о недопустимости опубликования в печати сведений того или иного характера. Из текста записки Белецкого следовало, что военные власти должны были «тотчас же» передать рекомендации министра внутренних дел военным цензорам. В местностях, не входивших в зону «полной» цензуры, но объявленных на военном положении и на положении чрезвычайной охраны (прежде всего имелись в виду Москва и Московская губерния), предлагалось изъять из общей подсудности дела о нарушении «Перечня» и передать их на рассмотрение военного суда. Упомянутые ранее объяснения князя Н.Е. Туманова об отсутствии у него полномочий закрывать столичные газеты также нашли отражение в записке. Согласно ей, командующие военными округами должны были иметь возможность налагать на редакции административные взыскания, приостанавливать выпуск газет и работу типографий, высылать виновных из пределов губерний на время действия военного положения. Предложено было также полностью подчинить ПВЦК главному начальнику Петроградского военного округа. По замыслу Белецкого, именно через начальников округов МВД могло влиять на цензуру, не советуясь с Военным министерством и командующими фронтами[1417]. Однако это было трудновыполнимо в силу того, что в петроградской военной цензуре участвовали также чины МВД, и требовалось подчинение военной власти также столичного комитета по делам печати.

На письмо от 11 декабря М.В. Алексеев ответил И.Л. Горемыкину лишь через неделю, но согласился с доводами премьер-министра, в частности

[1416] Там же. С. 426, 429.
[1417] Там же. С. 429–432, 438–439.

признавая «желательным» увеличение числа цензоров за счет гражданских чинов [1418] . Генерал-квартирмейстеру Ставки М.С. Пустовойтенко он откровенно признавался, что затягивал исполнение повеления царя, хотя открыто политизации цензуры не противился[1419]. 31 декабря 1915 г. И.Л. Горемыкин сообщил А.А. Поливанову, что расширение полномочий военной цензуры неизбежно и ему придется выполнить повеление[1420].

7 января 1916 г. Алексеев передал военному министру составленный МВД список мер по повышению эффективности цензуры[1421]. В тот же день в приказе главнокомандующим фронтами и Кавказской армией он дал рекомендации по усилению взаимодействия военных властей с МВД. Констатировалось, что военная цензура, руководствуясь телеграммой № 2883, «узко поняла свои задачи и совершенно отстранилась от наблюдения за вопросами, которые, хотя и имели, казалось бы, прямое отношение к внутренней политике, но, в сущности, очень живо касались военных интересов государства. Создавшимся положением воспользовались многие повременные издания в противоправительственных целях, внося опасную тревогу в общественное сознание и разжигая политические страсти». Вследствие этого военные цензоры «не только могут, но и обязаны входить в рассмотрение представляемых им статей политического характера» [1422] . Распоряжение рассылалось цензорам всех военных округов, фронтов и армий[1423]. М.К. Лемке писал впоследствии: «романтик Алексеев скрепил все то, что ему подсунули реальные политики Горемыкин и Белецкий, опиравшиеся на высочайшее повеление, ими же и продиктованное» [1424] . Впрочем, как верно отмечает исследователь С.В. Куликов, Алексеев в письме от 7 января сознательно ограничил новые прерогативы министра внутренних

[1418] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 53. Л. 16, 16 об.
[1419] *Куликов С.В.* Указ. соч. С. 384.
[1420] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 53. Л. 3–7.
[1421] Там же. Л. 19, 19об.
[1422] Там же. Л. 20–22.
[1423] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 218. Л. 15.
[1424] *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 438.

дел. Последний мог давать рекомендации военно-цензурным органам «не непосредственно, а только через начальника штаба Верховного главнокомандующего», который таким образом оставлял за собой последнее слово в цензурных вопросах[1425].

Об отношении А.А. Поливанова к этим распоряжениям Ставки и Совета министров можно судить лишь по коротким комментариям и надписям. На полях доклада И.Л. Горемыкина он написал: «Я не понимаю, на чем будут основываться действия военной власти?»[1426]. На письме М.В. Алексеева он оставил пометку карандашом: «упущено из виду, что не все округа находятся на военном положении»[1427]. Тем не менее отправку официального письма Горемыкину военный министр всячески оттягивал. На допросе Чрезвычайной следственной комиссии в 1917 г. он признавал, что «тщательно уклонялся» от возложения на него ответственности за расширение полномочий цензуры[1428].

В архивах ГВЦК сохранился черновик ответа Поливанова Горемыкину, составленный не позднее 20 января 1916 г. В нем министр отказывался давать распоряжения печати и напоминал, что на зону «полной» военной цензуры его полномочия не распространялись, а в зоне «частичной» формально не было предварительной цензуры печати. Он прямо указывал, что военному министру не предоставлено «никаких полномочий по охранению государственного порядка», а потому он не пользуется и правом делать распоряжения или давать указания главным начальникам таких местностей, «хотя бы эти начальники и принадлежали к числу лиц, состоящих на службе в военном ведомстве»[1429]. Черновик был направлен на согласование начальнику Генерального штаба М.А. Беляеву, в целом

[1425] *Куликов С.В.* Указ. соч. С. 384.
[1426] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 53. Л. 5об.
[1427] Там же. Л. 19.
[1428] Падение царского режима. Т. 7. М.; Л., 1927. С. 76.
[1429] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 53. Л. 27–29.

разделявшему точку зрения Поливанова по вопросам организации военной цензуры.

Во время этой переписки, 20 января 1916 г., И.Л. Горемыкин был отправлен в отставку. Понимая, что это могло повлиять на правительственный курс в отношении печати, М.А. Беляев 24 января вернул черновик А.А. Поливанову с припиской от руки на полях: «Ввиду состоявшейся перемены председателя Сов[ета] мин[истров] может быть следует пока обождать с этим письмом»[1430]. А.И. Звонников в тот же день ответил начальнику Генерального штаба, что произошедшая перестановка «не устраняет обязанности военного министра дать заключение по сообщенному плану действий по надзору за печатью, тем более что план этот удостоился уже в общих чертах высочайшего одобрения и частью приводится уже в исполнение на театре войны». На вопрос императора, что сделано по проекту, «может последовать ответ, что движение дела задерживается неполучением отзыва воен[ного] м[инист]ра»[1431]. Поэтому 26 января ответ все же был послан (с минимальными изменениями) новому премьер-министру Б.В. Штюрмеру[1432].

3.5. Цензура печати накануне революции (январь 1916 – февраль 1917 гг.)

Январь и февраль 1916 г. прошли под знаком подготовки к новой сессии Думы, и цензурный вопрос имел в данном контексте большое значение. Военные цензоры Юго-западного фронта, Киевского и Одесского военных округов в отчетах единодушно отмечали «громадный интерес, с которым армия следит за внутренними событиями. На Государственную думу

[1430] Там же. Л. 27.
[1431] Там же. Л. 30.
[1432] Там же. Л. 31–36.

возлагают много надежд»[1433]. Наводить порядок предстояло и во вполне «подцензурной» печати. В начале февраля 1916 г. МВД провело съезд представителей областных и губернских официальных изданий. Согласно отчету «Русского слова», начальник ГУДП В.Т. Судейкин выразил недовольство тем, что «казенная пресса пользуется слишком большой самостоятельностью». Необходимо, по его мнению, выработать «общее направление» для всех органов официальной печати в империи. «Русское слово» в связи с этим подчеркнуло, что МВД хочет превращения провинциальных «ведомостей» и «листков» в проводника правительственной политики, однако правительству «создать “руководящую” прессу на местах все равно не удастся»[1434].

Активная борьба шла со слухами о предполагаемой дате начала работы Думы[1435], оценивались возможности полностью контролировать публикацию стенограмм в прессе. Общий настрой власти в этот момент хорошо выразил анонимный автор отложившейся в фондах Департамента полиции записки с заглавием «Что делать?» от 20 декабря 1915 г. Помимо прочего в ней отмечалось: «Сама по себе Дума не опасна, весь вопрос лишь в том, чтобы те агитационные речи, которые могут в ней раздаваться, не стали достоянием улицы, не увеличивали бы смуты в умах. Введение цензуры думских речей президиумом, строгое наблюдение за газетами, дающими отчет о думских заседаниях, вполне надежно решают эту задачу»[1436].

27 января 1916 г. генерал П.А. Фролов приказал проводить цензуру думских речей только в кабинете М.В. Родзянко в присутствии А.И. Звонникова, итоговый вариант следовало печатать без изменений[1437]. С 11 февраля петроградские газеты должны были публиковать отчеты о

[1433] Цит. по: *Черменский Е.Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 151.
[1434] Русское слово 1916. 5 февраля.
[1435] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 777. Л. 26.
[1436] Цит. по: *Черменский Е.Д.* Указ. соч. С. 141.
[1437] *Кострикова Е.Г.* Указ. соч. С. 59.

заседаниях Думы лишь на основании стенограмм, прошедших цензуру[1438]. Фролов потребовал, чтобы речи депутатов печатались одним шрифтом и без выделений отдельных слов и фраз, «по тем или другим причинам нравящихся редакции»[1439]. 13 февраля Ставка предписала удалять даже упоминания о вычеркнутых речах думцев[1440]. Предпринимались попытки поставить под больший контроль и московскую печать, однако ни указания, ни предупреждения, ни новые назначения не давали результата. А.А. Сидоров в своих воспоминаниях прямо говорил, что связано это было не только с нахождением Москвы вне зоны «полной» цензуры, но и с нежеланием местных военных властей давать чиновникам из Петрограда вмешиваться в сложившиеся отношения с местной прессой. По словам Сидорова, назначенный в феврале 1916 г. градоначальником генерал-майор В.Н. Шебеко «приехал в Москву в очень воинственном настроении. <…> По-видимому, он считал власть градоначальника беспредельною и был готов стремительно сокрушить и московскую печать, и комитет по делам печати, но его пыл и задор встретили противодействие со стороны ген[ерала] Мрозовского. Последний считал себя полновластным хозяином Москвы и видел в рвении Шебеко посягательство на свою власть и прерогативы»[1441].

Б.В. Штюрмер не был сторонником ослабления давления на печать и в целом разделял взгляды И.Л. Горемыкина по этому вопросу. 6 марта 1916 г. он писал М.В. Алексееву, что вполне согласен с тем, что министр внутренних дел должен участвовать в цензуре и предложил наделить полномочиями закрывать газеты главного начальника Петроградского военного округа[1442]. Перед этим, в письме от 8 февраля, А.А. Поливанов напомнил Штюрмеру о проекте нового положения о военной цензуре, одобренного Думой. Принятие его, по словам военного министра, поставит деятельность военной цензуры в

[1438] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 774. Л. 132.
[1439] Там же. Л. 146.
[1440] Там же. Л. 142.
[1441] *Сидоров А.А.* Указ. соч. С. 108.
[1442] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 776. Л. 359об.

«строго ограниченные» рамки. Поливанов просил премьер-министра вернуться к обсуждению этого проекта в правительстве[1443].

В записях А.Н. Яхонтова отсутствуют упоминания о заседании Совета министров 18 марта, однако именно на нем обсуждалось предложение Поливанова, за три дня до того отправленного в отставку. 21 марта Б.В. Штюрмер в письме новому военному министру Д.С. Шуваеву сообщил, что некоторые пункты думского проекта сочтены правительством «неприемлемыми», в первую очередь – ограничение действия военной цензуры рамками «Перечня», который, к тому же, предполагалось изменять лишь в законодательном порядке. Недопустимым признано и исключение ст. 11 и 31 «Временного положения». В связи с этим Штюрмер просил Шуваева, чтобы представитель Военного министерства в Думе и Государственном совета «настаивал… на сохранении в силе… действующего Положения о военной цензуре». Вместе с тем Совет министров рекомендовал увеличить жалование военных цензоров, особенно тех, кто просматривал периодическую печать[1444].

На этом фоне судьба законопроекта о военной цензуре приобрела особое значение. Неудивительно, что в феврале 1916 г., с возвращением Думы к работе, ведущие газеты обратили на него внимание. «Новое время» по обыкновению весьма осторожно критиковало правительство, основную вину и ответственность возлагая на законодательные учреждения. В редакционной статье за 11 февраля отмечалось: «Вот уже десять лет, как в России существует институт народного представительства. <…> За все это время Гос[ударственная] дума решительно ничего не сделала для общего положения прессы. <…> Законопроект о положении прессы валялся и валяется в думских комиссиях совершенно так же, как и всякий другой, не

[1443] РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 1089. Л. 72–73.
[1444] Там же. Л. 76–77.

интересующий депутатов, непонятный для них закон»[1445]. В размещенной рядом статье М.О. Меньшиков напомнил «либеральным партиям» их одобрение в 1912 г. упомянутого выше закона о «шпионстве». «В числе многих ошибок это была одна из наиболее роковых, и народному представительству нужно подумать, как исправить ее», – заключил публицист[1446].

«Русские ведомости» остались недовольны подготовленным думской комиссией законопроектом. Время предоставления гранок в цензуру – два часа до выхода номера – ударяло по утренним газетам, которые, выполняя все предписания военной цензуры, не могли публиковать ночные новости и рисковали «потерять интерес новизны». С точки зрения «Русских ведомостей», эта норма не соблюдалась в 1914–1915 гг., положение не изменилось бы и в случае одобрения думского варианта законопроекта[1447]. Примечательно, что копии этой критической статьи были розданы депутатам накануне заседания 25 февраля, на нее ссылались в своих выступлениях Д.П. Капнист и М.И. Гродзицкий[1448].

Постатейное рассмотрение законопроекта, запланированное еще на первый день работы, неоднократно откладывалось, хотя осуждения «произвола» военной цензуры постоянно раздавались с думской трибуны. А.А. Поливанов вспоминал, что «оживление и смех возбуждало сообщение депутатами разных секретных циркуляров, ограничительных по отношению к печати»[1449]. Так, А.И. Савенко рассказал о запрете пропускать сведения о «разномыслиях» в Совете министров, о расходах военного времени, о вероятных кандидатах на министерские посты, о взаимоотношениях правительства с Думой и его предположениях «в области окраинного,

---

[1445] Государственная дума и свобода печати // Новое время. 1916. 11 февраля. Эту статью Скобелев процитировал на заседании Думы (Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия IV. Пг., 1916. Стб. 2122).
[1446] Печать и парламент // Новое время. 1916. 11 февраля.
[1447] Законопроект о военной цензуре // Русские ведомости. 1916. 13 февраля.
[1448] Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 2070–2072.
[1449] *Бей Е.В.* Военный министр А.А. Поливанов… С. 505.

инородческого, вероисповедного и иных однородных вопросов»[1450]. Большое внимание привлек спешный запрос военному министру по поводу «неправомерности военной цензуры», не допустившей к публикации речь Н.С. Чхеидзе на заседании 10 февраля[1451].

Обсуждение проекта продолжилось на заседаниях 15 и 22 февраля 1916 г., последнее было полностью посвящено вопросу о военной цензуре. В.А. Маклаков предложил подчеркнуть фразу в ст. 2, что военная цензура заключается в запрещении к публикации сведений, которые «могут быть вредны для военных интересов государства». Он признал, что, по сути, это означало новую редакцию изъятой ст. 31, но без нее «по тексту нашего закона выйдет, что единственное право цензора – просматривать печатные произведения, и больше ничего»[1452]. Одновременно депутат предложил отменить ст. 113 Устава о цензуре и печати, позволявшую министру внутренних дел воспрещать к опубликованию фактически любые сведения. Иными словами, право на цензурное «усмотрение» оставалось у военных и отбиралось у МВД. Обе поправки были приняты, несмотря на возражения правых против изъятия ст. 113[1453].

М.И. Гродзицкому и В.А. Маклакову удалось добиться смягчения некоторых наказаний. Так, предельный срок за публикацию сведений «вопреки воспрещению военной цензуры» сократился до одного года и четырех месяцев, за распространение сведений «по неосмотрительности, небрежности, оплошности, ошибке» – до восьми месяцев. Данная поправка имела большое значение, так как лишение свободы на два года означало поражение в избирательных правах[1454]. Стоит отметить также одобрение поправки М.Х. Бомаша, который, упомянув о репрессиях против еврейской печати в 1914–1915 гг., предложил прописать, что язык не может являться

[1450] Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 1676–1677.
[1451] Там же. Стб. 1568.
[1452] Там же. Стб. 1674.
[1453] Там же. Стб. 1677.
[1454] Там же. Стб. 2098, 2102.

основанием для закрытия издания[1455]. Приняли и поправку И.В. Годнева, предложившего уточнить в ст. 3, что военной цензуре не подлежат издания законодательных учреждений, т.е. Думы и Государственного совета[1456].

Значительную часть поправок отклонили. Не удалась попытка Годнева исключить из ст. 2 право Совета министров вносить изменения в «Перечень» даже в период работы законодательных учреждений[1457]. Д.П. Капнист пояснил, что добавления все равно должны были вноситься на рассмотрение Думы и могли быть «немедленно отвергнуты» депутатами[1458]. Отклонены поправки М.А. Караулова, предлагавшего отменить запрет сообщать о расположении санитарных частей и разрешить становиться цензорами только людям с высшим образованием[1459]. А.С. Суханов предложил разрешить сообщать о «злоупотреблениях» в снабжении армии и работе оборонной промышленности, а также исключить из списка запретных тем «народные волнения»[1460].

Первоначально Дума поддержала В.А. Маклакова, считавшего, что вся ответственность за публикацию запретных сведений должна ложиться на редактора, а не на автора. Однако Д.П. Капнист в последний момент перед общим голосованием по законопроекту указал, что ст. 45 и 46 касаются неповременных изданий, и в этом случае «постепенность» ответственности (автор, издатель, типографщик, книгопродавец) должна быть сохранена. В принятом Думой варианте с авторов сняли ответственность только по повременным изданиям (ст. 43)[1461].

По итогам прений депутатам удалось внести ряд существенных поправок, однако основные положения законопроекта о военной цензуре сохранились. Для социал-демократов, трудовиков и части прогрессистов

[1455] Там же. Стб. 2112.
[1456] Там же. Стб. 2060.
[1457] Там же. Стб. 1696. За поправку проголосовали 77 депутатов, против – 83.
[1458] Там же. Стб. 1695.
[1459] Там же. Стб. 2051, 2084.
[1460] Там же. Стб. 2053, 2054, 2056.
[1461] Там же. Стб. 2106, 2121.

такой вариант остался неприемлемым. М.И. Гродзицкий вновь предложил вернуться к разделению цензуры на «полную» и «частичную», выступив против надевания «военного намордника на всю империю». Д.П. Капнист продолжал настаивать, что в первоначальном варианте «Временное положение» не проработало «ни дня», а оглашение военных тайн в Москве не менее опасно, чем на театре военных действий. П.Н. Милюков от лица кадетов поддержал законопроект, считая, что его критика связана с плохим знанием текста и внесенных правок[1462].

В итоге новое «Положение о военной цензуре» одобрили, хотя и под критические замечания левых. А.С. Суханов в заключительном слове заявил, что «страна в лице печати ждала от Государственной думы спасения», но ее саму нужно спасать из «когтей реакции, которая глубже и глубже впитывается в ее тело»[1463]. Интерес к дебатам в Думе проявила и пресса союзников. «Аналогия с британскими условиями хорошо видна, так как одного цензора обвиняют в том, что он вычеркнул цитату из Пушкина как опасную для общественного порядка», – сообщал корреспондент лондонской «Таймс» в Петрограде[1464].

В марте 1916 г. законопроект о военной цензуре поступил в Государственный совет, постатейное рассмотрение было возложено на комиссии законодательных предположений и по военным и морским делам[1465]. По замечанию «Речи», на заседании комиссий 22 марта «правые не оставили без возражений ни одной из частей проекта». Печать также отметила «странное» поведение представителей правительства. Максимально податливые в думской комиссии о печати, в Государственном совете они «категорически» настаивали на фактическом возврате законопроекта к варианту, внесенному В.А. Сухомлиновым весной 1915 г.[1466]

[1462] Там же. Стб. 2071–2075.
[1463] Там же. Стб. 2133.
[1464] Russian censorship defects // Times. 1916. 2 March.
[1465] Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия XII. Пг., 1916. Стб. 866.
[1466] О военной цензуре // Речь. 1916. 23 марта.

Полного возврата не получилось, хотя к маю 1916 г. комиссии Совета сделали несколько ключевых корректировок. 26 мая соединенное заседание комиссий военной и законодательных предложений собралось для обсуждения проекта. На нем присутствовали генерал М.А. Беляев, А.И. Звонников, А.А. Нератов и директор бюро печати И.Я. Гурлянд. Как сообщали «Русские ведомости», правые члены Госсовета явились на заседание «почти все и уничтожили те изменения в правительственном проекте, которые были сделаны в нем Государственной думою. Представители военного ведомства, которые в Думе соглашались на эти поправки, теперь против них возражали и высказались за восстановление правительственной редакции проекта. Особенно много говорил за предоставление большего простора административному усмотрению в дѣлахъ печати И.Я. Гурлянд»[1467]. По предложению большинства членов комиссий, командующим фронтами и армиями, а также начальникам военных округов возвратили право приостанавливать повременные издания и требовать «в исключительных случаях» их предоставление в военную цензуру. Убрано ограничение закрывать газеты на основании их языка. Большинством голосов (13 против 10) принята поправка, дававшая военному министру право изменять и дополнять «Перечень» по соглашению с МВД и МИД. Ограничения могли вводиться не только через обновление «Перечня», но и «особыми распоряжениями» командующих или начальников военных округов. Министр внутренних дел отныне мог давать чинам ведомства вознаграждение «за особые труды» на службе в цензуре. Ст. 113 Устава о цензуре и печати не отменялась, а приостанавливалась на время действия военной цензуры. В военно-цензурные комиссии были возвращены представители МВД[1468]. Наконец, по предложению барона Ю.А. Икскюля и А.А. Макарова частичные воспроизведения печатью стенограмм Думы и

[1467] Цит. по: Законопроект о военной цензуре // Сибирская жизнь. 1916. 3 июня.
[1468] РГВИА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 46. Л. 64; Законопроект о военной цензуре // Сибирская жизнь. 1916. 19 июня.

Государственного совета отныне также подлежали военной цензуре[1469]. Очевидно, что в таком виде законопроект подлежал обсуждению в согласительной комиссии, где представители Думы отвергли бы новые поправки. «Принятый комиссией законопроект стал совершенно неприемлем для Государственной думы и, таким образом, окончательно похоронен», – заключало «Утро России»[1470].

Большую роль в усилении цензуры при Б.В. Штюрмере играли приближенные нового премьер-министра. Согласно показаниям С.П. Белецкого, особое влияние имел И.Я. Гурлянд, «взглядами и мыслями которого Штюрмер тогда был загипнотизирован»[1471]. А.А. Сидоров также считал его «суфлером» Штюрмера[1472]. И.Ф. Манасевич-Мануйлов на допросе Чрезвычайной следственной комиссии подтверждал, что директор ПТА «был полным хозяином», отодвинув его самого на второй план в вопросах общения с прессой: «Я ведь мог быть, главным образом, полезным в области журнальной, с этой стороны, в сношениях с печатью, о чем я говорил Штюрмеру: это, с первого же момента, так было решено между мною и Штюрмером, что он будет приглашать представителей печати, что будет устраивать чай… Сейчас же это было перерешено Штюрмером, – 3 часа спустя после того, как он говорил с Гурляндом!»[1473].

В мае 1916 г. состоялась серия совещаний губернаторов центральных губерний России, целью которых было «освещение всех сторон жизни империи и нужд времени». Затрагивался на них и вопрос о печати. По общему мнению участников, «серьезное значение в местной жизни имеют только столичные газеты, которые дают теперь материал, содержавшийся в прежнее время лишь в прокламациях. Между тем газет правого направления в провинции мало, а газеты “Русское слово” и “Копейка” у всех в руках».

[1469] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 959. Л. 148.
[1470] Около парламента // Утро России. 1916. 25 мая.
[1471] Падение царского режима. Т. 6. Л., 1925. С. 395.
[1472] *Сидоров А.А.* Указ. соч. С. 109.
[1473] Падение царского режима. Т. 2. М.; Л., 1925. С. 35.

Одной из мер усиления контроля совещание считало «повсеместное введение военной цензуры и оздоровление материала», распространявшегося главным образом через железнодорожные киоски, которые следовало передать «в ведение правительственных органов»[1474].

Свое видение дальнейшей цензурной политики председатель Совета министров изложил Николаю II 21 мая 1916 г. на совещании в Ставке, а в июне – во всеподданнейшем докладе. Б.В. Штюрмер констатировал, что встречающиеся в работе военной цензуры недочеты вызваны не недостатком полномочий у цензоров, а тем, что военные и гражданские власти «до сих пор не выработали достаточно твердого плана действий, равно как и приемов, при помощи которых достигались бы необходимые последовательность и единство». Наиболее эффективным средством Штюрмер считал введение предварительной цензуры на всей территории империи, однако в условиях больших пространств России это не принесло бы того же результата, что и во Франции, но лишь усилило бы раздражение печати и общества. В противовес этим радикальным шагам премьер-министр считал целесообразным принять комплекс мер по повышению «согласованности и единообразия действий со стороны всех прикосновенных к делу учреждений». Иными словами, распоряжения, полученные петроградской и московской печатью, должны быть в кратчайшие сроки получены и в провинции. Для решения этой задачи Штюрмер созвал «особое совещание из небольшого числа должностных лиц, которое, внимательно следя за ходом дела, могло бы своевременно направлять деятельность цензурных учреждений в соответствии с видами правительства»[1475].

Впервые это совещание собралось 24 мая в Петрограде. На нем, помимо председателя Совета министров, присутствовали М.А. Адабаш, князь Н.Е. Туманов, начальник ГУДП В.А. Удинцев и И.Я. Гурлянд. Последний, по

[1474] Совещание губернаторов в 1916 году // Красный архив. 1927. Т. 33. С. 156.
[1475] Цит. по: *Семенников В.П.* Монархия перед крушением: 1914–1917. Бумаги Николая II и другие документы. М.; Л., 1927. С. 126–129.

словам председателя Чрезвычайной следственной комиссии Н.К. Муравьева, «очень авторитетным тоном давал свои заключения» о необходимости улучшения предварительной цензуры думских речей[1476]. Участники отметили, что петроградские газеты, несмотря на все введенные ранее ограничения, не помещают на своих страницах «подлинные» стенографические отчеты, а «воспроизводят, изменяя их в качественном и количественном отношении». В таком виде они становились фактически «самостоятельными произведениями печати», вследствие чего цензуру их следовало поставить на общие основания[1477]. Соответствующие распоряжения последовали уже в июне, когда Адабаш потребовал от редакторов предоставлять в военную цензуру все публикации речей депутатов. Он также просил не печатать сведения о закрытом заседании Думы, где обсуждались беспорядки в Красноярске и других местностях[1478]. Менялась роль штаба Петроградского военного округа, которому еще 6 марта 1916 г. высочайшим повелением было дано исключение из порядка согласования использования ст. 31 «Временного положения» в отношении столичной печати. Министр внутренних дел отныне мог инструктировать главного начальника округа по цензурным вопросам без согласования со Ставкой, причем не только письменно, но и устно. 25 июня сенатор Н.В. Плеве был назначен помощником по гражданской части главного начальника С.С. Хабалова и курировал цензуру повременных изданий Петрограда[1479].

Как и прежде, цензурой думских речей занимался лично генерал А.И. Звонников, находясь во время заседаний в Таврическом дворце со специально прикомандированным помощником[1480]. На допросе Чрезвычайной следственной комиссии генерал М.А. Беляев вспоминал, что точных инструкций по работе в Думе Звонников не имел и по каждому

[1476] Падение царского режима. Т. 5. М.; Л., 1926. С. 186–187.
[1477] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 774. Л. 289.
[1478] Там же. Л. 313, 319.
[1479] *Куликов С.В.* Указ. соч. С. 384.
[1480] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 57. Л. 10–12; Ф. 13836. Оп. 1. Д. 774. Л. 295.

поводу должен был созваниваться с Н.Е. Тумановым[1481]. Однако даже пропуск речи в полном объеме и без исключений не гарантировал, что она будет подана в прессе именно так, как ее произносил оратор. На том же допросе Беляев упомянул о выступлении В.М. Пуришкевича 14 февраля 1917 г., полностью измененном потом на страницах «Речи», против чего сам правый депутат протестовал с думской трибуны[1482]. «Вполне понятно, каждая газета может делать из материала то, что ей угодно. По существу же нужно было одно – раз уже было принято решение не препятствовать ни в чем печатанию отчетов речей членов Государственной думы, то в таком случае надо передавать именно то, что было произнесено; а на самом деле передавали не то», – вспоминал генерал[1483].

Весной и летом 1916 г. значительно расширился список запретных тем, среди которых большинство составляли темы «политические». Усилился, к примеру, контроль над материалами, дискредитирующими высшую духовную власть «путем извращения суждений и действий Святейшего Синода и… обер-прокурора»[1484]. Ужесточились наказания за распространение сведений о делах С.Н. Мясоедова и В.А. Сухомлинова. Так, были запрещены перепечатки статей за 6 марта «Дело В.А. Сухомлинова» («Речь») и «Сенсационное дело» («Биржевые ведомости»). Последняя за эту публикацию была переведена на «полную» цензуру, и при повторении подобного военные власти обещали вовсе закрыть издание[1485]. Причиной данного запрета стала и личная просьба жены бывшего министра Е.В. Сухомлиновой. А.Д. Протопопов, по его словам, «обратил внимание сенатора Н.В. Плеве, ведавшего вопросами цензуры, на нежелательность бранных газетных заметок про В.А. Сухомлинова»[1486].

[1481] Падение царского режима. Т. 2. М.; Л., 1925. С. 218.
[1482] Новости дня // Сибирская жизнь. 1917. 17 февраля; *Авдеев Н.Н.* Революция 1917 года: (Хроника событий). М.; Пг., 1923. С. 26.
[1483] Падение царского режима. Т. 2. М.; Л., 1925. С. 219.
[1484] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 774. Л. 131.
[1485] Там же. Л. 207.
[1486] Падение царского режима. Т. 4. М.; Л., 1925. С. 56.

Серьезной проблемой военные и гражданские власти считали растущее количество «белых пятен» на страницах газет. На их недопустимость И.Л. Горемыкин указывал министру внутренних дел еще 3 марта 1915 г.[1487] Н.А. Маклаков ответил 10 апреля, что с их появлением приходится мириться по техническим условиям подготовки газеты к выходу[1488]. Однако замечания премьер-министра повторялись и позднее, когда выяснилось, например, что цезуре подвергались интервью С.В. Рухлова и А.Н. Хвостова[1489]. 18 октября 1915 г. Горемыкин обратил внимание на интервью с чиновником Министерства путей сообщения, опубликованное в «Вечернем времени» со множеством белых пятен. Горемыкину представлялось «неудобным» когда правят речи высших сановников и чиновников министерств[1490].

«Белые места» вызывали множество нареканий представителей печати, промышленников и предпринимателей. К примеру, А.И. Коновалов 12 января 1916 г. жаловался Д.П. Струкову, что цензура не пропускает многие места из отчетов заседаний Центрального военно-промышленного комитета, в то числе и те, которые успокоили бы рабочих, волновавшихся из-за приостановки работы заводов и фабрик вследствие недостатка топлива. По его мнению, такие пропуски усиливали распространение «нелепых слухов»[1491].

На пагубность «белых пятен» нередко указывали и сами цензоры. Один из них, по фамилии Иванов, 14 августа 1915 г. докладывал Д.П. Струкову, что из ежедневных разговоров с представителями самых разных слоев общества он «вынес то впечатление, что пустые места в газете действуют на публику крайне удручающим образом, вызывают полнейшее недоверие ко всем сообщениям о войне и вселяют в обывателя непоколебимую

[1487] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 57. Л. 16.
[1488] *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 425.
[1489] С.В. Рухлов и цензура // Сибирская жизнь. 1915. 25 октября; Министры и цензура // Сибирская жизнь. 1915. 27 октября.
[1490] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 219. Л. 110, 111.
[1491] Там же. Д. 306. Л. 166.

уверенность в том, что только выпущенное [1492] было единственным, представляющим собою правду». Цензор был убежден, что редакторы «нарочно оставляют такие места, якобы результаты грозного давления военной цензуры на прессу». Решением Иванов считал заполнение «белых пятен» объявлениями и сообщениями о приеме пожертвований[1493].

Схожим образом ситуацию оценивал и генерал М.В. Алексеев. 13 января 1916 г. он предписал главнокомандующим фронтов принять «возможные законные меры к недопущению оставления в газетах белых мест». По его мнению, они «с одной стороны, производят весьма неприятное впечатление на общество, думающее, что от него что-то скрывается, с другой стороны этим явлением может пользоваться противник для наглядного указания на стеснения, которым подвергается наша пресса». Следовало «потребовать от редакций своевременного представления газетного материала на просмотр, а от цензуры – чтобы она не задерживала этого материала настолько, чтобы редакция не успела заменить исключенные места новым материалом, который должен быть всегда для таких случаев готов. <…> У наших противников военная цензура не менее строга, чем наша, однако за истекший год не наблюдалось ни одного случая, чтобы германские газеты выходили в свет с белыми пропусками»[1494]. 15 января Ставка сделала соответствующее распоряжение по действующей армии.

На стороне печати в данном случае выступил новый председатель Совета министров. И.В. Гессен вспоминал, что И.Л. Горемыкин «успел вырвать» у М.В. Алексеева согласие запретить «белые пятна», однако «как только на месте Горемыкина появился Штюрмер, мы (члены Общества петроградских редакторов. – *И.Б.*) бросились к нему»[1495]. 31 января Штюрмер в письме Алексееву отмечал, что для столичных газет после распоряжения 15 января создалось «крайне тяжелое положение», совершенно несвоевременное

[1492] Имеется в виду – вычеркнутое.
[1493] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 128. Л. 167.
[1494] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 57. Л. 2.
[1495] *Гессен И.В.* В двух веках. Жизненный отчет. С. 343.

накануне новой сессии Думы. Строго соблюдая новые правила, ежедневные издания практически не имели возможности выходить вовремя. Ближайшим следствием, считал Штюрмер, будет «полное умаление руководящей роли столичной печати и еще более усиленное распространение в Петрограде московских газет» [1496]. В тот же день премьер-министр еще раз телеграфировал начальнику штаба Верховного главнокомандующего с просьбой, «если возможно, временно приостановить это распоряжение»[1497]. 2 февраля Алексеев ответил, что распоряжение 15 января он согласовал с Горемыкиным, более того – оно было «исключительно следствием желания бывшего председателя Совета министров», поэтому если его отмена будет согласовываться с «внутренними интересами государства», Алексеев был готов отменить распоряжение, что и сделал на следующий день[1498].

Просьба Б.В. Штюрмера фактически касалась только столичной печати, к остальной территории империи требования остались прежними. 8 февраля А.И. Звонников телеграфировал местным военно-цензурным комиссиям о «недопущении оставления в газетах белых мест начальником штаба Верховного главнокомандующего» [1499]. В феврале начальник штаба Киевского военного округа П.К. Кондзеровский дал указание местным цензорам руководствоваться не только «Перечнем», но и «обязательными постановлениями административных властей»[1500], а также запретил печатать речи депутатов не по телеграммам ПТА[1501]. В некоторых случаях пресса оказалась достаточно послушной. Так, наказной атаман Области войска Донского еще 30 июля 1915 г. предложил редакциям местных газет не допускать «белые пятна», что с тех пор и исполнялось [1502]. Однако в

[1496] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 57. Л. 6.
[1497] Там же. Л. 15, 17.
[1498] Там же. Л. 16, 18.
[1499] Там же. Л. 13.
[1500] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 218. Л. 19.
[1501] Там же. Л. 49. Это запрет часто нарушался и уже 1 марта был отменен (Там же. Л. 61).
[1502] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 57. Л. 19.

большинстве округов распоряжение 15 января вызвало множество организационных проблем.

Председатель Московской ВЦК А.М. Добровольский рапортовал А.И. Звонникову, что после предварительного совещания с редакторами газет 26 января он приказал принять следующие меры: 1) Перенести начало ночной работы по просмотру газетных гранок с 2 часов ночи на 9 часов вечера. 2) Установить в 21:00 на телеграфе цензуру телеграмм, адресованных в редакции. 3) Увеличить в случае надобности число военных цензоров для ускорения работы. 4) Предоставить право редакциям командировать сотрудника в газетную цензуру ночью для разрешения всех возникающих вопросов. 5) Предоставить право редакциям связываться с военно-цензурной комиссией по телефону. Новый порядок был введен с 5 февраля. При этом редакторы заявили Добровольскому, что они «будут поставлены в безвыходное положение относительно не допущенных к опубликованию... отдельных слов и фраз, так как белые места от этих пропусков невозможно заполнить другим материалом, а также невозможно уничтожить эти места путем сближения уже отлитого... печатного материала»[1503].

Председатель Казанской ВЦК М.В. Прогнаевский сообщал Звонникову 29 января, что так как в Казанском военном округе не введена полная военная цензура, то требовать от редакторов полного исключения «белых пятен» невозможно. Тем не менее, командование округа просило губернаторов о «воздействии» на редакторов «в желаемом направлении». Прогнаевский считал, что проблема преувеличена и технически вполне решаема. «При желании» редакторы могли не допускать пропуски на полосах, однако «некоторые газеты (например, в Уфе) нарочно делали в тексте пробелы, хотя военная цензура и не сокращала ничего в предложенном на просмотр материале»[1504].

[1503] Там же. Л. 7–7об.
[1504] Там же. Л. 8, 9.

В феврале–марте 1916 г. цензурный вопрос все чаще поднимался на съездах и собраниях. В декларации социал-демократической фракции отмечалось: «Рабочая печать задушена, печать буржуазная задавлена до крайности под предлогом военной цензуры»[1505]. Схожими были оценки и в декларации рабочей делегации на II Всероссийском съезде военно-промышленных комитетов: «...Свободная печать задушена, голоса демократии и в особенности рабочего класса не слышно. Цензурой убита свобода даже депутатского слова. Народ не может узнать трагической правды о своем положении»[1506]. Кадеты на заседаниях ЦК партии также заявляли, что военная цензура «идет дальше всяких границ»[1507]. Критику цензуры печати можно встретить и в личных записях того времени. Историк М.М. Богословский писал в своем дневнике 6 марта 1916 г.: «Беседовали о диспуте [Д.Н.] Егорова и о военных наших делах. Жена его жаловалась на нелепые придирки цензуры. Ее музыкальная школа должна давать публичный концерт в зале консерватории; но цензура не позволяет в программе называть Шумана, Моцарта и т.д. Дико. Их музыка интернациональна; это – сокровище всего человечества»[1508].

С весны 1916 г. думская оппозиция сменила тактику, отныне показывая, как правительство само нарушает «Временное положение». Так, обсуждение сметы МВД 29 февраля стало поводом для резкой критики ведомства за отношение к печати и даже к военным цензорам. А.И. Савенко заявил, что в Киеве они «терроризированы местным председателем комитета по делам печати», прямо указывавшим, что не следует публиковать[1509]. Как и ранее, армия выставлялась в качестве антипода, примера здравого смысла в отношении прессы и общества в целом. Д.П. Капнист, к примеру, заявил, что Военное министерство ведет борьбу с МВД, чтобы «отстоять свою,

---

[1505] Меньшевики. Документы и материалы. С. 421.
[1506] Там же. С. 412.
[1507] Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 233, 263.
[1508] *Богословский М.М.* Дневники (1913–1919). М., 2011. С. 78.
[1509] Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 2426.

правильную точку зрения на военную цензуру»[1510]. 3 июня группа депутатов подала спешный запрос к военному министру и министру внутренних дел «по поводу незакономерных действий чинов военной цензуры». В нем, в частности, приводились выдержки из апрельских и майских циркуляров, предписывавших отдавать на предварительную цензуру материалы с критикой обер-прокурора Святейшего Синода, а также повествующие о «расстройстве транспорта» и о десятилетнем юбилее Думы. М.С. Аджемов, комментируя депутатский запрос, сообщил, что всегда лояльный правительству М.О. Меньшиков «взят под цензуру», а еще в марте в редакции поступил запрет публиковать какие-либо сведения о бывшем министре внутренних дел А.Н. Хвостове [1511]. Приведенные Аджемовым примеры далеко не исчерпывали списка запретов, вводившихся практически ежедневно.

Частыми в этот период стали запреты на критику отдельных чиновников. 24 августа М.А. Адабаш просил редакторов столичных газет не публиковать сведения об аресте И.Ф. Манасевича-Мануйлова и Д.Л. Рубинштейна, слухи о назначении М.В. Родзянко министром внутренних дел, а также «резкие нападки» на министра земледелия гр. А.А. Бобринского и на А.Д. Протопопова [1512]. Как и прежде, значительное внимание уделялось сообщениям об экономическом положении России, состоянии ее банковской системы, новых железных дорогах и портах [1513]. Под этим предлогом зачастую запрещались новости о заседаниях думских комиссий[1514].

Многие из указанных тем вызывали большой общественный интерес, их запрет негативно воспринимался в том числе и представителями власти. 24 октября 1916 г. М.В. Алексеев в письме главному начальнику Петроградского военного округа С.С. Хабалову указал, что запрещение

[1510] Там же. Стб. 2456.
[1511] Там же. Стб. 4820–4823.
[1512] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 774. Л. 345, 368, 379, 398.
[1513] Там же. Л. 411.
[1514] Там же. Л. 450.

статей о продовольственном снабжении и состоянии банков могло усугубить «сознательно, во вред государству, то тяжелое состояние общества, в коем оно находится. Архиканцелярское решение вопросов и закрывание глаз пред лицом надвигающейся опасности»[1515]. Хабалов ответил, что пресса полна критики правительства, и с нею следовало бороться. Решения цензуры он обосновывал распоряжением самого Алексеева от 16 марта – запрещать публикацию новостей «немедленно вслед за получением уведомления Министерства внутренних дел»[1516].

Борьба с критикой представителей власти расценивалась в обществе как сокрытие «правды» и реального влияния «темных сил» на внутреннюю политику и ход войны. Масла в огонь подливали истории, подобные публикациям П.Ф. Булацеля в журнале «Российский гражданин». Журналист, в частности, высмеивал демонизацию Вильгельма II в печати и массовой культуре, а также резко критиковал идею устроить над кайзером международный суд после войны. На Булацеля посыпались обвинения в пораженчестве и германофильстве [1517]. Журнал в итоге был взят под «полную» цензуру[1518]. Б.В. Штюрмер, по данным печати, поручил провести расследование, как такая провокационная статья могла пройти цензурный контроль. Выяснилось, что статья в ПВЦК не поступала[1519], однако тот факт, что другие материалы Булацеля не задерживались ранее, слухи приписывали покровительству власти, на самом деле якобы разделявшей взгляды публициста. Британский посол в Париже Ф. Берти писал в дневнике 24 августа 1916 г.: «Здесь сильно нервничают по поводу так называемой германской партии в Петербурге, стоящей у власти, и из-за возможной

[1515] Там же. Д. 465. Л. 22.
[1516] Там же. Л. 23–25.
[1517] *Иванов А.А.* Правые в русском парламенте: от кризиса к краху. М.; СПб., 2013. С. 110–111.
[1518] Предварительная цензура // Новое время. 1916. 11 августа; *Семенников В.П.* Указ. соч. С. 149.
[1519] Дело Булацеля и цензура // Сибирская жизнь. 1916. 27 августа.

склонности России к миру на умеренных условиях. Русская цензура разрешает опубликование германофильских и антибританских мыслей»[1520].

Отношение различных оппозиционных сил к цензуре в целом было схожим: направленная на охранение военных тайн, она с этой задачей не справляется, но зато помогает власти подавлять инакомыслие, хоть и без особого успеха. В сжатом виде эта позиция высказана в заявлении рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета 17 октября 1916 г.: «Эта цензура, при всех своих стараниях отнюдь, к счастью, не способная не только скрыть стремительно растущую внутреннюю разруху, но и оградить от постороннего взора то, что огульно называется “военной тайной”, успела, однако же, обратить печать из органа гласности в орган безгласности, поставить ее в условия, при которых печати почти вовсе не верят и помимо печати ищут и доискиваются правды»[1521].

Сами цензоры считали сложившуюся систему контроля над печатью слишком мягкой, противоречивой и непоследовательной. М.А. Адабаш в докладе С.С. Хабалову в октябре 1916 г. пришел к выводу, что уступки петроградской прессе в начале войны (возможность не отдавать в цензуру «невоенные» материалы) привели к многочисленным злоупотреблениям. Председатель ПВЦК предлагал усилить контроль над столичными газетами «при условии проведения этой меры постепенно, в соответствии с действительной в том государственной потребностью». Необходимо было, по его мнению, ввести «полную» цензуру в Москве и Московской губернии. Ее отсутствие «вредит военным интересам государства, создает почву для противоправительственной газетной агитации и подрывает авторитет правительства самым фактом совершенно несогласованного отношения

[1520] *Берти Ф.Л.* За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. 1914–1919. М.; Л., 1927. С. 108.
[1521] Меньшевики. Документы и материалы. С. 437.

власти к однородной по существу и значению печати двух главных центров России»[1522].

Вопрос о введении петроградской и московской печати в «более строгие рамки» поднимался в докладе Б.В. Штюрмера Николаю II 9 октября 1916 г. Премьер-министр предложил ввести военную цензуру прежде всего в Москве, где на основании ст. 12 правил о местностях, объявленных на военном положении, на такой шаг можно было пойти без объявления Москвы «состоящею на театре войны». Император повелел Штюрмеру войти по этому поводу в соглашение военным министром М.А. Беляевым [1523] . Окончательно вопрос был решен 15 октября. Совет министров счел эту меру целесообразной, устраняющей «дальнейшее появление в московских газетах статей недопустимого направления»[1524].

Формально «полная» цензура в Москве была введена 1 ноября постановлением командующего войсками Московского военного округа генерала И.И. Мрозовского. На просмотр отныне поступали все статьи и заметки со сведениями о «боевом состоянии страны» и вообще любые материалы по усмотрению командующего[1525]. В связи с этими событиями 3 ноября министрам военному и внутренних дел поступило сразу три депутатских запроса. Заявители ссылались на то, что Москва не относилась к театру военных действий, а речи депутатов освобождались от цензуры согласно п. 6 ст. 4 «Временного положения» как произнесенные «во исполнение долга службы и обязанностей звания»[1526]. 25 ноября еще один запрос был послан М.А. Беляеву. Ответ пришел только 20 февраля 1917 г., в нем генерал снимал с себя ответственность, так как с 3 февраля ПВЦК была переподчинена главнокомандующему армиями Северного фронта, который в

[1522] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 465. Л. 9–10.
[1523] *Семенников В.П.* Указ. соч. С. 160–161.
[1524] Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1916 год. М.., 2008. С. 508.
[1525] Введение военной цензуры // День. 1916. 2 ноября.
[1526] Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия V. Пг., 1916. Стб. 136–140.

силу статей 93 и 411 Положения о полевом управлении войск военному министру не подчинен и никакое правительственное место, учреждение и лицо в империи не могли давать им предписаний и требовать отчетов[1527]. Однако этот сам по себе важный и во многом символичный акт (уравнивание положения «тыловой» московской и «прифронтовой» петроградской печати спустя два года войны) затмило начало новой сессии Думы 1 ноября 1916 г. К этому событию готовились и правительство, и военное командование.

В Совете министров понимали, что речи будут носить резко оппозиционный характер, но предполагалось, что касаться они будут прежде всего военных и экономических проблем. В печати циркулировали слухи, что «в некоторой части бюрократических кругов» есть желание усилить не только центральную, но и местную цензуру речей, чтобы цензоры имели возможность удалять материалы, которые «односторонне освещают продовольственный вопрос в данной губернии»[1528].

Однако основные проблемы логично было ожидать именно от столичной цензуры, так как у военных и гражданских властей отсутствовала единая тактика контроля над освещением заседаний в Таврическом дворце. 28 октября и.д. начальника Генерального штаба генерал-лейтенант П.И. Аверьянов в письме военному министру Д.С. Шуваеву напомнил, что при открытии предыдущих сессий в Думу командировались председатель ГВЦК для установления цензуры речей «по соглашению с председателем Думы», причем «не давалось никаких руководящих указаний относительно того, что именно следует признавать в речах депутатов недопустимым к оглашению в печати». По словам Аверьянова, «председатель Думы отрицал самое право военной цензуры запрещать оглашение в печати речей депутатов, разрешенных председателем к помещению в стенограммах. Из стенограмм же он соглашался вычеркивать только некоторые данные, касающиеся армии,

---

[1527] Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 25–26.
[1528] Цензура думских речей // Сибирская жизнь. 1916. 30 октября.

но не суждения о внешней и внутренней политике и нападки на правительство, как бы резки таковые ни были. Между тем присутствие в заседании Государственной думы представителя военной цензуры и запрещение к оглашению в печати некоторых речей вызывало большое раздражение членов Думы». Одной из причин было несоответствие версий стенограмм, подготовленных А.И. Звонниковым и редакциями газет. Речи фактически проходили двойную цензуру, что «создавало ряд недоразумений и вызывало небезосновательное раздражение как в печати, так и в обществе». Во избежание таких случаев Аверьянов предлагал подчинить военную цензуру думских речей главному начальнику Петроградского военного округа, а в газетах вне театра военных действий речи цензуровались бы только на основании «Перечня» [1529].

Д.С. Шуваев 30 октября перенаправил письмо П.И. Аверьянова Б.В. Штюрмеру и добавил, что военное ведомство исполняет «только закон о военной цензуре», поэтому влиять на Москву и провинцию не может. По его мнению, вне театра военных действий не представляется возможным давать военно-цензурным установлениям каких-либо указаний о цензуре речей депутатов, и если необходимы дополнительные меры, их должен принять министр внутренних дел и местные органы гражданской администрации[1530]. Военные, таким образом, сняли с себя ответственность за политические речи, которые ожидались 1 ноября.

Главным событием первого заседания стала речь П.Н. Милюкова, полностью запрещенная к публикации. Стенограммы этого и следующих ноябрьских заседаний были переведены на «полную» военную цензуру[1531]. Запрет коснулся на этот раз и московской печати, также вышедшей с огромными «пробелами» на полосах. Та же судьба постигла речи других

[1529] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 57. Л. 40–41.
[1530] Там же. Л. 42–46.
[1531] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 774. Л. 483, 489, 521.

депутатов, в том числе и правых [1532] . Выступление А.Ф. Керенского, заявившего 4 ноября, что военная цензура «служит интересам врагов государства», было созвучно речи В.М. Пуришкевича, поставившего «бессмысленную цензуру» в один ряд с «ложью и параличом» власти[1533]. М

Часть современников рассматривала цензурные кары против думцев как логический итог борьбы с правительством. М.М. Богословский писал в дневнике 3 ноября: «Благодаря военной цензуре в Москве думские отчеты в газетах передаются с большими белыми пространствами. По обрывкам фраз видно, что блок повел яростную атаку на правительство, желая его доконать и добиться ответственного министерства. Военная цензура – хорошее средство для думских болтунов, лающих на ветер именно чтобы их далеко было слышно, и обращающих Думу в митинг. Может быть, увидев бесполезность лая, обратятся к законодательной работе»[1534].

От усиления цензуры особенно страдала провинциальная печать. Редактор харьковской газеты «Южный край» в письме главному начальнику Киевского военного округа Н.А. Ходоровичу жаловался на местных цензоров, которые вычеркивали практически все речи депутатов, регулярно публиковавшиеся в одесских, киевских, московских газетах. «Вместо передовых статей и наиболее интересных телеграмм, не имеющих ни малейшего касательства к военным событиям, появляются белые места. Не допускается ни малейшая критика правительственных распоряжений», – заключал редактор[1535].

Однако ограничения лишь усиливали эффект, вызванный думскими речами. Понимая это, П.Н. Милюков отмечал на заседании 22 ноября, что «наивная цензура встала между нами и страной», но «только подстегнула

[1532] Сам факт запрещения речей правых привлек внимание современников. См., напр.: Неизданный В. Г. Короленко (1914–1921). Дневники и записные книжки. Т. 1. М., 2013. С. 103; *Гиппиус З.Н.* Указ. соч. С. 58.
[1533] Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия V. Стб. 180, 270.
[1534] *Богословский М.М.* Указ. соч. С. 134.
[1535] Харьковская цензура // Новое время. 1916. 2 декабря.

интерес к речам, подчеркнула их значительность»[1536]. В дальнейшем фактор цензуры лидер кадетов использовал для новых обвинений правительства. В начале февраля 1917 г. в Таврическом дворце распространялись слухи, что некто, выдавая себя за Милюкова, посещает собрания рабочих петроградских фабрик и заводов и призывает их принять участие в шествии к Думе в день ее открытия с требованием «более решительных действий, смены правительства и протеста против войны». Милюков написал опровержение, однако военная цензура запретила его публиковать, в чем лидер кадетов усмотрел «согласованность действий правительства и военной цензуры с целью инсценировать беспорядки»[1537].

Распространение думских речей в разных видах и форматах, как в крупных городах, так и в провинции, нивелировало все усилия цензуры[1538]. «Речь Милюкова, не пропущенная цензурой, ходит по рукам в печатных на машинах листах», – отмечал в личном письме 16 ноября житель Петрограда[1539]. «Так как цензура наложила на печать свою тяжелую лапу, то петроградцам ничего не остается делать, как питаться сплетнями, из которых девять десятых совершенно неправдоподобны», – писал в дневнике 16 февраля 1917 г. петроградский учитель И.Н. Жуков [1540] . «Речь» констатировала: «То, что скрыто за белыми пятнами, ни для кого не составляет секрета»[1541]. Создался, по выражению газеты, «какой-то спорт, и можно даже сказать, что в деле “распространения” кое-где замечается перепроизводство»[1542]. Д.В. Фибих записал в дневнике 11 ноября 1916 г.: «А

[1536] Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия V. Стб. 324.
[1537] Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 7–9.
[1538] *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика». С. 292.
[1539] *Селезнев Ф.А.* Вопрос о сепаратном мире между Россией и Германией в материалах перлюстрации (1916 г.) // Петербургский исторический журнал. 2015. № 4. С. 257.
[1540] Цит. по: *Аксенов В.Б.* Слухи и мифологемы Российской революции: классификация, особенности функционирования, сюжеты // Эпоха войн и революций, 1914–1922. Материалы Международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 9–11 июня 2016 года). СПб., 2016. С. 343.
[1541] Непоследовательность // Речь. 1916. 5 ноября.
[1542] Шило в мешке // Речь. 1916. 20 декабря.

время сейчас тревожное. По рукам ходят запрещенные цензурой речи Милюкова, Керенского и других ораторов Государственной думы. Даже в Пензе, в этом медвежьем углу циркулируют слухи о том, что правительство хочет заключить мир с Германией и идти войной на Англию. Где правда, где ложь – трудно разобрать. Появилось новое страшное слово: “измена”»[1543]. Запрещение речей в общественном сознании стало за годы войны верным признаком сокрытия «правды». Р.М. Хин-Гольдовская писала в дневнике 21 января 1917 г.: «А пока по-прежнему свирепствует цензура. Газетам запрещено писать о том, что больше всего интересует, волнует общество»[1544].

Хотя речи распространялись через подпольные типографии, доступ к исходным текстам поначалу имели немногие, и их содержание по большей части передавалось в виде слухов. Лица, непосредственно правившие речи депутатов, оставались неизвестны, так как все, кто мог иметь отношение к этому процессу, перекладывали ответственность на других. М.В. Родзянко после скандальных заседаний начала ноября уверял, что речи предоставлялись им на просмотр цензоров без каких-либо купюр[1545]. На заседании 2 декабря он сделал специальное заявление, уверив депутатов, что «никогда широко своим правом цензуры не пользовался»[1546]. На следующий день пресса писала, что председатель Думы направил А.Ф. Трепову новое письмо по поводу цензуры речей[1547]. Позднее, на допросе Чрезвычайной следственной комиссии Родзянко утверждал, что с этого времени М.А. Адабаш фактически единолично цензуровал стенограммы, не спрашивая председателя Думы и не обращая внимания на его протесты, в том числе публичные[1548].

Представителям власти и правым было очевидно, что реальная правка происходила вне цензурных органов, прежде всего – в редакциях газет. А.Ф.

[1543] *Фибих Д.В.* Двужильная Россия: дневники и воспоминания. М., 2024. С. 38.
[1544] Россия 1917 года в эго-документах: Дневники. М., 2017. С. 248.
[1545] Непоследовательность // Речь. 1916. 5 ноября.
[1546] Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия V. Стб. 726.
[1547] Петроград, 4 декабря // Сибирская жизнь. 1917. 8 декабря.
[1548] Падение царского режима. Т. 7. М.; Л., 1927. С. 172.

Трепов заявлял представителям печати, что из стенограмм цензурой вычеркивалось только то, что непосредственно относилось к военной тайне и армии[1549]. Н.Е. Марков вспоминал, что о происходившем в Таврическом дворце в ноябре «видела и слышала какая-нибудь тысяча человек», в то время как «сотня миллионов русского народа узнавала обо всем лишь через газеты, телефонные агентства и журналы», которые обычно «извращали» речи правых депутатов, а выступления их противников «подавались в улучшенном и дополненном в газетных редакциях виде»[1550].

Результатом было весьма отдаленное представление о реальных политических процессах в столице. В ноябрьском заявлении рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета отмечалось: «Нельзя обольщаться тем, что часть населения, несмотря на цензурные рогатки, все же узнает содержание депутатских речей. Это лишь незначительная часть населения. Огромное же большинство остается в полном неведении того, что делает Государственная дума»[1551]. На это указывали и представители власти. Начальник Петроградского охранного отделения генерал-майор К.И. Глобачев доносил в Департамент полиции 19 ноября: «Задержанные цензурой речи депутатов оппозиции и левого крыла Гос[ударственной] думы распространились среди населения в искаженных случайно или умышленно редакциях с невероятной быстротой и еще более сгустили в различных слоях населения страны атмосферу беспокойства и подозрительного недоверия к правительству»[1552]. М.В. Родзянко в упомянутом выше заявлении 2 декабря отмечал, что по Москве «циркулирует очевидно подложная стенограмма нашего думского заседания, и в ней в самых возмутительных тонах излагается речь… Чхеидзе»[1553].

[1549] А.Ф. Трепов о цензуре // Речь. 1916. 25 ноября.
[1550] Цит. по: *Иванов А.А.* «Если газеты будут продолжать мутить народ… закройте все газеты до последней»: правые Государственной думы и Государственного совета о свободе слова (1914–1917) // Научный диалог. 2012. № 9. С. 22.
[1551] Меньшевики. Документы и материалы. С. 439.
[1552] Цит. по: *Черменский Е.Д.* Указ. соч. С. 214.
[1553] Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия V. Стб. 726.

Не видевшие текст стенограмм, но слышавшие отдаленные слухи об их содержании, обыватели зачастую выплескивали свое недовольство на военную цензуру. В ноябре и декабре 1916 г. в отчеты цензоров при почтово-телеграфных конторах попало множество откликов на события в Таврическом дворце. Приведем некоторые отрывки из писем: «С какой жадностью мы читали речи настоящих русских патриотов вроде Милюкова... Одно нехорошо – это наша цензура, неумело оставляет бельмо в газете. Всем пословица русская известна, что правда колет глаза»; «Нет никакого интереса платить даром деньги за одну только бумагу. Начали писать белым по белому, мы ведь не ясновидящие, ведь это очень худо. Хочешь знать правду, а тебе шиш»; «Напишите несколько слов о народном вашем настроении в тылу. Пишите не стесняясь, письма ваши полевой цензурой не проверены, а из газет, вы сами знаете, кроме белого места ничего больше нет»; «Я уже что-то побаиваюсь за Москву, в газетах собственно ничего не пишут, но тон какой-то раздражительный, что-то скрывают, а вымаранные столбцы еще хуже действуют на настроение»; «К великому сожалению никто из нас не знает, что делается в Москве и Петрограде, но, читая наши “белые” газеты, чувствуется, что не везде и не все обстоит благополучно»[1554]. Улавливали эти настроения и составители антиправительственных прокламаций, в том числе и немецких. Одна из них гласила: «Военная цензура не допускает печатать в газетах правды. По газетным известиям война для России идет удачно, но это позорный обман»[1555].

На этом фоне в Государственном совете возобновилось рассмотрение, казалось бы, уже забытого законопроекта о военной цензуре. «Русское слово» предлагало дополнить его «специальной статьей, освобождающей определенно от всякой цензуры, кроме председательской, речи членов как Гос. думы, так и Гос. совета»[1556]. На заседании обновленных комиссий

[1554] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 79. Л. 91об., 92, 95, 106.
[1555] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 309. Л. 11.
[1556] Цит. по: Печать // Речь. 1916. 11 ноября.

военно-морской и законодательных предположений 10 декабря прогрессивная группа Совета добилась пересмотра ключевых весенних решений. Так, вернулось уточнение, что речи членов законодательных палат от цензуры освобождаются [1557] . При этом после «горячих прений» административный порядок обновления «Перечня» комиссии сохранили, так как предложенный Думой законодательный был признан «слишком громоздким при условии нынешнего времени» [1558] . Упоминался и запрет сообщать в печати о переменах в составе Совета министров. Присутствовавшие на заседании А.И. Звонников и начальник ГУДП В.А. Удинцев уверяли, что не знают автора этого распоряжения[1559]. Уступки, на которые пошел Госсовет, не остались без внимания Александры Федоровны, считавшей недопустимыми любые цензурные послабления. «Государственный совет сошел с ума, соглашаясь с Думой относительно свободной цензуры», – писала императрица Николаю II 10 декабря[1560]. Тем не менее, из-за продолжительных дискуссий комиссии законопроект о военной цензуре не успели вывести на обсуждение Государственного совета до рождественского перерыва.

Распространенным среди цензоров было мнение, что пресса с помощью «белых пятен» выражала протест и прозрачно намекала, что «правда» скрывается от общества. Председатель ПКДП Н.И. Левитский писал М.А. Адабашу 17 ноября 1916 г., что петроградские газеты и журналы «по-прежнему оставляют белые места, не имея даже оправдания в смысле срочности работы и недостатка времени для сверстки рассмотренного цензурою материала» [1561] . В докладе от 2 января 1917 г. Л.К. Куманин допускал, что Дума, собравшись вновь, «первые два-три дня посвятит чисто агитационной деятельности; стенограммы речей, которые пропущены

[1557] Законопроект о военной цензуре в Гос[ударственном] совете // Русские ведомости. 1916. 10 декабря.
[1558] В Государственном совете // Новое время. 1916. 10 декабря.
[1559] В Государственном совете // День. 1916. 10 декабря.
[1560] Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. М.; Пг., 1927. С. 176.
[1561] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 774. Л. 542.

цензурой не будут, разойдутся тайным порядком и вызовут вновь в народе совершенно нежелательное настроение»[1562].

Цензоры и военные власти понимали, насколько сильное воздействие «белые пятна» оказывают на настроение общества, и неоднократно просили их убрать[1563]. По этой теме созывались собрания и рассылались циркуляры, М.А. Адабаш грозил «строгими взысканиями» вплоть до закрытия[1564], однако особенного воздействия эти меры не оказали.

Характерным и весьма ярким эпизодом стало освещение печатью убийства Г. Распутина 17 декабря 1916 г. Следует отметить, что несмотря на запреты сообщать что-либо о «старце», его образ так или иначе возникал на страницах прессы, в том числе и при публикации думских речей. Зачастую цензоры зачеркивали само имя, однако из контекста читателю становилось понятно, о ком идет речь. В.Г. Короленко писал в дневнике 7 декабря 1916 г.: «В Думе [В.А.] Маклаков прямо называет Распутина, но цензура в газетных отчетах фамилию заменила многоточиями. Смешная и глупая предосторожность: вся Россия знает это имя, и позор царской семьи этими многоточиями не прикрыть»[1565].

В день убийства М.А. Адабаш разослал редакторам столичных газет рекомендацию ограничиться сообщением: «19 декабря утром около Петровского моста прибитым к берегу Петровского острова найден в реке труп Григория Распутина. Следствие производится судебными властями»[1566]. Председатель ПВЦК просил также не допускать «не только статей, заметок и сообщений относительно жизни и смерти Григория Распутина, хотя бы и в иносказательной форме, но также каких бы то ни было сведений о лицах,

---

[1562] Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 2000. № 4–5. С. 3
[1563] РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1500. Л. 218.
[1564] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 774. Л. 506, 511, 645.
[1565] Неизданный В.Г. Короленко… С. 111.
[1566] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 774. Л. 589.

являющихся, по слухам, прикосновенными к его кончине. Неисполнение настоящего распоряжения навлечет на газету строжайшую кару»[1567].

Некоторые (например, «Земщина») последовали рекомендации, но большинство изданий уделило происшествию значительное внимание. «Петроградский листок» называл убитого «лицо, прибывшее с Гороховой ул., д. № 64»[1568]. «Новое время», напечатав рекомендованное краткое сообщение, рядом поместило статью «К таинственному убийству», где, не называя имени «старца», подробно рассказывало об обстоятельствах дела, с приложением схемы обнаружения трупа[1569]. В том же номере в заметке «Правда и слухи» с явным намеком на распоряжения о Распутине отмечалось: «Мы – не малые дети, от которых надо что-нибудь скрывать из происходящего тут, у нас дома. Мы имеем право это знать. И нас раздражает эта вечная докучная игра в страуса. Мы ждем московских газет, чтобы узнать о том, что случилось в Петрограде»[1570].

На короткое время создалась ситуация, когда едва ли не основное внимание пресса уделяла убийству «лица», имя которого нельзя было называть, но которое уже знало большинство читателей. «Одна официальная версия – о застреленной собаке – уступает место другой – о найденном трупе», – иронизировала «Речь»[1571]. На третьи сутки «цензурная плотина прорвалась» [1572], и никакие запреты уже не могли остановить поток материалов о Распутине.

В прессе тема обсуждалась несколько дней, обрастая слухами, подробностями (вплоть до времени и имен участников вскрытия трупа), воспоминаниями и скабрезными анекдотами об убитом [1573]. «Московский

[1567] ЦГИА СПб. Ф. 706. Оп. 1. Д. 123. Л. 67а.
[1568] Семнадцатое декабря // Петроградский листок. 1916. 20 декабря.
[1569] К таинственному убийству // Новое время. 1916. 20 декабря.
[1570] Правда и слухи // Новое время. 1916. 20 декабря.
[1571] Петроград, 21 декабря // Речь. 1916. 21 декабря.
[1572] Там же.
[1573] Григорий Распутин // Маленькая газета. 1916. 20 декабря; *Яблоновский А.* Распутин // Русское слово. 1916. 21 декабря; Встреча с Распутиным // Русское слово. 1916. 21 декабря; Из жизни Распутина // Русское слово. 1916. 21 декабря; *Ирецкий В.* Из встреч с

листок» посвятил ему две полосы, опубликовал несколько портретов, факсимиле, рассказал о «предшественнике» Распутина первой половины XIX в. Кондратии Селиванове, а также анонсировал с Нового года «злободневный» роман «Загадочный “Старец”»[1574]. «Петроградский листок» с явной отсылкой к Распутину упомянул о малограмотном крестьянине Никите Федорове («Никитушке»), который в 1810–1830-х гг. входил в религиозный кружок Е.Ф. Татариновой «духовный союз», стал широко известен в высшем свете своими пророчествами и удостаивался аудиенции императора Александра I[1575]. «День» опубликовал статью «Конец Григория Распутина», наполненную намеками на связи «старца» в «верхах» и законченную сообщением, что «С.П. Белецкий и его жена возлагают на гроб два роскошных венка из живых цветов»[1576].

Цензор Смирнов докладывал в штаб Петроградского военного округа, что газеты «сознательно проигнорировали категорические требования» цензуры и «как бы по взаимному уговору печатают заметки о Распутине эзоповским языком»[1577]. Видя, что его распоряжения не исполняются, М.А. Адабаш 21 декабря еще раз предупредил редакторов, что нарушение требований по поводу Распутина может повлечь подчинение цензуре в полном объеме[1578]. Пример, однако, оказался заразительным: в декабре тема убийства активно муссировалась в провинциальной печати, особенно в крупных городах. 2 января 1917 г. ВЦО штаба Юго-западного фронта запрашивало генерал-квартирмейстера Н.Н. Духонина, действует ли теперь распоряжение штаба от 4 декабря 1915 г. не допускать статей и заметок о

Распутиным // Речь. 1916. 21 декабря; К смерти Григория Распутина // Речь. 1916. 21 декабря; Распутин, Саблер и Илиодор // Речь. 1916. 21 декабря.

[1574] Убийство Григория Распутина // Московский листок. 1916. 20 декабря. Подробнее о Селиванове см.: Русский биографический словарь. Т. 18. СПб., 1904. С. 282–285.

[1575] Конец «пророка» // Петроградский листок. 1916. 20 декабря. В статье подчеркивалось большое влияние «Никитушки», который «решал даже такие вопросы, как переехать тому или иному на дачу или нет». Подробнее о «духовном союзе» Е.Ф. Татариновой и судьбе Федорова см.: Русский биографический словарь. Т. 20. СПб., 1912. С. 316–317.

[1576] Конец Григория Распутина // День. 1916. 20 декабря.

[1577] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 774. Л. 609–611.

[1578] Там же. Л. 618.

Распутине. На соответствующий запрос Духонина Ставка сообщила 9 января, что запрет сохраняется как во внутренних районах империи, так и на фронте[1579].

Другой яркий пример неэффективности цензурных ограничений – работа московской печати после введения в Москве «полной» военной цензуры. 23 февраля 1917 г. генерал И.И. Мрозовский докладывал военному министру, что распоряжения по цензуре, делавшиеся в Петрограде, до Москвы доходили с большим опозданием, из-за чего в местных газетах по-прежнему появлялись статьи и заметки, «нежелательные для высшего правительства». Так, распоряжение о недопущении сведений об особом совещании по обороне были получены в Москве в ночь с 6 на 7 февраля, тогда как сведения об этом были опубликованы в печати еще 5 февраля. Петроградские корреспонденты московских газет немедленно сообщали по телефону полученные известия, «в надежде, что запрещенные к опубликованию сведения в Петрограде будут напечатаны в московских газетах». В связи с этим Мрозовский просил наладить немедленное сообщение в Москву о принятых цензурой решениях[1580].

М.А. Адабаш в докладе М.А. Беляеву сообщил, что уже сделал эти распоряжения по установлению дежурств на телефоне в канцелярии ПВЦК и военной цензуры при ПКДП. Установлен «строгий контроль за передачей телефонограмм по делам военной цензуры печати в Москву без всякого замедления». Адабаш считал необходимым появление подобного телефона, причем бесплатного, между ГВЦК, МВЦК и ПВЦК. Чтобы перекрыть канал связи столичных журналистов с московскими газетами, он предлагал вернуться к вопросу телефонной цензуры по линии Петроград – Москва, организация которой, по его словам, была несложной и заняла бы неделю[1581]. 26 февраля, уже в разгар революции, начальник военной охраны Петрограда

[1579] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 69 Л. 18–20.
[1580] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 97. Л. 27.
[1581] Там же. Л. 28, 28об.

генерал М.И. Занкевич сообщил Беляеву, что соответствующие распоряжения (кроме военной цезуры телефона) были сделаны[1582], однако к тому моменту уже явно запоздали.

На рубеже 1916–1917 гг. низкая эффективность цензуры вызывала недовольство как власти, так и правой части общества. Поводы для критики прибавлялись сообразно с увеличением запретов. Широкую огласку приобрело успешно прошедшее цензуру сообщение А.В. Амфитеатрова к читателям, состоявшее из первых букв предложений фельетона «Этюды». Лишь после выхода сообщения в газете «Русская воля» 23 января 1917 г. цензор разгадал загадку: «Решительно ни о чем писать нельзя. Предварительная цензура безобразничает чудовищно. Положение плачевнее, нежели 30 лет назад. Мне недавно зачеркнули анекдот, коим я начал свою карьеру фельетониста. Марают даже басни Крылова. А куда еще дальше идти? Извиняюсь, читатель, что с седой головой приходится прибегать к подобным средствам общения с вами. Но что поделаешь! Узник в тюрьме пишет где и чем может, не заботясь об орфографии. Протопопов заковал нашу печать в колодки, и более усердного холопа реакция еще не создавала. Страшно и подумать, куда он ведет страну! Его власть – безумная провокация, рев революционного урагана». Н.И. Левитский в докладной записке М.А. Адабашу назвал текст фельетона «преступным и заслуживающим законного преследования». Амфитеатров был отправлен в ссылку, однако до места назначения не доехал, застигнутый в пути известием о Февральской революции [1583].

Представители правых партий предлагали правительству разные проекты обуздания «радикальной» прессы. Кратко эти идеи охарактеризовало «Русское знамя»: «Вместо штрафов и взятия под полную цензуру – принудительное сокращение объема газет. За первую повинность –

[1582] Там же. Л. 29.

[1583] *Александров С.А.* «Идти по самому краю цензурного обрыва…»: А.В. Амфитеатров в газете «Русская воля» (письмо А.В. Амфитеатрова к М.М. Гаккебушу (Горелову) от 27 сентября 1916 года) // Русская литература. 2023. № 3. С. 170.

наполовину, а вторую – на половину оставшейся половины, за третью – еще наполовину, и за четвертую – запретить на все время войны. <...> Затем мы предложили бы воспретить всем желтым газетам и корреспондентам посылку из столиц в провинцию корреспонденции по телеграфу. <...> Есть еще одна мера: лишение желтых газет льготного тарифа и всех удобств пересылкой газет почтою»[1584].

Председатель Астраханской народной монархической партии Н.Н. Тиханович-Савицкий телеграфировал министру внутренних дел А.Д. Протопопову 30 января 1917 г.: «Совместными действиями московской шайки, Думы и печати… намечен… решительный, окончательный штурм правительства. <…> План этот надо разрушать решительными мерами. Только попустительством и колебанием власти сильно это трижды преступное во время войны движение. Печать надо заблаговременно взять под строгую военную цензуру; особенно “Русское слово”, как самое распространенное»[1585].

Более подробный проект контроля над печатью был представлен в «Сводке общих положений и пожеланий», выработанных не позднее 15 января 1917 г. кружком А.А. Римского-Корсакова и членами Главного совета Союза русского народа. Среди предложенных мер – «цензура на все время войны для полного успокоения страны. Развитие и разумная постановка дел телеграфных агентств». Предполагалось также, «не стесняя свободы печати, назначить драконовские наказания по суду за клевету, причем возбуждение преследования за оклеветание должностных лиц должно быть в общем порядке, а не в порядке частного обвинения» [1586] . Кружок Римского-Корсакова пытался воздействовать на государственную политику, в том числе и в последние месяцы существования монархии. Однако, как верно указывает Д.И. Стогов, реальное влияние правых салонов и кружков

[1584] Цит. по: *Бережной А.Ф.* Русская легальная печать в годы Первой мировой войны. С. 72.
[1585] Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы. Т. 2. С. 620–621.
[1586] Там же. С. 614.

«оставалось низким, хотя император так или иначе был вынужден прислушиваться к мнению своих приближенных»[1587].

На фоне противостояния с Думой правительство в конце 1916 – начале 1917 гг. продолжало усиливать цензурное давление на печать. Одним из основных орудий были все те же «безответственные распоряжения по телефону»: после ноябрьских речей депутатов они приходили в редакции регулярно и касались самых разных тем. Так, 5 января 1917 г. было запрещено сообщать об обыске в Соединенном банке в Москве, 12 января – о высылке князя М.М. Андроникова и о предстоящей конференции представителей союзных держав в Петрограде [1588]. Несколько раз (как минимум 25 и 31 января) воспрещались сообщения, «остро трактующие о недостатке продовольствия»[1589]. Не допускались новости о забастовках на заводах, предположения о послевоенной судьбе Польши и Чехии, сведения об отправке пленных эльзасцев в Россию, распространении сыпного тифа к Киевской губернии, полетах вражеских аэропланов над Дубной и др.[1590] В декабре в Святейшем Синоде состоялось совещание по вопросу «о современной печати». В протоколе, в частности, отмечалось: «Более чем десятилетний опыт применения нового порядка надзора за печатью показал, что этот надзор бессилен удержать печать на высоте должного понимания ею своего назначения». Для поиска путей исправления ситуации предполагалось созвать Особое совещание высших иерархов во главе с киевским митрополитом Владимиром [1591]. В прессу проникли сведения об этом совещании в Синоде, в частности – планы Церкви по введению предварительной цензуры на все рассуждения «как о догматах веры, так и о церковном управлении и богослужебных делах»[1592]. «Русские ведомости» 22

[1587] *Стогов Д.И.* Правые салоны и кружки и проблема их влияния на властные структуры Российской империи (1914 – февраль 1917 г.). Дисс… д.и.н. СПб., 2025. С. 87.
[1588] РГВИА. Ф. 13839. Оп. 1. Д. 7. Л. 1, 5; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 69. Л. 30–42.
[1589] РГВИА. Ф. 13839. Оп. 1. Д. 7. Л. 15, 26.
[1590] Там же. Л. 29, 37, 47; Д. 14. Л. 4; Д. 17. Л. 16, 61; ГАТ. Ф. И152. Оп. 28. Д. 111. Л. 143.
[1591] Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.). Критические очерки. М., 1967. С. 314.
[1592] Св. Синод и свобода слова // Сибирская жизнь. 1916. 22 декабря.

декабря 1916 г. иронизировали, что впору уже составить перечень допущенных к обсуждению вопросов: «Лава цензурных запретов движется на печать стихийно, не считаясь ни с какими обстоятельствами, руша на своем пути все расчеты логики, все представления о возможном и правдоподобном»[1593].

Накануне и в дни Февральской революции эти запреты воспринимались властью как важнейший элемент борьбы с «брожением умов». 23 февраля 1917 г. петроградский градоначальник А.П. Балк сообщал С.С. Хабалову, что по столице ходят слухи о недостатке хлеба и просил военную цензуру пресекать их[1594]. Однако опыт с распространением думских речей должен был показать, что в данном случае запреты только усугубляли положение. Особенно ярко это проявлялось при обсуждении продовольственного вопроса. К.И. Глобачев подробно рассказал об этом 5 февраля 1917 г. в письме директору Департамента полиции А.Т. Васильеву: «Газеты поддерживают недовольство публики сообщением сведений о злоупотреблениях при закупках на местах: конечно, публика уверена, что в газеты проникает сквозь военную цензуру лишь сотая часть тех злоупотреблений, которые происходят в действительности; получается в убеждении публики картина, что закупка, перевозка и распределение продуктов – одно сплошное злоупотребление; что в организации продовольственного дела царит хаос, из которого может быть один лишь выход – передача всего дела в другие руки»[1595].

В начале 1917 г. законопроект о военной цензуре неоднократно упоминался в печати. В январе, по сообщению «Нового времени» и «Речи», он вновь был рассмотрен в правительстве и вновь отвергнут, решено было

[1593] Цит. по: *Летенков Э.В.* Из истории политики русского царизма в области печати (1905–1917). Дисс… к.и.н. Л., 1974. С. 39.
[1594] Февральская революция, 1917: Сборник документов и материалов. М., 1996. С. 17–18.
[1595] *Глобачев К.И.* Правда о русской революции: воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 394.

«пока довольствоваться системой циркуляров»[1596]. 23 февраля «Речь» сообщила, что этот вопрос поднимался во время доклада А.А. Катенина А.Д. Протопопову. Министр внутренних дел, по словам издания, выступил за изъятие из проекта всех статей, которые «говорят об административном воздействии на печать», все дела о ее преступлениях планировалось рассматривать в судебном порядке. При этом ответственность за нарушения должна быть «значительно повышена» и возлагаться не только на редактора и издателя, но и на авторов статей и заметок, если их имена удастся выяснить. Предполагалось продолжить обсуждение проекта на следующих докладах Катенина[1597], и уже в феврале внести доработанный проект в Думу[1598]. «Земщина» одобрила предложения Протопопова, отметив, что для их реализации следует создать специальный суд, который «немедленно будет рассматривать все дела в сокращенном порядке»[1599].

После Февральской революции многочисленные распоряжения по вопросам цензуры привлекли внимание Чрезвычайной следственной комиссии. Бывшие чиновники принуждены были отвечать на наводящие вопросы по поводу законности использования военной цензуры для запрета новостей, далеких от войны. И.Л. Горемыкин на допросе 15 мая неизменно отвечал, что не помнит своих инициатив в области цензуры[1600]. Помощник главного начальника Петроградского военного округа по гражданской части Н.В. Плеве на допросе 14 июля 1917 г. ссылался на указания С.С. Хабалова и «высочайшие повеления». Однако он и сам считал, что многие политические события (в том числе и то, что М.В. Родзянко не пожал руку А.Д. Протопопову) не должны были освещаться в печати, так как могли «повести к умалению авторитета власти министра внутренних дел и свидетельствовать

[1596] Русская печать // Сибирская жизнь. 1917. 21 января.
[1597] Законопроект о печати // Речь. 1917. 23 февраля.
[1598] *Летенков Э.В.* Из истории политики русского царизма в области печати (1905–1917). С. 22–23.
[1599] Законопроект о печати // Земщина. 1917. 24 февраля.
[1600] Падение царского режима. Т. 3. Л., 1925. С. 319–326.

о разрухе среди высших должностных лиц империи»[1601]. Сам Протопопов во время допроса 21 апреля 1917 г. отметил, что цензура «была в руках военных, и она отвратительно вообще делалась»[1602]. 21 июня он уверял следователей, что не имел реальной власти запретить или разрешить какую-либо статью: «Я пособник в этом деле, но я не тот человек, который мог это сделать. Министр внутренних дел за мое время, к несчастью, был только министром по названию». Но и Протопопов считал, что в самой безграничности полномочий военной цензуры не было ничего противозаконного и вредного для интересов государства[1603].

***

«Временное положение о военной цензуре» открывало перед цензорами печати широкое поле для усмотрения и личного мнения о допустимости того или иного материала. Правительство и командование армии рассматривали военную цензуру как эффективный способ «обуздания» печати, и в этих условиях «политизация» военной цензуры была фактически неизбежной. Слухи о перестановках в Совете министров, «нападки» на почтовое ведомство, критика союзников, обсуждение еврейского, польского и армянского вопросов, упоминания Г. Распутина – эти и многие другие на первый взгляд далекие от войны сюжеты постепенно становились зоной ответственности военной цензуры. На практике власть не только не желала, но и не могла провести границу между «военными» и «невоенными» материалами: фактически любая новость, вносившая дезорганизацию и ухудшавшая политический климат, уже могла попасть под действие ст. 31 «Временного положения» и оказаться вредной для военных интересов государства. В то же время постоянное расширение списка запретов и ограничений привело к многочисленным ошибкам и непоследовательности

[1601] Падение царского режима. Т. 4. М.; Л., 1926. С. 69.
[1602] Падение царского режима. Т. 2. М.; Л., 1925. С. 292.
[1603] Падение царского режима. Т. 5. М.; Л., 1926. С. 279–280.

решений цензоров, уменьшало эффективность цензуры в деле контроля над печатью. Попытки Думы и правительства выработать новое цензурное законодательство наталкивались на фундаментальные противоречия в вопросе о полномочиях цензуры в военное время, а регулирование содержания газет с помощью распоряжений «сверху» лишь усиливало политический кризис, способствовало распространению слухов в обществе и приближало революционный взрыв.

ГЛАВА 4. ЦЕНЗУРА ПУБЛИЧНЫХ ЗРЕЛИЩ, РЕЧЕЙ И ДОКЛАДОВ В 1914 – ФЕВРАЛЕ 1917 гг.

4.1. Драматическая цензура: инструкции и повседневная работа[1604]

«Временное положение о военной цензуре» определило зону ответственности военных цензоров: печать, эстампы, рисунки, фотографии, почтовые отправления, тексты и конспекты речей и докладов. Ни театр, ни кинематограф не упоминались, а в Уложение о наказаниях внесли только изменения по поводу разглашения запрещенных сведений посредством печати, в речах и докладах[1605]. Таким образом, формально драматическая цензура не изменилась ни по функционалу, ни по структуре, ни по подчиненности. Пьесы по-прежнему направлялись в драматическую цензуру при ГУДП, которая и принимала решения о допуске к постановке.

Фактически же изменения напоминали происходившее в иных видах цензуры. Прежде всего это касалось территории «полной цензуры» – прифронтовых губерний. Как и в случае с кинематографом, здесь театральная жизнь в значительной степени зависела от взглядов и настроений командования. Это также касалось центров военных округов, начальство которых значительно усилило влияние на внутренние дела губерний и областей. Пользуясь военным временем, активизировала наблюдение за театром и местная гражданская администрация. Как следствие, на местах увеличивалось количество «центров силы», не согласовывавших с ГУДП свои решения и взгляды на искусство.

Типичной и до войны, и тем более после ее начала была ситуация, когда разрешенную в Петрограде пьесу могли не допустить до сцены распоряжением, например, командующего округом или фронтом,

---

[1604] При подготовке данного параграфа использовались материалы из статьи: *Богомолов И.К.* Драматическая цензура в России годы Первой мировой войны // Российская история. 2025. № 1. С. 109–126.

[1605] Временное положение о военной цензуре. С. 3–4.

губернатора или полиции. Еще в 1908 г. в циркуляре ГУДП отмечалось, что местные полицмейстеры разрешают запрещенные постановки и наоборот – запрещают допущенное [1606] . В сентябре 1916 г. артист Г.А. Линевич обратился в ГУДП с жалобой на запрет кронштадтским полицмейстером одобренного цензурой сборника куплетов, которые якобы противны «нравственности и благопристойности», могли оказать «разлагающее влияние на подростков». Линевич все же решился исполнить эти куплеты на сцене, за что получил штраф 10 руб. Цензор М.А. Толстой в ответном письме подчеркнул, что полиция не может цензуровать драматические произведения, поэтому штраф назначен артисту незаконно [1607] . В этих условиях для провинциальных драматургов и антрепренеров мнение столичных цензоров зачастую не являлось решающим, так как не давало фактически никаких гарантий. Гораздо важнее было добиться благорасположения со стороны местных властей, согласовав с ними репертуар во избежание внезапных отмен спектаклей и денежных потерь.

Установившийся в довоенные годы порядок рассмотрения драматических произведений оставался практически неизменным вплоть до Февральской революции. Заседания цензуры собирались нерегулярно, раз в неделю или в месяц. На них цензоры утверждали результаты работы, выносили окончательные решения, давали рекомендации по рассмотрению пьес. В протокол вносились рассуждения и дискуссии о том или ином произведении, в некоторых случаях – подробно, с пересказом содержания. Состав цензоров менялся редко и в основном состоял из пяти человек. К примеру, в течение 1916 г. в состав заседания входили: М.А. Толстой (председатель), барон Н.В. Дризен, В.Э. Фукс, С.К. Ребров, Н.А. Кашперов, Б.А. Петкович.

С началом войны усложнилось взаимодействие драматической цензуры с другими подразделениями ГУДП, а также с военной цензурой.

[1606] РГИА. Ф. 776. Оп. 25. Д. 1196. Л. 90.
[1607] Там же. Л. 83, 86, 89.

Драматические цензоры должны были запрашивать мнение военно-цензурных комиссий по поводу допустимости пьес, содержащих, например, сцены из фронтовой повседневности, описания боев и т.д. Окончательный вердикт в таких случаях выносила, как правило, военная цензура [1608]. Традиционно сильными оставались связи с Центральным комитетом цензуры иностранной, который помогал с прочтением пьес на редких языках и зачастую принимал решения о допустимости к постановке[1609].

Порядок предоставления произведений в драматическую цензуру в годы войны также не претерпел существенных изменений. Наиболее часто их посылали сами авторы, заинтересованные в скорейшем решении судьбы своего опуса[1610]. В некоторых случаях пьесы рассматривались по личному ходатайству на имя высших сановников, а иногда и императора. Так, в мае 1916 г. отставной коллежский регистратор И.О. Васильев обратился в ГУДП с прошением издать его пьесу «За родину», показав ее перед этим Николаю II. Труд, по отзыву Б.В. Штюрмера в письме принцу А.П. Ольденбургскому, «написан доступным для народа языком, дает много бытовых сцен из современной жизни, оставляющих благоприятное впечатление, сильно снабжен пением со словами, соответствующими переживаемому моменту, и весь проникнут чувствами патриотизма»[1611]. В некоторых случаях авторы запрашивали информацию о судьбе произведений, но оказывалось, что почта их не доставила, как получилось с драмой «Незваный гость» (1916)[1612]. Ответ, если он приходил, обычно не содержал мотивировки решений, иногда авторы узнавали их в личных переговорах в помещении драматической цензуры[1613].

Прошения разрешить пьесы подавали и различные организации, прежде всего Дирекция императорских театров, императорское Русское театральное общество, Союз драматических и национальных писателей, национальные

[1608] См., напр.: Там же. Л. 100; Оп. 26. Д. 33. Л. 188.
[1609] Там же. Оп. 25. Д. 1218. Л. 2; Д. 1228. Л. 4, 5.
[1610] Там же. Д. 1182. Л. 31; Д. 1194. Л. 17, 25.
[1611] Там же. Д. 1215. Л. 1, 14.
[1612] Там же. Д. 1196. Л. 116.
[1613] Там же. Л. 56.

объединения (например, Литовское общество в Петрограде[1614], общество «Эстония»[1615] и др.), редакции театральных газет и журналов. Так, журнал «Театр и искусство» просил ГУДП внести в список безусловно разрешенных пьесу Л. Андреева «Милые призраки». Часто делал запросы журнал «Театральные новинки», у которого даже имелась готовая форма обращения, куда вписывались названия пьес[1616].

Одобренные произведения включались в алфавитные списки «драматических сочинений, дозволенных к представлению на сцене безусловно» по состоянию на первое число каждого месяца. ГУДП ежемесячно подавало их для опубликования в «Правительственном вестнике». Гранки списков, готовых к печати, проходили дополнительную проверку. Постановщики и авторы обращались в управление с просьбами включить их произведения либо в «общий» список, либо в одобренный к представлению в народных театрах[1617]. Обновляемые версии списков регулярно запрашивались губернскими властями и полицейскими управлениями[1618]. Так, в январе 1917 г. калязинский исправник спрашивал, допущена ли пьеса «Враги» М.П. Арцыбашева[1619].

Дефицит кадров и высокая нагрузка на цензоров приводили к хроническим задержкам при рассмотрении пьес. Наслышанные о строгостях цензуры, некоторые авторы делали запросы в ГУДП на предмет допустимости той или иной темы для постановки, необходимости отправлять пьесу в военную цензуру сразу[1620]. Им, как правило, отвечали, что формальных ограничений по темам и сюжетам нет, однако на практике таковые существовали, к тому же «допустимость» пьесы всегда оставалась на усмотрение цензора.

[1614] Там же. Д. 1228. Л. 9.
[1615] Там же. Д. 1234. Л. 1–3.
[1616] Там же. Д. 1232. Л. 1, 3.
[1617] Там же. Д. 1151. Л. 6–8 и др.
[1618] Там же. Д. 1152. Л. 1, 4.
[1619] Там же. Д. 1229. Л. 1.
[1620] Там же. Д. 1230. Л. 4.

Начало войны привело к падению количества пьес. Если в 1914 г. их поступило в ГУДП (и новых, и заново присланных старых) 4 453, то в 1915 – 3 597, а в 1916 – 3 244[1621]. Однако это не означало облегчения работы цензоров, так как увеличивалось жанровое и языковое разнообразие произведений. К примеру, в 1914 г. из 2 520 новых пьес на русском пришло 1 998, остальные – на 15 различных языках, в том числе на идише («еврейском») – 119, немецком – 70, латышском – 63, французском – 24, эстонском – 22, финском – 19, польском – 15 и др.[1622] Для просмотра этого массива требовались цензоры, знавшие иностранные языки, а их не хватало.

Среди широкого жанрового разнообразия веянием времени стали патриотические пьесы, повествующие о героизме русской и союзных армий, преступлениях немцев и австрийцев, единении общества перед лицом внешней угрозы. Всего в 1914 г. их вышло 259, по количеству они уступали только пьесам фарсового характера (504)[1623]. В первые военные месяцы, на фоне патриотического подъема, такие произведения пользовались спросом, что увеличивало и предложение. Если в августе 1914 г. из 103 цензурованных пьес к таковым причислялись 18, то в сентябре 1914 г. – 73 из 246[1624]. Затем, однако, началось снижение: 69 в октябре, 65 – в ноябре, 33 – в декабре[1625]. В 1915 г. «патриотических» пьес поступило только 105[1626], и уже в январе они уступали не только фарсам, но и «бытовым» и фантастическим пьесам, а также опереттам[1627]. В июне и августе 1915 г. цензура получила по 3 таких произведения, а в сентябре – ни одного[1628]. За весь 1916 г. их оказалось лишь 34[1629].

[1621] *Федяхина Е.Г.* Драматическая цензура в 1914–1916 гг. // Цензура в России: история и современность: сборник научных трудов. Вып. 8. СПб, 2017. С. 188.
[1622] РГИА. Ф. 776. Оп. 25. Д. 1181. Л. 26.
[1623] Там же.
[1624] Там же. Д. 1136. Л. 32, 36.
[1625] Там же. Л. 40, 44, 48.
[1626] *Федяхина Е.Г.* Указ. соч. С. 189.
[1627] РГИА. Ф. 776. Оп. 25. Д. 1180. Л. 4.
[1628] Там же. Л. 21, 25, 29.
[1629] *Федяхина Е.Г.* Указ. соч. С. 189.

Многие пьесы не относились к войне напрямую, но высмеивали противников России и повседневность во вражеских странах («На войну», «Немецкий лейтенант в турецком гареме», «Немецкий гений двадцатого века», «Пивовар немец из Мюнхена» и др.). Отразились в них и крупные победы русской армии (например, в 1916 г. – «Взятие Эрзерума», «Освобождение Армении или взятие Эрзерума русскими войсками» и др.). Для этого периода характерно обращение к жизни «маленького человека» – героя, приближающего победу («В дни великой войны. Маленькая сценка из жизни пекарей»; «Как русский взял в плен немца»; «Сыны России. Миниатюры из современной жизни» и др.). Однако уже на второй год войны на общем фоне и в репертуаре они оказались практически незаметны.

Театральная печать невысоко оценивала качество этих произведений. Журнал «Театр и искусство» уже в конце августа 1914 г. вопрошал читателя, где же героический эпос и постановки, соответствующие духу времени и масштабам развернувшихся в мире событий? Издание усомнилось в том, что произведения этого рода появятся и будут сыграны на сцене. Одна из причин – драматическая цензура, «которая, конечно, может допустить на сцену лишь пьесу высоко- или, вернее, пафосно-патриотического характера»[1630]. Однако и цензоры не видели в таких произведениях большой ценности. М.А. Толстой в сентябре 1914 г. так обосновал решение не допускать к постановке драму «Казаки, или “За Русь святую”»: «Драма со всякими ужасами немецкого шпионажа и немецких зверств над мирными жителями. К тому же автор, усиливая краски до лубочного художества, заставляет героя пьесы, казака-офицера, проделывать подвиги сказочной силы, с похвальбой и бахвальством, совершенно чуждым действительной удали русского солдата, а потому производит впечатление не только антихудожественности, но и пошлости» [1631] . Этими же причинами объяснялось отклонение пьесы К. Нестеренко «В лазарете». Цензор сетовал, что сюжет свелся к нескольким

[1630] Театр и искусство. 1914. № 34. С. 698.
[1631] РГИА. Ф.776. Оп. 26. Д. 33. Л. 184.

незамысловатым сценам: «Раненые солдаты в разговоре с посетителями описывают невероятные свои подвиги вычурным пошлым языком. Другие описывают ужасы войны нервным посетительницам. Третьи стонут в бреду»[1632]. Просмотр «патриотических» пьес отнимал у цензоров немало сил и времени. Требовалось внимательно следить, чтобы не разглашались военные тайны, не показывались с худшей стороны русская армия и ее союзники.

Сохранялся действовавший с 1837 г. запрет изображать на сцене монарших особ, в том числе иностранных[1633]. Политика МИДв в этом вопросе оставалась запретительной, продолжая традиции, заложенные при Николае I. Так, в 1911 г. были отклонены ходатайства на включение царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета в число действующих лиц конкурсных пьес к 300-летию Дома Романовых. В том же году МИДв рекомендовало исключить из предложенных фирмой «Братья Патэ» картин к 100-летию Отечественной войны 1812 г. фигуры Александра I, а также ряд эпизодов, которые «могут представить в нежелательном освещении деятельность нашей армии, а также задеть религиозное чувство русского народа, как например: “казаки поворачивают назад”, “казаки рассыпаются и отступают за реку”, “французские солдаты отступают к Березине в маскарадных костюмах, т.е. в ризах, рогожах, попонах”»[1634].

В годы Первой мировой войны запреты выводить в пьесах монарших особ продолжились. Запрещались и указания на монархов, даже если они не были названы по имени. В феврале 1915 г. в постановке в Большом театре оперы Н.А. Римского-Корсакова «Ночь перед Рождеством» из числа героев исключена «Царица»[1635]. Драматическая цензура последовательно соблюдала этот запрет, безотносительно сюжета и художественных качеств произведения. Касалось это и русских государей прошлого, даже при

[1632] Там же. Л. 204.
[1633] *Федяхина Е.Г.* Указ. соч. С. 192.
[1634] РГИА. Ф. 472. Оп. 49. Д. 1441. Л. 126–127об.
[1635] Там же.

эпизодическом появлении. К примеру, директор «Театра музыкальной драмы» И.М. Лапицкий в феврале 1916 г. подал Николаю II прошение разрешить при постановке оперы «Черевички» использовать образ Екатерины II. Прошения такого рода шли через МИДв, которое в данном случае обратилось за советом к министру внутренних дел А.Н. Хвостову. Тот ответил, что роль императрицы в произведении «незначительная», а в постановке – еще меньше, и на этом основании ходатайство отклонил[1636]. Более того, сама эпизодичность роли монарха часто считалась недопустимой. В пьесе «Лизанька Сандунова» (1915) Екатерина II, по отзыву цензора, «стоит на втором плане и нужна лишь как вершительница судьбы героини». Тем не менее в сентябре 1915 г. Николай II в виде исключения разрешил постановку[1637]. Учитывались в таких случаях и политические обстоятельства войны. Так, в сентябре 1914 г. запретили ранее разрешенную пьесу П. Гнедича «Ассамблея». В заключении отмечалось, что «едва ли стремление Петра Великого спаять Россию с Западом посредством немцев и голландцев, о чем народ услышит со сцены, является соответствующим настроению настоящего момента»[1638].

Печать считала такие запреты в военное время совершенно излишним и к тому же нелогичным, поскольку в рисунках и карикатурах изображения и описания монархов допускались. «Вечернее время», часто критиковавшее Министерство иностранных дел, и здесь увидело «руку» этого ведомства, которое «почтительно и бережно» относилось к Вильгельму II, в частности блокируя карикатуры с его участием[1639]. На деле ключевым сторонником запрета выступало МИДв и лично граф В.Б. Фредерикс. Считалось, что в каких бы отношениях ни находились государства, монархия как институт не должна подвергаться насмешкам и критике.

[1636] РГИА. Ф. 776. Оп. 25. Д. 1209. Л. 1–3.
[1637] Там же. Д. 1666. Л. 3, 7–8.
[1638] Там же. Оп. 26. Д. 33. Л. 174.
[1639] Цит. по: Театр и искусство. 1914. № 38. С. 764.

В годы войны авторы патриотических пьес часто обращались к образу Вильгельма II, но практически всегда получали отказ. Не допускались на сцену десятки произведений с кайзером в главной роли, например, гротеск А. Аверченко «Трудовой день Вильгельма II-го»[1640], многие сатиры («О царе Вильгельмьяне и непокорном Альберте»[1641], «Торговый дом берлинер Кайзер и Ко»[1642], «Как провалился Вильгельм»[1643], «Мания пангерманоза»[1644], «Царственный палач»[1645], «Как Вильгельм шел на войну»[1646] и др.). В ряде случаев цензоры обосновывали решение тем, что германский император выведен «в смешном и оскорбительном виде» (как в оперетте «Вильгельм кушает компот»)[1647]. Когда в начале 1916 г. дворянин П.Н. Лупул прислал в цензуру рукопись пьесы «Враги человечества», где Вильгельм II показан в образе человека-зверя, ему ответили, что «по формальным причинам эта пьеса как изображающая в недостойном виде монарха чужой, хотя и враждебной нам страны подлежит запрещению». Принимая во внимание «особое значение пьесы в настоящее время», ее отправили М.А. Толстому на повторную цензуру, но тот признал пьесу «неудобною». Лупул считал это решение глубоко ошибочным и выразил уверенность в том, что в союзных странах ее бы допустили до сцены. Интересно, что в июне 1916 г. автора пригласили в ГУДП для «переговоров» и объяснения причин отказа[1648].

Реже и, как правило, в компании с Вильгельмом изображались австрийский император Франц Иосиф и турецкий султан, в их отношении запрет также соблюдался неукоснительно[1649]. Между тем произведения с

[1640] РГИА. Ф. 776. Оп. 26. Д. 33. Л. 171.
[1641] Там же. Л. 168
[1642] Там же. Л. 186.
[1643] Там же. Л. 197.
[1644] Там же. Л. 201.
[1645] Там же. Л. 172.
[1646] СПбГТБ ОРиРК. Ф. «Драматическая цензура». № 40325.
[1647] РГИА. Ф. 776. Оп. 26. Д. 33. Л. 167.
[1648] Там же. Д. 1196. Л. 35–36. Личное объяснение мотивов часто практиковалось цензорами, не желавшими фиксировать такие вопросы на бумаге из опасений разглашения.
[1649] Там же. Л. 177, 189, 203, 205, 225, 233, 243, 260 и др.

такими «героями» привлекали в начале войны большое внимание публики, поэтому сочинители стремились обойти запрет. Наиболее частый прием – замена имени, хотя цензорам не составляло труда разглядеть в «Михеле», «Франце», «Вилли», «Вильдгалене» «Василии Федоровиче», «австрийском генерале», «немецком Наполеоне» и «современном Плутоне» германских государей [1650] . В целом образы монархов вражеских государств не допускались на русской сцене вплоть до революции. К примеру, уже в январе 1917 г. запретили пьесу «В Гибельмании» с «Рексом Виндельгельмом» в главной роли, а в феврале – «Суд над Вильгельмом» и «Вилли хочет мира»[1651].

Запрет 1837 г. распространялся и на монархов союзных России держав, в том числе бельгийского короля Альберта I. В годы войны его изображали на многочисленных открытках и иллюстрациях, посвящали ему панегирические издания, стихи и песни. В цензуру неоднократно поступали прошения сделать исключение для этого героического и важного для пропаганды образа. Иногда это удавалось, как, например, в пьесе Л. Андреева «Король, закон и свобода», где Альберта вывели в образе графа Клермона[1652].

Тем не менее, пьеса Андреева тоже наталкивалась на цензурные препоны. 17 декабря 1914 г. В.А. Теляковский в своем дневнике упомянул о телефонном разговоре с С.С. Татищевым по поводу монолога героя пьесы Эмиля Грелье: «Да, это страшный для человека вопрос. Нет, я должен убивать, Пьер. Конечно, я мог бы взять ваше ружье, но не стрелять – нет, это была бы гадость, Пьер, кощунственный обман! Когда мой кроткий народ осужден, чтобы убивать, то кто я, чтобы сохранить мои руки в чистоте? Это была бы подлая чистота, Пьер, гнусная святость, Пьер! Мой кроткий народ не хотел убивать, но его вынудили, и он стал убийцей – ну, значит, и я стану убийцей вместе с ним. И на чьи же плечи возложу я грех: на плечи юношей

[1650] Там же. Л. 220, 234; Оп. 25. Д. 1209. Л. 127, 137, 199 и др.
[1651] Там же. Оп. 26. Д. 41. Л. 3, 11, 14.
[1652] Разрешение получено 31 октября 1914 г. (РГИА. Ф. 497. Оп. 10. Д. 1253. Л. 15).

наших и детей? Нет, Пьер. И если когда-нибудь Высшая Совесть мира позовет к страшному ответу мой милый народ, позовет тебя, Мориса, моих детей, и скажет вам: “Что вы сделали? Вы убивали!” – я выйду вперед и скажу: суди меня сначала, я также убивал, – а Ты знаешь, что я честный человек!»[1653]. Цензор Н.В. Дризен вычеркнул эти строки, но затем Татищев сам просмотрел пьесу и, по словам Теляковского, «ничего не находил в этом монологе». Заведующий репертуаром Александринского театра Н.А. Котляревский считал, что Дризен таким образом мстил за удаление его из редакторов «Ежегодника Императорских театров». «Опять немецкий цензор – это чистое несчастье», – писал в дневнике Теляковский[1654].

Прецедент с пьесой Андреева позволял надеяться, что и в других случаях удастся вывести на сцену царствующих особ. Петроградское попечительство о народной трезвости обратилось в июне 1916 г. в ГУДП с просьбой разрешить на сцене Народного дома императора Николая II ранее запрещенную постановку сочинения П. Шевцова «Бельгийцы». Ее автор «рисует неравную борьбу геройской нации бельгийцев с германцами, варварски опустошившими маленькую Бельгию. <…> Личность короля выведена автором в глубоко трогательных чертах и окружена ореолом достоинства и высокого благородства». В качестве аргумента Шевцов представил удостоверение о благосклонном отзыве о пьесе самого Альберта[1655].

Другая особенность военного времени – повышенное внимание драматической цензуры к сценическим образам офицерства, представители которого зачастую сами выступали критиками театральных и литературных воплощений своей корпорации. Характерный пример – письмо В.А. Сухомлинова П.А. Столыпину 13 мая 1909 г. В нем военный министр жаловался на изображение офицеров «в весьма непривлекательном виде с

[1653] *Андреев Л.Н.* Король, закон и свобода. Пьеса в 6-ти картинах. Пг., 1914. С. 31.
[1654] *Теляковский В.А.* Указ. соч. С. 276.
[1655] РГИА. Ф. 776. Оп. 25. Д. 1213. Л. 6.

исключительным подбором вполне отрицательных характеров», что создавало «не отвечающую государственным интересам атмосферу взаимного недоверия, отчужденности и даже вражды». В ответном письме от 26 мая глава правительства согласился с этим мнением, но отметил, что точное указание, в каком виде допускаются изображения военнослужащих на сцене, может вызвать серьезные затруднения, «преследование же нарушителей такого рода точных правил судом едва ли окажется целесообразным и может даже повести к совершенно нежелательным последствиям». Кроме того, «практика показывает, что на пределы допустимого к изображению на сцене в области драматических произведений существуют крайне разнообразные взгляды» [1656]. Информация о письме проникла в прессу. «Театр и искусство» сравнил эту инициативу с возвратом к временам Николая I и предположил, что гоголевских персонажей (поручик Пирогов, подпоручик Кувшинников и др.) «никакой нынешний цензор… не пропустит»[1657].

Тем не менее, цензоры нередко удаляли из художественных текстов «неуместные» по их мнению изображения армейского быта, опираясь в том числе на п. 5 ст. 1034 Уложения о наказаниях, предусматривающий наказание в виде тюремного заключения на срок до года и двух месяцев виновного в «оскорблении в печати войска или воинской части»[1658]. Так, в изданной накануне войны повести В. Мозалевского «Исчезнувшая мечта» были вырезаны и изменены упоминания о солдатах и казаках[1659]. Позднее Мозалевский вспоминал, что в повести «нашли признаки преступлений – богохульства, оскорбления армии и чуть ли не порнографии»[1660].

[1656] Там же. Д. 961. Л. 1–2об.
[1657] Театр и искусство. 1909. № 16. С. 290–291.
[1658] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Пг., 1915. С. 708.
[1659] Подробнее см.: *Соболев А.Л.* Русский модернизм и цензура: заметки к теме // Филологические науки. Доклады высшей школы. 2024. № 1. С. 84–85.
[1660] Цит. по: *Соболев А.Л.* Мемуары Виктора Мозалевского // Литературный факт. 2019. № 2 (12). С. 106–107.

В 1914–1917 гг. образы солдат и офицеров прочно вошли в театральный репертуар. Судьбы фронтовиков и их семей порождали многочисленные бытовые, «жизненные» сюжеты, часть которых перекочевывала в пьесы и на сцену. Естественно, не всегда военные представали в этих постановках как положительные персонажи, зачастую они изображались неразрывной частью общества, с его недостатками, проблемами и пороками. Однако и такие «сложные» образы вызывали все большее недовольство в офицерской среде. Отчасти эти настроения сказывались и на драматической цензуре, представители которой считали неуместным высмеивание военного сословия через отдельных его представителей.

Широкое распространение получили бытовые сцены первых месяцев войны. В комическом свете изображались мобилизованные, их родственники, соседи. Яркий пример – пьеса «Проводы» М. Белявского. Цензор отметил, что автор «задается целью представить военных в неподобающем виде; отставной полковник в похмелье от попойки с сыном повторяет без конца всем надоедающие рассказы об эпизодах русско-турецкой войны. Пройдоха-денщик непроходимо глуп и в то же время вороват. Сын уходит на войну, изменив своей любовнице, которая с горя идет в сестры милосердия». Пьесу сначала запретили, но после переработки (в частности, удаления сцен пьянства офицеров) все-таки допустили на сцену[1661].

Большое внимание цензура обращала на изображение драматургами морального облика офицеров, их отношения к войне и повседневной жизни на фронте. Так, в декабре 1914 г. отклонили пьесу «Красное зарево», в которой военная среда представлена в лице «офицеров, постоянно ухаживающих или находящихся в связи с дамами. Военные врачи выставлены прямо павианами… выведен отличный боевой офицер: в тылу, в лазарете, плачущий об ужасах войны и о попранных идеалах мира». После переработки произведение разрешили. Офицер, согласно новому сюжету, все еще стенал о попранных идеалах, но «не доводя своей философии до

[1661] РГИА. Ф. 776. Оп. 26. Д. 34. Л. 5, 7.

антимилитаристических начал»[1662]. В подробном отчете о пьесе «Сарабанда» в марте 1915 г. М.А. Толстой особо отметил «комически пошлый тип губернатора, одетого в военную форму. Выведенный на сцену генерал говорит и делает пошлости, угрожает закрыть театр за непочтительность к его дочери, падает под опрокинувшуюся кулису, дрыгает от старческой какой-то болезни ногой. Такое отношение к военной форме совершенно недопустимо»[1663].

Схожим образом охарактеризована и пьеса «Накануне Великой войны», поступившая в ГУДП в июле 1915 г. По мнению цензора, она «полна самых пошлых выходок против офицеров, характеризуемых как скандалистов, развратников, занятых нелепой муштровкой нижних чинов». Критика офицеров здесь также тесно переплеталась с антивоенными настроениями и недовольством окружающей действительностью: «Дворянство и современный строй обличается героинями пьесы, курсистками, стремящимися к обновлению его и главным образом к избавлению от зависимости от мужчин. Милитаризм, якобы продукт нашего подражания Германии, порицается ими при посредстве пошлых митинговых приемов времен так называемого освободительного движения»[1664].

Значительная часть «бытовых» произведений касалась семейных драм, связанных с войной. В стихах, песнях и частушках удалялись даже намеки на тему измен жен фронтовиков[1665]. К примеру, в сентябре 1915 г. запретили пьесу А.П. Леонидова «Просветление». По сюжету молодая женщина Раиса, проводив мужа на войну, завела любовника – немца, который в итоге «оказывается такого сорта, что может вызвать лишь отвращение, и Раиса его изгоняет». Пьесу сочли «неудобной по нынешним временам»[1666]. С той же формулировкой не допустили до сцены и водевиль Д.И. Мануилова «Все

[1662] Там же. Л. 55–56.
[1663] Там же. Оп. 25. Д. 1669. Л. 4.
[1664] Там же. Оп. 26. Д. 34. Л. 17.
[1665] См., напр.: СПбГТПБ ОРиРК. Ф. «Драматическая цензура». № 16656. Л. 6.
[1666] РГИА. Ф. 776. Оп. 26. Д. 34. Л. 39.

немец виноват», повествующий о том, как в отсутствие мобилизованных мужей барыня и ее горничная заводят любовников, в чем винят немцев[1667].

В таких сочинениях семейная измена аллегорически связывалась с изменой родине: мужья и жены не выдерживали суровых испытаний войны и шли на предательство. На фоне развернувшейся борьбы с «немецким засильем» примешивался и национальный элемент: согласно сюжетам, на низкий поступок в пограничной ситуации часто решались этнические немцы, хотя и являвшиеся русскими подданными. Характерен в этом смысле запрет постановки драмы Д. Милюкова «Герой дня». Автор вывел на сцену русского офицера, немца по происхождению, который под влиянием отвергнутой любви передал германцам секретные сведения. «Шпионаж и измена русского офицера и солдата, хотя бы по крови немцев, делают пьесу… недопустимой», – заключил цензор[1668].

В особую категорию можно выделить сочинения, так или иначе упоминавшие работу сестер милосердия, чья репутация как на фронте, так и в тылу была неоднозначна[1669]. Авторы часто высмеивали их «непристойное» поведение, тщеславие, стремление «показать себя» на фоне народного горя. К примеру, в ноябре 1914 г. цензура не допустила на сцену драму «Утешительница». Как писал цензор, главная героиня, жена статского советника Софи де Вездесуйкина, «своеобразно понимает обязанности сестры милосердия. Она посылает в лазарет чашки “стиль ампир”, мясорубку, цветы и во что бы то ни стало хочет сняться рядом с раненым. Для этого она переодевает в больничный халат фотографа и за определенную плату позирует с ним»[1670]. В августе 1915 г. запретили миниатюру «Дамы-патронессы», которую цензор охарактеризовал как «отвратительный пасквиль на дам, причастных к лазаретам и посещающих их с целью

[1667] Там же. Л. 2.
[1668] Там же. Л. 24.
[1669] Подробнее см.: *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика». С. 326–343.
[1670] РГИА. Ф. 776. Оп. 26. Д. 33. Л. 230.

благотворения». По сюжету, изведенный их «глупостями и надоедливостью» раненый солдат пытается спастись бегством[1671].

В служебных инструкциях военным цензорам предписывалось не допускать до печати статьи, «сосредоточивающие внимание на картинах тяжелых событий, например похорон, рисующие сцены испытываемых при этом мучительных душевных переживаний, производящие на читателей гнетущее впечатление»[1672]. По этой причине не были допущены к постановке пьесы «Кошмары войны»[1673] и «Трагедия войны»[1674]. В пьесе «Жертвы войны» Г.А. Фицнер-Перхурова зачеркнуты места: «Такое же горе, как и у Вашей матушки. Я калека, другой брат добровольцем ушел, осталась одна на маленькой пенсии, и я уже теперь ей не кормилец»; «...слов для утешения не найду, да и свое горе ближе к телу... Мне вчера на консилиуме сказали, что навек останусь на костылях…»[1675]. По этой же причине не одобрили пьесу «Парад мертвецов», которая сначала повествовала о любви двух молодых людей, а затем переносила зрителя «в обстановку войны, подчеркивая все ужасы ее, выводя на сцену картины перевязочных пунктов и сцены массовых погребений изуродованных трупов»[1676].

Учитывала цензура и обстановку на фронте, стремясь не допускать «неуместных» сцен и сюжетов, например, о хорошей жизни в плену[1677]. Со второй половины 1915 г. в связи с отступлением из Галиции старательно вычеркивались упоминания взятия русскими войсками Львова и Перемышля[1678]. В конце июля 1915 г. не пропустили пьесу с описанием беженцев из Галиции, проклинавших немцев и Вильгельма. По отзыву цензора, она не содержала «ничего противоцензурного», однако «по нынешним условиям едва ли желательно тяжелое воспоминание о Галиции и

[1671] Там же. Д. 34. Л. 30
[1672] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 18. Л. 8.
[1673] СПбГТПБ ОРиРК. Ф. «Драматическая цензура». № 49401.
[1674] Там же. № 42329.
[1675] Там же. № 52186. Л. 4.
[1676] РГИА. Ф. 776. Оп. 26. Д. 34. Л. 113.
[1677] Там же. Л. 53.
[1678] Там же. Л. 68.

едва ли об этом удобно напоминать со сцены»[1679]. В то же время разрешались пьесы, повествовавшие о страданиях армянского народа под турецким игом, несмотря на то что они содержали, по признанию цензоров, призывы к борьбе с действующей властью и антимонархические посылы[1680].

Особое внимание уделялось изображению на сцене народов и их взаимоотношений. Еще в довоенные годы не одобрялись попытки выставить в плохом свете какую-либо нацию, призывы к насильственным действиям по отношению к иностранцам. К примеру, в июне 1914 г. попала под запрет пьеса «Pro Patria», повествовавшая о разрыве отношений Германии и Франции и предполагаемой войне, начинавшейся внезапным нападением немцев на приграничный французский город. Цензор отметил, что немцы обрисованы «антипатичными, лишенными рыцарского чувства… и все симпатии, конечно, на стороне французов. Я сомневаюсь, чтобы такого рода пьеса, затрагивающая национальные чувства соседнего государства, могла бы быть разрешена»[1681].

Начало войны практически повторило описанный сюжет (только место французских заняли бельгийские города), однако подход цензуры в целом не изменился. Во многих пьесах того времени поднималась тема «немецкого засилья» в экономике, культуре, быту. Цензоры относились к таким произведениям осторожно и, как правило, запрещали их, даже если они касались событий прошлого. Так произошло, например, с пьесой Н.Н. Евреинова «Болваны кумирские боги» (1915), в которой астраханский воевода Тимофей Ржевский объявлял указ Петра I о том, что следует ходить в немецких платьях и брить бороды. Некий Степан Москвитин, прибывший из Москвы, распространил слух, что скоро всех девиц заставят выходить замуж за немцев. Разгорелся бунт, в ходе подавления которого погибли Ржевский и его сыновья. В отрицательном отзыве цензор отметил, что «пьеса

[1679] Там же. Л. 26.
[1680] Там же. Оп. 25. Д. 1161. Л. 4–5, 10–11 об.
[1681] Там же. Оп. 26. Д. 33. Л. 135.

эта по своему существу неудобна для сценического исполнения как изображающая народный бунт». Кроме того, «автор пьесы ясно выражает идею, что “онемечивание” России произошло главным образом благодаря политике и распоряжениям Петра I, что исторически является неправильным»[1682].

Попытки осветить проблему «внутреннего врага» также пресекались, как в случае с пьесой «Колесо жизни», изобразившей «немецкое засилье» в правлении одного из заводов. Хотя в финале немцы были изгнаны с предприятия, постановку не допустили как возбуждающую ненависть между рабочими и администрацией[1683]. Удивление чиновников ГУДП вызвала попытка в ноябре 1916 г. провести через цензуру пьесу «Устала», в которой рассказывалось о жене русского офицера, немке Амалии Александровне, застигнутой войной в Германии и поступившей там на службу в лазарет. Во время ухода за ранеными пленными она встретила своего мужа, который умер у нее на руках. Амалия прокляла войну и отправилась на поле сражения, где кинжалом убивала русских раненых, пока ее не схватили и не предали суду[1684].

Популярность, особенно в первые месяцы войны, сохранял сюжет патриотического подъема, побуждавшего героев отбросить «внутренние распри» и встать на защиту родины. Допустимый сам по себе, он часто сопровождался повествованием о революционном прошлом героев, сценами стачек, арестов и даже убийств представителей власти. В драме Д. Гуськова «С берегов Волги и Амура» (1915) изображалась молодежь, протестовавшая против ареста и казни бывшего студента, застрелившего жандарма. С объявлением войны те же молодые люди добровольно шли на фронт. Хотя, по отзыву цензора, «заключительная тенденция вполне цензурная», пьесу

[1682] Там же. Д. 34. Л. 8.
[1683] Там же. Л. 121.
[1684] Там же. Д. 84. Л. 163.

запретили до переделки первого акта[1685]. По-прежнему не допускались до сцены представления с «социалистической тенденцией» и «антимонархическими идеями», посвященные революционным событиям 1905 г.[1686], а также свержению власти в других странах. Так, в сентябре 1915 г. за наличие сцен младотурецкой революции запретили пьесу «Энвер-паша»[1687].

Произведения, затрагивавшие вопросы международной политики, пропускались редко, как и «неудобные» по тогдашним временам отсылки к событиям далекого прошлого. Так, под запрет попала пьеса «Дочь народа» (1914), повествующая о Жанне д'Арк и напоминавшая о Столетней войне Англии и Франции[1688]. Но наиболее часто нарекания цензоров вызывало не само обращение к теме, а художественные качества пьесы, уместность тех или иных монологов, образов, аллегорий. В пьесе «Оправдание войны» Б.С. Глаголин инсценировал один из «Трех разговоров» (философское сочинение В.С. Соловьева). Генерал, политик, дама, князь и «господин зет» спорят о преимуществах и недостатках войны. Хотя генерал в конце концов доказывает, что война – «великое, честное и святое дело», пьесу запретили[1689]. Не допущен был и шарж «Патриотическая прекрасная Елена». С явной иронией и усмешкой цензор писал: «Прекрасная Елена изображает Россию, а мужем, Менелаем, оказывается болгарский царь Фердинанд. Другие параллели тоже удачны: Парис воплощает бельгийского короля Альберта, Аяксы – Франца-Иосифа и турецкого султана и т.д. Вильгельм в лице Ахилла»[1690].

Большое внимание традиционно обращалось на образ духовенства (прежде всего, православного) и использование библейских сюжетов.

[1685] Там же. Д. 34. Л. 10.
[1686] Там же. Л. 41, 47, 67.
[1687] Там же. Л. 48.
[1688] Там же. Д. 33. Л. 208.
[1689] Там же. Л. 199.
[1690] Там же. Л. 246.

Запрещалось показывать духовных лиц «в неподобающем виде»[1691], хотя такое встречалось редко. В основном оценивалась «уместность» изображения святых в различных контекстах. В марте 1915 г. начальник ГУДП В.Т. Судейкин запретил пьесу «Соломон, царь Израильский» из-за присутствия библейского сюжета. Автор А. Бахметьев переделал ее, сменив название и имена героев и попросив повторного рассмотрения в Синоде. Отказали вновь, так как по-прежнему «легко узнаются те же действующие лица»[1692]. В августе того же года цензура запретила оперетту Ю.А. Юлина «Сказка любви» за то, что в ней изображены библейские герои, да и «форма пьесы – оперетка, едва ли отвечает достоинству содержания»[1693]. Другой характерный случай – запрещенная пьеса «Современная Аспазия», которая «изобилует рассуждениями на тему о церковном браке и в этом отношении едва ли удобна к представлению»[1694].

В религиозных вопросах ГУДП тесно взаимодействовало с Синодом. 16 февраля 1915 г. обер-прокурор А.Н. Волжин писал министру внутренних дел Н.А. Маклакову, что на сцене Михайловского театра разрешена оратория «Апостолы» Э. Эльгара, в которой среди исполнителей значатся «Иисус» и «Мария». Упоминание в концертной программе их имен «не должно быть допускаемо как оскорбляющее религиозное чувство православных христиан»[1695]. В свою очередь начальник ГУДП время от времени просил Синод дать заключение на драматические произведения с упоминанием святых, например, пьесу «Печальник земли» о Сергии Радонежском. Обер-прокурор В.К. Саблер не нашел в ней ничего предосудительного, попросив лишь исключить «мифический элемент (райские птицы – Алконост, Сирин и Гамаюн)»[1696].

[1691] Там же. Д. 34. Л. 22.
[1692] Там же. Оп. 25. Д. 1174. Л. 7.
[1693] Там же. Л. 28.
[1694] Там же. Д. 84. Л. 1.
[1695] Там же. Д. 1165. Л. 1, 14.
[1696] Там же. Д. 1668. Л. 2–3.

Значительное число пьес описывало сюжеты из еврейской жизни, за чем цензура также пристально наблюдала. Часть их разрешалась, в том числе на популярный в то время «бытовой» сюжет: желание евреев выйти замуж или жениться на православных и противодействие этому родителей [1697]. Но зачастую не допускались и обратные примеры (возвращение выкрестов к иудейской вере и «ликование кагала» по этому поводу)[1698].

Война также накладывала отпечаток, создавая прецеденты «низовой» цензуры театра. Характерный случай произошел в Томске в феврале 1916 г. Начальник ГУДП по ходатайству антрепренерши Хази запросил от местного губернатора объяснений, почему тот запретил постановку пьесы «Поташ Перламутр». Чиновник ответил, что первая постановка этой пьесы вызвала «настолько громкий ропот среди значительной части наиболее благонадежного по политическим воззрениям и спокойно настроенного населения… что местный полицмейстер счел своим служебным долгом меня поставить в известность, тем более что все население города Томска и других городов Томской губернии еще с прошлого года обнаруживало заметное возбуждение против иудеев, вследствие непрерывно со всего фронта наших армий приходивших… сообщений и рассказов участников войны о бесчисленных случаях шпионажа и всевозможного предательства со стороны иудеев. В воздухе запахло иудейским погромом». Доводы эти, однако, не показались Судейкину убедительными: в письме министру внутренних дел он отметил, что пьеса фарсовая, изображает американских евреев и может без ограничений ставиться на сцене[1699].

Особое место в цензурных отчетах занимали произведения, ставшие предвестниками «распутиниады» 1917 г. Попытки вывести образ Г. Распутина предпринимались постоянно, и цензорам приходилось внимательно отслеживать любые его появления на сцене. Здесь задача

[1697] Там же. Оп. 26. Д. 84. Л. 11, 93, 96, 189.
[1698] Там же. Д. 34. Л. 25.
[1699] Там же. Оп. 25. Д. 1210. Л. 1, 6.

оказалась сложнее, чем с Вильгельмом II или Францем Иосифом: видя огромный интерес публики к фигуре «старца», авторы проявляли куда больше изобретательности. К примеру, автор пьесы «Может быть, завтра» (1915), переделав ее героя из «сказителя-мужика в модного писателя, типа Максима Горького, пользующегося успехом у дам, уничтожил ту аналогию с Распутиным, которую могли усмотреть некоторые лица»[1700]. В большинстве случаев цензорам удавалось разгадать сюжетные намеки. Так, в драме «Проклятие Бога» фигурирует «распутный» старец Егорий, что само по себе давало основания для недопуска (к запрету, впрочем, привели сомнения главной героини в деторождении и протесты ее против положения женщины в семье) [1701] . В пьесе «Салонный балаган» (1915) цензоры разглядели Распутина под именем старца Растегая, «посещающего вдову Ирдатьеву и демонстрирующего свои патологические чувственные проявления» [1702] . Постановку же комедии «Старцы одолели» в декабре 1916 г. сделали невозможной не только название, но и заключительная фраза: «А ведь старцы-то не цариц, а купцов объегорили» [1703] . В некоторых случаях совмещались сюжеты о Распутине и кайзере, как в запрещенной пьесе «Вещий сон Вильгельма и предсказание ему будущей судьбы», где выведен образ «старца», которого любил слушать германский император[1704].

Со сложностями проходила цензуру комедия А.В. Бобрищева-Пушкина «Назарова вода» (1915), повествующая о ярославском мещанине Назаре Карнееве, ставшем популярным знахарем. Обратившуюся к нему княгиню Синеусову Карнеев лечил чудодейственной «назаровой водой» [1705], бывшей на поверку денатурированным спиртом. Княгиня, почувствовав себя лучше, сделала Карнеева своим приказчиком. Со временем он получил большое

[1700] Там же. Д. 1177. Л. 3.
[1701] Там же. Оп. 26. Д. 34. Л. 80.
[1702] Там же. Л. 34.
[1703] Там же. Д. 84. Л. 185.
[1704] СПбГТБ ОРиРК. Ф. «Драматическая цензура». № 33183.
[1705] Возможно, намек на минеральную воду «Кувака», поставки которой на фронт организовал дворцовый комендант В.Н. Воейков, получивший за это прозвище «генерал от кувакерии».

влияние и не только зарабатывал на продаже «назаровой воды», но и помогал различным дельцам с военными заказами и поставкой на фронт некачественной обуви. В пьесе высмеиваются суеверия представителей высшего света, их неискреннее стремление быть ближе к народу, «мода» на благотворительность и легкомысленное отношение к жизни на фоне проблем военного времени (дефицит дров, сахара и др.). Черты Распутина читатель мог разглядеть без труда: показная набожность, фамильярное общение, пьянство, темные дела и, конечно, успех у противоположного пола[1706].

Разрешая постановку при условии нескольких исправлений, цензор писал в отзыве: «Несомненно, что шум, поднятый вокруг имени Распутина, дал тему для этой пьесы, но за исключением кощунственных ссылок на Божью благодать и уподобления героя праведникам... остается банальный сюжет о “вороне в павлиных перьях”, пользующемся глупостью окружающей среды»[1707].

Дело, однако, получило продолжение. С.П. Белецкий рассказывал на допросе Чрезвычайной следственной комиссии, что сообщил об этой комедии министру внутренних дел А.Н. Хвостову, а также А.А. Вырубовой, черты которой угадываются в образе Клеопатры Антоновны Скоропадиной, компаньонки княгини Синеусовой. По словам Белецкого, Вырубова «в настойчивой форме» потребовала запретить постановку. От петроградского градоначальника А.Н. Оболенского Белецкий узнал, что премьера намечалась в тот же день в «Новом театре» актрисы Л.Б. Яворской. Оболенский заметил, что цензор присутствовал на генеральном представлении, и никаких нареканий у него не было. По мнению градоначальника, запрет пьесы, тем более в день премьеры, «не только вызовет интерес к ней, но даст пищу для многих разговоров». Белецкий высказал соображения градоначальника Хвостову, однако тот, видя, что Вырубова придала этому делу «особое значение», решил постановку запретить. В разговоре с Яворской Белецкий,

---

[1706] СПбГТБ ОРиРК. Ф. «Драматическая цензура». № 51783.
[1707] РГИА. Ф. 776. Оп. 26. Д. 34. Л. 65.

по его словам, «указал на общие причины, заставляющие нас класть преграды всяким публичным выступлениям, связанным с именем Распутина». Яворская пожаловалась на свое непростое материальное положение и подчеркнула, что у нее и труппы были большие надежды и планы на эту постановку. Чтобы труд не пропал даром, Белецкий предложил ей убрать всякую схожесть действующих лиц с Распутиным и приближенными ко двору[1708].

В дальнейшем разговоре с Вырубовой Белецкий отметил, что в связи с отменой премьеры «пошли по редакциям и в публике всякого рода нежелательные разговоры», поэтому пьесу лучше переписать и разрешить. Фрейлина императрицы «с большой неохотой» согласилась, потребовав сначала дать ей почитать исправленный вариант, а во время постановки «проследить как за гримом действующих лиц, так и за тем, чтобы не было никаких отступлений от подлинника».

С.П. Белецкий и С.Е. Виссарионов переработали текст, который и предполагалось поставить на сцене. Своего помощника Н.Н. Михайлова Белецкий просил присутствовать на премьерах. Виссарионов был уполномочен силами полиции прервать представление, если актеры «сделают какую-либо попытку дать намек на выведенное в пьесе лицо». В результате, хотя пьеса вызвала большой ажиотаж, на премьерных показах публику ждало разочарование: на сцене они увидели «старца», но не Распутина. Тот посылал на каждое представление «кого-либо из близких ему дам», которые «боясь, чтобы кто-либо из действующих лиц не вывел их путем грима», настроили Григория Ефимовича против пьесы. Вырубова повторно обратилась по этому вопросу к Хвостову, вновь потребовав запретить пьесу. Белецкий, воспользовавшись тем, что во время одного из представлений актер все-таки загримировался под Распутина, сообщил Яворской, что она не сдержала обещание, и «Назарова вода» была окончательно снята со сцены[1709].

[1708] Падение царского режима. Т. 4. М., 1925. С. 312.
[1709] Там же. С. 313–314.

Обычным делом во время представлений оказывались отступления актеров от текста. На слабый контроль над репертуаром указывают и официальные документы. Так, в циркуляре ГУДП от 28 июля 1916 г. отмечались многочисленные случаи изменений фамилий авторов и переводчиков пьес[1710]. Организаторы меняли названия и самих спектаклей, ставя таким образом на сцену произведения, запрещенные цензурой[1711]. Известны примеры повторной подачи пьес под другими названиями в надежде, что подмену не заметят[1712]. Призывы усилить наблюдение за театрами оставались в основном декларативными: местные власти и полиция не имели достаточных ресурсов, чтобы следить за всеми представлениями, особенно в больших городах.

В делопроизводство попадали лишь немногие примеры актерских «импровизаций». Как правило, это служебные записки самих цензоров, посещавших театр и кино. Благодаря таким визитам можно узнать, что 21 ноября 1916 г. М.А. Толстой слышал в «Павильоне де Пари», как при воспроизведении монолога «Мать и дитя» актриса «вложила в уста мальчика искажение в смешном виде молитвы Богородице, а в конце монолога ни к селу ни к городу привела ссылку на “Старца с Гороховой”»[1713]. После просмотра в марте 1915 г. цензурированной пьесы «Сарабанда» тот же Толстой указал на целый ряд измененных сцен и большое количество «отсебятины». На замечания хозяин предприятия ответил, что «не намерен считаться с указаниями цензуры и, если воспоследует скандал в смысле снятия пьесы, то это ему послужит лишь выгоднейшей рекламой»[1714].

Серьезной проблемой еще с довоенных времен оставались выступления артистов на сценах в кинотеатрах. Во время посещения одного из них цензор

[1710] РГИА. Ф. 776. Оп. 25. Д. 1195. Л. 1.
[1711] Об отступлениях, например, актеров театра «Фарс» (Невский проспект, д. 56) от согласованного текста см.: Материалы к истории русского театра в государственных архивах СССР: обзоры документов: XVII век – 1917 г. М., 1966. С. 198.
[1712] РГИА. Ф. 776. Оп. 26. Д. 41. Л. 7.
[1713] Там же. Оп. 25. Д. 1208. Л. 42.
[1714] Там же. Д. 1669. Л. 4.

Н.В. Дризен помимо просмотра фильма прослушал «целый ряд куплетов сплошь нецензурного характера». Вызванный на следующий день в ГУДП исполнитель А. Мошковский представил цензурный экземпляр этих куплетов, причем выяснилось, что многие из прочитанных на сцене в сборник не вошли, другие же оказались полностью изменены. На вопрос о причинах такого поведения артист отвечал, что его куплеты «совсем невинны в сравнении с тем, что ежедневно исполняется в других кинематографах»[1715].

Репертуар театров вызывал много нареканий у зрителей и постоянно критиковался в печати. Сами цензоры часто основывали свои решения на мнении о героях, их моральном облике. Критика действительности, освещение бытовых проблем допускались, но до известных пределов. Так, запретили вполне соответствовавшую духу времени пьесу «Обновленная Россия» Ф.С. Синицына. Автор, проводя идею трезвости, «доходит до такой крайности, что выставляет всю Россию до войны копошащейся в разгуле пьянства и похотливых оргиях»[1716].

Большое количество запретов вызывалось обилием «порнографических» и «неприличных» сцен, зачастую не представленных в цензуру. В.Т. Судейкин писал в январе 1917 г. столичному градоначальнику А.П. Балку о фарсе «Вы знаете, m-me Серафэн…»: «Артисты допускают значительные отступления от разрешенного текста, дополняют его целыми сценами, иллюстрируют их неприличными жестами, что в общем делает зрелище совершенно непристойным. Так, вместо разрешенной драматической цензурой во 2 акте кушетки ставится кровать, на которую под одеяло ложатся в одном белье действующие мужчина и две дамы»[1717].

Сразу по нескольким причинам цензура запретила пьесу М.П. Арцыбашева «Война», первоначально изданную в XV выпуске

[1715] Там же. Л. 1.
[1716] Там же. Оп. 26. Д. 34. Л. 116.
[1717] Там же. Оп. 25. Д. 1230. Л. 10.

сборника «Земля» (1914) [1718] . Роман «Санин» (1907) принес писателю широкую известность и в то же время – обвинения в откровенных изображениях человеческих пороков, стремления людей к гедонизму и эскапизму. После романа «У последней черты» (1912) популярность Арцыбашева постепенно угасает. Короткий всплеск интереса вызывают его пьесы военного времени. Однако, как отмечает современный исследователь А.И. Гараев, их успех был обусловлен уже «не столько качеством… литературной основы (оставшейся незамеченной в печатном варианте), сколько предвкушением публикой очередного скандала» [1719] . Видя этот своеобразный интерес к Арцыбашеву, антрепренеры с готовностью поставили бы его новое «военное» произведение, однако запросы по этому поводу в драматическую цензуру из театров разных городов империи получали один ответ: пьеса запрещена и на сцену не допускается[1720].

Сборник «Земля» печатался в Москве, соответственно и отзыв на произведения в нем подготовил МКДП после заседаний 8 и 9 декабря 1914 г. Цензор В.А. Истомин отметил, что пьеса Арцыбашева представляет собой «собрание отдельных сцен, имеющих целью изображение проводов на войну, получение грустных вестей с театра военных действий, ухаживаний за женами ушедших на войну двух праздношатающихся ловеласов (князя и студента), возникновения похотливого полового чувства у одной из жен, проводившей на войну любимого мужа, по отношению к ее обожателю, в объятия коего она и падает при виде возвратившегося с войны мужа с оторванными ногами». Также отмечались «бессодержательные сентенции антимилитаристского характера». В целом произведение Арцыбашева «оказывается не только в высокой степени тенденциозным, но и вполне несвоевременным, могущим оказывать единственно лишь весьма

[1718] Подробнее см.: *Ромайкина Ю.С.* Сборники «Земля» как «московская вариация» петербургского «Шиповника» // Вопросы литературы. 2021. № 4. С. 215–238.
[1719] *Гараев А.И.* История формирования литературной репутации М.П. Арцыбашева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2008. № 2. С. 132.
[1720] РГИА. Ф. 776. Оп. 25. Д. 1194. Л. 28.

нежелательное влияние на зрителей… загрязняет и позорит все возвышенно-идеальное в жизни и стремлениях людей»[1721]. Сборник напечатали, и хотя по решению московской цензуры он изымался из продажи[1722], ныне его можно найти в библиотеках.

Особое внимание обращалось на опасность новых произведений для неокрепших молодых умов. К примеру, пьесу Н.А. Крашенинникова «В частном пансионе» (1916) рецензировал член Совета ГУДП А.В. Муромцев. Она, по его мнению, будет оказывать «разлагающее влияние на учащееся юношество, возбудив в нем не только неуважение, но даже презрение к наставникам». М.А. Толстой напомнил, что «осмеяние педагогов в более сильной форме в современной сатирической пьесе “Иванов Павел” безостановочно продержалось до 200 (с лишком) представлений, не вызывая сомнений в допустимости». Цензор отметил, что пьеса показывает не современную школу, а частный пансион, работавший в 1860-х гг., и потому считал возможным разрешить ее при условии приближения к реалиям той эпохи. В итоге в январе 1917 г. последовало положительное решение[1723].

Цензура по возможности реагировала на критические отзывы зрителей, возмущенных увиденным на сцене. Один из них написал гневное письмо по поводу пьесы «Квартира со всеми удобствами», в которой изображался публичный дом[1724]. Как и во многих других подобных случаях, ее не допустили на сцену. Усиливался и надзор за произведениями, написанными до войны. Так, запрещались постановки на некоторые сочинения Ги де Мопассана, например, «Суд» и «В шкафу»[1725]. Активно в цензуре на сцене участвовала печать, прежде всего правая. В июне 1916 г. «Русское знамя» распространило сведения, что в Казани под именем пьесы «Свадьба» поставлена «крайне безнравственная» комедия «Радий (В чужой постели)».

[1721] ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 3. Д. 2205. Л. 152.
[1722] Там же. Д. 2484. Л. 3об.
[1723] РГИА. Ф. 776. Оп. 25. Д. 1220. Л. 2–3, 4, 9.
[1724] Там же. Д. 1170. Л. 1, 4–5.
[1725] Там же. Оп. 26. Д. 34. Л. 42–43.

ГУДП запросило казанского губернатора, тот ответил, что пьесу разрешил сам М.А. Толстой еще в 1911 г.[1726] Подобные, во многом хаотичные шаги не меняли общей тенденции: постановки значительно отличались от текстов пьес, а возможности для должного контроля над театральной жизнью зачастую отсутствовали.

Проблемы драматической цензуры вполне осознавались властью и активно обсуждались театральным сообществом. Предложения о ее реформе поступали и от столичных театров, и из провинции. 4 октября 1915 г. Воронежская уездная земская управа подала в ГУДП записку с предложением вовсе отменить цензуру театров, в том числе народных. В феврале 1916 г. М.А. Толстой в своем докладе указывал: неясно, чем цензура помешала управе устраивать спектакли, когда пьесы для постановок можно выбрать из списка разрешенных, а новые рассматривались бы цензурой в течение двух-трех дней. Вопрос, следовательно, «сводится к стремлению земства взять на себя обязанности драматических цензоров, деятельность которых не встречает сочувствия земцев» [1727] . В январе 1917 г. Волоколамское уездное земство также ходатайствовало об отмене драматической цензуры для народного театра и об освобождении от военного налога всех билетов на деревенские спектакли стоимостью до 30 копеек. Эти меры «могли бы содействовать успешному развитию одного из видов внешкольного образования – деревенского театра»[1728].

Хотя эти инициативы не получили поддержки, вопрос реформы цензуры в течение войны поднимался все чаще. Журнал «Театр и искусство» писал в январе 1916 г. о разработанном в правительстве проекте, согласно которому разрешение пьесы к представлению передавалось коллегии цензоров. Во главе ее предполагалось поставить Толстого. Кроме того, вводился просмотр пьес на генеральных репетициях. Вновь поднимался и вопрос регулярного

[1726] Там же. Оп. 25. Д. 1217. Л. 1–3.
[1727] Там же. Д. 1219. Л. 5об.
[1728] Там же. Л. 17.

приглашения авторов, директоров театров и других «заинтересованных лиц» в ГУДП для обсуждения судьбы произведений[1729].

Одновременно в Думе обсуждался новый законопроект о цензуре, внесенный летом 1915 г. При его разработке М.А. Толстой считал важным всеобъемлющий анализ опыта прошлого, в том числе зарубежного. Чтобы «ознакомиться с иностранными законодательствами, главным образом в Англии, Швейцарии и Португалии», он попросил прислать драматической цензуре соответствующие законы в этих странах. Русская миссия в Берне сообщила, что никаких подобных законов в Швейцарии нет и что произведения печати просматриваются в каждом кантоне по-разному. Посольство в Лондоне прислало копию действовавшего в Англии закона о цензуре драматических сочинений[1730].

Предпринимались попытки запретить театральные постановки в кинотеатрах. В ноябре 1916 г. артистка Ю. Болсуновская-Дрибасова просила министра внутренних дел ввиду нехватки актеров (многих из которых мобилизовали) разрешить товариществу драматических артистов постановку миниатюр-водевилей совместно с кинематографическими картинами. В ответ на отказ по причине того, что мероприятия формально разные и их нельзя совмещать, она спросила, почему подобное разрешается в других городах и губерниях[1731]. Ответ выявить не удалось, но, вероятнее всего, в дальнейших представлениях артистке отказали: в годы войны цензура только усиливала контроль над кинотеатрами, пресекая попытки проведения на их территории несогласованных представлений.

Серьезной проблемой оставалась задержка при рассмотрении пьес. Совет Русского театрального общества в ноябре 1916 г. предложил для ускорения работы цензуры пропускать представляемые им произведения в первоочередном порядке. В ГУДП ответили, что для этого нужно присылать

[1729] Театр и искусство. 1916. № 3. С. 53–54
[1730] РГИА. Ф. 776. Оп. 25. Д. 1196. Л. 13.
[1731] Там же. Д. 1208. Л. 30–31, 37, 39.

«не слишком большое количество пьес в одно время» и указывать, какие из них необходимо смотреть в первую очередь. Давать же преимущество обществу управление отказалось[1732].

Работа цензуры обсуждалась и на отраслевых съездах, открыто критиковавших власти за отсутствие должного внимания к этому вопросу. Одна из резолюций I Всероссийского съезда деятелей народного театра (январь 1916 г.) гласила: «Драматическая цензура нарушает принципы свободы слова и… руководствуется произвольными соображениями и изменчивыми требованиями администрации», не препятствуя при этом появлению на сцене постановок, «оскорбляющих требования художественного вкуса и добрые нравы». Съезд потребовал отмены предварительной цензуры, настаивая на установлении ответственности авторов и предпринимателей за «преступления, совершенные путем театральных представлений, исключительно по суду с участием присяжных заседателей, без применения каких-либо предварительных кар до вступления приговора суда в законную силу». Требовал съезд и отмены цензуры для народных театров «как русской, так и других национальностей»[1733].

Возникшие еще до войны дискуссии о неэффективности цензуры шли с прежним накалом, а ее существование вызывало растущее недовольство представителей театрального мира. Проблема заключалась не только в работе конкретной институции, но и в отношении власти к театру и художественному слову. Сравнение с цензурой кино здесь напрашивалось само собой: посещая сеансы, журналисты видели эту разницу в содержании фильмов и в строгости цензуры. В сентябре 1916 г. последовательно критиковавший кинорепертуар журнал «Театр и искусство» отмечал: «Как это ни странно, но наибольшею свободою кинематографическая индустрия пользуется в России. Наша цензура и наш цензурный устав построены на недоверии к слову и на страхе пред мыслью. Однако и слово, и мысль –

[1732] Там же. Д. 1196. Л. 76–77.
[1733] Театр и искусство. 1916. № 2. С. 40.

благородные проявления духа, которые вообще не могут быть вредны, ибо и слово, и мысль вызывают противо-слово и противо-мысль и во всяком случае относятся к области критического восприятия. Немой и бессмысленный кинематограф, с точки зрения цензурных традиций, поэтому считается безвредным и благонадежным, и потому свобода сочинения кинематографических пакостей (в обширном смысле понятия) не встречает особых препятствий, и пошлость льется широкой струей. <…> Благодаря слову театр не имеет у нас возможности показывать многое, что показывает кинематограф, между тем должно было бы быть как раз наоборот: благодаря слову театру должно разрешать многое, что без слова и мысли является вредным и недопустимым»[1734]. Без пересмотра властью этого отношения к театру, намекал журнал, какие-либо цензурные реформы бессмысленны, и эта точка зрения превалировала вплоть до Февральской революции.

4.2. Контроль за кинематографом накануне и в годы Первой мировой войны[1735]

Производство кино и его цензура появились в России практически одновременно. Съемки коронационных торжеств в 1896 г., а также кинохроники жизни царской семьи в последующие годы находились под пристальным контролем Министерства императорского двора (МИДв). Ведомственный циркуляр 1898 г. устанавливал, что киноленты с участием членов императорской фамилии должны были демонстрироваться «не под музыку и каждый раз в особом отделении программы, после некоторого

[1734] Там же. № 37. С. 739.

[1735] При подготовке данного параграфа были использованы материалы статей: *Богомолов И.К.* Цензура кинематографа в России в 1898–1914 гг. // Российская история. 2024. № 5. С. 76–91; *Богомолов И.К.* Кинематографическая цензура в России в годы Первой мировой войны // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2024. Т. 65. № 5. С. 70–96; Богомолов И.К. Придворная цензура в России в годы Первой мировой войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. № 12-1 (146). URL: https://sochum.ru/s207987840033774-0-1/ [дата обращения – 27.08.2025].

промежутка, не в связи и не вперемешку с показыванием остальных видов т.е. чтобы перед началом появления картины того или другого события опускалась занавесь, затем показывались бы одни лишь эпизоды этого события, после чего опять опускалась бы занавесь. В тех же случаях, когда синематографом [фильмы] будут демонстрируемы в общественных залах – является необходимым, чтобы показывание упомянутых картин отделялось бы некоторым антрактом от воспроизведения картин другого содержания»[1736]. В первое десятилетие XX в. установился и порядок придворной киноцензуры: после подачи прошения производителя фильмов в синематограф направлялся младший чиновник Канцелярии МИДв, дававший заключение о картине. В большинстве случаев цензор не находил в фильме «ничего предосудительного», могли лишь рекомендоваться удаления отдельных кадров и сцен[1737].

Быстрый рост числа кинотеатров, развитие кинопромышленности, появление первых русских игровых фильмов подтолкнуло власти установить административный контроль над новым видом искусства. Циркуляр петербургского градоначальника от ноября 1907 г. предписывал приставам участков «иметь неослабное наблюдение» за репертуаром синематографов, не допускать «явно соблазнительных изображений, а равно картин, несовместимых с требованиями об ограждении общественной нравственности» [1738] . В следующем году полиция была привлечена к контролю над кинопрокатом в Москве[1739], а затем – и во всех городах страны, где появлялись синематографы. С этого времени установились особенности киноцензуры в России: она не имела централизованного руководства, решения по каждому конкретному фильму и кинотеатру принимали приставы участков[1740]. В таком виде цензура с самого начала вызывала много

[1736] Цит. по: *Григорьев С.И.* Указ. соч. С. 221–222.
[1737] Там же. С. 222–223.
[1738] Сине-фоно. 1907. № 2. С. 9.
[1739] Там же. 1908. № 12. С. 10.
[1740] См., напр.: Хроника иркутского кино. 1897–1917. Иркутск, 2022. С. 129, 133.

вопросов и нареканий со стороны прокатчиков и владельцев синематографов. Особенное недовольство вызывала непоследовательность цензоров. Разрешенная в одном городе, картина могла быть запрещена в другом, часто подобные случаи имели место в разных частях города, а иногда – и на соседних улицах[1741].

Проблема цензуры усугублялась на фоне взрывного роста кинорынка империи. К 1910 г. кинотеатры появились в большинстве городов и активно распространялись в сельской местности, в прокате увеличивалось число как российских, так и зарубежных картин. Полиции в крупных городах становилось все труднее контролировать синематографы, множились примеры противоречивых решений. На I всероссийском съезде кинематографических деятелей в августе 1911 г. явственно оформился запрос представителей отрасли на централизацию и упорядочение цензуры, введение единых и понятных правил работы. Характерно, что вопрос о цензуре стал одним из немногих, которые не вызвали острых споров: в специальной резолюции съезд единогласно выступил за сосредоточение цензуры в Москве как центре кинопромышленности России[1742].

Помимо приставов, фактическими цензорами выступали представители местной власти, нередко препятствовавшие прокату фильмов, которые им не понравились по тем или иным причинам. Массовое недовольство репертуаром, заполненным преимущественно «легкими» комедиями и драмами, резко контрастировало с быстрым ростом посещаемости кинотеатров, их популярностью как места досуга. На этом фоне последовательными противниками нового искусства выступали многочисленные ревнители нравственности и многие представители Церкви, видевшие в кино символ упадка культуры и источник «развращения» населения[1743]. Частое посещение кино детьми и подростками вызывало

[1741] Сине-фоно. 1908. № 2. С. 3.
[1742] Вестник кинематографии. 1911. № 17. С. 10; № 19. С. 18–19.
[1743] См., напр.: Вестник кинематографии. 1911. № 19. С. 18.

беспокойство родителей и представителей учебных заведений, которые видели в этом причину падения успеваемости, ухудшения зрения и распространения «пошлости и разврата» в неокрепших молодых умах[1744]. В 1912–1914 гг. руководство учебных заведений и округов принимало различные ограничительные меры, вплоть до полного запрета посещения синематографов учащимися[1745].

Несмотря на эти во многом стихийные предложения по усилению контроля над кино, этот вопрос так и не был всерьез поставлен в предвоенные годы. Основная причина заключалась в том, что «низовой» запрос в этой сфере поначалу не встречал официального отклика «сверху». До Первой мировой войны российская власть в вопросе цензуры кино предпочитала следовать за общественными настроениями, избегая общих решений и возлагая ответственность на местную администрацию и полицию. В этом – значимое отличие кинематографической цензуры от печатной и драматической, в которых инициатива изначально принадлежала государству.

Как в черновых, так и в окончательном варианте «Временного положения о военной цензуре» кинематограф не упоминается, контроль над ним, таким образом, оставался на усмотрении местных властей. Однако ситуация отныне зависела и от того, находилась ли губерния в зоне «полной» или «частичной» военной цензуры. Принципиальным отличием было расширение полномочий военных властей: показ того или иного фильма командующий округом или фронтом мог ограничить своим приказом[1746].

В тылу цензура кинолент оставалась в ведении местной военной или гражданской администрации. Обычно ее осуществляли инспекторы типографий и книжной торговли, участковые приставы. Соответственно, и проблемы были прежними: непоследовательность, избирательная жесткость, зависимость от вкусов и взглядов чиновников и полицейских. Очередную

[1744] *Карпова В.В.* «…он отравляет детскую душу»: учащиеся и российский кинематограф в начале XX в. // История повседневности. 2023. № 1. С. 78–95.
[1745] Вестник кинематографии. 1914. № 9. С. 31.
[1746] См., напр.: Сине-фоно. 1917. № 9–10. С. 72.

попытку упорядочить эту сферу предпринял в январе 1915 г. министр внутренних дел Н.А. Маклаков. По его проекту, кинематографическая цензура должна была быть сосредоточена в руках ГУДП, при котором для этих целей планировалось создать особое отделение. Ленты предполагалось вносить в специальный список и публиковать ежемесячно в официальной печати. Картины делились на две категории – для общего просмотра и разрешенные для детей[1747]. Однако дальше проекта дело не пошло.

В феврале 1915 г. были опубликованы «Главные указания гг. инспекторам при просмотре кинематографических лент», которые составил старший инспектор типографий, литографий и т.п. заведений в Петрограде В.В. Познанский. Автор предпринял попытку стандартизировать работу приставов, просматривавших фильмы, дать четкие и универсальные указания, когда кино может быть допущено в прокат, а когда – нет. В первом пункте указывалось, что появление на экране царской семьи и особ императорской фамилии необходимо согласовывать с МИДв. Картины «из военной жизни или в которых участвуют воинские чины всех рангов» допускались только после просмотра военной цензуры.

Подробно в документе освещены вопросы религии. Запрещалось исполнение киноактерами ролей Иисуса Христа, Богоматери, ангелов и святых угодников, православных духовных лиц (священников, монахов, монахинь, епископов, патриархов), а также демонстрация Евангелия, хоругвей и «всякой церковной утвари». Иконы, крест или распятие в углу комнаты или на стене могли изображаться, «если окружающая обстановка не является оскорбительной для священных предметов». Разрешалось демонстрировать памятники с изображением святых, наружный вид храмов всех вероисповеданий и внутренний вид всех храмов, кроме православных. Кладбища и погосты могли изображаться при условии, что могилы будут зарыты и что там «не происходило сцен, не соответствующих данному месту и не инсценировались бы явления умерших». Разрешалось демонстрировать

[1747] Сине-фоно. 1915. № 8. С. 49.

все религиозные процессии, за исключением православных, показывать богослужение запрещалось для «всех христианских вероисповеданий». Исключение делалось лишь для венчаний «по обряду не православного вероисповедания».

«Область политики» включала запрет изображать и инсценировать «политические процессии и сборища» (кроме оставшихся в далеком прошлом), забастовки и политические убийства. Не допускалось на экраны изображение трупов, гробов и «всяких действий с ними», пыток, казней (расстрел и повешение), посягательств к «изнасилованию или обольщению», медицинских операций, психических больных и сумасшедших. Исключение делалось для «литературных типов выдающихся произведений, как напр. Офелия, Король Лир и т. п.». Разрешалось изображать убийства и самоубийства (кроме «самоповешения»), частную жизнь (при согласии самих прототипов или их родственников), а также сцены ухаживания, объяснения в любви и поцелуи, если они не заключали в себе «никаких признаков развращенности»[1748].

Параллельно предпринимались попытки усилить контроль через наделение ответственных лиц новыми полномочиями, установление единого порядка контрольных просмотров фильмов и создание на местах коллегиальных органов, принимавших решение по поводу той или иной киноленты. К примеру, в Казани 29 августа 1914 г. были отменены киносеансы в связи с приближением всероссийского праздника трезвости[1749]. В Москве в январе 1915 г. было запрещено допускать на предварительные показы картин кого-либо, кроме цензора и представителей кинофирм и кинотеатров[1750]. Распоряжением попечителя Западно-Сибирского учебного

[1748] *Ковалова А., Семенов В.* Кино, цензура и власть в Петербурге-Петрограде 1890–1910-х годов // Apparatus. Film, Media and Digital Cultures in Central and Eastern Europe. 2017. № 4. URL: https://www.apparatusjournal.net/index.php/apparatus/ article/view/36/119 [дата обращения – 20.12.2024].

[1749] Кинематограф в Казани, 1897–1917 гг.: сб. документов и материалов. Казань, 2007. С. 102.

[1750] Сине-фоно. 1915. № 8. С. 48.

округа школьникам с 1914 г. запрещалось посещать кинотеатры[1751]. В Новочеркасске в декабре 1915 г. члены родительских комитетов всех средних школ города на специальном собрании приняли решение избрать для посещения детьми два кинотеатра и «организовать предварительную цензуру картин родительскими педагогическими организациями»[1752]. О необходимости цензуры лент заявил в конце 1916 г. съезд директоров народных училищ[1753]. В то же время Синод предложил полностью воспретить частные киносеансы, а съезд «трудового союза христиан-трезвенников» потребовал чаще показывать просветительские, в том числе трезвеннические картины[1754].

С первых месяцев войны к этой работе подключилась ПВЦК. 4 сентября 1914 г. Д.П. Струков обратил внимание начальника штаба Петроградского военного округа, что до сих пор не была установлена цензура кинолент[1755]. По договоренности с руководством Скобелевского комитета он привлек к просмотру группу военных чинов, во главе которой с 17 сентября 1914 г. как старший военный цензор был поставлен полковник Г.К. Ерошевич, офицер-воспитатель 2-го кадетского императора Петра Великого корпуса[1756]. Его фактическим помощником с начала работы был А.В. Лебедев, секретарь великого князя Александра Михайловича[1757]. К октябрю 1914 г. в группу, помимо Ерошевича, входили офицер-воспитатель 2-го кадетского императора Петра Великого корпуса подполковник Н.П. Жерве и офицер-воспитатель 1-го кадетского корпуса подполковник Г.Н. Смирнов. К ноябрю 1915 г. к группе присоединились также старший инспектор типографий В.В. Познанский, подполковник И.И. Защук и капитан 2-го ранга М.И. Дунин-

---

[1751] *Ватолин В.А.* Синема в Сибири: очерки истории раннего сибирского кино (1896–1917 гг.). Новосибирск, 2003. С. 70.
[1752] Сине-фоно. 1916. № 5–6. С. 83.
[1753] Сине-фоно. 1917. № 7–8. С. 69.
[1754] Там же. С. 60.
[1755] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 19. Л. 101.
[1756] Там же. Д. 6. Л. 199.
[1757] Там же. Д. 44. Л. 127. Несколько раз Ерошевич выдвигал кандидатуру Лебедева как военного цензора, однако его просьбы остались без удовлетворения.

Барковский [1758] . Изначально существовало разделение обязанностей, например Дунин-Барковский просматривал хронику войны на море и в целом фильмы морской тематики[1759].

Работа новым цензорам предстояла большая: к началу войны в Петрограде действовало около 60 кинематографических фирм [1760] . Необходимо было не только сохранить, но и усилить контроль над кинопрокатом, для чего привлекались инспекторы типографий, литографий и книжной торговли. Цензоры просматривали также диапозитивы и картинки, демонстрировавшиеся на лекциях, разрешенных градоначальством. Цензуровались и материалы к лекциям не на военную тематику, например – картинки с экспедиции Г.Я. Седова к Северному полюсу [1761] . К работе подключился и Скобелевский комитет, который отсылал список просмотренных за неделю лент помимо ПВЦК также в петроградское градоначальство для последующего напечатания в официальной прессе[1762].

Первая мировая война внесла коррективы и в придворную киноцензуру. С этого времени жизнь большинства монарших особ тесно переплелась с военной повседневностью. Посещения Ставки Николаем II, работа царицы и августейших дочерей в лазаретах, объезды войск великим князем Николаем Николаевичем – все эти сюжеты уже нельзя было считать исключительно придворной хроникой. К примеру, в девятой серии «Военной хроники» Скобелевского комитета показано посещение императором лазарета Александровской Общины Красного Креста, конюшен лейб-гвардии Конного полка, смотр Гусарскому полку, посещение позиций русской армии и захваченных германских траншей, разрушенного неприятелем селения.

[1758] Там же. Л. 59, 87.
[1759] Там же. Д. 126. Л. 486.
[1760] Там же. Д. 44. Л. 1–2.
[1761] Там же. Л. 51.
[1762] Там же. Д. 442. Л. 54.

Отдельно показана встреча царя «с крестьянином, нашедшим после разорения его жилища приют с семьей в покинутой неприятелем траншее»[1763].

Демонстрация таких сюжетов попадала уже под военную цензуру, которая должна была контролировать, помимо прочего, публикации изображений прифронтовых районов, траншей и укреплений. Свою роль сыграла и попытка монополизации официальной кинохроники Скобелевским комитетом. Придворная цензура как дополнительная инстанция замедляла выход кинолент в прокат, что вызывало недовольство и в Скобелевском комитете, и в командовании армией. Скрытый конфликт отражала телеграмма начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Н.Н. Янушкевича от 13 октября 1914 г.: «Необходимо поставить широко серьезную цензуру на ответственности Совета [Скобелевского] комитета. Никому другому разрешение не давалось. Благоволите заявить это официально подлежащей цензурной власти»[1764]. Вопрос, тем не менее, был отложен, но 25 августа 1915 г., сразу после смены верховного командования армии, Скобелевский комитет напомнил о своих правах. В письме в канцелярию МИДв он просил отзыв о картине «Ставка Верховного главнокомандующего 19 августа 1915 года» завершить иначе, «без указания о разрешении к демонстрированию вышеуказанной картины»[1765].

Иными словами, придворной цензуре указывалось на ее второстепенную роль: запрещать фильмы она не могла, лишь отмечать отдельные их недостатки. На практике это проявилось в ряде решений помимо рекомендаций и замечаний канцелярии МИДв. Так, в ноябре 1915 г. ГВЦК дала положительное заключение о ленте «Великая Европейская и Русско-германская война», в которой, помимо прочего, показывались немцы и германские города, а также Николай II и Вильгельм II. Несмотря на замечание придворной цензуры по этому поводу, картина была разрешена к

[1763] РГИА. Ф. 472. Оп. 49. Д. 1441. Л. 4.
[1764] Там же. Л. 69.
[1765] Там же.

прокату. В заключении указывалось, что «русской публике надо показать сцены и из германской жизни, чтобы публика видела, с каким сильным врагом приходится иметь дело нашим доблестным войскам»[1766].

Несмотря на явную утерю монополии на кинорепрезентацию особ императорской фамилии, МИДв сохранил свои цензурные функции, с ним по-прежнему взаимодействовали и Скобелевский комитет, и военная цензура. В целом сохранялись и правила придворной цензуры картин. Так, оставались запреты показывать на фотоснимках и кинолентах церковные обряды и богослужения в высочайшем присутствии[1767]. Порядок работы придворной цензуры также не претерпел больших изменений: после просмотра чиновником канцелярии министерства А.А. Мосолов выписывал разрешение на демонстрацию ленты[1768].

Прошения по поводу демонстрации кинолент приходили от частных лиц, владельцев синематографов, а также от местных чиновников. В декабре 1914 г. воронежский губернатор просил МИДв разрешить в электротеатрах Воронежа фильм о недавнем приезде в город царя. В формальном одобрительном ответе на этот и другие подобные запросы всегда указывалось, что показ ленты должен производиться «под особым внимательным наблюдением заведывающего кинематографом, ручным способом и с такой скоростью, чтобы движение и походка изображенных на ленте лиц не могли вызвать никаких замечаний» [1769] . Указание на необходимость «медленнее» прокручивать пленку при показе фильмов с царской семьей впервые появилось еще в 1902 г., в связи с опасением, что быстрые движения вызовут смех широкой публики[1770]. В заключении на одну из кинохроник о посещении царем фронта прямо указывалось, что если не замедлять пленку, то «движения его величества оказываются слишком

[1766] Там же. Л. 80об., 83.
[1767] Там же. Л. 133.
[1768] Там же. Л. 6.
[1769] Там же. Л. 8–11, 16, 21
[1770] Там же. Л. 133.

быстрыми, имеют характер не прогулки, а какого-то бега, что может вызвать нежелательное впечатление»[1771].

Движения, жесты и позы императора в кинофильмах весьма тщательно цензуровались. Обращалось внимание, что Николай II «почесывает руку»[1772], «следуя за иконой, почесывает бороду»[1773], «вытирает ноги»[1774]. Если лента изображала других особ императорской фамилии, то запросы направлялись в их канцелярии. 15 июля 1915 г. Скобелевский комитет просил разрешить показ картины, где фигурирует Мария Федоровна, на что та после личного просмотра дала согласие [1775] . 17 ноября 1915 г. предварительно просматривался фильм о посещении Ставки императрицей и августейшими детьми. Цензор обратил особое внимание на сцены частной жизни монарха: «наследник шалит, играет со своею собакой, государыня императрица ласкает собаку, государь, спускаясь по ступенькам лестницы, по-видимому, споткнулся, свита его величества играет с наследником и его высочество, осыпанный снегом, подходит к государю императору, причем его величество стряхивает с плеч наследника снег»[1776]. Фильм был отправлен в Ставку и лично просмотрен царем. 22 ноября граф Фредерикс оставил на прошении резолюцию: «Высочайше разрешено»[1777].

Цензором выступала и Александра Федоровна. Так, она разрешила к показу ленту «День годовщины Верховного предводительствования его императорским величием всеми сухопутными и морскими вооруженными силами на театре военных действий, в Ставке 23-го августа 1916 г.», но без демонстрирования эпизодов «прибытие августейшей семьи в кинематограф» и «прогулка августейшей семьи на катере по Днепру»[1778].

[1771] Там же. Л. 5, 5об.
[1772] Там же. Л. 98.
[1773] Там же. Л. 101.
[1774] Там же. Л. 5.
[1775] Там же. Л. 65.
[1776] Там же. Л. 84.
[1777] Там же. Л. 84об.
[1778] Там же. Л. 122, 122об.

Не ускользали от пристального ока придворного цензора и многие другие мелочи. Так, в 1915 г. фирма «Братья Патэ» ходатайствовала о показе лент о путешествиях царя по 17 городам империи. Особых замечаний не было, однако цензор обратил внимание на «некоторые моменты, не совсем удачные». Например, в ленте «Барановичи» великий князь Николай Николаевич «размахивает палочкою, делает во время оживленного разговора движение, как бы приседая». Великий князь Георгий Михайлович «ведет разговор с его величеством не официально, а как бы в семейном кругу»[1779]. Ленты в основном просматривал лично А.А. Мосолов. Оценивая, например, картину о посещении лазарета Александровской общины Красного Креста, он отметил, что «его величество изволил войти в лазарет и сейчас же из него вышел. Такое изображение … едва ли является удобным»[1780]. При просмотре ленты 1915 г. «Прибытие тела его императорского высочества великого князя Константина Константиновича в Петропавловскую крепость» Мосолов обратил внимание на то, как император идет за гробом, а глаза у него смотрят «в сторону»[1781].

Мосолов принимал окончательные решения в каких-либо затруднительных случаях. Так, вышедшая в июне 1915 г. хроника о совещании Совета министров в Ставке оставила у цензора «не совсем благоприятное впечатление: министры изображены не все (нет министра императорского двора и управляющего Министерством внутренних дел), чувствуется, что они держатся неуверенно, и, наконец, имеется несколько не совсем удачных моментов, а именно статс-секретарь [П.А.] Харитонов все время что-то жует, а министр иностранных дел держит все время в руках просфору. Государь император на картине показывается один момент – когда отъезжает вместе с верховным главнокомандующим, а великий князь

[1779] Там же. Л. 28.
[1780] Там же. Д. 1322. Л. 330.
[1781] Там же. Д. 1441. Л. 44.

Николай Николаевич – когда здоровается с некоторыми министрами». Мосолов распорядился: картину «не разрешать, но мне показать»[1782].

Упоминание в последнем случае Николая Николаевича неслучайно. Противопоставление императора и Верховного главнокомандующего (явно не в пользу Николая II[1783]) сказывалось и на работе придворной цензуры, старавшейся не допускать излишнего возвеличивания великого князя. Осторожность и осмотрительность при допуске его образа в кино осталась даже после назначения Николая Николаевича наместником на Кавказе. 2 октября 1915 г. Скобелевский комитет представил в МИДв ленту, изображавшую торжественный въезд великого князя в Тифлис. Мосолов заключил, что фильм замечаний не вызывает, «обращает на себя внимание лишь торжественная, прямо царская обстановка въезда. Испросите по этому поводу указаний г. министра»[1784]. В.Б. Фредерикс, тем не менее, ленту разрешил[1785]. Примечательно, что в отправленном варианте телеграммы Мосолова слова с «торжественная» до «министра» зашифрованы, видимо, чтобы не подогревать и без того распространенные слухи о конфликте и конкуренции между царем и великим князем[1786]. М.К. Лемке записал в дневнике 3 января 1916 г.: «Народ убежден, что вел[икий] князь Николай Николаевич умер, но смерть его скрывают, – умер как мученик за Россию, неугодный царю. Даже офицеры в ведомстве военной цензуры распространяют эту басню»[1787].

Демонстрация на экранах в качестве киногероев монарших особ (как современных, так и из прошлых эпох; как русских, так и зарубежных) запрещалась вплоть до Февральской революции. Исключения были крайне редки и зависели, как правило, от воли Николая II. Такой подход объяснялся не только цензурной практикой, но и политическими, пропагандистскими и

[1782] Там же. Л. 55.
[1783] Подробнее см.: *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика». С. 444–463.
[1784] РГИА. Ф. 472. Оп. 49. Д. 1441. Л. 74.
[1785] Там же. Л. 77.
[1786] Там же. Л. 75.
[1787] *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 342.

художественными причинами. К примеру, в декабре 1916 г. акционерное общество «Г.И. Либкин» ходатайствовало о допущении в прокат картины «Ледяной дом», снятой по историческому роману И.И. Лажечникова, опубликованному в 1835 г. Среди действующих лиц в ленте фигурировала и императрица Анна Иоанновна. В ответной памятной записке канцелярия МИДв отмечала, что прокатчики находят «настоящее время наиболее подходящим для распространения этой ленты, так как в ней проводится идея борьбы с немцами, с немецким засильем в лице Бирона». Однако «способы взаимной борьбы партий Волынского (противонемецкая партия) и партии Бирона (немецкая партия) отличаются такою жестокостью, что не могут не действовать на нервы зрителя, напр[имер] обливание человека на морозе ледяной водой и обращение его в ледяную статую, бросание трупа в прорубь на Неве, казнь Волынского на Троицкой площади в Петрограде, причем видно, как палач опускает топор на голову Волынского». На таком фоне неуместным придворная цензура посчитала появление в фильме императрицы Анны Иоанновны, выведенный образ которой как милостивой правительницы «даст основание видеть в ней человека, слабого волею, поддающегося влиянию своего любимца и даст основание публике заключить об ее общечеловеческих слабостях, что, с точки зрения идеи монархизма, едва ли удобно пропагандировать в народных массах»[1788].

Установившийся осенью 1914 г. процесс киноцензуры в Петрограде в основном остался неизменным до конца войны. Фирмы направляли цензорам уведомления о готовности ленты, время ее просмотра согласовывалось заранее. В отличие от цензоров печати или корреспонденции, цензоры кино не имели четко установленного времени и места работы, ежедневно разъезжая по кинотеатрам и фирмам[1789]. Г.К. Ерошевич, к примеру, обычно просматривал ленты в период с 16:00 до 22:00. В отдельных случаях фирмы просили посмотреть их фильмы вне очереди, так как подходил момент

[1788] РГИА. Ф. 472. Оп. 49. Д. 1441. Л. 126–127об.
[1789] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 44. Л. 137.

премьеры в кинотеатрах[1790]. В сентябре 1914 г. торговый дом «А. Ханжонков и Ко» пригласил Ерошевича в только что открывшийся театр «Паризиана» (Невский пр., д. 80) на показ исторических картин «Волга и Сибирь» и «Ермак Тимофеевич» [1791] . В случае положительного решения фирмы получали специальные разрешения, в которое вписывалось название картины и указывалось, что она «к публичному демонстрированию в кинематографах Петрограда разрешается» [1792] . Помимо цензора, разрешение на показ подписывал В.В. Познанский[1793].

Начало войны вызвало всплеск производства игровых и документальных картин, посвященных сражениям на фронтах, преступлениям вражеских армий и героизму союзных войск. С августа 1914 г. по декабрь 1915 г. Скобелевский комитет снял 52 картины военного содержания: «Стрельба из пулеметов Ингерманландского ополка», «Покорение Кавказа», «Парад войскам Царскосельского гарнизона», «Работа прожекторов», «Его императорское величество Государь император в завоеванном крае», «Бомбардировка Босфора» и др. Частные производители также снимали кинохронику с фронтов, военные драмы и комедии. Цензоры просматривали в это время такие ленты как «Не так страшен немец как его малюют», «Трофеи наших побед», «Энвер-паша – предатель Турции», «В кровавом зареве войны», «Под Льежем», «Осада Лувена», «Немецкое засилье», «Как бабы немца одолели», «Рождество в окопах» и др.[1794].

Даже на пике производства военного кино его доля в общем прокате была невелика. Подсчет разрешений, отложившихся в делах ПВЦК, показывает, что в сентябре 1914 г. из 135 поступивших на просмотр цензуры картин только 36 были посвящены войне и связанным с нею вопросам. В статистике за октябрь разница еще заметнее: только 28 фильмов из 184. В

[1790] Там же. Л. 15, 19.
[1791] Там же. Л. 24.
[1792] Там же. Л. 6.
[1793] Там же. Л. 22–23.
[1794] Там же. Д. 30. Л. 1–2.

дальнейшем удельный вес таких фильмов неуклонно снижался, отражая нараставшую усталость общества от военной тематики, тяготение к комедиям и драмам с легкими, незамысловатыми сюжетами на бытовые и «вечные» темы любви, верности, семьи, дружбы и т.д.

Следует отметить, что Г.К. Ерошевич и его подчиненные должны были просматривать весь кинорепертуар в столице. Предполагалось, что под вывеской комедий, приключенческих фильмов, любовных и исторических драм могли оказаться военные ленты и хроника. Необходимо было также удостовериться, что в фильмах нет аморальных сцен и «нежелательных» сюжетов, связанных с войной (например, тоска солдата по дому, грусть родных в отсутствие ушедшего на войну главы семьи и т.п.) и подпадающих под общецензурные запреты. В результате на предварительный просмотр поступали такие фильмы как «Таинственная укротительница», «Таковы мужчины», «Яд алчности», «Сонька – золотая ручка» [1795]. Подавляющее большинство кинолент допускались столичной цензурой в широкий прокат. В случае запрета цензор давал разъяснения и рекомендации фирмам по переработке ленты [1796].

Понимая, сколь сильное влияние кино оказывает на психику и настроение зрителя, цензура большое внимание уделяла визуальным эффектам, художественным приемам, характерам актеров, деталям быта, одежды и другим мелочам. Особенно цензоров привлекали познавательные и документальные фильмы о помощи раненым и больным воинам. Характерно в этом смысле заключение Г.К. Ерошевича о ленте торгового дома А.О. Дранкова, изображающей заботы Комитета о раненых и увечных воинах в 1916 г. В течение полутора часов в ней демонстрировались перевозка раненых с полей сражений, уход за ними, снятие мерок для протезов. Хотя картина была одобрена великой княгиней Марией Павловной и председателем комитета сенатором Д.Б. Нейдгартом, Г.К. Ерошевич просил

[1795] Там же. Л. 26, 28, 30, 31, 42, 54, 83.
[1796] Там же. Д. 44. Л. 3.

М.А. Адабаша задержать ленту, т.к. она «в целом оставляет тяжелое впечатление». Председатель ПВЦК разделял видение Ерошевича и предоставил фильм на окончательное решение начальника штаба Петроградского военного округа[1797].

На волне высокой популярности темы войны прокатчики нередко шли на игнорирование цензуры и демонстрировали картины, несмотря на прямой запрет. Так, посетивший один из сеансов цензор К.Е. Кометс сообщал коллегам о незаконных показах в электротеатрах «Parisiana» хроники последствий бомбардировки турецким флотом черноморских портов[1798]. 20 октября 1914 г. Г.К. Ерошевич в докладе председателю ПВЦК констатировал, что военная цензура кинематографа «не вполне достигает своей цели», так как ленты, выпущенные до войны, демонстрируются беспрепятственно. Цензор просил направить его помощников во все кинотеатры города для полной перепроверки репертуара. Желательным Ерошевич считал усиление контроля над синематографами в Москве, где предварительный просмотр фильмов по-прежнему производил чиновник градоначальства. Московские власти направляли ленты в ПВЦК, однако это была почти бесполезная работа: даже в случае неодобрения кинопрокатчики Москвы зачастую игнорировали решения военной цензуры[1799].

Большой проблемой был показ довоенных фильмов, так как в новых условиях они могли содержать «неуместные» сцены. Уже на второй день войны в одном из московских кинотеатров была показана хроника с участием Вильгельма II, что едва не привело к разгрому заведения[1800]. Частым явлением был прокат фильмов германского производства. Чтобы получить на

[1797] Там же. Л. 130, 132.
[1798] Там же. Д. 20. Л. 260.
[1799] Там же. Л. 17.
[1800] *Янгиров Р.М.* Другое кино: статьи по истории отечественного кино первой трети XX века. М., 2011. С. 41.

них разрешение, прокатчики нередко выдавали их за датские и шведские[1801]. Цензор Смирнов в ноябре 1915 г. докладывал в ПВЦК, что датская фирма «Nordisk» выкуплена немцами, но клейма остаются прежними, что позволяло беспрепятственно привозить ленты через Скандинавию и «собирать обильную жатву (особенно – с России) даже во время настоящей великой войны» [1802] . Подобные факты вызывали сильное недовольство печати, выступавшей за борьбу с «немецким засильем» во всех сферах русской жизни. К примеру, в мае 1916 г. «Вечернее время» сообщало, что в одном из кинотеатров была показана немецкая лента «Фаворитка сановника» [1803] . Проблема вышла и на правительственный уровень. На заседании Совета министров 8 мая 1915 г. министр путей сообщения С.В. Рухлов обратил внимание, что в Россию ввозятся сотни тысяч германских кинолент и отметил, что тем самым поощряется развитие германской промышленности[1804].

Фонд кинолент, выпущенных до войны и дошедших до России, к 1915 г. оказался внушительным: печать оценивала длину всех фильмов в несколько миллионов метров. В условиях падения импорта и внутреннего производства этот архив был для небольших кинотеатров одной из немногих возможностей привлечь зрителя. Ужесточение требований к прокату заставило центральные и местные власти тратить огромное время на просмотр довоенных лент на предмет отсутствия запрещенных сведений. «Обозрение театров» сообщало в связи с этим в июне 1915 г.: «В настоящее время повсюду кипит работа: вытаскиваются старые фильмы для специальных просмотров. Ввиду громадного количества лент цензуре приходится нести адскую работу. Так, на днях в одной из прокатных контор цензурный просмотр длился с

[1801] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 44. Л. 66, 67, 75. См. также: *Янгиров Р.М.* Указ. соч. С. 41; *Ковалова А.О.* Кинематограф в Петербурге 1896–1917. Кинотеатры и зрители. СПб, 2011. С. 128.

[1802] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 44. Л. 76.

[1803] Немецкие кинематографические ленты // Вечернее время. 1916. 27 мая.

[1804] Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. СПб, 1999. С. 164.

небольшими перерывами с 10 час. утра до $12^{1/2}$ ночи. Еще более эта работа усложняется тем, что многие ленты одного и того же выпуска имеются в разных конторах под разными названиями, и таким образом цензуре приходится по несколько раз смотреть одну и ту же фильму»[1805].

Попытки обойти цензуру были вызваны в том числе и растущими рисками из-за возможного запрета картины или остановки проката. Владельцы кинофирм и кинотеатров одной из действенных мер еще до войны называли цензуру не самих фильмов, а их сценариев. Однако у этой идеи было много недостатков. Больше всего споров вызывала оценка адаптации сценария на экране. «Петроградский курьер» отмечал в июне 1915 г., что «при чтении сценария нельзя уловить некоторых недопустимых с точки зрения цензуры сцен. Кроме того, артисты, разыгрывая сценарий, незаметно могут изменить содержание и смысл картины»[1806]. В итоге к сценарной цензуре в дореволюционном кинематографе так и не приступили.

Опосредованно в киноцензуре участвовали также работники таможни и жандармерии, время от времени находившие фильмы при досмотрах багажа пассажиров поездов. К примеру, 17 августа 1915 г. Петроградское губернское жандармское управление обнаружило у мещанина Воскресенского при въезде в Россию три ленты невоенного содержания («Крейцерова соната», «Вавочка», «Доктор Никольсон»). Уже 20 августа фильмы, после проверки их военной цензурой, были возвращены хозяину[1807].

Цензура при портовой таможне направляла киноленты на просмотр группы под руководством Г.К. Ерошевича[1808]. Перевозка фильмов туда и обратно требовала немалых средств, времени и дополнительного транспорта. Возникали трудности с идентификацией: многие ленты отправлялись без подписей, что значительно затрудняло и замедляло цензуру[1809]. Главной

[1805] У экрана // Обозрение театров. 1915. 13 июня. № 2784. С. 10.
[1806] Кинематограф // Петроградский курьер. 1915. 23 июня
[1807] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 44. Л. 73, 74.
[1808] Там же. Д. 364. Л. 176.
[1809] Там же. Д. 44. Л. 151.

проблемой было отсутствие условий для просмотра фильмов. 2 мая 1916 г. цензор при таможне Ю.И. Вилленц писал М.А. Адабашу, что 5 лент, шедших из Англии через Архангельск, были задержаны, так как их просмотр должен производиться в «абсолютно темной комнате и при лампе из кобальтового стекла, коей у нас не имеется». Адабаш просил Ерошевича просмотреть эти фильмы в какой-либо конторе. Однако посылки с кинолентами обнаруживались так часто, что единичные решения не помогали. Например, 30 апреля 1916 г. из порта в киноцензуру было отправлено 74 ящика с 12 лентами. Ерошевич жаловался, что отвозить их обратно в портовую таможню у него и его подчиненных нет никакой возможности и предлагал организовать цензуру на месте, на что таможня ответила отказом [1810]. Вероятно, к концу 1916 г. этот вопрос был улажен: Ерошевич или другой цензор составляли расписку о вскрытии посылки, просмотре лент и выдаче адресатам. Составлялись ведомости о просмотренных картинах с указанием названия и принятого решения[1811].

Проблема довоенных фильмов и контроля над прокатом в целом оставалась актуальной и острой весь период войны. Одной из главных причин было большое (более 300) количество синематографов и высокой нагрузки немногочисленного штата кинематографической цензуры. Несмотря на все эти трудности, при запросе ПВЦК в свои отделения о дополнительных штатах Ерошевич дважды (в 1916 и 1917 гг.) сообщал, что в кадровом усилении отдел не нуждается [1812]. Фактически единственной просьбой Ерошевича было производство Жерве и Смирнова в полковники, что соответствовало бы их вкладу и объему работы, которая вредно отражалась на зрении[1813].

Отсутствие единой киноцензуры в империи мешало прокатчикам, но зачастую и играло им на руку. Так, запрещенные в Петрограде ленты нередко

[1810] Там же. Д. 417. Л. 1–5.
[1811] Там же. Л. 32об, 33, 38, 42, 43, 58, 61, 65.
[1812] Там же. Д. 20. Л. 119; Д. 44. Л. 161об.
[1813] Там же. Д. 44. Л. 151.

приобретались и демонстрировалось в окрестностях столицы, где местные чиновники, как правило, не были оповещены о решениях группы Ерошевича. В связи с этим приставы участков предоставляли цензорам беспрепятственный допуск в кинотеатры[1814].

Нерешенность вопроса с цензурой вызывала все большее раздражение представителей кинопромышленности, что отражалось и на публикациях в прессе. Журнал «Сине-фоно» в июньском номере 1916 г. негодовал по поводу инициативы нижегородской думы ввести в городе специальную цензуру кино, хотя фактически она существовала уже «чуть ли не особо в каждом городе, полицейской властью»[1815]. Такое же предложение в Москве со стороны гласного городской думы Н.А. Шамина журнал трактовал как новое наступление на кинематограф. Попытка Шамина не увенчалась успехом: городская дума постановила, что у нее есть много других забот и нерешенных проблем[1816]. В Москве, как отмечалось, уже существовала цензура – «строгая, даже чрезмерно строгая»[1817].

Несмотря на неоднократные и публичные жалобы кинопромышленников, ситуация в последующие годы изменилась мало. Об этом свидетельствует, к примеру, справочник «Вся кинематография» за 1916 г. В нем отмечается, что повторная цензура и непоследовательные решения вносили «значительный беспорядок в дело продажи проката» и требовали «непроизводительной затраты труда и времени со стороны целого ряда лиц, призванных цензурировать одну и ту же картину в разных городах России; если бы можно было подсчитать только количество электрической энергии, затраченной на цензурные просмотры, составилась бы очень красноречивая цифра…»[1818]. Столь же критично цензурные проекты оценивала либеральная печать. Так, казанская «Камско-Волжская речь» 27 февраля 1916 г. сетовала,

---

[1814] Там же. Л. 44.
[1815] Сине-фоно. 1916. № 15–16. С. 37–38.
[1816] *Михайлов В.П.* Рассказы о кинематографе старой Москвы. М., 2003. С. 255.
[1817] Сине-фоно. 1916. № 15–16. С. 42–43.
[1818] Вся кинематография: Настольная справочная книга. 1916. М., 1916. С. 67–68.

что план по введению предварительной киноцензуры в Казани приведет к двойному контролю (в столице и провинции), что ухудшит и без того нелегкую жизнь кинотеатров[1819].

Но для многих представителей киноотрасли положительной новостью было бы не уничтожение цензуры, а ее упорядочение и централизация. «Обозрение театров» приводило примеры дискуссий о цензуре кино во Франции и Англии, призывая «ввести и у нас как можно скорее единообразную цензуру картин»[1820]. Журнал «Проектор» признавал в 1916 г.: «В то время как представители других отраслей искусства мечтают о полном освобождении от каких бы то ни было стеснительных пут, ибо искусство – свободно, одни лишь горьким опытом наученные кинообыватели умоляют г-жу Цензуру: “Ради Бога, ограничивайте нас, искореняйте, режьте (в прямом и переносном смысле), но только одним, общим для всех способом, в одном, твердо установленном, ясном, для каждого обязательном, порядке”»[1821].

Вопрос о киноцензуре поднимался в печати часто, однако в основном в контексте необходимости многократно усилить контроль над «распустившимся» рынком. В этой оценке консервативная и либеральная пресса в целом сходилась как до, так и после начала мировой войны. «Дом разврата не сходит с экрана, – с негодованием отмечал обозреватель. – Вот героиня в одном притоне, вот в другом, вот на квартире у какого-то типа. Омерзительные подробности всего происходящего отталкивают и вызывают чувство отвращения»[1822]. Частой была критика кинолент и в цензорских отчетах. Так, в июле 1915 г. постановка повести «Яма» А.И. Куприна была оценена ПВЦК как «почти исключительно ряд картин из жизни публичного дома, изображенных в самой реальной форме: такого рода изображения никоим образом не могут быть признанными, как указывает в своем

[1819] *Алексеева Е.П.* Развитие и становление кинематографа в Казани и Казанской губернии: 1897–1917 гг.: дис. ... к.и.н. Казань, 2004. С. 186.
[1820] Кино-листки // Обозрение театров. 1916. 27–28 ноября. №3291–3292. С. 19.
[1821] Цит. по: *Ковалова А., Семенов В.* Указ. соч.
[1822] Цит по: Наш кинематограф // Новые дни. 1915. 26 июня.

прошении автор повести Куприн, полезными для юношества, поучительными и трогательными». Ходатайство самого Куприна о разрешении постановки было отклонено[1823].

Неоднократно на вред кино для народа указывали представители Церкви, в годы войны в разных городах империи продолжали возникать конфликты в связи с открытием кинотеатров и их репертуаром. Изданный в сентябре 1914 г. указ Синода категорически запрещал производить фотографии и киносъемку памятников церковной старины [1824] . Архиепископ Никон (Рождественский) писал в 1916 г.: «Когда я был в Вологде, против самой семинарской церкви был открыт такой кинематограф: протестовали мы, но бесплодно, ибо сказалась лишняя сажень расстояния, дававшая право хозяевам учреждения открыть его. <...> Останавливаю внимание на кинематографе и твердо заявляю: это много опаснее театра уже по тому одному, что легче устраивается, всюду может легко проникать, а главное – до сего времени нет никакой цензуры для его лент...»[1825].

В печати подчеркивалась неуместность в военное время развлекательных картин на больших экранах. В Киеве в ноябре 1915 г. по распоряжению военных властей была запрещена демонстрация фильмов «уголовного и эротического характера». Обозреватель «Нового времени» писал в связи с этим: «Итак, понадобилось военное положение, чтобы принять меру, необходимость которой, казалось бы, слишком очевидна. <…> Зло так разрослось и так бьет в глаза, что кто бы и как бы ни начал борьбу с этим “внутренним” врагом, его пример должен вызывать на подражание. Ведь на наших глазах происходит что-то совершенно ненормальное и никогда ранее небывалое. Ведь лет 20–25 назад никто бы не поверил, что возможно такое публичное “оказательство” своего рода зрительных

[1823] ЦГИА СПб. Ф. 706. Оп. 1. Д. 1937. Л. 296.
[1824] Подробнее см.: *Чернышов А.В.* Кино и религия. Ч. 1. Из истории взаимоотношений русского православия с кинематографией, 1897–1977. Липецк, 1977. С. 44.
[1825] *Архиепископ Никон (Рождественский)*. Указ. соч. С. 1047.

прелюбодеяний» [1826] . А. Ксюнин на страницах «Вечернего времени» в феврале 1917 г. обратил внимание на прокат фильма «Первая отечественная война 1812 года», где изображалось в том числе и сожжение Москвы французами. Ленту позже запретил московский градоначальник. Сравнивая русский и англо-французский военный кинематограф, журналист посетовал на недостаток понимания «текущего момента», важности кино для поддержания внутреннего единства. На этом фоне «наша публика… пробавлялась обывательской пошлятиной, в кинематографах обязательно изображалось все самое гадкое и унизительное, чаще всего совращение или изнасилование, а что происходит война, что каждый день родит подвиги и героев – об этом как-то забывали». Отдельно Ксюнин отметил неуместность картины о 1812 г.: «Не слышно, чтобы французы и англичане показывали сейчас в кинематографах взятие Севастополя»[1827].

Продолжали появляться и инициативы «снизу» по ограничению работы кинотеатров. Епископ Никон в ноябре 1916 г. ходатайствовал о запрещении спектаклей и кинопоказов в канун праздников и воскресных дней, считая, что «недопустимо в православной стране дозволять исполнение сомнительных игрищ в часы предпраздничного богослужения» [1828] . Однако попытки ограничить посещение кинотеатров, особенно молодежью, скептически оценивались представителями как киноотрасли, так и образовательных учреждений. К примеру, введенные в Киеве ограничения на практике не работали: гимназисты, несмотря на прямой запрет, выходили на улицу после 8 часов вечера и регулярно посещали синематографы[1829]. Учитель-словесник Н.Ф. Шубкин писал в дневнике 12 марта 1915 г.: «...внешкольный надзор привел только к одному: учащиеся изощряются в обмане, переодеваются так, что их даже родные не узнают, и ходят везде, куда им хочется, подвергаясь

[1826] Наконец-то // Новое время. 1915. 11 ноября.
[1827] Наброски // Вечернее время. 1917. 1 февраля.
[1828] Цит. по: *Дадамян Г.Г.* Театр в культурной жизни России в годы Первой мировой войны. М., 1987. С. 19.
[1829] Наконец-то // Новое время. 1915. 11 ноября.

при этом гораздо большим соблазнам, чем в форме. <…> Не лучшие результаты даст и установленная комитетом цензура кинематографических картин. На днях, например, цензора-педагоги одобрили для учащихся картину с самым отчаянным танго, председатель разослал одобрения по всем учебным заведениям. И потом даже сами ученики и родители возмущались этой картиной»[1830].

Нельзя при этом сказать, что военные и гражданские власти не осознавали проблему и не пытались улучшить цензуру кино. Однако системные действия начали предприниматься уже на излете существования старого порядка. Одной из главных мер было сосредоточение съемочного процесса в одних руках. Организовать это на практике оказалось сложно: конфликт интересов с первых месяцев войны разгорелся между крупными частными фирмами и Скобелевским комитетом, выступавшим за передачу ему монополии в создании фронтовой кинохроники. Ставка изначально относилась к съемкам на театре военных действий столь же настороженно, как и к допуску на фронт журналистов. Скобелевский комитет командование считало единственной структурой, которая имела право производить фильмы на фронте, о чем говорит и распоряжение великого князя Николая Николаевича задерживать и высылать всех операторов, не имевших удостоверения Скобелевского комитета, конфисковывать их киноаппаратуру и снятые кадры[1831].

Частные фирмы, видя огромный интерес публики к военным сюжетам, искали любые возможности получить допуск кинооператоров на фронт. Определенные успехи в этом деле были достигнуты к концу 1914 г., что вызвало беспокойство в Скобелевском комитете. Так, в декабре Торговый дом А.А. Ханжонкова намеревался начать прокат картин, снятых на театре военных действий. Совет комитета «вторично» напоминал петроградскому

[1830] Повседневная жизнь старой русской гимназии. Из дневника словесника Н.Ф. Шубкина за 1911–1915. СПб, 1998. С. 402.
[1831] ЦГИА СПб. Ф. 706. Оп. 1. Д. 1766. Л. 1–2.

градоначальнику, что фирма эта неоднократно подавала прошения в Ставку, но всякий раз получала отказ. В связи с этим комитет просил градоначальника дать распоряжение о запрете показа фронтовой хроники от Ханжонкова, а также «разъяснить господину старшему инспектору типографий, что воля Верховного главнокомандующего ни в коем случае не должна быть нарушена»[1832].

Тем не менее эта монополия искусственно ограничивала развитие кинопромышленности и, главное, препятствовала созданию качественной фронтовой хроники, необходимой в том числе и для пропаганды. Военное командование со временем поняло и признало этот недостаток, однако реальные шаги удалось предпринять только на третий год войны. В декабре 1916 г. Николай II по докладу начальника штаба Верховного главнокомандующего повелел «отказаться от монополии Скобелевского комитета в деле производства кинематографических снимков в районе военных действий». Главнокомандующим армиями отныне предоставлялась возможность разрешать частным фирмам и предпринимателям производство фильмов[1833].

Допуск частных фирм предполагал улучшение контроля над кинопроизводством на всех этапах и создание соответствующих инструкций. К 8 декабря 1916 г. были составлены и в январе 1917 г. утверждены «Руководящие указания о порядке допуска на фронт частных фирм и предпринимателей для производства кинематографических снимков и по выполнению военной цензуры последних»[1834]. Согласно им, представители фирм подавали заявление в штабы фронтов с приложением ряда документов. Не допускались к съемкам иностранные подданные, лица еврейской и немецкой национальности, перешедшие в русское подданство после 1 января 1880 г. и «не заслуживающие доверия». Фирмам, получившим разрешение,

---

[1832] Там же.
[1833] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 599. Л. 102.
[1834] Сине-фоно. 1917. № 9–10. С. 54.

выдавалось особое удостоверение[1835]. Фильмы предоставлялись в цензуру в «готовом для демонстрирования виде, с точной формулировкой всех заглавий, надписей и сопроводительного текста». Военная цензура просматривала весь снятый материал, включая обрывки лент, неудачные и испорченные снимки. На разрешенные фильмы также выдавалось отдельное удостоверение. Если лента или часть ее не могла быть допущена к прокату, но разрешался ее показ через определенное время, то копия оставалась на хранении в штабе фронта[1836].

Вопрос о «безнравственности» кинематографа в годы войны сопровождался дискуссиями и слухами о предстоящей монополизации кинопроизводства и кинотеатров [1837] . Так, В.М. Дементьев в своей нашумевшей брошюре «Кинематограф как правительственная регалия» (1915) отстаивал необходимость национализации кинофирм и кинотеатров. Одной из причин он считал низкое качество подавляющего большинства фильмов, не позволявшее поставить кинематограф на службу обществу и государству. Государственный контроль, по его мнению, здесь мало помогает: «При установлении цензуры частных кинематографов правительство будет вынуждено не создавать то, что ему нужно, а лишь выбирать из того, что ему будет предоставлено, т.е. из ряда скверных и вредных картин цензор выберет то, что наименее скверно и вредно, а ловкий предприниматель, имея инициативу в своих руках, будет по-прежнему стремиться заработать на сенсационных и пикантных представлениях»[1838].

Предложения Дементьева были восприняты во властных «верхах» вполне серьезно: в 1915–1916 гг. появились проекты по усилению государственного регулирования киноотрасли и контроля над репертуаром

[1835] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 599. Л. 99–100.
[1836] Сине-фоно. 1917. № 9–10. С. 54.
[1837] Подробнее см.: *Чернышов А.В.* Указ. соч. С. 54–61.
[1838] *Дементьев В.М.* Кинематограф как правительственная регалия. Пг., 1915. С. 31–32.

синематографов[1839]. В конце декабря 1916 г. министр народного просвещения П.Н. Игнатьев предложил учредить особый Кинематографический комитет, призванный ранжировать все фильмы по их культурной ценности и на основании этого определять размер взимаемых пошлин. Также Игнатьев предлагал формировать государственный заказ на учебные и научные фильмы[1840]. 19 января 1917 г. на заседании военно-цензурного отделения штаба Петроградского военного округа обсуждались новые правила цензуры кинематографов[1841]. Однако до Февральской революции конкретные шаги по этим направлениям власти предпринять не успели.

За годы войны изменилось отношение к киноцензуре, которая все чаще ассоциировалась с режимом и «темными силами». Непоследовательность и строгость цензуры привела к утере веры, что даже ее централизация поможет выправить положение. Накануне Февральской революции неприятие цензуры со стороны интеллигенции прорывалось в печать. А.Н. Бенуа в статье для февральского номера «Сине-фоно» за 1917 г. отмечал: «Что-то поговаривали одно время о монополизации и о цензуре кинематографов. Сейчас разговоры замолкли, но это еще не значит, чтобы они не возобновились завтра и не привели бы к мероприятиям в этой области, соответствующим всему поработительному духу нашей эпохи и нашего отечества. Я стал ужасным пессимистом в этом отношении и надежд на какую-то благородную и мудрую терпимость перестал питать совершенно. А наивным приверженцам иллюзий я только посоветую вглядеться в то, что делается не только у нас, но на всем свете (и делается, – о, злая ирония – “во имя свободы”). И вот, будучи убежденным, что кинематограф доживает (у нас, по крайней мере) свои последние дни, что недалек тот момент, когда наш исконный

[1839] Подробнее см.: *Рыбалко В.П.* Информационная политика правительства России: 1905 – февраль 1917 гг. Дисс ... к.и.н. СПб., 2002. С. 160–164.
[1840] *Тарабара Д.О.* Правительственные проекты модернизации российского государства (1906–1917 гг.): нереализованный потенциал эволюционного развития. Дисс … к.ю.н. СПб., 2025. С. 137–138.
[1841] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 44. Л. 150.

отечественный герой, г[осподин] квартальный надзиратель, закроет и этот безобидный храм искусства, я поднимаю голос протеста»[1842].

4.3. Цензура речей и докладов в 1914 – феврале 1917 гг.[1843]

Одним из результатов первой русской революции стало значительное смягчение правил по организации публичных лекций и народных чтений. Согласно высочайше утвержденным 12 октября 1905 г. правилам о публичных собраниях, установился явочный порядок их организации. Желающие подать заявку на проведение публичной лекции или чтения должны были обратиться к начальнику местной полиции, градоначальнику, полицмейстеру, обер-полицмейстеру, исправнику или «соответствующему ему должностному лицу»[1844]. Первая мировая война поначалу не внесла в этот порядок существенных изменений. «Временное положение о военной цензуре» предусматривало предварительный просмотр цензорами конспектов речей и докладов, произнесенных на театре военных действий, к которому Московская губерния (в отличие, например, от Петербургской) не относилась. При этом «Перечень сведений и изображений, не подлежащих оглашению и распространению» касался и всевозможных публичных выступлений[1845].

Наблюдение за исполнением правил о военной цензуре речей и докладов в публичных собраниях в пределах Петроградского военного округа лежало на местных чинах общей полиции, по указаниям губернаторов и градоначальника, «за исключением полосы, отчужденной под железные

[1842] Сине-фоно. 1917. № 9–10. С. 48.

[1843] При подготовке данного параграфа были использованы материалы из статьи: *Богомолов И.К.* Публичные лекции и народные чтения о Первой мировой войне в Московской губернии (1914 – февраль 1917 г.) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2021. № 5. С. 39–54.

[1844] *Чарнолуский В.И.* Настольная книга по внешкольному образованию: полный систематический сборник законов, циркуляров, разъяснений Сената и справочных сведений. СПб, 1913. С. 401.

[1845] Временное положение о военной цензуре. Одесса, 1914. с. 18, 25.

дороги»[1846]. В самой столице цензура речей и докладов оставалась на градоначальнике А.Н. Оболенском, однако перед его разрешением следовала проверка со стороны военной цензуры. На все такие мероприятия командировались чины полиции, тексты и конспекты согласовывались в ПВЦК и, если лекция не затрагивала военных вопросов – в ПКДП. О получении всех одобрений Д.П. Струков сообщал Оболенскому, после чего организаторам высылалось окончательное разрешение[1847]. Лекторы подавали расписку, что будут «строго держаться сюжета и рамок, указанных в конспекте»[1848].

Военная цензура, не получая полных версий докладов и ориентируясь только на краткие конспекты, разрешала практически все лекции. При этом именно на этапе военной цензуры происходили наибольшие задержки, как было, например, с лекцией А.И. Шингарева «Трезвый бюджет, война и налоги»[1849]. ПВЦК изначально не устраивал установившийся порядок одобрения публичных мероприятий, при котором за военной цензурой оставалось лишь формальное одобрение, тогда как окончательное решение все равно оставалось за градоначальником. Струков считал эту работу для военных цензоров лишним и бессмысленным обременением. В докладе начальнику штаба Петроградского военного округа в ноябре 1914 г. он отмечал, что порядок рассмотрения конспектов лекций «представляет значительные несовершенства». Цензоры не могли «входить в обсуждение политической стороны докладов или речей, за отсутствием у них сведений о личности автора, его цели, составе слушателей, настроении аудитории и т.д.», эти сведения были только у градоначальника. Общие положения конспекта не давали по форме изложения оснований к запрещению, но при произнесении лектором приобретали «широкий смысл» и могли заключать в себе «любое политическое содержание». Недопустимость лекции могла быть

[1846] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 15. Л. 2.
[1847] Там же. Л. 5, 10, 11.
[1848] Там же. Л. 8.
[1849] Там же. Л. 24–29.

установлена только если предоставлялся ее полный текст, чего организаторы практически никогда не делали. Это позволяло лектору «выходить за пределы дозволенного и высказывать лично такие суждения, как необходимость автономии для Польши и федеративного ее соединения с Россией, как это имело место на лекции “Мировая война” [Ч.М.] Иоксимовича, или как порицание системы устройства и вооружения наших крепостей Ивангорода и Осовца и др.... что было допущено профессором В.Д. Плетневым в речи „Кто победит в настоящей войне“». В связи с этим Струков предложил передать градоначальству весь контроль над речами и докладами[1850]. Тем не менее ПВЦК и ПКДП продолжали участвовать в цензуре лекций, в том числе и выступлений на «невоенные» темы.

В Москве и Московской губернии сохранился уведомительный порядок организации лекций и чтений. Прошения об их разрешении обычно подавались на имя московского губернатора, либо, если лекция проходила в Москве – на имя московского градоначальника. Просителями выступали как частные лица, так и организации. В прошении указывалось название лекции, имя лектора, место и время проведения, цена билета. Получив прошение, канцелярия губернатора или градоначальника направляла запросы уездному исправнику и в Московское охранное отделение по поводу «благонадежности» лектора.

В июле-сентябре 1914 г. процесс согласований был относительно быстрым. На волне патриотического подъема тематика лекций в основном повторяла распространенные представления о высшем смысле войны, ее причинах, героях и виновниках. Популярны стали лекции о природе и истоках появления германизма, его «вековой борьбе» со славянством и европейской цивилизацией[1851]. Часто затрагивались и темы, тесно связанные с началом войны, например – о вреде алкоголя и положительном эффекте от его запрета, дороговизне, развитии медицины, железных дорог и кооперации,

---

[1850] Там же. Л. 142–143.
[1851] Там же. Д. 79. Л. 7, 18, 34, 37, 45 и др.

женском и национальном вопросах [1852]. Внимание публики привлекали рассказы о «мытарствах» русских подданных во вражеских странах, история «героической Бельгии» и мест, которые оказались в эпицентре столкновения европейских армий (Лувен, Калиш, Галиция и др.)[1853].

Обычно прошение разрешить мероприятие оформлялось на имя губернатора. К примеру, 25 августа 1914 г. московский градоначальник разрешил лекцию В. Михайловского «Великая западноевропейская война», в которой подробно рассказывалось о ситуации на Западном фронте, в том числе – о возможности осады Парижа германской армией. Градоначальник одобрил программу, предписав приставу I участка Мясницкой части проконтролировать, чтобы собранные пожертвования были отданы Центральному бюро при Московской городской управе[1854].

Пристальное внимание обращалось на «благонадежность» лектора, информацию о котором давала полиция и охранное отделение. Так, 9 августа поступило прошение разрешить лекцию П.В. Пирогова «Славянский вопрос в наши дни» на станции Салтыковка, в театре «Лира». Входные билеты стоили от 30 копеек до 3 руб.[1855] Основной темой была борьба балканских славян за освобождение и роль в этом России[1856]. В ответ на запрос охранное отделение сообщило, что Пирогов в 1907 г. прочитал лекцию, которая, вопреки программе, «совершенно не носила научного характера и являлась разбором заслуг и значения писателей..., причем лектор старался главным образом отметить роль этих писателей в освободительном движении» [1857]. Тем не менее, разрешение было получено[1858].

В большинстве случаев лекторы оценивались как вполне «благонадежные», хотя и в этих случаях у властей могли возникать сомнения.

[1852] Там же. Л. 45, 53, 160, 167, 210,
[1853] Там же. Л. 16, 107, 116, 189, 302, 311 и др.
[1854] Там же. Ф. 46. Оп. 4. Д. 445. Л. 1, 3.
[1855] ЦГА Москвы. Ф. 17. Оп. 84. Д. 681. Т. 5. Л. 74, 77.
[1856] Там же. Л. 76.
[1857] Там же. Л. 78.
[1858] Там же. Л. 80, 85.

9 августа 1916 г. тифлисский губернатор А.Н. Мандрыка сообщил в канцелярию наместника на Кавказе, что Г.С. Калфьян хочет прочитать лекцию о смысле современной войны. Лектор, в частности, доказывал, что «правосудие божие на стороне великой православной России и ее союзников». Губернатор отметил, что ничего предосудительного в программе лекции нет, но «таковое содержание ее вряд ли может представлять для публики какой-либо интерес». По сведениям полиции, Калфаян был вполне благонадежен, но «произвел впечатление человека не совсем нормального психически»[1859].

К концу 1914 г. публичные выступления о войне стали подвергаться более тщательному контролю, внимательнее оценивались конспекты и личности лекторов. «Провинности» в довоенный период все чаще становились основанием для отмены мероприятий. Показательна переписка канцелярии московского губернатора с Московским обществом народных университетов (МОНУ). Созданное в 1906 г., оно изначально ориентировалось на просветительскую деятельность и стремилось «в доступной форме, в небольшом количестве лекций, отнимающих у народа не более двух часов в неделю, сообщить некоторое знание, необходимое всякому образованному человеку»[1860].

Лекции о причинах, характере и последствиях войны с сентября 1914 г. были включены в программу общества. На 8 октября в Народном доме Мытищинского вагоностроительного завода председатель МОНУ, историк и правовед Б.И. Сыромятников планировал прочитать лекцию «Мировая война и международное право» [1861] . На страницах печати лектор осуждал германский милитаризм и подчеркивал его неразрывную связь с немецкой культурой [1862] . В программе лекции Сыромятников писал, что война

[1859] Национальный архив Грузии. Ф. 17. Оп. 1. Д. 8620. Л. 47.
[1860] ЦГА Москвы. Ф. 17. Оп. 84. Д. 826. Л. 57.
[1861] Там же. Д. 556. Т. 1. Л. 200.
[1862] См., напр.: *Сыромятников Б.И.* Немецкая культура и немецкое варварство // Русское слово. 1914. 20 декабря.

«органично спаяла народны земного шара в один великий интернациональный союз государств». Вызвана она была в первую очередь угрозой «международному общежитию, брошенной в лицо миру немецким империализмом, закованным в броню сверхмилитаризма без страха и совести». Немцы «подняли руку на самое ценное завоевание человечества новой эры – мирное международно-правовое общение наций». Европа, заключал лектор, должна была подняться на «великий подвиг борьбы за культуру и ее лучшее достояние – право на мир, братский союз народов»[1863].

Сыромятников высказывался о войне вполне в духе большей части русской печати того времени, хотя в его пассажах о «хищном выступлении немецких династий Гогенцоллернов и Габсбургов» можно было увидеть скрытый антимонархический намек. К тому же для властей определяющим фактором была политическая позиция и довоенная репутация «оппозиционного профессора». МОНУ стремилось сгладить это впечатление, подчеркнув в прошении, что содержание лекции «направлено исключительно в сторону выяснения международных отношений в связи с войной и не касается вопросов внутренних». Отдельно отмечалось, что собранные во время лекции средства пойдут на помощь раненым и на столовые для детей фронтовиков[1864]. Тем не менее в проведении лекции было отказано[1865]. Московское охранное отделение сообщило губернатору, что Сыромятников в 1911 г. в знак протеста против политики министра народного просвещения Л.А. Кассо ушел из Московского университета и в дальнейшем преподавал в университете Шанявского. В декабре 1913 г. он читал лекцию в Мытищах по истории России XIX в., в которой «подбором исторических фактов и тенденциозным освещением их, в особенности касаясь условий жизни

[1863] ЦГА Москвы. Ф. 17. Оп. 84. Д. 556. Т. 1. Л. 201.
[1864] Там же. Л. 200.
[1865] Там же. Л. 204.

крестьянского сословия дореформенного времени старался дискредитировать существовавший в России государственный строй»[1866].

Для властей МОНУ было организацией, могущей использовать лекции самого аполитичного содержания для высказывания «крамольных» идей. Военное время стало наиболее частым основанием для отказа в проведении мероприятия. В октябре 1914 г. общество безуспешно пыталось провести лекции И.П. Силинича («Современная война в свете экономических и политических отношений», г. Голутвин), Н.Н. Фатова («Россия и Запад», Мытищи), В.П. Волгина («Англия и Германия», московский Политехнический музей) и Г.К. Вебера («Современная Германия», Мытищи) [1867] . В октябре 1914 г. после очередного отказа московский губернатор Н.Л. Муравьев ответил предельно откровенно: «нахожу в настоящее время какие-либо лекции о войне несвоевременными и таковые обществу (народных университетов – *И.Б.*)… разрешаться не будут» [1868]. МОНУ не оставляло попыток, однако постоянно наталкивалось на отказы, причем зачастую без объяснения причин [1869]. Не пропускались и многие чтения на общенаучные темы, например – лекция Н.В. Воронкова «Вода, ее загрязнение и заразные болезни»[1870].

Особого внимания удостаивались прошения известных ученых и общественных деятелей из других губерний. Разрешая в декабре 1914 г. лекции Н.С. Чхеидзе и А.Ф. Керенского, Д.П. Струков просил вице-президента Императорского вольного экономического общества «исчерпывающих все содержание речей конспектов или, если окажется возможным, то полных текстов этих докладов» [1871]. Осенью того же года инженер из г. Риги А.И. Крауклис просил разрешить профессору Н.А. Гредескулу прочитать в г. Богородске лекцию «Насилие над миром.

[1866] Там же. Л. 229.
[1867] Там же. Л. 210.
[1868] Там же. Л. 234.
[1869] Там же. Л. 20, 26, 32.
[1870] Там же. Л. 33, 36.
[1871] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 15. Л. 289.

Европейская война. Роль в ней России». Лекция до того уже была прочитана в Петрограде и других городах. Программу Крауклис обещал показать богородскому уездному исправнику накануне лекции. Последний позднее докладывал московскому губернатору: «Крауклис – лицо мне совершенно не известное, никто из г. Богородска его для устройства лекций не приглашал. Крауклис своего адреса в Богородске не оставил, а потому место устройства лекций также неизвестно» [1872] . В свою очередь, петроградский градоначальник в феврале 1915 г. сообщил, что Гредескул «является весьма деятельным членом партии народной свободы и в лекциях своих крайне тенденциозен и старается внушить своим слушателям враждебное отношение к действиям правительства». На этом основании лекция не была разрешена[1873], а с Крауклиса взыскали гербовый сбор – 2 руб. за 2 марки[1874].

Подобно театру и кинематографу, в публичных лекциях власти с осторожностью относились к упоминаниям и изображениям зарубежных монархов, в том числе и вражеских государств. Осенью 1914 г., на фоне многочисленных публикаций в прессе о кайзере, тема не табуировалась и в публичных мероприятиях, хотя в это же время образы монархов запрещались на театральных сценах и в кино. В Петрограде благополучно прошли, например, лекции В.М. Бехтерева («Вильгельм II с психологической точки зрения») В.М. Бернацкого («Бисмарк и Вильгельм II»), В.Н. Сперанского («Немецкая философия и немецкий национализм»), В.О. Грузенберга («Вильгельм II и культ сверхчеловека»), А.Н. Брянчанинова («Вильгельм II и милитаризм»)[1875]. Однако с начала 1915 г. критика германской монархии в выступлениях подпадает под фактический запрет. В феврале председатель ПКДП С.Е. Виссарионов признал нежелательными лекции «Германский милитаризм и Вильгельм II» и «Война и русская интеллигенция» М.А. Рейснера, так как «возникает серьезное сомнение в том, насколько допустимо

[1872] ЦГА Москвы. Ф. 17. Оп. 84. Д. 681. Т. 1. Л. 23.
[1873] Там же. Л. 18.
[1874] Там же. Л. 21.
[1875] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 79. Л. 36.

разрешение в настоящее время публичных лекций, затрагивающих такие вопросы как “карикатурный монархизм”, хотя бы и германский (в первой лекции) и “германский социализм”, “война против войны”»[1876].

С этого же времени последовательно запрещались выступления, затрагивавшие «национальные вопросы». К примеру, в январе 1915 г. военная цензура разрешила лекцию Н.А. Гредескула «Россия и польский вопрос», но С.Е. Виссарионов отметил, что «с политической точки зрения возникает серьезное сомнение в том, насколько своевременно и допустимо разрешение в настоящее время публичных лекций, напоминающих о польских восстаниях и обсуждающих будущее устройство Польши»[1877]. 6 февраля 1915 г. была признана нежелательной лекция Ф.И. Родичева «Война и еврейский вопрос», так как Виссарионов сомневался, допустимо ли разрешение лекций, «выдвигающих вопрос о гонимых национальностях и указывающих на необходимость отмены существующих у нас правоограничений» [1878] . С лекциями на подобные темы Ф.И. Родичеву отказывали неоднократно[1879].

Та же судьба постигла близкие по тематике лекции В.А. Мякотина («Еврейский вопрос в русской жизни»), А.Ф. Керенского («Что нового дала война для разрешения национальных проблем»), А.М. Александрова («Идея гражданского равноправия как основная идея современного государства»), А.М. Бобрищева-Пушкина («Исторический момент выдвинул национальную проблему»), Л.И. Лутугина («Еврейской вопрос как общерусский вопрос»)[1880]. «Совершенно недопустимой» С.Е. Виссарионов считал лекцию Н. Русанова «Герцен и польский вопрос», повествующую о «последнем польском

[1876] Там же. Л. 62.
[1877] Там же. Л. 27.
[1878] Там же. Л. 27.
[1879] Там же. Л.85, 90, 100.
[1880] Там же. Л. 85.

восстании и об отношении к нему Герцена, как известно, сочувствовавшего этому восстанию»[1881].

В первой половине 1915 г. власти отказывали лекторам по самым разным причинам, но практически всегда у такого решения был политический подтекст. 25 февраля «сомнения» цензуры вызвал конспект лекции профессора де Роберти «Мировая война и общественные науки». Неуместными признавались, в частности, сюжеты «Война как дефект и болезнь современной культуры», «Две великие исторические даты: 1789 и 1914» и «Истинный и ложный социализм, интернационализм и пацифизм»[1882]. 2 марта Московская уездная земская управа просила разрешить бесплатные лекции М.П. Потемкина «Россия и война» и А.Н. Проппера «По Западной Европе перед войной». Судя по программе, Потемкин предполагал рассказать о борьбе России с Австро-Венгрией и Турцией на Балканах и за выход в Средиземное море. Война, по мнению Потемкина, «есть попытка насильственным путем остановить естественный рост России». Отдельно лектор указывал, что «внешняя борьба с врагами должна сопровождаться напряженной борьбой с экономической и культурной отсталостью России» и отмечал «роль общественной самодеятельности в великой борьбе» [1883] . Лекция была запрещена без объяснения причин[1884].

Если о М.П. Потемкине полиция знала немного, то А.Н. Проппер не раз попадал в сводки охранного отделения. 16 декабря 1914 г. он, «читая лекции на Мытищинских вечерних курсах… по географии и коснувшись в ней текущей войны…, доказывал рабочим, что виновником таковой является одна Россия, якобы давно искавшая удобного случая напасть на Германию, чем вызвал среди рабочих сильное раздумье». На следующий день Проппер читал в университете Шанявского лекцию «Причины войны и участие в ней великих держав», в которой «хотя и старался держаться в рамках

[1881] Там же. Л. 216.
[1882] Там же. Л. 163.
[1883] ЦГА Москвы. Ф. 17. Оп. 84. Д. 556. Т. 5. Л. 195.
[1884] Там же. Л. 318.

дозволенного, но, тем не менее, таковая носила явно социалистическое направление». В связи с этим его участие в чтениях и лекциях было признано нежелательным[1885].

Ситуация начала меняться с лета 1915 г. Вероятно, свою роль сыграл огромный интерес общества к войне, а также необходимость организовывать досуг для раненых и больных воинов. Еще в сентябре 1914 г. священник Серафимовской церкви при женской общине в Новом Кунцеве Смирнов и врачи Сетунской лечебницы писали губернатору, что раненые воины в лазаретах «вынуждены бездействовать», и «чтобы отвести душу и не оставаться наедине со своими мыслями, некоторые из них просят книг, но не все они, конечно, подготовлены к самостоятельному чтению». В связи с этим авторы просили разрешить им почитать, особенно «что-либо успокаивающее и ободряющее»: религиозно-нравственные и исторические сочинения «о Суворове, об Отечественной войне, о Севастопольской обороне» [1886]. В другом письме Смирнов просил провести для раненых чтения исторического содержания, в которых описывались бы «примеры мученичества за веру, царя и Отечество, христианской доблести, патриотизма и милосердия»[1887].

Об устройстве чтений и лекций активно ходатайствовали местные власти. В письме Н.Л. Муравьеву 10 января 1915 г. представители Московской уездной земской управы отмечали: «Переживаемая в настоящее время Великая война вызвала у населения потребность в получении сведений, которые могли бы выяснить ему смысл происходящих исторических событий и познакомить его со способами и условиями ведения войны, со странами и народами, вовлеченными в войну». Как отмечалось в письме, прекращение продажи спиртных напитков «создало у населения досуг, который

[1885] Там же. Л. 319об, 320.
[1886] Там же. Л. 87.
[1887] Там же. Л. 93.

представляется целесообразным заполнить теми или иными образовательными мероприятиями»[1888].

В феврале управа повторила предложение, сообщив о настойчивых просьбах населения сел и деревень рассказывать о войне [1889]. Для удовлетворения этого спроса ею была выработана особая программа чтений, которые предполагалось проводить «по возможности, во всех поселениях уезда, где имеются земские училища», силами преподавателей и служащих управы[1890]. Список книг и брошюр, рекомендованных для подготовки лекций, состоял из трех разделов: «Современная война, ее правовая и техническая сторона», «Чтения по истории и географии европейских государств» и «Чтения об отдельных исторических событиях и личностях». В последнюю категорию были включены, например, издания о Грюнвальдской битве 1410 г., франко-прусской войне 1870 г., русско-турецкой войне 1877–1878 гг., Жанне Д'Арк и президенте США Джордже Вашингтоне. Со стороны управы это была попытка минимизировать вмешательство цензуры, сократить сроки рассмотрения прошений и расширить просветительскую деятельность [1891]. Муравьев ответил, что препятствий с его стороны не встречается, основным условием оставалось предоставление информации о лекторах и местах проведения чтений[1892].

Исправникам были разосланы памятки, чтобы при прошениях указывались брошюры «с точным указанием наименования книги, времени и места издательства, фирмы издательства и фамилии автора, или прилагать брошюры в 2-х экземплярах». Если книга входила в каталог изданий, допущенных в библиотеки низших учебных заведений, то достаточно было указать страницу каталога [1893]. При этом значительной правке подвергся список рекомендованной литературы, составленный управой.

[1888] Там же. Л. 331.
[1889] Там же. Л. 185.
[1890] Там же. Л. 331.
[1891] Там же. Л. 336.
[1892] Там же. Л. 334.
[1893] Там же. Д. 828. Т. 8. Л. 41.

«Недопустимыми» были признаны все брошюры о воюющих государствах. В эту категорию попали и популярные издания «для народа», вышедшие до войны, например – «Немцы» Ф.Ф. Пуцыковича и «Чехи. Поляки. Русины» Е. Водовозовой [1894]. В «Чтениях об отдельных исторических событиях и личностях» запрещено было использовать сочинения о Яне Гусе, Мартине Лютере и Вильгельме Оранском. Под запретом оказались рассказы «Осада мельницы» Э. Золя, повествующий о событиях франко-прусской войны 1870 г., и «Махмудкины дети» В.И. Немировича-Данченко о русско-турецкой войне 1877–1878 гг.[1895] О причинах этих ограничений организаторам лекций не сообщалось, но можно предположить, что эти произведения, по мнению чиновников, показывали союзные народы с неприглядной стороны, могли вызвать у читателей чувство неприятия к войне или сострадание к врагу.

Несогласованность проявилась и в составлении списка изданий для организации чтений. Допустимость книг к публикации и продаже определяли местные комитеты и инспекторы по делам печати, однако информация о том или ином издании у них была далеко не всегда. Книги зачастую отсутствовали даже у организаторов лекций, из-за чего процесс одобрения мероприятий мог сильно затянуться [1896]. В некоторых случаях книги, не допущенные для лекций канцелярией губернатора, комитет по делам печати не запрещал и не налагал на них арест [1897]. В марте 1916 г. Московская уездная земская управа просила губернатора пересмотреть решение народных чтениях по брошюрам К.В. Сивкова («Великая европейская война 100 лет назад и теперь») и Н.П. Огановского («Отчего загорелась великая европейская война?»). Их недопущение нарушало «весь план систематических чтений по вопросам, связанным с переживаемыми событиями, каковые чтения признаны желательными г[осподином]

[1894] *Пуцыкович Ф.Ф.* Немцы: чтение для народа. СПб., 1904; *Водовозова Е.Н.* Как люди на белом свете живут. Чехи. Поляки. Русины. СПб., 1914.
[1895] ЦГА Москвы. Ф. 17. Оп. 84. Д. 556. Т. 5. Л. 338.
[1896] Там же. Л. 490, 491.
[1897] Там же. Л. 496.

министром народного просвещения». В основу указанного плана были положены лекции «о происхождении и значении Великой войны, переживаемой Россией» и «о современной войне в техническом, юридическом и экономическом отношениях». Произведения Сивкова и Огановского управа назвала «единственными популярными брошюрами, составленными на эти две темы и удовлетворяющими научным и литературным требованиям», без них возможны лишь «эпизодические чтения по географии и истории государств, участвующих и заинтересованных в Великой войне 1914–1916 гг.»[1898].

Н.Л. Муравьев ответил, что эти брошюры признаны Министерством внутренних дел «нежелательными», а для чтений порекомендовал книги А.Ф. Погосского («Что такое право войны?»), К.К. Суздальцева («Под Красным Крестом»), Н.А. Рубакина («Как люди научились летать и как летают по воздуху?»), С.А. Ульянина («Современный военный флот»)[1899]. В ответ начальник Сувалкской учебной дирекции Ф.Д. Николайчик, по поручению которого управа и планировала лекции, сослался на циркуляр министра народного просвещения, где было признано необходимым организовать народные чтения по вопросам войны «с целью правильно осветить совершающиеся события, а равно охранить то бодрое, уверенное в себе настроение, какое ныне наблюдается повсюду». Он просил разрешить лекции по указанным брошюрам, которые им уже были «просмотрены и одобрены»[1900]. После этого чтения по ним были разрешены при условии заблаговременного сообщения времени лекции уездному исправнику.

Во второй половине 1915 г. наметились очевидные послабления в вопросе допуска лекций и народных чтений. 7 августа, вопреки логике всего прошлого года была разрешена лекция Н.А. Гредескула («Война и внутренняя жизнь в России»), А.Ф. Керенского («В единении сила») и Ф.И.

[1898] Там же. Д. 681. Т. 2. Л. 46.
[1899] Там же. Л. 81.
[1900] Там же. Л. 87.

Родичева («Что надо делать»)[1901]. Не все «неблагонадежные» ученые и общественные деятели теперь получали отказы. Доктор философии Л.А. Кокушкин получил разрешение организовать серию «патриотических» лекций доктора философии Н.Н. Новикова на тему «Война и культура». Провести их предполагалось в Дмитрове, Сергиевом Посаде, Богородске, Коломне, Подольске, Серпухове. Десятую часть выручки организаторы обещали направить в пользу местных комитетов Всероссийского Земского союза. Петроградское охранное отделение сообщило, что в апреле 1885 г. Новиков был задержан за «произведенный им беспорядок и оскорбление городового», принадлежал к рабочей группе «Народной воли». По двум этим фактам он провел год в заключении, затем был выпущен с запретом проживать в столице. С 1904 г. никаких сведений о нем не поступало. Лекции были разрешены, но земским исправникам было сообщено дополнительно, что лекции устраиваются под личную ответственность Кокушкина и «с тем, чтобы никаких отклонений от содержания вышеуказанной лекции не было»[1902].

В прифронтовых губерниях последнее слово оставалось за военными властями. Сначала запрос разрешить проведение лекции посылался исправником губернатору, а тот согласовывал с командованием военного округа, армии или фронта[1903]. Решение сильно зависело от взглядов командующего или начальника штаба. К примеру, в июне 1916 г. главный начальник Минского военного округа запретил любые лекции «по общим и политическим вопросам». «Особенно важно выяснять, насколько заслуживают доверия устроители лекции, равно как и сами лекторы», – писал он в декабре 1916 г. От губернатора он требовал «исчерпывающей» информации о лекции и лекторах. В результате рассмотрения, были

[1901] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 79. Л. 327, 332.
[1902] ЦГА Москвы. Ф. 17. Оп. 84. Д. 556. Т. 9. Л. 39, 40, 43, 44.
[1903] ГАСО. Ф. 1. Оп. 6 (1916 г.). Д. 11. Л. 23, 29, 40, 43.

запрещены, например, лекции «Государственная дума и национальный вопрос» и «Роскошь и дороговизна жизни»[1904].

Темы для чтений далеко не всегда были патриотическими и могли затронуть неприглядные стороны войны. Так, в октябре 1914 г. в Павлово-Посадском реальном училище состоялась лекция священника В. Востокова «Смысл личных и общественных страданий при свете Евангелия и истории христианства». В программе, помимо прочего, упоминалась «современная Голгофа (война со всеми ее ужасами)» и обсуждалось, когда «исчезнут ужасы Голгофы и засияет ее красота»[1905]. В ноябре 1916 г. Общество благоустройства местности «Лосиноостровская» организовало лекцию М.Н. Гернета «Война и преступность». Был, в частности, поднят вопрос влияния войны на «эмоциональную сферу и на мысль», рассмотрен опыт борьбы с преступностью во Франции и Пруссии после 1870 г. Среди причин улучшения статистики правонарушений в России лектор назвал призыв под знамена большого количества мужчин и запрет на продажу алкоголя, предрекая при этом рост преступности по окончании войны[1906].

При получении разрешения большую роль играл положительный опыт взаимодействия местных властей с лектором. Даже если его прошлое было чем-то «запятнано», одна благополучно прошедшая лекция позволяла надеяться, что и в других случаях отклонений от программы не будет. К тому же затягивание войны побуждало правительство активнее объяснять обществу причины ее продолжения. Одна из самых частых тем публичных лекций так и звучала – «Для чего нужно продолжать войну». И если в 1914 г. лекция на эту тему запрещалась без объяснения причин[1907], то с середины 1915 г. в разное время ее читали (при условии строго следования программе

[1904] Там же. Л. 71, 84.
[1905] ЦГА Москвы. Ф. 17. Оп. 84. Д. 556. Т. 1. Л. 3, 5, 8.
[1906] Там же. Т. 2. Л. 224, 225.
[1907] Там же. Л. 13, 17.

и после проверки военной цензурой) Н.Л. Бродский, Л.Ю. Кафенгауз, Б.И. Сыромятников, В.Н. Бочкарев, Н.Н. Фатов[1908].

Ставка время от времени разрешала прочтение лекций перед личным составом частей на фронте. Выступали в том числе и зарубежные лекторы. Так, французский профессор Ю. Легра прибыл в апреле 1916 г. на Юго-западный фронт, где ему было разрешено прочитать на русском языке сообщение «Вооруженная Франция»[1909]. Той же весной британский капитан Бромхэд показывал чинам Северного, Западного и Юго-западного фронтов киноленты о походной жизни британской армии и флота[1910]. В армии лекции проводились с привлечением проверенных лекторов и по строгому расписанию. Так, в феврале 1916 г. в беседах с нижними чинами 259 и 260 батальонов поднимались следующие темы: «Причины войны», «Отношения между германцами и славянами», «Почему нам нужна победа», «Работа тыла», «Христолюбивый воин», «Наши враги», «Зверства немцев», «Вооруженная сила союзников». Беседы начинались в 6 вечера, от каждого батальона должны были прийти по три роты, обязательно в сопровождении офицеров[1911].

Если заявлялось, что лекция благотворительная, то полиция должна была проконтролировать ход сбора и передачу средств по назначению, а организатор лекции – предоставить отчет[1912]. Такой формат был очень распространен и активно использовался организациями, В 1915–1916 гг. за посещение благотворительных лекций обычно взималась плата, но часть вырученных средств шла на помощь больным и раненым войнам, семьям призванных на фронт и другим нуждающимся. Организаторы нередко сопровождали чтения «туманными картинками».

[1908] Там же. Д. 681. Т. 3. Л. 51, 52.
[1909] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1443. Л. 170–173.
[1910] Там же. Л. 271.
[1911] ГАСО. Ф. 1. Оп. 6 (1916 г.). Д. 11. Л. 16–17.
[1912] Национальный архив Грузии. Ф. 17. Оп. 1. Д. 8620. Л. 12, 13. 16.

Для увеличения сборов старались привлекать в качестве лекторов известных общественных деятелей, литераторов и ученых. К примеру, в ноябре 1914 г. председатель Серпуховского шахматного клуба просил разрешить сеанс шахматной игры с участием А.А. Алехина, во время которого знаменитый шахматист рассказал о турнире в Мангейме и о «тяжелом положении задержанных в Германии военнопленных русских шахматистов»[1913]. В их поддержку предполагалось провести сбор средств[1914].

Фактор цензуры учитывался при любой организации лекции, нередко здесь тоже проявлялась самоцензура: авторы и организаторы отказывались от идеи лекции, если чувствовали, что мероприятие может быть по какой-то причине сорвано местным властями. Е.П. Пешкова, работавшая в Объединенном отделе помощи беженцам городского и земского союзов, просила М. Горького выступить на съезде организации в Москве 17–21 марта 1916 г. Писатель отнесся к этой идее осторожно: «…принципиально согласен прочитать доклад “О влиянии войны на детей”, но думаю, что это безнадежно по соображениям цензурным. Я не отказываюсь, понимаешь? – но я не уверен, что успею и сумею сделать доклад приемлемым»[1915].

Разрешение лекций на практике действительно часто зависело от взглядов и настроений местных властей и полиции. В ноябре 1914 г. правление Серпуховского потребительского общества получило разрешение организовать лекцию Л.А. Кокушкина и Н.Н. Новикова на тему «Кооперация и война». После лекции планировался танцевальный вечер. Половину собранных средств предполагалось отправить семьям членов потребительского общества, призванных на войну, остальное – в пользу приюта сирот воинов при Серпуховском Земском попечительстве. В

[1913] Подробнее о турнире в Мангейме и задержанных там шахматистах см.: *Богомолов И.К.* Русские подданные в Австро-Венгрии и Германии в июле-октябре 1914 г. // Россия и современный мир. 2017. № 2. С. 145–146.
[1914] ЦГА Москвы. Ф. 17. Оп. 84. Д. 681. Т. 9. Л. 21.
[1915] *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма в 24 т. Т. 12. М., 2006. С. 16.

Подольске лекция Кокушкину и Новикову не была разрешена[1916], в отличие от Сергиева Посада, но и там она не состоялась: местный полицмейстер докладывал, что на нее пришло мало слушателей[1917]. Правке местных исправников и полиции подвергались даже тексты уже напечатанных и неоднократно использовавшихся лекторами брошюр[1918].

Проблема частой отмены лекций и ущерб от этих цензурных ограничений обсуждались на высшем уровне. Так, 5 ноября 1916 г. на заседании Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства поднимался вопрос о положении русских пленных во вражеских лагерях. Критикуя малую помощь им со стороны правительства, А.И. Шингарев отметил, что «деятельность в этом отношении частных лиц и общественных организаций не должна бы встречать никаких стеснений. В действительности же такие стеснения существуют: так, например, воспрещается устройство публичных лекций и концертов в пользу пленных, запрещается (цензурой) помещение в газетах объявлений с призывом о помощи пленным и т. д.»[1919].

Некоторые лекторы были особенно популярны и неизменно собирали полные аудитории. Среди них стоит выделить В.Ф. Пиотровского, организатора Саратовского отделения Русского географического общества. Из документов известно о его 11 лекциях на темы «Мировое хозяйство и Россия», «Бельгия», Англия», «Турция», «Америка и американцы». Основное внимание Пиотровский уделял экономическим последствиям войны, развитию мировой торговли в условиях блокад и ограничений. Одной из самых популярных была лекция «Россия и ее богатства», в которой автор развивал тезис об огромном потенциале страны в развитии экспорта и собственного промышленного производства. Очень востребован был также

[1916] ЦГА Москвы. Ф. 17. Оп. 84. Д. 681. Т. 9. Л. 31, 34.
[1917] Там же. Л. 68.
[1918] ГАСО. Ф. 1. Оп. 6 (1916 г.). Д. 11. Л. 26.
[1919] Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. 1915–1918: в 3 т. Т. 2. М., 2013. С. 606–607.

преподаватель истории Лазаревского института восточных языков А.А. Петров, за 1914–1916 гг. прочитавший только в Московской губернии 30 лекций на темы «Война и культура» и «Происхождение и значение Европейской войны». Лектор говорил о повороте Германии «от культуры к дикости», о необходимости защищать культуру «мирными средствами», прежде всего – образованием народа[1920]. Часто устраивалось несколько мероприятий с участием Петрова в один день и в разных местах. Так, 6 декабря 1915 г. в полдень он читал лекцию «Война и культура» в с. Жилино Московского уезда, а в 16 часов уже выступал в с. Мячково Бронницкого уезда[1921]. На лекции Петрова в с. Кунцево 12 августа 1915 г. присутствовало около 700 человек, преимущественно рабочих и раненых нижних чинов. Полицейский докладывал, что лектор «строго придерживался программы и не придавал лекции какой-либо нежелательной окраски»[1922].

Особое внимание было обращено на лекции о военной технике, тактике и стратегии. В марте 1915 г. лекция профессора Московского университета А.В. Цигера «Завоевания науки на службе у современной войны» не была допущена без согласования программы с «военным начальством»[1923]. В апреле того же года не были разрешены лекции профессора Московского технического училища А.И. Сидорова («Подводные лодки и их значение в войне») и инженера Л.С. Севастьянова («Техника в современной войне»), поскольку эти темы «близко касаются» вопросов обороны. Впоследствии выступление Сидорова все же было разрешено, но уездному исправнику было наказано, чтобы лектор не выходил за рамки «Перечня»[1924]. Направлялись цензорам и программы лекций на общие темы, например – «Для чего нужно продолжать войну» Н.Н. Фатова, предполагавшейся к

[1920] ЦГА Москвы. Ф. 17. Оп. 84. Д. 826. Л. 42.
[1921] Там же. Д. 828. Т. 2. Л. 20, 21.
[1922] Там же. Д. 681. Т. 5. Л. 424, 427.
[1923] Там же. Т. 9. Л. 81, 88.
[1924] Там же. Т. 5. Л. 349, 372, 373.

прочтению в декабре 1915 г. в с. Нахабино[1925]. При этом месяцем ранее эта же лекция была разрешена в Кунцевском коммерческом училище[1926].

Запретной темой оставались вражеские и союзные государства. Дважды была запрещена лекция В.Ф. Пиотровского о Бельгии, хотя в ней рассказывалось преимущественно о природе, населении и экономике[1927]. Так, одобряя программу лекции Н.Н. Новикова «Война и культура», Н.Л. Муравьев просил Кокушкина «вычеркнуть осуждение Англии»[1928]. В феврале 1917 г. МОНУ получило разрешение провести лекции в Голутвине о колониальной политике Англии и Германии, однако выступление Б.Н. Жаворонкова на тему «Наши союзники» с описанием военной кампании на Западном фронте уже необходимо было согласовывать с военной цензурой[1929].

Другой частой причиной отказа был недостаток информации о мероприятии, а иногда и неявка лектора. Так, на лекцию в Коломне в феврале 1915 г. не пришел упоминавшийся выше Н.Н. Новиков [1930]. Член Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников В.П. Быков в ответ на прошение прислать необходимые сведения писал в канцелярию губернатора: «указать точно, когда и в каких именно селениях я буду читать, я сейчас не могу, так как, обслуживая несколько ведомств и в большинстве случаев приезжая по требованию, я обычно стараюсь при каждом своем приезде в тот или другой район обслужить его всесторонне, начиная с церковной проповеди и кончая беседою в местной тюрьме, а потому может случиться, что я укажу определенное место, а попаду в совершенно

[1925] Там же. Т. 3. Л. 51.
[1926] Там же. Т. 5. Л. 507. Пристав 3 стана Московского уезда 30 ноября сообщил губернатору, что лекция, на которую пришло 206 человек, была «строго согласована с программой и прошла при полной тишине. <...> Порядок ничем нарушен не был» (Там же. Л. 511).
[1927] Там же. Д. 556. Т. 2. Л. 8.
[1928] Там же. Д. 681. Т. 9. Л. 9.
[1929] Там же. Д. 759. Л. 36.
[1930] Там же. Д. 681. Т. 9. Л. 41.

другое»[1931]. А.А. Петров также не всегда мог выдержать плотный график своих выступлений. В декабре 1915 г. он не прибыл на лекцию в Васильевском ссудо-сберегательном обществе. Серпуховский уездный исправник сообщал в Москву, что собравшиеся (около 100 человек), «выражали сожаление и вместе с тем удивились халатности лектора, не известившего о своей неявке»[1932].

Выделение «лекций о войне» в отдельную тему достаточно условно. Война входила во многие сферы общественной жизни, и неудивительно, что она упоминается в программах многих выступлений о культуре, науке, животноводстве, гигиене и т.д. В это число входят и лекции о различных странах и народах, принимавших участие в войне и даже (как в случае с Данией) оставшихся нейтральными, но испытывавшими сильное влияние европейского конфликта. Фактор цензуры также имел немаловажное значение. Лекторы «прятали» тему войны в программы и упоминали ее уже в своей речи, в контексте поднимавшихся проблем. Такие «отклонения от программы» случались постоянно, несмотря на угрозу запрета дальнейших выступлений.

***

Театр и кинематограф всегда находились под пристальным вниманием властей, однако в условиях войны контроль над ними становился важной частью обеспечения общественного спокойствия в тылу. Стремление антрепренеров и кинофирм показывать то, что в первую очередь интересовало зрителя зачастую шло вразрез с представлениями властей в пределах допустимого на экранах и на сцене. Далеко не всегда нежелательными признавались сюжеты, связанные с военной тематикой. Как и в случае с печатью, запретными оказались критика почтово-телеграфного ведомства, высмеивание чиновников и офицерства, изображение на сцене царствующих особ и Г. Распутина. В то же время инструменты контроля

[1931] Там же. Т. 2. Л. 142.
[1932] Там же. Т. 9. Л. 105, 107.

театра и кино не претерпели с началом войны больших изменений. Попытка централизовать военную цензуру кинолент была предпринята только в Петрограде, где при ПВЦК был создан кинематографический отдел. Театр же, как и прежде, оставался в ведении драматической цензуры при ГУДП, которая сохранила свою обособленность, принципы работы, кадровый состав. В условиях нарастания общественно-политического кризиса в 1915–1916 г. контроль над театром и кино значительно усложнился, требовалось реформирование цензуры, однако до февраля 1917 г. значимых изменений на этих направлениях не произошло.

Контроль со стороны властей над публичными лекциями и народными чтениями серьезно сдерживал развитие лекционных программ. Порой они отменялись без объяснения причин, на основании одного лишь подозрения или справки о каком-либо «проступке» лектора или организатора в довоенные годы. Ситуацию усугубляли и противоречивые решения: одна и та же лекция могла быть разрешена в одном месте, но запрещена в другом. В 1915–1916 гг. произошли некоторые послабления, но ситуацию это не изменило. Проведение важных с пропагандистской точки зрения лекций о войне было фактически отдано на откуп энтузиастам, общественным и благотворительным организациям. Сдерживание этих немногочисленных инициатив способствовало распространению слухов, во многом определивших эмоциональный фон российского общества накануне революции 1917 г.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Богомолов Игорь Константинович

Цензура в России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 годов)

Специальность 5.6.1. Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Том 3

Научный консультант:
доктор исторических наук, доцент
Д.А. Андреев

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Том 3

ГЛАВА 5. ЦЕНЗУРА В РОССИИ
В ФЕВРАЛЕ 1917 – МАРТЕ 1918 гг. 3
5.1. Февральская революция и цензура старого порядка 3
5.2. Цензурная политика Временного правительства
в марте–августе 1917 г. 31
5.3. Попытки реформ военной цензуры в сентябре–октябре 1917 г. 54
5.4. Политика большевиков в области цензуры печати
(октябрь 1917 – март 1918 гг.) 72
5.5. Реформа военного контроля в конце 1917 – начале 1918 гг. 85
5.6. Революция и цензура театра и кино 98

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 119
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 128
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 168

ГЛАВА 5. ЦЕНЗУРА В РОССИИ В ФЕВРАЛЕ 1917 – МАРТЕ 1918 гг.

5.1. Февральская революция и цензура старого порядка[1933]

События в Петрограде конца февраля 1917 г. привели к остановке работы всех столичных цензурных учреждений. Так, на Главпочтамте сотрудники не вышли на дежурство, прекратилась как разборка, так и отправка по назначению корреспонденции на имя военнопленных [1934]. Большинство столичных газет не выходили с 24-26 февраля, из-за чего первые вести о произошедшей революции стали известны за границей только в начале марта, уже после отречения Николая II [1935]. С 27 февраля все петроградские газеты, за исключением Известий Центрального военно-промышленного комитета, прекратили присылать гранки в ПВЦК. О событиях на близлежащих улицах поначалу не знали и многие жители столицы, в том числе и центра города. Генерал П.И. Аверьянов, живший в то время в квартире в здании Главного штаба с видом на Дворцовую площадь, вспоминал, что узнал о беспорядках «лишь сначала из газет, а когда газеты перестали аккуратно выходить, то из заменивших в эти дни различных листков и “известий”, покупаемых по моему указанию прислугой на Невском проспекте, а также из рассказов некоторых офицеров»[1936].

Понимая важность оповещения страны о происходящем в Петрограде, некоторые члены Временного комитета Государственной думы (ВКГД) уже 27 февраля считали необходимым «немедленно выпускать известия о событиях, происходящих в России, выпускать без всякой цензуры» [1937]. Утром 27 февраля на соединенном заседании бюро Общества думских

[1933] При подготовке данного параграфа были использованы материалы из монографии: *Богомолов И.К.* Цензура печати в России в годы Первой мировой войны. М., 2026.
[1934] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 545. Л. 148.
[1935] *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971. С. 416.
[1936] ГАРФ. Ф. 7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 141об.
[1937] Цит. по: *Николаев А.Б.* Революция и власть: IV Государственная дума, 27 февраля – 3 марта 1917 г. СПб., 2005. С. 155.

журналистов и совета Общества Петроградских журналистов было принято решение создать Комитет петроградских журналистов и издавать Известия комитета, призванные «печатать исключительно фактические сведения о событиях». Первый номер газеты был выпущен уже вечером 27 февраля, не согласовывая свои действия с военной цензурой. В тот же день, также без согласования с ПВЦК, в Таврическом дворце была напечатана листовка со списком членов ВКГД [1938].

2 марта товарищ председателя комитета Н.В. Некрасов подписал телеграмму, отменявшую всякую цензуру, «кроме строго военно-технической» [1939]. Однако таких распоряжений и фактической отмены цензуры в Петрограде было недостаточно: телеграммы из Таврического дворца и в первых числах марта задерживались в провинции местными военными цензорами и передавались губернаторам и полиции [1940]. М.В. Родзянко стремился прорвать эту информационную блокаду, послав специальную телеграмму великому князю Николаю Николаевичу с просьбой отменить цензуру сообщений Временного комитета[1941].

Восстановление работы петроградской цензуры началось со 2 марта, с постепенным переходом контроля над столицей в руки ВКГД. 3 марта ГВЦК возглавил полковник Д.М. Левшин, делопроизводитель 2-го делопроизводства отдела Эвакуационного и по заведыванию военнопленными ГУГШ[1942]. М.А. Адабаш не был арестован и поначалу даже сотрудничал с революционной властью. 2 марта он получил распоряжение «оказывать всякое содействие в деле водворения порядка во всех

[1938] Там же. С. 159.
[1939] Там же. С. 373.
[1940] Там же. С. 391, 399.
[1941] *Минц И.И.* История Великого Октября. Т. 1. С. 650; *Николаев А.Б.* Указ. соч. С. 373.
[1942] Левшин окончил Академию Генерального штаба, Археологический институт, Курсы восточных языков и Педагогические курсы при Главном управлении военно-учебных заведений. В 1906–1908 гг. он был попечителем Рижского учебного округа. Согласно справке ГУГШ, «по выходе в отставку по несогласию с бывшим министром А.П. Шварцем он сотрудничал в газете “Голос Москвы” и лично был известен... по разработке некоторых вопросов, касавшихся военно-учебных заведений» (РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 94. Л. 60).

учреждениях военной цензуры в Петрограде» и руководствоваться приказами Военной комиссии ВКГД[1943]. На следующий день исполняющим обязанности председателя ПВЦК был назначен генерал-майор В.Н. Зайцев. 3 марта общее собрание всех служащих в столичной военной цензуре постановило «приступить к работе по ограждению военных интересов доблестных армий нашей и союзников наших». Одушевленная «чувством горячей любви к родине и честными сознанием своего долга», военная цензура приветствовала «новое народное правительство свободной России, в великую историческую минуту взявшее на себя высокую задачу спасения Отечества, и свидетельствует ему полную готовность принести все свои силы на благо родины, впредь до созыва Учредительного собрания». Резолюция через делегатов (В.Н. Зайцева, Н.И. Левитского и капитана I ранга Б.И. Доливо-Добровольского) была направлена комиссару по делам печати графу Д.П. Капнисту[1944].

4 марта В.Н. Зайцев приказал всем цензорам «немедленно приступить к своим занятиям», а перед этим «лично расписаться на особом листе в своем согласии работать на пользу нового правительства». До разработки новых инструкций цензоры должны были задерживать сообщения, вредящие «военным интересам нашей армии и страны, а также наших союзников»[1945]. В тот же день возобновились дежурства цензуры печати, с 6 марта стали поступать на предварительный просмотр гранки 19 газет и журналов, в том числе ведущих («Новое время», «Вечернее время», «Биржевые ведомости», «День», «Новая всемирная иллюстрация», «Нива» и др.). При этом свежие номера в цензуру присылали только «Русская воля», «Петроградский листок», «Петроградские ведомости», «Русский инвалид», «Финансовая газета», «Речь» и «Современное слово». ПКДП был упразднен в ходе ликвидации

[1943] *Николаев А.Б.* Указ. соч. С. 620–621.
[1944] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 626. Л. 3–4. Капнист был назначен комиссаром по делам печати 6 марта (Журналы заседаний Временного правительства: Март–октябрь 1917 года. В 4-х т. Т. 1. М., 2001. С. 41).
[1945] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 617. Л. 1.

ГУДП и его подразделений, однако цензура печати при ПВЦК продолжала работать и пользовалась имуществом комитета[1946]. Кардинально менялся и кадровый состав: к 17 марта из цензуры печати было отчислено 60 гражданских чинов[1947].

В Москве в дни революции военная цензура также прервала свою деятельность, фактически прекратил свое существование МКДП. А.А. Сидоров вспоминал, что вечером 27 февраля в МВЦК собрались представители прессы, пожелавшие обнародовать новость об образовании ВКГД. Генерал И.И. Мрозовский ответил отказом, и на следующий день не вышла большая часть ежедневных газет. Московское отделение ПТА в тот день сообщило Сидорову, что телеграммы из столицы не поступали[1948], не приходили и петроградские издания. Неудивительно, что профессор Московской духовной академии А.Д. Беляев в дневнике за 24–28 февраля ни словом не упомянул о событиях в Петрограде. Лишь 1 марта он записал: «Что случилось нечто серьезное, видно из того, что газеты не пришли ни вчера, ни ныне. Вчера могли не быть, т.к. с введением предварительной военной цензуры за последнюю неделю иной день газеты не приходили, но зато в следующий день приносили два номера газеты – утром и в полдень. А ныне газет нет»[1949].

Настроения в московской прессе к 1 марта передал в дневнике писатель и журналист В. Амфитеатров-Кадашев: «В “Утре России” узнали, что арестован [И.Г.] Щегловитов и что московские газеты решили было выйти без цензуры, но “Русское слово” отказалось присоединиться к этому решению, и завтра газеты опять не выйдут». 2 марта редакция, по его словам,

---

[1946] Там же. Л. 9.
[1947] Там же. Д. 626. Л. 3–4.
[1948] *Сидоров А.А.* Указ. соч. С. 113; *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию. С. 448.
[1949] «Печально что-то и страшно»: впечатления и размышления профессора Московской духовной академии А.Д. Беляева: январь – март 1917 г. / публ. М.И. Одинцова // Исторический архив. 2007. № 5. С. 15.

уже решила «завтра выйти без цензуры, а сегодня вечером выпустить бесплатно информационный листок»[1950].

Со сменой командования Московского военного округа 1 марта практически одновременно сменилось и руководство местной военной цензуры. Возглавивший московский гарнизон полковник А.Е. Грузинов 2 марта назначил и.о. председателя МВЦК старшего военного цензора на московском почтамте подполковника Куклина. В 1915–1916 гг. он регулярно составлял обзоры писем из действующей армии[1951]. А.И. Звонников в письме генералу И.И. Мрозовскому рекомендовал Куклина как «энергичного и опытного работника, уже два года непосредственно руководящего всем делом цензуры на почтамте»[1952]. 16 апреля его представили к постоянной работе председателем МВЦК. Кандидатура встретила «сочувствие комиссара Временного правительства и военно-окружного начальства», и в начале июня он был утвержден в должности приказом по Московскому военному округу[1953].

На общем собрании московских цензоров была упразднена военно-цензурная комиссия прежнего состава, от должностей освобождены все наблюдавшие за печатью. Увольнялись также цензоры почтамта и телеграфа, которые «по своему этическому уровню или по политическим взглядам признаны были не соответствующими занимаемым ими должностям». Для контроля над работой цензоров собрание предложило привлечь в состав МВЦК представителей от общественных организаций, Совета солдатских депутатов, московской печати и почтово-телеграфного ведомства[1954].

[1950] *Амфитеатров-Кадашев В.* Страницы из дневника / публ. С.В. Шумихина // Минувшее. М.; СПб., 1996. Вып. 20. С. 441–442.
[1951] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 21–22, 47–57. 2 января 1917 г. А.М. Добровольский ходатайствовал об освобождении Куклина от призыва как опытного цензора, необходимого ввиду «громадного развития работы и увеличения штатов цензуры» (РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 94. Л. 3).
[1952] Там же. Л. 6.
[1953] Там же. Л. 119, 219.
[1954] Там же. Д. 103. Л. 2.

В провинции о революции в Петрограде также узнавали с большим опозданием. Значимую роль сыграли и местные военно-цензурные пункты, поначалу запрещавшие публиковать любые сообщения о происходящем в столице[1955]. Газеты исправно выходили в конце февраля – начале марта и упоминали о Петрограде только в контексте продовольственных и транспортных проблем. Не хватало информации и после отречения Николая II. В.Г. Короленко писал в дневнике 3 марта 1917 г.: «У нас в Полтаве тихо. Губернатор забрал все телеграммы. “Полтавский День” все-таки выпустил агентскую телеграмму с обращением Родзянко, перепечатав ее без цензуры из “Южного Края”. Но затем цензура не пропускает ничего. Где-то далеко шумит гроза. В столицах льется кровь. <...> А у нас тут полное “спокойствие” и цензура не пропускает никаких, даже безразличных, известий: какие газеты пришли, какие нет»[1956].

В письме из Тифлиса в ГВЦК от 6 марта 1917 г. сообщалось, что хотя местная власть признала новое правительство, а городской голова получил от наместника уведомление об отмене «гражданской цензуры», фактически она продолжала действовать. Военный цензор Дроздов, начальник городского телеграфа Медников и директор канцелярии наместника на Кавказе Истомин «безжалостно цензуруют агентские телеграммы», ход революции в Петрограде «совершенно исковеркан», по городу «ходят самые нелепые слухи, дающие богатую почву для деятельности темных личностей». Проблему, по мнению автора письма, могла решить командировка в Тифлис комиссара Думы и немедленная передача управления телеграфом и цензурой «общественным деятелям [или] хотя бы городскому самоуправлению»[1957].

Ситуация, когда местные власти блокировали новости из столицы с помощью цензуры, была весьма распространенной. В Рязанской губернии губернская администрация задерживала все телеграммы, полученные из

[1955] *Минц И.И.* Указ. соч. С. 650; *Николаев А.Б.* Указ. соч. С. 372.
[1956] Неизданный В.Г. Короленко… С. 181.
[1957] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 97. Л. 42.

Петрограда. В результате местные губернские ведомости и газета «Рязанская жизнь» в номерах за 1 и 2 марта ничего не сообщали о событиях в столице[1958]. В Екатеринбурге, по воспоминаниям дежурного телеграфиста, в ночь с 1 на 2 марта телеграммы из столицы не публиковались по распоряжению пермского губернатора: «Агентские, даваемые Питером, шли безостановочно; у аппарата Уитстона была толпа человек в 30–40, которая ловила слово за словом, выходящие из ресивера. <...> Трудное дело было оповестить редакции; мы знали, что там полиция, и все же мы пошли туда. В редакции “Уральской жизни” заявили, что даже если не удастся выпустить в номере, то они отпечатают на машинке; в редакции [газеты] “Зауральский край”, где был и я, на наш вопрос к редактору, напечатают ли они агентские, он показал на соседнюю комнату (там сидел, кажется, пристав) и на почти чистый лист нумера газеты, все до конца почти было цензурой не пропущено. Все же он сказал: “Посылайте”. Возвратились обратно в телеграф; товарищи, оказывается, не дождавшись нас, уже агентские отправили, и наш курьер был арестован в редакции “Зауральск[ого] края”, и телеграммы вместо редакции попали к губернатору. Началась склока: губернатор по телефону требует указать ему виновников сего, обещает предать их суду и т.д.»[1959].

Попытки скрыть происходящее в Петрограде предпринимались и частью фронтового командования, стремившегося сохранить дисциплину и не допустить брожения в войсках. Зачастую это молчание приводило к обратному результату: получавшие известия из столицы через слухи и газеты, солдаты подозревали своих командиров в симпатиях старой власти и теряли к ним доверие[1960].

[1958] *Трибунский П.А.* Как Рязанская губерния узнала о Февральской революции // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2023. С. 114, 115.
[1959] Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985: Документы и материалы в 6 т. Свердловская область. Т. 1. 1917–1941. Екатеринбург, 2005. С. 30–31.
[1960] *Гребенкин И.Н.* Долг и выбор: Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. М., 2015. С. 229–230.

В столице и провинции в начале марта происходили стихийные захваты, закрытия и даже поджоги[1961] военно-цензурных пунктов. 29 февраля 1917 г. А.И. Лысаковский просил МИД выделить по 100 руб. каждому из пяти дипломатических цензоров при ПКДП за службу прошлой ночью «в весьма тяжелых обстоятельствах» [1962]. Старший военный цензор в г. Новгороде полковник Храмцов 3 марта сообщил в ПВЦК, что ввиду «тревожного настроения и враждебного отношения общества к цензуре предполагается разгромное нападение на почтово-телеграфную контору для уничтожения деятельности цензуры». Из-за беспорядков в городе часть цензоров (в основном женщины) не вышли на службу, работа пункта была приостановлена[1963].

В первые дни марта цензоры со всех концов империи телеграфировали в Петроград с просьбой сообщить, действует ли цензура, и если да, то какими распоряжениями и инструкциями им следовало руководствоваться [1964]. Инициативу здесь взяли на себя военные власти. Начальник Генерального штаба П.И. Аверьянов 9 марта 1917 г. сообщил в окружные штабы, что военная цензура почтовых отправлений и телеграмм «действует на прежних основаниях», а цензура печати «должна быть в пределах Перечня»[1965].

Подготовка нового варианта «Перечня» велась несколько дней, этому предшествовало фактическое аннулирование ряда запретов, действовавших ранее. 10 марта Д.М. Левшин сообщил начальникам окружных штабов, что «потеряли силу» пункты 18 и 30 «Перечня» от 15 июля 1916 г. Первый запрещал публиковать сведения о «высочайших приказах в той их части, которая касается как отдельных лиц, так и целых частей и учреждений». Отмена ст. 30 означала фактическое рассекречивание предположений, действий и мероприятий Совета министров. В пункте 27, по указанию

[1961] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 98. Л. 45.
[1962] АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 914. Л. 15.
[1963] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 108. Л. 410.
[1964] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 97. Л. 41; Ф. 13836. Оп. 1. Д. 622. Л. 6.
[1965] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 97. Л. 40.

Левшина, следовало «уничтожить» все слова до фразы «об эпидемиях», то есть отныне разрешалось сообщать о приостановке работ на казенных и частных предприятиях, о «всякого рода нарушениях обычного течения жизни» в местностях на военном положении, а также о железнодорожных, пароходных и других катастрофах. К пунктам 11 и 24, запрещавших публикации о состоянии железных дорог и заготовлениях для военного и морского ведомств, Левшин предложил прибавить слова «за исключением сведений, направленных к разоблачению злоупотреблений»[1966]. Генерал Н.В. Рузский, по словам Ю.Н. Данилова, также предлагал руководствоваться «исключительно Перечнем, утвержденным Советом министров 15 июля 1916 года, изменив в таковом пункты семнадцатый и восемнадцатый» и убрав оттуда слова «высочайший» и производные[1967].

Новый вариант «Перечня» был опубликован 15 марта. Составители обращались «к патриотизму и благоразумию редакторов повременной печати» и просили принять меры к нераспространению секретных сведений. Без изменений остались первые 10 пунктов, касавшихся информации о боевой готовности, крепостных сооружениях, мобилизационных действиях, устройстве, составе и численности армии и флота. По-прежнему запрещалось сообщать о состоянии железных дорог и работах на них, о прокладке телеграфных линий, о результатах бомбардировки территории России, потерпевших крушение российских судах. Согласно предложению Д.М. Левшина, «разоблачение злоупотреблений» не должно «причинить ущерб военным интересам». В пункте о катастрофах запрещалось сообщать не только об эпидемиях, взрывах и пожарах, но и о заведениях, «деятельность коих связана с нуждами государственной обороны». При этом исчез запрет распространять изображения с секретными сведениями. Удалена и статья о предположениях, действиях и мероприятиях Совета министров. За исключением этих двух изменений новый «Перечень» мало чем отличался от

[1966] Там же. Л. 45.
[1967] Там же. Л. 50.

предыдущей версии, убраны лишь некоторые детали, связанные с деятельностью императора (объезды, приказы).

С этого времени Ставка и ГУГШ начали восстановление ключевых цензурных правил и порядка работы. 21 марта начальник штаба Верховного главнокомандующего В.Н. Клембовский приказал сообщить цензорам, что корреспонденция всех старших военачальников по-прежнему освобождена от цензуры [1968]. Составленная 27 марта памятка цензора для работы в международном отделе столичной телеграфной цензуры гласила: «Прежде всего мы должны помнить, что работаем на оборону, во имя Родины, во имя победы русского оружия. А потому должны напрягать все силы нашего разума для правильной оценки по смыслу данной нам телеграммы: вредна ли она России, безразлична или нужна для обороны»[1969].

Постепенно налаживалась связь с местными цензорами. 9 апреля Д.М. Левшин просил начальников окружных штабов срочно сообщить, где расположены военно-цензурные пункты, сколько цензоров в каждом и как распределена между ними работа[1970]. По всем вопросам военно-цензурным комиссиям следовало, как и прежде, обращаться в ГВЦК [1971]. Особое внимание обращалось на бесперебойную цензуру на западных окраинах, особенно в стратегически значимой Финляндии. 4 апреля начальник КРО Свеаборгской крепости Ф.Ф. Крушинский в рапорте губернатору М.А. Страховичу доказывал необходимость незамедлительно принять меры, чтобы финляндская печать «не писала бы ничего составляющего военную тайну… т.е. восстановить над печатью военную цензуру, которая и не отменялась»[1972]. Боролся ГУГШ и с попытками местных властей ввести собственные цензурные правила. 11 марта московский Исполнительный комитет общественных организаций под председательством Н.М. Кишкина утвердил

[1968] Там же. Л. 66.
[1969] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 624. Л. 33.
[1970] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 97. Л. 84.
[1971] Там же. Л. 63.
[1972] Россия и независимость Финляндии, 1899–1920 гг.: сб. документов. В 3-х т. Т. 3. М., 2021. С. 72.

«правила о военной цензуре», постановлено «ввести их в действие немедленно». Генерал П.И. Аверьянов в связи с этим сообщил комитету о необходимости следовать «Перечню», опубликованному 15 марта[1973].

В марте возобновила работу цензура посылок помощи военнопленным (Петроград, Николаевская ул., д. 55), отдел печати ПВЦК присылал туда дежурных цензоров[1974]. Постепенно возвращались к работе и военные цензоры в провинциальных почтово-телеграфных конторах, где на то было указание начальства и отсутствовало сопротивление со стороны местной общественности, комитетов и Советов[1975].

В ГВЦК отныне следовало сообщать обо всех фактах нарушения «Перечня», возобновить присылку вырезок из газет и журналов[1976]. Председатель ПВЦК, со своей стороны, напомнил редакторам о необходимости вычеркивать в печати упоминания номеров частей[1977]. С апреля усиливался контроль над численным и кадровым составом, старшим цензорам предписывалось ежемесячно присылать списки сотрудников[1978]. После Февральской революции не только сохранилась, но и развивалась функция цензуры по наблюдению за настроениями армии и населения в целом, финансовой жизни страны, международных отношениях и о положении русских военнопленных. Соответствующие отчеты исправники, а затем и председатели ВЦК регулярно подавали губернаторам, штабам военных округов и в ГВЦК[1979]. Ставка разъясняла, что корреспонденция, «заключающая в себе признаки воинских и общеуголовных преступлений… должна направлять соответствующим судебным властям»[1980]. 12 апреля ГУПТ по соглашению с военными властями направило начальникам

[1973] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 99. Л. 16, 19.
[1974] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 626. Л. 31, 32.
[1975] Там же. Д. 564. Л. 86.
[1976] Там же. Д. 617. Л. 4.
[1977] Там же. Л. 5.
[1978] Там же. Л. 7, 12.
[1979] Там же. Д. 615. Л. 25. См., напр., рапорты председателя Омской ВЦК в 1917 г.: ГАТ. Ф. И722. Оп. 1. Д. 130.
[1980] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 69. Л. 303.

Главпочтамта, московского почтамта и почтово-телеграфных округов распоряжение «о прекращении всякой цензуры, кроме военной, и выемки телеграмм без разрешения судебной власти»[1981]. Но на деле это затронуло только внутреннюю корреспонденцию гражданских лиц, которая и так просматривалась выборочно. Переписка тыла и действующей армии по-прежнему подлежала цензуре.

Отношения цензуры и печати восстанавливались медленно и сложно: получив свободу, журналисты не скупились на критику и уничижительные эпитеты в адрес цензоров[1982]. Публиковались их анекдотические решения, высмеивался узкий кругозор, неумение читать между строк. «Нет сил умолчать о море тупости и безграничном издевательстве полубезграмотных чинуш, с бору по сосенке надерганных в цензурный комитет. И вся работа цензоров свелась к тупому и глупому подыскиванию крамолы там, где все было просто, ясно, невинно», – писала «Маленькая газета» 7 марта. В той же статье перепечатано распоряжение М.А. Адабаша от 25 февраля убрать «белые места», которое газета назвала «последним в истории русской печати цензурным циркуляром». Сам Адабаш, по словам авторов статьи, «теперь скрылся неизвестно куда – как и его цензура. Навеки»[1983].

Большое внимание прессы привлекали вскрывшиеся факты работы «черных кабинетов» в Петрограде, Киеве, Москве[1984]. Так, «Киевская мысль» сообщала, что местный «черный кабинет» скрывался под вывеской военной цензуры, а в его архивах были найдены письма, адресованные генералам М.В. Алексееву, В.А. Сухомлинову и И.И. Мрозовскому, корреспонденция бывшего наместника в Галиции графа Г.А. Бобринского, депутатов А.И. Савенко и В.В. Шульгина, а также самих цензоров – председателя Киевского комитета по делам печати и местной ВЦК. Подробно сообщалось о допросах

[1981] ГАТ. Ф. И152. Оп. 28. Д. 111. Л. 147.
[1982] *Рейфман П.С.* Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России: в 2 т. Т. 1. Вып. 3: 1855–1917 гг. М., 2017. С. 195.
[1983] Как нас душили // Маленькая газета. 1917. 7 марта.
[1984] Подробнее см.: ГАРФ. Ф. 1723. Оп. 2. Д. 107.

и суде над сотрудниками службы перлюстрации, подчеркивалось их «немецкое» происхождение[1985]. В «Сибирской жизни» публиковались имена и краткие биографии сотрудников охранки и «секретной цензуры» в Томске[1986], Новониколаевске и Барнауле[1987]. Появлялись на страницах газет и карикатуры на работу «черных кабинетов»[1988].

В свете таких настроений неудивительно, что редакциям не нравилась обязанность, как и до обретения «свободы», отправлять гранки на предварительный просмотр. На словах редакторы соглашались, что военная цензуры необходима. К примеру, председатель МВЦК докладывал в ГВЦК 5 апреля, что московские газеты «сами идут навстречу заботам о наилучшем охранении военной тайны»[1989]. Но на деле поступление материалов было гораздо меньше, чем до революции. 17 апреля начальник штаба Казанского военного округа полковник М.А. Караулов докладывал генералу П.И. Аверьянову, что цензура печати действовала «лишь в немногих пунктах с согласия самих редакторов. В других же пунктах редакторы повременных изданий, основываясь на объявленной свободе печати, от представления на цензуру каких-либо статей отказываются»[1990].

Архивные дела ПВЦК и МВЦК за 1917 г. содержат многочисленные примеры гранок, не предоставленных в цензуру, сообщений имен немецких шпионов, железнодорожных перемещений войск и грузов. На страницы крупнейших газет попадали новости о взрывах на оборонных заводах, неудачных операциях русских войск, общей дезорганизации армии[1991]. Наиболее массовым нарушением было указание в заметках номеров частей, в

[1985] Секретный кабинет // Петроградская газета. 1917. 23 апреля.
[1986] Тайны томской охранки // Сибирская жизнь. 1917. 28 апреля.
[1987] Тайны томской охранки // Сибирская жизнь. 1917. 16 апреля
[1988] В бывшем «черном кабинете» // Петроградская газета. 1917. 23 апреля.
[1989] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. Л. 35.
[1990] Там же. Д. 97. Л. 94.
[1991] Там же. Д. 100. Л. 2, 10, 34, 41, 55, 70 и др.

основном упомянутых в воззваниях комитетов, коллективных и личных письмах фронтовиков[1992].

Стремясь наладить взаимодействие с петроградскими газетами, председатель ПВЦК В.Н. Зайцев 12 апреля разослал в редакции письмо, в котором отмечал, что «без взаимности с деятелями печати и дружного взаимодействия г.г. редакторам повременных изданий нельзя рассчитывать на плодотворное обслуживание интересов фронтов». Он предложил сообщить, когда им было бы удобнее сдавать гранки в цензуру[1993]. В письме подчеркивалось, что отдел печати при ПВЦК состоял только из офицеров, и это было в целом верно: к 1 апреля в отделе состояло 45 военных цензоров, 40 из которых были военными чинами[1994].

В ответах на это письмо выдвигались разные пожелания. Редактор «Петроградского листка» А. Измайлов просил выдавать гранки обратно не позже 23:00 и допускать прием телеграмм редакцией до 2:30 ночи, в исключительных случаях – до 3:00[1995]. Редакции польских газет «Dziennik Polski» и «Dziennik petrogradski» ответили, что им удобнее было бы направлять гранки к 20:00 и полуночи соответственно, хотя военного материала у них было мало, в основном перепечатки[1996]. К маю 1917 г. в отдел печати ПВЦК доставляюсь большинство столичных газет, хотя, например, вечерний выпуск «Биржевых ведомостей» не доставлялся совсем, а «Новое время», «Вечернее время», «Новая жизнь», «Республиканец» и «Солдатское слово» доставлялись неаккуратно, обычно за несколько дней сразу[1997].

Проблема цензуры печати обсуждалась и самими журналистами, видевшими в наступившей «свободе» множество издержек. Журналист А.Н. Максимов (А. Оглин) констатировал, что военная цензура «если не отменена

[1992] Там же. Л. 4–6.
[1993] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 626. Л. 19.
[1994] Там же. Л. 5.
[1995] Там же. Л. 16.
[1996] Там же. Л. 21, 23.
[1997] Там же. Л. 27; Ф. 13835. Оп. 1. Д. 100. Л. 27, 37.

формально, то фактически уничтожена, а между тем необходимость избегать огласки военных сведений, могущих быть полезными врагу, остается прежней». Он привел несколько примеров опубликования номеров частей, подчеркивая, что для противника это «очень важная» информация. Редакции газет, по его мнению, обязаны «внутри себя… организовать специальную строгую военную цензуру. Свободная печать не должна, хотя бы по неосторожности, помогать врагу»[1998]. Впрочем, отмечал обозреватель газеты «Время», публикация номеров частей была далеко не единственной проблемой: «Раскрыв любую газету, можно найти в ней много совершенно серьезных и ценных для неприятельских разведчиков сообщений. Германский штаб может со спокойной совестью отозвать из России всех своих шпионов. Он без них узнает, что у нас делалось при Сухомлинове, как мы готовились на наших военных заводах, что делали и что не делали, и что не доделываем теперь»[1999]. Высказывались и предположения, что немецкие агенты в нейтральных странах специально прочитывают русские газеты и все представляющие интерес сведения передают в Берлин[2000].

Весной – летом 1917 г. в печати распространено было мнение о необходимости «сознательной» цензуры и самоцензуры – истинного достижения революции и признака настоящей преданности Родине. Писатель Е.Н. Чириков призывал интеллигенцию и лидеров политических сил: «Если хотите остановить все растущую разруху в народе, заприте все фонтаны своего идеологического красноречия! Наложите на себя цензуру! Не создавайте разрухи в народной психике! Помните, что каждое наше слово и каждая ваша ошибка в выражениях и словах множится в ста миллионах полуграмотного народа!»[2001].

[1998] *Оглин А.* Охрана военной тайны // Русские ведомости. 1917. 14 апреля.
[1999] Недоумение // Время. 1917. 13 июня.
[2000] *Смирнов-Рунский Ал.* Наша болтливость // Армия и флот свободной России. 1917. 3 августа.
[2001] Цит. по: Русская печать // Сибирская жизнь. 1917. 3 июня.

Новому руководству ГУГШ и военных округов предстояло решать застарелые проблемы военной цензуры, которые после переворота лишь усугубились. Прежде всего это касалось «залежей» корреспонденции. Петроградский почт-директор Н. Менделеев сообщал в ГУПТ, что из-за недельного пропуска дежурств к началу апреля на Главпочтамте скопилось более 300 мешков писем[2002]. 22 марта главный комитет Земского союза сообщил в ПВЦК, что посылки русским военнопленным сильно задерживались русской военной цензурой. Частично проблема была решена благодаря распоряжению начальника Генерального штаба рассматривать вне очереди пакеты Земского союза[2003].

Другой острый вопрос того времени – обсуждавшийся и фактически введенный в ряде местностей отказ от просмотра внутренней корреспонденции. 4 апреля начальник Пермского почтово-телеграфного округа сообщил в Петроград, что Омская ВЦК требует направлять в цензуру только международные письма и телеграммы, а также корреспонденцию на имя неприятельских военнопленных. Однако было неясно, как поступать, например, с письмами, адресованными в армию[2004], и поменяется ли цензура почты дипломатов нейтральных стран[2005].

С возобновлением цензуры почты и телеграфа участились и задержки писем. Цензоры, как и прежде, составляли меморандумы, оставив таким образом большой источниковый материал, демонстрирующий ход революции на фронте и в тылу, политические и социально-экономические процессы. Письма солдат и офицеров содержали угрозы оставить позиции, если мир не будет заключен в ближайшее время, рассказы о падении дисциплины и о братаниях с противником, описания жестоких убийств офицеров, слухи о контрреволюции в Петрограде и др.[2006] Военный врач В.П.

[2002] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 545. Л. 148.
[2003] Там же. Д. 333. Л. 53.
[2004] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 97. Л. 67.
[2005] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 589. Л. 172.
[2006] Там же. Д. 623. Л. 1, 5, 21, 26, 29, 30–33, 35 и др.

Кравков отмечал в дневнике 17 апреля: «Перлюстрировано военной цензурой одно письмо из деревни на фронт от сермяжного папаши к своему сыну-солдату, в к[ото]ром тятенька просит у своего детища Совета, какую бы взять из имеющихся у них в округе барских усадеб?»[2007]

Для многих авторов и получателей писем и телеграмм сам факт продолжения существования цензуры был неожиданностью, так как в первые недели революции распространилась уверенность в наступлении полной свободы переписки. Слушательница Высших женских курсов в Петрограде Н. Агафонникова писала в дневнике 2 марта: «Ведь уж все рухнуло. Все, на что надеялись немцы, пропало. И верно. Ведь тут Родзянко. Ах, теперь как война подвинется вперед. Цензуры не будет, ни беломорской, ни протопоповской»[2008]. В отчете за март старший цензор на Главпочтамте отмечал, что даже немецкие и австрийские военнопленные «выражают надежду, что скоро им можно будет писать все, ибо в самом ближайшем будущем цензура, вероятно, будет упразднена»[2009].

Жалобы на медлительность почты теперь дополнялись отсылками к завоеваниям революции. 14 апреля некая Петрова сообщила А.И. Гучкову о задержках почты на имя военнопленных: «Носятся упорные слухи, что писем половина бросается». Посылки приходят через три и более месяца, «если еще приходят», в результате русские солдаты и офицеры голодают во вражеских лагерях: «В дни свободы всем стараются облегчить жизнь, только о наших родных военнопленных ни слова, их забыли»[2010].

Недоумение по поводу сохранения почтово-телеграфной цензуры неоднократно выражала печать, прежде всего левая. 13 мая «Рабочая газета» не предоставила в цензуру гранку статьи, автор которой возмущался: «Оказывается, до сих пор еще существует военная цензура даже на письма,

---

[2007] *Кравков В.П.* Великая война без ретуши: записки корпусного врача (1914–1917 гг.). М., 2014. С. 316.
[2008] Тайны русской души. Дневник гимназистки. М., 2015. С. 148.
[2009] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 615. Л. 46.
[2010] Там же. Д. 461. Л. 78.

посылаемые по городской почте. <…> Почему это нужно – совершенно непонятно, но вред для газетной работы весьма велик. <…> Письма запаздывают, и газета не может помещать срочные сообщения-извещения»[2011].

Приходившая в редакции почта от читателей также нередко упоминала цензуру, мешавшую переписке. «Солдат-гражданин» опубликовал письмо рядового перевязочного отряда 104 пехотной дивизии Романа Конопелько: «Мы с 2-го марта получили… как свободу слова, так и свободу печати, почему же когда мы получаем с родины письма, а также и пишем ответы на родину, то в каждом письме там печать военной цензуры, почему это так? Товарищи, будьте настолько любезны, объясните мне, почему с фронта не допускается писать своим родителям, а также и родителям на фронт. По вашему совету я сам буду лишнее отбрасывать. А также и своим товарищам скажу, что можно писать, а что нельзя»[2012]. Впрочем, методы, благодаря которым можно было избежать цензуру, оставались прежними, прежде всего – передача писем через близких и друзей. Во время тобольской ссылки так действовала, например, императрица Александра Федоровна, передававшая корреспонденцию через горничную и других приближенных, имевших возможность выходить в город[2013].

Фактор цензуры учитывался и в официальных документах Ставки, с одной стороны принимавшей новшества в армии, с другой – настаивавшей на необходимости строгого соблюдения военной тайны. В приказе М.В. Алексеева № 51 от 30 марта о введении в действие «Временного положения об организации чинов действующей армии и флота» отмечалось: «Вся работа выборных учреждений должна идти в самой широкой гласности, соблюдая, однако, правила военной цензуры, путем объявления в приказах, печатания

[2011] Там же. Д. 100. Л. 83об.
[2012] Там же. Л. 121.
[2013] Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. I. Последние дневники императрицы Александры Федоровны Романовой. Февраль 1917 г. – 16 июля 1918 г. Новосибирск, 1999. С. 125.

особых извещений, путем печати, устройством, где возможно, сообщений и лекций и т.п.» [2014] . Негласно же командование армии настаивало на соблюдении ключевых положений дореволюционной цензуры. К примеру, еще 13 марта А.С. Лукомский в письме начальнику Генерального штаба, подчеркивал, что «весьма желательно» и в новых условиях задерживать и уничтожать переписку на немецком и «еврейском» языках[2015]. В результате и после Февраля этот запрет продолжил действовать[2016].

Весной 1917 г. как в столице, так и в провинции активно развивалась самоорганизация цензоров для решения насущных хозяйственных и бытовых вопросов. По решению собрания представителей отделов петроградской цензуры, состав ПВЦК следовало сделать полностью выборным, по одному члену от каждого отдела, создавались и постоянные органы самоуправления. 10 апреля ПВЦК постановила «в целях согласованности действий всех отделов военной цензуры и разрешения вопросов, касающихся внутренней деятельности по выполнению задач военной цензуры, а также назначения, перемещения и увольнения со службы» образовать Совет военных цензоров в составе всех старших цензоров и 14 выборных от всех отделов. Заседания проходили еженедельно по пятницам[2017].

Совет фактически стал совещательным органом с правом голоса. Решения направлялись председателю ПВЦК. Обсуждались такие вопросы как конфискация австрийских и германских марок, процесс просмотра писем по «секретным спискам», денежной и транзитной корреспонденции[2018]. 26 мая Совет постановил освободить от цензуры всю переписку с действующей армией. Корреспонденцию на редких и непонятных для цензоров языках следовало задерживать на месяц. Для разбора создавшихся с конца февраля «залежей» Совет разрешил не задерживать обмениваемую между союзными

[2014] Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г. М., 1982. С. 59.
[2015] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 97. Л. 49, 49об.
[2016] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 564. Л. 92.
[2017] Там же. Д. 617. Л. 6.
[2018] Там же. Д. 461. Л. 77, 87, 88.

странами корреспонденцию, а между нейтральными – задерживать на месяц, но не просматривать. В этих же целях решено было усилить состав отделов общей цензуры и цензуры военнопленных [2019] . Рассматривались также финансовые и хозяйственные вопросы. Упразднялись, например, вычеты суточных за пропущенные дни, а их выдача была поставлена на 1 и 2 число месяца, как в других ведомствах. Вследствие «антисанитарных условий, в которых приходится работать военным цензорам», постановлено испросить средства для ремонта и подыскания новых помещений. Цензоры, прослужившие больше 8 месяцев, получили право на отпуск не менее 28 дней в год с сохранением содержания[2020].

Схожими были решения и общего собрания военных цензоров при Царскосельской почтово-телеграфной конторе. Оно постановило выдать суточные за январь и февраль и не производить вычеты за пропущенные дни. Ввиду дороговизны предполагалось увеличить содержание до 7 руб. в сутки и выдавать его не позднее 10 числа каждого месяца. Собрание уравняло суточные почтово-телеграфных чиновников и других цензоров (ранее первые получали меньше), улучшить санитарные условия и разрешить месячный отпуск цензорам, отслужившим без перерыва 8 месяцев. После ликвидации военной цензуры постановлено было выдать уволенным цензорам единовременное пособие в размере двухмесячного жалования[2021].

Предлагались и структурные реформы. В июне старший военный цензор при Главпочтамте генерал-лейтенант К.В. Шпигель в записке председателю ПВЦК напомнил, что военно-полевая цензура должна «оберегать фронт от шпионажа, от проникновения туда разного рода пропаганды, от неблагоприятных сведений с родины, могущих смущать и тревожить сердца наших бойцов, и от других сведений, следствием которых могло получиться ослабление или падение мощи нашей армии». Но на деле

[2019] Там же. Л. 98.
[2020] Там же. Д. 108. Л. 736.
[2021] Там же. Д. 660. Л. 737.

просматривалось около 15-20 % писем, и военно-полевая цензура «не приносила ожидаемой пользы и служила больше осведомительным органом о настроении в армии». Отношение к ней офицеров и солдат «было и продолжает быть очень враждебным»: они нередко угрожали цензорам расправой по окончании войны за вскрытие писем, вымарывания отдельных предложений и слов, воровство вложений[2022]. Генерал-майор В.Н. Зайцев признавал, что «с фронта и на фронт уезжают и возвращаются миллионы людей, как военных, так и не военных, привозящих в тыл больше корреспонденции, чем, пожалуй, ее идет почтой, а увозят туда целые вороха газет, журналов и писем. Сведения, не дозволенные Перечнем, свободно разносятся устными рассказами». В результате Совет военных цензоров 23 июня принял резолюцию о желательности «уничтожения» военно-полевой цензуры, как «вызывающей лишь бесплодные расходы со стороны казны»[2023].

Кадровые вопросы в провинциальной цензуре поначалу решались без запросов в столицу. Большую роль в этом играли всевозможные комитеты и Советы. Прапорщик Оверин докладывал в ГВЦК, что 3 марта, «в дни Великого Переворота», Калужский военный совет назначил его старшим военным цензором. Сохранение этой должности он объяснял тем, что в городе помимо девяти типографий действовала редакция газеты «Голос Калуги», которая «служила идеям [Н.Е.] Маркова второго». Для ограждения гарнизона от «черносотенных влияний» в «менее надежных» редакциях и типографиях были поставлены караулы, которые «не стесняли бы деятельность сих учреждений и вместе с тем в случае преступной работы могли бы парализовать таковую. <…> Не стесняя свободу действий печати..., ограждая войска от проникновения разлагающих военный строй идей, я до сего времени продолжаю исполнять возложенные на меня обязанности..., но

[2022] Там же. Л. 33.
[2023] Там же.

ввиду отмены новыми законами цензуры, прошу инструкций и указаний в дальнейшем»[2024].

С подозрением новые власти на местах относились к большинству инспекторов по делам печати, старших военных цензоров и членов ВЦК, ассоциировавшихся со свергнутым режимом. 20 марта Харьковский губернский общественный комитет потребовал от местного инспектора по делам печати сдать все дела[2025]. Уполномоченный Новгородским комитетом общественного спокойствия прапорщик Новицкий сообщал в ГВЦК 2 апреля, что старший цензор полковник Храмцов по своим качествам не соответствовал занимаемой должности. Он предложил с помощью голосования среди цензоров выбрать «достойного, работоспособного» человека, а пока назначить на эту должность его самого[2026]. В Оренбурге и Уральске старшими военными цензорами состояли жандармские офицеры, которые в дни революции были арестованы, а служащие на пунктах уволены комитетами общественной безопасности [2027] . Арестам и допросам подверглись также сотрудники «черных кабинетов»[2028].

Работа военно-цензурных учреждений в прифронтовых губерниях в большинстве случаев находилась под влиянием различных комитетов и Советов солдатских депутатов. Финляндская ВЦК, например, с первых дней революции контролировалась Гельсингфорсским Советом, цензоры продолжали работу под присмотром прапорщика В. Берваля [2029] . Военно-цензурный пункт в Выборге был закрыт и опечатан распоряжением местного Совета рабочих и солдатских депутатов [2030] . 14 апреля Совет солдатских депутатов 12 армии направил министру-председателю князю Г.Е. Львову

[2024] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 97. Л. 79.
[2025] ГАРФ. Ф. 1787. Оп. 1. Д. 28. Л. 7.
[2026] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 108. Л. 667.
[2027] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 97. Л. 177.
[2028] *Измозик В.С.* Указ. соч. С. 370.
[2029] *Бажанов Д.А., Бугаев Р.А.* Деятельность комиссаров революционных органов власти в Финляндии в период подавления выступления Л.Г. Корнилова // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2020. № 22(1–2). С. 55–65.
[2030] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 660. Л. 23.

телеграмму, в которой сообщил, что «считает необходимым устранить вредное влияние находящихся в цензурных комитетах приспешников старого режима. <...> Единственным средством для этого Совет признает назначение в почтовые конторы солдат-членов демократической организации… через руки которых должны проходить все письма после их цензурования»[2031].

Вопрос о цензуре неоднократно поднимался в различных коллективных письмах и воззваниях. Смоленский гарнизонный комитет офицерских и солдатских депутатов ходатайствовал об отмене просмотра писем солдат командирами как процедуры «унизительной для солдата-гражданина и излишней в виду существования военно-цензурного комитета»[2032]. Собрание солдат 178-го пехотного запасного полка протестовало против цензуры писем на основании пункта 5 «декларации прав солдата», ставившей военнослужащих в равные права с остальными гражданами в свободе переписки [2033] . Требование немедленной отмены цензуры «в пределах свободной России» содержалось и в резолюции митинга солдат саперного батальона Печерских лагерей[2034].

Подробно на проблеме цензуры остановилось первое собрание выборных от солдат гвардии Волынского полка. 12 марта 1917 г. решили приобретать для каждой роты и команды газеты, «желательными» признаны «Русское слово», «Вперед», «Правда» и «Киевская мысль». Налажен был и порядок просмотра корреспонденции: «закрытые письма можно писать, не сообщая месторасположения частей войск, а также ничего, могущего влиять на ход боевых действий». Так как ротные командиры не имели времени для чтения всех солдатских писем, собрание постановило выбрать в каждой роте и команде по цензору. Письма могли отправляться по адресу только за

[2031] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 97. Л. 82.
[2032] Там же. Л. 58.
[2033] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году: Сб. материалов и документов. Л., 1932. С. 99.
[2034] Революционное движение в военных округах. Март 1917 г. – март 1918 г. М., 1988. С. 161.

подписью командира роты, и ему было «также предоставлено право просматривать некоторые из них»[2035].

Военно-цензурные комиссии, со своей стороны, были вынуждены учитывать расстановку политических сил и тот факт, что местные власти имели свои взгляды на цензуру. 15 апреля новый председатель Казанской ВЦК в письме Д.М. Левшину отмечал, что «деятельность цензуры в округе, не пользовавшейся народным доверием, приходится налаживать заново, а это тем труднее, что по поводу деятельности ее могут быть совершенно различные взгляды местных комитетов общественной безопасности, под контролем коих находится большинство военно-цензорских пунктов и с мнением коих нельзя не считаться»[2036].

Весьма осторожно к этому вопросу подходили и центральные власти. Упомянутую выше телеграмму от Совета солдатских депутатов 12 армии Г.Е. Львов переправил военному министру А.И. Гучкову, который, в свою очередь, 26 апреля просил командующего 12 армией устранить «вызывающих недоверие цензоров», хотя и находил «нецелесообразным» допущение контроля Совета над перепиской [2037]. Эта позиция была подтверждена А.Ф. Керенским. В приказе начальнику Генерального штаба 11 июня отмечалось: «Военный министр полагает вполне допустимым, чтобы при работе цензоров для контроля присутствовали особые комиссары от ответственных войсковых комитетов»[2038]. Сговорчивым было и окружное командование. Начальник штаба Туркестанского военного округа сообщал в Петроград 4 июля: «Идя навстречу пожеланиям подчиненных мне лиц, дал согласие на приглашение от Совета солдатских и рабочих депутатов и других общественных учреждений специальной комиссии, произведшей как полную

[2035] Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г. С. 36–37.
[2036] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 97. Л. 106, 106об.
[2037] Там же. Л. 81, 85.
[2038] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 103. Л. 7.

ревизию дел, так и наблюдавшей течение работы цензоров... с 10 по 25 апреля»[2039].

Местные власти уже в первые дни после падения монархии предпринимали попытки взять цензуру под контроль и использовать ее в своих целях. Так, комитет общественной безопасности в Нижнем Тагиле 14 марта восстановил цензуру в типографиях[2040]. Советы, комитеты и другие общественные организации также пытались влиять на содержание печати, почты и телеграфа, речей и даже проповедей, не имея на то никаких полномочий. Эти попытки первое время скрывались за декларациями о необходимости сохранения полной свободы слова как главного завоевания революции. К примеру, собрание духовенства г. Вятки 21 марта постановило: «п. 1: Цензуру для проповедей и печатного слова отменить и должности цензоров “Вятских епархиальных ведомостей” упразднить. п. 2: Духовенству убеждения свои как с церковной кафедры, так в частных беседах и печати высказывать откровенно, без боязни административного давления» [2041] . Собрание духовенства в Саратове 16 марта также отвергло всякую предварительную цензуру местных епархиальных ведомостей[2042].

Однако и полученная свобода имела свои ограничения, в том числе и при произнесении проповедей. Архиепископ Никон (Рождественский) писал 13 апреля архиепископу Новгородскому и Старорусскому Арсению (Стадницкому): «Теперь ведь и рабочий всякий есть цензор над архиереем: свобода дала им образование академическое такое, что хоть в профессора их выбирай. Признаюсь: приходится прислушиваться к замечаниям рабочих и переделывать некоторые выражения, даже самые невинные, в их смысле.

[2039] Там же. Л. 8.
[2040] Цензура в типографиях // Новое время. 1917. 16 марта.
[2041]Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году: Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви. М., 2006. С. 204.
[2042] Саратовские епархиальные ведомости. 1917 № 9. С. 308.

Иначе живо арест, уничтожение и конец. Указание ими сомнительной для них строки есть уже угроза: “иначе-де донесем”»[2043].

Попытки местного контроля над печатью вызывали в ряде случаев ее активное сопротивление. Так, Пятигорский гражданский комитет потребовал от редакции «Кавказского края» предоставлять им на предварительный просмотр гранки статей. Издание в знак протеста отказалось публиковать оригинальные материалы, ограничившись телеграммами и перепечатками[2044]. Не имея законных рычагов воздействия на газеты, местные Советы и комитеты действовали через профсоюзы и своих сторонников. Широкое распространение получили случаи отказа типографских работников выпускать свежие номера «буржуазных» и «реакционных» изданий, порчи оборудования и несанкционированной печати революционных листков[2045]. К примеру, в Тифлисе исполком местного Совета рабочих депутатов предложил наборщикам самим просматривать поступающий материал, не допускать статьи «подозрительные» и с «явно провокационным характером»[2046].

Эти новые тенденции философ Н.В. Устрялов отметил в дневнике еще 1-2 марта: «Левые элементы будут пытаться использовать переворот в пользу старых своих лозунгов – “демократическая республика”. Уже пытаются водворять новую цензуру. Противно и жутко»[2047]. Н.П. Окунев записал в своем дневнике 27 апреля: «По рукам ходит письмо В.М. Пуришкевича Совету рабочих. Он обвиняет его в анархии и тут же пишет, что это письмо будет передаваться публике подпольным путем, так как при свободе слова, при полном отсутствии цензуры, завелась цензура более нетерпимая – сами

[2043] Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. С. 252
[2044] По старому шаблону // Новое время. 1917. 6 апреля.
[2045] *Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 143.
[2046] Цензура // Новое время. 1917. 15 апреля.
[2047] *Устрялов Н.В.* Былое – революция 1917 г. (1890-е – 1919 гг.): Воспоминания и дневниковые записи. М., 2000. С. 135.

типографские рабочие печатают только то, что им нравится, а чуть что-нибудь их заденет, то в печать ни за что не пропустят»[2048].

Временное правительство получало сигналы с мест и видело угрозу в самовольных цензурных действиях. 28 марта оно признало «недопустимым самоуправством» попытки запрещения газет, реквизиции помещений редакций и оборудования[2049]. Однако эти призывы и распоряжения мало действовали на провинцию, где Советы все больше проявляли самостоятельность по отношению к печати. Такая ситуация возмущала столичную прессу, особенно правого и консервативного толка. «Новое время» назвало подобные случаи попыткой «ввести предварительную цензуру, но слева»[2050]. Газеты, по словам издания, «оказались в унизительном положении: почтальоны и разносчики продиктовали им свои условия и запрещают их, как не запрещал Протопопов и Н. Маклаков»[2051]. С осуждением упомянутых выше действий Пятигорского гражданского комитета выступила «Речь»[2052]. В мае произошел всплеск активности Советов в давлении на печать, что Б.И. Колоницкий справедливо связывает с ростом их критики со стороны правой, консервативной и либеральной прессы[2053].

Некоторые высшие офицеры также выступали против делегирования цензурных полномочий представителям различных Советов и комитетов. Еще 9 марта 1917 г. генерал П.И. Аверьянов просил МВД дать указание местным исполнительным комитетам не вмешиваться в дела военной цензуры[2054]. Резко критиковал подобные инициативы начальник штаба Верховного главнокомандующего А.И. Деникин. 24 апреля он сообщал А.И.

[2048] *Окунев Н.П.* В годы великих потрясений: Дневник московского обывателя 1914–1924. М., 2021. С. 201.
[2049] *Колоницкий Б.И.* Советы и контроль над печатью… С. 154; *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства. С. 224
[2050] Петроград, 6 апреля // Новое время. 1917. 7 апреля.
[2051] По старому шаблону // Новое время. 1917. 6 апреля.
[2052] Там же.
[2053] *Колоницкий Б.И.* Советы и контроль над печатью… С. 155.
[2054] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 97. Л. 39.

Гучкову о командировании исполкомом солдатских депутатов Кавказской армии своих представителей-солдат для «работ по осуществлению военной цензуры в Кавказском округе». Деникин считал «неправильным вмешательство общественных организаций, каковою, несомненно, является Совет рабочих и солдатских депутатов, в деятельность военно-цензурной комиссии»[2055]. В этот же день Ровенский горисполком командировал в местную почтово-телеграфную контору 7 членов местного Совета рабочих депутатов для просмотра телеграмм и наблюдения за действиями служащих, отказавшихся работать «под таким давлением». Учитывая, что большинство телеграмм, проходивших через эту контору, были секретными, Деникин спрашивал Гучкова о допустимости решения Совета и способах его отмены[2056]. Военный министр, со слов генерала П.И. Аверьянова, находил «допущение контроля посторонними лицами безусловно нецелесообразным, [но] если цензора не внушают доверия, замените другими»[2057].

В «Очерках русской смуты» А.И. Деникин упомянул это двойственное положение цензуры, которая, по его словам, «просто игнорировалась». Правая и либеральная пресса, по его словам, попала «под жестокий гнет Петроградского и местных Советов, которые проявляли свою власть, закрывая газеты, не допуская выхода новых и применяя при этом грубую вооруженную силу, захват типографий или терроризирование типографских рабочих. Одновременно крайняя левая печать пользовалась неизменной защитой Советов, во имя “свободы слова”, хотя официально подвергалась иногда критике и осуждению»[2058].

На практике столь жесткое разделение встречалось не везде. Решения цензуры в различных регионах зависели от политической ситуации, отношений органов власти Временного правительства и местных Советов. К примеру, в марте-апреле военная цензура в Риге не допускала свободного

[2055] Там же. Л. 86.
[2056] Там же. Д. 97. Л. 87, 88.
[2057] Там же. Л. 92.
[2058] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 2. Париж, 1921. С. 82.

распространения газет «Социал-демократ» и «Правда» [2059] . В цензуре корреспонденции можно увидеть примеры лавирования между основными центрами силы. Так, петергофский комендант подполковник Бойе в апреле предписывал местным цензорам задерживать все письма, призывающие к неповиновению и Временному правительству, и Петросовету[2060]. Проблема, таким образом, заключалась в отсутствии единой цензурной политики, которую новой власти еще предстояло выработать.

5.2. Цензурная политика Временного правительства в марте–августе 1917 г.[2061]

Впервые цензурный вопрос был поднят на заседании Временного правительства 4 марта. Среди «устных предложений» министра-председателя князя Г.Е. Львова значилось упразднение ГУДП и увольнение со службы, «согласно прошению, по болезни», А.А. Катенина. При этом предполагалось сохранить регистрационную часть управления и «бюро иностранных вырезок». Редакторов и издателей, по словам Львова, следовало обязать высылать в регистрационную часть все печатные произведения [2062] . На заседании 8 марта Львов рекомендовал создать особую ликвидационную комиссию под председательством Д.П. Капниста. В числе ее первоочередных задач была разработка нового проекта закона о временной, до заключения мира, военной цензуре[2063].

27 апреля вышло постановление «О печати», определявшее порядок выхода в свет произведений тиснения. Первая статья документа («Печать и торговля произведениями печати свободны. Применение к ним административных взысканий не допускается») отсылала к законопроекту о

[2059] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 97. Л. 80.
[2060] Там же. Д. 98. Л. 41.
[2061] При подготовке данного параграфа были использованы материалы из монографии: *Богомолов И.К.* Цензура печати в России в годы Первой мировой войны. М., 2026.
[2062] Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. М., 2001. С. 30.
[2063] *Патрушева Н.Г.* Указ. соч. С. 443.

печати, составленному фракцией народной свободы еще в 1905 г. и повторенной в проекте 1913 г. Провозглашался судебный порядок рассмотрения нарушений печатью законов. Для контроля над потоком выходящей печати предписывалось все вновь отпечатанные газеты, журналы, книги, брошюры, ноты и другие произведения тиснения предоставлять в местный комиссариат Временного правительства, Публичную библиотеку, Академию наук, Московский публичный и Румянцевский музеи, а также в Александровский университет в Гельсингфорсе. Желающий выпускать в свет повременное издание должен был сообщить комиссару или заменяющему его установлению или лицу место и наименование издания, сроки выхода в свет и подписную цену, полное имя и место жительства издателей и редакторов. Последними могли быть только лица, «проживающие в пределах Российского государства, достигшие совершеннолетия, обладающие общегражданской способностью и не ограниченные в правах по судебному приговору». За выпуск издания или изменение его названия без уведомления властей нарушитель подвергался штрафу в 100 руб. Наблюдение за исполнением правил о печати возлагалось на губернских и уездных комиссаров Временного правительства[2064].

Помимо ГУДП, постановление от 27 апреля упраздняло Бюро печати, Бюро русских журналистов, Комитет народных изданий, при этом сохранялись Отдел иностранной и инородческой печати, типография МВД, а также ПТА. Ликвидационная комиссия решала первоочередные проблемы, такие как поступление обязательных экземпляров в государственные книгохранилища. 12 апреля был создан Совет российской печати, призванный решать текущие вопросы законодательства и хозяйственной жизни газет и журналов, служить связующим звеном между печатью и правительством. Отдельным вопросом была передача казенного имущества и архивов упраздненных цензурных учреждений. В начале марта канцелярия и около 30 тыс. дел ПКДП были опечатаны и к осени переданы в архив

[2064] Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. М., 2001. С. 358–359.

Министерства народного просвещения [2065]. Накопленный за десятилетия архив драматической цензуры был передан в Театральную библиотеку, экземпляры запрещенных до революции книг распределили между Императорской публичной библиотекой, Библиотекой Академии наук и Румянцевским музеем[2066].

Пока Временное правительство осторожно вводило новые правила о печати, Петроградский Совет с первых дней существования высказывался куда более категорично, не допуская полутонов и отвергая любые варианты сохранения цензуры. Общее собрание Совета 2 марта потребовало от нового правительства политической свободы «во всех формах», в том числе и свободы печати [2067]. Не имея на то никаких полномочий, Совет давал распоряжения о снятии арестов с изданий, например – с брошюры В.В. Воровского «Карл Маркс», изданной в 1913 г. и запрещенной в сентябре 1914 г. [2068] Возможные ограничения собственной переписки Петросовет также заблаговременно предупреждал, не учитывая при этом мнение другого центра власти в Петрограде, ставя его перед фактом и даже отдавая распоряжения. Протокол общего собрания членов Совета 18 марта принял постановление «Об организации отдела международных сношений». Один из его пунктов гласил, что отдел «получает без цензуры все телеграммы и письма, какие его заграничная агентура направляет по адресу: Петроград, Таврический дворец, Совдепу. О пропуске адресованных Совдепу писем и телеграмм без цензуры Вр[еменное] правительство отдает телеграфное распоряжение по министерствам Военному, иностранному и внутренних дел»[2069].

[2065] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 626. Л. 18, 25.
[2066] Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. М., 2001. С. 360–361. Подробнее о работе Ликвидационной комиссии см.:. *Патрушева Н.Г.* Указ. соч. С. 442–452.
[2067] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. В 5 т. Т. 1. Л., 1991. С. 75.
[2068] ЦГИА СПб. Ф. 706. Оп. 1. Д. 681. Л. 7.
[2069] Об организации Отдела международных сношений // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 23 марта.

Активные действия Петросовета привлекли внимание современников, видевших в этом попытку усилить свои позиции в неминуемом противостоянии с Временным правительством. Член Думы С.И. Шидловский позднее характеризовал первые шаги Совета как попытку захватить не формальную, а фактическую, реальную власть. Цензура в этом смысле была одним из важнейших рычагов влияния в стремительно меняющихся условиях революции. «Были захвачены Советом все почтовые и телеграфные учреждения, радио, все петроградские станции железных дорог, все типографии, так что без его разрешения нельзя было ни послать телеграмму, ни выехать из Петрограда, ни напечатать воззвание. Все эти репрессивные меры главным образом имели в виду Государственную думу, которой с большим трудом и только в единичных случаях удавалось избежать этой цензуры», – вспоминал Шидловский[2070].

Весьма характерны были в этом смысле действия Петросовета в отношении печати. Уже 4 марта Исполком выдал первые «удостоверения», разрешавшие редакции выпуск газеты, «если таковая не противоречит интересам революционного движения»[2071]. 5 марта Исполнительный комитет запретил выходить «черносотенным изданиям» – «Земщине», «Колоколу», «Голосу Руси», «Русскому знамени» и др. Та же судьба была уготована и «Новому времени», но оно успело возобновить выпуск в тот же день «без разрешения Исполнительного комитета». А.К. Гвоздеву было поручено закрыть газету «до особого распоряжения»[2072].

В связи с этими фактически цензурными действиями Петросовета представители общества журналистов и редакторов на заседании Исполкома 6 марта возбудили вопрос о выходе всех столичных изданий, «считая принципиально недопустимой какую бы то ни было цензуру». Исполком

[2070] Февральская революция. Мемуары. М.: Л., 1925. С. 285.
[2071] *Антонов-Овсеенко А.А.* Газеты Петрограда и Москвы в период активной фазы Февральской революции 1917 г. // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2011. № 3. С. 71, 72.
[2072] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 132.

подтвердил свою позицию, однако выход «Нового времени» все же разрешил, «если окажется возможным по техническим условиям» [2073] . Публично высказывались в защиту свободы слова и общественные деятели. Публицист В.В. Водовозов на страницах «Дня» 5 марта просил членов Петросовета: «Товарищи… предоставьте Марковым и Замысловским ту же свободу, какую вы завоевали для меня, и знайте, что они этой свободы не выдержат. Совы и филины не любят света. Только в тьме чувствуют они себя превосходно. Лишившись обязательных подписчиков, лишившись субсидии, эти господа не найдут ни одного читателя и в самом непродолжительном времени погибнут» [2074] . В итоге 10 марта Исполком постановил «допустить беспрепятственный выпуск всех изданий без различия направлений»[2075].

В вопросе о цензуре почтово-телеграфной корреспонденции единого мнения не было, однако ее необходимость признавалась при соблюдении строгих рамок. В принятых солдатской секцией Петросовета 8 марта «Общих правах солдат» отдельный пункт гласил: «Всякая цензура писем и телеграмм, кроме чисто военной, отменяется немедленно». Солдаты, согласно этому документу, могли получать все без исключения печатные издания, открыто высказывать свои убеждения «устно, письменно или печатно»[2076].

Ставка между тем подталкивала новую власть к скорейшему прояснению вопроса о дальнейшей судьбе военной цензуры. 7 марта генерал М.В. Алексеев телеграфировал Г.Е. Львову и А.И. Гучкову, что у старших военных цензоров имелись на хранении секретная переписка и адреса лиц, причастных к шпионажу. По его мнению, образованные в армии исполнительные комитеты «могут распространить свою деятельность и на цензурные пункты, на что имеются уже некоторые указания, и могут

[2073] Там же. С. 154.
[2074] *Водовозов В.* Свобода слова. Открытое письмо Совету рабочих депутатов // День. 1917. 5 марта.
[2075] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 226.
[2076] *Матвеев Ф.П.* Из записной книжки депутата 176 пехотного полка: Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов март – май 1917 г. // Петросовет, март—май 1917. М.; Л., 1932. С. 210.

[получить] означенную переписку и списки». В связи с этим Алексеев просил сохранить на театре военных действий цензуру не только печати, но и почтово-телеграфных отправлений[2077]. В письме Львову и Гучкову 9 марта он настаивал на сохранении цензуры фото- и кинематографии, так как распространение этими способами военных тайн «принесет неисчислимый вред армии и отечеству». Он оговорился, что, «конечно, военная цензура ныне должна ограничиться непропуском лишь тех сведений, которые представляют тайну в узко военном смысле, не касаясь совершенно вопросов политической жизни страны и сведений личного характера»[2078]. При этом Алексеев выступал за жесткое пресечение потока в армию революционной литературы[2079].

В.Н. Клембовский в письме А.И. Гучкову 11 марта предлагал освободить от цензуры внутреннюю корреспонденцию, за исключением писем военнопленных. Однако он настаивал, что цензура «совершенно необходима, так как без нее все военные тайны станут достоянием врага». Генерал привел примеры неподчинения прессы цензуре и предупреждал о последствиях: «“Бессарабская жизнь”, комментируя в весьма нежелательном для армии тоне приказ по военному ведомству, подписанный вами, вызвала ряд эксцессов между офицерами и солдатами. Такие явления должны быть немедленно пресечены, иначе принесут неисчислимый вред отечеству и приведут к разрухе в армии»[2080].

На фоне этих настойчивых просьб Временное правительство 8 марта поручило Юридическому совещанию проработать вопрос о «пределах применения военной цензуры»[2081]. К 11 марта текст нового положения был готов, в основе его лежал проект, выработанный Думой в 1915–1916 гг. Д.П. Капнист предлагал предварительно опубликовать особое обращение к

[2077] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 99. Л. 6.
[2078] Там же. Л. 7.
[2079] Там же. Л. 23.
[2080] Там же. Л. 21.
[2081] Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. М., 2001. С. 56.

населению, в котором отмечалась бы необходимость во время войны сохранить цензуру, которая «ни в коем случае не должна препятствовать опубликованию сведений, направленных к разоблачению злоупотреблений». В связи с этим ликвидационная комиссия выступила за исключение участия в военной цензуре гражданских чинов и возложение руководства ею на начальников Генеральных штабов сухопутного и морского. Члены комиссии считали, что подцензурными могли быть только вопросы специального военного значения. Даже попытка А.И. Лысаковского упомянуть в документе охрану дипломатической тайны не нашла поддержки[2082]: после революции из военной цензуры при ПКДП были уволены все дипломатические чиновники во главе с М.А. Беляевым[2083]. Тем не менее, военная цензура при МИД продолжала свою работу, сохранив костяк группы цензоров[2084].

Проект состоял из 30 статей, поделенных на 6 глав. Составители окончательно отказались от разделения цензуры на «полную» и «частичную». В отличие от версии 1914 г., в проекте не упоминалась цензура речей и докладов. Предполагалось, что будут просматриваться в первую очередь международные письма и телеграммы, внутреннюю переписку планировалось вскрывать только в исключительных случаях, вне театра военных действий такое распоряжение мог дать представитель власти не ниже командующего войсками округа. Предварительной цензуре не подлежали почтовые отправления командующих фронтами и армиями, законодательных, правительственных, земских, городских и общественных учреждений, дипломатическая и консульская переписка по правилам, утвержденным МИД, Военным и Морским министерствами. Подлежащие цензуре закрытые письма на русском языке следовало посмотреть не более чем за семь дней, на других языках – не более чем за месяц после

[2082] Там же. Л. 5об.
[2083] *Кострикова Е.Г.* Указ. соч. С. 282.
[2084] Там же. С. 283.

поступления в цензуру. Примечательно, что в числе исключений не была упомянута корреспонденция Исполкома Петросовета[2085].

Ощутимо менялся в проекте порядок предварительного просмотра печати. Согласно проекту, петроградским и московским утренним изданиям надлежало предоставлять гранки не позднее чем за два часа до выхода номера (во «Временном положении» 1914 г. – за 5 часов), в прочих местностях – с 18:00 до часу ночи. Вечерние газеты повсеместно должны были доставлять гранки с восьми утра, но не позже чем за два часа до выхода номера в свет.

Структуру военно-цензурных учреждений предполагалось оставить прежней: ГВЦК, местные комиссии и отдельные военные цензоры. В ГВЦК входили представители министерств Военного, Морского, финансов и иностранных дел, Всероссийского общества редакторов. В местные комиссии входили представители Военного и Морского ведомств, а также местной печати. В новой иерархии ГВЦК имела статус высшего органа, ПВЦК и МВЦК должны были ей подчиняться наравне с другими местными комиссиями. Особый статус ПВЦК, тем не менее, учитывался: при необходимости в ее работе могли участвовать Министерства иностранных дел и финансов. Представители МВД в комиссии не входили, хотя в состав включался представитель ГУПТ, выведенного после революции из подчинения министерства. Обязанности военных цензоров возлагались в первую очередь на офицеров, но при недостатке кадров допускалось нанимать «иных лиц» обоего пола с образованием не ниже среднего. Во избежание двойного подчинения и ведомственных конфликтов отдельно указывалось, что цензоры при несении службы должны были руководствоваться указаниями только ГВЦК и местных комиссий. Суточные устанавливались в размере 5 руб., в случае владения редкими языками – до

[2085] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 657. Л. 1–6.

10 руб., но таковых могло быть не более 10 % от общего числа военных цензоров[2086].

Проект был одобрен последовательно ГУГШ, МВД и Юридическим совещанием, которое утвердило его 14 марта и внесло на рассмотрение Временного правительства вместе с упомянутым выше «Перечнем»[2087]. Задержка возникла в Министерстве юстиции, что вызывало нервозность Ставки и окружного командования[2088]. В течение месяца ГУГШ и Военное министерство безуспешно пытались ускорить рассмотрение проекта. Д.М. Левшин в письме генералу П.И. Аверьянову 29 марта отмечал, что отсутствие закона о военной цензуре «создает неопределенность и неурядицу, устранить которую не представляется никакой возможности ввиду того, что старое положение не действует, а новым руководствоваться нельзя… приходится отдавать какие-то полудипломатические распоряжения». Среди населения это «создает впечатление, что военная цензура официально упразднена, а тайно существует»[2089]. В личном письме от 30 марта Аверьянов просил В.Д. Набокова оказать «возможное содействие» в этом деле[2090].

24 апреля товарищ военного министра В. Новицкий в докладе Г.Е. Львову напомнил, что «ни одно из цензурных установлений не упразднено и военная цензура продолжает действовать на всем пространстве Русского государства, как в действующей армии, так и в тылу, что понятно, ибо никакого специального приказа об отмене военной цензуры издано не было». По его словам, в первые дни после революции стало ясно, что руководствоваться «Временным положением о военной цензуре» 1914 г. уже было невозможно, и «по молчаливому соглашению всех причастных к этому делу лиц и руководствоваться перестали». Однако спустя почти два месяца и

[2086] Там же. Д. 633. Л. 23–27.
[2087] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 99. Л. 25–26; Записи хода заседаний Юридического совещания при Временном правительстве. Март–октябрь 1917 года. В 2 т. Т. 1. М., 2018. С. 51–55.
[2088] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 99. Л. 28, 29.
[2089] Там же. Л. 25–26.
[2090] ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 414. Л. 1–1об.

общество, и армия, и правительственные учреждения желали опираться «на какое-нибудь твердое основание, а его-то и нет»[2091]. 29 апреля на запрос Львова Министерство юстиции ответило, что А.Ф. Керенский «предполагал предварительно сего иметь по этому предмету собеседование с членами Временного правительства»[2092]. 4 мая Д.М. Левшин вновь просил П.И. Аверьянова обратиться к М.В. Алексееву и командующим фронтами, чтобы побудить военного министра «энергично настаивать на проведении нового постановления о военной цензуре через Временное правительство»[2093].

Исследователь П.В. Батулин считает основной причиной задержки проекта бюрократические проволочки, а также кадровые перестановки внутри Временного правительства[2094]. Можно предположить, что А.Ф. Керенский опасался и политических последствий: на фоне Апрельского кризиса поднятие вопроса о цензуре могло показаться несвоевременным, вызвав очередную волну критики в адрес «буржуазных» министров, якобы желавших не только продолжения войны, но и нового наступления на свободу печатного слова и переписки.

Как бы то ни было, рассмотрение проекта не сдвинулось с мертвой точки и в мае, когда А.Ф. Керенский стал военным и морским министром в первом коалиционном правительстве. Слово «цензура» в официальных документах старательно обходился стороной. Неслучайно первые «устные» предложения по этому вопросу от 4 марта так и не были опубликованы. По словам И.В. Гессена, Керенский «решительно воспротивился» их обсуждению, так как «в свободном государстве самое слово “цензура” должно бесследно сгинуть»[2095]. И хотя реальная ситуация в послереволюционные месяцы требовала недвусмысленных определений и

[2091] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 99. Л. 35.
[2092] Там же. Л. 38.
[2093] Там же. Л. 59.
[2094] *Батулин П.В.* Проблемы организации военной цензуры в период Временного правительства // История книги и цензуры в России. Четвертые Блюмовские чтения. Нижний Новгород, 2018. С. 157.
[2095] *Гессен И.В.* В двух веках. Жизненный отчет. С. 364.

решений, Временное правительство до поры устраивало такое «подвешенное» состояние цензуры. Понимая, что без нее в военное время не обойтись, министры (и прежде всего Керенский) весной 1917 г. сознательно не шли на ее юридическое оформление, держа в уме нестабильную внутриполитическую обстановку, опасаясь конфликтов с Петросоветом, местными Советами и комитетами.

Тем не менее, игнорировать эту проблему со временем становилось все труднее из-за растущего общественного недовольства. Весной-летом 1917 г. поступали многочисленные жалобы на работу почты и телеграфа, в том числе из-за цензурных задержек. К примеру, С.М. Полякова из Сан-Франциско в письме военному министру 5 мая жаловалась на действия Одесской военной цензуры, которая «очень аккуратно выгружает из писем все вложения, как то: фотографии престарелых родителей и открытые письма, вполне легальные». Старший военный цензор в г. Одессе отверг эти обвинения, сообщив, что согласно циркуляру от 23 декабря 1915 г. по Одесскому почтово-телеграфному округу отправления задерживались на месяц, а обвинения в изъятии вложений «должны быть подтверждаемы фактическими данными»[2096].

Другую застарелую проблему затронул в своей жалобе Г.С. Файнштейн из Воронежа. 14 июня он писал А.Ф. Керенскому, что его родители несколько лет назад эмигрировали с США, откуда ему писали постоянно. После запрета писать по-еврейски его отцу «приходится путем мучительных усилий над собой и не менее мучительных насилий над могучим, свободным русским языком писать мне, с позволения сказать, по-русски»[2097].

По-прежнему распространенным было мнение, что военная цензура занята не своим делом. Автор посланного во Временное правительство анонимного письма сетовал: «Право, сердце сжимается, если видишь, что средства не оправдывают цель. Отпускались и отпускаются многие тысячи на

[2096] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 656. Л. 3, 5–6.
[2097] Там же. Л. 11–13.

военную цензуру, которою в большинстве случаев заведывают чины почты и которые, переутомленные своей работой, цензуры почти не делают, если не считать какого-либо десятка вскрытых за день писем. Да и вообще к чему эта цензура, ведь цензура существовала с начала войны, читались любовные письма народа, а … на фронте немцы своим братанием, как пишут газеты, шпионаж ведут. Не лучше ли упразднить сейчас же эту цензуру, оставив ее лишь в пунктах, где происходит передача корреспонденции из России за границу, а что пишут в России между собою, то пусть пишут больше, откровеннее не напишут, чем есть в газетах. Наша казна пуста, и это не секрет, и эти тысячи, выбрасываемые зря, могут пригодиться на другое, более необходимое дело. <...> Во избежание неудовольствия со стороны цензоров, если узнают, не подписываюсь»[2098].

Очевидная неэффективность военной цензуры, оставшейся в наследство от старого порядка, побуждала искать новые формы контроля над печатью и перепиской. ГВЦК и ПВЦК старались повысить эффективность военной цензуры, чтобы ее работа приносила пользу и не вызывала раздражения в обществе. К примеру, уже в апреле был разработан проект новых «Правил просмотра корреспонденции страховых обществ», призванных ускорить пересылку бордеро и не мешать торгово-финансовым операциям[2099]. ПТА в апреле также просило ПВЦК принять меры против наблюдавшейся значительной задержки иностранных коммерческих телеграмм[2100]. В том же месяце была утверждена инструкция по цензуре транзитной корреспонденции. Согласно документу, она была призвана пресекать немецкую торговлю и попытки Германии сноситься через Россию с фирмами и своими подданными в Азии и Америке. Перехваченные сведения были полезны и для анализа внутреннего положения Центральных держав[2101]. В апреле 1917 г. Комитет по ограничению снабжения и торговли неприятеля

[2098] Там же. Д. 661. Л. 194–195.
[2099] Там же. Д. 97. Л. 96,96об.
[2100] Там же. Д. 778. Л. 442.
[2101] Там же. Д. 461. Л. 90.

при Министерстве торговли и промышленности подготовил 50-страничную справку «Об истощении Германии в отношении продовольственных и кормовых продуктов», основанную в том числе и на материалах военной цензуры[2102].

Несколько проектов касались улучшения почтового обслуживания. 29 апреля председатель МВЦК полковник Куклин в докладе Д.М. Левшину предложил облегчить и деятельность цензуры, и положение авторов писем, не подвергая при этом опасности военные интересы: 1. Пропускать беспрепятственно все письма русских пленных в Германии и Австрии, а также все письма, идущие на имя пленных в России при условии, что посредник (если таковой есть) не вызывает у цензоров никаких сомнений; 2. Легализовать посредничество при пересылке писем общественными организациями. Ранее это разрешалось только Русскому комитету, его агентам в Стокгольме, Копенгагене и Лозанне, Красному Кресту (датскому и женевскому) и французскому посольству в Берне; 3. Пересмотреть правило, при котором переписка с территорией, занятой неприятелем, была возможна только при посредстве ГУГШ и только на специальных бланках, которых всегда было недостаточно; 4. Допустить пересылку фотоснимков, если в них не было ничего противоречащего «Перечню»; 5. Разрешить международную (транзитную) переписку на немецком, в том числе и потому, что разрешение ее только для швейцарских подданных сильно затрудняло работу цензуры; 6. Разрешить письма на немецком для тех колонистов, которые состояли в армии и которые не могли сноситься со своими родными на ином языке; 7. Разрешить пропуск не только открытых, но и закрытых писем, идущих из-за границы на имя русских солдат и офицеров; 8. Разрешить переписку между чинами армии и русскими военнопленными; 9. Установить для военнопленных, работавших в районе театра военных действий, точный адрес для получения письма без указания их фактического местонахождения; 10. Отменить правило, что вся корреспонденция на имя воинских чинов, в

[2102] См.: Там же. Д. 716.

адресе которых обозначено место, где расквартирована войсковая часть, подлежала конфискации (имелись в виду только тыловые районы империи)[2103].

Инициативу проявляло и ГУГШ, пытавшееся сблизить задачи и работу контрразведки и военной цензуры. Для этих целей при Генеральном штабе 27 июня была создана комиссия под председательством генерал-майора Н.М. Потапова, ходатайствовавшая о командировании в цензуру при Главпочтамте и Главном телеграфе представителей от контрразведывательных отделений ГУГШ, морского Генерального штаба и Петроградского военного округа. Также предполагалось привлечь представителей от Особого комитета по ограничению торговли и снабжению неприятеля. Для наблюдения за банковской и страховой корреспонденцией комиссия предложила направить в цензуру представителей Особой канцелярии по кредитной части Министерства финансов и от страхового отдела МВД[2104]. 11 июня А.Ф. Керенский приказал начальнику Генерального штаба «теперь же распорядиться пересмотром личного состава военных цензоров, дабы среди них не было лиц политически или нравственно скомпрометированных»[2105].

Тем не менее отдельные и разрозненные решения по военной цензуре не складывались в единую политику. Ситуация начала меняться лишь после провала наступления русской армии на Юго-западном фронте. Новости об этой операции появились в печати уже в первый день, что вызвало недовольство ГУГШ и фронтового командования. Крупный конфликт произошел в Киеве, где местные издания опубликовали подробные данные о наступающих частях. Генерал-квартирмейстер штаба Юго-западного фронта Н.Н. Духонин усмотрел в этих сообщениях оглашение военной тайны, равносильное «предательству и измене Родине». Начальнику Киевского военного округа он прислал телеграмму с предложением предать редакторов

[2103] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 97. Л. 99, 99об, 100.
[2104] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 661. Л. 147–149.
[2105] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 103. Л. 7.

суду и «закрыть, в случае надобности, газеты, поместившие эти сведения[2106]». Редакторы заявили решительный протест против этих «недопустимых угроз». Они доказывали, что источником стала телеграмма ПТА, однако агентство не признало вину, заявив, что сведения получило от Г.Е. Львова, который приказал немедленно распубликовать материал[2107]. В итоге исполнительный комитет киевского Совета признал, что со стороны местной печати не сделано ничего, что давало бы повод говорить о предательстве или измене[2108].

Ход наступления наглядно продемонстрировал падение дисциплины в армии, выявлены были случаи отказа вступать в бой и выдвигаться на позиции. В требованиях не подчинившихся приказам частей упоминалась и отмена сохранявшихся ограничений в переписке. Начальник штаба Верховного главнокомандующего А.С. Лукомский сообщал А.Ф. Керенскому: «Прибывшие вновь 21 июня роты воспротивились выборам [в] дисциплинарные суды и формированию штурмовой роты, предъявили требования [об] отмене военной цензуры, заявили, что в наступление не пойдут, ибо не доверяют военмину Керенскому»[2109].

Переломным моментом в цензурной политике Временного правительства стал Июльский кризис власти. Как министры, так и союзные дипломаты выступали за использование выступления как повода для подавления «анархии». Британский посол Дж. Бьюкенен считал, что правительство непоследовательно и нерешительно действует против своих оппонентов. Он передал министру иностранных дел М.И. Терещенко записку военного атташе Великобритании в России А. Нокса, в которой тот предлагал, помимо прочего, восстановить военную цензуру печати, предоставив ей право конфисковывать типографское оборудование газет,

---

[2106] Цит. по: Военная цензура и журналисты // День. 1917. 2 июля.
[2107] *Кострикова Е.Г.* Указ. соч. С. 286.
[2108] Военная цензура и журналисты // День. 1917. 2 июля.
[2109] Цит. по: *Андреев А.М.* Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции. М., 1975. С. 136.

«подстрекающих войска или население к действиям, наносящим ущерб порядку и военной дисциплине»[2110].

Действия правительства в отношении большевистской печати не заставили себя долго ждать. В ночь на 5 июля была закрыта редакция «Правды», на следующий день – типография «Труд»[2111]. Вскоре последовали меры общецензурного характера. Постановлением от 12 июля министры военный и внутренних дел получали право, «в виде временной меры», закрывать повременные издания, «призывающие к неповиновению распоряжениям военных властей, к неисполнению воинского долга и содержащие призывы к насилию и к гражданской войне». На основании этого постановления была закрыты газеты «Правда» и «Окопная правда», а начальники и комиссары должны были «тщательно следить за распространяемыми в армии повременными изданиями» [2112] . В работу включилось и военное командование. 11 июля ГУГШ «ввиду обнаружившейся несомненной связи вожаков и деятелей одной из крайних политических партий с немцами» просило ПВЦК просматривать все телеграммы внутри Петроградского военного округа, начиная с 1 июля[2113]. По решению Военного совета от 15 июля вся частная корреспонденция, адресованная на имя послов нейтральных государств, подлежала просмотру военной цензуры, что вызвало увеличение количества жалоб дипломатов на вскрытие переписки[2114].

14 июля мартовский проект положения о военной цензуре вернулся на рассмотрение Юридического совещания для вынесения окончательного

[2110] *Knox A.* With the Russian Army, 1914–1917. Vol. 2. L., 1921. P. 662. См. также: *Игнатьев А.В.* Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции (Февраль – октябрь 1917 г.). М., 1966. С. 255; *Игнатьев А.В.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1974. С. 305.

[2111] Большевистская печать. Краткие очерки истории. 1894–1917. М., 1982. С. 481–482; Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917. Большевистские и общедемократические издания. М., 1984. С. 55.

[2112] Закрытие «Правды» // Речь. 1917. 16 июля.

[2113] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 624. Л. 7.

[2114] Там же. Д. 656. Л. 26.

решения[2115]. В тот же день вышло постановление Временного правительства «О воспрещении помещения в печати без предварительного просмотра военной цензурой сведений, касающихся действий и состояния российских армии и флота» [2116] . В официальном заявлении правительства констатировалось, что «за последнее время наблюдались неоднократные случаи помещения в повременной печати военных сведений, разглашение которых крайне вредно отражалось на ходе военных действий». В связи с этим признано желательным «ныне же, не ожидая введение в действие постановления о военной цензуре, установить временные правила о воспрещении разглашения в повременной печати военных тайн и установления уголовной за то ответственности». Виновный в распространении сведений, относящихся к военным действиям российских армии и флота, их состоянии и мероприятиях военного характера, на основании ст. 108 Уголовного уложения подвергался тюремному заключению на срок от 2 месяцев до 1 года и 4 месяцев, либо денежному взысканию не более 10 тыс. руб.[2117] 28 июля военный и морской министр получил право закрытия собраний и съездов[2118].

В течение следующей недели проводились консультации об основных положениях нового закона о военной цензуре. 20 июля 1917 г. ГУГШ предложило: 1) упразднить Военно-полевую цензуру, передав ее функции цензурным установлениям действующей армии; 2) отделить цензуру печати от почтово-телеграфной цензуры; 3) присвоить цензуре международной почтово-телеграфной корреспонденции наименование почтово-телеграфного контроля и подчинить его КРО отдела генерал-квартирмейстера ГУГШ «в целях объединения деятельности контроля с деятельностью

[2115] Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. М., 2004. С. 100–101.
[2116] Журналы заседаний Временного правительства. Т. 4. М., 2004. С. 383.
[2117] Действия правительства // Вестник Временного правительства. 1917. 15 июля.
[2118] *Шелохаев В.В.* Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. С. 580.

контрразведывательной службы». В связи с этим ГУГШ представило два проекта – о цензуре печати и о военном почтово-телеграфном контроле[2119].

Проект постановления о специальной военной и военно-морской цензуре печати основывался на тех же принципах, что и «Временное положение» 1914 г. Военная цензура вновь была названа «мерой исключительной», призванной предотвращать оглашение сведений, которые могут «повредить военным интересам». На театре военных действий военная цензура печати оставалась в силе на основании Положения о полевом управлении войск 1914 г. Предварительный просмотр предназначался только для материалов, предусмотренных в «Перечне». В отличие от проекта марта 1917 г., предусматривавшего изменение «Перечня» Советом министров, в этом варианте он мог быть изменен только «в законодательном порядке». Структура военной цензуры и состав ВЦК были практически теми же, что и в мартовском варианте, исключался только представитель Министерства финансов. От столичного общества редакторов в новую ПВЦК были делегированы И.В. Гессен и редактор «Дня» П.Е. Щеголев[2120]. Такими же остались сроки рассмотрения печатных изданий, уточнялось только, что гранки неповременных изданий цензор должен был рассмотреть не позднее чем через семь суток. Как и предполагалось ранее, военными цензорами могли быть исключительно офицеры, повышено только суточное жалование – до 7 руб.[2121]

Постановление о введении специального военного почтово-телеграфного контроля во многом повторяло по форме постановление о военной цензуре печати, а по содержанию опиралось на главу 5 мартовского проекта. Военный почтово-телеграфный контроль предполагал просмотр международной и, «в нужных случаях», внутренней корреспонденции. Уточнялся перечень лиц, корреспонденция которых освобождалась от

[2119] ГАРФ. Ф. 1792. Оп. 1 Д. 11. Л. 188.
[2120] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 633. Л. 44.
[2121] ГАРФ. Ф. 1792. Оп. 1 Д. 11. Л. 188–204.

цензуры: главнокомандующие и командующие отдельными армиями и флотом, дипломаты иностранных государств (по согласованию министров военного, морского и иностранных дел). Не просматривались письма и телеграммы законодательных и правительственных учреждений при наличии соответствующей печати.

Центральное и Петроградское военные почтово-телеграфные контрольные бюро (ВПТКБ) состояли при отделе генерал-квартирмейстера ГУГШ, местные бюро – в ведении начальников штабов или генерал-квартирмейстеров военных округов[2122]. В обязанности ЦВПТКБ входило наблюдение за местными бюро, «сосредоточение и разработка всех данных осведомительного и экономического характера», присланных контролерами со всей страны. Главная задача местных ВПТКБ – «обнаружение и задержание неприятельской и всякой другой международной корреспонденции… направленной во вред государству». Устанавливались сроки рассмотрения контролерами писем: открытых – не позже семи дней со времени поступления в почтовые учреждения, закрытых и на иностранных языках – не позже месяца. О каждом вскрытии страхового или заказного отправления составлялся акт за подписью присутствовавшего военного контролера и представителя почтового ведомства. Отдельно прописывалась ответственность за собирание данных из просмотренной корреспонденции: заключение в тюрьме на время от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев, а также денежному взысканию от 1 до 25 тыс. руб. В случае если сбор информации происходил для передачи неприятелю, то виновный подлежал суду за государственную измену по ст. 108 Уголовного уложения[2123].

На заседаниях Юридического совещания 22 и 24 июля были утверждены «Временные правила о специальном военном почтово-телеграфном контроле», а в Уложение о наказаниях добавлена ст. 1025, предполагавшая

[2122] Там же. Л. 140–142.
[2123] Там же. Л. 143–145.

наказание за нарушение «Перечня» в виде ареста на срок от семи дней до трех месяцев или денежному взысканию от 10 до 300 руб.[2124] 24 июля Юридическое совещание также рассмотрело и утвердило проект постановления о специальной военной цензуре печати[2125]. 26 июля был утвержден «Перечень» запрещенных сведений, идентичный по содержанию с мартовским. На заседании 31 августа министр иностранных дел М.И. Терещенко выступил за установление «особой цензуры для помещаемых в повременной печати сведений о внешней политике» и о рассылке такой информации только через ПТА. Оба предложения нашли поддержку, Терещенко было поручено подготовить «в срочном порядке проект соответствующих узаконений»[2126].

14 июля Временное правитедльство опубликовало официальное сообщение по поводу цензурных нововведений. Подчеркивалось, что военная цензура не была упразднена и существует во всех воюющих государствах. В России «на практике» повременные издания перестали с ней сотрудничать, между тем «события, правда тяжелые, расписываются часто в значительно преувеличенном виде», и в обществе «развивается пессимистическое настроение»[2127].

В армейской среде эти решения воспринимались по большей части как запоздалые и нереализуемые на практике. А.И. Деникин вспоминал, что они имели «лишь теоретический характер. Ибо в силу сложившихся взаимоотношений, между правительством и органами революционной демократии, суд и военная власть были парализованы, ответственность фактически отсутствовала, а крайние органы, меняя названия (“Правда” –

[2124] Записи хода заседаний Юридического совещания при Временном правительстве. Т. 2. М., 2019. С. 84.
[2125] Там же. С. 85.
[2126] Журналы заседаний Временного правительства. Т. 4. М., 2004. С. 45.
[2127] Восстановление военной цензуры // Речь. 1917. 14 июля.

“Рабочий и солдат” – “Пролетарий” и т.д.), продолжали свое разрушительное дело»[2128].

Консервативная и либеральная часть общества в целом положительно отнеслась к новым цензурным законам. Публично одобрила их, к примеру, Партия народной свободы[2129]. «Новое время» соглашалось с тем, что военная цензура фактически не действовала после революции. Начав ее восстановление, правительство показывает, что «все же ставит интересы государства, интересы военной борьбы России выше торжества социалистических принципов». Однако газета опасалась, что за мотивировкой применения цензуры «скрывается стремление заставить печать высказываться в духе казенного оптимизма», уже принесшего ранее много бед [2130] . Поднимались и голоса протеста против восстановления цензуры. Так, Центральное бюро профессиональных союзов, Центральный совет фабрично-заводских комитетов и правлений профессиональных союзов Петрограда на совместном заседании 6-7 июля в Таврическом дворце высказались «категорически против каких бы то ни было ограничений свободы печати»[2131].

Восстановление военной цензуры в провинции шло в контексте борьбы за власть и влияние на местную печать и принимало порой куда более жесткие формы, чем в Петрограде и Москве. Характерный пример – Финляндия, где обстановка последовательно накалялась еще до Корниловского мятежа. К середине августа здесь действовала местная ВЦК, функции которой состояли в руководстве цензурным досмотром всех почтовых отправлений из-за границы и за границу. Телеграммы, адресованные в Финляндию и оттуда за границу, отправлялись на цензуру в Петроград. Военно-цензурный пункт в г. Або, как и до революции, подчинялся командующему Балтийским флотом. В Торнео по-прежнему

[2128] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 2. Париж, 1921. С. 82.
[2129] *Шелохаев В.В.* Указ. соч. С. 576.
[2130] Петроград, 13 июля // Новое время. 1917. 14 июля.
[2131] Цит. по: *Кострикова Е.Г.* Указ. соч. С. 289.

работал пункт досмотра ручного багажа и цензуры всех почтовых отправлений за границу.

31 июля ГУГШ сообщало военному министру, что ввиду «ненормального положения» военной цензуры в Финляндии предложено передать функции ФВЦК военно-цензурному отделению при штабе 42 корпуса или штабе Балтийского флота. Другим вариантом было создание ВЦК и ВПТКБ. Однако местные Советы не желали отдавать инициативу в цензурном вопросе. В августе 1917 г. Гельсингфорсский Совет высказался за подключение к работе ФВЦК «общественного элемента» и сохранение ее в Гельсингфорсе – «центре умственной и культурной жизни Финляндии»[2132]. 12 августа на заседании комиссии по обсуждению вопросов о Финляндской военной цензуре представитель штаба 42 корпуса заметил, что работу ФВЦК затрудняли общественные организации. Заведующий военно-цензурным отделением 42 корпуса подполковник Э.К. Кюрениус настаивал, что для более эффективной работы военного контроля бюро должно быть создано в Выборге, с привлечением к цензурной работе офицеров. Не согласный с таким решением, Выборгский Совет опечатал помещение местного военно-цензурного пункта[2133].

Выступление генерала Л.Г. Корнилова в конце августа 1917 г. стало началом нового и последнего этапа в цензурной политике Временного правительства. 29 августа Военное министерство распорядилось не пропускать в печать никаких распоряжений, исходящих от Корнилова и не помещать никаких сведений о действующих против него войсках[2134]. Утром 29 августа был арестован председатель ГВЦК полковник Г.И. Клерже, состоявший в союзе офицеров[2135]. Резко усилился контроль над материалами, оценивающими причины и ход мятежа. На страницах газет появились,

---

[2132] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 660. Л. 9.
[2133] Там же. Л. 21, 22, 30.
[2134] РГВИА. Ф. 13839. Оп. 1. Д. 24. Л. 69.
[2135] События 29 августа и в ночь 30 августа // Известия Центрального исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 30 августа.

казалось, исчезнувшие навсегда «белые пятна». Увидев их, современники событий не преминули вспомнить свергнутую власть. М.М. Богословский записал в дневнике 29 августа: «В Москве объявлено военное положение; введена военная цензура, и газеты выходят с пустыми столбцами, точно в последние месяцы старого порядка»[2136]. Р.М. Хин-Гольдовская и Н.П. Окунев 30 августа вспомнили в своих дневниках времена А.Д. Протопопова[2137] и «последний год царствования тобольского узника»[2138].

Выступление Л.Г. Корнилова стало поводом к резкой активизации цензурных репрессий против газет. В части резолюций местных Советов речь шла только о снятии запретов, наложенных на левую печать после Июльского кризиса. Так, в резолюции общего собрания команды мастеровых при инспекторе инженерной части Петроградского военного округа отмечалось: «Обнаглевшая контрреволюционная буржуазия, бросившая наших товарищей, революционных солдат и рабочих, в тюрьму, разгромившая наши рабочие и солдатские организации и типографии и закрывшая наши газеты, в настоящее время еще больше укрепила свои позиции и надеется окончательно задушить революцию...». Собрание требовало, помимо прочего, отменить военную цензуру корреспонденции, «беспрепятственного разрешения социалистической агитации и пропаганды, газет и литературы в тылу и на фронте»[2139].

Другие Советы шли дальше и устанавливали контроль над существовавшими цензурными органами, назначали собственных цензоров. Так, Саратовский совет рабочих и солдатских депутатов на заседании 2 сентября обсуждал вопрос о выборе «комиссара при цензоре для почтово-телеграфных сообщений и комиссара для периодической печати»[2140]. Присвоив себе такие полномочия, некоторые Советы требовали закрытия

[2136] *Богословский М.М.* Указ. соч. С. 412.
[2137] Россия 1917 года в эго-документах: Дневники. М., 2017. С. 322.
[2138] *Окунев Н.П.* Указ. соч. С. 75.
[2139] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году. С. 279–280.
[2140] Саратовский Совет рабочих депутатов (1917–1918): Сб. док. М.; Л., 1931. С. 194.

вообще всей «контрреволюционной печати»[2141]. «Русское слово» в связи с этим констатировало 1 сентября, что «цензура революционная, организованная на “общественных началах”, показала себя… вполне достойной преемницей цензуры старого режима»[2142].

К драматическому финалу в дни Корниловского выступления пришла борьба вокруг подчинения финляндской цензуры. Начальник штаба 42 корпуса В.Н. Васильев и Э.К. Кюрениус 27 августа приказали председателю ФВЦК срочно организовать дежурство офицеров у телеграфных аппаратов для задержки телеграмм, «направленных против главнокомандующего». Комиссар 42 корпуса Соколов позже сообщал комиссару Северного фронта, что указанные офицеры «вели двойственную политику, ожидая развития событий. Распоряжение о задержании телеграмм, направленных против Корнилова, было сделано ими сознательно»[2143]. Назначенный 28 августа комиссаром в Выборгский военно-цензурный пункт Ф. Судаков заявил, что посланные из Петрограда и Гельсингфорса телеграммы специально задерживались и не доводились до сведения Выборгского Совета и армейского комитета. В результате 28 августа за содействие мятежу были арестованы командир 42 корпуса генерал В.А. Орановский, В.Н. Васильев, Э.К. Кюрениус и комендант Выборгской крепости генерал-майор Ф.В. Степанов. 29 августа они были убиты толпой солдат[2144].

5.3. Попытки реформ военной цензуры в сентябре–октябре 1917 г.[2145]

[2141] *Колоницкий Б.И.* Советы и контроль над печатью… С. 162; *Колоницкий Б.И.* Борьба с петроградской буржуазной печатью в дни корниловского мятежа. С. 299.
[2142] Цит. по: *Антонов-Овсеенко А.А.* Реабилитация военной цензуры и другие итоги Июльского выступления 1917 г. в Петрограде // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2012. № 3. С. 68.
[2143] Цит. по: 1917. Разложение армии. М., 2010. С. 328.
[2144] *Бажанов Д.А., Бугаев Р.А.* Указ. соч. С. 60–61.
[2145] При подготовке данного параграфа были использованы материалы из монографии: *Богомолов И.К.* Цензура печати в России в годы Первой мировой войны. М., 2026.

Корниловское выступление среди прочего обнажило недостатки военно-цензурной системы, не показавшей в должный момент слаженной и централизованной работы. Однако и вне контекста мятежа у правительства и военного командования возникало много вопросов по поводу организации цензуры печати и почтово-телеграфного контроля. 15–20 сентября на серии совещаний в ГУГШ анализировалось состояние и перспективы военной цензуры в условиях революции и продолжавшейся войны [2146]. В работе принимали участие представители центральных и провинциальных военно-цензурных органов, окружных и фронтовых штабов.

На совещании 16 сентября во вступительном слове председательствовавший генерал-майор Н.М. Потапов отметил, что несмотря на заслуги отдельных цензоров, постановка военной цензуры была «лишена общей системы». Ее органы не имели возможности выполнить «сколько-нибудь планомерно врученную им большую и сложную работу». К моменту восстановления военной цензуры в июле выяснилась необходимость согласовать ее работу внутри страны и на фронте. Совещание должно было решить, как этой согласованности достичь[2147].

В основном докладе на заседании 16 сентября полковник М.Ф. Раевский отметил, что главной причиной «ненормальности» в работе прежней военной цензуры стало совмещение задач цензуры печати и почтово-телеграфных отправлений – двух «совершенно различных по своим целям отраслей». Раевский указал на «полное отсутствие» в прежних ВЦК плана и системы работы: военно-цензурные пункты были рассеяны по всей стране и, «предоставленные сами себе, не делали никакого различия между той или иной корреспонденцией и прочитывали все без системы и определенной цели». ГУГШ, видя неэффективность такой постановки цензуры, провело реформу и создало военный контроль для просмотра международной корреспонденции, прежде всего – для пресечения шпионажа и внешней

[2146] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 665. Л. 60;
[2147] Там же. Д. 660. Л. 57. Л. 64.

торговли Германии. Сокращено количество необходимых пунктов, повышен «уровень требований» к контролерам, а одновременно и их материальное обеспечение. В результате реорганизации ПВТКБ состояло из 11 отделов, к 1 ноября предполагалось завершить реформу в тыловых военных округах. Просмотр внутренней корреспонденции был признан «не только не соответствующим духу времени, но еще и совершенно бесцельным». При этом реформа не распространилась на театр военных действий, где по-прежнему фактически действовало «Временное положение о военной цензуре» 1914 г.[2148]

Выступавшие на том же совещании военные чины отметили «совершенно неудовлетворительный» уровень работы военной цензуры в армии. Из-за проблем с кадрами просматривалось 1–2 % от всего потока писем, при этом приходилось тратить силы и на входящую корреспонденцию, задержка которой к тому же вызывала массовые нарекания. Некоторые докладчики отмечали бесцельность особых органов цензуры печати на фронте, так как одного учреждения было вполне достаточно[2149].

Совещание разработало проект реорганизации цензуры в действующей армии[2150] и подтвердило, что контроль над печатью и корреспонденцией в тылу основывался на законах, принятых Временным правительством в июле 1917 г. На театре военных действий цензура печати не отделялась от почтово-телеграфного контроля. Все почтовые отправления из тыла в действующую армию контролю не подлежали, если их отправителями не были лица из «секретных списков». Просмотр международной корреспонденции сосредотачивался в Петрограде, Москве, Одессе, Киеве, Тифлисе и Гельсингфорсе. Контроль почтовых отправлений из армии сохранялся и действовал на прежних основаниях. На театре военных действий учреждались Главное военно-цензурное отделение при Ставке,

---

[2148] Там же. Л. 65–67.
[2149] Там же.
[2150] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 3. Д. 7. Л. 326–329.

сохранялись военно-цензурные отделения при штабах фронтов, армий и военных округов. Учреждались также военно-цензурные пункты, число и место их расположения определялось начальниками соответствующих штабов. Руководство цензурой в прифронтовых районах возлагалось на генерал-квартирмейстеров штаба Верховного главнокомандующего, фронтов и армий, начальников штабов округов[2151].

Продолжались попытки выстраивания отношений военной власти и прессы. 18 сентября военный министр генерал А.И. Верховский встретился с редакторами петроградских газет. По сообщениям печати, он указывал на неоднократное появление в печати сведений, могущих «разрушить на местах и без того трудную работу командного состава, комиссаров и комитетов». Министр просил публиковать новости и деятельности военного ведомства «после тщательной проверки»[2152].

Начальники военно-цензурных отделений и их помощники избирались из офицеров, имевших «по возможности» высшее образование, «часть остальных чинов может быть из гражданских лиц». Старшие военные цензоры высшего оклада в пунктах с не менее чем 50 цензорами получали 10 руб. в сутки, низшего – 7, остальные цензоры – 5. В случае знания двух иностранных языков цензоры могли получать 7 руб., если больше – 10, но число лиц, получавших свыше 5 руб., не могло превышать 10 % от общего числа цензоров. Допускалось совмещение службы почтово-телеграфных чиновников, в этом случае к окладу по основной работе им добавлялось 5 руб. Для повышения эффективности работы контролеров предполагалось нанимать заклейщиков писем. За пропущенные цензором дни по болезни не следовало вычитать суточные, если цензор докажет свою болезнь справкой. При этом рекомендовалось не допускать совмещение цензорами двух должностей внутри цензуры и «требовать от них не менее 6-ти часового

[2151] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 660. Л. 78.
[2152] Военное министерство и печать // Армия и флот свободной России. 1917. 19 сентября.

рабочего труда». Женщины допускались, но, по возможности, с образованием не ниже среднего[2153].

ЦВПТКБ собирало от местных контролеров сведения политического и экономического характера, просматривало корреспонденцию военнопленных и переписку, касающуюся дополнения и исправлений «секретных списков», а также работы Датского кабеля [2154] . Центральное бюро находилось в Петрограде на ул. Торговая, д. 12, начальником его был назначен подполковник А.Н. Елагин[2155]. Руководящий и рядовой состав в большинстве своем состоял из бывших военных цензоров, опытных и с незапятнанной репутацией. Так, отдел контроля на Главпочтамте по-прежнему возглавил генерал-лейтенант К.В. Шпигель, а на Главном телеграфе – К.Е. Кометс[2156].

Обязанности и распорядок работы военного контроля были прописаны в «Кратких правилах и указаниях для военных контролеров при просмотре почтовых отправлений». В частности, уточнялись категории лиц, корреспонденция которых освобождалась от досмотра: председатель Совета министров (министр-председатель), на имя или от имени министров, председателя и членов Государственной думы, а также начальников Главных управлений Военного и Морского министерств. Если эти отправления «возбуждают какое-либо сомнение, то они подлежат вскрытию, но в этих случаях контролер всякий раз должен прилагать объяснения, какие именно обстоятельства вызвали его подозрения». Уточнялось также, что от цензуры освобождалась фактически вся переписка союзных диппредставительств, в то время как письма представителей нейтральных государств пропускалась только если они шли между дипломатами и правительством одного государства, все остальные отправления подлежали вскрытию, даже если они сопровождались посольскими печатями. Большинство других рекомендаций в «Кратких правилах» повторяли дореволюционные служебные инструкции и

[2153] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 660. Л. 79–81.
[2154] Там же. Д. 665. Л. 2.
[2155] Там же. Л. 3.
[2156] Там же. Л. 24.

основывались на трехлетнем опыте работы военной цензуры[2157]. Схожие правила была разработаны для отдела военного контроля при Главном телеграфе[2158].

В ходе реорганизации восстанавливались подразделения по контролю над перепиской, идущей от военнопленных, в частности – отдел военного контроля при Красном Кресте[2159]. Со 2 августа на Главпочтамте был установлен предварительный просмотр заказной корреспонденции. Старшие контролеры регулярно получали обновлявшийся список лиц (главным образом, офицеров союзных стран), корреспонденция которых не должна была вскрываться[2160].

В сентябре активизировались попытки усилить взаимодействие с союзниками по вопросам организации цензуры. Нужно отметить, что Февральская революция не остановила эту работу. Продолжали пересылаться письма авторов их «секретных списков». Задерживались телеграммы с сообщениями о запрещенных переводах русской валюты за границу и письма с денежными вложениями. Так, 9 сентября столичной цензурой были задержаны письма на имя Русского для внешней торговли банка и Русского торгово-промышленного банка, из которых было понятно, что они поддерживают коммерческие сношения с германскими банками через Швецию и Данию. Экономический стол ЦВПТКБ работал и после Октябрьской революции, запрашивая банки и частные фирмы об их заграничных сношениях. Вплоть до начала 1918 г. продолжалось взаимодействие с Межсоюзнической комиссией по надзору за банковской корреспонденцией[2161].

[2157] Подробнее см.: *Богомолов И.К.* Правила работы военного контроля почтовой корреспонденции в России в 1917 г. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2024. № 1. С. 122–143.
[2158] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 661. Л. 56–60.
[2159] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 99. Л. 63.
[2160] См.: РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 717.
[2161] Там же. Д. 664. Л. 103–106, 563, 570, 729. 749, 750 и др.

1 сентября 1917 г. ЦВПТКБ докладывало генерал-квартирмейстеру Генерального штаба, что для достижения «единства действий и планомерности в мероприятиях по военному контролю» необходимо установить «полную согласованность в деятельности наших военно-контрольных учреждений с военно-цензурными учреждениями наших союзников». Предлагалось создать при ЦВПТКБ Межсоюзную военно-контрольную комиссию, куда вошли бы по 2 офицера от Англии, Франции, Италии. Председателем комиссии и членом ее от России предлагалось назначить начальника ЦВПТКБ[2162].

Необходимость в создании такой комиссии была осознана еще в 1915 г., что вылилось в создание при ГУГШ особой Межсоюзной комиссии. К ее компетенции относилось: 1) поддержание связи с военно-цензурными установлениями союзников; 2) выяснение и разрешение вопросов, а также могущих возникнуть недоразумений при совместной с союзниками деятельности в области военного контроля; 3) разработка, составление и пополнение русского списка лиц и фирм, ведущих «нелояльную международную торговлю». Несмотря на столь важные задачи, комиссия до того момента работала неофициально, из-за чего «Русский телеграфный список» официально применялся пока только союзниками, в России же он еще не был признан[2163].

До осени 1917 г. русская военная цензура пользовалась списками, изданными во Франции и Англии под названием «Cable Censor’s Handbook». К октябрю 1917 г. Межсоюзная комиссия составила новый список лиц и фирм, скомпрометированных вследствие обнаружения их коммерческих сношений с врагом. Затем был введен в действие специальный рабочий список – «Daily List», постоянно обновлявшийся. Уличенные в сотрудничестве с немцами лица и фирмы переносились в более постоянный список – «Russian Telegraph List». На каждое имя из этого списка составлялся

[2162] Там же. Д. 658. Л. 19.
[2163] Там же.

особый меморандум, заключавший в себе все замеченные контролером случаи телеграфных сношений с заподозренными лицами и другие ценные сведения. «Русский» список утверждался генерал-квартирмейстером Генерального штаба [2164]. К тому времени он включал несколько тысяч заграничных лиц, товариществ и обществ, «с коими воспрещается вступать в договоры или в какие-либо иные торговые соглашения»[2165]. Для улучшения работы анализировался опыт цензуры и контрразведки в союзных странах, сравнивались «Перечни» запрещенных сведений, принятые, например, в России и в США или Италии[2166].

На совещании в ГУГШ 27 сентября генерал-майор Н.М. Потапов отмечал, что среди многих «дефектов, которыми русская цензура, к невыгоде для дела, отличалась от английской им французской» один из главных – невозможность фотографировать подозрительные письма. Простое копирование их зачастую было затруднительно, к тому же таковое не может считаться доказательством существования оригинала. Был поднят вопрос о приобретении специальной техники, и здесь англичане с готовностью шли навстречу, предлагая купить аппарат и реактивы за 500 фунтов[2167]. В октябре 1917 г. при ЦВПТКБ состояли 2 английских и 2 французских офицера. Известно, например, что 20 октября им была забронирована ложа первого яруса или бельэтажа в Мариинском театре на ближайшее представление балета. Уже после прихода большевиков к власти, 7 ноября 1917 г. они были награждены русскими орденами[2168].

В ходе реформы учитывался опыт хозяйственной деятельности столичной военной цензуры до Февраля, когда ВЦК сталкивались с массой бытовых и кадровых проблем. Для улучшения работы в этом направлении был создан административно-хозяйственный совет при ПВПТКБ. В него

[2164] Там же. Л. 31.
[2165] Там же. Л. 1–28.
[2166] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 99. Л. 141–142, 250–253.
[2167] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 665. Л. 69.
[2168] Там же. Л. 184, 224.

входили начальники военного контроля на Главном телеграфе и Главпочтамте, а также три делегата, выбранные комитетами военных контролеров от каждого отдела. Совет рассматривал прошения по определению на службу кандидатов на должности контролеров, их перемещению между отделами и увольнению, за исключением лиц администрации (по штату и расписанию). В ведении совета было установление размеров вознаграждений контролеров, утверждение правил внутреннего распорядка службы, рассмотрение вопросов по снабжению отделов и оборудования их помещений, разбор жалоб. Для решения требовалось присутствие не менее четырех членов совета. В случае несогласия председателя (начальника бюро) вопрос выносился в ЦВПТКБ на окончательное решение[2169]. Подобный совет был создан при Казанском ВПТКБ. На его заседаниях обсуждалось назначение старших контролеров, распределение окладов, прошения об отпусках, проверка знания языков кандидатами, организация чая для дежурных контролеров и др.[2170]

В Москве ВПТКБ начала работать с 1 сентября 1917 г. В его составе предусматривались отделы по просмотру корреспонденции: международной (с секретным подотделом), военно-полевой, телеграфной. Отдельно просматривались письма военнопленных. В других городах все ранее подчинявшиеся МВЦК военно-цензурные пункты подлежали упразднению, кроме Харькова, где надлежало открыть два подотдела военного контроля корреспонденции и посылок военнопленных и действующей армии. Реорганизация должна была завершиться к 1 октября[2171].

В тыловых округах также предполагалось создание ВЦК печати и ВПТКБ. В контрольных бюро учреждались отделы военнопленных, международной почтовой и телеграфной корреспонденции. При отделах следовало производить «на прежних основаниях» отборку корреспонденции

[2169] Там же. Д. 668. Л. 3–4.
[2170] Там же. Д. 661. Л. 281, 313.
[2171] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 99. Л. 91.

по «секретным спискам». Практически все военно-цензурные пункты в тыловых округах подлежали упразднению к 15 октября. Так, ни одного пункта не оставалось в Омском военном округе и в Области войска Донского[2172]. В Казанском военном округе сохранялся пункт в Самаре, где открывались два подотдела с теми же задачами, что и в Харькове. В Иркутском военном округе пункт учреждался в Харбине, там же действовал подотдел военного контроля международной почтовой корреспонденции. В Хабаровском военном округе сохранялся пункт досмотра писем военнопленных[2173].

Иначе проходила реорганизация контроля над печатью, которой, согласно проекту, должны были заниматься отдельные комиссии, имевшие свою структуру и сеть пунктов в провинции. Главная военно-цензурная комиссия печати была сформирована к 20 сентября, в нее входили: председатель, делопроизводитель, два чина для поручений, журналист, назначались также помощник журналиста, два писаря и вестовой [2174] . Председателем комиссии был назначен полковник Г.И. Клерже. При комиссии были созданы отделы военной цензуры печати, телеграмм ПТА, газетных и дипломатических телеграмм при Главном телеграфе. ПВЦК также подчинялся отдел по просмотру кинематографических лент. Для руководства цензоров составлялись собрания вырезок, куда входили статьи: 1) неправильно допущенные цензорами к напечатанию; 2) напечатанные редакциями вопреки запрету в целом виде или отдельные строчки и слова; 3) не предоставленные в военную цензуру. Нередко задерживались и статьи «разнохарактерные, даже не военного характера, но обращающие на себя внимание»[2175]. Не забыли и про цензуру иностранных газет и журналов, ранее прикрывавшую работу перлюстрации. В ПВПТКБ был создан специальный отдел, в котором состояло 14 человек, получавших по 7 руб. в

[2172] Ф. 13836. Оп. 1. Д. 665. Л. 62.
[2173] Ф. 13835. Оп. 1. Д. 99. Л. 92–97.
[2174] Там же. Д. 103. Л. 18об., 21.
[2175] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 650. Л. 13, 28об.

сутки[2176]. Председателем комиссии назначили полковника В.В. Геймана, заседания проходили еженедельно по вторникам[2177].

Московская ВЦК сформировалась к 17 сентября и разместилась на Цветном бульваре, д. 7. Военно-цензурные пункты МВЦК к 12 октября были открыты во Владимире, Тамбове, Рязани, Твери, Туле, Ярославле, Нижнем Новгороде, Харькове, Курске и Костроме[2178]. Председателем МВЦК печати был назначен полковник Куклин[2179].

В провинции, в том числе отдаленных городах предполагалось не только сохранить, но в определенных случаях даже увеличить количество военно-цензурных пунктов. Так, в Казани местная ВЦКП начала работу 8 сентября. Пункты действовали также в Оренбурге, Симбирске, Вятке, Саратове, Самаре, Екатеринбурге, Астрахани, Уфе, Перми, Уральске. Председателем комиссии был назначен прапорщик М.Н. Нерсесов. Предполагалось открыть пункты в Сызрани и Челябинске, а затем и в других уездных городах. Всего в Казанском округе осенью 1917 г. назначили 18 военных цензоров[2180].

В Омском военном округе пункты по просмотру печати были установлены в Омске, Петропавловске, Кургане, Тюмени, Тобольске, Ялуторовске, Барнауле, Славгороде, Томске, Павлодаре[2181]. Позже других, в ноябре 1917 г., была создана ВЦКП при штабе Приамурского военного округа. Возглавивший комиссию С.С. Бабиков докладывал в ГУГШ, что к этому моменту местную печать просматривали 11 цензоров, из которых один получал 10 руб. суточных, остальные – по 7[2182].

На фоне кровавого самосуда в Выборге в конце августа вопрос о цензуре в Финляндии рассматривался ГУГШ отдельно, на заседании 15 сентября под председательством генерал-квартирмейстера. 19 сентября было решено

[2176] Там же. Д. 665. Л. 99.
[2177] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 105. Л. 5об., 9
[2178] Там же. Д. 99. Л. 199.
[2179] Там же. Л. 98.
[2180] Там же. Л. 201–205.
[2181] Там же. Л. 211.
[2182] Там же. Л. 260.

создать в Гельсингфорсе ВПТКБ, в ведение которого переходили все военно-контрольные отделения Финляндии, а также цензура печати[2183]. Отменялся контроль внутренней корреспонденции, но сохранялась цензура международной[2184]. Оставался нерешенным вопрос о цензуре печати в Финляндии, так как ГВЦК была тыловым учреждением, а в тылу производился прокурорский надзор, что предполагало такого рода дела передавать в местные судебные установления и, следовательно, ввести ст. 1012 Уложения о наказаниях в финляндское судопроизводство, что потребовало бы согласования с Временным правительством и заняло бы массу времени. Начальник Гельсингфорсского ВПТКБ предложил выход: подчинить цензуру печати командиру 42 корпуса, благодаря чему она будет оставлена по-прежнему при местном бюро, где часть военных контролеров и так фактически уже работала с местной печатью[2185].

Особенность состава цензуры печати – привлечение исключительно военных чинов. Не допускалось и совмещение должностей начальников ВЦК и ВПТКБ[2186]. Тем не менее, факт восстановления военной цензуры, пусть и в усеченном виде, нравился далеко не всем. С.С. Бабиков докладывал в ГУГШ, что практически во всех дальневосточных городах деятельность цензуры печати «началась и продолжается без всяких трений». Исключением был Владивосток, где собрание редакторов осудило восстановление «прежней предварительной цензуры, против которой русская печать так долго боролась». После переговоров комиссия и редакторы условились предварительно советоваться по поводу допустимости того или иного материала. Бабиков писал, что это «фактически не задержало деятельности цензуры, так как обращение в подходящих случаях редакторов ‘за советами”

[2183] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 660. Л. 69–75.
[2184] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 99. Л. 155.
[2185] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 660. Л. 129.
[2186] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 99. Л. 153.

к военным цензорам вместо предоставления гранок, по существу является подчинением цензурным правилам»[2187].

Чтобы «рассеять естественное у нас предубеждение против введения цензуры печати», Казанская ВЦК уведомляла о ее целях редакции, владельцев типографий, Советы рабочих и солдатских депутатов округа. В этом же духе – всемерного взаимодействия с прессой – была составлена служебная инструкция для местных цензоров, поступавших на работу. Согласно ей, необходимо было бережное обращение к свободе слова и «согласие с местными общественными организациями и представителями самой печати». Подчеркивалось, что новая военная цензура «не имеет ничего общего с цензурой политической старого режима», цель ее – «воспрепятствовать разглашению военных тайн и сведений, могущих ослабить боевую мощь нашей армии – и только». Поэтому если какие-то сведения вскрывали недочеты в армии, их не следовало сразу вычеркивать, так как их оглашение может послужить «отрезвлению всех честных русских граждан. Только обоюдный такт цензора и авторов статей должен указать, как в каком освещении оглашение этих фактов есть все то же служение печати родине, свободе и защитнице-армии»[2188].

В отличие от цензуры печати военный контроль подвергся в сентябре-октябре масштабным сокращениям. Реформа предполагала минимизацию цензуры внутренней почтовой корреспонденции и фокус на международных отправлениях. Немаловажным фактором являлась экономия денежных средств, и исходя из этого местные ВПТКБ должны были оптимизировать состав контролеров для выполнения поставленных задач. В протоколе заседания Казанского бюро 7 сентября отмечалось: «Считая за норму для работы цензора шесть часов в сутки и по 25 закрытых или 125 открытых писем в час, а в среднем по 60 писем в час, признать, что для успешного осуществления военного контроля на новых объединяемых пунктах в г.

[2187] Там же. Л. 260.
[2188] Там же. Д. 105. Л. 31, 31об.

Казани и Самаре необходимо не менее 364 военных контролеров вместо существующих теперь на всех пунктах 463 цензоров и переводчиков». Допускалось пополнение состава, но не более чем на 10 %. Бывшие военные цензоры могли перейти на службу в сохраненные пункты, если подадут ходатайства «с представлением аттестации от подлежащих авторитетных демократических организаций». Увольняемые, имевшие параллельную работу, вознаграждались месячным жалованьем, остальные – трехмесячным. В заключении высказывалось пожелание, чтобы должности контролеров «по возможности замещались лицами, наиболее нуждающимися в службе по своему материальному положению»[2189].

Осенью 1917 г. вновь был поднят вопрос об установлении новых видов цензуры. В частности, 13 октября на совещании в Министерстве почт и телеграфов обсуждался проект постановки осведомительной работы посредством радио. Его поддержало политическое управление Военного министерства, тогда как представители Генерального штаба считали, что такие передачи могли быть использованы противниками как источник информации о внутреннем положении России. Начальник Генерального штаба В.В. Марушевский при рассмотрении проекта 19 октября согласился с тем, что осведомительная работа нужна, но «при непременном условии предварительной цензуры, причем последняя должна кроме оценки сведений с цензурной точки зрения еще считаться с тем, желательно ли, чтобы противник о том или ином факте узнал немедленно». В связи с этим 22 октября председатель ГВЦК получил указание участвовать в разработке проекта, однако принять его до прихода большевиков к власти не успели[2190].

Восстановление военной цензуры наталкивалось на те же проблемы, которые преследовали военно-цензурные комиссии до Февральской революции и усугубились на фоне общей дезорганизацией государственного

[2189] Там же. Л. 256–257.
[2190] *Митрофанов Н.Н.* Новая роль российского радио в 1917 г. // Российская история. 2018. № 3. С. 68–69.

управления весной и летом 1917 г. 7 августа Елагин в докладе в ГУГШ отмечал полное отсутствие в военном контроле людей, знакомых с коммерческим делом, что создавало «крайне тяжелое положение» при просмотре финансово-экономической переписки. Он предложил при поиске таких кадров «не останавливаться пред вознаграждением... сверх обычных норм, имея в виду спасти миллионы рублей для государства, могущих при неудовлетворительности постановки дела быть даже употребленными во вред государства». Для этого следовало нанять хотя бы одного сотрудника с месячным содержанием от 500 до 1000 руб. [2191] Сокращение пунктов сопровождалось укрупнением численности контролеров в оставшихся. Так, в Казани предполагалась работа около 200 контролеров, поэтому необходимо было искать новое помещение[2192].

Продолжались проблемы с контролем над содержанием печати, что сами цензоры тесно увязывали с неопределенным положением военной цензуры, незавершенностью ее реформирования. 6 августа председатель ГВЦК докладывал управляющему военным министерством, что утвержденное Временным правительством «Постановление о военной цензуре печати» до сих пор не было обнародовано. Подробные инструкции не получили ВЦК в столице и провинции. Из-за этого военная цензура «лишена способов воздействия на печать, в которой за последнее время стали появляться сведения безусловно вредные»[2193]. Традиционно много цензоры жаловались на московские газеты. Пункт 16 «Перечня» запрещал сообщать сведения о результатах бомбардировок, совершенных неприятельскими армиями, однако в Москве такие сообщения публиковались регулярно[2194].

Сами цензоры также меняли принципы своей работы, ориентируясь не только на инструкции, но и на собственное понимание дозволенного и запретного. Не всегда оно совпадало со взглядами начальства. Так, на

[2191] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 665. Л. 4–7.
[2192] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 99. Л. 257.
[2193] Там же. Л. 61.
[2194] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 643. Л. 5.

требование полковника В.В. Геймана объяснить, почему была пропущена в «Петроградском листке» статья «Что ждет Двинск», цензор генерал-майор Б.Н. Брусилов ответил, что она – «военно-политическая, трактующая о понижении боеспособности русской армии в связи с переживаемыми Россией внутренними политическими событиями, т.е. о том, что является теперь обычной темой для газет всех направлений»[2195].

С начала войны возникла и после революции лишь усугубилась проблема «болтливости» цензоров, нарушения ими служебных инструкций, выноса личной переписки из помещений цензуры. А.Н. Елагин в письме начальнику военного контроля при Главпочтамте отмечал, что контролеры «позволяют себе в частных разговорах... сообщать данные, почерпнутые ими при просмотре почтовых отправлений. Были случаи, когда военные контролеры советовались по телефону со своими родственниками и знакомыми, как им поступить с тем или иным почтовым отправлением, причем тут же в подробностях сообщалось содержание письма»[2196].

Схожесть работы «старой» и «новой» военной цензуры была видна во многих компонентах – от служебных инструкций до служебных зданий. Новая ПВЦК, к примеру, располагалась в кабинетах упраздненного ПКДП на Театральной улице [2197]. Редакторы столичных газет приглашались на совещание по вопросам взаимодействия прессы и цензуры [2198]. ГУГШ просило редакции предоставлять гранки с военными сведениями на предварительный просмотр в ПВЦК, а также высылать три экземпляра свежих номеров [2199]. Для редакторов составлялись памятки о нарушении «Перечня» в той или иной статье, опубликованной в их изданиях [2200]. К примеру, 21 сентября ГУГШ просило редакторов не сообщать об увольнении в запас солдат старших сроков, так как армия относится к этому «до

[2195] Там же. Д. 639. Л. 30.
[2196] Там же. Д. 665. Л. 163.
[2197] Там же. Д. 639. Л. 44; Д. 633. Л. 42.
[2198] Там же. Д. 639. Л. 9.
[2199] Там же. Л. 17.
[2200] Там же. Л. 46, 47, 48 и др.

болезненности чутко… подхватывает на лету каждый слух и любой газетной заметке по этому вопросу верит больше, нежели приказам старших начальников, что вызывает недоразумения на местах»[2201].

Хотя постановления Временного правительства жестко ограничивали сферу деятельности военной цензуры, современники восприняли ее возвращение как важный, но отнюдь не единственный признак усиления репрессий. А.А. Блок записал в дневнике 3 августа: «Происходит ужасное: смертная казнь на фронте, организация боеспособности, казаки, цензура, запрещение собраний. Это – общие слова, которые тысячью дробных фактов во всем населении и в каждой душе пылят»[2202]. Редакторы и общественные деятели, столкнувшись вновь с цензурой печати, задавались вопросом, неужели «опять идет на старый лад, как было прежде?»[2203].

После Корниловского выступления критика цензуры Временного правительства раздавалась не только «слева», но и «справа», в том числе и со стороны либеральной печати. Многие представители этого направления указывали на сохранение «духа» старой цензуры, получившей лишь новое обличие. Символом возврата к «старому» служил и кадровый состав военной цензуры, во многом оставшийся неизменным с дореволюционных времен. К. Пясецкий на страницах газеты «Общее дело» констатировал: «Как это ни странно, военная цензура после революции почти не испытала изменений в своем личном составе. Там служат те же самые козьи хари, которые при старом режиме обогащали сокровищницу русской государственной глупости невероятными курьезами. <…> В той же петроградской военной цензуре по-прежнему заседают бездарные отставные генералы, совмещающие пламенный антисемитизм с нормальной монархической глупостью. <...> В государственный аппарат влита струя полуграмотных невежд, собранных с уличного митинга и рассаженных по различным канцеляриям, а с другой

[2201] Там же. Д. 626. Л. 40.
[2202] *Блок А.А.* Собрание сочинений в 8 т. Т. 7. М., 1963. С. 294.
[2203] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 640. Л. 8.

[стороны] – цензора, сжигавшие солдатские письма и... усердствовавшие по части полицейской ретивости, мирно продолжают заседать в ответственных учреждениях»[2204]. А.Н. Елагин в открытом ответе на статью Пясецкого отстаивал важность для государства военной цензуры «в лице тех, которые за ничтожное вознаграждение выполняют столь ответственную и трудную работу»[2205].

Однако главным раздражителем выступало именно фактическое, а не официальное возвращение цензуры. Новые военно-цензурные органы представляли собой «меньшее из зол» по сравнению с ограничениями, вводившимися «левыми» силами в их борьбе с политическими противниками[2206]. После подавления Корниловского мятежа это стало особенно очевидно, и либеральная печать уже не скрывала своей тревоги по этому поводу. На общем собрании Всероссийского общества редакторов ежедневных газет 2 октября была принята резолюция, в которой отмечалось: «Все чаще встречаются известия о введении настоящей предварительной цензуры… и уже имеются издания, на которых стоит позорная надпись “Разрешено революционной цензурой”. Приказами комитетов и Советов контроль за революционной “благонадежностью” литературного материала возлагается на типографских рабочих и служащих, и эти приказы не остаются мертвой буквой». Задержания изданий происходили при попустительстве, а иногда и прямой помощи милиции[2207].

После Октябрьской революции А. Зарин писал на страницах «Петроградского листка», что к октябрю 1917 г. печать «вдруг оказалась в

[2204] *Пясецкий К.* Живучие // Общее дело. 1917. 12 октября.
[2205] РГВИА. Ф. 13836. Оп. Д. 656. Л. 40об.
[2206] Типичный случай произошел в Ростове-на-Дону и Новочеркасске в сентябре 1917 г. Редактор «Ростовской речи» телеграфировал А.Ф. Керенскому, что в редакцию пришли представители местного Совета рабочих депутатов и объявили, что газета отныне «подвергнута предварительной цензуре, включая даже агентские телеграммы и перепечатки из столичных газет по постановлению… Комитета спасения революции» (Последние известия // Сибирская жизнь. 1917. 16 сентября). Цензура была наложена на ростовский и новочеркасский телеграф, где местные советы задерживали телеграммы войскового командования (Русская печать // Сибирская жизнь. 1917. 29 сентября).
[2207] Протест против притеснений печати // Новое время. 1917. 3 октября.

положении худшем, нежели в проптопоповско-штюрмерские времена. <…> Считаясь с обстоятельствами времени – с войною – Вр[еменное] правительство ввело военную цензуру; считаясь с пугающими призраками междоусобия, контрреволюции… стало снабжать редакции предостерегающими циркулярами, и одно время нельзя было писать о большевиках, затем о Корнилове». В провинции, по его словам, «вводится настоящая предварительная цензура, там есть издания с клеймом “разрешено революционной цензурой”. Революция и цензура! Там служащие в типографиях и наборщики следят “за революционной благонадежностью”... Там громят редакции, реквизируют типографии, чинят самосуд над редакторами и издателями. Там хаос и анархия»[2208].

5.4. Политика большевиков в области цензуры печати (октябрь 1917 – март 1918 гг.)[2209]

Октябрьский переворот не остановил работу цензуры почты и телеграфа, но во многих отношениях она была нарушена. Помимо резкого падения рабочей дисциплины и бытовых проблем, старшие цензоры и контролеры отмечали быструю утрату интереса печати к взаимодействию с цензурой. К примеру, 4 октября столичные цензоры формально должны были просмотреть 28 газет, но лишь 7 из них присылались в цензуру редакциями[2210]. Частично этот вопрос решался закупкой свежих выпусков в киосках и у разносчиков, однако общий охват все равно был далеко не полным [2211] . 24 октября было куплено 19 газет, прислано по почте 5 («Солдатское слово», «Современное слово», «Речь», «Новое время», «Латышская газета»). В ноябре и декабре количество просмотренных

[2208] *Зарин А.* Наш позор // Петроградский листок. 1917. 6 октября.
[2209] При подготовке данного параграфа были использованы материалы из монографии: *Богомолов И.К.* Цензура печати в России в годы Первой мировой войны. М., 2026.
[2210] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 650. Л. 7.
[2211] Там же. Д. 639. Л. 90–92.

цензурой газет уменьшилось до 13–18 в день, редакции практически не присылали туда свои номера[2212]. Игнорировались просьбы прислать гранки, почти не приходили номера вышедших газет и журналов [2213] . Схожая ситуация наблюдалась и в Москве[2214].

Первые шаги большевистского руководства в вопросе о печатной цензуре были определены задолго до Октября. В статье «Партийная организация и партийная литература», опубликованной в «Новой жизни» в ноябре 1905 г., В.И. Ленин настаивал на необходимости преобразования литературного дела, «испакощенного азиатской цензурой и европейской буржуазией». Газеты, по его словам, «должны стать органами разных партийных организаций. Литераторы должны войти непременно в партийные организации. Издательства и склады, магазины и читальни, библиотеки и разные торговли книгами – все это должно стать партийным, подотчетным. За всей этой работой должен следить организованный социалистический пролетариат, всю ее контролировать, во всю эту работу, без единого исключения, вносить живую струю живого пролетарского дела, отнимая, таким образом, всякую почву у старинного, полуобломовского, полуторгашеского российского принципа: писатель пописывает, читатель почитывает». Хотя он тут же оговаривался, что речь идет о партийной литературе и подчинении ее партийному контролю, остальные же должны иметь, «во имя свободы слова, полное право кричать, врать и писать что угодно» [2215].

12 лет спустя акценты уже очевидно сменились. В статье «Задачи революции» (сентябрь 1917 г.) Ленин писал: «Только Советское правительство могло бы успешно бороться с такой вопиющей несправедливостью, как захват капиталистами, при помощи награбленных с народа миллионов, крупнейших типографий и большинства газет.

[2212] Там же. Д. 650. Л. 63, 67, 144, 145.
[2213] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 99. Л. 244–246.
[2214] Там же. Л. 258.
[2215] *Ленин В.И.* ПСС. Изд. 5-е. Т. 12. М., 1960. С. 101–103.

Необходимо закрыть буржуазные контрреволюционные газеты (“Речь”, “Русское Слово” и т.п.), конфисковать их типографии, объявить частные объявления в газетах государственной монополией, перевести их в правительственную газету, издаваемую Советами и говорящую крестьянам правду. Только так можно и должно выбить из рук буржуазии могучее орудие безнаказанной лжи и клеветы, обмана народа, введения в заблуждение крестьянства, подготовки контрреволюции»[2216]. Иными словами, буржуазия и реакция должны лишиться не права высказывать свое мнение, но *возможностей* издавать свою печать.

Накануне и в период Октябрьского переворота развернулась острая борьба за источники и средства распространения информации. В ночь на 24 октября по распоряжению Временного правительства был опечатана типография «Труд», закрыты газеты «Рабочий путь» и «Солдат». В ответ утреннем заседании ЦК РСДРП(б) постановлено «немедленно же открыть типографию и озаботиться своевременным выпуском номера газеты [“Рабочий путь”]»[2217]. В 9 утра комиссары и полковые комитеты получили предписание Петроградского военно-революционного комитета (ВРК) привести личный состав в боевую готовность [2218] . Особое внимание обращалось на контроль линий связи. К примеру, комиссару и полковому комитету 2-го пулеметного полка ВРК предписал «установить контроль за телефонами, телеграфом, почтой»[2219].

К 9 часам вечера 24 октября ВРК установил контроль над ПТА[2220]. По сообщению «Рабочего пути», после сообщения рабочих одной из типографий о заказе, поступившем от «черносотенной организации», ВРК постановил

[2216] Там же. Т. 34. М., 1962. С. 236–237.
[2217] Петроградский Военно-революционный комитет. Т. 1. С. 79. Постановление тем же утром было опубликовано (О закрытии «Рабочего пути» и «Солдата» // Рабочий путь. 1917. 25 октября).
[2218] Петроградский Военно-революционный комитет. Т. 1. С. 86–89.
[2219] Там же. С. 89.
[2220] *Старцев В.И.* Крах керенщины. Л., 1982. С. 245.

без его санкции подобные заказы не выполнять[2221]. 25 октября после полуночи открылось экстренное заседание ЦИК Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Во время заседания пришла новость, что в редакцию «Известий» явился В.Д. Бонч-Бруевич, «поставил свой караул» и начал предварительную цензуру всех материалов. «Я сделал распоряжение, чтобы вместо задержанных статей оставлять белые места, которые будут свидетелями черного насилия над революционной прессой. Я надеюсь, что новая революционная цензура даст нам право иметь свои белые места», – заявил Ф.И. Дан[2222].

26 октября Петроградский военно-революционный комитет (ВРК) публикует «Резолюцию по вопросу о печати», согласно которой «временно» закрывались все «буржуазные» газеты, запрещалось печатание «контрреволюционных» листов, производился подсчет типографий и имеющейся бумаги[2223]. В этот день прекратили выходить «Новое время», «Петроградский листок» и другие издания[2224]. «Биржевые ведомости», по воспоминаниям П.Д. Малькова, были закрыты отрядом матросов под его командованием еще утром 25 октября[2225].

27 октября опубликован декрет Совета народных комиссаров «О печати». Согласно ему, закрытию подлежали газеты и журналы: «1) призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому правительству; 2) сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов; 3) призывающие к деяниям явно преступного, т.е. уголовно наказуемого характера». Запрещать органы печати мог только Совет народных комиссаров. Подчеркивалось, что декрет имеет «временный

[2221] Военно-революционный комитет // Рабочий путь. 1917. 25 октября.
[2222] К текущему моменту // Известия ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов. 1917. 26 октября.
[2223] Петроградский Военно-революционный комитет: Документы и материалы в 3 т. Т. 1. М., 1966. С. 130.
[2224] *Окороков А.З.* Октябрь и крах русской буржуазной прессы. М., 1970. С. 343–345.
[2225] *Мальков П.Д.* Записки коменданта Кремля. М., 1962. С. 35–36.

характер» и будет отменен «особым указом по наступлении нормальных условий общественной жизни»[2226].

Столь решительные меры не имели единодушной поддержки. На заседании ВЦИК 4 ноября Ю.М. Ларин и поддержавшие его левые эсеры предложили отменить декрет о печати и отдать право на «политические репрессии» революционному трибуналу, который пересмотрел бы все дела по закрытию газет[2227]. Ленин отвечал на это: «Мы и раньше заявляли, что закроем буржуазные газеты, если возьмем власть в руки. Терпеть существование этих газет – значит перестать быть социалистом. Тот, кто говорит: “откройте буржуазные газеты”, не понимает, что мы полным ходом идем к социализму». Это движение, по его словам, заставляет «относиться к буржуазным газетам так же, как мы относились к черносотенным в феврале – марте»[2228].

Ленинская позиция, хоть и не без сопротивления, возобладала. В резолюции ВЦИК по итогам заседания подчеркивалось, что закрытие «буржуазной» прессы являлось «необходимой переходной мерой для установления нового режима в области печати, при котором капиталисты-собственники типографий и бумаги не могли бы становиться самодержавными фабрикантами общественного мнения» [2229]. Предполагалось проводить повсеместно конфискацию типографий и запасов бумаги – того, в чем в тот период крайне нуждалась большевистская печать.

После 27 октября контроль над прессой в столице производил ВРК, при котором работал отдел печати и информации, контрольная комиссия над печатью и комиссары типографий закрытых газет и типографий, реквизированных Советской властью. Новые органы контроля прибегали к таким мерам как закрытие или временное запрещение издания газет,

---

[2226] Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 24–25.
[2227] Протоколы заседаний Всероссийского центрального исполнительного комитета советов р., с., кр. и каз. депутатов II созыва. М., 1918. С. 23.
[2228] *Ленин В.И.* ПСС. Изд. 5-е. Т. 35. С. 54–55.
[2229] Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 43.

задержка печатания отдельных номеров [2230]. Новая власть подчеркивала, что действует в рамках закона и не нарушает свободу слова. Характерны ответы ВРК на вопросы делегации печатников 7 ноября. Согласно им, «цензура не вводилась. Новый декрет о печати имеет своей целью только ограничение капиталистической эксплуатации печати». Возобновление выпуска закрытых газет «в период восстания» не допускалось, однако «*после перехода в государственную собственность типографий и бумаги* (курсив мой. – *И.Б.*) никаких ограничений в смысле направления газет не вводится»[2231].

На первых порах в работе комиссаров по делам печати не было должной согласованности: типографии передавались разным органам власти, из-за чего осложнялся выпуск изданий[2232]. В декабре 1917 г. при Петроградском Совете был создан Комиссариат по делам печати, обладавший широкими полномочиями вплоть до приостановки издания и опечатывания типографии. Комиссариаты по делам печати были также созданы в крупных городах, широко применялась конфискация имущества типографий и их национализация[2233]. Только в октябре-декабре 1917 г. по всей стране было закрыто 112 «буржуазных» изданий[2234].

После упразднения Петроградского ВРК дела о нарушении декретов о печати в декабре 1917 г. передавались в и без того загруженный делами Революционный трибунал, затем предпринималось несколько попыток создать отдельный трибунал по делам печати[2235]. Окончательный его состав и полномочия были определены специальным декретом СНК от 28 января 1918 г. Согласно ему, трибунал рассматривал «всякие сообщения ложных или извращенных сведений о явлениях общественной жизни, поскольку они являются посягательством на права и интересы революционного народа, а

[2230] *Голинков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 1. М., 1986. С. 88.
[2231] Документы великой пролетарской революции. Т. 1. М., 1938. С. 195.
[2232] Питерские рабочие в борьбе с контрреволюцией в 1917–1918 гг. Сб. ст. М., 1986. С. 163.
[2233] *Окороков А.З.* Указ. соч. С. 169–170, 200–204.
[2234] Там же. С. 310.
[2235] Питерские рабочие в борьбе с контрреволюцией в 1917–1918 гг. С. 168.

также нарушения узаконений о печати, изданных Советской властью»[2236]. Такая формулировка давала основания налагать взыскания фактически за любой публикуемый материал.

Несмотря на принятые постановления о печати, крупные газеты еще несколько месяцев существовали при новой власти, используя те же приемы, что и большевистская печать в период гонений после Июльского кризиса. «Речь», закрытая 26 октября, продолжала выходить до августа 1918 г., периодически меняя название: «Наша речь», «Свободная речь», «Новая речь», «Наш век». «День» после закрытия 26 октября вновь начал публиковаться под заголовками «Ночь», «Полночь» и «Грядущий день»[2237]. Окончательно эти газеты были закрыты после подавления левоэсеровского мятежа в июле 1918 г.

В Московском военно-революционном комитете (МВРК) мнения о дальнейшей политике в области печати разделились. «Одни говорили, что позволять буржуазии вести пропаганду и организовывать свои ряды вокруг печатных органов – бессмыслица. Другие возражали, аргументируя тем, что если мы остаемся на почве Учредительного собрания, то нельзя не допустить свободу пропаганды для всех. Победила та сторона, которая стояла за свободу выхода буржуазных газет», – вспоминал член комитета А.Я. Аросев[2238].

Согласно принятому МВРК собственному декрету о печати от 6 ноября, разрешался выход небольшевистской печати, широко распространенной вплоть до лета 1918 г. (ежедневный тираж одного только «Утра России» оставался в это время на уровне 100 тыс. экземпляров). Поначалу фактически не действовал и принятый СНК 7 ноября декрет о введении государственной

[2236] Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 432.
[2237] Питерские рабочие в борьбе с контрреволюцией в 1917–1918 гг. С. 164.
[2238] Цит. по: *Агеева Е.А.* Московская периодическая печать в 1917–1918 годы: проблема взаимодействия с новой властью // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2013. № 3 (11). С. 74.

монополии на объявления, призванный усилить влияние новой власти на прессу.

Практику цензуры в первые дни Советской власти воспроизвел 1 ноября в своем дневнике В.Г. Короленко: «Вчера я написал статью “Опять цензура” и отдал ее одновременно в “Вестник Областного Комитета” и в “Полтавский День”. В “Вестнике” статья появилась. “День” вышел в виде белого листа с надписью поперек: “Редакция “Полтавского Дня” протестует против воскрешения предварительной политической цензуры”. Оказывается, ночью явился член Совета Революции Городецкий (полуграмотный портной-закройщик) с каким-то студентом и потребовали предъявить им оттиск газеты. Когда им дали – Городецкий зачеркнул (по указанию какого-то наборщика) известие о постановлении Центрального Комитета социалистов-революционеров – за Временное правительство. В это время студент указал мою статью. “Смотрите: статья Короленко”. Городецкий посмотрел и говорит: – Ну, что ж! Вы думаете, у меня дрогнет рука? – И зачеркнул статью»[2239].

Небольшевистские издания резко критиковали большевиков, называли их узурпаторами, повторявшими худшие практики царизма[2240]. 26 ноября вышла однодневная «Газета-протест союза русских писателей», в составлении которой поучаствовали многие известные литераторы. Общий настрой в стихотворной форме выразил Ф. Сологуб:

Пути истории, как прежде, очень скользки,
И как судьбу страны не проклинай,
Что из того, что он сидел в Тобольске!
Он царствует, безликий Николай![2241]

[2239] Неизданный В. Г. Короленко… С. 196
[2240] *Зарин А.* Подождем // Петроградский листок. 1917. 19 ноября.
[2241] Газета-протест союза русских писателей. 1917. 26 ноября.

В конце 1917 – начале 1918 гг. предпринимались попытки сопротивления новым законам, и особенно активной в этом отношении была московская печать. 8 декабря Московский совет рабочих и солдатских депутатов объявил Москву на военном положении с 8 по 20 декабря. Помимо, прочего, запрещалось распространение печатных изданий без разрешения местного комиссара по делам печати. Газеты подвергались полной предварительной цензуре [2242] . В связи с этим объявлением состоялось собрание представителей всех редакций, единогласно постановившее не подчиняться декрету МВРК. На следующий день в Москве вышли только большевистские «Социал-демократ» и «Известия Совета рабочих и солдатских депутатов». «Русские ведомости» и «Утро России» выпустили листовки с объявлением: «Все нижеподписавшиеся издания… заявляют, что они свой материал на предварительный просмотр предоставлять не будут». Всего подписались 13 редакций московских газет, еще выходивших на тот момент. Меньшевистская газета «Вперед» вышла с объявлением на первой полосе: «Товарищи, требуйте немедленно отмены предварительной цензуры, не давайте душить свободное слово»[2243].

В ночь на 13 декабря отряд красной гвардии явился в редакцию московской газеты «Труд» и потребовал предоставить гранки готовящегося номера. Выпускающий заявил о непризнании цензуры большевиков, в ответ начальник отряда поставил у дверей редакции караул, заявив, что не выпустит в продажу новый номер. Такие же отряды явились в редакции других московских газет (в частности, «Раннего утра») и получили отказ, после чего выход изданий был приостановлен[2244].

В этом сопротивлении у печати были союзники в лице части объединений типографщиков. К примеру, в резолюции II Всероссийской конференции союзов печатного труда в декабре 1917 г. заявлялось, что СНК

[2242] Военное положение // Известия ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов. 1917. 9 декабря.
[2243] Большевики // Сибирская жизнь. 1917. 22 декабря.
[2244] «Свобода» печати // День. 1917. 15 декабря.

«установил режим хуже царского», закрывая газеты и типографии и выгоняя оттуда рабочих «силой штыков»[2245]. В марте 1918 г. Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов Петрограда выступило с резолюцией в защиту свободы печати: «Как царское правительство особенно стало бояться правды во время войны, так особенно боятся правды народные комиссары теперь, когда их безумная и преступная политика отдала Россию во власть завоевателям» [2246] . 6 марта на заседании Исполнительного комитета Моссовета И.А. Исув от имени фракции меньшевиков заявил, что политическая цензура «недопустима принципиально и практически нецелесообразна», спросив Исполком, «не считает ли он своей обязанностью встать на защиту свободы социалистической печати» и ограничить цензуру только военными сообщениями [2247] . Однако все призывы оставались без ответа. Г.Н. Эрлих в июне 1918 г. сообщал П.Б. Аксельроду, что в Петрограде не осталось неправительственной социалистической прессы, а в Москве газеты, «как и при царе, выходят с белыми местами»[2248].

Использование большевиками «старых» методов воспринималось многими их противниками как хорошее предвестие, часто проводились аналогии со свергнутым царским режимом. Д.И. Заславский (влиятельный советский журналист 1930–1960-х гг.) на страницах «Дня» призывал новые власти: «Закрывайте газеты, господа! Вводите предварительную цензуру. Нам надо, чтобы вы ушли не только разбитые, но и осмеянные, освистанные. Нам надо, чтобы в ваших фразах о социальной революции весь народ узнал старое черносотенство. И вы нам помогаете. Из-под ваших плащей красного цвета глядят жандармские ботфорты»[2249]. Автор иронизировал по поводу схожести названий надзорных органов (Главное управление и Комиссариат

[2245] Ко всем рабочим России // День. 1917. 29 декабря.
[2246] Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест: Сб. док. СПб., 2000. С. 68.
[2247] Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. Меньшевики в 1918 году. М., 1999. С. 291.
[2248] Там же. С. 546–547.
[2249] *Заславский Д.* Ослиные уши // День. 1917. 10 декабря.

по делам печати) и предлагал отремонтировать разгромленные в феврале полицейские участки[2250].

«Временное» закрытие газет изначально было фактически бессрочным: только новая власть отныне могла решить, когда наступают «нормальные условия общественной жизни». Напротив, внешняя и внутренняя обстановка давала повод к усилению репрессий. 22 февраля, на фоне угрозы столице со стороны наступающих частей германской армии, Комитет революционной обороны Петрограда принял постановление о закрытии «всей контрреволюционной печати». В документе отмечалось, что печать «является одним из главных орудий в руках темных сил. В эти тяжелые исторические дни мы должны решительно подавить всякие контрреволюционные попытки. Голос клеветников и продажных писак должен быть решительно задушен». Владельцы типографий под страхом наказания «по законам осадного положения» предупреждались, что ни одна из закрытых газет не должна выходить в свет ни под каким другим названием[2251].

На фоне новой цензурной политики Советского государства старые органы надзора за печатью не были упразднены, однако сведения о них в этот период обрывочны. После 25 октября неизвестной оставалась судьба многих, кто работал в цензуре печати. 8 января 1918 г. председатель ПВЦК сообщал в ГВЦК, что, по его сведениям и из разговоров с чинами Московского военного округа, МВЦК к тому времени уже не функционировала[2252]. То же касалось провинциальных военно-цензурных комиссий и отдельных цензоров.

Руководители старались убедить новую власть в необходимости сохранения контроля над печатью. И.о. председателя ПВЦК корнет П.Н. Соколов в докладе в Народный комиссариат по военным делам (Наркомвоен) отмечал, что хотя боевые действия приостановлены, «военная цензура печати,

---

[2250] *Заславский Д.* Реставрация // День. 1917. 21 декабря.
[2251] Цензура в Советском Союзе, 1917–1991. Документы. М., 2004. С. 7.
[2252] РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 105. Л. 270.

а особенно в Петрограде, должна быть безусловно сохранена до тех пор, пока твердо не будут установлены условия будущего мирного договора и не последует его ратификации соответствующими правительствами, потому что являясь уже готовым и налаженным аппаратом, можно будет им воспользоваться в полной мере в тот момент, когда ее вынудит к тому действовать железная необходимость»[2253].

Однако в условиях, когда уже создавались параллельные цензурные структуры и готовился декрет о Революционном трибунале печати, судьба «старых» цензурных органов была предрешена. Приказ Наркомвоена от 26 января гласил: «Специальную военную цензуру печати со всеми учреждениями, ведающими оной, упразднить и все дела в кратчайший срок передать в Военный почтово-телеграфный контроль»[2254]. В комиссию по ликвидации ГВЦК и ПВЦК входили комиссар по ликвидации Я. Гайдамович, и.о. председателя ГВЦК В.А. Иванов, и.о. председателя ПВЦК П.Н. Соколов, а также военные цензоры Б.Н. Брусилов, Г.К. Ерошевич, Н. Евстафьев[2255]. Упразднялись и подразделения, занимавшиеся просмотром книг для военнопленных[2256].

Советская военная цензура печати выросла из оперативного отделения (Оперод) Наркомвоена, на который помимо прочего была возложена задача по пресечению распространения военных тайн на страницах печати. Еще весной 1918 г. при Опероде было создано Бюро военной цензуры, к которому в июне перешли помещение и имущество МВЦК (Цветной бульвар, д. 7). 21 июня 1918 г. Л.Д. Троцкий утвердил «Временное положение о военной цензуре газет, журналов и всех произведений печати». За его исполнением и соблюдением печатью «Перечня» отвечало Военно-цензурное отделение (ВЦО), регулярно направлявшее в отдел печати Моссовета информацию о

[2253] Там же. Д. 99. Л. 244–246.
[2254] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 303.
[2255] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 721. Л. 65.
[2256] Там же. Л. 77.

нарушениях. Кроме того, на ВЦО возлагалась задача информирования разведывательного отделения о настроениях печати и не допущенных к публикации материалах. В короткий срок была создана сеть местных ВЦО. К сентябрю 1918 г. на большей части контролируемой большевиками территории, прежде всего – в крупных городах, была введена предварительная военная цензура печати[2257].

К 1919 г. аппарат военной цензуры значительно разросся. Так, Московское отделение военной цензуры почт и телеграфов в то время насчитывало 253 сотрудника, Петроградское военно-цензурное отделение – 291. В местных отделениях в зависимости от нагрузки численность штата составляла около 30 человек. Советская цензура испытывала схожие организационные и кадровые проблемы, что и ее дореволюционная предшественница. Обычным делом также были непредоставление редакциями гранок в цензуру, публикация запрещенного материала, разные решения цензоров по одному и тому же материалу. Дефицит кадров усугублялся тем, что новой власти нужны были лояльные, политически благонадежные и при этом квалифицированные работники, найти которых в тех условиях было непросто[2258].

Значимым отличием раннесоветской военной цензуры было участие в ее работе ВЧК, в состав которой военно-цензурные отделения окончательно перешли 1 августа 1921 г. Этот переход символизировал принципиальные изменения в советском государственном аппарате и общей внешне- и внутриполитической обстановке. Выходя из состава Реввоенсовета, военная цензура фактически переставала быть военной и становилась в полном смысле слова политической. Контроль усиливался не только над всеми видами печати, но и над местами ее распространения – книжные магазины, библиотеки, избы-читальни. По мере укрепления советского

[2257] *Батулин П.В.* Военная цензура в период Первой мировой войны и революции 1917–1918 гг.: проблема сущности и преемственности // Проблемы истории, филологии, культуры. 2006. № 16-3. С. 148.
[2258] *Горяева Т.М.* Указ. соч. С. 167–169.

государственного аппарата наблюдение за печатным словом «обрастало» различными инстанциями, регламентами и положениями. Однако общей тенденцией была централизация цензурного аппарата, сосредоточение контроля над печатью в одних руках. Первым и весьма значимым шагом стало создание 29 ноября 1917 г. Издательства Петроградского Совета. В мае 1919 г. оно было реорганизовано в Государственное издательство в Петрограде, а в декабре того же года вошло в состав Госиздата РСФСР, в который также были влиты издательские отделы ВЦИК, издательство Моссовета, Литературно-издательский отдел Наркомпроса и др. Помимо агитационно-пропагандистской деятельности, Госиздат был наделен и цензурными функциями, но делил их с другими учреждениями. Идея объединения всей цензуры в одном учреждении вынашивалась несколько лет. 27 марта 1922 г. на заседании Политбюро было принято окончательное решение о передаче этих полномочий Наркомпросу. Организационная подготовка завершилась 6 июня 1922 г. созданием Главного управления по делам литературы и издательств (Главлит) [2259] , ставшего венцом централизации цензуры в Советской России.

5.5. Реформа военного контроля в декабре 1917 – начале 1918 гг.[2260]

Осенью 1917 г. на фоне обострявшегося экономического и политического кризиса цензура в столице и провинции испытывала те же бытовые и хозяйственные проблемы, что и другие казенные учреждения. Не хватало элементарных канцелярских принадлежностей, пишущих машинок, свечей. Из-за перебоев с поставками дров помещения плохо отапливались.

[2259] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922 г. Отдел первый. М., 1950. С. 897–899.

[2260] При подготовке данного параграфа были использованы материалы из публикаций: *Богомолов И.К.* Правила работы военного контроля почтовой корреспонденции в России в 1917 г. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2024. № 1. С. 122–143; *Богомолов И.К.* Цензура печати в России в годы Первой мировой войны. М., 2026.

Быт петроградской военной цензуры в октябре 1917 г. отразился на страницах дневника контролера на Главном телеграфе и Главпочтамте, генерал-майора В.В. Суханина [2261] . 20 октября он записал: «Сегодня назначалось выступление большевиков, но слыхал, что оно перенесено на 25 число. Вчера получил 1 ф. сахара и 1 ф. сушеных овощей от интендантства». На 25 октября у него выпало ночное дежурство, однако попасть на него ему не удалось из-за разведения Николаевского моста и перекрытия Дворцового: «Ожидалось выступление большевиков, толпы народа на улицах». Сослуживец Суханина, Фомичев «был очень растерян и на службу свою газетную не пошел». 27 октября Суханин записал, что почта и телеграф заняты «вооруженными матросами из Кронштадта», а сам он дежурил в одиночестве, другие контролеры на службу не пришли. 1 ноября ему вновь не удалось попасть на работу: «В канцелярии узнал, что телеграф бастует, и через пару дней надо наведаться». Через два дня он дежурил не в обычное для себя время: «4-я смена вовсе не пришла. Получил 2 ф. масла и записался на дальнейшую получку продуктов, внеся 6 рублей. На дежурстве все [секретные] списки оказались уничтоженными». В ноябре-декабре Суханин неоднократно дежурил один и отмечал бытовые проблемы. 2 января 1918 г. он записал: «Утром сегодня в 9 ч. я сменился с ночного дежурства. Не было вовсе элек[трического] освещения, и мы сидели впотьмах, а потом все решительно разошлись. Лично я не мог уйти, т.к. был обязан сдать следующей смене свое дежурство в 9 ч. утра. Телеграмм вовсе не приносили. В помещениях, где занимались при освещении, было всего 4 [градуса] тепла, а потому тоже все разошлись. Я был один во всем почтамте. Все это идет дальше разруха»[2262].

В дневниковой записи за 4 декабря В.В. Суханин повторил слух о скором сокращении штата контролеров на 25%, а 11 декабря – об

[2261] Подробнее о В.В. Суханине и текст его дневника см.: *Вебер Н.И., Суржикова Н.В.* «Особенного ничего не было»: Петроград 1917 года в дневнике военного цензора В.В. Суханина // Уральский исторический вестник. 2017. № 3 (56). С. 41–51.
[2262] ГАРФ. Ф. Р6753. Оп. 1. Д. 2. Л. 6–10об.

упразднении военного контроля к Новому году[2263]. Действительно, планы радикального сокращения работников цензуры обсуждались новой властью. 1 ноября комиссаром по военной цензуре был назначен М.П. Лисичкин[2264]. В тот же день Петроградский ВРК сообщил комиссару почт и телеграфов М.П. Авилову: «Согласно полномочиям, возложенным на тов. М. Лисичкина, комиссара по военной цензуре, он должен находиться в полном контакте с вашим ведомством, поэтому желательно, чтобы всякое обсуждение военного контроля было бы обсуждено при товарище Лисичкине»[2265]. На заседании ВРК 6 ноября постановлено «принять меры к тому, чтобы военная цензура на телеграфе могла быть использована для контроля телеграмм в интересах обеспечения пролетарской и крестьянской революции»[2266].

Плотникову, а также комиссару Петроградской городской телефонной станции Я.И. Вишняку было поручено провести осмотр и ревизию военного контроля на почте и телеграфе. Первые результаты ревизии комиссары направили 11 ноября. Я.И. Вишняк докладывал в ВРК о принципах работы контроля телеграмм и кадровом составе: «В военной цензуре, находящейся в ведении Военного министерства, служат главным образом те же телеграфные чиновники. Некоторые из них, исключенные из почтово-телеграфного ведомства, устроились благодаря своим связям в цензуре. Во время корниловских дней из среды делегатского совета телеграфистов Главного управления городского телеграфа в Петрограде были выбраны комиссары для проверки телеграмм, идущих от Корнилова, Каледина и ком[пании]. Контроль этот действовал очень удачно и в общем со своей задачей справился. Теперь же ввиду отрицательного к нам отношения большинства служащих телеграфа, действительный контроль очень труден и осуществить его можно постепенно по заранее приготовленному плану. Ввиду того, что

[2263] *Вебер Н.И., Суржикова Н.В.* Указ. соч. С. 49.
[2264] Петроградский Военно-революционный комитет: Документы и материалы. Т. 1. М., 1966. С. 508.
[2265] Там же. С. 502.
[2266] Документы великой пролетарской революции. Т. 2. М., 1948. С. 236.

ответственные места в военной цензуре занимают определенные реакционеры, необходимо их убрать, заменив их своими товарищами, которые должны войти в курс дела, очистить цензуру от нежелательных элементов, сократить ее до необходимого минимума, оставив в ней лишь надежные элементы. Одновременно с этим по мере необходимости контроль может производиться и в самой аппаратной, по указанию заведующего цензурой. Конечно, категории телеграмм, подлежащих контролю, определяются комиссаром над цензурой, и неисполнение его приказов должно караться»[2267].

М.П. Лисичкин доносил в ВРК, что после своего назначения он был фактически изолирован от остального коллектива. 9 ноября на совещании в присутствии Н.П. Авилова и заместителя наркома почт и телеграфов А.М. Любовича решили, помимо прочего, заменить «реакционных телеграфистов товарищами матросами-телеграфистами, способными как на Юзе, так и на радиотелеграфе». После совещания отдельная комиссия под председательством Авилова предложила более радикальный шаг – упразднить военный контроль, а также уволить «всех реакционных чиновников, которые в силу своих протеже остались при своих обязанностях. Требование было предъявлено служащими почтовых учреждений»[2268].

К упразднению военного контроля готовилось и командование армии. 27 ноября в докладе по ГУГШ «ввиду начавшихся переговоров о перемирии и возможного близкого начала демобилизации» испрашивалось разрешение «дать указания всем контрразведывательным и военным почтово-телеграфным учреждениям о прекращении с 1 декабря приема на службу новых лиц на открывающиеся или незамещенные вакансии». На докладе поставлена резолюция председателя ликвидационной комиссии ГУГШ генерала С.Н. Каменского: «Согласен именно исходя их соображений о

[2267] Петроградский Военно-революционный комитет: Документы и материалы. Т. 1. М., 1966. С. 413–414.
[2268] Донесения комиссаров Петроградского Военно-революционного комитета. М., 1957, С. 63–64.

необходимости сокращения расходов казны. Однако это не должно идти в ущерб работе»[2269].

Оба предложения на практике было не так легко исполнить. Во-первых, в большевистском руководстве изначально не было единого мнения о дальнейшей судьбе военного контроля, что видно уже по тому, как часто оттягивалось принципиальное решение. Во-вторых, имел значение и кадровый вопрос. Речь шла о сотнях контролеров, а также обслуживающего персонала, которые, очевидно, не желали терять работу.

Состоявшееся 2 декабря общее собрание контролеров на Главном телеграфе рассматривало, в частности, вопрос о сокращении числа вольнонаемных служащих и определении штатных должностей, упразднение которых пройдет безболезненно. Участники неоднократно высказывали мнение, что в контроле и так наблюдался дефицит кадров и сокращать некого. Отмечалось также, что при демобилизации следовало сохранить штат служащих, на которых будет лежать «большая и сложная работа по ликвидации всех провинциальных военно-контрольных пунктов и систематизация всех накопившихся в них материалов для сдачи сих последних в архив». Собрание постановило ходатайствовать об отказе от сокращения штатов и невозможности это сделать «без явного ущерба делу»[2270].

8 декабря созванное при ЦВПТКБ совещание высказалось за «немедленное» сокращение военных контролеров во всех местных бюро и отделах контроля и за упразднение «в ближайшем времени» отделов контроля корреспонденции военнопленных, которая будет просматриваться «на общих основаниях с международной»[2271]. 9 декабря А.Н. Елагин сообщил начальнику Петроградского ВПТКБ о решении ГУГШ сократить личный состав военного контроля в столице. Увольнения следовало проводить в

[2269] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 699. Л. 1.
[2270] Там же. Д. 665. Л. 246.
[2271] Там же. Л. 6.

следующем порядке: во всех отделах бюро – на 50 % к 20 декабря; в отделах контроля корреспонденции военнопленных – еще на 25 % к 1 января. Кредиты на следующий год предполагалось выплачивать согласно новым штатам, пособия также выдавать не планировалось[2272].

Ревизию личного состава проводили начальники бюро и старшие контролеры. Так, начальник военного контроля при Главном телеграфе К.Е. Кометс докладывал Елагину 14 декабря, что «без особого ущерба» он мог сократить 114 человек (15 %) из 755 своих подчиненных, но просил этим ограничиться вплоть до полной отмены цензуры ввиду «особых условий работы военного контроля при Главном телеграфе». Сокращения были неравномерными и, очевидно, щадящими: Кометс стремился оставить как можно больше сотрудников. К примеру, контроль телеграмм из действующей армии (16 чел.) предполагалось ликвидировать, отдел телеграмм военнопленных (8 чел.) – сократить наполовину. При этом состав контроля телеграмм по морским вопросам (6 чел.) и контроля в аппаратных залах (169, крупнейший отдел) Кометс предложил сохранить полностью, из 142 контролеров инспекторского отдела сократить только 21, в Международном отделе – 8 из 105, в Особом отделе – 19 из 64 и т.д.[2273]

Распоряжение о сокращении штатов А.Н. Елагин направил и в провинциальные ВПТКБ [2274]. Там прошли общие собрания служащих, ожидаемо высказавшихся за сохранение военного контроля как полезной структуры. Для отстаивания своих прав они выносили резолюции, посылали в Петроград прошения и жалобы. Так, на общем собрании служащих Казанского ВПТКБ (около 150 служащих) 8 декабря обсуждались вопросы о приглашении в бюро постоянного врача, о посылке делегатов в Союз союзов, о графике работы и о наградных на Рождество, о перевыборах

[2272] Там же. Л. 4, 5.
[2273] Там же. Л. 8–10.
[2274] Там же. Л. 2.

представителей в Совет бюро от контролеров и помогающих и др.[2275] Приход к власти большевиков в целом не остановил ход службы в военном контроле, особенно в провинции. К примеру, Иркутское ВПТКБ в ноябре увеличило штат на 8 человек[2276].

Сопротивление контролеров на первых порах принесло свои плоды. Уже 12 декабря А.Н. Елагин сообщал в местные бюро, что всякие распоряжения по сокращению штатов приостановлены до «особого указания» [2277] . 20 декабря он докладывал в отдел по устройству и службе войск ГУГШ, что вследствие сокращений «огромное число служащих военного контроля окажется в весьма тяжелом материальном положении при невозможности в ближайший срок подыскать какое-либо занятие, могущее дать средства к существованию». Елагин просил изыскать возможность предоставить им заштатные права на содержание, на что отдел ответил отказом, сославшись на приказ товарища наркомвоена Э.М. Склянского не выдавать при увольнении никаких пособий[2278].

Начальники военных округов действовали в вопросах сокращения самостоятельно, без оглядки на ЦВПТКБ. Зачастую их решения опережали пожелания столичного начальства. Так, 11 декабря дежурный генерал штаба Московского военного округа заявил начальнику местного ВПТКБ, что оно будет скоро закрыто, а служащие не получат жалованье с 15 ноября. Специально созданная ликвидационная комиссия включала представителей местного КРО, Совета рабочих и солдатских депутатов, военно-политического отдела и статистического бюро штаба округа. Подготовили и текст приказа об упразднении военного контроля в Москве, но, по словам начальника бюро Иванова, его опубликование было предотвращено «путем разговоров с начальником штаба, которого удалось убедить, что предполагаемые штабом меры... неправильны, и что самая ликвидация может

[2275] Там же. Д. 661. Л. 311об.–312об.
[2276] РГВИА. Ф. 13867. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.
[2277] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 699. Л. 7.
[2278] Там же. Л. 19, 21.

быть произведена лишь распоряжением Центрального бюро»[2279]. Тем не менее, приказом по Московскому военному округу от 1 января штат контролеров был сокращен на 90 %. Об этом ЦВПТКБ докладывал начальнику Генерального штаба с просьбой отменить решение ввиду того, что Москва является важным центром обмена почтово-телеграфной корреспонденции[2280].

Хотя переговоры большевиков с Германией затягивались, ГУГШ к началу января 1918 г. исходило из того, что военный контроль корреспонденции в скором времени потеряет смысл и ныне составляет лишь обременительную статью расходов. Понимая, что контроль будет упразднен с окончанием войны, служащие ВПТКБ и местных бюро требовали не столько сохранения работы, сколько достойных выплат в случае увольнения. Большую роль в отстаивании их интересов играли профессиональные организации, прежде всего исполнительный комитет Союза служащих в военном почтово-телеграфном контроле, а также административно-хозяйственные советы. К примеру, совет Казанского ВПТКБ на заседании 2 января обратился в ГУГШ с просьбой закончить сокращения штата не ранее 15 января. Контролеры просили прояснить «чрезвычайно волнующий их вопрос о компенсации»[2281]. 8 января административно-хозяйственный комитет Самарского отдела Казанского ВПТКБ ходатайствовал о немедленной выплате уволенным компенсации в размере трехмесячного содержания, так как они оставались в «такое невыносимо тяжелое время совершенно без куска хлеба». Служащие отдела, по сообщению комитета, отказывались покидать свои рабочие места и продолжали приходить на дежурство, «боясь остаться некомпенсированными»[2282].

12 января вышел приказ Наркомвоена об упразднении института военных цензоров в военных почтово-телеграфных контрольных бюро в

[2279] Там же. Л. 25.
[2280] Там же. Л. 26, 28об.
[2281] Там же. Л. 35–36.
[2282] Там же. Л. 40.

Петрограде, Гельсингфорсе и при штабах военных округов. Военные контролеры при всех ВПТКБ сохранялись, но их число должно было быть сокращено к 15 января на 90 %. Все уволенные контролеры получали жалование по 15 января, все уволенные в декабре – по 31 декабря[2283].

Хотя упразднение военного контроля было вопросом времени, для контролеров и их начальников столь резкое сокращение штатов стало неожиданностью. К.Е. Кометс в докладе А.Н. Елагину отмечал, что оставшегося количества контролеров на Главном телеграфе будет недостаточно при фактическом сохранении прежнего объема работ. Он предложил сохранить только контроль телеграмм, обмениваемых с нейтральными странами и Финляндией[2284].

Начальник Петроградского бюро генерал-майор В.Н. Зайцев сообщал начальнику ЦВПТКБ 15 января, что «наибольшая часть отчисляемых контролеров безропотно отдавала свои силы с начала войны за вознаграждение по 3 руб. в сутки, а в течение последних пяти месяцев – по 5 р., т.е. за плату ниже подростка-чернорабочего, без всяких льгот и каких-либо добавок за дороговизну». При этом помощницы контролеров на Финляндском вокзале получили все надбавки наравне с почтовыми служащими, в связи с чем Зайцев просил в качестве компенсации выдать увольняемым контролерам месячное содержание[2285].

Приказ от 12 января был в короткие сроки выполнен всеми бюро и окружными штабами. В Туркестанском военном округе контролеров сократили до 10 % от прежней численности с выплатой месячного содержания[2286]. В Казани после сокращений к 16 января 1918 г. оставалось 45 контролеров и 17 их помощников[2287]. В ряде случаев сокращения шли постепенно, чтобы люди успели найти новую работу. Например, в Москве

[2283] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 254
[2284] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 699. Л. 34.
[2285] Там же. Л. 44.
[2286] Там же. Л. 75.
[2287] Там же. Л. 52.

штат к 20 января сократился до 25 % вместо 10 %[2288]. Однако в целом увольнения были тяжелым ударом для служащих, особенно на фоне экономической разрухи.

Некоторые провинциальные отделы боролись за улучшение условий при сокращениях и достигали определенного успеха. Контролеры Самарского отдела считали несправедливым удовлетворение их по 15 января, так как они фактически исполняли свои обязанности до 30 января[2289]. Из Петрограда им ответили, что все увольняемые будут обеспечены окладом за весь январь[2290]. Контролеры Харьковского отделения Московского ВПТКБ также были застигнуты врасплох распоряжением о ликвидации отделения и выплате жалования лишь по 15 января. Они предложили назначить увольняемым единовременное пособие, размер которого зависел бы от времени работы в военном контроле. Однако для харьковских контролеров исключение не сделали, выделив им только месячное жалование[2291].

Реформируя почтово-телеграфный контроль, СНК не стремился к его полному упразднению, оставляя лишь отдельные его полезные функции. В этом вопросе возобладала позиция главного комиссара военной цензуры И.С. Плотникова. В записке в Наркомвоен от 20 января 1918 г. он доказывал необходимость сохранения военного контроля, прежде всего его экономическую часть, которая «может сослужить большую службу и должна быть широко развита» для борьбы с буржуазией и со спекуляцией, а также с попытками через международную корреспонденцию дискредитировать Советскую власть или «изобразить в ложном свете положение в России». Контроль, по мнению Плотникова, «должен быть органом исключительно осведомительным, следовательно, его деятельность будет полезна, если она будет служить учреждениям, имеющим исполнительную власть». Представителей военного контроля комиссар предлагал привлечь в Комиссии

[2288] Там же. Л. 49.
[2289] Там же. Л. 58.
[2290] Там же. Л. 73, 74.
[2291] Там же. Л. 64–66.

по борьбе со спекуляцией и по борьбе с контрреволюцией. Проект предполагал независимость военного контроля от ГУГШ и создание должности главного комиссара по военному контролю. Плотников призывал как можно скорее наладить эту работу, иначе военный контроль терял свой смысл с окончанием войны, а его деятельность могла принести пользу новой власти. Ежегодные расходы он оценивал в сумму от 5 до 8 млн. руб.[2292]

Приказом Наркомвоена от 26 января 1918 г., Центральное военное почтово-телеграфное контрольное бюро было переименовано в Военный почтово-телеграфный контроль[2293], а 21 марта – в Управление военного контроля (УВК), подчинявшееся И.С. Плотникову как главному комиссару военного контроля почты и телеграфа. Главой управления был назначен К.С. Манцевич[2294]. Контролеры руководствовались специальной инструкцией, утвержденной 5 марта 1918 г.[2295] В связи с подписанием Брестского мира письма и телеграммы военнопленных подлежали контролю «на общих с международной корреспонденцией основаниях», соответствующие отделы упразднялись[2296].

В новых условиях Центральное бюро искало возможность расширить кадровый состав, сеть местных пунктов контроля и полномочия. Весной 1918 г. И.С. Плотников вполне преуспел в решении этих задач. К 10 июня 1918 г. УВК подчинялись Архангельский, Шлиссельбургский, Рассульский, Белоостровский, Ямбургский и Торошинский пункты, предполагалось расширить работу военного контроля «во всероссийском масштабе»[2297]. Отдельные бюро военного контроля были установлены в Иркутске,

---

[2292] Там же. Д. 737. Л. 19–20.
[2293] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 303.
[2294] *Батулин П.В.* Создание советской военной цензуры в 1918 году // Военно-исторический архив. 2010. № 2 (122). С. 120–137.
[2295] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 722. Л. 15.
[2296] Там же. Л. 45.
[2297] Там же. Л. 60, 61.

Владивостоке и Ташкенте, однако из-за начавшейся Гражданской войны с ними фактически не было связи[2298].

Как и предполагал И.С. Плотников, одной из главных задач управления была организация «широкого и разностороннего оповещения органов советской власти, обслуживающих продовольствование страны, управление наряду с прочими подобными органами вменяет себе в обязанность сообщения как о спекуляциях продуктовыми грузами, так равно и о движении их в Московский совет»[2299]. Проблема действительно была одной из первоочередных. 29 января Плотников сообщал в СНК, что ввиду отсутствия ограничений переводы русской валюты за границу приобрели огромные масштабы и не поддавались никакому подсчету. Обычно деньги пересылались в пакетах, что приводило к обесцениванию рубля. Плотников предложил запретить вывоз валюты в Финляндию, 100 и 500 рублевого достоинства[2300].

Готовых решений, что делать с задержанным отправлением, поначалу не было: УВК запрашивал ведомства, «как относиться к подобным телеграммам», и после ответа УВК принимал решение о их дальнейшей судьбе[2301]. Фактически военный контроль превращался в перлюстрацию, был не столько цензурой, сколько осведомительным бюро для новой власти. К примеру, сведения о контрабанде сообщались в Управление делами по ограничению снабжения и торговли неприятеля[2302]. Регулярно в местные ВПТКБ высылались списки запрещенных к вывозу товаров[2303]. Вся корреспонденция экономического характера (торговые сделки, передвижение товаров, пересылка валюты, спекуляции и пр.) должна была фиксироваться в двух копиях, а оригиналы телеграмм, следовало отправлять по назначению, «если только в тексте таких телеграмм не приглашается прямо задерживать

[2298] Там же. Л. 57.
[2299] Там же. Д. 683 (ч. 1). Л. 529.
[2300] Там же. Д. 664. Л. 639–640.
[2301] Там же. Д. 720. Л. 437, 438, 526.
[2302] Там же. Д. 659. Л. 56, 65.
[2303] Там же. Л. 499–501.

продукты с целью избежать учета или реквизиции»[2304]. Задерживались письма и телеграммы, содержавшие информацию об эпидемических заболеваниях (передавались в Наркомздрав), о беспорядках в провинциальных городах и крестьянских волнениях[2305].

УВК обращал большое внимание на многочисленные телеграммы из деревни в город, в которых родственники предупреждали о грядущих реквизициях хлеба, сообщали о спекуляциях хлебом или о скором переделе земли[2306]. Активную работу продолжал транзитный отдел, собиравший информацию о внутреннем положении России и других государств. Как и в дореволюционные годы, в справках военного контроля сообщалось о товарном дефиците, дороговизне и растущем политическом кризисе в Германии и Австро-Венгрии[2307].

Для более эффективного наблюдения за прохождением грузов через границу И.С. Плотников добился подчинения УВК некоторых пограничных пунктов. В письме Э.М. Склянскому 11 мая 1918 г. он признавал: «Мы наткнулись на области работы, с нами соприкасавшиеся, но почти не обслуживаемые представителями Советской власти». Часто приходила информация о планировавшемся провозе за границу денег и различных ценностей, о чем извещались пропускные пункты, однако связь далеко не всегда была быстрой и позволяла предотвратить контрабанду. В марте в спешном порядке был организован контроль на границе с Финляндией, охрана Финского залива до Нарвы и границы от Нарвы до Торошина. УВК осуществлял только «политический» контроль границы, не касаясь «фискальной стороны дела, чем ведают самостоятельно таможни»[2308].

[2304] Там же. Д. 722. Л. 2.
[2305] Там же. Д. 720. Л. 370, 453, 456.
[2306] Там же. Л. 13, 14, 15 и др.
[2307] Там же. Д. 659. Л. 315–316.
[2308] Там же. Д. 722. Л. 50, 51.

В мае 1918 г. пограничная охрана была передана в ведение Наркомфина, с 29 июня – Наркомата торговли и промышленности[2309]. Несмотря на отчет об успехах, И.С. Плотникову не удалось убедить Норкомвоен в том, что УВК приносил достаточно пользы, чтобы далее расширять штат и увеличивать его содержание. 28 сентября 1918 г. УВК было переименовано в Петроградское областное управление военного почтово-телеграфного контроля, а с 21 ноября 1918 г. – в Петроградское окружное отделение военной цензуры, уже подчинявшееся Москве[2310].

5.6. Революция и цензура театра и кино

События в Петрограде в конце февраля 1917 г. на время опустошили кинотеатры, открывшиеся по большей части лишь к 11 марта[2311], когда политическая реальность уже совершенно изменилась[2312]. 4 марта помощник столичного общественного градоначальника С.Г. Сватиков на совещании с инспекторами типографий поднял вопрос об «уничтожении цензуры кинматографических лент». В результате цензура была оставлена только в отношении «порнографии»[2313]. В марте сохранялось ограничение работу кинотеатров до 23:00. Кроме того, «в день похорон жертв революции, в знак общественного траура» театры и кинотеатры должны были быть закрыты весь день[2314].

С упразднением МИДв прекратила свое существование и придворная цензура. Архивы ее представляли определенный интерес для новой власти.

[2309] *Батулин П.В., Войтиков С.С.* Злоупотребление властью в органах Военного контроля. 1918–1919 // Вопросы истории. 2010. № 8. С. 47.
[2310] *Батулин П.В.* Создание советской военной цензуры в 1918 году. С. 120–137.
[2311] Театры и кинематографы открываются с 11 марта // Петроградская газета. 1917. 12 марта.
[2312] Подробнее см.: *Бобровиков В.В.* Театр и кино в повседневной жизни населения Петрограда в феврале – октябре 1917 года // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 2 (75). С. 51–59.
[2313] Цензура кинематографа // Петроградская газета. 1917. 5 марта.
[2314] Театры и кинематографы открываются с 11 марта // Петроградская газета. 1917. 12 марта.

26 апреля 1917 г. комиссар Временного правительства над бывшим министерством просил доживавшую последние дни канцелярию МИДв сообщить, имеются ли в ее распоряжении копии фильмов «из жизни бывшего царя», и если нет, то где они могут храниться. Канцелярия ответила, что «никаких заказов по изготовлению озн[аченных] фильм не производила, а лишь просматривала в цензурном отношении все поданные фильмы, воспроизводившиеся главным образом б[ывшим] фотографом его величества А.К. Ягельским (совладельцем фотографии фирмы “Ган и Ко”) и другими частными фирмами». О месте хранения этих фильмов канцелярия не могла дать никакой информации[2315].

Февральская революция с восторгом и надеждами была встречена кинематографическим сообществом, воспринималась как начало новой жизни для кино, которое, как многим казалось, теперь будет развиваться свободно и без лишних стеснений. Превалировала уверенность, что кинорынок сможет самостоятельно регулировать собственный репертуар. «Кинематография, отныне не стесненная никакими административными и цензурными рамками, должна проявить себя достойной носительницей Свободы», – подчеркивалось в передовице мартовского номера журнала «Сине-фоно» [2316] . «Сознательными глазами мы… будем смотреть на сознательные картины, и наш разум подскажет нам лучше всякой полицейской цензуры все “можно и нельзя” экрана», – вторил другой автор[2317].

Падение цензурных ограничений кинотеатры и кинофирмы рассматривали как новую возможность для привлечения зрителя. На экранах появлялись образы, напоминавшие царскую семью и придворную камарилью: «Семья Обмановых», «Позор дома Романовых», «Торговый дом “Романов, Распутин, Сухомлинов, Мясоедов, Протопопов и Ко”», «Царь Николай II,

---

[2315] РГИА. Ф. 472. Оп. 49. Д. 1441. Л. 138.
[2316] Сине-фоно. 1917. № 11–12. С. 47.
[2317] Там же. С. 65.

самодержец всероссийский» и др.[2318] Особое внимание было приковано к Г. Распутину, многочисленные фильмы о котором (например, «Святой черт», «Люди греха и крови», «Любовные похождения Гришки Распутина») начали выходить на экраны уже в марте 1917 г.[2319]

Несмотря на в основном низкое качество лент «распутиниады», они привлекали огромный интерес публики. Журналист «Петроградского листка» писал: «У ворот домов по Невскому расклеены огромные плакаты с изображением “старца”. Публика облепила их как мухи сладкое. У касс кинематографов, где идет сенсационная драма “Темные силы – Григорий Распутин” – целые хвосты»[2320]. Появлялись картины на ранее запретные темы, например – о жизни сектантов или «политические» фильмы о жизни евреев в России[2321]. Пал и дореволюционный запрет на хронику похорон, показ которых после Февраля стал, напротив, неотъемлемой частью пропаганды Временного правительства, а затем и Советской власти[2322].

Интерес публики вызывал и прокат ранее запрещенных цензурой картин. Упоминание об этом в рекламе в первые месяцы после революции использовалось кинофирмами и прокатчиками как конкурентное преимущество. К примеру, в конце апреля 1917 г. на экранах появилась картина «Вера Чибиряк», запрещенная ранее из-за упоминания «дела Бейлиса»[2323]. В Новониколаевске в прокат вышла картина «Сибирская атаманша». В рекламе особо отмечалось, что она «раньше не разрешалась старым правительством»[2324]. На экранах появился и фильм «Отец Сергий» Я.

[2318] На троне и на экране. Аннотированный каталог фильмов (1907–2007). М., 2007. С. 29–31.
[2319] *Гращенкова И.Н.* Кино Серебряного века: русский кинематограф 10-х годов и кинематограф русского послеоктябрьского зарубежья 20-х годов. М., 2005. С. 135; *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика». С. 365–366.
[2320] Цит. по: *Бобровиков В.В.* Указ. соч. С. 56.
[2321] *Янгиров Р.М.* Указ. соч. С. 52, 70.
[2322] Там же. С. 154–155.
[2323] Великий кинемо: Каталог сохранившихся игровых фильмов России, 1908–1919. М., 2002. С. 370.
[2324] *Ватолин В.А.* Указ. соч. С. 168.

Протазанова, не допущенный до больших экранов в связи с запретом изображать духовных лиц[2325].

Ярким примером цензурных перипетий киноленты служит экранизация романа И.И. Лажечникова «Ледяной дом», посвященная эпохе царствования императрицы Анны Иоанновны. Петроградская цензура разрешила фильм в декабре 1916 г. с исключением только крестного знамения и момента казни противника «бироновщины» А.П. Волынского и представителей его кружка. У придворной цензуры возникло больше вопросов к картине. В.Б. Фредерикс усмотрел в ней идею показать Э.И. Бирона как яркий образец «немецкого засилья» при дворе Анны Иоанновны. А.Д. Протопопов согласился с Фредериксом и 19 января 1917 г. предложил отложить прокат картины «ввиду усиленных толков и слухов, нередко волнующих народ, о недостаточно энергичной борьбе с немецким засильем»[2326]. Запрет не прожил и двух месяцев. Уже в марте 1917 г. в печати появился анонс полной версии кинопостановки романа Лажечникова. На рекламном плакате подчеркивалось, что лента «восстановлена в полном виде: вставлены все вырезки, сделанные представителем старого строя – цензором: пытки, казнь Волынского и т.п. сцены, ярко рисующие злодейства временщика немца Бирона» [2327] . Делались и намеки, по какой причине цензоры старались, например – попытка скрыть влияние «темных сил», работавших на победу Германии.

На этом фоне военная цензура продолжала действовать, не был отменен и контроль над кинематографом. 27 апреля вышло постановление Временного правительства «о публичных зрелищах», которое предписывало предоставлять комиссару в двух экземплярах «изложение содержания изображений на фильме или текст, воспроизведенный на граммофонных

[2325] *Гращенкова И.Н.* Указ. соч. С. 18.
[2326] Цит. по: Великий кинемо… С. 330.
[2327] Сине-фоно. 1917. № 11–12. С. 35.

пластинках»[2328]. Кинематографический отдел под руководством полковника Г.К. Ерошевича продолжал свою работу, просматривая фильмы, в том числе – не военные по своему содержанию. Кадровый состав вплоть до июля оставался прежним и даже увеличился[2329].

После первого революционного месяца началось постепенное возвращение к цензурным «будням». 5 апреля 1917 г. Ерошевич в письме в бюро Союза прокатодателей Петрограда напомнил, что все киноленты подлежат военной цензуре и просил сообщать цензору о выходе новой картины в прокат хотя бы за день до первого показа[2330]. Однако судя по повторному напоминанию, отправленному в мае, прокатчики не спешили вновь подчиняться цензурным ограничениям[2331].

Как и в других направлениях военной цензуры, кинематографическая цензура подстраивалась под новые политические реалии. Выразилось это и в формулировке стандартного разрешения к прокату. Перед фразой «К публичному демонстрированию в кинематографах Петрограда разрешается» теперь прибавлялись слова «С военной точки зрения...»[2332]. Однако цензоры продолжали руководствоваться основными дореволюционными правилами, учитывали и возможные последствия от показа той или иной картины. 8 апреля 1917 г. Г.К. Ерошевич одобрил киноленту «Мясоедовщина», выход которой до революции был невозможен. В то же время цензор исключил кадры с портретом бывшего царя, кадр «Поручик у телефона» и сцену ведения Мясоедова на казнь[2333].

1 июня состоялось общее собрание группы прокатодателей Союза петроградских кинодеятелей, на котором присутствовали цензоры Г.К. Ерошевич и Н.П. Жерве. Собрание постановило, что все ленты «специфически военного характера, воспроизведение военных инсценировок,

---

[2328] Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. М., 2001. С. 362.
[2329] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 44. Л. 90; Д. 417. Л. 106.
[2330] Там же. Д. 44. Л. 177.
[2331] Там же. Л. 181.
[2332] Там же. Д. 508. Л. 274.
[2333] Там же. Л. 280.

военные хроники и т.п. военные картины, а также картины с погромной и пораженческой тенденцией обязательно подлежат просмотру петроградской военной цензуры»[2334].

Хотя военная цензура продолжала действовать, отдельные запреты и ограничения военной тематики мало влияли на ситуацию: прокат оказался фактически бесконтрольным. В результате характерное еще для довоенных лет широкое общественное недовольство репертуаром после Февраля лишь усилилось[2335]. В печати регулярно раздавалась критика в адрес кинотеатров и кинопроизводителей, зарабатывавших на низменных инстинктах массового зрителя. В. Станюкович писал в апреле 1917 г.: «Бесчисленные бульварные романы возникают на экранах кинематографов, грязными ушатами льются в народ пошлости фривольных водевилей, беспечальная жизнь хулиганов и сутенеров воспевается доморощенными певцами-поэтами, всюду мелькает развеселый канкан»[2336].

Неоднократно поднималась тема воспроизведения в кино религиозных сюжетов и церковных таинств, использования образов священнослужителей. Фактические снятие всех запретов многие современники воспринимали как богохульство и потенциальный источник для общественных конфликтов[2337]. Власть вынуждена была реагировать. В циркуляре Временного правительства 17 июня отмечалось, что «в некоторых кинематографах стали демонстрироваться в последнее время картины, представляющие собою явное глумление и издевательство не только над духовенством, но даже над религиею и возбуждающие справедливое негодование православного населения». Как ответственным за наблюдение за публичными зрелищами

[2334] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 44. Л. 8.
[2335] См., напр.: *Гнедич П.* Из дневника // Петроградская газета. 1917. 8 июня; Темные силы // День. 1917. 9 июня.
[2336] Цит. по: *Соболев Г.Л.* Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 году. М., 1973. С. 146.
[2337] Надзор за кинематографами // Петроградская газета. 1917. 21 июня.

согласно постановлению от 27 апреля, местным комиссарам поручено установить «неослабный надзор» за кинотеатрами[2338].

На фоне ослабления цензурного контроля «сверху» активизировались ограничительные инициативы «снизу». Уже 6 марта «собрание трудовых деятелей кинематографии» призвало министра юстиции А.Ф. Керенского «остановить готовый пролиться на народ поток грязи и порнографии»[2339]. Временный комитет по регламентированию театральной жизни Москвы предписал вырезать из фильма «Темные силы» сцены «учения смирению» Распутиным своих поклонниц[2340]. «Обозрение театров», поддерживая это решение, отметила, что требования комитета к создателям фильма «более чем скромные»[2341]. Общественную реакцию вызвало и распространение «порнографии» на больших экранах, с чем боролся, например, Союз работников художественной кинематографии[2342]. Однако в отличие от довоенного периода организация контроля над прокатом уже не занимала значимое место среди других проблем отрасли. Характерно, что на II всероссийском кинематографическом съезде 22–24 августа 1917 г. вопрос цензуры был поднят лишь на второй день: докладчик П.С. Антик упомянул о давно обсуждавшемся проекте ввести единую киноцензуру с центром в Москве, но каких-либо деклараций по этому поводу съезд не принял[2343].

Июльский кризис власти подтолкнул Временное правительство к реформе военной цензуры в целом. 26 июля были утверждены «Временные правила о специальном военном почтово-телеграфном контроле», отдельно учреждалась «специальная военная цензура печати»[2344]. Кинематографическая цензура вновь не была выделена в отдельный орган, однако как подразделение кинематографический отдел сохранялся и перешел

[2338] Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-1813. Оп. 2. Д. 1. Л. 4.
[2339] Цит. по: *Колоницкий Б.И.* Трагическая эротика. С. 367.
[2340] Там же.
[2341] Кинолистки // Обозрение театров. 1917. 26 мая. № 3436. С. 11.
[2342] *Россоловская В.С.* Русская кинематография в 1917 г. М.; Л., 1937. С. 59.
[2343] Сине-фоно. 1917. № 17–20. С. 79.
[2344] Подробнее см.: *Батулин П.В.* Военная цензура в период Первой мировой войны и революции 1917–1918 гг... С. 146.

в подчинение Главной военно-цензурной комиссии печати [2345] . После проведения этой реформы прервалось делопроизводство старого кинематографического отдела, и сведения о киноцензуре в июле-октябре 1917 г. обрывочны и малоинформативны.

Придя к власти, большевики предприняли ряд шагов по упорядочению работы кинотеатров и кинопромышленности. С начала 1918 г. последовательно ужесточался контроль над кинопрокатом и выпуском новых картин. 7 марта был образован кинематографический отдел при Моссовете, с 28 мая перешедший в подчинение Наркомпросу в качестве Москинокомитета, с декабря 1918 г. – Центрального кинокомитета в Москве, которому был подчинен и Петроградский кинокомитет. Декрет СНК РСФСР от 27 августа 1919 г. завершил переход всей кинематографической торговли и промышленность в ведение Наркомпроса[2346].

Цензура кинофильмов развивалась сообразно с общим сосредоточением киноотрасли в руках государства. 17 июля 1918 г. вышло постановление Московского совета рабочих и красноармейских депутатов «О цензуре над кинематографами». Согласно ему, администрации всех электротеатров и тому подобных предприятий обязаны были «не позднее как накануне» представить в Кинематографический комитет в 2 экземплярах плакаты, афиши и либретто предполагаемых к демонстрированию картин. Не выполнившие это требование заведения могли быть закрыты, а виновники нарушения подвергались штрафу до 1000 руб. Кроме того, продажа и прокат новых картин могли производиться «только с разрешения комитета после их просмотра». На виновных в прокате фильмов без разрешения налагался штраф до 3000 руб. [2347] 6 сентября вышло «Обязательное постановление Кинематографического комитета Наркомпроса о цензуре кинопродукции»,

---

[2345] РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 44. Л. 197.
[2346] Кино: организация управления и власть. 1917–1938 гг.: Документы. М., 2016. С. 4–5.
[2347] Там же. С. 29.

предписывавшее сообщать комитету все изменения в названиях кинолент, а также о вырезанных из них кадрах[2348].

Цензура театра работала вплоть до последних дней существования старого режима: в феврале 1917 г. подавались пьесы и принимались решения о постановках в марте-апреле. Последнее заседание драматических цензоров прошло 3 февраля, на котором была рассмотрена комедия С. Городецкого «Крупная фигура». Постановлено «предложить автору, согласно указаниям цензора, переделать пьесу»[2349]. Последний отзыв на пьесу был подан 25 февраля, уже в разгар революции.

Прекращение работы цензуры на Театральной улице в начале марта не остановило поток корреспонденции от авторов произведений, тон которой, правда, уже радикально изменился. 11 марта И.И. Киселев (Сычевка Смоленской губ.) в письме в ГУДП сообщил, что 7 февраля им были посланы пьесы «Самогонка сосватала» и «К новой жизни. Убийство на даче». Ввиду того, что «в настоящее время предоставлена свобода печати и Главное управление уже не существует», Киселев просил вернуть пьесы, так как у него на руках не осталось копий, а пьеса уже намечена к постановке[2350]. Многие, как например драматург В. Магнусен, требовали «немедля» вернуть им их произведения[2351]. Чтобы упорядочить эту работу, правление Союза драматических и музыкальных писателей регулярно посылало в ликвидационную комиссию ГУДП списки пьес, авторы которых хотели бы вернуть рукописи[2352]. Количество подобных писем было столь велико, что процесс возврата растянулся до лета 1917 г.[2353]

Общее настроение охватывало и драматургов, и печать: достигнута долгожданная свобода, началась новая эпоха в истории театра.

[2348] Сборник декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 1. М., 1919. С. 51.
[2349] РГИА. Ф. 776. Оп. 26. Д. 40. Л. 18.
[2350] Там же. Оп. 25. Д. 1230. Л. 14.
[2351] Там же. Л. 15.
[2352] Там же. Л. 13.
[2353] Там же. Л. 19.

«Единственный путь, по которому должен идти театр – это путь освобождения… от гнета цензуры», – с воодушевлением заявлял журнал «Рампа и жизнь»[2354]. В том же ключе высказывался «Театр и искусство». Н. Вильде писал в номере за 19 марта: «Какой простор! Нет цензуры, нет запрета в выборе темы, нет красного карандаша, уничтожавшего слова, казавшиеся дозволенными каждому, но недозволенными в здании Главного управления по делам печати, нет запрета и искажения мысли – при неизменно поощрявшемся порнографическом и бессмысленном репертуаре. На торжественном спектакле, первом спектакле в Государственном Малом театре впервые произносились со сцены слова Загорецкого (3-е действие “Горя от ума”) о львах и орлах: “Кто что ни говори, Хоть и животные, А все-таки цари”. И впервые публика смотрела на типы Грибоедова, Гоголя, Островского как на вполне умершие. Ведь до нынешних февральских дней мы еще не могли говорить о Фамусовых, Молчалиных, Скалозубах, Сквозниках-Дмухановских, Хлестаковых, Вышневских, Юсовых, как об умерших. Они не только жили среди нас, они жили над нами, они несравненно разрослись, “разжились”, обнаглели, ожесточились в царствование последнего Романова»[2355].

Перед антрепренерами и драматургами действительно открывались широкие, невиданные ими прежде перспективы и возможности. Но использование их, особенно в первые месяцы после Февраля, вызывало у современников по большей части разочарование. Отмеченное выше возвращение удаленных цензурой строчек в «Горе от ума» знаменовало волну возвращений на сцену запрещенных пьес и восстановления в текстах мест, перечеркнутых красным карандашом цензора [2356] . Как и в кинематографе, сам факт цензурных кар, свалившихся на пьесу, отныне

[2354] Рампа и жизнь. 1917. №10–11. С. 8.
[2355] Рампа и жизнь. 1917. № 12. 19 марта. С. 3.
[2356] Театр и искусство. 1917. № 21. С. 352; *Тарасова В.В.* Очерки русской культуры. Начало XX века. М., 2022. С. 602.

служил для нее хорошей рекламой: в анонсах о непростой судьбе произведения сообщалось особо[2357].

К лету 1917 г. театральные критики и печать были вынуждены признать провал попытки массово ставить ранее запрещенный репертуар: заслуживающих внимания произведений среди допущенного цензурой оказалось мало[2358]. Практически не было в этот период и новых пьес, завоевавших симпатии публики и критики. А.Р. Кугель писал по этому поводу: «Скудость нового репертуара – безграничная. Где же вы, страдавшие от стеснения, покажите, как на вас отразилась свобода, взмахните освобожденными крыльями»[2359]. Журнал «Рампа и жизнь» осуждал драматургов, которые «беззастенчиво фабриковали в насколько дней… гнусные пьесы… воспользовавшись отсутствием драматической цензуры», и не написали при этом «пьес здоровых и честных, бодрящих народные массы в переживаемое нами грозное время»[2360]. Со временем проблема лишь усугублялась, и свобода, к разочарованию многих, не приносила творческого подъема. «Нет цензуры, нет никаких стеснений, а поди ж ты, только тем и занимаются, что добывают из архива что-нибудь постарее да похуже», – сетовал «Театр и искусство»[2361].

Популярной в первые месяцы после Февраля стала постановка пьес, главными героями которых были свергнутый царь, Александра Федоровна, Г. Распутин, А.А. Вырубова и другие представители «темных сил». Особое место в этом потоке революционных пьес занимал образ «старца». Весной 1917 г. «распутиниада» буквально захватила сцены, особенно в небольших театрах[2362]. Эти тенденции вызывали острую критику с разных флангов политического спектра. Жесткий отклик оставил 15 марта на страницах

[2357] См., например, рекламу драмы «Жертва вечерняя»: Театр и искусство. 1917. № 23. С. 2.
[2358] Подробнее см.: *Гордеев П.Н.* Общественно-политические процессы в государственных театрах России в марте – октябре 1917 года. Дис… д.и.н. СПб., 2020. С. 611–617.
[2359] Цит. по: Очерки русской культуры. Начало XX века. С. 599–600.
[2360] Рампа и жизнь. 1917. № 25 С. 8.
[2361] Театр и искусство 1917. № 48. С. 809.
[2362] *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика». С. 364.

«Речи» В.Д. Набоков. По его мнению, чтение газет и посещение театров после революции «постоянно вело нас не к тем чистым высотам, где веет гордой свободой и разумом, а вводило в вонючую атмосферу старой крепостнической лакейской, где свободные от барского глаза рабы судачат о своих господах»[2363].

Пьесы о Распутине были, тем не менее, лишь малой частью большого наплыва на сцену «порнографических» и низкопробных пьес. Поначалу печать выражала уверенность, что театр «самоочистится», сможет самостоятельно не допускать до сцены подобные постановки[2364]. Однако и репертуар, и посещаемость таких представлений говорили об обратном. Февральская революция «не избавила провинциальный театр от опошления. Правда, она сняла цензурный запрет со многих пьес, но в провинции, как правило, этим воспользовались для того, чтобы ставить пьесы, ранее не допускавшиеся к представлению просто в силу их непристойности»[2365]. Б. Никонов в «Обозрении театров» вспомнил в связи с этим об «отвратительных по грязи памфлетах», которые в большом количестве появлялись после свержения монархии во Франции конца XVIII в. [2366] Журнал «Театр и музыка» приводил в пример пьесу «Частное дело», которая до революции была сокращена, но оставалась «вполне приличной». Теперь же, при постановке без ограничений, «исчезли и полезные вымарки пьесы», которая предстала «во всей своей цветистой порнографии»[2367].

Вопрос об организации цензуры или по крайней мере упорядочения контроля над сценой неоднократно поднимался в печати уже в марте, но поначалу декларативно и без конкретных очертаний. «Театр и искусство» считал, что революция должна избавить театр от «всяких цензурных стеснений, заставлявших либо трусливо прятать мысль, либо отказываться

[2363] *Набоков В.Д.* Революция и культурность // Речь. 1917. 15 марта.
[2364] Театр и искусство. 1917. № 15. 9 апреля. С. 232.
[2365] История советского драматического театра. В 6 т. Т. 1. М., 1966. С. 111.
[2366] *Никонов Б.* Благодать // Обозрение театров. 1917. 4 мая. № 3415. С. 8.
[2367] Драма // Театр и музыка. 1917. 17 апреля.

заранее от попыток изображения многих сторон жизни». Журнал также выступал за освобождение антрепренеров от ограничений постановок в период поста и канунов двунадесятых праздников. Наконец, театр должен получить «определенное законом право и дееспособность и освободиться от системы разрешения полицейской власти, решительно ни на чем не основанной и совершенно произвольной»[2368].

В номере за 19 марта обозреватель того же журнала отмечал, что вопрос о цензуре «может быть разрешен, в общих чертах, двояко»: полной отменой или установлением «факультативной» цензуры, по примеру Португалии, где театру предоставлялось право цензуровать пьесу и тем гарантировать себя от ее снятия и запрещения. Между этими вариантами автор предпочитал полное упразднение цензуры как института. По его мнению, она будет не нужна, так как в любом случае предполагалось преследование в судебном порядке за правонарушения и преступления (в том числе за «оскорбление нравов»)[2369].

Схожей позиции придерживался В.А. Теляковский. 12 марта он отметил в дневнике попытку «некоторых членов Государственной думы» по телефону отменить постановку пьесы Шекспира «Шейлок» из-за выведенного там образа еврея: «Что за причина заставила опасаться постановки этой классической вещи Шекспира, мне не ясно, в особенности при полной свободе цензуры... Вообще, мне кажется неправильным при свободе не давать свободы, при уничтожении цензуры – заводить цензуру. Я бы и правым газеткам разрешил бы брехать сколько им угодно, надо только не давать им субсидии…»[2370].

В начале апреля в Союзе музыкальных и драматических писателей состоялось общее собрание для рассмотрения доклада в комиссию по ликвидации ГУДП. Доклад распадался на две части: в первой доказывалась ненужность и вредность всякой цензуры драматических произведений, во

[2368] Театр и искусство. 1917. № 10–11. 12 марта. С. 188.
[2369] Театр и искусство. 1917. № 12. 19 марта. С. 208.
[2370] *Теляковский В.А.* Указ. соч. С. 665–666.

второй предложено разработать условия и порядок уголовного преследования за нарушение «законов о театре». Согласно проекту, прокуратура получала право снять пьесу впредь до судебного рассмотрения, причем предприниматель мог в случае оправдательного приговора взыскивать убытки. Поднимался в докладе и вопрос налаживания процесса регистрации произведений, заменяющего цензурное разрешение. Как и ранее, предлагалось новую пьесу представлять в двух экземплярах, причем один оставался в «регистрирующем учреждении», а другой выдавался автору на руки с номером регистра. Наконец, авторы доклада предлагали установить дни, когда показывать спектакли не разрешалось: 24 и 25 декабря, первый день Пасхи, а также пятница и суббота на Страстной неделе.

Судя по отчету в журнале «Театр и искусство», доклад вызвал оживленные дискуссии, продлившиеся до поздней ночи. Собрание «было настроено, так сказать, левее записки». Наибольшие споры вызвала ее карательная часть: проект предусматривал «наказуемость и недопустимость пьес, оскорбляющих общественную нравственность». Участники собрания отвечали, что под действие этого ограничения могли попасть, например, «Царь Эдип», «Мертвый город» Г. д’Аннунцио и другие произведения, уже ставшие классическими. Поэтому вместо «общественной нравственности» поступило предложение использовать термин «порнография» для более четкого понимания, что следует ограничивать. Некоторые участники призывали не вводить вообще никаких ограничений и разбираться с каждой пьесой по английскому образцу, через суд присяжных, специально собираемый под конкретный случай. В целом собрание прошло в полемике между сторонниками единых правил цензуры и последователями полной отмены ограничений и ориентации на судебный порядок, учет контекста и местных условий[2371].

10 апреля 1917 г. в Петровском театре состоялось общее собрание деятелей всех московских театров для избрания исполнительного комитета и

[2371] Театр и искусство. 1917. № 13-14. 2 апреля. С. 230.

выработки «временных правил» работы в новых условиях. Согласно им, типографии были обязаны отправлять в комитет все отпечатанные театральные афиши. Театровладельцам и антрепренерам следовало предоставлять программы, сообщать о времени и месте их проведения. Отдельно оговаривалось, что «всем театральным предприятиям предоставляется право без всяких стеснений и ограничений давать всевозможные представления». При этом комитет мог командировать на спектакль своего представителя[2372].

«Театр и искусство» раскритиковал этот проект, считая обязательство предоставления программ в комитет «мелочной регламентацией». Хотя в ряде случаев «полезно и даже желательно снять какое-нибудь безобразие со сцены», предложенная процедура снятия слишком медлительна и сложна, чтобы эффективно с этим «безобразием» бороться: «Общий вывод: из этих правил добрую половину следует выкинуть, а вторую – значительно видоизменить, выкурив из них дух старого доброго [полицейского] участка» [2373] . «Временные правила» были приняты Советом Русского театрального общества (РТО), несмотря на недовольство части собрания. Печать отнеслась к нововведениям неоднозначно. Б. Никонов в «Обозрении театров» оценил судебный порядок надзора как большой шаг вперед после «закоснелой» системы царской цензуры, сводившейся к «неуклонному террору и непостижимому “усмотрению”» [2374] . Напротив, режиссер Ф.Ф. Комиссаржевский отмечал в заметке для «Театра и искусства», что из рук Совета РТО «не только не выдернули дубинку, но дали ему право свободно ею действовать»[2375].

Параллельно вопрос о драматической цензуре обсуждался в комиссии по ликвидации ГУДП. Специальную подкомиссию возглавлял Ф.Д. Батюшков, в нее также входили Б.И. Бентовин, В.М. Гессен, В.Ф. Дерожанский, Е.П.

[2372] Театр и искусство. 1917. № 15. 9 апреля. С. 233–234.
[2373] Там же. С. 234.
[2374] *Никонов Б.* Новая система надзора // Обозрение театров. 1917. 14 апреля. № 3395. С. 11.
[2375] Театр и искусство. 1917. № 16. 16 апреля. С. 261

Карпов, А.Р. Кугель и Е.Н. Потапенко. Результатом ее работы стал проект постановления по надзору за публичными зрелищами. Согласно документу, драматическая цензура упразднялась, а преследование авторов, театровладельцев, актеров стало возможно только по суду. В случае если пьеса могла вызвать «серьезные общественные беспорядки», местные власти имели право снять ее со сцены. При наличии признаков преступления возбуждалось уголовное преследование. Суд первой инстанции, полномочный отменить постановку, состоял из мирового судьи и двух «сведущих общественных литературных или театральных деятелей». Вводилась регистрация пьес – либо в специальным регистрационном учреждении, либо в «местном общественном управлении». Один экземпляр пьесы пересылался в «центральное учреждение», другой выдавался на руки автору или театру. Представителям власти театры обязывались выделять квоту в зале – от 2 до 4 мест[2376].

14 и 15 апреля проект подкомиссии был рассмотрен на заседании Юридического совещания, внесен на рассмотрение Временного правительства [2377] и 27 апреля без изменений опубликован в виде постановления «о публичных зрелищах». В документе провозглашалась отмена драматической цензуры. Постановления о преступлениях, совершенных путем печати, отныне применялись и к публичным представлениям. Произведения, предназначенные к публичному исполнению, должны были поступать в двух экземплярах в Книжную палату или комиссару Временного правительства. Афишу следовало согласовать не позднее чем за сутки до представления. Максимальный штраф за нарушение правил предоставления пьесы в Книжную палату составлял 300 руб. [2378] Регистрация пьес возлагалась на комиссара Временного правительства, либо на «лицо или установление, его заменяющее». Для просмотра постановки

[2376] Там же.
[2377] Записи хода заседаний Юридического совещания при Временном правительстве. Т. 1. С. 160–161.
[2378] Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. М., 2001. С. 362.

представителям власти выделялось от 1 до 4 мест, в зависимости от размера зрительного зала, причем одно место должно было быть не далее третьего ряда партера. Представители власти могли приостановить представление, если оно «вызвало беспорядок, угрожающий общественному спокойствию», а также отменить его повторения, если в них были усмотрены «признаки преступного деяния». Решение властей «немедленно» подавалось мировому судье, который утверждал его обоснованность до «постановления приговора подлежащим судебным местом»[2379].

Новые правила были наглядным примером стремления новой власти избежать восстановления цензуры и при этом придумать некий «разумный» контроль. Противоречивость этих устремлений видна в самом документе: составители сознательно не прибегали к подробной регламентации, ограничиваясь общими словами. Указывая на это, журнал «Рампа и жизнь» считал, что на практике новые правила вызовут «много недоразумений и споров», а затем и уголовные дела, «так как текущий репертуар многих театров в Москве и Петрограде, а в особенности в провинции, даст, несомненно, огромный материал для начатия таких процессов»[2380].

Упоминание журналом местных условий не случайно: в провинции любой принятый в Петрограде закон, особенно в разгар революции, проходил проверку на прочность, и постановления о контроле над театральной сценой не были исключением. Различия в понимании «признаков преступного деяния» и «угрозы общественному спокойствию» никуда не исчезли и после Февраля, став, напротив, основой для формирования новой де-факто цензуры на местах. В делах ликвидационной комиссии ГУДП можно найти немало свидетельств цензурного произвола местных властей и общественных «активистов», количество которых лишь увеличилось после падения монархии[2381].

[2379] Там же.
[2380] Рампа и жизнь. 1917. № 25. С. 2.
[2381] *Патрушева Н.Г.* Указ. соч. С. 400.

Театра это коснулось в полной мере и стало особенно заметно летом 1917 г. Засилье «порнографии» только нарастало, что не могло не вызвать реакцию театрального сообщества. В начале июня на «откровенные» постановки «Нового театра» обратил внимание исполнительный комитет Союза московских артистов. Газета «Театр» в связи с этим подняла вопрос общего падения уровня репертуара, не считая, однако, правильным возврат к цензуре как институту. Союзы и актерские комитеты, должны, по мнению издания, «приложить все усилия к воздействию на своих товарищей, полагающих, что можно во имя “свободы” унижать театр, демонстрируя на его подмостках голых женщин и сцены любострастные»[2382].

Однако все чаще на страницах прессы обозреватели приходили к выводу о невозможности найти «средний» вариант между восстановлением цензуры и полной бесконтрольностью театра. Разочаровался в наступившей «свободе» и заметно поменял риторику Н. Вильде. В номере газеты «Театр» за 3-4 мая он привел пример освобождения от цензуры пьесы «В чужой постели» как символ наступившего времени: «Ах, если свобода от цензуры существует для чужих постелей и т.п., то, пожалуй, придется завести новую, так сказать, свободную цензуру… цивилизованного чувства, которому претит разнузданность, спекуляция на низких инстинктах, претит ржанье театральной залы, а не хороший здоровый смех»[2383]. В случае с театром призывы к «сознательной» самоцензуре также были популярны. Литературный критик Э.А. Старк писал в апреле 1917 г.: «Исчезла цензура – это не значит, чтобы внутри каждого из нас не сохранилась собственная цензура, глубокая моральная цензура, которая воспрещает поступки, не отвечающие достоинству переживаемого момента. Чувство самокритики сейчас должно особенно обостриться»[2384].

[2382] Порнография и свобода // Театр. 1917. № 2025. С. 4.
[2383] Общественно голая // Театр. 1917. № 2011. С. 6.
[2384] *Старк Э.* Изнанка добра // Обозрение театров. 1917. 12 апреля. № 3393. С. 10.

В течение лета надежды на самоорганизацию уступили место ожиданиям неизбежного возвращения цензуры в той или иной форме. Журнал «Рампа и жизнь» отмечал в августе, что «порнография на сцене уже пустила теперь глубокие корни, и новый закон Временного правительства “О надзоре за публичными зрелищами”, повторяем, сейчас будет бессилен бороться с ней»[2385]. В этом вопросе один из обозревателей видел наглядный пример нерешительности власти: «Комиссары знают, что какая-то цензура нужна. Но произнести слово “цензура” все боятся»[2386].

Одновременно все большее распространение получали самовольные решения местных органов власти по ограничениям театра и кинематографа. Так, с 17 июля в г. Луге все вечера, концерты, балы и другие мероприятия не разрешались без санкции исполнительного комитета местного гарнизона, который к тому же получал 20% от дохода в свое распоряжение «на нужды революции» [2387] . 13 августа из Казани сообщалось о введении предварительной театральной цензуры. «Театр и искусство» в связи с этим напоминал, как при обсуждении упразднения цензуры члены ликвидационной комиссии учитывали сохранение «местного» фактора. Однако «при самочинных действиях и цензурная скрепа ничему бы не воспрепятствовала, что мы и видели при прежнем режиме, когда любой исправник мог воспретить и воспрещал что угодно. <...> Просто: с революцией ли, без революции, а осталось старое бесчинство»[2388].

В октябре 1917 г., незадолго до большевистского переворота, комиссар театров Ф.А. Головин утвердил «Положение о литературной комиссии при художественно-литературном комитете драматической труппы государственных театров». Члены комиссии должны были предварительно прочитывать все пьесы, предоставляемые авторами, и принимать решение об их допустимости. Недоумение и недовольство печати вызвало требование

[2385] Рампа и жизнь. 1917. № 31. 6 августа. С. 3.
[2386] Борьба с порнографией // Театр. 1917. № 2047. С. 3.
[2387] Театр и искусство. 1917. № 33. 13 августа. С. 571.
[2388] Там же. С. 562.

предоставлять пьесу в двух экземплярах с отметкой о регистрации в Книжной палате, что напомнило о, казалось, безвозвратно ушедшем дореволюционном порядке. «Увы, все есть по-старому: и протоколы, и регистрация, и хождение по сорока мытарствам, и штемпеля, и двойные экземпляры. “В новизнах твоих старина слышится”», – сетовал на страницах «Обозрения театров» Б. Никонов[2389].

Первые шаги Советской власти формально не касались театра. Не упоминались зрелищные представления ни в декрете «О печати» 27 октября 1917 г., ни в декрете «О революционном трибунале печати» 28 января 1918 г. Однако театральная пресса не питала иллюзий относительно перспектив для свободы слова вообще, не только печатной[2390]. «Рампа и жизнь» быстро поняла новый стиль управления и регулирования театров. Редактор журнала Л.Г. Мунштейн в номере за 27 октября опубликовал стих:

Мы свободны! Смело, ново
Рифмотворчество поэтов.
На Руси свобода слова…
(Под цензурою Советов)[2391]

Конец 1917 – начало 1918 г. характеризуются фактическим воссозданием цензурного контроля над театром. Давление и надзор усиливались постепенно: стихийные цензурные «проверки» репертуара оставляли мало свидетельств своей деятельности, лишь часть таких случаев отражалась на страницах прессы. «Театр и искусство» отмечал 10 декабря: «Нам сообщают, что понемногу “правительство народных комиссаров” вводит драматическую цензуру. По крайней мере, репертуар кабаре “Би-ба-бо” просматривается новыми цензорами (штат их нам неизвестен), и

[2389] *Никонов Б.* «В новизнах твоих старина слышится» // Обозрение театров. 1917. 12 октября. №3568. С. 7.
[2390] Театр и искусство. 1918. № 18-19. 4 июня. С. 193.
[2391] Рампа и жизнь. 1917. № 43. С. 8.

“сомнительные” места в “политическом отношении” вычеркиваются. <...> “Социалистическое государство”, увы, все больше напоминает времена дореволюционные... Прости, Господи, наши прегрешения!»[2392]. Методы и приемы новой, советской цензуры вызывали горькую иронию по поводу возвращения к едва забытым практикам. «“Горю от ума” вообще не повезло, – сетовал журнал «Рампа и жизнь», – говорят, к нему начала придираться новая “цензура”. В первом монологе Лизы в стихе: “Да расходитесь! Утро!” – цензура требует указания, какое утро: “Раннее Утро” или “Утро России”, и адрес типографии и редакции»[2393].

[2392] Театр и искусство. 1917. № 50. 10 декабря. С. 839.
[2393] Рампа и жизнь. 1918. № 10. С. 10.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Имея разветвленную структуру и широкие полномочия к началу XX в., цензура в России контролировала все сферы интеллектуальной жизни общества, влияла на содержание печати, репертуар театров и кинематографов, программу публичных выступлений. Цензура олицетворяла собой то огромное влияние, которое имело Министерство внутренних дел через свои ключевые подразделения, прежде всего – Департамент полиции и Главное управление по делам печати. Исторически большую роль играли местные органы власти. Решения губернаторов, полицмейстеров, инспекторов по делам печати зачастую оказывали большее влияние на провинциальную прессу, театр и кино, чем распоряжения и циркуляры из Петербурга. При этом на рубеже XIX – XX вв. стал очевиден дефицит сил и средств для поддержания должного контроля над постоянно растущим рынком печати, расширявшейся сетью театров, быстро развивавшимся кинематографом. Действовавшая на тот момент предварительная цензура была ограничена в силах и средствах и фактически децентрализована. Революция 1905 г. стала мощным толчком для развития печати и привела к кардинальным реформам системы контроля над ней. Отмена предварительной цензуры после обнародования Манифеста 17 октября обозначила переход к системе судебного преследования за различные преступления посредством печатного слова. Газеты и журналы отныне могли быть запрещены только решением суда, публикация любых сведений не воспрещалась, но каралась в случае нарушения Основных законов империи. Символом перемен стало переименование цензурных комитетов в комитеты по делам печати. Тем не менее, и после 1905 г. сохранялись возможности для закрытия газет и журналов благодаря сохранению на большей части империи положения усиленной (чрезвычайной) охраны, дававшей возможность полиции и местным властям оказывать давление на печать фактически без оглядки на указания из столицы. Государство стремилось организовать

фактическую предварительную цензуру, формально оставляя незыблемыми основы Манифеста 17 октября. Эти намерения отражал подготовленный МВД в 1912–1913 гг. проект нового Устава о печати, в случае принятия которого фактически восстанавливалась предварительная цензура. Война остановила обсуждение документа, однако его принятие если и было возможным, то с большим сопротивлением со стороны Думы.

Параллельно разрабатывался проект положения, регулирующего работу цензуры в военное время. В годы Русско-японской войны этот вопрос пришлось решать уже в разгар боевых действий, так как составители Положения о полевом управлении войск 1890 г. не предусмотрели создание военно-цензурных органов. В 1904–1905 гг. выбор был сделан в пользу фактической децентрализации военной цензуры: основные решения принимались штабами армий, а центральный цензурный орган в итоге так и не был создан. Такая система на практике вызвала множество проблем и нареканий, прежде всего со стороны газет, корреспонденты которых постоянно сталкивались с непоследовательными решениями цензоров. После окончания Русско-японской войны разработчики нового Положения о полевом управлении войск постарались учесть эти пробелы. В частности, предусматривалось издание отдельного Положения о военной цензуре, в котором прописывались бы принципы организации и комплектования цензурных органов. Разработка документа началась еще в 1909 г., однако из-за ведомственных противоречий принятие этих документов затянулось до последних дней перед мировой войной. В итоге нерешенными остались многие важные организационные вопросы, в первую очередь касающиеся разделения полномочий между военными и гражданскими властями в прифронтовых губерниях. В перспективе это привело к конфликтам, многочисленным ошибкам и непоследовательным решениям цензоров.

Введенное в действие 20 июля 1914 г. «Временное положение о военной цензуре» предусматривало организацию цензуры печати, почты и телеграфа, речей и докладов. Империя делилась на зоны «полной» и «частичной»

военной цензуры. Основным источником кадров для военной цензуры стали комитеты и инспекции по делам печати, почтово-телеграфные конторы и отделения, уездные исправники, полицмейстеры и жандармы, сохранившие свое основное место работы и ведомственное подчинение. На практике это стало причиной конфликтов военных и гражданских властей по кадровым, хозяйственным и финансовым вопросам. Положение тыловой военной цензуры также не было урегулировано из-за сохранения на местах власти губернаторов и генерал-губернаторов. Формально центральной структурой военно-цензурной системы должна была стать Главная военно-цензурная комиссия, к работе в которой предполагалось привлечь представителей МВД, МИД, Военного, Морского и других министерств. Однако основная проблема цензурной структуры времен Русско-японской войны – отсутствие централизованного управления – в итоге так и не была решена. Полномочия Главной военно-цензурной комиссии не простирались дальше тыловых губерний, где определенное влияние на цензурные решения оказывали также местные военные и гражданские власти. В зоне «полной» военной цензуры решения принимали военно-цензурные отделения и комиссии штабов армий, фронтов и военных округов. Эта сложная и многоуровневая система отражала общий кризис управления империи и затяжной конфликт между военными и гражданскими властями в 1914–1917 гг. Своеобразным символом этих процессов стала борьба вокруг подчинения петроградской цензуры, за годы войны разросшейся в крупную и разветвленную структуру и ставшей важным фактором в политических процессах накануне Февральской революции. Главенство над Петроградской военно-цензурной комиссией и многочисленными цензурными подразделениями столицы оспаривали штабы Северо-западного фронта, Петроградского военного округа и 6 армии, однако до окончания войны этот спор так и не был разрешен однозначно в пользу одной из сторон. В целом военно-цензурная система была разбалансирована и децентрализована, и попытки исправить эту ситуацию в годы войны не принесли желаемого результата.

Возвращение предварительной цензуры было неоднозначно воспринято русским обществом. С одной стороны, это напоминало об ушедшей, казалось, навсегда цензуре старого порядка, существовавшей до 1905 г. С другой стороны, значительная часть общества понимала необходимость охранения военных тайн и цензуру материалов о положении на фронте. Распространенным было мнение, что можно установить только просмотр газетных материалов о фронте и армии, а остальное пропускать без цензуры. Однако на деле грань между «военными» и «невоенными» материалами оказалась весьма зыбкой: по мере вовлечения населения и народного хозяйства в войну значимым для «военных интересов государства» мог быть фактически любой экономический или политический сюжет. Власть, с одной стороны, не могла, а с другой – и не стремилась провести четкие границы ответственности военной цензуры, на практике используя ее для большего контроля над печатью и ограничения распространения оппозиционных настроений в обществе. Наглядным выражением несовершенства и непродуманности процесса цензуры печати стало появление пропусков («белых пятен») на месте запрещенных цензорами газетных статей. Зачеркивая статью, отдельные абзацы или строчки во время ночного дежурства, цензор не оставлял редакциям времени для заполнения полосы другим материалом. Распространение таких пробелов становилось благодатной почвой для всевозможных слухов, распространено было убеждение, что за «белыми пятнами» власть скрывала действительное положение на фронте, факты воровства чиновников, различные происшествия в тылу. Понимая, какой эффект «белые пятна» оказывают на общество, правительство пыталось с ними бороться, однако это оказалось сложно технически и требовало коренного пересмотра принципов и организации работы военной цензуры. Проекты реформы военной цензуры разрабатывались в Думе в 1915–1916 гг., однако так и не были приняты до Февральской революции.

Составители «Временного положения о военной цензуре» явно недооценивали масштабы работы, которая предстояла цензорам. В зоне «полной» военной цензуры планировалось просматривать всю корреспонденцию, что требовало найма тысяч человек, знавших иностранные языки, обладавших усидчивостью и работоспособностью. В первые недели войны стала очевидна несостоятельность идеи возложить эти обязанности только на военных чинов и почтово-телеграфных чиновников. Особенно сложной была ситуация в прифронтовых губерниях и в Петрограде: столица была включена в зону «полной» военной цензуры, при этом через нее ежедневно проходили десятки тысяч писем и телеграмм. В попытках справиться с этим потоком корреспонденции и по возможности пресекать шпионскую переписку, цензурное руководство последовательно наращивало штаты цензоров. Главным источником изначально были гражданские чины и военные, по тем или иным причинам не призванные на фронт. Заметную роль в работе цензуры играли женщины, которые (сначала в качестве «переводчиц», а затем и полноправных цензоров) составляли большинство, в первую очередь в подразделениях по просмотру корреспонденции фронтовиков и военнопленных. Увеличение кадрового состава военной цензуры происходило как в прифронтовых районах, так и в тыловых округах. Особенно заметен был рост числа цензоров в Петрограде и Петроградском военном округе: около тысячи человек к началу 1916 г. и около двух тысяч – к весне 1917 г. Несмотря на быстрое увеличение личного состава, просматривать удавалось в среднем не более 10–15 % корреспонденции. Остальное либо пропускалось без цензуры, либо задерживалось на определенный, часто – весьма продолжительный срок. Следствием стали многомесячные задержки отправлений, вызвавшие широкое общественное недовольство и символизировавшие неэффективность сложившей в империи военно-цензурной системы. Просматривая небольшую часть почтово-телеграфной корреспонденции, она могла отследить изменения в

настроениях общества, но не перекрыть полностью каналы передачи по почте секретных и запретных сведений.

В отличие от цензуры печати, драматическая цензура пережила революцию 1905 г. и продолжила предварительно просматривать пьесы и либретто, контролировать постановки на театральных сценах. Став частью цензурной системы периода думской монархии, драматическая цензура сохраняла свое подчинение ГУДП, но оставалась обособленным подразделением, со своим, почти неизменным кадровым составом и традициями работы, унаследованными еще с XIX в. Первая мировая война не внесла в этот порядок работы существенных изменений, однако значительно дополнился перечень запретных и нежелательных тем. Театральные цензоры отныне должны были учитывать военно-политическую обстановку, следить за образом русской армии и союзников по Антанте. При этом сохранялись старые запреты вроде изображения монарших особ, напоминания о революции 1905 г., оправдание преступлений и т.д. Символичным оставался и запрет изображать Г. Распутина. В этом и во многих других случаях антрепренерам удавалось разными путями обойти цензуру. Не последнюю роль здесь играл недостаток цензурных и полицейских кадров для контроля театральных постановок, а также отсутствие единой политики и сохраняющиеся особенности цензуры в разных регионах империи. Та же ситуация сложилась и в кинематографе, контроль за которым оставался децентрализованным с момента его появления в конце XIX в. Представители киноотрасли неоднократно просили власти создать единую киноцензуру, общие и понятные правила, от которых могли отталкиваться кинопроизводители. На практике сохранялся широкий простор для «усмотрения» местных чиновников, часто запрещавших показывать фильмы, несмотря на разрешение, полученное фирмами в Петрограде или Москве. Значимым фактором оставалось и Министерство императорского двора. Придворная цензура также сохранилась после революции 1905 г. и оказывала непосредственное влияние на содержание фильмов и постановки пьес с

упоминаниями и образами монарших особ. Так, благодаря придворному ведомству и в годы Первой мировой войны действовал введенный Николаем I запрет на изображение монархов на сцене, что породило очевидное противоречие: можно было осуждать политику монархов враждебных государств в печати, изображать их в карикатурах, но на сцене и на экране они появляться не могли. Предпринимались попытки создания единой цензуры театра и кино, однако до 1917 г. каких-либо значимых изменений на этих направлениях достичь не удалось.

Февральская революция стала важнейшим рубежом в истории русской цензуры. Символом новой эпохи стало упразднение Главного управления по делам печати, а также отмена иностранной цензуры. МВД теряло одну из своих ключевых функций – контроля над печатным словом, с падением монархии исчезла и цензура Министерства императорского двора. Однако за празднованием наступившей «свободы» многие современники не заметили, что военная цензура не была отменена и продолжала действовать. Уже в марте 1917 г. командование армии и военных округов начало восстанавливать работу военно-цензурных органов, но наталкивалось в этом деле на сопротивление новых властей на местах – Советов, комитетов общественной безопасности, солдатских комитетов. И хотя формально военно-цензурные комиссии и пункты по большей части сохранились, их работа сильно изменилась и отныне зависела не только и не столько от указаний из ГВЦК, армейских и окружных штабов, сколько от политической обстановки и соотношения сил в конкретном регионе. Местные власти и общественность следили за отбором новых цензоров, влияя таким образом не только на кадровый состав, но фактически и на цензурную политику, которая в итоге могла сильно различаться в разных губерниях и областях. Между тем в столице борьба за влияние на военную цензуру началась с первых дней революции и в течение весны 1917 г. только усиливалась, отражая общее напряжение между Ставкой, Временным правительством, Петросоветом и местными властями. Дискуссии о том, как эффективно организовать этот

контроль, развернулись как во власти, так и в обществе. Для многих современников наступившая «свобода» обернулась вседозволенностью на театральных сценах и киноэкранах, общим падением уровня публичных зрелищ.

Действия Временного правительства в цензурном вопросе были противоречивыми и во многом запоздалыми из-за опасения конфликтов с Петросоветом, армейскими комитетами и общественностью. Правительство декларировало свободу слова и собраний, но реализации этих ключевых элементов новой внутренней политики препятствовала продолжавшаяся война и необходимость сохранения контроля над печатью, театром и кинематографом. Опасавшееся решительных мер, Временное правительство искало способы ввести цензуру, не называя ее своим именем, используя эвфемизмы и иносказательные выражения, оправдываясь необходимостью защиты революции. Петросовет и многие местные Советы со своей стороны не стеснялись заявлять о необходимости закрытия «буржуазных» изданий и усиления контроля над театром и кино. Широкое распространение получил феномен «низовой», самовольной цензуры местных официальных и фактических центров власти, отстаивавших свое видение границ дозволенного. Провал июньского наступления армии и Июльский кризис власти подтолкнули Временное правительство к ускорению реформы военной цензуры и принятию более решительных мер против печати и агитации большевиков. Восстанавливалась предварительная цензура печати, от нее отделялась почтово-телеграфная цензура, отныне названная военным контролем. Корниловское выступление показало, помимо прочего, необходимость улучшения работы с печатью, повышения эффективности контроля корреспонденции. Осенью 1917 г. был разработан проект оптимизации сети военных почтово-телеграфных контрольных бюро, сокращения кадрового состава и конкретизации задач контролеров, в первую очередь – борьба с шпионажем и осведомление правительства об общественных настроениях. Переформатирование и разделение цензуры на

почтово-телеграфный и печатный контроль предваряло новый этап централизации цензуры, однако Временное правительство, Ставка и ГУГШ не успели закончить эту реформу до октября 1917 г.

Цензурная политика Советской власти в первые месяцы после Октябрьского переворота основывалась на представлении, что буржуазия должна лишиться возможности выпускать свои газеты и журналы. Закрытие изданий сопровождалось национализацией средств печати и запасов бумаги, использовались и приемы, уже опробованные ранее Советами: препятствование выходу номеров в свет и рассылке. Оппозиционные газеты, в свою очередь, использовали приемы большевиков после ужесточения цензуры в июле – августе 1917 г.: подпольные типографии, изменение названия, приспособление под новые цензурные условия. Такая ситуация продолжалась до лета 1918 г., когда после подавления левоэсеровского мятежа большевики закрыли последние «буржуазные» издания в Петрограде и Москве. В декабре 1917 – марте 1918 г. военно-цензурная система периода Первой мировой войны была упразднена, но во многом на ее основе Советская власть создала собственные органы контроля над печатью и корреспонденцией. Функции, присущие военной цензуре в годы Первой мировой войны оказались весьма востребованы в условиях Гражданской войны. Перлюстрация, отслеживание общественных настроений, борьба с экономическими преступлениями и контрабандой становились важным звеном внутренней политики новой власти. Поэтому едва упраздненные в марте 1918 г., цензурные органы весной того же года были восстановлены, зачастую – под теми же названиями и при участии тех же людей, что работали в цензуре и военном контроле ранее. Опыт предшественников помог большевикам создать новую, уже советскую цензуру, прошедшую за последовавшие годы путь централизации, венцом которой стало создание в 1922 г. Главного управления по делам литературы и искусства (Главлит).

СПИСОК
ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Архивные материалы

Архив внешней политики Российской империи

Ф. 134. Архив «Война»

Ф. 140. Отдел печати и осведомления МИД

Государственный архив в г. Тобольске

Ф. И152. Тобольское губернское правление

Ф. И722. Тобольский губернский комиссар Временного правительства

Государственный архив Калужской области

Ф. Ф-32. Канцелярия калужского губернатора

Государственный архив Красноярского края

Ф. Р-1813. Енисейский губернский комиссар Временного правительства

Государственный архив Смоленской области

Ф. 1. Канцелярия смоленского губернатора

Государственный архив Российской Федерации

Ф. 63. Московское охранное отделение

Ф. 102. Департамент полиции МВД

Ф. 110. Штаб Отдельного корпуса жандармов

Ф. 434. Постоянный совет Объединенных дворянских обществ

Ф. 627. Б.В. Штюрмер

Ф. 1723. Л.П. Меньщиков

Ф. 1779. Канцелярия Временного правительства

Ф. 1787. Особая комиссия по ликвидации Главного управления по делам печати МВД

Ф. 1792. Юридическое совещание при Временном правительстве

Ф. 7332. П.И. Аверьянов

Ф. Р6753. Н.В. Кончевская

Ф. Р6887. Редакция журнала «Красный архив»

Национальный архив Армении

Ф. 1002. Эриванская почтово-телеграфная контора

Национальный архив Грузии

Ф. 17. Канцелярия тифлисского губернатора

Ф. 480. Тифлисский комитет по делам печати

Национальный исторический архив Беларуси

Ф. 2499. Витебское губернское жандармское управление

Ф. 2619. Витебская почтово-телеграфная контора

Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно

Ф. 1. Канцелярия гродненского губернатора

Ф. 954. Гродненское губернское жандармское управление

Ф. 1619. Белостокская почтово-телеграфная контора

Российский государственный военно-исторический архив

Ф. 29. Канцелярия Военного министерства

Ф. 89. А.А. Поливанов

Ф. 1300. Штаб Кавказского военного округа

Ф. 1720. Штаб Казанского военного округа

Ф. 2000. Главное управление Генерального штаба

Ф. 2003. Штаб Верховного главнокомандующего

Ф. 2019. Штаб главнокомандующего армиями Северо-западного фронта

Ф. 2031. Штаб главнокомандующего армиями Северного фронта

Ф. 2067. Штаб главнокомандующего армиями Юго-западного фронта

Ф. 13835. Центральное военное почтово-телеграфное контрольное бюро

Ф. 13836. Петроградское военное почтово-телеграфное контрольное бюро

Ф. 13839. Московская военно-цензурная комиссия

Ф. 13849. Рижская военно-цензурная комиссия

Ф. 13867. Иркутское военное почтово-телеграфное контрольное бюро

Российский государственный архив Военно-Морского Флота

Ф. 353. Штаб начальника сухопутных войск, подчиненных командующему флотом Балтийского моря

Ф. 418. Морской Генеральный штаб

Ф. 716. Морской штаб Верховного главнокомандующего

Ф. 941. Штаб Моонзундской укрепленной позиции

Российский государственный архив литературы и искусства

Ф. 595. Редакция газеты «Русское слово»

Ф. 1701. Редакция газеты «Русские ведомости»

Российский государственный исторический архив

Ф. 472. Министерство императорского двора и уделов

Ф. 776. Главное управление по делам печати МВД

Ф. 778. Военная цензура при Петроградском комитете по делам печати МВД

Ф. 779. Центральный комитет цензуры иностранной МВД

Ф. 1276. Совет министров Российской империи

Ф. 1278. Государственная дума Российской империи

Ф. 1289. Главное управление почт и телеграфов МВД

Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

Ф. 24. Инспектор по делам печати Главного управления по делам печати МВД, г. Владивосток

Ф. 702. Канцелярия приамурского генерал-губернатора

Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН

Ф. 266. Редакция журнала «Русское богатство»

Санкт-Петербургская государственная театральная библиотека. Отдел редкой книги, рукописных, архивных и изобразительных материалов

Ф. «Драматическая цензура»

Центральный государственный архив г. Москвы

Ф. 17. Канцелярия московского губернатора

Ф. 31. Московский комитет по делам печати

Ф. 212. Старший инспектор книгопечатания и книжной торговли в г. Москве

Ф. 2121. Церкви Замоскворецкого сорока г. Москвы ведомства Московской духовной консистории

Ф. 2314. Московский отдельный цензор по иностранной цензуре

Центральный государственный архив кинофотофонодокументов г. Санкт-Петербурга

Оп. 1Е-3. Ед. хр. 2786

Оп. 1Ж-1. Ед. хр. 477, 478

Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга

Ф. 706. Инспекция надзора за типографиями, литографиями и тому подобными заведениями и книжной торговлей при управлении Петроградского градоначальства и столичной полиции

British Library Archives and Manuscripts
Northcliffe Papers. Vol. CII. Correspondence with Stanley Washburn

Tartu ülikooli raamatukogu (Библиотека Тартуского университета)
Ф. 38. В.Э. Грабарь

Нормативно-правовые акты

Временное положение о военной цензуре, в связи с действующим Уставом о цензуре и печати. Одесса: тип. «Спорт и наука», 1914. 40 с.
Положение о полевом управлении войск в военное время. СПб.: Военная типография, 1914. 86 с.
Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Пг.: Государственная типография, 1915. 1290 с.
Устав о цензуре и печати: Настольная справочная книга для авторов, переводчиков, издателей и проч. / Сост. З.М. Мсерианц. М.: типо-лит. И.Н. Кушнерев и К°, 1896. 325 с.

Сборники документов

IV Государственная дума. Фракция народной свободы. «Военные» сессии. 26 июля 1914 г. – 3 сентября 1915 г. Пг.: Тип. т-ва Екатерингоф. печ. дело, 1916. 132 с.

Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. I. Последние дневники императрицы Александры Федоровны Романовой. Февраль 1917 г.

– 16 июля 1918 г. / Под ред. В.А. Козлова и В.М. Хрусталева. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. 346 с.

Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VII. Журналы заседаний Временного правительства: Март – октябрь 1917 года. В 4-х т. Т. 1, 3, 4 / Отв. ред. Б.Ф. Додонов, сост. Е.Д. Гринько, О.В. Лавинская. М.: РОССПЭН, 2001. 448 с.

Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. XIII. Записи хода заседаний Юридического совещания при Временном правительстве. Март–октябрь 1917 года. В 2 т. / Отв. сост. О.Н. Копылова. М.: РОССПЭН, 2019. 413 с.

Беларусь в годы Первой мировой войны (1914–1918): Сб. док. / Сост. В.В. Врублевский и др. Минск: Беларусь, 2014. 355 с.

Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году: Сб. материалов и документов. Л.: Леноблиздат, 1932. 402 с.

Большевистская печать. Сб. материалов / Сост. Б.В. Яковлев. М.: Политиздат, 1940. 471 с.

Бунд: Документы и материалы, 1894–1921 / Сост. Ю.М. Амиантов. М.: РОССПЭН, 2010. 1358 с.

Великий кинемо: Каталог сохранившихся игровых фильмов России, 1908–1919 / Сост. В. Иванова и др. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 568 с.

Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г. / Сост. С.Н. Базанов и др. М.: Наука, 1982. 608 с.

Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия I. Ч. 1. СПб.: Государственная типография, 1913.

Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия IV. Пг.: Государственная типография, 1916.

Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия V. Пг.: Государственная типография, 1916.

Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия XII. Пг.: Государственная типография, 1916.

Декреты Советской власти. Т. I / Сост. С.Н. Валк и др. М.: Госполитиздат, 1957. 626 с.

Документы великой пролетарской революции. Т. 1. Из протоколов и переписки Военно-революционного комитета Петроградского Совета 1917 года / Сост. Е.Н. Городецкий, И.М. Разгон. М.: Гос. изд-во «История гражданской войны», 1938. 372 с.

Документы великой пролетарской революции. Т. 2. Из протоколов и переписки Московского и районных военно-революционных комитетов 1917 года / Сост. Д. Костомаров. М.: Московский рабочий, 1948. 339 с.

Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 2000. № 4–5. С. 3–27.

Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 3–31.

Донесения комиссаров Петроградского Военно-революционного комитета / Под ред. Г.А. Белова. М.: Госполитиздат, 1957. 352 с.

Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. 1915–1918: в 3 т. Т. 2, 3. М., 2013.

Кинематограф в Казани, 1897–1917 гг.: сб. документов и материалов / Сост. Е.П. Алексеева. Казань: Гасыр, 2007. 144 с.

Кино: организация управления и власть. 1917–1938 гг. Документы / Сост. А.Л. Евстигнеева. М.: РОССПЭН, 2016. 605 с.

Лурье М.В. Большевистская печать в тисках царской цензуры. 1910–1914. Газеты «Звезда», «Правда». Сб. документов. Л.: Лениздат, 1939. 200 с.

Материалы к истории русского театра в государственных архивах СССР: обзоры документов: XVII век – 1917 г. / Ред.-сост. И.Ф. Петровская. М. [Б.и.], 1966. 285 с.

Меньшевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 гг. / Сост. С.В. Тютюкин. М.: РОССПЭН, 1996. 408 с.

Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. Меньшевики в 1918 году / Отв. сост. Д. Павлов. М.: РОССПЭН, 1999. 797 с.

На троне и на экране. Аннотированный каталог фильмов (1907–2007) / Сост. Е.М. Барыкин. М.: Интерреклама, 2007. 206 с.

Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. В 3 т. Т. 2. Кн. 2: 1911–1912 гг. / Отв. ред. В.В. Шелохаев М., 2001. 608 с.

Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985: Документы и материалы в 6 т. Свердловская область. Т. 1. 1917–1941 / Сост. Е.Ю. Баранов, Е.В. Вертилецкая, С.В. Воробьев и др. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005. 792 с.

Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1912 год / Сост. Б.Д. Гальперина. М.: РОССПЭН, 2004. 488 с.

Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1914 год / Сост. Б.Д. Гальперина. М.: РОССПЭН, 2006. 700 с.

Особые журналы Совета министров Российской империи 1909–1917 гг. 1915 год / Сост. Б.Д. Гальперина. М.: РОССПЭН, 2008. 715 с.

Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1917 год / Сост. Б.Д. Гальперина. М.: РОССПЭН, 2009. 303 с.

Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Т. III–V / Ред. П.Е. Щеголев. Л.: Госиздат, 1925.

Петроградский военно-революционный комитет: Документы и материалы в 3 т. Т. 1 / Отв. ред. Д.А Чугаев. М.: Наука, 1966. 586 с.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: Протоколы, стеногр. и отчеты, резолюции, постановления общ. собр., собр. секций, заседаний Исполкома и фракций 27 февр. – 25 окт. 1917 г. : Док. и

материалы : В 5 т. Т. 1: 27 февр. – 31 марта 1917 г. / Под ред. П. В. Волобуева. Л.: Наука, 1991. 662 с.

Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917 – 1929. Экономические конфликты и политический протест: Сб. документов / Отв. ред. В.Ю. Черняев. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 2000. 461 с.

Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы. В 2 т. Т. 2: 1911–1917 гг. / Сост. Ю.И. Кирьянов. М.: РОССПЭН, 1998. 814 с.

Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: материалы перлюстрации Департамента полиции / Сост. К.А. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2014. 718 с.

Протоколы заседаний Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов р., с., кр. и каз. депутатов II созыва. М.: ВЦИК, 1918.

Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. 1905 – середина 1930-х гг. В 6 т. Т. 2 / Сост. Д.Б. Павлов. М.: РОССПЭН, 1997. 520 с.

Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. 1905 – середина 1930-х гг. В 6 т. Т. 3 / Сост. Д.Б. Павлов. М.: РОССПЭН, 1998. 590 с.

Революционное движение в армии и на флоте в годы Первой мировой войны. 1914 – февраль 1917: Сборник документов / Под ред. А.Л. Сидорова. М.: Наука, 1966. 467 с.

Революционное движение в военных округах. Март 1917 г. – март 1918 г. / Сост. С.Н. Базанов и др. М.: Наука, 1988. 490 с.

Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году: Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви / Сост. М.А. Бабкин. М.: Индрик, 2006. 504 с.

Россия и независимость Финляндии, 1899–1920 гг.: Сб. док. в 3 т. Т. 3. От противостояния к миру, 1917–1920 гг. / Отв. сост. М.В. Зеленов. М.: РОССПЭН, 2021. 1055 с.

Саратовский Совет рабочих депутатов (1917–1918): Сб. документов / Под ред. В.П. Антонова-Саратовского. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. 816 с.

Сборник декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 1. М.: Изд-во Наркомпроса, 1919. 236 с.

Семенников В.П. Монархия перед крушением: 1914–1917. Бумаги Николая II и другие документы. М.; Л.: ГИЗ, 1927. 309 с.

Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. М. [Б.и.], 1942. 1483 с.

Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905–1920 гг. В 3-х т. Т. 3. Кн. 1. 1915–1917 гг. / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2000. 248 с.

Февральская революция, 1917: Сборник документов и материалов / Отв. ред. А.Л. Степанский, В.И. Миллер. М.: РГГУ, 1996. 353 с.

Царская армия в период мировой войны и Февральской революции (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны) / Под ред. А. Максимова. Казань: Татиздат, 1932. 239 с.

Цензура в Советском Союзе. 1917–1991. Документы / Сост. А.В. Блюм. М.: РОССПЭН, 2004. 575 с.

Чарнолуский В.И. Настольная книга по внешкольному образованию: полный систематический сборник законов, циркуляров, разъяснений Сената и справочных сведений. СПб.: Знание, 1913. 501 с.

Яхонтов А.Н. Совет министров Российской империи в годы первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (Записи заседаний и переписка) / Публ. Р.Ш. Ганелина и др. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 560 с.

Периодические издания

Биржевые ведомости. 1914 – 1917.

Вестник Временного правительства. 1917.

Вестник кинематографии. 1914–1918.

Вечерняя газета Время. 1917.

Волынские епархиальные ведомости. 1915.

Голос Москвы. 1914–1915.

Голос Руси. 1914–1917.

День. 1914–1918.

Земщина. 1914–1917.

Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (Известия Центрального исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов; Известия ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов). 1917.

Киевлянин. 1914–1917.

Колокол. 1914–1917.

Коммерсант. 1916.

Московский листок. 1914–1917.

Новое время. 1914–1917.

Обозрение театров. 1914–1917.

Петроградская газета. 1914–1917.

Петроградский курьер. 1915.

Петроградский листок. 1914–1917.

Рабочий путь. 1917.

Рампа и жизнь. 1914–1917.

Речь. 1914–1917.

Русские ведомости. 1914–1917.

Русское знамя. 1914–1917.

Русское слово. 1914–1917.

Русский инвалид (Армия и флот свободной России). 1914–1917.

Саратовские епархиальные ведомости. 1917.

Свет. 1914–1917.

Сибирская жизнь. 1914–1917

Сине-фоно. 1914–1917.

Современное слово. 1914–1917.

Театр. 1914–1917.

Театр и искусство. 1914–1917.

Утро России. 1914–1917.

Times. 1916.

Публицистика, художественная литература

Андреев Л.Н. Король, закон и свобода. Пьеса в 6-ти картинах. Пг.: Отечество, 1914. 114 с.

Бедный Д. Сочинения в 5 т. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1953. 558 с.

Вересаев В.В. Собрание сочинений в 5 т. Т. 4. М.: Правда, 1961. 545 с.

Дементьев В.М. Кинематограф как правительственная регалия. Пг.: тип. Усова, 1915. 48 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 2. М.: Политиздат, 1967. 677 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 6. М.: Политиздат, 1963. 619 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 12. М.: Политиздат, 1968. 575 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 18. М.: Политиздат, 1968. 525 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 21. М.: Политиздат, 1968. 671 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 28. М.: Политиздат, 1962. 838 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 30. М.: Политиздат, 1973. 561 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 31. М.: Политиздат, 1969. 671 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 34. М.: Политиздат, 1969. 584 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 41. М.: Политиздат, 1981. 696 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 1, 3. М.: Политиздат, 1955.

Маяковский В.В. Простое как мычание. Пг.: Парус, 1916. 129 с.

Отчет о применении цензуры на театре войны. Харбин: [б.и.], 1905. 96 с.

An Antonio Gramsci Reader: Selected Writings, 1916–1935 / Ed. by D. Forgacs. New York: Schocken books. 1988. 444 p.

Дневники, письма, воспоминания

Амфитеатров-Кадашев В. Страницы из дневника / публ. С.В.Шумихина // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 20. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1996. С. 436–635.

Архиепископ Никон (Рождественский). «Козни врагов наших сокруши...»: дневники. М.: Сибирская благозвонница, 2008. 1312 с.

Бельгард А.В. Воспоминания. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 684 с.

Берти Ф.Л. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. 1914–1919. М.; Л.: Госиздат, 1927. 230 с.

Блок А.А. Собрание сочинений в 8 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1963. 544 с.

Богословский М.М. Дневники (1913–1919). М.: Время, 2011. 797 с.

Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Т. 22. М.: ТЕРРА, 1993. 413 с.

Гиппиус З.Н. Синяя книга. Петербургский дневник. 1914–1918. Белград: тип. Раденковича, 1929. 234 с.

Глобачев К.И. Правда о русской революции: воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М.: РОССПЭН, 2009. 519 с.

Горький М. Полное собрание сочинений. Письма в 24 т. Т. 11. М.: Наука. 2004. 595 с.

Горький М. Полное собрание сочинений. Письма в 24 т. Т. 12. М.: Наука, 2006. 731 с.

«Господи! Скоро ли кончатся наши муки!..»: дневники прапорщика К.В. Ананьева // Первая мировая: взгляд из окопа. М.; Спб.: Нестор-История, 2014. С. 137–215.

Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне, 1914–1915 гг. Берлин: Слово, 1924. 396 с.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1: Крушение власти и армии, февраль – октябрь 1917 г. Париж: Povolozky, 1921. 184 с.

Дубнова-Эрлих С. Хлеб и маца: воспоминания. Стихи разных лет. СПб.: Максима, 1994. 303 с.

Дневник А.А. Беймельбурга // Прожито [Электронный ресурс]. URL: https://corpus.prozhito.org/person/870 [дата обращения – 05.05.2025].

Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2008. 440 с.

Дневник капитана Чернышева // Прожито [Электронный ресурс]. URL: https://corpus.prozhito.org/person/1846 [дата обращения – 07.05.2025].

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3 т. Т. 1. М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1986. 304 с.

Записки сестры милосердия Анны Ждановой. Тверь: Триада, 2014. 240 с.

Казанцев Д.Л. Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны, 1914–1917. М.: Кучково поле, 2016. 319 с.

Каменский Е. «От детства до присяги» (из жизни августейших детей императора Александра II) // Исторический вестник. 1916. № 1. С. 99–125.

Кравков В.П. Великая война без ретуши: записки корпусного врача (1914–1917 гг.). М.: Вече, 2014. 414 с.

Куропаткин А.Н. Русско-японская война: итоги войны. СПб.: Полигон, 2002. 525 с.

Лемке М.К. 250 дней в царской Ставке. (25 сентября 1915 – 2 июля 1916). Пг.: ГИЗ, 1920. 859 с.

Мальков П.Д. Записки коменданта Кремля. М.: Молодая гвардия, 1962. 286 с.

Матвеев Ф.П. Из записной книжки депутата 176 пехотного полка: Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов март – май 1917 г. // Петросовет, март—май 1917. М.; Л., 1932. С. 219–229.

Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. М.: Индрик, 2003. 527 с.

Милюков П.Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. 528 с.

Неизданный В.Г. Короленко (1914–1921). Дневники и записные книжки. Т. 1: 1914–1918. М.: Пашков дом, 2013. 350 с.

Оболенский В.А. Моя жизнь и мои современники. Воспоминания 1869–1920. Т. 2. М.: Кучково поле, 2017. 542 с.

Окунев Н.П. В годы великих потрясений: Дневник московского обывателя 1914–1924. М.: Кучково поле, 2021. 975 с.

Орешников А.В. Дневник. 1915–1933: в 2-х кн. Кн. 1. М.: Наука, 2010. 657 с.

Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М.: Международные отношения, 1991. 236 с.

Первая мировая война 1914–1918 гг. в дневниках и воспоминаниях офицеров Русской императорской армии: Сб. документов / Сост. С.А. Харитонов и др. М.: РОССПЭН, 2016. 748 с.

Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3: 1914–1915 гг. М.; Пг.: ГИЗ, 1925. 510 с.

Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5: 1916–1917 гг. М.; Пг.: ГИЗ, 1927. 303 с.

«Печально что-то и страшно»: впечатления и размышления профессора Московской духовной академии А.Д. Беляева: январь–март 1917 г. / публ. М.И. Одинцова // Исторический архив. 2007. № 5. С. 3–38.

Повседневная жизнь старой русской гимназии. Из дневника словесника Н.Ф. Шубкина за 1911–1915 годы. СПб.: РХГИ, 1998. 672 с.

Россия 1917 года в эго-документах: Дневники / Сост. Н.В. Суржикова. М.: РОССПЭН, 2017. 677 с.

Сидоров А.А. Из записок Московского цензора (1909–1917) // Голос минувшего. 1918. № 1–3. С. 93–114.

Тайны русской души. Дневник гимназистки. М.: Ломоносовъ, 2015.448 с.

Теляковский В.А. Дневники директора Императорских театров. 1913–1917. СПб.; М.: АРТ, 2017. 944 с.

Устрялов Н.В. Былое – революция 1917 г. (1890-е – 1919 гг.): Воспоминания и дневниковые записи. М.: Анкил, 2000. 246 с.

Февральская революция. Мемуары / Сост. С.А. Алексеев. М.: Л.: ГИЗ, 1925. 516 с.

Фибих Д.В. Двужильная Россия: дневники и воспоминания. М.: КоЛибри, 2024. 607 с.

Шаховской В.Н. «Sic transit gloria mundi» (Так проходит мирская слава). 1893–1917 гг. Париж: [б. и.], 1952. 214 с.

Щапов Н.М. Я верил в Россию... Семейная история и воспоминания. М.: Мосгорархив, 1998. 333 с.

Яхонтов А.Н. Первый год войны (июль 1914 – июль 1915 г.). Записи, заметки, материалы и воспоминания бывшего помощника управляющего делами Совета министров / Публ. Р.Ш. Ганелина, М.Ф. Флоринского // Русское прошлое. 1996. № 7. С. 245–348.

Knox A. With the Russian Army, 1914–1917. Vol. 2. London: Hutchinson & Co., 1921. 760 p.

McCullagh F. With The Cossacks. Being The Story of an Irishman who rode with The Cossacks throughout the Russo-Japanese War. London: Eveleigh Nash, 1906. 434 p.

Справочно-статистические материалы

Всеобщий календарь на 1915 год. Пг.: тип. П.П. Сойкина, 1915. 604 с.

Вся кинематография: Настольная справочная книга. 1916. М.: Ж. Чибрарио де Годэн, 1916. 80 с.

Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1916 год. М.: Городская типография, 1915.

Русский биографический словарь. Т. 18: Сабанеев – Смыслов. СПб.: тип. В. Демакова, 1904. 673 с.

Русский биографический словарь. Т. 20: Суворова – Ткачев. СПб.: тип т-ва «Общественная польза», 1912. 600 с.

Статистика произведений печати, вышедших в России в 1913 году. Пг.: тип. МВД, 1915. 114 с.

Статистика произведений печати, вышедших в России в 1914 году. Пг.: тип. МВД, 1915. 113 с.

Статистика произведений печати, вышедших в России в 1915 году. Пг.: тип. МВД, 1916. 99 с.

Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 4-е изд. Т. 4. М.; СПб: Изд-во т-ва М.О. Вольф. 1914.

Энциклопедический словарь. Т. XXXVIIA (74). СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1903. 966 с.

Литература

Авдеев Н.Н. Революция 1917 года: (Хроника событий). В 5-ти т. Т. 1. М.; Пг.: Госиздат, 1923. 222 с.

Агапов В.Л. Последняя война: Россия в Первой мировой войне в зеркале дальневосточной прессы. Владивосток: ДВФУ, 2018. 453 с.

Агеева Е.А. Московская периодическая печать в 1917–1918 годы: проблема взаимодействия с новой властью // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2013. № 3 (11). С. 70–82.

Александров С.А. «Идти по самому краю цензурного обрыва…»: А.В. Амфитеатров в газете «Русская воля» (письмо А.В. Амфитеатрова к М.М.

Гаккебушу (Горелову) от 27 сентября 1916 года) // Русская литература. 2023. № 3. С. 166–178.

Алексеева Е.П. Развитие и становление кинематографа в Казани и Казанской губернии: 1897–1917 гг.: дис. ... к.и.н. Казань: [б. и.], 2004. 219 с.

Алферова И.В., Блохин В.Ф. «Гасильник народного духа»: цензурные ограничения в освещении героизма фронтовиков во время Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2017. № 3 (53). С. 63–84.

Алферова И.В. Военно-цензурные практики в годы Первой мировой войны (на материалах Великого княжества Финляндского) // Вестник Брянского государственного университета. 2022. № 4. С. 7–15.

Алферова И.В. Женская история российской военной цензуры периода Первой мировой войны // Российская история. 2024. № 2. С.115–126.

Амбросьев А.В. Организационно-правовые основы деятельности Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел Российской империи: 1865–1917 гг. Дисс… к.ю.н. М.: [б. и.], 2012. 186 с.

Антонов-Овсеенко А.А. Газеты Петрограда и Москвы в период активной фазы Февральской революции 1917 г. // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2011. № 3. С. 62–73.

Антонов-Овсеенко А.А. Реабилитация военной цензуры и другие итоги Июльского выступления 1917 г. в Петрограде // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2012. № 3. С. 63–70.

Андреев А.М. Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции. М.: Наука, 1975. 343 с.

Аксенов В.Б. Слухи и мифологемы Российской революции: классификация, особенности функционирования, сюжеты // Эпоха войн и революций, 1914–1922. Материалы Международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 9-11 июня 2016 года). СПб.: Нестор-История, 2016. С. 337–350.

Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции, 1914–1918. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 984 с.

Андронов С.А. Большевистская печать в трех революциях. М.: Политиздат, 1978. 343 с.

Антюхин Г.В. Очерки истории печати Воронежского края. 1798–1917. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1973. 282 с.

Арсеньев К.К., Энгельгардт Н.А. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903). СПб.: А.С. Суворин, 1904. 389 с.

Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М.: Новый хронограф, 2014. 736 с.

Асташов А.Б. Фронтовая повседневность российских солдат, август 1914 – февраль 1917 г. Дисс… д.и.н. М.: [б. и.], 2018. 363 с.

Афонасенко И.М. Россия и Япония: война разведок в начале XX в. М.: [б. и.], 2008. 357 с.

Ахун М., Петров В. Голоса из окопов. Солдатские письма 1915–1916 гг. // Красная летопись. 1928. № 1. С. 112–118.

Бажанов Д.А., Бугаев Р.А. Деятельность комиссаров революционных органов власти в Финляндии в период подавления выступления Л.Г. Корнилова // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2020. № 22(1-2). С. 55–65.

Батулин П.В. Военная цензура в период Первой мировой войны и революции 1917–1918 гг.: проблема сущности и преемственности // Проблемы истории, филологии, культуры. 2006. № 16-3. С. 141–155.

Батулин П.В. Создание советской военной цензуры в 1918 году // Военно-исторический архив. 2010. № 2 (122). С. 120–137.

Батулин П.В., Войтиков С.С. Злоупотребление властью в органах Военного контроля. 1918–1919 // Вопросы истории. 2010. № 8. С. 46–55.

Батулин П.В. Создание советской военной цензуры в 1918 г. // Военно-исторический архив. 2010. № 2(122). С. 120–137.

Батулин П.В. Перечни военной цензуры, 1912–1923 гг. // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 4. С. 152–165.

Батулин П.В. Когда советская почтово-телеграфная цензура стала перлюстрацией? // История книги и цензуры в России. Третьи Блюмовские чтения: материалы III международной научной конференции, посвященной памяти Арлена Викторовича Блюма, 27–28 мая 2014 г. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. С. 186–193.

Батулин П.В. Проблемы реорганизации военной цензуры в период Временного правительства // История книги и цензуры в России. Четвертые Блюмовские чтения: материалы IV Международной научной конференции, посвященной памяти Арлена Викторовича Блюма, 2 июня 2015 года. Нижний Новгород: Кварц, 2018. С. 146–175.

Бей Е.В. Военный министр А.А. Поливанов – «генерал от политики». М.: Exercitus, 2020. 591 с.

Белькова Г.И. Петроград – главный центр цензуры в годы Первой мировой войны // Культура. Наука. Образование. 2016. № 2. С. 133–137.

Белов С.В., Толстяков А.П. Русские издатели конца XIX – начала XX в. Л.: Наука, 1976. 172 с.

Бережной А.Ф. Царская цензура и борьба большевиков за свободу печати (1895–1914). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967. 288 с.

Бережной А.Ф. Русская легальная печать в годы Первой мировой войны. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. 152 с.

Блохин В.Ф. Становление и развитие губернской периодической печати в России: вторая треть XIX – начало XX вв. Дисс... д.и.н. СПб.: [б. и.], 2010. 605 с.

Блохин В.Ф. Военная цензура Минского военного округа и начало Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2019. № 3(61). С. 29–43.

Блохин В.Ф. Периодическая печать Англии и России в условиях Первой мировой войны: сравнительный аспект // Новая и новейшая история. 2025. № 6. С. 91–101.

Блюм А.В. Местная книга и цензура дореформенной России (1784–1860). Дисс… к.филол.н. Л.: [б. и.], 1965. 341 с.

Блюм А.В. За кулисами «министерства правды». Тайная история советской цензуры, 1917–1929. СПб.: Академический проект, 1994. 321 с.

Бобровиков В.В. Театр и кино в повседневной жизни населения Петрограда в феврале – октябре 1917 года // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 2 (75). С. 51–59.

Богомолов И.К. Русские подданные в Австро-Венгрии и Германии в июле-октябре 1914 г. // Россия и современный мир. 2017. № 2. С. 143–160.

Богомолов И.К. Американский журналист Стэнли Уошберн на Русском фронте Первой мировой войны // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2020. № 3. С. 78–99.

Богомолов И.К. Первая мировая война в воспоминаниях американского журналиста Стэнли Уошберна // Новая и новейшая история. 2021. № 3. С. 115–129.

Богомолов И.К. Письмо Н.И. Левитского А.И. Лысаковскому о представителях МИД в Петроградской военно-цензурной комиссии. 1916 г. // Вестник архивиста. 2021. № 2. С. 581–592.

Богомолов И.К. Публичные лекции и народные чтения о Первой мировой войне в Московской губернии (1914 – февраль 1917 г.) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2021. № 5. С. 39–54.

Богомолов И.К. Служебные инструкции Московской военно-цензурной комиссии (1914–1916 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. № 4 (102). URL: https://sochum.ru/s207987840006230-2-1/ [дата обращения – 27.08.2025].

Богомолов И.К. «Временное положение о военной цензуре»: проект 1910 г. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2022. № 3. С. 7–24.

Богомолов И.К. Накануне войны: проект «Положения о военной цензуре» 1912 г. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2022. № 4. С. 48–64.

Богомолов И.К. «При просмотре корреспонденции следует обращать внимание...»: Инструкция военным цензорам Петрограда по обнаружению тайной переписки. 1916 г. // Исторический архив. 2022. № 4. С. 177–184.

Богомолов И.К. Архивные документы к биографии представителя «цензорской династии» Российской империи М.А. Лагодовского // Отечественные архивы. 2022. № 4. С. 54–61.

Богомолов И. К. К истории публикации брошюры Н. И. Кареева «Южные славяне и Италия на Адриатике». 1916 г. // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 172–183.

Богомолов И.К. Цензура в Казанском военном округе в 1914 – феврале 1917 гг. // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды [Текст]: сборник статей Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (24–27 октября 2023 г.) / Отв. ред. Ю.А. Петров, М.М. Беклемишева. М.: ИРИ РАН, 2023. С. 166–176.

Богомолов И.К. «Обратить печатное слово в мощного союзника…»: проект премьер-министра И.Л. Горемыкина по преобразованию военной цензуры (1915) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2023. № 6. С. 5–16.

Богомолов И.К. Правила работы военного контроля почтовой корреспонденции в России в 1917 г. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2024. № 1. С. 122–143.

Богомолов И.К. Цензура кинематографа в России в 1898–1914 гг. // Российская история. 2024. № 5. С. 76–91.

Богомолов И.К. Придворная цензура в России в годы Первой мировой войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т.

15. № 12-1 (146). URL: https://sochum.ru/s207987840033774-0-1/ [дата обращения – 27.08.2025].

Богомолов И.К. Кинематографическая цензура в России в годы Первой мировой войны // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2024. Т. 65. № 5. С. 70–96.

Богомолов И.К. Драматическая цензура в России в годы Первой мировой войны // Российская история. 2025. № 1. С. 109–126.

Болебрух А.Г. Борьба русского самодержавия с передовой общественно-политической мыслью во второй половине XVIII в.: на материалах деятельности цензурных органов. Дисс… к.и.н. Днепропетровск, 1972. 203 с.

Большевистская печать. В помощь работникам печати и пропагандистам. М.: Партиздат, 1937. 78 с.

Большевистская печать. Краткие очерки истории. 1894–1917. М.: Госполитиздат, 1962. 568 с.

Бондарева В.В. Повседневная жизнь 431-го Тихвинского пехотного полка в годы Первой мировой войны. Дис… к.и.н. СПб.: [б. и.], 2022. 264 с.

Бондарь В.О. Военная цензура периодических изданий в Российской империи в XIX – начале XX века. Дисс… к.и.н. Владикавказ: [б. и.], 2012. 185 с.

Бордаков М.А. Становление и развитие института цензуры на Дальнем Востоке России в 1901–1917 годах. Дисс… к.и.н. Владивосток: [б. и.], 2018. 215 с.

Боханов А.Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал, конец XIX в. – 1914 г. М.: Наука, 1984. 152 с.

Боцяновский В., Голлербах Э. Русская сатира первой революции 1905–1906 гг. Л.: ГИЗ, 1925. 222 с.

Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. 965 с.

Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М.: Новый хронограф, 2015. 714 с.

Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М.: Наука, 1971. 463 с.

Бутрин М.Л. Цензурные преследования украинской литературы в Галиции 70–90 годов XIX века. Дисс... к. филол. н. Львов: [б. и.], 1970. 255 с.

Васильева О.И., Воронцов В.С. «Могут быть скорые перемены в России»: События 1917 г. в восприятии военнослужащих (по документам старшего военного цензора Казанского военного округа в г. Сарапуле) // Вестник Удмуртского университета. 2017. № 4. С. 597–603.

Ватолин В.А. Синема в Сибири: очерки истории раннего сибирского кино (1896–1917 гг.). Новосибирск: Новосибирский гос. краеведческий музей, 2003. 172 с.

Вахрушева Н.А. Солдатские письма и цензорские отчеты как исторический источник (1915–1917 гг.) // Октябрь в Поволжье и Приуралье (источники и вопросы историографии). – Казань: Изд-во Казанского университета, 1972. С. 67–90.

Вебер Н.И., Суржикова Н.В. «Особенного ничего не было»: Петроград 1917 года в дневнике военного цензора В.В. Суханина // Уральский исторический вестник. 2017. № 3 (56). С. 41–51.

Вертинский Н.С. Газета в России и СССР. XVII–XX вв. М.; Л.: ОГИЗ, 1931. 168 с.

Волковский Н.Л. История информационных войн. В 2 ч. Ч. 2. СПб.: Полигон, 2003. 735 с.

Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 395 с.

Гавриков Ф.А. Голованова С.П. Цензура в городах Курской губернии во время Первой мировой войны // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 4(52).

Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016. 604 с.

Гараев А.И. История формирования литературной репутации М.П. Арцыбашева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2008. № 2. С. 130–134.

Голинков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 1. М.: Политиздат, 1986. 332 с.

Гордеев П.Н. Общественно-политические процессы в государственных театрах России в марте – октябре 1917 года. Дис… доктора ист. наук. СПб.: [б. и.], 2020. 720 с.

Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР в 1917–1991 гг. М.: РОССПЭН, 2002. 397 с.

Гращенкова И.Н. Кино Серебряного века: русский кинематограф 10-х годов и кинематограф русского послеоктябрьского зарубежья 20-х годов. М.: Щербинская типография, 2005. 432 с.

Гребенкин И.Н. Долг и выбор: Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. М.: АИРО-XXI, 2015. 527 с.

Гужва Д.Г. Российская военная периодическая печать в годы Первой мировой войны 1914 – 1918 гг. Дисс… к.и.н. М.: [б. и.], 2008. 220 с.

Дадамян Г.Г. Театр в культурной жизни России в годы Первой мировой войны. М.: ГИТИС, 1987. 76 с.

Дажина И.М. Нелегальная печать большевистской партии в годы Первой мировой войны (конец июля 1914 – февраль 1917 г.) // Сборник научных трудов кафедр истории КПСС и философии. М.: Госторгиздат, 1957. С. 180–223.

Данилов С.С. Очерки по истории русского драматического театра. М.; Л.: Искусство, 1948. 588 с.

Дарнтон Р. Цензоры за работой. Как государство формирует литературу. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 179 с.

Деег Л. Кунст и Альберс Владивосток: История немецкого торгового дома на российском Дальнем Востоке (1864–1924 гг.). Владивосток: Изд-во Примор. полиграфкомбината, 2002. 335 с.

Дейли Дж. Пресса и государство в России (1906 – 1917 гг.) // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 25–45.

Добровольский Л.М. Библиографический обзор дореволюционной и советской литературы по истории русской цензуры // Труды Библиотеки Академии наук СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. Т. 5. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 245–252.

Дубровская Е.В. Российские военнослужащие в Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2024. 455 с.

Дьячков В.Л., Протасов Л.Г. Великая война и общественное сознание: превратности индоктринации и восприятия // Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного коллоквиума). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 58–67.

Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. (1914–1917). Л.: Наука, 1967. 363 с.

Евгеньев В.Е. И.А. Гончаров как член Совета Главного управления по делам печати (по неизданным рукописям) // Голос минувшего. 1916. № 11. С. 117–156.

Евгеньев-Максимов В.Е. Очерки из истории социалистической журналистики в России в XIX в. М.; Л.: ГИЗ, 1927. 265 с.

Емельянов Ю.Н. Что мог знать С.П. Мельгунов о германском золоте // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. Сб. ст. М.: Наука, 1994. С. 275–276.

Есин Б.И. Русская дореволюционная газета. 1702–1917 гг. Краткий очерк. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. 88 с.

Жданов Н. Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. М.: Воен. тип. Всероглавштаба, 1920. 376 с.

Жирков Г.В. Журналистика России: от золотого века до трагедии. 1900–1918 гг. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2014. 381 с.

Запрещенная цензурой статья М. Горького // Красный архив. 1931. Т. 45. С. 81–85.

Зверев В.О. Иностранный шпионаж и организация борьбы с ним в Российской империи (1906–1914 гг.). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 345 с.

Зеленов М.В. Политика аппарата ЦК РКП(б) – ВКП(б) в области цензуры исторической науки в 1919–1929 гг. Дисс… д.и.н. Нижний Новгород: [б. и.], 2000. 774 с.

Зеленов М.В. Цензура: подходы к определению понятия // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 1(31). С. 94–103.

Зеленов М.В. Цензура: понятийный аппарат в энциклопедиях и проблемы построения энциклопедии по истории цензуры // История книги и цензуры в России. Вторые Блюмовские чтения: материалы II междунар. науч. конф., посвящ. памяти А. В. Блюма, 21–22 мая 2013 г. / науч. ред. М. В. Зеленов. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. С. 7–12.

Иванов А.А. «Если газеты будут продолжать мутить народ… закройте все газеты до последней»: правые Государственной думы и Государственного совета о свободе слова (1914–1917) // Научный диалог. 2012. № 9. С. 17–27.

Иванов А.А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху. М.; СПб., 2013. 516 с.

Иванов В. Военная цензура заграничной корреспонденции в годы Первой мировой войны // Филателия. 2007. № 6. С. 41–43.

Иванов В. О цензуре Первой мировой войны // Филателия. 2008. № 1. С. 41–43.

Иванов Д. Нагрудный знак военных цензоров. 1916 // Военная иллюстрация. 1998. № 1. С. 48.

Иванов А.И. Первая мировая война в русской литературе, 1914–1918 гг. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2005. 484 с.

Измозик В.С. «Черные кабинеты». История российской перлюстрации. XVIII – начало XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 693 с.

Игнатьев А.В. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции (Февраль – октябрь 1917 г.). М.: Наука, 1966. 400 с.

Игнатьев А.В. Внешняя политика Временного правительства. М.: Наука, 1974. 440 с.

Иникова С.А. Газета «Русское слово» и цензура (1895–1917 гг.) // Проблемы истории СССР. Вып. 13. М.: [б.и.], 1983. С. 246–259.

История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): Краткий курс. М.: Госполитиздат, 1946. 352 с.

История советского драматического театра. В 6 т. Т. 1 / Отв. ред. К. Рудницкий. М.: Наука, 1966. 407 с.

К. Маркс и царская цензура // Красный архив. 1933. № 61. С. 5–32.

Капшуков С.Г. Борьба большевистской партии за армию в период первой мировой войны. М.: Воениздат, 1957. 164 с.

Карпова В.В. «…он отравляет детскую душу»: учащиеся и российский кинематограф в начале XX в. // История повседневности. 2023. № 1. С. 78–95.

Кирмель Н.С. Спецслужбы России в Первой мировой войне 1914–1918 годов. М.: Кучково поле, 2018. 540 с.

Китайские рабочие на Урале в годы Первой мировой войны. Документы и комментарии / Сост. Е.Ю. Рукосуев, Г.Н. Шумкин, Мин Шен. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2010. 324 с.

Кирьянов Ю.И. Солдатские письма как источник для изучения вопроса о союзе рабочего класса с крестьянством в годы Первой мировой войны (по материалам Юго-западного фронта) // История СССР. 1959. № 2. С. 175–183.

Ковалев И.Ф. Борьба царской цензуры с произведениями Л.Н. Толстого // Советские архивы. 1970. № 4. С. 94–98.

Ковалев И.Ф. Документальные материалы о преследовании царской цензурой произведений К. Маркса и Ф. Энгельса // Советские архивы. 1970. № 6. С. 31–36.

Ковалова А.О. Кинематограф в Петербурге 1896–1917. Кинотеатры и зрители. СПб.: Мастерская СЕАНС, 2011. 236 с.

Ковалова А., Семенов В. Кино, цензура и власть в Петербурге-Петрограде 1890–1910-х годов // Apparatus. Film, Media and Digital Cultures in Central and Eastern Europe. 2017. № 4. URL: https://www.apparatusjournal.net/index.php/apparatus/article/view/36/119 [дата обращения – 20.12.2024].

Козлов Д.Ю. Стратегическое руководство вооруженными силами России в Первой мировой войне: достижения и проблемы // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.) / Отв. ред. А.Н. Артизов, А.К. Левыкин, Ю.А. Петров. М.: ИРИ РАН, 2014. С. 35–42.

Колоницкий Б.И. Борьба с петроградской буржуазной печатью в дни корниловского мятежа // Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 году: Сб. науч. тр. Л.: Наука, 1989. С. 297–304.

Колоницкий Б.И. Советы и контроль над печатью (март – октябрь 1917 г.) // Рабочие и российское общество. Вторая половина XIX – начало XX в. Сб. статей и материалов. СПб.: Глаголъ, 1994. С.151–163.

Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. СПб.: Новое литературное обозрение, 2010. 664 с.

Кондратеня А.В. Военные цензоры в Псковской губернии периода Первой мировой войны // Псков. 2014. № 40. С. 185–199.

Косой М. Военная цензура почтовой корреспонденции Петрограда в период Первой мировой войны // Советский коллекционер. Сб. ст. М., 1986. С. 56–74.

Кострикова Е.Г. Информационная политика российского правительства в годы Первой мировой войны и революции. 1914–1917. М.: Кучково поле, 2024. 414 с.

Котов Б.С. Газета «Речь» в дни июльского кризиса 1914 г. // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 4(37). С. 9–16.

Котович А.Н. Духовная цензура в России (1799–1855 гг.). СПб.: тип. «Родник», 1909. 608 с.

Крашенинникова Н. Цензура Первой мировой войны // Филателия. 2005. № 2. С. 36–37.

Крестьянников Е.А. Женщины-юристы Российской империи накануне и в годы Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. 2023. № 2. С. 68–76.

Кризис самодержавия в России, 1895–1917 / Отв. ред. В.С. Дякин. Л.: Наука, 1984. 664 с.

Куликов С.В. Военная цензура // Россия в Первой мировой войне 1914–1918: Энциклопедия: В 3 тт. Т. 1 / отв. Ред. А.К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 382–385.

Куликова С.А. Конституционный запрет цензуры в Российской Федерации: содержание и проблемы реализации. Дис… д.ю.н. Саратов: [б. и.], 2018. 460 с.

Лаверычев В.Я. По ту сторону баррикад (из истории борьбы московской буржуазии с революцией). М.: Мысль, 1967. 288 с.

Лаврук П.П. Местная военно-цензурная комиссия Петроградского военного округа: защита тайн в годы Первой мировой войны // Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т. 10. Защита информации. СПб., 2014. С. 365–385.

Лаптев А.К. Деятельность полиции и жандармерии Смоленской губернии в годы Первой мировой войны (июль 1914 – март 1917 гг.). Дис... к.и.н. Смоленск: [б. и.], 2018. 225 с.

Летенков Э.В. Из истории политики русского царизма в области печати (1905–1917). Дис… к.и.н. Л.: [б. и.], 1974. 159 с.

Летенков Э.В. «Литературная промышленность» России конца XIX – начала XX века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 173 с.

Лихоманов А.В. Борьба вокруг нового закона о печати в Государственной думе IV созыва // Книжное дело в России в XIX – начале XX века. Спб.: Российская национальная библиотека, 2006. С. 7–30.

Львова М.В. Революционные демократы и цензурная политика правительства в годы первой революционной ситуации в России. Дисс… к.и.н. Л.: [б. и.], 1950. 407 с.

Лыкова Д.А., Перегудова З.И. «Сегодня мы узнали, что Германия объявила войну России». Перлюстрации писем Департаментом полиции МВД Российской империи в 1914 г. // Исторический архив. 2014. № 6. С. 158–173.

Мальков А.А. Деятельность большевиков среди военнопленных русской армии (1915–1919). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1971. 271 с.

Мартынов Е.И. Царская армия в Февральском перевороте. Л.: Изд. воен. тип. Упр. дел. Наркомвоенмор и РВС СССР, 1927. 212 с.

Махонина С.Я. Русская дореволюционная печать (1905–1914). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. 205 с.

Минц И.И. История Великого Октября. В 3 т. Т. 1. М.: Наука, 1967. 930 с.

Миролюбов А.А. Документы по истории Департамента полиции периода Первой мировой войны // Советские архивы. 1988. № 3. С. 80–83.

Миронова И.С. Военная цензура почтовой корреспонденции Одесского почтово-телеграфного округа в период Первой мировой войны // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 1. С. 54–57.

Митрофанов Н.Н. Новая роль российского радио в 1917 г. // Российская история. 2018. № 3. С. 59–76.

Михайлов В.П. Рассказы о кинематографе старой Москвы. М.: Материк, 2003. 277 с.

Москвин В.А. Цензура и распространение иностранных изданий в Москве: Вторая половина XIX – начало XX в. Дисс… к.и.н. Тверь: [б. и.], 2004. 245 с.

Морев Е.А. Санкт-Петербургское (Петроградское) телеграфное агентство (1902–1917). Дисс … к.и.н. СПб.: [б. и.], 2024. 265 с.

Муравьев А.Л. Подозрительные ленты. Цензура в раннем русском кино // Мавродинские чтения. Сб. ст. / Под ред. Ю.В. Кривошеева, М.В. Худякова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 235–239.

Нарский И.В. «Я как стал средь войны жить, так и стала мне война, что дом родной…». Фронтовой опыт русских солдат в «германской» войне до 1917 г. // Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. / редкол. И.В. Нарский и др. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 488–502.

Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума, 27 февраля – 3 марта 1917 г. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. 695 с.

Ничков Е.А. Отчеты военно-цензурной комиссии Омского военного округа как источник по истории российского плена в 1914–1917 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 6(68). Ч. 2. С. 145–148.

Новомбергский Н.Я. Освобождение печати во Франции, Германии, Англии и России. СПб.: типо-лит. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1906. 303 с.

Окороков А.З. Октябрь и крах русской буржуазной прессы. М.: Мысль, 1970. 414 с.

Омельченко К. Большевистская печать. М.: Госполитиздат, 1939. 102 с.

Орлов Б.П. Полиграфическая промышленность Москвы: Очерк развития до 1917 г. М.: Искусство, 1953. 312 с.

От имперской к советской и постсоветской государственности: декларируемый разрыв или реальная преемственность? / Отв. ред. А.Н. Медушевский, И.К. Богомолов. М.: ИНИОН РАН, 2024. 380 с.

Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. СПб.: Северная звезда, 2013. 619 с.

Питерские рабочие в борьбе с контрреволюцией в 1917–1918 гг. Сб. ст. / Отв. ред. Г.Л. Соболев. М.: Наука, 1986. 238 с.

Полусмак Т.В. Цензурное законодательство дореволюционной России. Дисс… к.ю.н. Нижний Новгород: [б. и.], 2003. 194 с.

Полянская Л.И. Архивный фонд Главного управления по делам печати: обзор // Литературное наследство. Т. 22–24. М.: Журнально-газетное объединение, 1935. С. 603–634.

Полянская Л.И. Обзор фонда Центрального комитета цензуры иностранной // Архивное дело. 1938. № 1. С. 62–116.

Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург: УрО РАН, 2000. 414 с.

Потапов Н.М. Печать и война. М.; Л.: Гос. воен. изд-во, 1926. 82 с.

Протасов Л.Г. Важный источник по истории революционного движения в царской армии перед Февральской революцией // Источниковедческие работы. Вып. 1. Тамбов: [б. и.], 1970. С. 3–18.

Протасов Л.Г. Источниковедческие аспекты истории революционного движения в русской армии в 1917 году // Источниковедческие работы. Вып. 3. Тамбов: [б. и.], 1973. С. 3–32.

Пшеничная М.А. Государственная политика в области цензуры печати в России XIX – начала XX веков. Дисс… к.и.н. Ставрополь: [б. и.], 2002. 205 с.

Разложение армии в 1917 году. М.; Л.: ГИЗ, 1925. 189 с.

Революционное движение в 1917 году и установление Советской власти в Молдавии. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1964. 632 с.

Рейфман П.С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России: в 2 т. Т. 1. Вып. 3: 1855–1917 гг. М.: Пробел-2000, 2017. 304 с.

Розенберг В.А., Якушкин В.Е. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. М.: изд. М. и С. Сабашниковых, 1905. 250 с.

Ромайкина Ю.С. Сборники «Земля» как «московская вариация» петербургского «Шиповника» // Вопросы литературы. 2021. № 4. С. 215–238.

Романенко А.И. Хроника иркутского кино. 1897–1917. Иркутск: Изд-во Иркутского национального исследовательского технического университета, 2022. 162 с.

Россоловская В.С. Русская кинематография в 1917 г. М.; Л.: Искусство, 1937. 200 с.

Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917. Большевистские и общедемократические издания / Отв. ред. Б.А. Бялик. М.: Наука, 1984. 352 с.

Русская периодическая печать (Общие и отраслевые библиографические указатели. 1703–1975): Аннотированный указатель / Н.Ф. Андреева, М.В. Машкова. М.: Книга, 1977. 183 с.

Русская стихотворная сатира 1908–1917-х годов / сост. И.С. Эвентов. Л.: Советский писатель, 1974. 734 с.

Рыбалко В.П. Информационная политика правительства России: 1905 – февраль 1917 гг. Дисс... к.и.н. СПб.: [б. и.], 2002. 190 с.

Рябая С.А. Письма из действующей армии в Вятскую губернию как источник изучения истории Первой мировой войны // Вестник архивиста. 2012. № 3. С. 65–73.

Салтык Г.А., Строева А.А. Первая мировая война: к истории военной цензуры // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3-1. С. 29–33.

Селезнев Ф.А. Вопрос о сепаратном мире между Россией и Германией в материалах перлюстрации (1916 г.) // Петербургский исторический журнал. 2015. № 4. С. 249–259.

Селезнев Ф.А. Воззвание великого князя Николая Николаевича к полякам 1(14) августа 1914 года // Славяноведение. 2017. № 5. С. 28–41.

Семенова Е.Ю. Периодическая печать и цензура в годы Первой мировой войны как фактор формирования менталитета российского общества (по материалам Поволжских губерний) // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. 2008. № 1. С. 71–85.

Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 382 с.

Серов Д.В. Цензура почтовой корреспонденции из действующей армии в годы Первой мировой войны (письма как показатель настроений солдатской массы) // Новые век: история глазами молодых. Сб. науч. тр. Вып. 1. Саратов: [б. и.], 2003. С. 219–230.

Сиповский В.В. Из прошлого русской цензуры // Русская старина. 1911. № 3. С. 471–484.

Сквирская Л.М. Краткий очерк истории журналистики на Дальнем Востоке в XIX – начале XX века. Владивосток: [б. и.], 1971. 45 с.

Смирнов С.В. Легальная печать в годы первой русской революции. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. 192 с.

Соболев А.Л. Русский модернизм и цензура: заметки к теме // Филологические науки. Доклады высшей школы. 2024. № 1. С. 78–94.

Соболев А.Л. Мемуары Виктора Мозалевского // Литературный факт. 2019. № 2 (12). С. 99–144.

Соболев Г.Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 году: период двоевластия. Л.: Наука, 1973. 330 с.

Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции / Отв. ред. В.П. Наумов. М.: Наука, 1981. 293 с.

Сойфер Д.И. Революционное движение солдат в Туркестане (1903–1918). Ташкент: Узбекистан, 1969. 240 с.

Солдатские письма 1917 года / подгот. к печ. О.Н. Чаадаевой. М.; Л.: Госиздат, 1927. 172 с.

Сочинения К. Маркса в русской цензуре // Дела и дни. 1920. № 1. С. 321–345.

Сопова А.П. Правовое регулирование периодической печати в Российской империи в начале XX века. Дис… к.и.н. М.: [б. и.], 2021. 294 с.

Спиридонова Л.А. Русская сатирическая литература начала XX века. М.: Наука, 1977. 303 с.

Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л.: Наука, 1977. 270 с.

Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства. Л.: Наука, 1980. 256 с.

Старцев В.И. Крах керенщины. Л.: Наука, 1982. 272 с.

Стогов Д.И. Правые салоны и кружки и проблема их влияния на властные структуры Российской империи (1914 – февраль 1917 г.). Дисс… д.и.н. СПб.: [б. и.], 2025. 610 с.

Сухова О.А. «И будут летать огненные скорпионы»: Образы I мировой войны в сознании современников (по материалам Пензенской губернии) // Исторические записки. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 8. Пенза: Пенз. гос. пед. ун-т им. В.Г. Белинского, 2004. С. 237–250.

Тарабара Д.О. Правительственные проекты модернизации российского государства (1906–1917 гг.): нереализованный потенциал эволюционного развития. Дисс … к.ю.н. СПб.: [б. и.], 2025. 592 с.

Тарасова В.В. Очерки русской культуры. Начало XX века. М.: РОССПЭН, 2022. 806 с.

Театральное наследство. Сообщения, публикации. Т. 1. М.: Искусство, 1956. 558 с.

Трибунский П.А. Как Рязанская губерния узнала о Февральской революции // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды / Отв. ред. А.Б. Николаев. СПб.: Астерион, 2023. С. 106–117.

Трубецкой Б.А. Из истории периодической печати Бессарабии. 1854–1926. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1968. 271 с.

Удмуртский край в годы Первой мировой войны / общ. ред. А.Е. Загребина и Н.В. Тойкиной. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2014. 256 с.

Федяхина Е.Г. Драматическая цензура в 1914–1916 гг. // Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. Вып. 8. СПб.: Российская национальная библиотека, 2017. С. 187–196.

Федоров Ф.Ф. Фонд Алатырского военного цензора – исторический источник для изучения настроения солдат русской армии в Первой мировой войне // Чувашия в годы Первой мировой войны. Сб. ст. Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1985. 79 с.

Харатян А.А. Армянская поэзия в делах Кавказского цензурного комитета, 1848–1905 гг. Дисс... к. филол. н. Ереван: [б. и.], 1950. 406 с.

Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного коллоквиума). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 83–101.

Хранилов Ю.П. «Что им за дело до чужих писем, когда брюхо сыто?». Военная цензура Вятской губернии в борьбе за победу над германцами // Военно-исторический журнал. 1997. № 2. С. 22–29.

Хранилов Ю.П. Военная цензура // Энциклопедия земли Вятской. В 10 т. Т. 4. Киров: Дом печати – Вятка, 1995. С. 328–337.

Хромов О.Р. Цензор и религиозный лубок в России // Книжное знание в отечественной культуре XVIII – XX веков. Сб. ст. М.: РГБ, 1994. С. 87–99.

Хутарев-Гарнишевский В.В. Отдельный корпус жандармов и Департамент полиции МВД: органы политического сыска накануне и в годы Первой мировой войны, 1913–1917 гг. Дисс… к.и.н. М.: [б. и.], 2012. 369 с.

Царская армия в период мировой войны и Февральской революции (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны) / Под ред. А. Максимова. Казань: Татиздат, 1932. 238 с.

Царская цензура о произведениях Фр. Энгельса / сост. М. Лурье, Л. Полянская // Историк-марксист. 1935. № 8–9. С. 61–89.

Цензурные материалы о Щедрине / предисл. В.Е. Евгеньева-Максимова // Литературное наследство. 1934. Т. 13–14. С. 97–170.

Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.). Критические очерки / Отв. ред. Н.А. Смирнов. М.: Наука, 1967. 336 с.

Цумарева Е.П. О деятельности военной цензуры Российской империи в сфере перлюстрации писем во время Первой мировой войны // Вестник РГГУ. Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. 2024. № 2. С. 71–86.

Чаадаева О.Н. Солдатские письма в годы мировой войны (1915–1917 гг.) // Красный архив. 1934. Т. 65–66. С. 118–163.

Чаадаева О.Н. Армия в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции // Красный архив. 1937. Т. 84. С. 135–187.

Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М.: Мысль, 1976. 318 с.

Черняев В.Ю. К изучению эпистолярных источников начала XX в. (контроль почтовой переписки) // Проблемы отечественной истории. Сб. ст. аспирантов и соискателей. Ч. 1. М.; Л., 1976. С. 134–155.

Чернышов А.В. Кино и религия. Ч. 1. Из истории взаимоотношений русского православия с кинематографией, 1897–1977. Липецк: Липец. обл. орг. о-ва «Знание» РСФСР, 1977. 96 с.

Чолдин М.Т. Империя за забором: История цензуры в царской России. М.: Рудомино, 2002. 309 с.

Шайпак Л.А. Борьба политических партий России за армию в начале XX века: на материалах Среднего Поволжья. Дисс... д.и.н. Чебоксары: [б. и.], 2015. 532 с.

Шамрай Д.Д. Из истории цензурного режима Екатерины II: архивно-библиографические разыскания (1762–1783). Дисс… к.и.н. Л.: [б. и.], 1947. 251 с.

Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М.: РОССПЭН, 2015. 863 с.

Щебальский П.К. Исторические сведения о цензуре в России. СПб.: тип. Морского министерства, 1862. 133 с.

Эйдеман Р., Меликов В. Армия в 1917 году. М.; Л.: Госиздат, 1927. 103 с.

Эльяшевич Д.А. Правительственная политика и еврейская печать в России, 1797–1917. Очерки истории цензуры. СПб.; Иерусалим: Мосты культуры: Гешарим, 1999. 790 с.

Янгиров Р.М. Другое кино. Статьи по истории отечественного кино первой трети XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 409 с.

Ячевский С.И. Цензурная политика царского правительства в пореформенный период: Вторая половина XIX – начало XX вв. Дисс… к.и.н. М.: [б. и.], 2002. 202 с.

Althusser L. Lenin and Philosophy and other Essays. New York, London: Monthly Review Press, 1971. 272 p.

Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge: Harvard University Press, 1991. 151 p.

Balmuth D. Censorship in Russia, 1865–1905. Washington: University Press of America, 1979. 249 p.

Bogomolov I.K. Bernard Pares as a British War Correspondent on the Russian Front in 1914 // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2020. № 3. С. 119–139.

Bunn M. Reimagining Repression: New Censorship Theory // History and Theory. 2015. Vol. 54. № 1. P. 26–44.

Boyer D. Censorship as a Vocation: The Institutions, Practices, and Cultural Logic of Media Control in the German Democratic Republic // Comparative Studies in Society and History. 2003. Vol. 45. №. 3. P. 511–545.

Demm E. Censorship and Propaganda in World War I: A Comprehensive History. London: Bloomsbury Academic, 2019. 348 p.

Choldin M. A Fence around the Empire: Russian Censorship of Western Ideas under the Tsars. Durham: Duke University Press, 1985. 281 p.

Foote I.P. The St. Petersburg Censorship Committee, 1828–1905 // Oxford Slavonic Papers. Vol. 24. 1991. P. 60–120.

Foucault M. The History of Sexuality Vol. I: An Introduction. New York: Pantheon books, 1978. 176 p.

The Encyclopedia of Censorship / Ed. By J. Green. New York: Facts on File, 1990. 698 p.

Daley J.W. Government, Press, and Subversion in Russia, 1906–1917 // Journal of the Historical Society. 2009. Vol. 9. № 1. P. 23–65.

Ideology / Ed. by T. Eagleton. London, New York: Longman, 1994. 317 p.

McLaughlin G. The War Correspondent. London: Pluto Press, 2002. 240 p.

Rolesgaard N.T., Sweeney I.S. Journalism and the Russo-Japanese War: The End of the Golden Age of Combat Correspondence. Lanham: Lexington Books, 2019. 260 p.

Rosenberg W.G. Reading Soldiers' Moods: Russian Military Censorship and the Configuration of Feeling in World War I // The American Historical Review. 2014. Vol. 119. № 3. P. 714–740.

Ruud C. Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804–1906. Toronto: University of Toronto Press, 1982. 327 p.

Smith-Peter S. The Russian Provincial Newspaper and its Public, 1788–1864. Pittsburgh: Center for Russian and East European studies, 2008. 60 p.

Smith J.T. Russian Military Censorship during the First World War // Revolutionary Russia. 2014. Vol. 14. № 1. P. 71–95.

Sumpf A. The Broken Years: Russia's Disabled War Veterans, 1904–1921. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. 320 p.

Winkler J. Information Warfare in World War I // Journal of Military History. 2009. Vol. 73. № 3. P. 846–857.

Wortham S. Multiple Submissions and Little Scrolls of Parchment: Censorship, Knowledge, and the Academy // New Literary History. 1997. Vol. 28. № 3. P. 501–523.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи

ВКГД – Временный комитет Государственной думы

ВЦК – Военно-цензурная комиссия

ВЦО – Военно-цензурное отделение

ГАКК – Государственный архив Красноярского края

ГАКО – Государственный архив Калужской области

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАСО – Государственный архив Смоленской области

ГАТ – Государственный архив в г. Тобольске

ГВЦК – Главная военно-цензурная комиссия

ГУГШ – Главное управление Генерального штаба

ГУДП – Главное управление по делам печати

ГУПТ – Главное управление почт и телеграфов

МВЦК – Московская военно-цензурная комиссия

МВРК – Московский военно-революционный комитет

МИДв – Министерство императорского двора и уделов

МКДП – Московский комитет по делам печати

НИАБ – Национальный исторический архив Беларуси

НИАБГр – Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно

ПВЦК – Петроградская военно-цензурная комиссия

ПКДП – Петроградский комитет по делам печати

РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-Морского Флота

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

РГИА – Российский государственный исторический архив

РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН

РОКК – Российское общество Красного Креста

СПбГТБ ОРиРК – Санкт-Петербургская государственная театральная библиотека. Отдел редкой книги, рукописных, архивных и изобразительных материалов

ФВЦК – Финляндская особая военно-цензурная комиссия

ЦГА Москвы – Центральный государственный архив г. Москвы

ЦГАКФФД СПб – Центральный государственный архив кинофотофонодокументов г. Санкт-Петербурга

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга